

М 9
13
Издание Крестовоздвиженскаго Трудового Братства.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
Н. Н. НЕПЛЮЕВА.

Томъ V.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. А. Тиханова, Садовая, № 27.
1908.

М 9/13.

Издание Крестовоздвиженскаго Трудового Братства.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
Н. Н. НЕПЛЮЕВА.

Томъ V.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. А. Тиханова, Садовая, № 27.
1908.

Отъ Трудового Братства.

Выслушавъ въ рядѣ братскихъ собраній послѣдовательное чтеніе всѣхъ отчетовъ Блюстителя, накопившихся до сихъ поръ, для рѣшенія вопроса о томъ, желаемъ ли мы ихъ напечатанія, мы пришли къ убѣжденію, что сдѣлать это является для насъ долгомъ совѣсти и братолюбія.

Эти отчеты содержатъ въ себѣ правдивое и яркое изображеніе всего нами пережитаго на пути созиданія жизни и труда на братскихъ началахъ. Сознвая себя органическою частью всего человѣчества, мы сознаемъ и то, что опытъ нами пережитаго, пережить въ насъ всѣмъ человѣчествомъ, ему принадлежитъ и потому долженъ стать его достояніемъ.

Отчеты эти мы издаемъ послѣдующими томами полного собранія сочиненій перваго Блюстителя и основателя нашего Трудового Братства, передаваго намъ свои авторскія права и радуемся тому, что появляясь въ печати, какъ изданіе Братства, они пріобрѣтаютъ характеръ честной, всенародной исповѣди нашей и всенароднаго покаянія за все человѣчество, въ насъ, на отношеніяхъ нашихъ къ Богу, правдѣ и дѣлу Его, выказавшаго всю силу своей грѣхovitости и своего грѣхолюбія, какъ только отъ словъ и мечтаній о добрѣ, мы перешли къ практическому дѣлу осуществленія добра въ жизни. Это придаетъ отчетамъ о жизни нашей значеніе зеркала, въ которое человѣчество можетъ себя увидать и при доброй волѣ лучше понять и оцѣнить свое настроеніе и отношеніе къ Богу и жизни.

Въ этихъ отчетахъ совершенно опущена цѣлая область отношеній къ нашему Трудовому Братству, какъ цѣлыхъ вѣдомствъ и словій, такъ и отдѣльных ихъ представителей, отношеній, по своему

характеру иногда оказывавших большое влияние на нашу жизнь, на судьбы нашего дѣла и нами переживаемое, отношенія, часто высоко поучительныя. Совсѣмъ не говоря о нихъ, авторъ руководствовался тѣмъ, что надо говорить все, или совсѣмъ не говорить, безъ чего сказанное не можетъ имѣть характера полной правдивости. Это вынудило совсѣмъ не говорить о томъ, о чемъ сказать все онъ не находить ни возможнымъ, ни желательнымъ. Мы вполне сочувствуемъ ему въ этомъ, тѣмъ болѣе, что опущенное касается не насъ и нашей жизни, а отношеній къ намъ другихъ и слѣдовательно ни мало не вліяетъ на полноту и правдивость исповѣди нашей.

Печатаая эти отчеты, мы даемъ возможность читателямъ шагъ-за-шагомъ пережить вмѣстѣ съ нами живую жизнь нашу, многое вмѣстѣ съ нами передумать и почувствовать.

Изданіе этихъ отчетовъ въ настоящее время мы находимъ особенно своевременнымъ. Каждый вдумчивый читатель легко убѣдится въ томъ, что все Отечество наше переживаетъ въ настоящее время черную годину, во многомъ тождественную съ пережитымъ нашимъ Братствомъ въ апрѣлѣ 1900 года.

Да будетъ же исповѣдь наша Господу во славу, Церкви, Отечеству и всему человѣчеству на пользу!

Трудовое Братство.

II.

Отъ составителя отчетовъ.

Братья о Христѣ!

Братья о Богѣ!

Братья по человѣчеству!

Безразлично, христіане, деисты, гуманисты или ни во что, кромѣ себя и своего человѣческаго разума не вѣрующіе! Для всѣхъ печатаемые отчеты имѣютъ значеніе „человѣческихъ документовъ“, зеркала, въ которое человѣчество можетъ посмотреть на себя и понять истинный характеръ своего душевнаго облика. Всякій безпристрастный человѣкъ, я въ томъ не сомнѣваюсь, признаетъ жизненное значеніе этихъ „человѣческихъ документовъ“ для самопознанія, а можетъ быть и для самоотрезвленія въ такую эпоху, когда человѣчество обезумѣло отъ гордости, страдаетъ маніей величія и благодаря тому, съ истинно психопатическою самоувѣренностію и жестокостію предается грубой борьбѣ, желая силою навязать свои убѣжденія и свою волю, съ тупою самоувѣренностію самовлюбленнаго бѣсноватаго, убѣжденнаго въ безграничности своихъ правъ и въ полномъ отсутствіи для себя всякихъ нравственныхъ обязанностей.

Въ своей жестокой самоувѣренности, человѣчество одержимо въ настоящее время психозомъ разрушенія. Оно желаетъ все разрушить, что было создано прежними поколѣніями, не только безъ малѣйшихъ признаковъ любви и уваженія къ этому прошлому, но именно въ духѣ горделиваго презрѣнія ко всему, что было до нихъ, съ тупою жестокостію дикаго звѣря, готоваго растерзать все, что дорожитъ этимъ прошлымъ и сомнѣвается нѣ цѣлесообразности разрушенія стараго зданія на головы въ немъ живущихъ, не только не выстроивъ новаго зданія, но и не убѣдивъ живущихъ въ старомъ зданіи въ желательности покинуть это старое зданіе и перейти въ новое, сознавая его преимущества.

Въ своей безграничной самоуверенности, человечество все болѣе и болѣе предается маніи разрушенія, не допуская сомнѣнія въ томъ, что когда все будетъ разрушено, это же человечество, въ пылу разрушительной борьбы, жившее злобою, привившее себѣ привычки зависти, корысти, гордости и самовольства, станетъ тотчасъ способнымъ дружно и мирно созидать на развалинахъ прошлаго, въ духѣ единомыслія и единодушія, новый строй, осуществляющій идеаль мирнаго благоденствія для всѣхъ. Психозъ заразителенъ. Человѣчество переживаетъ настоящую эпидемію этого наивнаго бреда на почвѣ ни на чемъ не основанной горделивой самоуверенности.

Дѣло Трудового Братства есть простая логика того, что въ теченіе вѣковъ проповѣдывалось въ храмахъ, тѣхъ идеаловъ разумной солидарности и мирнаго благоденствія, къ которымъ лучшіе представители науки призывали съ высоты кафедръ. Отъ словъ мы перешли къ дѣлу. Высоко поучительно для человечества, какъ оно въ насъ себя проявило на этомъ дѣлѣ, когда отъ мечтаній и словъ перешли къ практическому осуществленію идеаловъ вѣры и гуманизма, къ практическому осуществленію ихъ въ собственной жизни, отъ бесплодной позы ревнителей добра, призывающихъ къ нему другихъ, сами не осуществляя ту правду, которую проповѣдуютъ, къ требованію отъ самихъ себя быть исполнителями этой правды, дѣломъ проповѣдуя ея высшую разумность и практическую осуществимость.

То, какъ проявляло себя человечество на этомъ мирномъ дѣлѣ мирнаго созиданія добра въ тѣхъ представителяхъ своихъ, которыхъ, по сравненію съ громаднымъ большинствомъ человечества, можно назвать исключительно духовно трезвыми, я считаю себя въ правѣ назвать высоко поучительнымъ „человѣческимъ документомъ“. Дѣйствительно, Братство состоитъ изъ бывшихъ воспитанниковъ и воспитанницъ нашихъ школъ, старательно воспитанныхъ нами въ духовной трезвости, не опьяненныхъ угаромъ безпринципной борьбы и разнузданныхъ страстей и людей, пришедшихъ со стороны, убѣгая въ оазисъ Трудового Братства именно отъ этого угара грубой борьбы, отъ которой они и желали обособиться въ силу своей исключительной духовной трезвости, дѣлавшей для нихъ настолько тягостнымъ постоянное общеніе съ буйною толпой духовно пьяныхъ людей, что они чувствуютъ себя на свободѣ въ Трудовомъ Братствѣ, требующемъ отъ нихъ безконечно большаго самоограниченія, нежели разгулъ анархіи окружающей жизни.

То, сколько эти, исключительно духовно трезвые представители человечества, проявили анти-идеальныхъ и анти-соціальныхъ ин-

стинктовъ, говоря языкомъ христіанскимъ,—грѣховности и грѣхолюбія, можетъ служить поучительною мѣрою того, какую высокою степень грѣховности и грѣхолюбія, анти-идеальныхъ и анти-соціальныхъ инстинктовъ проявить на дѣлѣ созиданія новой, лучшей жизни на развалинахъ прошлаго, люди, духовно опьяненные грубою борьбою, совсѣмъ не склонные ни каяться, ни стремиться къ духовному преображенію, вопліи самодовольные въ гордости, злобѣ, своеволіи, зависти, жестокости и мстительности. Только люди, безнадёжно духовно ослѣпшіе не поймутъ, что это „лучшее будущее“, создаваемое этимъ злымъ путемъ жестокаго разрушенія и грубаго насилія, не только не будетъ лучше той вѣковой рутинны, которую разрушили, не только не можетъ имѣть характера всеобщаго мирнаго благоденствія, но неизбежно будетъ сплошнымъ ужасомъ и сплошнымъ позоромъ глупой и грубой анархіи пьяной оргіи. Даже духовно пьяные гордынею и злобою, но недошедшіе еще до состоянія неисцѣлимо душевно больныхъ, страдающихъ маніей величія, отрезвѣютъ, я въ этомъ увѣренъ, если въ трезвую минуту вдумчиво отнесутся къ исповѣди нами пережитаго и поймутъ жизненное значеніе этихъ „человѣческихъ документовъ“, тѣмъ болѣе поучительныхъ, что они касаются исключительно духовно трезвыхъ представителей человечества, проявившихъ себя на дѣлѣ мирнаго созиданія добра при исключительно благопріятныхъ условіяхъ.

Чтобы не ввести читателя въ заблужденіе, считаю нужнымъ напомнить ему, что въ Трудовомъ Братствѣ и школахъ его нравственныхъ требованія настолько возвышены сравнительно съ окружающею насъ жизнію, насколько они должны будутъ быть повышены и всѣмъ человечествомъ, если, послѣ періода борьбы и разрушенія, оно захочетъ приступить къ мирному созиданію добра. Изъ этого слѣдуетъ, что не надо, когда я говорю о немощахъ и грѣхахъ членовъ Братства, думать, что эти грѣхи и немощи выражаются въ такихъ же грубыхъ формахъ, какъ и внѣ Братства. Люди которыми въ Братствѣ были основательно недовольны, которые измѣнили Братству, или были изъ него выключены въ качествѣ вредной и даже смертельной закваски, которую Братство не могло благоразумно терпѣть въ своей средѣ, внѣ Братства, обыкновенно, оказывались, не только скромными и полезными, но и, сравнительно съ большинствомъ, людьми, духовно облагороженными. Изъ этого слѣдуетъ, что именно эти повышенныя требованія станутъ нормальными и для всѣхъ тѣхъ, которые съ пути борьбы и разрушенія захотятъ перейти на путь мирнаго созиданія.

Мы не печатали наших отчетов до тех пор, пока опыт наш не стал в известном смысле законченным и тем приобрел характер обще-полезности. Пока немощи наши были еще так велики, что большинство болѣе тормозило и разрушало, нежели созидало, в картинѣ этихъ немощей естественно не могло быть опыта созиданія, хотя уже былъ поучительный опытъ человѣческой грѣховности и человѣческаго грѣхолюбія. Теперь, когда мы воспитались на дѣлѣ мирнаго созиданія добра и большинство изъ насъ убѣдилось одновременно и въ немощности своей и въ безмѣрной силѣ Божіей, всякую немощь нашу превышающей, отдало себя въ руку Божію, смирило себя передъ Господомъ до искренняго желанія быть достойнымъ Его и Господь возвышаетъ его постоянно преображая путемъ духовнаго роста все къ большей и къ большей разумной правдѣ ума, сердца и жизни на пути тройнаго подвига вѣры, любви и труда, опытъ нашъ получилъ двойную жизненную цѣнность, не только отрицательную—доказательнаго опыта человѣческой грѣховности, но и положительнаго, радостнаго, столь же доказательнаго опыта милосердія, долготерпѣнія и безмѣрной силы Божіей, могущей въ короткое время преобразить умы, сердца и жизнь, какъ только человечество смиритъ себя до искренняго желанія быть достойнымъ Божиимъ. на мѣсто позорнаго кумира собственнаго „я“, увѣруетъ въ Бога Живого и, отрезвившись отъ угара самообожанія, трезво пойметъ свое мѣсто въ мірозданіи, все надежды свои возложитъ на Творца міра, перестанетъ, рѣшая задачи жизни, глупо игнорировать главное условіе правильнаго и разумнаго рѣшенія этихъ задачъ—Высшій Разумъ міра и его Высшую Любовь, станетъ способнымъ по свободному изволенію вѣрующаго и любящаго духа быть причастникомъ благодати, причастникомъ Божіей силы разумнѣнія и любви, какъ станетъ современемъ причастникомъ святой гармоніи царства Божія, Его жизни, Его всевѣдѣнія, всемогущества и славы.

И тотъ и другой опытъ нашъ, являють собой одинаково цѣнные „человѣческіе документы“, какъ для приверженцевъ рутины, того, рутиннаго пониманія вѣры, при которомъ считали возможнымъ вѣрить, не осуществляя правду вѣры въ жизни, вѣрить въ Бога—любовь, не упорядочивая любовь ни умы, ни сердца, ни жизнь и темъ подготовили ужасъ и позоръ нами переживаемаго, такъ и для тѣхъ, кто на мѣсто Бога Живаго обоготворилъ свое „я“ и въ лицѣ его—человѣчество, считая для себя все дозволеннымъ, за собою не признавая никакихъ нравственныхъ обязанностей, стремится къ без-

граничной свободѣ, не желая понять, что свобода невозможна безъ добровольной дисциплины любви къ ближнимъ при свѣтѣ любви къ Богу всемія разумнѣемъ, кто готовъ жестоко разрушать старое зданіе на головы въ немъ живущихъ, съ горделивою увѣренностію, что на развалинахъ стараго онъ легко создастъ новое, лучшее, одними силами своего человѣческаго ума и своей человѣческой воли, не предвидя, что при такихъ обстоятельствахъ это „новое“ будетъ не мирнымъ благоденствіемъ для всѣхъ, а бѣдшимъ ужасомъ и бѣдшимъ позоромъ, чѣмъ та вѣковая рутина, изъ ненависти къ которой наполнили міръ злобою, залили его кровью и сами такъ долго жили злобою, ложью и насиліемъ!

Если для разрушительныхъ элементовъ современнаго общества особенно полезно въ опытѣ нашемъ познать истинные размѣры человѣческой грѣховности и человѣческой немощи, для слѣпыхъ приверженцевъ вѣковой рутины, не менѣе полезно въ опытѣ нашемъ познать истинные размѣры силы благодати Божіей, при живой вѣрѣ въ которую, они не могли бы такъ долго косить въ позорѣ жизни, ни въ чемъ съ вѣрою не согласованной, не могли бы отвергнуть верховный завѣтъ христіанскаго откровенія о любви къ ближнимъ при свѣтѣ любви къ Богу всемія разумнѣемъ и оклеветать вѣру въ той мѣрѣ, какъ они это сдѣлали, не упорядочивъ любовь ни умы, ни сердца, ни жизнь, являя собою позоръ очевидной безблагодатности, выдавая себя притомъ за правовѣрныхъ христіанъ.

Эту двойную пользу мы могли принести нашимъ братьямъ по человечеству, печатаая эти „человѣческіе документы“, только теперь, когда наше Трудовое Братство, переживъ періодъ дѣтской невмѣняемости, черную годину борьбы добра со зломъ и періодъ спасительнаго покаянія остатка вѣрныхъ, вступило на путь сознательнаго служенія на дѣло Божіе, не въ себя, а въ Бога вѣруя, не на себя, а на Бога надѣясь.

Теперь намъ приходится разомъ печатать такой богатый матеріалъ „человѣческихъ документовъ“, что онъ займетъ не одинъ, а два или три тома. Первый томъ поэтому не представитъ собою законченное цѣлое, о чемъ я и нахожу полезнымъ предупредить читателя.

Да будутъ же, печатаемые нами „человѣческіе документы“, всемія во благо, а не въ судъ и не во осужденіе.

Н. Неплюевъ.

III.

Вмѣсто предисловія

Возлюбленные о Христе,
Дорогіе братья и сестры!

Пишу Вамъ изъ Берлина 21 Іюня (4 Іюля)¹⁾, куда благополучно прибылъ вчера.

Въ этомъ письмѣ хочу поговорить съ вами о вопросѣ, который занималъ послѣдніе дни моего пребыванія въ Воздвиженскомъ, о вопросѣ, по которому хотѣлъ бы прійти къ полному единомыслію и единодушію со всѣмъ Братствомъ. Вопросъ этотъ зародился при обсужденіи въ комиссіи, выслушавшей чтеніе моихъ отчетовъ, другого вопроса, мною поставленнаго.

Въ нашъ вѣкъ грубаго матеріализма, когда матеріализмъ придавилъ собою умы и сердца, не только невѣрующихъ, но и считающихъ себя вѣрующими, наложилъ печать буквы мертвящей, не только на науку, но и на религію, псевдо-христіане совсѣмъ перестали понимать, что они всѣ *нормально* должны быть „народъ избранный, люди, взятые въ удѣлъ“, что въ немощахъ ихъ *нормально* должна проявлять себя сила благодати Божіей, что *нормально* они должны жить постоянно съ Богомъ, въ *реальномъ* общеніи съ Церковью Небесною, что *естественно* они, отвергнувшись себя, принявъ на себя крестъ дѣла Божія и неся его во слѣдъ Христу, не будутъ оставлены на этомъ пути ни Церковью Небесною, ни Главою Ея, *нормально* будутъ переживать факты таинственнаго общенія съ міромъ незримымъ. Все это крѣпко забыто ими потому, что Господь и вѣрные Ему не творятъ насилія таинственнаго общенія, ни надъ

¹⁾ 1904 года.

тѣми, которые, вѣря въ одну матерію, совсѣмъ и не ищутъ ни Бога живого, ни общенія съ Нимъ, ни надъ тѣми, которые на мѣсто Бога Истиннаго, Мудраго и Благаго Хозяина міра, Царя царствующихъ и Господа господствующихъ, создали себѣ ничтожнаго и жалкаго кумира, котораго думаютъ дарами и лестью заставить быть рабомъ своимъ, дающимъ здоровіе и успѣхи въ ихъ человѣческихъ дѣлишкахъ, людямъ гордымъ, злымъ и корыстнымъ, нагло отрекающимся отъ Бога и Христа Его, громко провозглашая, что нельзя и не нужно организовать жизнь на братскихъ началахъ „вѣры, дѣйствующей любовью“. Все это настолько забыто ими, что они цинично убѣждены, что имъ *естественно* не быть избранниками Божиими, не чувствовать въ себѣ силъ благодати Его („ужъ гдѣ намъ, грѣшнымъ“), никогда не испытывать таинственного общенія съ Нимъ и Церковью Торжествующею, считать за гордость отдавать себя въ святую руку Его, на святое дѣло Его и за смиреніе—дарами и лестью выпрашивать у Него благъ земныхъ и помощи въ своихъ человѣческихъ дѣлишкахъ, направленныхъ на достиженіе земныхъ, себялюбивыхъ цѣлей!

Этотъ хаосъ человѣческаго недомыслія и малодушія къ XX столѣтію достигъ высшихъ предѣловъ. Человѣчество стало буквально задыхаться подъ корою матеріализма. Вступивъ изъ періода царства ощущенія въ періодъ царства разума, оно доразвилось до пониманія нелѣпости всѣхъ кумировъ, почитавшихся на мѣсто Бога живого и еще не имѣетъ достаточно любви, чтобы чистымъ сердцемъ узрѣть Бога Истиннаго, Бога-любовь. Одни погружаются въ ожесточенное невѣріе, гордясь тѣмъ, что поумнѣли до отрицанія этого нелѣпаго кумира, котораго прежде кощунственно признавали за Бога Истиннаго. Не будемъ ошибаться: въ ихъ отрицаніи, даже въ ихъ глумленіи, менѣе кощунства, чѣмъ въ ихъ прежнемъ суевѣріи. Тогда они мирились съ кумиромъ на мѣсто Бога и тѣмъ измѣняли Богу; теперь они отвергли и осмѣяли кумиръ, его больше нѣтъ между ними и Богомъ, онъ не заслоняетъ собою Бога, дорога расчищена, они могутъ уразумѣть Бога Истиннаго и полюбить Его. Другіе, какъ овцы безъ пастыря, устремляются на поиски Бога Истиннаго, отрицаютъ то, что прежде для нихъ было буквою мертвящею, подмѣняло собою и вѣру въ Бога Истиннаго и животворящій духъ *жизненной* правды Его. Проснувшись, какъ отъ долгаго, тяжелаго сна, они еще опьянены этимъ долгимъ сномъ, они еще и на яву не трезвы. Проклиная букву, которая для нихъ была мертвящимъ кумиромъ, они вмѣстѣ съ нею осудили и тѣхъ, которые долго тер-

пѣли этотъ самообманъ вмѣстѣ съ неразрывною съ нимъ ложью жизни. Вмѣстѣ съ отвергнутымъ ими суевѣріемъ, они осудили огульно и Церковь Помѣстную, и всѣ Ея обряды, и всю Ея іерархію; они становятся фатально во враждебныя отношенія и къ гражданской власти и ко всему укладу жизни страны.

Вполнѣ естественно, что при этихъ обстоятельствахъ они не могутъ стать цѣльно на путь вѣры, *дѣйствующей* любовью, часто только одну мертвую букву подмѣняютъ другою, новою, принимаютъ не все Откровеніе въ цѣлокупности животворящаго духа его, а выхватываютъ изъ него отдѣльные тексты, изъ буквы этихъ текстовъ творятъ себѣ новые мертвящіе кумиры, иногда создавая то поразительно наивныя, то поразительно одностороннія, то поразительно нелѣпыя ереси и секты. Конечно, все это вредныя явленія жизни, сравнительно съ мирнымъ ростомъ духовнымъ, въ духѣ общецерковнаго единенія и честной организаци общецерковной жизни на началахъ мирной гармоніи правды вѣры, дѣйствующей любовью. Конечно все это ведетъ къ распыленію и борьбѣ, но не будемъ ошибаться: къ меньшему распыленію, чѣмъ было, когда всѣ и каждый были только „чрево“, совсѣмъ Бога и не искавшее, кощунственно смотрѣвшее на Него, какъ на источникъ благоденствія для нераскаянныхъ блудныхъ сыновъ, внѣ дома Отца Небеснаго и всю религіозную жизнь сведшее на одно искаженное прошеніе: „хлѣбъ обильный для меня, моей семьи, моихъ присныхъ дай мнѣ и потомству моему нынѣ и во вѣки“; къ меньшей борьбѣ, чѣмъ тогда, когда, исполнивъ „мертвящую букву“, со спокойной совѣстью признавали экономическую борьбу явленіемъ нормальнымъ, считая, что въ пылу борьбы все дозвоительно противъ враговъ, а мирная, братская организаци жизни и труда ни для кого не обязательна!

Да оградить насъ Господь одновременно и отъ жестокой несправедливости огульнаго порицанія этихъ овецъ, блуждающихъ безъ пастыря на пути исканія Бога Истиннаго, и отъ малодушнаго недомыслія, изъ жалости къ нимъ, свернуть съ прямого пути мирнаго общецерковнаго единенія, во благо общецерковному дѣлу стройной организаци жизни и труда на Божіей, братской основѣ — вѣры, дѣйствующей любовью.

Среди всего этого броженія пробудившейся мысли, еще не дисциплинированной любовью, громадное большинство являетъ картину самой жалкой растерянности. Всѣ безъ конца спорять, другъ друга обвиняютъ, неустанно борются, хотятъ разрушать, не имѣя ни опре-

дѣленнаго плана, ни духовнаго матеріала для созиданія чего либо лучшаго и всю энергію свою тратятъ на безплодные словопренія, безплодные розыски о виновныхъ и безплодную агитацію, вмѣсто того, чтобы направить эту энергію на созидательную работу приведенія въ порядокъ ума, сердца и жизни.

Главное горе всѣхъ ихъ то, что они еще не очистили сердца свои любовью, еще не превратили капища сердца своего въ храмъ Божій, возжегши огонь любви на алтарѣ, въ святая святыхъ души своей и потому еще не могутъ „чистымъ сердцемъ узрѣть Бога“ Истиннаго. Хорошо и то, что они уже не чувствуютъ себя привольно подъ корою матеріализма, что они начинаютъ понимать комическую пошлость самовлюбленнаго сверхъ человека Ницше, этого протеста противъ другой пошлости—самодовольной рутинѣ и страшной лжи „елейнаго“ смиренія, стремящагося подъ стягомъ вѣры улизнуть отъ Господа, не согласуя съ правдою откровенія Его ни ума, ни сердца, ни жизни.

Хорошо и то, что они ищутъ мистическое, сверхчувственное хотя бы вѣрить въ возможность общенія съ міромъ незримымъ, хотя бы въ формѣ оккультизма, хотя бы даже въ формѣ спиритизма. Во всякомъ случаѣ это дѣло вѣры въ міръ сверхъ-чувственный, въ міръ незримый, протестъ противъ грубаго матеріализма и я не разъ убѣждался въ томъ, что они, спириты и оккультисты, болѣе духовно возвышенны, болѣе одухотворены, а слѣдовательно и болѣе Божіи, чѣмъ многіе, считающіе себя правовѣрными христианами, кощунственно принижая вѣру и жизнь религіозную до грубѣйшаго матеріализма.

Что мнѣ не нравится и въ оккультизмѣ и въ спиритизмѣ, такъ это то, что у нихъ общеніе съ міромъ незримымъ имѣетъ характеръ форсированный, является не свободнымъ проявленіемъ благоволенія со стороны высшаго міра, къ нашему, низшему, а горделивою требовательностью со стороны міра низшаго, иногда даже съ кощунственнымъ характеромъ попытки подчинить себѣ, заставить себѣ служить міръ высшій.

Въ результатѣ получается духовная проституція общенія со всякими низшими представителями міра незримаго, съ неизбежными при этомъ обманами и самообманами. Вотъ почему самъ я никогда практически не былъ представителемъ, ни спиритизма, ни оккультизма, хотя много разъ получалъ отъ нихъ доказательства любви, уваженія и сочувствія къ дѣлу Братства и состою Почетнымъ Членомъ нѣкоторыхъ изъ ихъ организаций. Мнѣ не нужны ихъ дока-

зательства бытія міра незримаго—міръ этотъ для меня съ ранняго дѣтства былъ болѣе реаленъ, чѣмъ преходящіе призраки земнаго бытія! Если бы я сомнѣвался въ бытіи міра незримаго и въ возможности общенія съ нимъ, я бы непремѣнно жаждалъ убѣдиться въ томъ и другомъ, хотя бы путемъ спиритизма или оккультизма, сознавая, что и это выше, лучше самодовольнаго, грубаго матеріализма. Вотъ почему я по совѣсти не могу осудить ни оккультистовъ, ни спиритовъ, хотя самъ и имѣю счастье не нуждаться дѣлать то, что они дѣлаютъ.

Какъ въ современной литературѣ столь многіе увлекаются горделивыми теоріями Ницше въ видѣ протеста противъ приниженія человѣческой личности до рабства нелѣпымъ суевѣріямъ и жестокой покладистости буржуазной, сытой практичности, среди трагическихъ ужасовъ жизни обездоленнаго большинства, такъ и алчущее вѣчнаго, сверхчувственного, мистическаго для нашего человѣческаго разума, современное человечество увлекается оккультизмомъ; спиритизмомъ, мистическимъ декаденствомъ въ видѣ протеста противъ матеріализма въ религіи, наукахъ и жизни.

Какъ у многихъ представителей современной литературы, воспевающихъ силу зла въ отрицаніе и поруганіе ненавистной, самодовольной пошлости (т. к. въ жизни они привыкли видѣть только рѣдкія проявленія злой энергіи среди сонной апатіи моря рутинѣ и едва выделяющихся изъ нея, глуповато-растерянныхъ, робкихъ попытокъ доброй энергіи, не идущихъ далѣе наивнаго штопанія дыръ жизни), можно уловить тоску по силѣ добра, въ которую, хотя видѣніемъ, а не вѣрою, не имѣютъ основанія вѣрить, которую, если бы повѣрили въ нее, какъ реально возможную, истинно благодѣтельную для разума и жизни, конечно предпочли бы силѣ злой, приняли бы съ восторгомъ, убѣдившись, что она не лживая утопія, а мудрая и радостная, вѣчная правда бытія, такъ и суррогаты оккультизма и спиритизма, тѣмъ болѣе безплодные мечты декадентскаго сатанизма, были бы съ радостію сданы въ архивъ, если бы человечество убѣдилось, что возможно *нормальное* и *высшее* общеніе съ міромъ незримымъ по свободному изволенію высшаго міра на пользу нашего—низшаго.

Почему оно въ томъ не убѣждается?—Да потому, что не только не стоитъ на той дорогѣ, на которой въ этомъ убѣдиться можно, но даже очень далеко отъ сознанія, что это единственная вѣрная дорога, тѣмъ болѣе далеко отъ желанія вступить на нее. Эта вѣрная дорога: отвергнуться себя, гордости, себялюбія „сами себя,

другъ друга и всю жизнь свою Христу Богу предать“, взять на себя крестъ дѣла Божія и понести его въ братскомъ единеніи съ тѣми, кто хочетъ совмѣстно съ нами нести его во слѣдъ Христу, на Божіе дѣло торжества въ умахъ, сердцахъ и жизни,—вселенской любви, которая одна можетъ привести къ полной гармоніи тѣснаго единства творенія съ Творцомъ и блага личнаго съ благомъ общимъ. Это единственная дорога, на которой можетъ Господь и вѣрные Ему причастники Церкви Торжествующей, *безъ насилія надъ нами*, вступать, по собственному изволенію Своему, въ таинственное общеніе съ нами, сообщая намъ благодатныя силы любви и разумнія, безконечно превышающія естественное, нормальное для „дѣтей земли“ и „міра сего“, въ сновидѣніяхъ и въ тайникѣ бодрствующаго духа, открывая намъ будущее, утѣшая и наставляя насъ, насколько это необходимо во благо намъ и служенія нашего на дѣло Божіе.

Все это для меня не теорія, принятая отъ другихъ на вѣру. Все это мною самимъ пережитое съ самой колыбели; отчасти страданное, отчасти пережитое, какъ высшая радость. Именно эти минуты, какъ Божіе, какъ свѣтъ отъ свѣта небснаго во тьмѣ земного бытія, для меня всего важнѣе, дороже и святѣе. Въ раннемъ дѣтствѣ я испыталъ это таинственное соприкосновеніе съ міромъ незримымъ, какъ прямое, тѣсное общеніе съ нимъ, питавшимъ меня любовію, утѣшавшимъ и ободрявшимъ на порогѣ жизни. Потомъ наступила эпоха пророческихъ сновъ, иногда точно, иногда аллегорически рисовавшихъ передо мною то, что впослѣдствіи мнѣ пришлось пережить и перечувствовать. За нею пришла эпоха аллегорическихъ сновъ, рисовавшихъ передо мною яркія картины современнаго быта. И во все время были видѣнія души, которыхъ не пересказать языкомъ человѣческимъ, но которыя для души были понятнѣе всякихъ словъ человѣческихъ и всякихъ фактовъ жизни земной; они и наставляли и утѣшали и дѣлали участникомъ міра незримаго, хотя я никогда не дерзалъ самъ призывать и тѣмъ болѣе вызывать ихъ. Передъ самую тяжелую эпоху жизни моей я видѣлъ сонъ, обрекавшій и благословлявшій меня на большія страданія и онъ сталъ для меня большимъ утѣшеніемъ, онъ сталъ мнѣ въ большую силу, когда эти страданія мнѣ дѣйствительно пришлось переживать. И тутъ я не оставленъ былъ многообразными проявленіями утѣшающей любви и попечительныхъ назиданій. Началась послѣдняя эпоха, когда, какъ въ дѣтствѣ, я сталъ опять чувствовать непосредственное общеніе съ міромъ незримымъ, не во снѣ,

а наяву ощущая духомъ и духовными ушами слыша и только духовными глазами еще не видя, какъ видѣлъ въ дѣтствѣ.

Какъ умолчу я о томъ, что для меня всего дороже, важнѣе и святѣе, что для столь многихъ можетъ быть указаніемъ, утѣшеніемъ и радостною надеждою въ большей мѣрѣ, чѣмъ все, что я могу отъ себя сказать и сдѣлать?—Имѣю ли я право о чемъ либо умалчивать „страха ради Іудейскаго!“ Имѣю ли я право о чемъ либо говорить, умалчивая главный источникъ мною познаннаго! Имѣю ли я право говорить о Братствѣ, умалчивая о проявленіяхъ силы, въ немощахъ нашихъ его созидающей! Не будетъ ли это обманомъ, выдаваніемъ за свое дѣла Божія, присвоеніемъ себѣ славы Его!

Было время, когда, видя полное непониманіе со стороны всего окружающаго общества азбуки вѣры, самой простой логики Откровенія, я боялся возгордиться тѣмъ, что для меня такъ ясно и просто многое, не доступное пониманію не только рядовыхъ мірянъ, но и столь многихъ ученыхъ богослововъ. Господь, Котораго я горячо молилъ соблюсти душу мою отъ скверны гордыни, повелѣлъ меня и Братство такимъ крестнымъ путемъ позора, поруганій и униженій, что я не могъ не чувствовать на этомъ пути совершенную ничтожность моихъ человѣческихъ силъ, не могъ не ощущать вполне реально силу Божію, въ безмѣрной человѣческой немощи моей совершающуюся. Это застраховало меня отъ возможности возгордиться, приписать себѣ дѣйствія силы Божіей, желать украсть у Бога хотя малую долю славы Его.

Съ тѣхъ поръ, извѣдавъ, выстрадавъ въ полной мѣрѣ все величіе славы Божіей и всю безбрежную немощь моей человѣчности, я понялъ, что каждый человѣкъ *доброй воли*, не смотря ни на какую немощь свою, могъ бы при помощи благодати Божіей понять все, что мною понято, сдѣлать все, что мною сдѣлано, понять и дѣлать также самостоятельно, въ человѣческомъ смыслѣ этого слова, вопреки всѣмъ препятствіямъ, кажущимся непреодолимыми, какъ я то дѣлалъ „по вѣрѣ“ вопреки „видѣнію“ и горы сдвинулись бы передъ нимъ, какъ онъ одна за другою, одна выше другой, сдвигались передо мною. И для этого надо только *живой* вѣры, т. е. любви къ Богу „съ зерно горчичное“; но и на этой степени вѣры такъ мало, что ея почти нѣтъ. „Призрѣлъ Господь съ высоты небесъ: есть ли ищущій, любящій Бога... и вотъ нѣтъ, нѣтъ ни одного“ (Псаломъ XIII)! Страшно за человѣчество! Ужасъ закрадывается въ сердце! Страшно среди человѣчества! Страшно сознавать себя человѣкомъ и понимать, силою благодати Божіей, чего такъ многие

не понимают изъ братьевъ по человечеству, изъ такихъ же людей, какъ и я! Чѣмъ хуже я, чѣмъ болѣе я и сотрудники мои немощны, чѣмъ болѣе сознаю нищету умовъ и сердецъ нашихъ, тѣмъ страшнѣе за человечество, за тѣхъ многихъ, которые получили отъ Бога большіе таланты и не имѣютъ даже и той малой вѣры, т. е. любви къ Богу, какую, нужно чтобы понимать то, что мнѣ дано понять и дѣлать то, что чрезъ насъ дѣлается! О, если бы они *это* поняли! Они бы не теряли время на сплетни о моихъ и вашихъ немощахъ, не придумывали бы, себѣ на голову, обвиненій противъ меня и Братства, а поняли бы, что должны сдѣлать настолько больше и лучше насъ, насколько себя, можетъ быть и справедливо, считаютъ умнѣе, практичнѣе и талантливѣе насъ!

Мнѣ жаль ихъ, до того чуждыхъ животворящему духу вѣры, что по плоду Братства не умѣютъ узнать какого мы Духа, мы, Ему вѣрные! Мнѣ безконечно жаль ихъ, враждуя противъ насъ, враждующихъ противъ Духа, Которому мы вѣрны! Мнѣ страшно за нихъ, произносящихъ столь строгій судъ надъ самими собою, не дѣлая для осуществленія Божіей правды въ жизни даже и того, что дѣлаемъ мы, надъ которыми они издѣваются, которыхъ гонять и такъ озлобленно порицаютъ!

Такъ хотѣлось бы сдѣлать ихъ въ возможно большей степени участниками опыта жизни нашей, дать имъ широко воспользоваться тѣмъ, что уже пережито и выстрадано нами. Такъ хотѣлось бы, рассказавъ имъ подробно всю исторію проявленій нашей, человеческой немощи, сдѣлать для нихъ тѣмъ самымъ очевидною, осязательно-благодатную силу Божію, созидавшую правду Братства вопреки всѣмъ немощамъ нашимъ, *за одно то, что остатокъ вѣрныхъ, столь же немощныхъ, какъ и другіе, былъ людьми доброй воли, искренно и безъ отговорокъ пожелавшими познать правду Божію и отдать себя въ святую руку Его на осуществленіе этой правды въ жизни.*

Такъ хотѣлось бы и не оставить ихъ безъ упованія, что на этомъ пути они не будутъ предоставлены своимъ немощамъ и случайнымъ обстоятельствамъ окружающей жизни. Такъ хотѣлось бы дать имъ радостную надежду на то, что на этомъ пути и они испытаютъ все то, изъ области таинственныхъ указаній, предсказаній и утѣшеній, что нами было испытано!

Вотъ побудительныя причины, которыя заставили меня въ послѣднемъ отчетѣ Блюстителя не замалчивать, если не все, то многое

изъ таинственныхъ явленій, пережитыхъ за этотъ періодъ мною и нѣкоторыми другими.

Когда я поставилъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли такъ поступать, членамъ комиссіи, избранной для выслушанія отчетовъ передъ ихъ напечатаніемъ, голоса раздѣлились. Изъ того, что было сказано противъ напечатанія въ отчетахъ нами пережитаго изъ области таинственнаго, я понялъ двѣ вещи: большинство окружающаго насъ общества такъ далеко отъ сознательной вѣры и такъ враждебно относится ко мнѣ и дѣлу Братства, что для него такая степень искренности была бы не на пользу, была бы соблазномъ на еще худшее къ намъ отношеніе. Таинственное соприкосновеніе съ міромъ незримымъ, „чудесное“, которое должно и не можетъ не быть нормальнымъ, естественнымъ въ жизни истинно вѣрующихъ, тѣхъ, кто отдаетъ себя въ руку Божію, на Его дѣло мировой, вселенской гармоніи, тѣхъ, кто „народъ избранный, люди, взятые въ удѣлъ“, въ ихъ (большинства) жизни никогда не случается и не можетъ случаться, пока и они не отдадутъ себя въ руку Божію, на святое дѣло Его, вмѣсто того, чтобы наивно воображать, что могутъ заручиться содѣйствіемъ Бога къ успѣшному исполненію своихъ желаній и своихъ дѣлишекъ, ничего общаго ни съ правдою Божіей, ни съ дѣломъ Божиимъ не имѣющихъ. Они такъ привыкли къ такому положенію вещей, что и не вѣрятъ, чтобы это могло быть иначе при иныхъ обстоятельствахъ. Таинственное, сверхъестественное они считаютъ достояніемъ „исключительной“ святости и искренній рассказъ о таинственномъ непременно заподозрять въ неправдивости и, судя по себѣ, даже примутъ за подлость корыстнаго обмана: „чтобы выдать себя за святого“. И Братство и меня они такъ ненавидятъ, такъ много они насъ оскорбляли, такъ много они на насъ клеветали, такъ много различно они насъ гнали, что для нихъ признать правдивость того, что сами они сочли бы за признакъ „исключительной“ святости, нельзя, не вступивъ на путь покаянія, отъ котораго они такъ далеки въ самодовольствѣ своего „правовѣрія“. Они не знали, что выдумать противъ насъ, какъ злѣе поглумиться надъ нами, какіе рвы поглубже выкопать поперекъ дороги Братства. Господь провелъ Братство невредимымъ сквозь строй всѣхъ этихъ козней. Враги Братства устали, кажется убѣдившись и по отношенію къ намъ въ правдѣ словъ Откровенія: „на аспидѣ и василискѣ наступиши и попереши льва и змія“; они готовы помириться съ существованіемъ Братства, о которомъ прежде говорили, какъ о „до времени терпимомъ“ и очевидно „не живне-

способномъ". Намъ не надо *теперь* „торжествовать побѣду“. Пусть утѣшаются, говоря, что теперь самое дѣло Братства не то, чѣмъ было, когда они его гнали и съ нимъ враждовали. Заставить ихъ признать, что гнать Братство и враждовать съ нимъ, было преступленіемъ съ ихъ стороны во всякое время передъ Богомъ и людьми, не полезно. Слишкомъ сомнительно, чтобы они оказались на высотѣ этого покаяннаго сознанія. Скорѣе это станетъ для нихъ соблазномъ вновь насъ возненавидѣть, дать волю такъ недавно потухшей злобѣ воспылатъ съ новою силой: обвинять меня въ томъ, что я выдумываю небывалые факты, „не провѣренныя никакимъ полицейскимъ дознаніемъ“, чтобы возвысить себя въ глазахъ вашихъ и передъ людьми, „выдать“ себя за „избранника“, за „посланника“ небесъ, за „христосика“, какъ они выражаются, хуже того, что я и „на Братство налагаю *клею* своего избранничества“. То же они сказали бы и о всемъ Братствѣ, обвиняя его въ томъ, будто себѣ на пользу, оно хочетъ и меня и себя возвеличить.

Вотъ, что я понялъ, выслушавъ мнѣніе по этому вопросу членовъ комисіи ¹⁾. Невольно припомнилось мнѣ при этомъ, какъ слишкомъ многіе, даже на лонѣ Братства, относились къ таинственному въ жизни нашей. Не только оно не возбуждало горячій интересъ, не передавалось изъ устъ въ уста, какъ особенно дорогое и святое въ жизни нашей, какъ ласка любви Божіей, но какъ то стыдливо замалчивалось! Какъ часто я убѣждался въ томъ, что даже самыя выдающіяся явленія въ этой области многимъ оставались совершенно неизвѣстными, другимъ были переданы въ такомъ искаженномъ видѣ, что сомнѣваться, и въ небрежности передачи и въ недостаткѣ интереса для перепроверки у первоисточниковъ, было невозможно. Все это естественно только при непониманіи жизненнаго значенія этихъ явленій, при невѣріи въ ихъ жизненную правду и нравственное достоинство. Что, если даже и на лонѣ Братства многіе не понимаютъ должно этихъ явленій, стыдятся ихъ, какъ дѣла „суевѣрія“ или нервной разшатанности! Почему я до сихъ поръ не могъ добиться, чтобы лица, имѣвшія счастье видѣть сны пророческіе, уже съ тѣхъ поръ осуществившіеся, или аллегорическіе, могущіе оказаться пророческими впоследствии, записали эти сны и передали мнѣ эти записи для храненія въ архивѣ Братства?!

¹⁾ Съ тѣхъ поръ вопросъ о „не умолчаніи“ былъ рѣшенъ положительно въ общемъ собраніи Братства.

Что, если найдутся на лонѣ Братства люди, для которыхъ печатное исповѣданіе этихъ явленій, явилось бы соблазномъ устыдиться „этого *клею*“ на Братствѣ“, устыдиться этихъ явленій, устыдиться „божескаго“, устыдиться Братства и его основателя! Да не будетъ! Господь и вѣрные Господу его бы устыдились!

Но даже и въ лучшемъ случаѣ, если бы многіе и въ Братствѣ и внѣ его, оказались на высотѣ любви, нужной для того, чтобы это не было соблазномъ. Если бы, принявъ всю нашу исповѣдь съ довѣріемъ и любовью во всей ея цѣлокупности, они возрадовались бы и Бога прославили, какъ остеречь ихъ отъ другого, тоже вреднаго соблазна, признанія насъ, испытавшихъ эти таинственные явленія, людьми „исключительной“ святости, вообще людьми „исключительными“, все относящееся до которыхъ, какъ они бы выразились или въ душѣ своей формулировали: „не про насъ писано“. Между тѣмъ и въ дѣлѣ нашемъ, и въ исповѣди нашей именно то и важно, что мы кость отъ кости, плоть отъ плоти всего человечества, что все намъ доступное—всѣмъ доступно, что все нами пережитое можетъ быть и всѣми пережито, все нами достигнутое—и всѣми достигнуто. Именно это и дѣлаетъ наше дѣло вселенскимъ, вселенски полезнымъ, вселенски поучительнымъ, нравственно вселенски обязательнымъ.—„Чѣмъ буду хвастаться, какъ ни немощами моими“, говоритъ Апостолъ. Такъ и мы, такъ и я. Чѣмъ болѣе мы немощны, тѣмъ ярче свѣтится сила Божія, въ немощахъ нашихъ совершающаяся, тѣмъ убѣдительнѣе для всѣхъ, что то, что сдѣлано въ немощахъ нашихъ, тѣмъ легче и лучше будетъ сдѣлано черезъ тѣхъ, которые менѣе насъ немощны, что нѣтъ извиненія для тѣхъ, которые будучи менѣе насъ немощны, не дѣлаютъ для осуществленія правды Божіей въ жизни даже и того, что черезъ насъ сдѣлано было.

Не только я не хочу выдавать себя или быть выдаваемымъ за святого, но, даже, если бы я не былъ въ достаточной степени немощнымъ и грѣшнымъ, я пожелалъ бы быть еще болѣе немощнымъ, чтобы очевидно было, что все доброе и въ мысляхъ и въ чувствахъ, и въ дѣлахъ, не мое, не отъ меня, а отъ Господа Вседержителя и всѣхъ благъ подателя. О, если бы поняли, что мы имѣемъ великую честь и счастье быть избранниками на Божіе дѣло созиданія Трудового Братства въ жизни, не потому, что мы сами по себѣ лучше и святѣе другихъ, а только за то, что повѣрили царственному закону любви Откровенія Божія, искренно пожелали правды любви въ жизни, захотѣли быть Божіими и отдать себя Ему, на вселен-

ское дѣло святой гармоніи міра Его, а не дерзали Бога сдѣлать достояніемъ своимъ и привлечь въ сферу нашихъ низменныхъ, себялюбивыхъ человѣческихъ интересовъ и дѣлишекъ! Они бы поняли съ тѣмъ вмѣстѣ, что именно не въ насъ, а въ нашемъ отношеніи къ Богу Живому, Христу Его, Церкви Ихъ, Откровенію Ихъ и единому, вѣчному Божію дѣлу, вся суть, столь же доступная, а слѣдовательно и обязательная для нихъ, какъ и для насъ, какъ и для всѣхъ разумныхъ созданий Единого Бога Творца!

О, если бы они искренно, отъ всего сердца обратились къ Господу, захотѣли быть Божіими! Они бы покаялись въ наивной гордости своей, смирились бы до пониманія, что Высшая Любовь Міра—добрѣе ихъ, что Высшій Разумъ міра—умнѣе ихъ, что Божіе дѣло—единое, благое и разумное, которое и долженъ дѣлать весь міръ, Имъ созданный, осуществляя правду Его и вѣчную радость святой гармоніи Царства, Силы и Славы Его на основѣ крѣпкаго цемента любви, не разрывно связующаго съ Богомъ и другъ съ другомъ въ одну гармонію, въ одну красоту, въ одну любовь, въ одно блаженство вѣчное!

Господь сказалъ: „по плодамъ ихъ узнаете ихъ“. Божіи по плоду дѣла Братства Трудового узнаютъ и признаютъ, какого мы Духа, Кому принадлежимъ. Не Божіи, чуждые Духа Божія не поймутъ ни плода Братства Трудового, ни породившаго его Духа. Не говорите имъ, что я „избранникъ Божій“, что я „посланникъ Его“. Это языкъ любви, который они не поймутъ, который будетъ для нихъ соблазномъ, какъ уже не разъ и было. Любовь къ Богу и завѣщанной Имъ правдѣ братства, побуждаетъ васъ называть избранникомъ Божіимъ того, кто возлюбилъ Бога и правду Его до рѣшимости перейти отъ слова къ дѣлу. Вы помните слова Откровенія: „сила Божія въ немощахъ совершается“. Называя его избранникомъ, вы и не думаете признавать его святымъ, отрицать его немощность; вы исповѣдуете напротивъ, что не его силою, а силою Бога, его на то избравшаго, создается дѣло Братства Трудового, а васъ обвиняютъ въ томъ, что вы меня въ святые возводите, а меня въ томъ, что я разрѣшилъ вамъ вѣрить въ мою святость. Совершенно въ томъ же смыслѣ вы назовете „посланникомъ Божіимъ“ того, который избранъ Имъ на Его дѣло осуществленія правды братства въ жизни, съ тѣмъ вмѣстѣ и посланъ въ море человечества проповѣдывать братство и словомъ и дѣломъ, а васъ обвиняютъ въ томъ, что я у васъ „христосикъ“, а меня въ томъ, что я, во славу себѣ, налагаю „это клеймо на Братство“. Все это не предпо-

ложенія, все это—пережитое. Можетъ быть и не многихъ изъ васъ любовь побуждала называть меня „избранникомъ“ и „посланникомъ“, но злоба, съ обычною ей нечестностію, обобщила и эти рѣдкіе факты и доходила именно до тѣхъ недоброжелательныхъ выраженій, которые и были приведены мною выше.

Когда вы имѣете дѣло съ тѣми, которые по плоду дѣла Братства Трудового не умѣютъ понять, какого мы Духа и въ своей неприязни къ основателю Трудового Братства доходятъ до грубаго осужденія его въ разговорѣ съ его духовными дѣтьми, друзьями и братьями, не отрицайте моей грѣховности, а, напротивъ, на ней стройте доказательства того, что лучшіе меня могутъ и должны дѣлать еще больше и лучше въ дѣлѣ осуществленія правды вѣры, въ дѣлѣ созиданія Трудового Братства, которое, какъ дѣло Божіе, заключаетъ въ себѣ ключъ къ разрѣшенію всѣхъ недоумѣнныхъ вопросовъ практики жизни человечества.

Всѣхъ васъ братски привѣтствую.

Вашъ вѣрный Н. Неплюевъ.

ОТЧЕТЪ БЛЮСТИТЕЛЯ

О

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

ТРУДОВОГО БРАТСТВА

ОТЪ ЕГО ОСНОВАНІЯ ПО 22 Іюля 1897 г.

Возлюбленные о Христѣ,
дорогіе братья и сестры!

Собрало насъ сознание необходимости, вѣруя въ Бога—Любовь, всю жизнь, трудъ и отношенія стройно организовать на началахъ любви, на началахъ завѣщаннаго намъ Христомъ Спасителемъ нелицемѣрнаго братолюбія.

Это дѣло организаціи добра въ жизни, осуществленія высшаго завѣта любви и есть тотъ крестъ, который вѣра и совѣсть побудили насъ принять на себя и нести во слѣдъ Христу, чтобы тѣмъ послужить на дѣло Божіе, на торжество правды Божіей.

Такова цѣль учрежденія Братства Трудового, таковъ смыслъ его существованія; будемъ надѣяться, что каждый изъ насъ, вступающій въ Братство, искренно, отъ всей души задавался и вдохновлялся именно этою цѣлью, сознательно вѣрою въ Бога—Любовь, твердою надеждою, что дастъ Господь силы идти за Нимъ по указанному Имъ пути.

Если даже всѣ мы съ одинаковыми чувствами приступали къ общему дѣлу, каждый изъ насъ по своему, по силѣ вѣры и любви своей, несетъ принятый на себя крестъ и относится къ нему; каждый изъ насъ на пути созиданія Братства Трудового, въ общемъ дѣлѣ несенія общаго креста, можетъ быть или великою силою въ рукъ Божіей, облегчая общее бремя, принимая на себя большую долю креста, или тормазомъ, увеличивая скорби и тяготу всѣхъ, возлагая на братьевъ и ту долю тяжести, которая должна была быть его заботою, его трудомъ.

Всякое насиліе противно духу Божію. Какъ не собиралъ Господь вѣрующихъ въ Братство Трудовое, завѣщанное Имъ и Апостолами Его, пока созиданіе его не стало насущною потребностью умовъ и сердецъ нашихъ, такъ не будетъ Господь насильно удерживать на пути вѣрности Себѣ и дѣлу своему тѣхъ изъ насъ, которые, вступивъ въ Братство Трудовое, по легкомыслію или лѣни

духовной будутъ колебаться въ доброй волѣ своей, не будутъ постоянно алчущими и жаждущими правды Божіей, затворятъ двери ума и сердца своего для Господа, вырвутъ себя изъ руки Его.

Мы ничего не можемъ сами по себѣ, но все можетъ Господь черезъ насъ, когда добрая воля наша дозволяетъ Ему въ немощи нашей творить силу, не насилуя свободы духа нашего. Именно въ этомъ намъ и предстоитъ отдать отчетъ передъ Господомъ, Братствомъ и совѣстью нашею. Не то важно, насколько немощенъ каждый изъ насъ (нѣтъ такой немощи, въ которой-бы Господь оказался безсильнымъ), важно то, насколько мы устойчивы въ желаніи отдавать себя и жизнь свою въ руку Божию, на дѣло Божіе. Были люди, изъ которыхъ одни со скорбію, другіе съ злорадствомъ говорили намъ, что не всѣ братья наши рождены духомъ. Не обладая всевѣденіемъ, мы предоставляемъ Богу-Сердцевѣду рѣшать вопросъ о томъ, кто и насколько рожденъ духовно. Мы хотимъ быть любящими братьями, а не строгими судьями другъ для друга. Того, кто желаетъ стать братомъ нашимъ, отдать всего себя и всю жизнь свою на служеніи дѣлу Братства Трудового, мы допустимъ испытать себя и примемъ въ нашу среду, не рѣшая вопроса о томъ, насколько онъ рожденъ духомъ, если только сдѣлать это мы можемъ безъ явнаго ущерба для общаго дѣла. Не рожденный духомъ сегодня можетъ родиться духомъ завтра, и рожденный духомъ въ одномъ смыслѣ, можетъ безконечно рождаться духомъ отъ вѣры въ вѣру, отъ любви въ любовь. Считаю, что жизнь на лонѣ Трудового Братства особенно благоприятна для рожденія и перерожденія духовнаго, мы рады были бы широко раскрыть двери Братства и дать возможность наибольшему числу людей дышать воздухомъ Братства, насколько это позволяютъ матеріальныя и духовныя силы наши, ибо чѣмъ сильнѣе духомъ будетъ большинство членовъ Братства, тѣмъ менѣе опасна будетъ закваска, вносимая принятіемъ въ Братство и пребываніемъ въ немъ людей, слабыхъ духомъ и неустойчивыхъ въ добрѣ. При такихъ обстоятельствахъ главный вопросъ, который каждый изъ насъ долженъ задать совѣсти своей, не то, насколько каждый изъ насъ рожденъ духомъ, а то, насколько искренно, горячо и устойчиво желаетъ каждый изъ насъ достигать все высшаго и высшаго рожденія духовнаго; въ этомъ честность наша по отношенію къ Богу, Братству и совѣсти своей.

Честны-ли мы? Не лжемъ-ли мы, нося святое имя брата? Не злоупотребляемъ-ли терпѣніемъ и милосердіемъ Божиимъ, не желая работать на святое дѣло Его, имѣя на то болѣе возможности,

чѣмъ кто-либо? Не злоупотребляемъ-ли мы довѣріемъ Братства, внося въ самый организмъ его не элементы созиданія, а смертоносные элементы разложенія? Служа не дѣлу Божіе созиданіемъ Трудового Братства, любимъ-ли мы Бога всѣмъ разумніемъ нашимъ, полагая всѣ силы разума на сознательное, обдуманное отношеніе къ волѣ Божіей и жизни Братства? Любимъ-ли мы Бога всею крѣпостью духовныхъ силъ нашихъ, не хулимъ-ли Духа Святаго, отрицая силу, подаваемую намъ въ великомъ таинствѣ причастія благодати Божіей, оставаясь лѣнивыми духомъ, духовно вялыми и перадиными, среди горячей энергіи честныхъ работниковъ, удостоившихъ насъ святого имени брата? Любимъ-ли мы Бога всѣмъ сердцемъ нашимъ, радуясь о служеніи на радостное для любящихъ святое дѣло Его, сознавая, что во истину „Иго Его благо и бремя Его легко есть?“ Любимъ-ли мы ближнихъ, братьевъ нашихъ? Стало-ли для насъ братолюбіе насущною потребностью вѣры нашей? Стала-ли радость братскаго общенія насущною потребностью, озаренныхъ свѣтомъ любви, вѣрныхъ завѣтамъ Спасителя міра, сердецъ нашихъ? Достигли-ли мы смиренія и великодушія, безъ которыхъ невозможна устойчивость братолюбія?

Въ этомъ отчетѣ я не буду говорить гадательно, дѣлая предположеніе о сокровенномъ, одному Богу извѣстномъ, почивающемъ въ тайникѣ души каждого изъ братьевъ. Говорить я буду о томъ, что стало явно, что обнаруживалось въ словѣ и дѣлѣ каждого изъ насъ. Вѣдь каждый изъ насъ громко говоритъ о себѣ поступками своими. Называть по именамъ я никого не буду. То, что особенно ярко проявилось въ одномъ, можетъ быть есть и въ другомъ и только случайно не проявлено имъ въ такой-же мѣрѣ. То, что сдѣлалъ сегодня одинъ, можетъ сдѣлать завтра другой. Умоляю васъ, братья и сестры, слушая скорбный листъ грѣховъ нашихъ, не припоминать того, кто именно проявилъ этотъ грѣхъ наиболѣе ярко, чтобы не усыпить собственную совѣсть осужденіемъ ближняго своего; умоляю васъ, не думая о другихъ, допросить собственную совѣсть, насколько каждый причастенъ этому грѣху, насколько вѣрою и любовію застрахованъ отъ возможности поступить такъ же?

Молю Господа, да озаритъ Онъ свѣтомъ разумнія правды Своей совѣсть каждого изъ насъ, да проститъ Онъ намъ всѣ ошибки умовъ и сердецъ нашихъ, постыдную лѣнь тупого равнодушія и самую скверну гордости и злобы; да дастъ Онъ намъ силу честности живого покаянія и силу любви на принесеніе плодовъ, достойныхъ покаянія.

Начнемъ съ отношеній нашихъ къ Богу.

Братство предоставляет намъ широкую возможность преуспѣвать въ дѣлѣ боговѣдѣнія. Далеко не всѣ мы стремимся къ нему съ тою радостной энергіей, какая была-бы желательна и естественна со стороны людей, отдающихъ себя и жизнь свою на дѣло Божіе созиданія жизни и труда на началахъ братолюбія. Если мы хотимъ быть вѣрными Отцу нашему Небесному, мы должны хорошо понимать волю Его. Чѣмъ болѣе мы считаемъ себя умными и развитыми людьми, чѣмъ болѣе мы дорожимъ своею самостоятельностью, тѣмъ болѣе для насъ обязательно глубокое и всестороннее пониманіе воли и дѣла Божія. Постыдно умному и развитому человѣку не понимать, какъ безпочвенны всѣ выкладки ума его, когда въ своихъ разсужденіяхъ онъ упустилъ главный факторъ познанія истины, не принявъ въ расчетъ мысль и волю Творца всего сущаго, Высшаго Разума міра и Источникъ всякаго разума. Надо познавать Бога, чтобы отводить Ему мѣсто первое въ умѣ нашемъ, Его мудростью провѣряя всѣ выкладки ума нашего, безъ чего мы не гарантированы отъ самыхъ нелѣпыхъ выводовъ, отъ самой позорной шатости ума, отъ опасности ежеминутно измѣнить мыслью Богу и Братству.

Многіе-ли сдѣлали изъ Новаго Завѣта настольную книгу свою? Многіе-ли богословскій отдѣлъ бібліотеки предпочитаютъ всѣмъ другимъ отдѣламъ? Всѣ-ли мы дорожимъ общими бесѣдами настолько, чтобы присутствовать на нихъ было желанною радостью, чтобы пропустить такую бесѣду было скорбнымъ лишеніемъ? Всѣ-ли мы способны съ такой-же радостной энергіей принять участіе въ бесѣдѣ о волѣ и дѣлѣ Божіемъ, какъ способны бесполезно тратить время на пустую, легкомысленную болтовню, не всегда даже безобидную для ближнихъ нашихъ?

Есть между нами братья менѣе другихъ бодрые духомъ; бесѣды, духовное общеніе съ болѣе ихъ духовно развитыми братьями были-бы особенно для нихъ полезными, но именно они наименѣе дорожатъ тѣмъ, что наиболѣе необходимо для пробужденія и развитія духа ихъ. Сами они не заботятся о просвѣщеніи ума и сердца свѣтомъ разумнѣя воли Божіей и не имѣютъ даже спасительнаго смиренія живого уваженія къ тѣмъ, кто болѣе ихъ возлюбилъ Бога разумнѣемъ, для того, чтобы смиренно искать освѣтить тьму души своей хотя-бы отраженнымъ свѣтомъ, заимствуя свѣтъ отъ болѣе сильныхъ духомъ братьевъ своихъ. Есть между нами невѣжды въ вѣрѣ, самодовольные, не умѣющие уважать свѣтъ сознательной вѣры

въ другихъ. Они считаютъ ни по чемъ выказывать явное равнодушіе къ бесѣдамъ о вѣрѣ. Находясь въ Братствѣ они цинично выставляютъ напоказъ свою духовную лѣнь и постыдное равнодушіе къ самымъ жизненнымъ вопросамъ вѣры, парализуя энергію братьевъ, проповѣдая словомъ и дѣломъ смертельную для Братства духовную лѣнь и апатію; а измѣнивъ Братству не разъ высказывали изумительную отрѣшенность отъ всякаго пониманія даже самыхъ простыхъ христіанскихъ истинъ. Одинъ изъ нихъ недавно написалъ мнѣ письмо, въ которомъ цинично объяснялъ и извинялъ свою измѣну Братству соображеніями, основанными на гордости, эгоизмѣ и мелкокомъ самолюбіи, считая эти основанія вполне законными и убѣдительными; до такой степени, воспитавшись въ школѣ и живя въ Братствѣ, онъ остался чуждъ пониманію христіанскихъ истинъ и христіанской нравственности.

Да будетъ это всѣмъ намъ урокомъ того, какъ опасно мириться съ лѣнью духовною и не пользоваться тѣми благами, которыя предлагаетъ намъ Братство въ направленіи постоянного возрастанія въ дѣлѣ боговѣдѣнія.

Какъ относимся мы къ великому таинству молитвы? Многіе-ли изъ насъ постоянно живутъ съ Богомъ, духовно ходятъ передъ Богомъ, ищутъ Бога, постоянно желая духовнаго общенія съ Нимъ, радуясь ощущенію причастія любви Его, имѣя добрый спасительный страхъ Божій въ формѣ постоянного опасенія отдалиться отъ Него, измѣнить Ему, оскорбить Его? А вѣдь только эта постоянная молитва живой души, всею силою любви, рвущейся къ Живому Богу, и даетъ Ему право дѣйствовать черезъ насъ, не насилуя свободы духа нашего, дастъ Ему возможность творить волю Его въ насъ, съ нами и черезъ насъ; только эта непрестанная молитва души, поддерживая постоянное общеніе между нами и Единымъ Великимъ Источникомъ любви, разума и всѣхъ силъ духовныхъ, и обезпечиваетъ возможность для насъ, несмотря на всю немощь нашу оставаться вѣрными Богу и дѣлу Его, быть устойчивыми въ любви, мудрости, смиреніи, великодушіи, однимъ словомъ не переходить изъ разряда дѣтей Божіихъ въ станъ его враговъ.

Всѣ-ли мы честно относимся къ общей молитвѣ, объединяющей умы и сердца наши, напоминающей намъ самыя святыя обязанности наши, самыя дорогія, завѣтныя желанія всякаго честнаго брата? Если-бы всѣ мы приходили на общую молитву съ живымъ чувствомъ любви къ Богу и братьямъ, это были-бы самыя желанныя, самыя радостныя минуты общей жизни нашей и каждый разъ мы

уходили-бы просвѣщенными духомъ, окрѣпшими въ любви и твердой рѣшимости оставаться до конца вѣрными дѣлу любви. Если-бы всѣ мы сознательно и съ любовью просили у Господа всего того, что заключается въ братскихъ молитвахъ нашихъ, какъ сознательно и вдумчиво относились-бы мы къ братской жизни, отъ сколькихъ соблазновъ, ошибокъ и паденій мы были бы ограждены!

Не только не всѣ заботились о томъ, чтобы внести свою долю живой вѣры, живой любви и благоговѣнія въ эту святыню общей жизни Братства нашего, но были случаи, когда отдѣльные братья не стыдились быть для другихъ соблазномъ и тѣмъ, какъ они читали молитвы и тѣмъ, какъ они себя держали на молитвахъ.

Послѣ отношеній къ Господу Богу намъ предстоитъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, какъ мы относимся къ святому дѣлу Его—къ Братству Трудовому. Не можетъ работать на дѣло наше тотъ, кто себѣ хочетъ угождать, а не на Бога работать, отвергнуться себя, взять крестъ и идти за Христомъ. Такой человѣкъ можетъ болѣе или менѣе долгое время жить въ Братствѣ, даже приносить Братству временную пользу, честно исполняя то специальное дѣло, которое на него Братствомъ возложено, но онъ никогда не станетъ твердою опорою Братства, созидающимъ элементомъ въ немъ. Такіе люди всегда будутъ опасны для Братства, вредны для него. Каждую минуту, уже не говоря о вредной закваскѣ, вносимой ими въ Братство, благодаря шатости умовъ и сердецъ ихъ, Братство и братья находятся въ опасности потерять ихъ, убѣдиться, что это чужіе люди, что Братство не составляетъ насущную потребность ума, сердца и земной жизни ихъ, что братолюбіе не есть высшая радость ихъ земного бытія и что они способны, бывши вчера еще слугами Братства, завтра стать измѣнниками и даже врагами его. Это неизбежно потому, что, не желая отвергнуться себя, они будутъ вѣрны Братству только до тѣхъ поръ, пока жизнь въ Братствѣ для нихъ выгодна или пріятна. Кромѣ того, не желая отвергнуться себя, они не отдаютъ себя въ руку Божію, не ищутъ постоянного руководства Божія, не даютъ Духу Святому возможности придти и вселиться въ нихъ безъ насилія надъ ними, не черпаютъ въ Неизсякаемомъ Источникѣ воду живую силъ духовныхъ, а безъ этого въ нихъ не можетъ быть устойчивости любви, благоразумія, кротости, смиренія и великодушія, безъ которыхъ непосильна и жизнь въ Братствѣ и вѣрность Братству, безъ которыхъ гордость, себялюбіе, расчетъ, холодное равнодушіе—все станетъ ежеминутнымъ соблазномъ на раздоръ, на неудовлетворенность, на измѣну.

Вѣдь не тотъ созидаетъ Братство, не тотъ твердая опора его, кто хорошо исполняетъ въ немъ ту или другую должность. Быть хорошимъ учителемъ, хорошимъ управляющимъ, даже и хорошимъ работникомъ можно и внѣ Братства. Твердо преданъ Братству тотъ, для кого именно оно, Братство Трудовое, стало насущною потребностью сердца, ума и христіанской совѣсти, кто сознательно предпочитаетъ радость братолюбія всѣмъ прочимъ радостямъ земного бытія, кто искренно желаетъ отвергнуться себя, для Бога и святого дѣла Его—Братства Трудового. Только такой человѣкъ не будетъ шатокъ въ своей любви къ Братству, будетъ постоянно вдумчиво и благоразумно относиться къ общему дѣлу и общей жизни, ревниво ограждая Братство отъ всего для него вреднаго и опаснаго, не измѣнитъ Братству ни подъ какимъ предлогомъ, ни подъ давленіемъ самолюбія, ни подъ давленіемъ какихъ-либо внѣшнихъ обстоятельствъ.

Мало того, своимъ домомъ, своею семьею, дѣломъ всей жизни можетъ быть Братство Трудовое только для того, кто не только отвергается себя и сознательно отдаетъ себя на дѣло Божіе, но изъ таковыхъ только для того, кто глубоко убѣжденъ, что именно Братство Трудовое и есть высшая потребность дѣла Божія, Церкви Божіей въ настоящую эпоху, что именно оно и есть то дѣло, служа которому мы приносимъ наибольшую пользу, наиболѣе воздвигая крестъ Господень передъ лицомъ всѣхъ людей, что именно оно и есть тотъ плодъ новый возросшаго дерева христіанства, который вкуситъ призываетъ насъ Господь, чтобы мы видѣли, что Онъ благъ, что во вѣкъ милость Его.

Только для него вѣтъ вопроса о томъ, надо-ли оставаться при всякихъ обстоятельствахъ вѣрнымъ Братству, стоитъ-ли продолжать созидать его, достойны-ли братья любви и уваженія, пріятно-ли жить въ Братствѣ. Только для него эти вопросы замѣняются вопросами о томъ, какъ-бы, оставаясь при всякихъ обстоятельствахъ вѣрнымъ Братству, наилучше послужить на то, чтобы оно стало тѣмъ, чѣмъ быть должно, чтобы братья, которые заслуживаютъ любви и уваженія однимъ тѣмъ, что отдали себя и жизнь свою на святое дѣло, съ каждымъ днемъ становились все болѣе и болѣе достойными этихъ святыхъ чувствъ и тѣмъ, какъ они относятся къ Богу Живому и святому дѣлу Его. Всѣ ухищренія злой воли какъ со стороны „князя міра сего“, такъ и со стороны „ветхаго человѣка“ разобьются объ убѣжденіе, что внѣ Братства нельзя лучше послужить славѣ Божіей и благу ближнихъ. Отвернуться

отъ Братства онъ никогда не можетъ, выйти изъ состава его онъ можетъ только въ томъ случаѣ, если внѣ его онъ можетъ создать другое Трудовое Братство, болѣе вѣрное Богу и полезное для святаго дѣла Его; въ этомъ случаѣ онъ не измѣняетъ дѣлу Братства, а только выходитъ изъ состава даннаго Братства, чтобы лучше послужить ему.

Вотъ идеальное отношеніе къ дѣлу Трудового Братства, то отношеніе, которое всѣ мы должны признавать нашею обязанностью, долгомъ чести, безъ котораго мы въ Братствѣ только чужаки, странники и пришельцы, временно живущіе на постояломъ дворѣ Братства, только по гордости считающіе себя равными домашнимъ, приснымъ Братству людямъ, злоупотребляющіе ихъ гостепріимствомъ, когда мы хотимъ хозяйничать въ ихъ домѣ, не признаемъ ихъ преимущественныя права, какъ истинныхъ созидателей Братства, являющихся твердою опорою, неизмѣнными радѣтелями о благѣ его, неизмѣнными подвижниками на дѣлѣ созиданія его.

Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы люди, не достигшіе устойчивости, любви къ Богу и Братству, нужной для такого отношенія къ дѣлу, не должны были вступать въ него. Нигдѣ внѣ Братства они не могутъ провѣрить себя въ этомъ отношеніи и духовно окрѣпить въ этомъ чувствѣ лучше, чѣмъ сдѣлать это они могутъ на лонѣ Братства. Изъ этого слѣдуетъ, что полезными для Братства могутъ быть только тѣ, которые или сами доросли духовно до подобнаго отношенія къ дѣлу Трудового Братства или смиренно, сознавая собственную немощь, съ довѣріемъ признають авторитетъ и принимаютъ руководство тѣхъ, кто болѣе ихъ имѣетъ право считаться домохозяевами въ Братствѣ.

Для громаднаго большинства членовъ Братства сказанное мною совсѣмъ не новость, громадное большинство подготовлено къ жизни въ Братствѣ предварительнымъ воспитаніемъ, не только втеченіи многихъ лѣтъ питалось этими мыслями, но и имѣло возможность еще въ стѣнахъ школы воспитать свой характеръ, приобрести соотвѣтствующія добрыя духовныя привычки.

Обратимся къ фактамъ жизни Братства. Не только часто проявлялось въ общей жизни нашей вредное для Братства отсутствіе благороднаго чувства самоотреченія, самопожертвованія, которое такъ, очевидно, необходимо для блага общаго дѣла и такъ естественно для людей молодыхъ, только что приступающихъ сознательно и съ любовью къ дѣлу любви и самоотверженія, но даже за короткое время существованія Трудового Братства мы пережили

уже не одну измѣну, не разъ испытали скорбь отринутой любви, болѣе того, тяжелую скорбь поруганія святыя святыхъ жизни нашей со стороны тѣхъ, кого съ любовью и довѣріемъ мы называли братьями, съ кѣмъ рука объ руку служили одной святынѣ.

Приступая къ этой скорбной повѣсти, умоляю васъ, дорогіе братья и сестры, заглянуть въ сокровенный тайникъ души, отдать себѣ отчетъ въ томъ, не могли ли и вы стать измѣнниками дѣлу при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Вѣдь эти измѣнники жили съ нами, были братьями нашими. Вчера братъ, сегодня измѣнникъ! Какое страшное предостереженіе для всѣхъ насъ! Сегодня братъ, завтра измѣнникъ! Да не будетъ такъ. Да будетъ тяжелый опытъ пережитого Братствомъ намъ во спасеніе.

Начнемъ съ тѣхъ четырехъ, которыхъ Братство нашло нужнымъ удалить изъ своей среды. Что поставили они выше блага Братства? Изъ-за чего настолько измѣнили своимъ братскимъ обязанностямъ, что дальнѣйшее пребываніе ихъ въ Братствѣ было признано Думою опаснымъ, вреднымъ для него?

Первый изъ исключенныхъ забылъ всякое благоразуміе, не побоялся внести разлагающую закваску въ самый организмъ Братства изъ-за минутнаго увлеченія женщиной, которая понравилась ему по внѣшности.

Всѣ вы знаете, какъ настойчиво, еще втеченіи періода школьнаго воспитанія, вамъ объясняли громадный вредъ, происходящій въ рутинѣ жизни современнаго человѣчества отъ легкомысленнаго отношенія между мужчинами и женщинами. Какъ несообразно съ уваженіемъ къ человѣческому достоинству и, тѣмъ болѣе, съ христіанскими братскими обязанностями нашими жестокое легкомысліе въ этомъ дѣлѣ. Для всѣхъ васъ очевидно, что любовь для насъ, членовъ христіанскаго Братства, такая святыня, которою легкомысленно играть не только позорно, но и преступно по отношенію къ Братству, судьбою котораго и отношеніями къ которому мы играли бы, играя спокойствіемъ духа и добрымъ именемъ ближнихъ нашихъ. Мы знаемъ, какъ хрупко доброе имя женщины въ настоящее время. Мы знаемъ, въ какой степени зависитъ благо семьи, достоинство жены и матери, а черезъ то и та нравственная атмосфера, которою съ малолѣтства дышать дѣти, отъ того, насколько женщина скромна, умѣетъ уважать себя и внушать къ себѣ уваженіе. Мы знаемъ, что христіанское Братство не имѣетъ двухъ мѣръ и не можетъ требовать скромности отъ женщинъ, извиняя въ то же время, какъ милую шалость, легкомысленное отношеніе

къ нимъ со стороны мужчинъ; не имѣть двухъ мѣръ и въ томъ смыслѣ, чтобы, признавая братскою обязанностью всѣхъ мужчинъ ревниво оберегать доброе имя, спокойствіе духа и драгоценную для блага общаго женскую стыдливость, когда дѣло идетъ о сестрахъ Братства, не признавать этой обязанности по отношенію къ постороннимъ женщинамъ. Мы всѣ понимаемъ, что легкомысленное отношеніе къ посторонней женщинѣ еще болѣе опасно для насъ и для нашихъ отношеній къ Братству. Мы всѣ понимаемъ, что, выказывая любовь женщинѣ, даемъ ей права на себя, на всю жизнь нашу, что, выбирая подругу жизни, неразрывно связываемъ свою судьбу съ ея судьбою и тѣмъ, если вопросъ о вѣрности нашей Братству не подлежитъ сомнѣнію, влияемъ и на судьбу самаго Братства. Вѣрность Братству состоитъ не въ томъ, чтобы отказаться отъ супружества, а въ томъ, чтобы въ этомъ дѣлѣ свои личныя желанія согласовать съ благомъ общимъ, съ пользою Братства, а если нужно, то и подчинить имъ.

Не только для челоѣка, отвергнувшаго себя, но даже и для всякаго челоѣка порядочнаго, умѣющаго владѣть собою, не находящагося въ позорномъ рабствѣ грубыхъ страстей, постыдна духовная распущенность, доходящая до готовности очертя голову отдаться первому впечатлѣнію, дать развиться въ насъ всякому чувству, безъ провѣрки его достоинства и того, какъ оно отразится на насъ и на ближнихъ нашихъ. При такихъ обстоятельствахъ мы не только не способны служить на святое дѣло Братства, но даже не способны быть порядочнымъ, устойчивымъ въ своей порядочности челоѣкомъ, а будемъ игрушкою собственныхъ страстей и случайныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ.

Для честнаго брата лучшею гарантіею отъ ошибокъ въ этомъ направленіи будетъ его ревнивая любовь къ Богу и къ Братству. При первомъ зарожденіи чувства любви онъ спроситъ себя о томъ, можетъ-ли онъ отдаться этому чувству безъ измѣны Богу и Братству, можетъ-ли онъ связать свою судьбу съ данною личностью, не подвергая тѣмъ опасности благо Братства, не затрудняя для себя чрезмерно главное дѣло жизни своей, служеніе на пользу дѣла Божія. Онъ не забудетъ, что благо Братства не зависитъ отъ красоты лица, отъ понравившейся ему внѣшности, не зависитъ даже и отъ умственныхъ способностей и талантовъ, какъ бы велики и блестящи они ни были. Искренно любящимъ Бога и Братство сердцемъ онъ пойметъ, что благо Братства зависитъ отъ любви и преданности Богу и Братству со стороны данной личности, что по-

любить, дать волю чувству своему, связать судьбу свою, не удовлетворившись въ этомъ и, тѣмъ болѣе, зная, что любимое сердце равнодушно къ Богу и Братству, есть настоящая духовная измѣна, настоящее прелюбодѣніе по отношенію къ нимъ. И онъ овладѣетъ собою, заставитъ замолчать зарождавшееся чувство гораздо раньше, чѣмъ оно успѣетъ его сдѣлать рабомъ своимъ. Сознывая, что самъ онъ и жизнь его принадлежатъ Богу и Братству, онъ не будетъ легкомысленно играть собою и жизнью своею, какъ глупая бабочка, летя на огонь, самъ напрашиваясь на искушенія; онъ не поддается наивной гордости, воображая, что можетъ переродить духовно существо, по складу ума и симпатій чуждое Братству. Онъ будетъ тѣмъ болѣе остороженъ, чѣмъ сильнѣе произведенное на него впечатлѣніе; онъ будетъ, какъ грѣха, стыдиться чувства, недостойнаго его любви къ Богу и Братству. Онъ пойметъ, что не его дѣло, не дѣло мужчины развивать и воспитывать дѣвушку, которую, можетъ быть, ему никогда нельзя будетъ назвать подругою своею, оставаясь вѣрнымъ Богу и Братству.

Все это слышалъ, зналъ, не могъ не понимать и братъ нашъ. Какъ же онъ поступаетъ на первомъ году своего служенія Братству.

На братскомъ общежитіи прислуживала дѣвушка, которую братья нашли нужнымъ удалить за ея нескромное поведеніе. Эта женщина понравилась ему своею внѣшностью. Что за дѣло до ея настроенія, что за дѣло до того, что Братство признало ее не только неспособною быть членомъ Братства, но даже вредною въ качествѣ наемной прислуги; что за дѣло до всѣхъ совѣтовъ и предостереженій воспитателей въ школѣ и руководителей Братства! Она ему понравилась, она ему пріятна, она для него желанна! И вотъ его маленькое „я“ вырастаетъ въ колоссъ, въ кумиръ, заслоняющій собою вселенную, кумиръ, которому съ легкимъ сердцемъ онъ приносить въ жертву и Бога Живаго, и дѣло Братства.

Онъ говоритъ ей о любви своей, обѣщаетъ ей жениться на ней. Все это не только безъ согласія Братства, но даже не посовѣтовавшись ни съ однимъ изъ братьевъ. И чѣмъ онъ извиняетъ себя, навязывая Братству безъ его согласія такого сочлена? Онъ надѣется духовно переродить ее и раньше этого духовнаго перерожденія уже связываетъ свою судьбу съ ея судьбою. Сколько въ этомъ безумной гордости или преступной готовности измѣнить Братству! А что, если духовно переродить ее ему не удастся? Если, оказавшись вредною въ положеніи наемной прислуги, она окажется еще болѣе вредною въ положеніи отвѣтственнаго члена Братства?

Когда всё эти обстоятельства стали известны Братству, виновному брату высказали, насколько легкомысленно было его поведение, как легкомысленно он играл своею жизнью, благом Братства и устойчивостью своих отношений к нему. И он опомнился, но как опомнился? Он понял, в какое неловкое, невыгодное положение поставил себя и опять стал думать не о том, как исправить свою ошибку, как совместить свой долг относительно Братства с принятыми на себя обязанностями по отношению к той, которую обещал сдѣлать подругою жизни своей. Выходъ былъ одинъ: исполнить свое обязательство, перевоспитать свою жену и вернуться съ нею въ Братство, когда это можно будетъ сдѣлать безъ вреда для него. И опять онъ думалъ только о себѣ. Какъ прежде онъ поставилъ ни во что долгъ свой относительно Братства, такъ и теперь ни во что поставилъ долгъ свой относительно той, ради которой измѣнилъ братскому долгу своему. Все тотъ же грубѣйшій эгоизмъ, все то же обожаемое „я“, которому въ жертву приносятся всё и все.

Видъ Братства все это заурядныя явленія повседневной жизни. Братство подписало бы себѣ смертный приговоръ, если бы съ ними примирилось, если бы допустило въ себя подобную закваску. Когда братъ отказался понести тяжелыя послѣдствія своего легкомыслія, отказался жениться, Братство исключило его изъ своей среды. Оно не могло поступить иначе, не могло согласиться стать участникомъ нечестности брата и не могло потребовать отъ него связать судьбу свою съ женщиною, назвать которую женою своею нельзя было безъ явной измѣны Богу и Братству. Оно исключило его изъ своей среды и тѣмъ дало ему право распорядиться своею судьбою, не принимая на себя отвѣтственность за его поступки. Въ этомъ была правда, такъ какъ именно это онъ и сдѣлалъ еще раньше: распорядился своею судьбою безъ согласія Братства и даже не подумавъ о томъ, какъ это отразится на благѣ Братства и на его служе- нии ему.

Впослѣдствіи обнаружилось, что это преступное легкомысліе не имѣло даже оправданія безумія непреодолимой страсти. Онъ не женился на этой дѣвушкѣ даже и тогда, когда сдѣлать это онъ могъ, не опасаясь дурныхъ послѣдствій отъ того для Братства, когда Братство возвратило ему полную свободу дѣйствій и, вступая въ бракъ, онъ распорядился бы только личною судьбою своею.

Какъ трудно намъ безпристрастно отнестись къ самимъ себѣ! Какая яркая картина рисуется передъ нашими глазами, когда дѣло

идетъ объ ошибкахъ ближнихъ нашихъ! Извлечемъ же, по крайней мѣрѣ, возможно большую пользу для себя изъ скорбной повѣсти того длиннаго ряда измѣнъ долгу относительно Бога, Братства и ближнихъ, который привелъ къ необходимости удалить этого брата отъ дорогого для насъ дѣла.

Благодареніе Богу, этотъ случай остался единичнымъ, никто послѣ того не довелъ измѣны братскимъ обязанностямъ въ этомъ отношеніи до такихъ размѣровъ. Допросимъ совѣсть свою, не становились-ли многіе изъ насъ на этотъ скользкій путь, не давали-ли волю чувствамъ своимъ безъ всякой заботы о вѣрности Богу и Братству? Избирая подругъ жизни, не ставили-ли свои желанія бесконечно выше соображеній о благѣ Братства? Не давали-ли легкомысленно развиться въ себѣ чувствамъ, которыя потомъ, изъ вѣрности Богу и Братству, намъ приходилось вырывать съ болью изъ сердца, затрачивая на это бесплодное дѣло ту драгоценную энергію духа, которую мы могли бы употребить на радостное дѣло созиданія добра на лонѣ Братства Трудового?

Причина удаленія второго брата была духовная распущенность. Братъ этотъ по своему преданъ былъ Братству, по своему любилъ нѣкоторыхъ братьевъ, но и преданность и любовь эта имѣли грубо-эгоистическій характеръ. Онъ не желалъ уходить изъ Братства, уходя выражалъ къ нему добрыя чувства и до сихъ поръ на сторонѣ не перестаетъ давать Братству доказательства добраго къ нему отношенія, но, живя въ Братствѣ, не хотѣлъ ни въ чемъ жертвовать собою ради общаго дѣла и блага. Духовная распущенность его доходила до возмутительной грубости по отношенію къ тѣмъ, кто ему чѣмъ-либо не нравился, до грубаго непослушанія относительно лицъ, выбранныхъ Братствомъ на отвѣтственные должности. Въ немъ не было тѣхъ христіанскихъ добродѣтелей—самоотверженной любви, великодушія, кротости и смиренія, безъ которыхъ невозможно быть самостоятельнымъ дѣятелемъ въ Братствѣ, и не было достаточныхъ чувствъ покаянія, смиренія, уваженія и довѣрія, чтобы принять чье-либо руководство. Въ жизнь братской семьи, къ которой онъ принадлежалъ, онъ вносилъ, очевидно, вредную закваску грубости и самовольства, былъ вполне самодоволенъ и требовалъ, чтобы братья мирились съ нимъ и его духовною распущенностью, даже безъ всякой надежды на исправленіе.

Допросимъ совѣсть свою, не любимъ-ли и мы Братство эгоистичною любовью, желаемъ-ли жертвовать собою на пользу общую или готовы жертвовать интересами Братства ради своихъ удобствъ?

Рѣшили-ли мы твердо съ любовью и радостью принести всего себя нераздѣльно въ жертву на общее благо, согласуя дѣятельность ума нашего, наши симпатіи и всю нашу жизнь съ благомъ Братства, или, напротивъ, вносимъ въ жизнь Братства всю нашу духовную распушенность, ни мало не заботясь о томъ, какую закваску мы тѣмъ вносимъ въ общее дѣло. Конечно, никто изъ насъ не доводитъ духовной распушенности до тѣхъ размѣровъ, которые заставили потерять по отношенію къ исключенному брату всякую надежду на его исправленіе, но мы можемъ вносить ту же разлагающую закваску ежеминутно, въ мелочахъ повседневной жизни, отравляя медленнымъ ядомъ живой организмъ Братства. Братья не будутъ терять надежды на наше исправленіе, не будутъ рѣшаться на роковой шагъ окончательнаго отсѣченія отъ Братства, но мы, по духовной распушенности, исправляться не будемъ, злоупотребимъ долготерпѣніемъ Братства и будемъ способствовать его вырожденію.

Причиною исключенія третьяго брата было грубое себялюбіе, доведшее его до грубой жестокости по отношенію къ братьямъ ради временныхъ личныхъ удобствъ. Отбывая воинскую повинность онъ испугался того, чтобы военное начальство не перенесло на него того нерасположенія, которое внушало ему Братство. И онъ устыдился Братства, отрекся отъ него, не остановился даже передъ жестокостью и цинизмомъ прямого заявленія о желаніи прекратить всякія сношенія съ Братствомъ. И это не по требованію начальства, а исключительно изъ опасенія неблагоприятныхъ для себя послѣдствій, измѣненія къ худшему его положенія въ короткій срокъ одного года, остающагося до окончанія срока отбыванія воинской повинности.

И Братство устыдилось брата, его устыдившагося. Оно исключило его изъ своей среды, уполномочивъ меня сдѣлать послѣднюю попытку: написать ему, предложить ходатайствовать за него передъ Братствомъ, если онъ опомнится и раскается. Я написалъ ему съ любовью, скорбью за него и возмущеніемъ за Братство, которыми переполнено было мое сердце. Себялюбивый расчетъ и тутъ взялъ верхъ, онъ остался глухъ къ увѣщаніямъ и мы потеряли брата.

Допросимъ и въ этомъ совѣсть нашу, не способны-ли и мы устыдиться Христа и дѣла Братства передъ людьми, отречься отъ Братства, какъ только попадемъ въ среду людей, среди которыхъ отреченіе это будетъ для насъ выгодно; не способны-ли и мы измѣнить знамени нашему, малодушно и трусливо измѣняя долгу совѣсти нашей подъ какимъ-либо предлогомъ?

Причиною исключенія четвертаго и послѣдняго брата были гордость и лѣнь, побудившія его къ безпримѣрному злоупотребленію положеніемъ члена Братства. Человѣкъ очень ограниченнаго ума, онъ и въ школѣ, и въ Братствѣ считалъ себя непризнаннымъ гениемъ, всѣхъ считалъ несправедливыми къ себѣ, даже завидующими ему. Онъ не хотѣлъ отдать себя въ распоряженіе Братства и, недовольный тѣмъ, что ему не давали того положенія, которое онъ считалъ соотвѣтствующимъ своимъ достоинствамъ, втеченіи многихъ мѣсяцевъ подъ разными предлогами отказывался работать. Убѣдившись, что при такихъ обстоятельствахъ дальнѣйшее пребываніе его въ Братствѣ будетъ одинаково вредно какъ для Братства, такъ и для него, мы были вынуждены исключить его, чтобы вѣтъ Братства суровая школа жизни заставила его вѣрнѣе оцѣнить себя и трудиться.

Пусть то, что въ этомъ братѣ немощи достигали размѣровъ духовной мани, не помѣшаетъ намъ сознать то, въ чемъ мы сами родственны ему по настроенію и отношеніямъ нашимъ къ Братству. Не беремъ-ли и мы на себя быть судьей въ собственномъ дѣлѣ, оцѣнивать собственные достоинства и требовать отъ братьевъ согласія на эту, можетъ быть, и очень несправедливую оцѣнку? Готовы-ли мы съ любовью и довѣріемъ отдать себя въ распоряженіе Братству и честно работать въ томъ положеніи, которое Братство признаетъ для насъ наиболѣе подходящимъ, на которомъ по убѣжденію Братства мы можемъ принести ему наибольшую пользу? Ревнивая любовь къ общему дѣлу заставила-ли насъ понять, до какой степени необходима, не только для преуспѣванія Братства, но и для самого его существованія строгая дисциплина добровольнаго подчиненія Братству и его избранникамъ? Заставила-ли насъ понять, до какой степени мы чужды Братству, пока вѣрность наша ему зависитъ отъ того, подчиняется-ли Братство нашимъ желаніямъ?!

Перехожу къ тѣмъ, которые не были исключены изъ Братства, а сами измѣнили ему подъ различными предлогами.

Первый изъ нихъ измѣнилъ Братству изъ-за женщины, предполагая, что Братство не согласится на его бракъ съ нею, или, что она не согласится подчиниться строю братской жизни. Онъ не спросилъ себя, какъ отзовется это чувство на отношеніяхъ его къ Братству. Онъ не пожертвовалъ возникающимъ чувствомъ на благо Братству. Онъ не задумываясь пожертвовалъ Братствомъ тому, отъ чего ожидалъ личнаго счастья. Пожертвовалъ совершенно даромъ. Она

за нимъ не послѣдовала. Братство не воспротивилось-бы этому браку. Онъ даже не имѣлъ духовнаго достоинства позаботиться о томъ, чтобы, уходя изъ Братства, сдѣлать ему наименѣе вреда. Онъ бросилъ Братство въ самое неудобное для него время. Онъ не имѣлъ даже порядочности, уходя не бросить комомъ грязи въ ничемъ неповинное передъ нимъ Братство.

Причиной измѣны второго брата была гордость и себялюбіе. И онъ недоволенъ былъ тѣмъ, что Братство не соглашалось назначить его на отвѣтственное мѣсто въ то время, какъ онъ ничѣмъ не заслужилъ соотвѣтствующаго довѣрія. Очень характерно какъ яркій примѣръ непоумѣрной непослѣдовательности подъ вліяніемъ страсти и духовной распущенности то, что въ письмѣ на мое имя, прося предоставить ему мѣсто учителя, онъ говорилъ, что считаетъ себя достойнымъ занять его, особенно потому, что непоколебимо преданъ Братству и ни при какихъ обстоятельствахъ ему не измѣнить. И этотъ, очень неглупый и очень самолюбивый человѣкъ, не постыдился на другой-же день, когда узналъ, что ходатайство его не уважено, измѣнить Братству и тѣмъ доказать, какъ мало онъ достоинъ былъ довѣрія.

Да будетъ и это намъ всѣмъ въ назиданіе, въ предупрежденіе, во спасеніе!

Причиной измѣны третьяго брата была лѣнь и безхарактерность. Жизнь въ Братствѣ показалась ему слишкомъ трудною, работы въ немъ непосильными и онъ, вступивъ въ Трудовое Братство безъ желанія трудиться, ушелъ изъ него черезъ нѣсколько дней.

Нельзя не найти до смѣшнаго страннымъ такое поведеніе, такую непоумѣрную неустойчивость въ любви, такую ребяческую безхарактерность! Допросимъ и въ этомъ совѣсть нашу. Отличіе наше отъ этого брата количественное или качественное? Не способны-ли мы измѣнить Братству по тѣмъ-же причинамъ или только не способны измѣнить ему по этимъ-же причинамъ такъ скоро? Продумали-ли мы то дѣло, на которое отдали жизнь, вступая въ Братство? Понимаемъ-ли мы, что, вступая въ Братство, вступаемъ въ трудовую общину? Понимаемъ-ли мы, что, вступая въ трудовую общину, вступаемъ въ христіанское Братство? Понимаемъ-ли, что тутъ одинаково неумѣстно, безчестно, а, слѣдовательно, и позорно лѣнь рабочая, какъ и лѣнь духовная? Понимаемъ-ли мы, что честность наша требуетъ отъ насъ возможно большаго и упорнаго труда на пользу общую? Понимаемъ-ли мы, что тотъ, кто думаетъ

о томъ, какъ-бы удобнѣе и пріятнѣе устроить свою жизнь, избѣгая трудъ физическій и духовный, только по недоразумѣнію попалъ въ Братство, заблудился, попавъ не туда, куда хотѣлъ. Лѣни нѣтъ мѣста и быть не должно въ христіанскомъ Трудовомъ Братствѣ. Допросимъ совѣсть нашу, готовы-ли мы съ радостью и любовью потрудиться физически и духовно на благо Братства, вносимъ-ли мы въ трудъ нашъ бодрость и энергію любви, есть-ли въ насъ истинное трудолюбіе, полагаемъ-ли мы радость свою въ томъ, чтобы болѣе всѣхъ другихъ потрудиться на пользу общаго дѣла, горитъ-ли душа наша святымъ, живымъ огнемъ вѣры и любви, энергіей духовнаго трудолюбія?!

Если и мы тяготимся трудомъ, не считаемъ лѣнь за грѣхъ и позорную нечестность, не будемъ считать себя въ правѣ бросить камень въ этого лѣниваго и безхарактернаго брата, такъ легко-мысленно вступившаго въ Братство, не подумавъ, куда вступаетъ и такъ торопливо измѣнившаго ему, какъ только понялъ что это Братство трудовое, а не пуховая подушка, на которой удобно спать, что это Братство людей, обрекающихъ себя на трудъ физическій и духовный, а не союзъ бездѣльниковъ и дармоедовъ для взаимнаго страхованія отъ труда. Вѣдь и для насъ, если нѣтъ въ насъ истиннаго трудолюбія, облагороженнаго сознательной любовью къ Богу и братьямъ о Богѣ, Братство непремѣнно будетъ тяжелою лялкою, которую мы и будемъ тянуть, пока хватить терпѣнія на это самоистязаніе. При такихъ обстоятельствахъ пребываніе въ Братствѣ—недоразумѣніе, и измѣна ему—вопросъ времени.

Четвертый братъ измѣнилъ изъ-за чрезмѣрной требовательности, считая Братство обязаннымъ исполнять всѣ его прихоти, не признавая за собой никакихъ обязанностей по отношенію къ Братству и братьямъ. На этомъ братѣ особенно ярко проявилось, до какой степени безусловна свобода воли человѣка, какъ мало зависятъ его настроеніе и дѣйствія отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, даже и тогда, когда къ заботливымъ попеченіямъ земныхъ братьевъ присоединяются чудесныя предостереженія свыше.

Долгое время въ школѣ настроеніе его было грубое, онъ былъ мраченъ и нелюдимъ. Внезапно въ немъ произошла рѣзкая перемѣна, онъ, никогда прежде не искавшій общенія со мною, и не проявлявшій ни малѣйшаго желанія подѣлиться со мною и друзьями моими, мыслями и чувствами, пришелъ и рассказалъ мнѣ слѣдующее. Въ предшествующую ночь онъ увидѣлъ себя во снѣ вышедшимъ изъ тѣла, которое лежало передъ нимъ бездыханнымъ.

Вокругъ него была тьма и въ этой тьмѣ съ быстротою вихря неслись души умершихъ людей въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ, одиѣ свѣтлыя и радостныя летѣли по направленію отдаленнаго яркаго свѣта, другія мрачныя и озлобленныя неслись по направленію такого грознаго мрака, по сравненію съ которымъ была свѣтомъ даже тьма, его окружавшая. Онъ сознавалъ, что въ зависимости отъ земной жизни его долженъ сейчасъ рѣшиться вопросъ о томъ, куда, съ какими духами полетитъ и его душа. И ему стало страшно до ужаса, и онъ сталъ молить Господа, чтобы душа его была возвращена въ тѣло хотя бы на короткое время, общая, что воспользуется этимъ временемъ на пользу души своей. Среди ночи онъ проснулся съ твердою рѣшимостью измѣнить свою жизнь, зажечь по новому.

Разсказавъ мнѣ этотъ сонъ, онъ заявилъ, что съ этого дня хочетъ быть дѣятельнымъ и честнымъ воспитанникомъ нашей школы, чтобы подготовиться быть впослѣдствіи полезнымъ членомъ Трудового Братства. Зная, какъ сильно укрѣпилась въ школѣ его плохая репутація, я посовѣтовалъ ему передъ всею школою покаяться въ прошломъ и заявить о своемъ рѣшеніи. Такъ онъ и сдѣлалъ. Это было до того несогласно съ его прежнимъ характеромъ и поведеніемъ, этотъ, прежде грубый, холодный, нелюдимый человѣкъ, теперь такъ сердечно, съ такимъ несвойственнымъ ему красно-рѣчіемъ говорилъ передъ товарищами, что для нихъ это было лучшимъ доказательствомъ его духовнаго перерожденія и они очень скоро приняли его въ Младшій, а потомъ и въ Старшій Братскіе Круги.

И не смотря на все это, не смотря на то, что всѣ обстоятельства окружающей жизни способствовали устойчивости его въ рѣшеніи, принятомъ подъ влияніемъ чудеснаго предостереженія, у него не хватило ни устойчивости доброй воли, ни устойчивости торжествующей любви. Еще въ школѣ въ немъ сталъ пробуждаться прежній человѣкъ. Внезапно этотъ необыкновенно физически сильный и здоровый человѣкъ передъ самымъ выходомъ изъ школы сталъ проявлять признаки болѣзненности. Въ Братствѣ капризливость и требовательность его стали непомѣрными. Въ той же обстановкѣ, въ которой больные много настроенія чувствовали себя счастливыми и проникались благодарностью къ Братству, онъ чувствовалъ себя неудовлетвореннымъ и проникался чувствами непріязни и даже озлобленія. Въ виду болѣзненнаго его состоянія ему все прощали и даже нѣсколько разъ уговаривали его не ставить себя

въ безвыходное положеніе виѣ Братства, когда онъ выражалъ желаніе его покинуть. Кончилось тѣмъ, что онъ тайкомъ покинулъ Братство, ни съ кѣмъ не простившись, уѣхалъ въ Крымъ на должность сельскаго учителя; у него быстро развилась скоротечная чахотка и онъ умеръ, написавъ передъ смертью нѣсколькимъ членамъ Братства письма, полныя раскаянія и запоздалой любви.

Допросимъ совѣсть нашу, не повинны ли и мы въ чрезмѣрной требовательности отъ другихъ и чрезмѣрной снисходительности къ себѣ? Не остаемся ли и мы позорно неустойчивыми въ добрѣ, не смотря на всѣ исключительныя благопріятныя обстоятельства жизни нашей и даже на чудеса, которыми Господь призываетъ и предостерегаетъ насъ?

Пятый братъ измѣнилъ по гордости и недостатку вѣры и любви. Обладая исключительными умственными способностями, онъ возгордился умомъ своимъ, ни мало не цѣнилъ сочувствія которое выражали къ его успѣхамъ лица, одобреніе которыхъ должно было быть ему особенно дорого, и страшно оскорблялся по поводу всякаго противорѣчія. Сотворивъ изъ ума своего себѣ кумира, онъ естественно принесъ этому куміру въ жертву не только братьевъ и Братство, но и самую вѣру въ Бога Живого. Не только онъ не испугался сомнѣній, зародившихся въ затуманенномъ гордостью умѣ его, но даже не задумался самодовольно проявлять настроеніе свое и только возрасталъ въ озлобленіи противъ братьевъ, каждый разъ, какъ они выражали ему несочувствіе, предостерегали его и иногда съ горячимъ чувствомъ братской любви его уговаривали.

Очень характерно, какъ необыкновенно поучительный человѣческій документъ, то, что этотъ гордый человѣкъ именно по гордости такъ себя унижилъ, написалъ себѣ такую обидную характеристику, какой не могъ бы написать о немъ и злѣйшій врагъ его, а мы сочли бы преувеличеніемъ недоброжелательности, если-бы не онъ самъ, собственноручно подписалъ себѣ этотъ строгій приговоръ. Въ архивѣ Братства хранятся три письма, написанныя имъ на разстояніи мѣсяца одно отъ другого. Въ первомъ изъ этихъ писемъ онъ говоритъ, что сознательно, на всю жизнь преданъ Братству, что высшее его желаніе состоитъ въ томъ, чтобы быть полезнымъ сотрудникомъ моимъ въ дѣлѣ Братства, святость, устойчивость и успѣхъ котораго для него не подлежитъ сомнѣнію, во второмъ—по выходѣ изъ Братства, заявляетъ, что благоговѣя передъ моею личностью, никогда не вѣрилъ въ устойчивость и въ успѣхъ дѣла Братства, по нравственной несостоятельности большинства чле-

новъ его, а въ третьемъ и послѣднемъ письмѣ, когда я осмѣлился не исполнить его желанія съ достаточною поспѣшностью, онъ въ самыхъ грубыхъ выраженіяхъ высказываетъ свое неуваженіе къ моей личности и даже цинично угрожаетъ мнѣ какими то вредными для Братства и для меня доносами! И во всемъ этомъ, обезумѣвъ отъ гордости, расписался человекъ самолюбивый, гордый умомъ своимъ, посчитавшій бы себя крайне оскорбленнымъ, если бы въ видѣ безобидной шутки кто либо позволилъ себѣ заподозрить его способнымъ сдѣлать меньшія глупость, подлость или пошлость!

Фактъ этотъ такъ краснорѣчивъ и поучителенъ, что не требуетъ комментариевъ.

Шестой измѣнилъ изъ-за постыдной мелочности и семейныхъ гордости и эгоизма.

Это былъ простой, малограмотный крестьянинъ, не подготовленный къ жизни въ Братствѣ предварительнымъ воспитаніемъ въ нашихъ школахъ. Любовь научила его многому и мы часто радовались и удивлялись тому, какъ онъ правильно понимаетъ и общее значеніе Братства и всѣ детали жизни его. Мы оказали ему высшее довѣріе, дали ему высшее доказательство любви и уваженія, избравъ его полноправнымъ братомъ, записавъ его учредителемъ Братства, радуясь тому, что въ лицѣ его мы могли почтить весь простой русскій народъ. И онъ платилъ намъ любовью и благодарностью, часто выражая намъ эти чувства въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ.

Онъ полюбилъ очень молодую, довольно красивую дѣвушку, которую зналъ съ малолѣтства, еще живя на селѣ у своихъ родителей. Она казалась намъ недалекою, мало было въ ней жизни. Думалось, что она его недостойна, но воспротивиться его желанію мы не рѣшились уважая въ ней его выборъ, успокоенные тѣмъ, что онъ зналъ ее съ малолѣтства и что родители ихъ съ дѣтскихъ лѣтъ предназначали ихъ другъ для друга. Свадьба ихъ была общою радостью всего Братства. Въ Братствѣ она оказалась чрезвычайно холодною, необщительною, крайне равнодушною къ общей жизни и къ общимъ интересамъ, довольно лѣнливою. Слѣпая любовь совсѣмъ затмила разумъ всѣми любимого и уважаемого брата нашего. Никогда не бывши ни гордымъ, ни эгоистомъ до женитьбы, онъ сталъ проявлять и гордость, и эгоизмъ семейные, сталъ мелоченъ и непомѣрно требователенъ для жены, въ которой видѣлъ одни достоинства, признанія которыхъ и считалъ себя въ правѣ требовать отъ братьевъ.

Не довольствуясь почетнымъ положеніемъ жены полноправнаго брата, она изъ мелкаго чувства соревнованія и зависти къ другимъ женщинамъ желала быть самостоятельно избранною членомъ Трудового Братства. Ослѣпленный страстью мужъ находилъ, что она того вполне достойна и считалъ за проявленіе нелюбви, неуваженія и недовѣрія къ себѣ то, что, по совѣсти, Братство не находило возможнымъ этого сдѣлать.

Мало по малу, по мелочамъ, сердце его стало измѣнять Братству, сталъ затмѣваться, прежде свѣтлый умъ. Кончилось тѣмъ, что безъ всякихъ сколько нибудь основательныхъ причинъ, онъ измѣнилъ Братству, давшему ему высшее доказательство любви, уваженія и довѣрія, оказавшему ему высшую честь положенія Полноправнаго Брата и учредителя Братства, подъ изумительнымъ предлогомъ, что ему оказываютъ недостаточно любви, уваженія и довѣрія! И какъ онъ ушелъ! Ни съ кѣмъ не простившись, даже не предупредивъ о томъ ни Блюстителя, ни его Намѣстницы, даже не удостоивъ ихъ ни словомъ объясненія. Ушелъ, какъ не уходятъ постояльцы изъ простой гостиницы. Вѣдь и изъ гостиницы не уходятъ, не сведя счетовъ, не простившись съ хозяиномъ и слугами, если они находятся на пути отъѣзжающаго.

И это все довелось намъ пережить! Неужели и это не испугаетъ даже самаго лѣниваго изъ насъ, даже самаго равнодушнаго къ братьямъ, Братству и дѣлу Божію.

Много-ли между нами такихъ добрыхъ, кроткихъ, смиренныхъ, искренно преданныхъ Братству людей, какимъ былъ этотъ братъ прежде, чѣмъ семейный эгоизмъ не извратилъ ума и сердца его?! Что случилось съ нимъ, что осталось отъ его многихъ достоинствъ, когда онъ поставилъ интересы своей семьи выше интересовъ Братства. И какіе интересы! Настоящіе интересы семьи его вполне совпадали съ интересами Братства, онъ горькимъ опытомъ убѣдился въ томъ по выходѣ изъ него, послѣ своей измѣны. Онъ принесъ въ жертву и Братство, и братьевъ чисто призрачнымъ интересамъ мелочного самолюбія!

Отъ такихъ паденій одно спасеніе: сознаніе немощи природы человѣческой, непрестанная жажда воды живой причастія благодати Божіей, постоянная провѣрка своихъ мыслей и чувствъ волею Божіей, волею Бога-Любовь, постоянная, сознательная, радостная жертва любви, жертва собою и семьею своею Богу Живому и святому дѣлу Его. Только при такихъ обстоятельствахъ мы не украдемъ любовь

у Бога и ближних наших, не подмѣнимъ ее фальшивою монетою личного или семейнаго эгоизма.

Причина измѣны седьмого была исключительно лѣнь духовная. Онъ былъ особенно любимъ всѣми, и, какъ это не невѣроятно, тяготился любовью этою. Въ немъ мало было духовной энергіи. Любовь окружающихъ не соответствовала степени его любви къ нимъ, тревожила его совѣсть; по духовной лѣни онъ не желалъ возрастать духовно и любовь окружающихъ, не соответствовавшая сонливой апатіи собственной души его, стала тягостна для него. Духовная лѣнь сдѣлала его рабомъ своимъ, заставила его измѣнить Братству, не остановиться передъ грубою жестокостью отвергнуть общую любовь подъ предлогомъ, что ему „такъ спокойнѣе будетъ“... Такъ онъ, именно этими словами и выражался. Когда ему говорили, что надо пожалѣть меня, напоминали ему слова мои, что на мнѣ такъ болѣзненно отражается всякая новая измѣна Братству, какъ еслибы „вырывали кусокъ сердца моего“ и что слишкомъ жестоко дѣлать это безъ всякой причины, онъ повторялъ одно: „мнѣ такъ будетъ спокойнѣе“. Не знаю, можно ли придумать болѣе яркую и страшную формулу грубаго, жестокаго себялюбія, порожденнаго лѣнью духовною: „Вырвемъ кусокъ чужого сердца, разорвемъ живое сердце на части, если это нужно для нашего спокойствія!“

Да будетъ и этотъ тяжелый опытъ намъ въ назиданіе и во спасеніе.

Опредѣлить точно причины измѣны восьмого брата я не рѣшаюсь. Крайняя замкнутость его характера, доходившая до скрытности, дѣлаетъ это слишкомъ затруднительнымъ. Въ немъ было мало любви, мало признаковъ жизни духовной, мало радостной энергіи, много мелкаго самолюбія, холода и лѣни духовной. Изрядныя умственныя способности не давали проявляться всему этому, кромѣ холодности, доходившей до неприличія, слишкомъ рѣзко. Все это въ совокупности привело къ тому, что жизнь въ Братствѣ не только не удовлетворяла его, но и стала настолько для него тягостною, что окончивъ курсъ школы, онъ пробылъ въ Братствѣ всего нѣсколько мѣсяцевъ и вышелъ изъ него безъ всякихъ особенныхъ причинъ, подъ предлогомъ домашнихъ обстоятельствъ. Не прошло и мѣсяца со времени выхода, какъ онъ сталъ не только жалѣть о томъ, что сдѣлалъ, но и настолько тяготиться жизнью внѣ Братства, что въ письмахъ выражалъ увѣренность въ томъ, что скоро вернется въ Братство, а затѣмъ и мнѣ написалъ, прося вторично назвать его братомъ. Многіе склонны объяснять его поступки гор-

достью. Гордый и неглупый человѣкъ не могъ бы, ни такъ скоро выйти изъ Братства послѣ того, какъ еще недавно заявилъ о желаніи посвятить ему всю свою жизнь, ни такъ скоро признать свою ошибку, изъявляя желаніе вновь въ него вернуться. Мнѣ кажется, что главными причинами и въ этомъ случаѣ была лѣнь духовная и, можетъ быть, мелкое самолюбіе, уязвленное призывами къ высшей духовной жизни. Скорое раскаяніе и горячее желаніе, выражаемое имъ въ настоящее время вернуться въ нашу среду, заставляютъ меня думать, что въ немъ меньше гордости и больше братолюбія, чѣмъ можно было думать.

Особенно поучительно въ данномъ случаѣ то, съ какою изумительною необдуманностью могутъ принимать самыя важныя, противорѣчивыя рѣшенія даже люди неглупые въ дѣлѣ, близко имъ извѣстномъ и родномъ еще со школьной скамьи. Съ какою изумительною и жестокою необдуманностью способны играть собственной жизнью, жизнью и сердцемъ своимъ, отношеніями къ братьямъ, къ Братству и самому Богу Живому!

Девятый и послѣдній изъ измѣнившихъ братьевъ, измѣнилъ Братству ради житейскихъ удобствъ, житейской карьеры, мелкаго самолюбія и страха передъ общественнымъ мнѣніемъ.

Съ дѣтства онъ былъ воспитанъ мною. Грубая самовольная натура долго не поддавалась никакимъ добрымъ вліяніямъ. Особенно пугали меня въ немъ проявленія злобы, крайней духовной непорядочности и склонности къ самодурству и грубому насилию. Много разъ мнѣ приходила мысль о томъ, чтобы отаазаться отъ него, каждый разъ меня останавливало опасеніе, что внѣ школы и Братства всѣ пороки его могутъ принять ужасное развитіе и онъ можетъ стать крайне дурнымъ и вреднымъ человѣкомъ. Въ то же время онъ былъ неглупъ, подавалъ надежды на то, что со временемъ можетъ быть полезнымъ, практичнымъ хозяиномъ. Подробная характеристика, заключавшая въ себѣ правдивое изображеніе его нравственнаго облика, прочитанная ему еще во время пребыванія его въ школѣ, произвела на него глубокое впечатлѣніе; онъ ужаснулся самаго себя и сталъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ, на столько другимъ человекомъ, что мы нашли возможнымъ при учрежденіи Братства записать его въ число учредителей и тѣмъ признать его полноправнымъ братомъ.

Въ дѣйствительности, перемѣна въ немъ зависѣла не столько отъ духовнаго перерожденія, сколько отъ силы воли, при помощи которой онъ держалъ въ уздѣ грубаго звѣря. Иногда этотъ звѣрь вырывался наружу, но онъ скоро овладѣвалъ имъ и я не терялъ

надежды на то, что мало-по-малу ему удастся совершенно побѣдить его. Нѣсколько разъ мы пробовали давать ему отвѣтственное положеніе, каждый разъ намъ приходилось убѣдиться, что онъ не на высотѣ его. Каждый разъ я надѣялся, что великодушіе и новое доказательство довѣрія, будутъ достаточными стимулами для пробужденія въ немъ сознанія соотвѣтствующаго долга и могучею помощью ему въ борьбѣ съ самимъ собою. Нѣсколько разъ намъ приходилось отрѣшать его то отъ положенія полноправнаго брата, то отъ какой либо отвѣтственной должности. И еще разъ дана была ему возможность загладить все прошлое. Возстановленный въ положеніи полноправнаго брата, онъ получилъ мѣсто управляющаго имѣніемъ при образованіи новой братской семьи.

Но и теперь, не любовь была основою его жизни и отношеній, онъ не побѣдилъ въ себѣ звѣря, не торжествующая любовь обратила этого звѣря въ кроткаго агнца, а попрежнему онъ только на привязи держалъ его силою воли своей и это было для него тяжелымъ, утомительнымъ трудомъ и отдыхалъ онъ отъ этого труда естественно не въ братской средѣ, а въ обществѣ чуждыхъ Братству людей, въ общеніи съ которыми онъ проводилъ все болѣе и болѣе времени, постепенно удаляясь сердцемъ отъ Братства, усваивая себѣ чуждые Братству взгляды и симпатіи.

И вотъ опять прорвался звѣрь. Онъ совершилъ цѣлый рядъ постыдныхъ для члена Братства грубыхъ безтактностей и грубыхъ насилій, совершилъ ихъ при особенно отягчающихъ вину обстоятельствахъ. Братская Дума нашла необходимымъ снова лишить его положенія полноправнаго брата и должности управляющаго, находя это справедливымъ, необходимымъ и полезнымъ, какъ для Братства, такъ и для него самого, такъ какъ, переводя его въ рабочую братскую артель, и ему, и женѣ его доставлялась возможность укрѣпиться въ духѣ Братства, что очевидно являлось крайнею необходимостью для обоихъ.

Дума находила вмѣстѣ съ тѣмъ, что это единственный путь для того, чтобы загладить случившееся, чтобы великому соблазну такого поведенія полноправнаго брата противопоставить добрый примѣръ добровольнаго, кроткаго, смиреннаго перенесенія логичныхъ послѣдствій своихъ дѣяній.

Что-же отвѣтилъ тотъ, котораго съ дѣтства мы съ любовью воспитывали, кому такъ многое прощали, кого и теперь не хотѣли перестать называть братомъ? Въ письмѣ ко мнѣ онъ говоритъ такъ, какъ будто мои взгляды на вещи ему совсѣмъ не извѣстны

и онъ совсѣмъ не понимаетъ, какъ слова его на мнѣ отразятся, иначе ужъ слишкомъ большою жестокостью по отношенію ко мнѣ, слишкомъ грубымъ глумленіемъ надо мною, его воспитателемъ, были-бы слова его. Онъ говоритъ, что можетъ перенести отрѣшеніе отъ положенія полноправнаго брата, но не можетъ перенести отрѣшенія отъ должности прикащика. Онъ говоритъ, что характеръ его вполне сформировался, а потому никто изъ братьевъ никакого вліянія оказать на него не можетъ и пребываніе его въ братской артели совершенно безцѣльно. Наконецъ говоритъ, что готовый перенести осужденіе общественнаго мнѣнія Братства, онъ не чувствуетъ въ себѣ достаточныхъ силъ для того, чтобы перенести осужденіе общественнаго мнѣнія той среды, которая найдетъ для него крайнимъ униженіемъ переходъ отъ должности прикащика въ положеніе члена рабочей братской артели!

И до этого дойти можно! Такъ думать и чувствовать! Мириться съ такими мыслями и чувствами въ себѣ! Цинично высказывать эти мысли и чувства тому, кто всю жизнь и всего себя отдалъ на то, чтобы ихъ не было!

Что значитъ Богъ Живой, вѣчное дѣло Его, что значитъ Братство Трудовое, братья и тотъ, котораго называли духовнымъ отцемъ братомъ, другомъ и воспитателемъ, когда дѣло идетъ о собственныхъ удобствахъ, когда можно подвергнуться осужденію, потерять въ глазахъ знакомыхъ прикащиковъ и собутыльниковъ!

Это ли не яркая поучительная психологическая картина? Въ результатѣ шести лѣтъ воспитанія и восьми лѣтъ нѣжной, заботливой братской любви, измѣна Трудовому Братству и братской любви по такимъ причинамъ, съ такою холодною жестокостью, съ такимъ чудовищнымъ самодовольствомъ. „Минута дурного настроенія!“ Духовно убить и оплевать Братство и того, кого называлъ духовнымъ отцемъ, другомъ, воспитателемъ и братомъ и затѣмъ спокойно назвать это минутою дурного настроенія, и на этомъ успокоить свою совѣсть!

Неужели и это все не испугаетъ насъ? Неужели и мы будемъ такъ-же робки на добро и безумно отважны на зло? Когда мы, наконецъ, поймемъ, что для того, чтобы не быть постыдными трусами, измѣнниками и перебѣжчиками, не покидать братьевъ въ разгарѣ боя, намъ нужна храбрость беззавѣтной, самоотверженной любви. Только тогда мы не отступимъ не только передъ первыми препятствіями, но и передъ дѣйствительными опасностями и останемся вѣрными до конца.

Вѣдь въ дѣйствительности всѣ разнообразныя причины, вызвавшія измѣну столь многихъ братьевъ, сводятся къ одному: къ позорному недостатку устойчивой, торжествующей любви, этого святаго огня, очищающаго сердце отъ всякой грязи, закаляющаго сердце до способности осилить всѣ немощи, оставаясь устойчиво вѣрными Богу и дѣлу Его, пребывая такимъ образомъ въ постоянномъ общеніи съ Богомъ Живымъ, Единымъ Источникомъ всѣхъ силъ духовныхъ.

Изъ девяти, измѣнившихъ дѣлу Братства, двое были полноправными братьями и учредителями Братства. Это останется навсегда краснорѣчивымъ памятникомъ того, въ какой немощи въ дѣлѣ нашемъ творилъ Господь силу и какимъ безуміемъ гордости было-бы съ нашей стороны пытаться украсть у Господа для себя хотя-бы малую часть славы Его.

Говоря о великой немощи, въ которой Господь благоволилъ творить силу, я не выключаю себя, говорю о себѣ столько-же, сколько и о другихъ. Вѣчнымъ памятникомъ великой немощи моей, вѣчнымъ памятникомъ позора моего будетъ то, какъ многіе мои воспитанники, друзья и братья измѣнили дѣлу Божію; съ какою легкостью, изъ-за какихъ пустыхъ причинъ они это дѣлали, какъ они это дѣлали, съ какимъ самодовольствомъ, съ какою самоувѣренностью, съ какимъ полнымъ отсутствіемъ любви и уваженія къ Братству и братьямъ; будетъ и то, какъ мало я успѣлъ воспитать въ нихъ молитвеннаго настроенія, при которомъ они не отрывались-бы такъ легко отъ благодати Божіей и дѣла Его, сознанія значенія дѣла Братства, при которомъ они не считали-бы дѣломъ простымъ и естественнымъ для себя покинуть Братство, какъ только жизнь въ немъ стала для нихъ чѣмъ либо непріятною, требуетъ отъ нихъ какой либо жертвы, простой заурядной порядочности, при которой они не извинялись-бы свое малодушіе, не старались-бы къ измѣнѣ Братству прибавить еще преступленія клеветы на Братство и грубыхъ оскорбленій измѣною оскорбленныхъ братьевъ, для того, чтобы себя выгородить, чтобы, будучи виновнымъ, по гордости свою вину свалить на тѣхъ, чью любовь презрѣли, братство отвергли, надъ чьею святынею жизни и души надругались; будетъ и то, какъ нетерпѣливо, съ какою, доходящею до отчаянія, до отвращенія и ненависти къ жизни, до горячаго желанія смерти, мрачною тоскою я переносилъ всѣ эти естественныя послѣдствія моей и общей немощи, не воздавая смиренно хвалу Богу за ту многую силу, какую благоволилъ Господь творить въ безмѣрной, позорной немощи нашей.

Особенно позорно для насъ крайнее малодушіе, крайняя трусость передъ жертвою и подвигомъ, отсутствіе сознанія гнусности измѣны, сознанія, доступнаго всякому не только христіанину, но и вообще порядочному человѣку. Сколько разъ именно это ярко выступало въ самоувѣренности и самодовольствѣ измѣнниковъ. Кто изъ нихъ, уходя, смиренно сознавалъ вину свою?

Особенно знаменателенъ въ этомъ отношеніи тонъ трехъ писемъ, недавно полученныхъ мною, отъ двухъ послѣднихъ измѣнившихъ Братству. Одинъ изъ нихъ, измѣнившій Братству всего черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ вступленія въ него и желая всего черезъ одинъ мѣсяцъ послѣ измѣны ему вновь въ него вернуться, пишетъ, совсѣмъ не понимая, что прежде всего долженъ просить у Братства прощенія въ измѣнѣ ему, а не въ тѣхъ ничтожныхъ причинахъ, которые онъ выставляетъ достаточными основаніями этой измѣны. Говоря о такихъ пустякахъ, которые не только не могли быть причиною измѣны Братству, но и виною передъ нимъ названы быть не могутъ, онъ говоритъ: „если, зная все это, Вы можете простить меня“, признавая такимъ образомъ даже эти пустяки важнѣе дѣла измѣны Братству, а измѣну Братству дѣломъ менѣе важнымъ, чѣмъ тѣ мелочи личной жизни, о которыхъ онъ говоритъ. И въ письмахъ къ другимъ того-же измѣнившаго брата, выражается неудовлетворенность жизнію внѣ Братства, но ни словомъ не выражается раскаянія, стыдъ по поводу самаго чудовищнаго факта—измѣны. Другой—дѣловымъ тономъ хладнокровно излагаетъ причины, по которымъ онъ не желаетъ смотрѣть съ точки зрѣнія Братства на свои поступки, не желаетъ подчиниться рѣшеніямъ Думы, дорожить мѣстомъ прикащика болѣе, чѣмъ положеніемъ слуги дѣла Божія и мнѣніемъ людей чуждыхъ Братству болѣе, чѣмъ мнѣніемъ Братства. Всего замѣчательнѣе именно тонъ хладнокровной дѣловитости, доходящей до наглой самоувѣренности, оскорбительнаго для Братства самодовольства, съ которымъ онъ заявляетъ готовность быть измѣнникомъ. Тотъ-же братъ послѣ измѣны подвергъ меня духовному бичеванію второго письма, въ которомъ онъ съ неменьшимъ самообладаніемъ, самоувѣренностью и самодовольствомъ проситъ меня не сомнѣваться въ его неизмѣнныхъ ко мнѣ чувствахъ „горячей любви, уваженія, преданности и благодарности“, такимъ образомъ подвергая меня позору полного отчужденія моей личности отъ дѣла Божія, отъ дѣла Братства. Что-же касается мелочи измѣны Братству, она не должна подрывать во мнѣ довѣрія къ искренности его заявленія, такъ какъ это незначущее обстоятельство

вызвано тѣмъ, что онъ „разошелся со мною лишь въ нѣкоторыхъ взглядахъ на вещи“. Въ этомъ-же письмѣ онъ проситъ меня оказать дружественную услугу, передать его привѣтъ и лучшія пожеланія семьѣ моей и всему Братству, передъ которымъ, очевидно, онъ не чувствуетъ себя ни преступникомъ, ни позорнымъ измѣнникомъ.

Велика, безмѣрна немощь наша передъ Господомъ, если съ нами могутъ такъ говорить, въ средѣ нашей такъ думать и чувствовать, бывши полноправнымъ братомъ и учредителемъ Братства, такъ мало понимать значеніе дѣла Братства, такъ мало стыдиться и ужасаться измѣны ему!

Не будемъ скрывать ни отъ себя, ни отъ другихъ всю бездну духовной немощи нашей, чѣмъ болѣе она велика, тѣмъ очевиднѣе будетъ совершающаяся въ ней сила Божія, тѣмъ менѣе останется возможности намъ возгордиться, тѣмъ ярче возсіяетъ во мракѣ немощей нашихъ свѣтъ славы Божіей, но не будемъ злоупотреблять долготерпѣніемъ и милосердіемъ Божиимъ, покаемся и сотворимъ плоды, достойные покаянія, пока Онъ еще благоволитъ творить силу въ немощи нашей, пока Онъ не велѣлъ еще Пророку¹⁾ умолкнуть, сказавъ ему, какъ говорилъ Іереміи: „прилипнетъ языкъ твой къ гортани и ты не будешь болѣе говорить имъ слова Мои, потому что они мятежный домъ“, пока еще не разсѣялъ насъ, какъ разсѣялъ былъ народъ избранный.

Воспрянемъ же духомъ, перестанемъ же быть позорными себялюбцами подъ святымъ знаменемъ дѣла Божія, приступимъ сознательно къ дѣлу самоотверженія, съ готовностью принести всѣ необходимыя жертвы, чтобы не стать въ ряды измѣнниковъ Богу и дѣлу Его. Не на словахъ, не призрачною отмѣткою ума, не холодною выкладкою разума, а всѣмъ возрожденнымъ къ свободѣ славы дѣтей Божіихъ существомъ нашимъ, на дѣлѣ, неліцемерно отвергнемся себя, возьмемъ крестъ Братства Трудового на себя и пойдемъ во слѣдъ Христу, отъ всего сердца прося у Господа силъ духовныхъ на эту жертву любви, чтобы до конца земной жизни нашей малодушно не сбросить съ себя крестъ этотъ, когда почувствуемъ тяжесть его, понимая, что только въ эти минуты несеніе его и становится дѣломъ самоотверженія и любви, намъ во спасеніе,

¹⁾ Подъ словомъ „Пророкъ“ я разумѣю въ данномъ случаѣ все, что напоминаетъ намъ волю Божію, все, что призываетъ насъ на служеніе святому дѣлу Его.

твердо помня слова писанія: „претерпѣвый же до конца, той спасется“.

Допросивъ совѣсть нашу о честности и прочности отношеній нашихъ къ Братству Трудовому по поводу главныхъ причинъ, приведшихъ къ измѣнѣ дѣлу Божію бывшихъ братьевъ нашихъ, мы видимъ, что главная причина одна: избытокъ себялюбія, недостатокъ любви къ Богу, братьямъ и вѣчному дѣлу Божію. Всѣ остальные причины только—разнообразныя обстоятельства, при которыхъ проявилось непониманіе того, что мы на себѣ должны нести крестъ Братства Трудового, а не на крестѣ Братства Трудового устраивать личное благополучіе свое, увеличивая тяжесть креста для другихъ, грубое себялюбіе наше, желаніе украсть славу и радости Братства Трудового, при полномъ отсутствіи готовности на самопожертвованіе. Будемъ почаще провѣрять себя въ этомъ отношеніи. Несемъ ли мы крестъ Братства Трудового, или перестали нести его и на немъ, въ ущербъ братьямъ нашимъ, устраиваемъ себялюбиво свое личное или семейное благополучіе? Радуетъ ли насъ святое дѣло несенія креста Трудового Братства или для святой радости этой не достаетъ въ насъ святого огня любви къ Богу и братьямъ? Живетъ-ли въ насъ сознаніе позора и ужаса измѣны общему дѣлу несенія креста Трудового Братства, или злая воля соблазняетъ насъ признать это дѣло возможнымъ и извинительнымъ?

Отъ отношеній къ Трудовому Братству перейдемъ къ отношеніямъ къ лицамъ, облеченнымъ особымъ довѣріемъ въ Братствѣ: къ Думѣ, Блюстителю, полноправнымъ братьямъ, старшинамъ, экономамъ и завѣдывающимъ полевыми работами и другими специальными отраслями труда.

Дѣло наше—дѣло стройной организаціи труда и отношеній на основѣ братской любви. Дисциплина, поддерживаемая внѣ Братства побужденіями страха и корысти, въ Братствѣ должна быть основана на сознаніи ея необходимости для блага общаго дѣла и ревнивой любви къ нему. Будемъ понимать, какъ опасно для благоденствія и даже для самаго существованія Трудового Братства, если большинство въ немъ, вступая въ организацію, отказавшюся отъ всякихъ грубыхъ, понудительныхъ мѣръ, поддерживающихъ дисциплину внѣ Братства, духовно не доросло до добровольной дисциплины, основанной на любви къ Братству и братьямъ. Отсутствіе всякой дисциплины—анархія. Чѣмъ болѣе свободы въ извѣстной организаціи—тѣмъ болѣе необходимъ порядокъ добровольной, сознательной дисциплины. Въ Трудовомъ Братствѣ, гдѣ всякое насиліе, всякое

принужденіе противно самому существу его, сознание необходимости, нравственной обязательности содѣйствовать стройной гармоніи общественной жизни, честно неся крестъ добровольной дисциплины, болѣе необходимо, чѣмъ гдѣ либо. Не въ этомъ-ли кроется одна изъ главныхъ причинъ недолговѣчности всѣхъ экономическихъ общинъ? Человѣчество, утомленное вѣковымъ рабствомъ подъ режимомъ страха и корысти, смѣшиваетъ понятія свободы и анархіи, разрушаетъ всякую свободную организацію, внося въ нее разрушительные элементы анархіи и вновь подпадаетъ подъ бичи страха и корысти, неизбежные при отсутствіи добровольной дисциплины, для огражденія недисциплинированнаго человѣчества отъ ужасовъ анархіи.

Постараемся оградить себя и дѣло наше отъ этой роковой ошибки. Будемъ понимать, что вопросъ о томъ, будемъ ли мы созидать, тормозить или разрушать общее дѣло, зависитъ въ большой степени отъ того, насколько мы проникнуты сознаниемъ обязательности добровольной дисциплины и насколько умѣемъ владѣть собою, безропотно подчиняясь ея требованіямъ въ тѣ минуты, когда сдѣлать это намъ нелегко. Пора намъ понять, что и этотъ крестъ, крестъ добровольной дисциплины на общее благо, нести нѣтъ никакой заслуги, пока мы дѣлаемъ это безъ всякаго усилія. Только тогда, когда подчиниться требованіямъ дисциплины намъ трудно, несеніе креста добровольной дисциплины становится заслугою и подвигомъ, какъ проявленіе самоотверженной любви, великодушной готовности на самопожертвованіе устойчивой, доблестной вѣрности долгу, дѣлу, братолюбію и знамени Братства. Пора понять, что измѣнять долгу и дѣлу именно въ тѣ минуты, когда вѣрность имъ и была бы доблестной и могла бы внушить братьямъ и руководителямъ Братства довѣріе и уваженіе, въ эти минуты сбросить съ себя крестъ подъ тѣмъ предлогомъ, что нести его тяжело—позорное и постыдное малодушіе, позорное отсутствіе самой элементарной честности по отношенію къ Богу, Братству и братьямъ. Оставаться при этомъ самодовольнымъ, цинично оправдывать свою крамолу тѣмъ, что дисциплина стала лично невыгодною для недобровольнаго—чудовищное извращеніе ума и сердца для тѣхъ, кто раньше воображалъ себя сознательнымъ дѣятелемъ на нивѣ Братства.

Въ чемъ же должна состоять добровольная дисциплина на лонѣ Трудового Братства? Прежде всего въ твердой рѣшимости постоянно и неизмѣнно подчинять, приносить въ жертву свои личные и семейные интересы интересамъ общаго дѣла, твердая рѣшимость со-

гласовать свои мысли, чувства и отношенія съ духомъ того дѣла, на служеніе которому добровольно отдаемъ свою жизнь, затѣмъ въ твердой рѣшимости не только относиться къ лицамъ, занимающимъ въ Братствѣ отвѣтственные должности, съ неизмѣнными чувствами довѣрія и уваженія, не только добровольно подчиняться ихъ распоряженіямъ, но и, по долгу братской любви, оказывать имъ всякое содѣйствіе, стараясь всячески облегчить имъ дѣло безкорыстнаго служенія на пользу Братства.

Отношенія къ Думѣ были не всегда безукоризненны, а иногда, хотя и въ очень рѣдкихъ случаяхъ, прямо возмутительны. Довольно часто проявлялась легкомысленная невнимательность къ постановленіямъ Думы. Очевидно, многіе не понимаютъ еще въ достаточной степени, что не Дума должна навязывать свой авторитетъ, а само Братство должно добровольно признавать его и полагать честь свою въ оказаніи этому высшему учрежденію въ Братствѣ уваженія, довѣрія и всякихъ доказательствъ признанія его верховнаго авторитета.

Не всѣ и не въ достаточной степени понимаютъ, какимъ уваженіемъ, въ интересахъ Братства, должно окружать лицъ, облеченныхъ особымъ довѣріемъ Братства, каковы старшины братскихъ селеній; не понимаютъ, что уваженіе имъ должно быть оказываемо для Братства, безъ всякаго отношенія къ ихъ личнымъ качествамъ. Вѣдь они являются по преимуществу представителями Братства. Если мы для оказанія имъ уваженія ожидаемъ особыхъ личныхъ заслугъ съ ихъ стороны, мы не Братству оказываемъ въ нихъ уваженіе, а лично имъ, безъ всякаго отношенія къ Братству и его полномочіямъ. Если, подъ предлогомъ, что тотъ или другой представитель, уполномоченный Братствомъ, ничѣмъ лично не заслужилъ оказанія ему особаго уваженія, члены Братства не будутъ ему оказывать уваженія за одно то, что онъ состоитъ полноправнымъ братомъ, членомъ Братской Думы или Старшиною братской семьи, они тѣмъ самымъ говорятъ, что не питаютъ уваженія къ самому Братству и самовольно, заносчиво предпрѣшаютъ судъ его, позволяя себѣ отказывать въ уваженіи человѣку, котораго Братство еще не признало заслуживающимъ быть лишеннымъ своего исключительно почетнаго положенія въ Братствѣ.

Нѣкоторые братья выказывали въ этомъ отношеніи не только прискорбное, но преступное легкомысліе. Не смотря на то, что полноправныхъ братьевъ еще очень мало, а Старшина одинъ въ семьѣ, нѣкоторые братья, казалось, совсѣмъ не помнили съ кѣмъ

имѣютъ дѣло, или не признавали нужнымъ оказывать имъ и, въ лицѣ ихъ, Братству особое уваженіе.

Допросимъ совѣсть нашу, имѣемъ-ли мы достаточно уваженія къ Братству для того, чтобы оказываніе особаго уваженія лицамъ, облеченнымъ въ немъ особымъ довѣріемъ, было-бы для насъ потребностью и радостью. Понимаемъ-ли мы, что, оказывая имъ неуваженіе, оказываемъ неуваженіе Братству, дѣлу Божию. Понимаемъ-ли мы, что не имѣть уваженія къ Братству, значитъ не имѣть добраго уваженія къ человѣческой личности въ себѣ, отдавшему себя и свою жизнь на дѣло Братства, значитъ быть кандидатомъ въ измѣнники и предатели.

Относиться къ Братству и жизни въ Братствѣ съ ребяческимъ задоромъ—преступное легкомысліе, а легкомысленное отношеніе къ святому дѣлу—святотатство, кощунство въ очахъ Божіихъ.

Поймемъ все это и будемъ, съ приличнымъ въ этомъ дѣлѣ смиреніемъ, явно исповѣдывать передъ людьми наше благоговѣйное отношеніе къ Братству Трудовому, явно оказывая всякое уваженіе лицамъ, удостоившимся въ Братствѣ особаго довѣрія.

Въ тѣсной связи съ этимъ стоитъ и легкомысленное отношеніе къ авторитету лицъ, поставленныхъ въ Братствѣ во главѣ какаго-либо спеціальнаго дѣла. Въ Братства начальствующія лица имѣютъ цѣлый арсеналъ чувствительныхъ способовъ воздѣйствія для обузданія тѣхъ, кто вздумалъ-бы не признавать ихъ авторитета и противодѣйствовать ихъ мѣропріятіямъ. Въ Братствѣ поддержаніе авторитета лицъ, облеченныхъ довѣріемъ Братства, и оказаніе имъ нравственнаго содѣйствія со стороны всей общины есть дѣло братской совѣсти и братской чести. Они не могутъ заставить, имъ надо добровольно дать. Возложить на человѣка отвѣтственную обязанность и затѣмъ не только не оказывать ему посильную помощь, а колебать его авторитетъ и тормозить успѣхъ его безкорыстныхъ трудовъ—преступное издѣвательство надъ жизнью его и крайняя степень нечестнаго отношенія къ нему. Поймемъ, что все это привычки стараго поведенія, совсѣмъ несогласныя со строемъ братской жизни. Если мы знаемъ въ Братствѣ лицо, которое можетъ быть болѣе полезнымъ на данномъ отвѣтственномъ мѣстѣ, постараемся замѣнить этимъ лицомъ того, кто, по нашему убѣжденію, менѣе достоинъ занимать его; но не будемъ колебать авторитета, не будемъ тормозить дѣятельности самоотверженныхъ тружениковъ, пока мы не имѣемъ кѣмъ замѣнить ихъ или не убѣдили все Братство въ основательности нашихъ взглядовъ.

Вспомнимъ какое преступное легкомысліе выказывали нѣкоторые братья по отношенію къ Старшинамъ, распорядителямъ работъ и экономамъ. Ничего не дѣлая для того, чтобы облегчить ихъ трудныя обязанности, напротивъ, всячески тормозя ихъ дѣло постояннымъ ослушаніемъ, они считали себя вправѣ колебать ихъ авторитетъ, постоянно критикуя всѣ ихъ слова и поступки. Какое въ подобномъ отношеніи отсутствіе всѣхъ братскихъ добродѣтелей! Гдѣ тутъ, не говорю кротость и смиреніе, а простая порядочность и справедливость? Гдѣ тутъ, не говорю ревность о благѣ общаго дѣла, а только опасеніе за то, чтобы не внести въ него раздоръ и неурядицу? Гдѣ тутъ, не говорю братолюбіе а только человѣчная жалость къ безкорыстному труженику?

Перейдемъ къ характеру взаимныхъ отношеній братьевъ другъ къ другу. Кромѣ общечеловѣческихъ мы имѣемъ еще и спеціально братскія обязанности другъ къ другу, обязанности не менѣе священные, неисполненіе которыхъ не менѣе позорно. Главныя братскія обязанности таковы: искренняя, живая, нѣжная братская любовь; искреннее, явное уваженіе другъ къ другу, и честная готовность дружнаго, совмѣстнаго несенія общаго креста. Это minimum требованій, понижать котораго мы не должны, безъ котораго не будетъ духовно уютною жизнь въ Братствѣ, безъ котораго мы непремѣнно станемъ мучить другъ друга; крестъ Братства станетъ бременемъ непосильнымъ и самое существованіе Братства безцѣльнымъ.

Этотъ обязательный minimum добра во взаимныхъ отношеніяхъ членовъ Братства возможенъ, однако, только при наличности слѣдующихъ добродѣтелей: живой вѣры, беззавѣтной преданности дѣлу Братства, великодушія, кротости, добраго смиренія, устойчивой любви и самоотверженія.

Нельзя требовать, чтобы всѣ мы постоянно были на этой духовной высотѣ. Надо требовать, чтобы всѣ въ Братствѣ признавали для себя обязательными эти добродѣтели, позоромъ уклоненія отъ нихъ и искренно къ нимъ стремились. Надо, чтобы общественное мнѣніе въ Братствѣ окрѣпло въ этомъ направленіи и клеймило осужденіемъ всякаго, кто, не усвоивъ себѣ эту азбуку братской порядочности, проявляетъ постыдное самодовольство безграмотности и, тѣмъ болѣе, того, кто проповѣдуетъ эту духовную безграмотность. Братство можетъ мириться съ духовно слабыми людьми, пока они смиренно стыдятся своей немоги и умѣютъ цѣнить и уважать духовныя силы въ другихъ. Братство не можетъ и не должно мириться съ тѣми, кто самодоволенъ въ немогѣхъ, требуетъ отъ

Братства права на немощь и признаетъ духовную азбуку Братства за бремя непосильное.

Когда я говорю про общественное мнѣніе Братства, что оно должно „клеить“, „требовать“, я, само собою, разумѣю, что все это дѣлается на братской основѣ устойчивой любви. И общественное мнѣніе въ Братствѣ, какъ и каждый членъ Братства въ отдельности, никогда не должно быть ниже справедливости, не должно и останавливаться на холодной справедливости, а всегда должно быть выше справедливости: требуя добра, клеймя зло, продолжать любить и жалѣть брата согрѣшающаго, не поддерживая его во злѣ; не отнимать у него въ то-же время поддержку братской любви на добро, никогда не переставать быть братомъ, не превращаться изъ брата въ строгаго судью и, тѣмъ болѣе въ жестокаго палача.

Эта возможность, безъ ущерба для торжества добра въ жизни Братства, не защищать себя, не превращаться изъ брата ни въ судью, ни въ палача, есть одно изъ самыхъ драгоценныхъ преимуществъ въ жизни Братства съ христіанской точки зрѣнія. Въ Братства необходимость самозащиты мотивируется возможностью крайняго злоупотребленія окружающимъ обществомъ кротостью, великодушіемъ и смиреніемъ христіанина. Не такъ въ Братствѣ. Внутри его не только не необходима, но неизвинительна, бессмысленна борьба за существованіе. Тотъ, кто не понимаетъ это, попавъ въ Братство, заблудился, не понимаетъ, куда зашелъ. Самая суть отличія Братства Трудового отъ окружающей жизни и состоитъ въ замѣнѣ, въ дѣлѣ труда и отношеній, основы борьбы, основы страха и корысти основою дружной, совмѣстной дѣятельности; основою братолюбія и взаимнаго довѣрія. Судъ надъ виновными, забота объ огражденіи общины отъ злоупотребленія добротою, великодушіемъ, кротостью, смиреніемъ препоручается въ Братствѣ Братской Думѣ.

Только тотъ братъ, только та сестра и доросли духовно до жизни въ Братствѣ, кто высоко дорожитъ этимъ драгоценнымъ преимуществомъ братской жизни.

Особенно опасно забывать эту основу братской жизни, когда дѣло идетъ о себѣ и близкихъ намъ существахъ, дѣлаться судьей въ собственномъ дѣлѣ или въ дѣлѣ собственной семьи. Въдѣ именно въ эти минуты намъ и предстоитъ доказать искренность и устойчивость нашей преданности братскимъ принципамъ и нашего довѣрія и уваженія къ Братству и его Думѣ.

Все это азбука братской жизни; все это логичныя, неизбежныя

послѣдствія искренняго желанія стройной организаціи христіанскаго добра въ жизни, наличности въ насъ живаго братолюбія, искренняго отвращенія отъ грубой борьбы за существованіе въ жизни „по обычаю міра сего“.

Тотъ, кто не радуется возможности расти и укрѣпляться въ христіанскихъ добродѣтеляхъ безъ помѣхи борьбы и самообороны; тотъ, кто ставитъ свои добродѣтели въ зависимость отъ добродѣтелей другихъ, извиняя свои немощи чужими немощами; тотъ, кто не хочетъ даромъ давать Братству и братьямъ свою жизнь и силы духовныя, а торгуетъ ими, постоянно взвѣсивая свои духовныя прибыли и убытки; тотъ, кто отъ братской довѣрчивости переходитъ къ борьбѣ и самозащитѣ, какъ только дѣло коснется его и его семьи; особенно тотъ, кто много требуетъ отъ другихъ, не признавая за собою никакихъ обязанностей,—тотъ человекъ стараго, не братскаго закала, человекъ стараго, не братскаго настроенія и поведенія.

Истинно, духовно рожденный къ жизни братской, къ жизни новой во Христѣ, человекъ тотъ только, кто стремится расти духомъ и достигать духовной красоты христіанскихъ добродѣтелей безъ всякаго отношенія къ тому, что дѣлаютъ и какъ относятся къ нему другіе, кто считаетъ за дѣло чести быть устойчиво любящимъ, великодушнымъ, кроткимъ и самоотверженнымъ при всякихъ обстоятельствахъ, кто считаетъ высшимъ горемъ и позоромъ для себя измѣнить добру и не извиняетъ эту измѣну, не оправдываетъ ее ни подъ какимъ предлогомъ. Только эти люди и несутъ крестъ Братства Трудоваго, а не увеличиваютъ тяжесть его, на немъ устраивая свое личное благополучіе, готовые сбросить его съ плечъ, какъ только приходится не на немъ удобно сидѣть, а на себѣ его нести.

Тотъ, кто не рожденъ еще духовно въ этомъ смыслѣ, можетъ жить въ Братствѣ, не становясь ни вреднымъ, ни даже опаснымъ для общаго блага только въ томъ случаѣ, если онъ сознаетъ немощи свои, съ любовью и уваженіемъ признаетъ превосходство надъ нимъ людей, болѣе его сильныхъ духомъ, способенъ со смиреніемъ и довѣріемъ принять ихъ руководство.

Допросимъ совѣсть нашу, такъ-ли мы относились къ себѣ и братьямъ нашимъ, были-ли алчущими и жаждущими правды братскихъ добродѣтелей, признавали-ли смиренно немощь нашу, принимали-ли со смиреніемъ руководство болѣе сильныхъ, полагали-ли честь нашу въ самоотверженномъ выполненіи братскаго долга, сты-

димся-ли позора измѣны ему, не считаемъ-ли даже знаніе и честное приложеніе къ жизни духовной азбуки Братства непомѣрною требовательностью и бременемъ, для себя и семьи нашей непосильнымъ?

Вспомнимъ и покаемся въ томъ, въ какихъ грязныхъ одеждахъ мы пришли на брачный пиръ Братства Трудового; какъ были при этомъ самодовольны; какъ мало торопились омытъ одежды наши; какъ мало цѣнили великодушіе Братства, терпѣливо ожидающаго отъ насъ, когда мы соблаговолимъ признать, что одежды наши грязны, когда пожелаемъ омытъ ихъ; великодушіе Творца и Спасителя нашего—Бога—Любовь, не карающаго насъ разсѣяніемъ, какъ нѣкогда покаралъ народъ избранный, ради буквы мертвящей измѣнившаго живой любви. Въ нашемъ дѣлѣ буква—принадлежность къ Братству и пребываніе въ немъ, животворящій-же духъ—живое, самоотверженное, устойчивое, беззавѣтное братолюбіе.

Допросимъ совѣсть нашу, вносили-ли мы въ жизнь Братства живой духъ живой, нѣжной, согревающей любви? Часто-ли проявляли великодушіе? Сроднились-ли съ чувствомъ неизмѣннаго уваженія къ человѣческому достоинству и еще высшему достоинству соратника на нивѣ Братства, по отношенію къ братьямъ нашимъ? Полагаемъ-ли честь нашу въ томъ, чтобы принять на себя возможно большую часть тяжести несенія креста Трудового Братства или желаемъ возможно большую тяжесть сбросить съ себя на плечи другимъ? Желаемъ-ли мы подвига и жертвы на общее дѣло или полны мелочнаго самолюбія, и любимъ братьевъ и вѣрны имъ только до тѣхъ поръ, пока это никакихъ жертвъ, никакого подвига отъ насъ не требуетъ?

Не буду напоминать вамъ отдѣльные факты жизни Братства, а скажу только о тѣхъ общихъ явленіяхъ, которыя громко требуютъ повышенія духовной жизни и общественнаго мнѣнія въ Братствѣ.

Общій тонъ отношеній между братьями далеко не такъ заботливо сердеченъ и любовно нѣженъ, какъ это было-бы желательно. Болѣе того, слишкомъ многіе изъ насъ, какъ кажется, даже не прониклись убѣжденіемъ въ нормальности для Братства такихъ отношеній и совершенно въ духѣ людей стараго поведенія, не стыдясь проявлять по отношенію къ братьямъ равнодушіе и холодъ, считаютъ неловкимъ, стыдятся проявить доброе чувство, согрѣть и утѣшить брата нѣжною ласкою.

То-же можемъ сказать и о проявленіяхъ взаимнаго уваженія. Люди стараго, чуждаго Братству, поведенія полагаютъ честь свою

не въ оказаніи должнаго уваженія другимъ, а въ томъ, насколько другіе имъ оказываютъ уваженіе. Истинные члены Братства Трудового такъ думать и чувствовать не могутъ. Честь свою они полагаютъ въ томъ, чтобы никогда не терять уваженія къ братьямъ, а не въ томъ, чтобы у нихъ требовать уважительнаго къ себѣ отношенія; признаютъ позорнымъ для себя погрѣшить противъ брата въ этомъ отношеніи, а не грѣхъ брата по отношенію къ нимъ.

Вѣрнымъ показателемъ степени немощности нашей въ этомъ отношеніи можетъ служить обидчивость, это позорное для Братства явленіе, свидѣтельствующее разомъ объ отсутствіи великодушія, кротости, смиренія, довѣрія, при грубой требовательности и горделивомъ себялюбіи обижающагося.

Вѣдь мы не можемъ, состоя членомъ Братства, не считать своею обязанностью относиться съ уваженіемъ и довѣріемъ къ Братству и братьямъ, не имѣемъ права не понимать, что мы въ Братствѣ среди друзей, а не враговъ, что если братъ и обидитъ насъ, то сдѣлаетъ это неумышленно, что все Братство, въ лицѣ Думы, оградитъ насъ отъ умышленныхъ оскорбленій и злоупотребленія нашею кротостію. Если даже при этихъ обстоятельствахъ мы не умѣемъ стать выше обидчивости и миримся съ малодушіемъ обидчивости, внося въ жизнь Братства ея разлагающую закваску, мы, живя въ Братствѣ, не понимаемъ, куда попали, братьевъ принимаемъ за враговъ и оскорбляемъ Братскую Думу, не довѣряя ей суду и защитѣ.

Настоятельно призываю всѣхъ членовъ Братства бороться въ себѣ съ этою обидною для Братства немощью и гордостію, ее порождающею. Пусть крѣпко установится общественное мнѣніе въ Братствѣ, неизмѣнно порицающее малодушіе обидчивости. Проникнемся сознаниемъ постыдности, глупости и низости обидчивости на лонѣ Братства, какъ грубаго проявленія гордости и недовѣрія.

Послѣ всего сказаннаго мнѣ нечего говорить объ отношеніи къ самому себѣ каждого изъ насъ. Говоря объ отношеніяхъ къ Богу, къ Братству Трудовому, какъ дѣлу Божію, къ избранныкамъ Братства и къ братьямъ, мы ясно обрисовали то, что желательно въ отношеніи къ самому себѣ, то, чего не достаетъ намъ въ дѣлѣ христіанскаго саморазвитія.

Надо изгнать изъ души своей бѣса себялюбія, вырвать изъ когтей его, выпустить на волю любовь, прежде украденную для самаго себя у Бога и ближнихъ нашихъ; надо языческое капище души нашей, гдѣ на престолѣ былъ кумиръ „я“ или другой какой,—будь

то отецъ, мать, жена, сынъ, дочь, другъ, наука, искусство и пр. и пр., обратить въ храмъ Бога Живого и Ему, вѣчному дѣлу Его себя самага, со всѣми силами души своей и всею жизнью, принести въ жертву живую и для того отвергнуться себя, взять на себя крестъ Братства Трудового и нести его во слѣдъ Христу, принося съ собою на дѣло Божіе всѣ вѣренныя намъ Богомъ таланты, приумножая ихъ, и въ служеніи на благо общее, въ успѣхахъ общаго дѣла полагая всю радость земной жизни нашей. Надо, чтобы наше личное благо вполне сливалось съ благомъ общимъ, наша личная радость была частицей общей радости и никогда съ ней не расходилась.

Богъ—Любовь не требуетъ отъ насъ жертвы для жертвы, самоистязанія для самоумерщвленія, не радуется страданіямъ нашимъ. Онъ хочетъ отъ насъ живой любви, безъ которой онъ не можетъ сдѣлать насъ добровольными причастниками блаженства любви Его, и любовь эта должна быть устойчивою и торжествующею, какъ та любовь, которою Онъ возлюбилъ насъ, до страданій, до смерти крестной, если страданіе и смерть неизбежны на пути любви, если надо выбирать между ними и прелюбодѣніемъ измѣны любви къ Богу и братьямъ.

Допросимъ совѣсть нашу, какъ много преуспѣлъ каждый изъ насъ на этомъ пути, какъ много доброй энергіи проявляетъ каждый изъ насъ на этомъ пути въ стремленіи отъ того, что есть, къ тому, что быть должно.

Допросимъ совѣсть нашу, не прозябаютъ-ли кто изъ насъ, коснѣя въ позорной духовной лѣни среди непрестанныхъ призывовъ къ сознательной вѣрѣ, любви и къ дѣлу любви, возлагая отвѣтственность за свою косность на Братство и братьевъ. И это чудовищное явленіе возможно. Самое пребываніе въ Братствѣ даетъ возможность во всякомъ положеніи на отношеніяхъ къ братьямъ ежеминутно упражняться духовно во всѣхъ христіанскихъ добродѣтеляхъ, но злая воля имѣетъ свою логику и всякую собственную вину самоувѣренно возложить на другихъ. Мы никого не любимъ—никто не заслуживаетъ нашей любви. Мы никого уважать не умѣемъ—никто не заслуживаетъ нашего уваженія. Мы погрязли въ самой позорной лѣни—намъ не даютъ дѣла, достойнаго приложенія къ нему доброй энергіи. Мы обидчивы—зачѣмъ насъ обижаютъ. Мы сварливы—зачѣмъ насъ раздражаютъ. Мы грубы—зачѣмъ намъ не угождаютъ. Мы становимся измѣнниками и предателями—зачѣмъ несутъ крестъ Братства Трудового не такъ, какъ мы того желаемъ!

Допросимъ совѣсть нашу, не затмѣваетъ-ли и нашъ умъ злая воля? Живетъ-ли у насъ спасительная жажда самоусовершенствованія или мы не двигаемся съ мѣста, извиняя нашу косность подъ какимъ-либо предлогомъ? Живемъ-ли мы съ Богомъ, установили ли живую связь съ Нимъ, получаемъ-ли изъ этого Единого Источника силы духовныя для постоянного возрастанія отъ любви въ любовь?

Горячо желая непрестаннаго общенія съ Богомъ—Любовь, отъ Него ожидая силъ духовныхъ, нужныхъ на добровольную жертву и радостный подвигъ любви, отъ всего сердца отдавая себя и жизнь свою въ руку Божію, на святое дѣло Его, не будемъ требовать отъ Господа радости ощущенія причастія любви Его. Если сердце наше холодно на молитвѣ, и въ жизни, неся крестъ Трудового Братства, не чувствуетъ себя согрѣтымъ ласкою небесъ, не будемъ роптать, будемъ смиренно ожидать, когда благоволитъ Господь удостоить насъ живой радости причастія любви Своей. Если Самъ Господь Іисусъ Христосъ, чувствуя Себя отлученнымъ отъ любви Бога Отца, воскликнулъ: „Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставилъ?“ можемъ-ли мы падать духомъ, унывать и, тѣмъ болѣе, роптать, если себя не минутами, а днями, мѣсяцами и даже годами чувствовали-бы отлученными отъ любви Божіей?

Допросимъ въ этомъ совѣсть нашу. Чувствуя въ себѣ недостатокъ братолюбія и другихъ братскихъ добродѣтей, ищемъ-ли силъ духовныхъ въ общеніи съ Богомъ, не проявляемъ-ли нетерпѣливой требовательности въ молитвѣ, всегда-ли молимся Единому Истинному Богу—Любовь, безъ сомнѣнія въ любви Его, увѣренныя въ Его великодушіи, кротости и всемогуществѣ?

Есть и еще дорогіе братья и сестры, два важныхъ условія преуспѣянія въ братолюбіи, на которыя я хочу обратить ваше особое вниманіе. Безъ молитвеннаго настроенія и благочестія мы не устоимъ въ братолюбіи. Молитва и благочестіе хлѣбъ духовный, сокровище наше. Какою помѣхою приэтомъ является столь укоренившееся представленіе о молитвѣ и благочестіи, какъ о чемъ-то холодномъ и сухомъ, сковывающемъ умъ, иссушающемъ сердце, превращающемъ человека въ живую мумію. Такова не можетъ быть молитва, обращенная къ Богу—Любовь, таково не можетъ быть благочестіе вѣрныхъ чадъ Его. Молитва Ему—общеніе живой любви, живой порывъ живаго духа къ Богу Живому. Эта молитва возможна ежеминутно, во всякомъ дѣлѣ и безъ всякаго ущерба для дѣла; она—живая любовь въ насъ, благоуханіе духа нашего; въ этомъ молитвенное настроеніе наше, обращающее всю жизнь нашу въ одинъ

непрерывный гимнъ во славу Божию. И благочестіе наше не можетъ быть приэтомъ робкимъ, мертвящимъ жизнь, признавая грѣховнымъ всѣ цвѣты ея. Благочестіе вѣрныхъ чадъ Бога—Любовь—дѣло любви дѣятельная, живая, радостная любовь къ Богу и всему Его творенію, особенно къ живому образу Его — человѣку. „Воящійся не совершенъ въ любви“—„въ любви нѣтъ страха, но совершенная любовь изгоняетъ страхъ“. Благочестіе не будетъ стѣснять христіанской свободы нашей. Мы не будемъ вездѣ видѣть грѣхъ и бояться его, понимая, что „въ любви нѣтъ соблазна“ и что грѣхъ тамъ, гдѣ нѣтъ любви, и нѣтъ грѣха тамъ, гдѣ есть любовь. Будемъ только непрестанно помнить святую гармонію духа. Если разумъ въ насъ, подчиняясь любви, властвуетъ надъ ощущеніями, ни разумъ, ни ощущенія не будутъ для насъ соблазномъ, мы не будемъ робѣть передъ ними и страхъ этотъ не скуетъ христіанской свободы нашей ни въ области жизни разума, ни въ области жизни ощущеній. Все—и любовь, и разумъ, и ощущенія, сольется для насъ въ одинъ стройный аккордъ. Будемъ помнить и святую гармонію любви. Если любовь къ братьямъ, подчиняясь любви къ Богу и святому дѣлу Его, властвуетъ надъ себялюбіемъ, ни любовь къ семьѣ, ни любовь къ самому себѣ не будутъ для насъ соблазномъ и страхъ этотъ не скуетъ христіанской свободы нашей ни въ области любви семейной, ни въ области законной заботы о собственномъ благѣ, о собственномъ счастьѣ. Все—и любовь къ Богу, и любовь къ Братству Трудовому, и любовь къ братьямъ, и любовь къ семьѣ, и собственное счастье, все сольется въ одинъ стройный аккордъ радости бытія въ родномъ домѣ Бога—Любовь.

Это благочестіе не можетъ изсушать сердце, не можетъ съуживать мысль, мертвить жизнь, уничтожать цвѣты ея. Это благочестіе все живитъ, расширяетъ и сердце, и умъ, облагораживаетъ всѣ цвѣты жизни, ни одного изъ нихъ не проклиная. Вотъ благочестіе, достойное Бога—Любовь; въ немъ красота, поэзія, радость и счастье, а внѣ его мелочность, пошлость, грѣхъ, скорбь и смерть.

Эту молитву, это благочестіе будемъ желать для себя и братьевъ нашихъ, сохраняя христіанскую свободу нашу отъ путъ робости и всякой излишней регламентаціи.

Второе условіе преуспѣянія въ братолюбіи — сознаніе возможности вліянія на насъ міра незримого. Люди такъ называемой „простой вѣры“, странники и чертопклонники такъ опошлили понятія о бѣсахъ и чертяхъ, такъ много нелѣпостей о нихъ рассказывали что самое признаніе ихъ существованія многими теперь почитается

за суевѣріе. Между тѣмъ они есть и воплощенные, и незримые. Они есть и могутъ имѣть на насъ вліяніе не менѣе живыхъ людей. Ежеминутно мы можемъ отдавать себя въ распоряженіе добрыхъ или злыхъ духовъ, смотря по характеру воли нашей. Стремимся мы къ добру — мы отдаемъ себя въ распоряженіе добрыхъ духовъ и они, вѣрные Господу, сдѣлаютъ черезъ насъ такое добро, какое сами мы своимъ человѣческимъ умомъ и понять не можемъ. Стремимся мы ко злу—и духи зла сдѣлаютъ черезъ насъ гораздо большее зло, чѣмъ мы желаемъ и нашимъ слабымъ человѣческимъ умомъ понять можемъ. Не вѣрить въ существованіе злыхъ духовъ—тоже суевѣріе и притомъ очень опасное, дѣлающее насъ беззащитными. Внушать намъ духи зла злую мысль, злое чувство, а мы наивно примемъ ихъ за проявленіе нашей собственной природы, усвоимъ ихъ себѣ, какъ занимательныя, оригинальныя, остроумныя; можетъ быть даже возгордимся ими и, такимъ образомъ, незамѣтно помиримся со зломъ, станемъ на сторону зла, въ лагерь враговъ Божіихъ. Надо знать, что есть и злые духи, что они могутъ на насъ вліять, если мы сами это имъ дозволимъ; тогда они намъ не будутъ страшны, мы не примемъ ихъ внушенія за собственные мысли и чувства, не попадемся въ разставленныя сѣти.

Намъ надо быть слѣпыми, чтобы не видѣть, какъ сильно ополчились силы зла на дѣло созиданія Трудового Братства, какія чудеса зла они дѣлаютъ, обращая друзей и даже братьевъ во враговъ его.

Будемъ-же остерегаться не стать игрушкой злыхъ духовъ, посягающихъ на братолюбіе въ насъ. Будемъ тщательно отгонять отъ себя всѣ мысли и чувства, противныя братолюбію, будемъ противопоставлять имъ завѣты любви Спасителя міра, будемъ бороться съ ними молитвою, любовію, дѣлами любви: сердечнымъ словомъ, любящимъ взглядомъ, нѣжною ласкою. И зло не побѣдитъ насъ.

Скажу нѣсколько словъ объ отношеніяхъ къ братскимъ семьямъ. Главная цѣль Братства—осуществить христіанство въ несравненно большей степени, чѣмъ оно осуществляется въ окружающей жизни, организовать отношенія и трудъ на единой христіанской основѣ братолюбія. Главное дѣло духовной жизни нашей—дѣло воспитанія души народной, расширение умовъ и сердецъ отъ узости эгоизма до широты вселенской любви. Мы на опытѣ извѣдали, до какой степени могутъ самообольщаться люди, живя внѣ Братства, какъ часто любовь ихъ, когда приходится доказать ее на дѣлѣ, при соприкосновеніи съ организаціей жизни и отношеній на основѣ

любви, гдѣ нельзя мечтать о любви, а приходится жить ею, оказывается только мечтою. Они мечтаютъ міръ обнять любовію своею, на дѣлѣ строя жизнь свою на основѣ грубѣйшаго эгоизма личного, семейнаго, кастоваго, національнаго, исповѣднаго. Вся жизнь ихъ представляетъ сложную амальгаму проявленій этихъ эгоизмовъ, а иногда, въ свободную минуту, они не прочь пометать и о вселенской любви, входятъ въ благодушное общеніе, безъ всякаго разбора, съ людьми самыхъ разнообразныхъ настроеній, благо это ни мало не стѣсняетъ возможность продолжать жизнь грубѣйшаго эгоиста; ихъ очень умиляетъ это фиктивное братство на часъ и они впадаютъ въ искреннее самообольщеніе, непоколебимо вѣруя въ реальность своего братолюбія. Какое горькое разочарованіе, когда отъ фиктивнаго братства на часъ надо перейти къ реальному трудовому братству, въ которомъ ежеминутно приходится проверять реальность своего братолюбія! Не только не оказывается добрыхъ привычекъ устойчиваго, торжествующаго братолюбія, но даже не оказывается ни пониманія значенія Трудового Братства, ни сочувствія къ нему. Умъ настолько недисциплинированъ братолюбиемъ, что не вмѣщаетъ въ себѣ сознанія высшей христіанской правды Трудового Братства. Сердце настолько въ дѣйствительности чуждо братолюбію, что, при соприкосновеніи съ Братствомъ, не только не радуется этому торжеству братолюбія въ жизни, но даже изобрѣтаетъ всевозможныя недоброжелательныя придирки, чтобы извинить свое равнодушіе, а иногда и враждебность по отношенію къ нему. Въ нареканіяхъ на Братство они столь-же изобрѣтательны, какъ и наивны. Чего только они не ставятъ въ вину ему: и личные недостатки отдѣльныхъ членовъ его, точно не надо и Братства, если люди тотчасъ не становятся ангелами въ немъ, и то, что оно не осуществляетъ христіанскаго идеала во всей его полнотѣ, точно не надо стремиться быть лучшимъ подъ предлогомъ, что нельзя разомъ стать святымъ, какъ святыя Господь Богъ нашъ, и даже то, что Братство обособляется въ новую организацію, а не преобразуетъ разомъ всего міра, какъ будто возможна организація безъ обособленія и основательно не лѣчитъ больного подъ предлогомъ, что вылѣчить всѣхъ больныхъ невозможно, или ничего не предпринимать въ общеніи съ людьми доброй воли подъ предлогомъ, что всему человечеству этой доброй воли внушить нельзя. Братство воспитываетъ чужихъ дѣтей съ родительской любовью; оно съ братской любовью принимаетъ всѣхъ, кто пріѣзжаетъ читать живую книгу Братства; оно поддерживаетъ широкое общеніе

не только съ соотечественниками и единовѣрцами, но и съ людьми доброй воли всѣхъ странъ и всѣхъ исповѣданій и все это не мѣшаетъ укорять его въ эгоистической обособленности и поучать его примѣромъ благодушной уживчивости со зломъ и злыми, именно тѣмъ, кто его-же осуждаетъ за недостатокъ фанатической обособленности и опасается его вліянія на окружающую жизнь, боясь за излюбленную рутину. Вотъ до какой степени ненавидятъ торжество братолюбія въ жизни люди, мечтающіе о немъ, не желая расширить умы и сердца свои, высвободивъ ихъ изъ узкихъ рамокъ эгоизма личного, семейнаго, кастоваго, національнаго или исповѣднаго въ жизни. Въ дѣйствительности всякій эгоизмъ, не только личный, но и семейный, и кастовый, и національный, и исповѣдній, одинаково противенъ духу братолюбія и живой любви къ Творцу вселенной, настолько противенъ, что не можетъ совмѣщаться съ духомъ вселенскаго братолюбія.

Вотъ это расширеніе сердецъ нашихъ отъ узости эгоизма до широты вселенской любви и должно быть главною заботою духовной жизни нашей. Грубая рутина жизни такъ изсушила сердца наши, что мы только со ступеньки на ступеньку можемъ возвышаться въ дѣлѣ оживленія сердецъ нашихъ, въ дѣлѣ расправленія крыльевъ души, такъ долго находившейся въ цѣпяхъ страха, въ узкой клѣткѣ эгоизма, въ дѣлѣ пріобрѣтенія привычекъ дѣятельной устойчивой, торжествующей любви.

Первою ступенью на этомъ пути и является братская семья, объединяющая въ себѣ нѣсколько личныхъ семей, имѣя въ лицѣ старшины общую живую совѣсть.

Духовное значеніе братской семьи и состоитъ въ томъ, чтобы всѣ члены ея, всѣ личные семьи, входящія въ составъ ея, на отношеніи къ ней ежеминутно упражнялись въ расширеніи сердецъ своихъ отъ узости эгоизма личного и семейнаго до сравнительной широты самоотверженной любви къ той братской семьѣ, къ которой принадлежатъ, постоянно согласуя благо личное и семейное съ благомъ всей братской семьи, а когда нужно, то и подчиняя благо свое и семьи своей благу общему.

Достигнувъ этой сравнительной широты сердецъ, намъ легче будетъ расширить сердца наши до привычекъ самоотверженной любви ко всему Братству, а затѣмъ и ко всей Церкви Вселенской.

Допросимъ-же въ этомъ важномъ дѣлѣ совѣсть нашу. Какъ относились мы къ братской семьѣ? Старались-ли мы всегда честно согласовать благо наше съ благомъ общимъ? Были-ли мы въ нуж-

ную минуту на высотѣ великодушія самоотверженія или, напротивъ, готовы были жертвовать интересами общими интересамъ личнымъ и только нехотя, съ неудовольствіемъ, а можетъ быть и съ затаенною обидою исполняли братскія обязанности наши по требованію старшины или братьевъ? Чего достигли мы на этомъ пути? Привела-ли насъ любовь къ тому, что мы отъ всего сердца искали точекъ соприкосновенія со всѣми братьями семьи, нашли основательныя причины любить каждого изъ нихъ, возрасли до смиреннаго сознанія, что всѣ они достойны любви нашей? Не побуждаетъ-ли злоба наша, злая воля искать, напротивъ, точекъ разлада, искать причины осужденія каждого изъ братьевъ и извинять гордость и злобу свою подъ чудовищнымъ предлогомъ, что никто въ братской семьѣ не достоинъ любви нашей? Побуждаетъ-ли насъ любовь заботиться о томъ, чтобы всѣмъ было уютно, духовно тепло и свѣтло въ братской семьѣ нашей или, напротивъ, вносимъ разладъ, скуку и скорбь въ общую жизнь?

Какъ устраниваемъ мы жизнь личной семьи нашей? Остаемся-ли мы всегда вѣрны Братству въ интимной глубинѣ семейной жизни нашей, постоянно внушая другъ другу и поддерживая другъ въ другѣ братскій духъ самоотреченія на пользу общую, братскій духъ отвращенія отъ всего, что ведетъ къ раздѣленію интересовъ личныхъ и семейныхъ съ общими интересами братской семьи, что можетъ привести къ измѣнѣ Братству Трудовому подъ какимъ-либо предлогомъ? Заботимся-ли мы о томъ, чтобы личная семья наша была малою Церковью Христовою, живя и семейныхъ своихъ побуждая жить во Христѣ, безъ чего и братская семья, въ которую, какъ составная часть, входитъ и наша личная семья, не можетъ жить во Христѣ и быть малою Церковью Божіею, что необходимо для того, чтобы такъ жило и все Трудовое Братство наше? Заботимся-ли мы о томъ, чтобы ввести въ жизнь личной семьи возможно большую простоту обстановки, сокращая до minimum'a потребности наши, чтобы и въ братской семьѣ, и во всемъ Братствѣ личная жизнь обходилась дешево, давая возможность на тѣ же средства содержать большее число людей въ Братствѣ, удѣляя возможно больше средствъ на пользу ближнихъ нашихъ, расширяя воспитательныя и благотворительныя заведенія Братства? Признавая въ теоріи необходимость простоты и дешевизны братской жизни, на практикѣ, по малодушію или близорукости, не увеличиваемъ-ли дороговизну стола, не покупаемъ-ли обновокъ женъ, не обшиваемъ-ли ненужными кружевцами бѣлье женъ и дѣтей нашихъ, совсѣмъ

упуская изъ виду, какъ все это отразится на общей жизни? Поддерживаемъ-ли мы доброе настроеніе семейныхъ нашихъ, напоминая имъ братскую обязанность искренняго покаянія для брата согрѣшающаго, требуя, и даже строго требуя, дисциплины смиренной покорности въ тѣхъ случаяхъ, когда предстоитъ подчиниться рѣшеніямъ Братства или его Думы? Не поддерживаемъ-ли мы, напротивъ, дурное настроеніе въ семейныхъ нашихъ, обижаясь за нихъ, заступаясь за нихъ даже и тогда, когда виновность ихъ вполне очевидна, принимая на себя позорную въ Братствѣ и для Братства роль защитниковъ и даже мстителей?

Перехожу къ очень важному вопросу въ жизни Трудового Братства, къ вопросу объ отношеніи къ труду. Для Братства не важно то, какъ объ немъ судятъ въ этомъ дѣлѣ посторонніе люди съ точекъ зрѣнія, совершенно, можетъ быть, чуждыхъ основнымъ принципамъ Братства; для него безконечно важнѣе отнестись сознательно къ тому, какъ обстоитъ дѣло въ дѣйствительности съ нашей, братской точки зрѣнія.

Есть двѣ причины, затрудняющія для постороннихъ правильную оцѣнку нашего труда и его результатовъ. Переходное положеніе, при которомъ общая картина трудовой жизни Братства представляетъ изъ себя не то, что быть должно, а то, что быть можетъ при данныхъ обстоятельствахъ и самые результаты труда никакого самостоятельнаго значенія не имѣютъ, такъ какъ руководители экономической жизни Братства задаются цѣлью строить не избушку, а большое зданіе, судить о которомъ нельзя, пока оно недостроено и загромождено лѣсами. Вторая причина—новость самой постановки дѣла труда въ христіанскомъ Трудовомъ Братствѣ, гдѣ трудъ и экономическіе его результаты не могутъ служить конечною цѣлью, не могутъ имѣть самодовлѣющаго значенія, а должны подчиняться конечнымъ цѣлямъ духовнаго блага и торжества братолюбія, причемъ отношенія членовъ Братства къ труду съ точки зрѣнія экономической выгоды и торжествующей корысти могутъ быть основательно порицаемы, будучи на самомъ дѣлѣ совершенно безукоризненными.

Изъ этого слѣдуетъ, что мы не должны относиться съ чрезвычайнымъ довѣріемъ къ сужденіямъ о постановкѣ дѣла труда въ Братствѣ и о его экономическомъ положеніи лицъ, чуждыхъ Братству по духу и убѣжденіямъ, что мы не должны пугаться ихъ нареканій и пессимистическихъ предсказаній. Тотъ, кто не признаетъ братолюбія даже и въ теоріи за достаточный стимулъ для трудолюбія—

не может не отнестись къ нашему Трудовому Братству съ принципиальнымъ недоверіемъ. Во всемъ—и въ переходномъ положеніи вещей, въ недостроенности зданія Трудового Братства, и въ отсутствіи побужденій страха и корысти, и въ дурномъ отношеніи къ дѣлу отдѣльныхъ личностей, во всемъ онъ усмотритъ неопровержимое доказательство непригодности въ дѣлѣ труда исключительной основы братолюбія. Странно и преступно было-бы перейти на его точку зрѣнія и для исправленія и спасенія дѣла погубить его и измѣнить самой духовной основѣ его, вводя въ жизнь Братства приманки корысти или палки страха.

Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы мы могли кое-какъ относиться къ труду и при этомъ снисходительно относиться къ самимъ себѣ подъ предлогомъ, что время переходное, зданіе Братства недостроено и трудъ не имѣетъ для насъ самодовлѣющаго значенія, не является для насъ конечною цѣлью жизни.

Именно въ этомъ отношеніи мы должны особенно строго допросить совѣсть нашу. Съ прискорбіемъ говорю, есть обстоятельства, въ силу которыхъ совѣсть наша можетъ быть недостаточно чуткою именно въ этомъ вопросѣ.

Воспитывая васъ, я горячо желалъ всесторонне подготовить васъ на дѣло созиданія добра въ жизни, на дѣло организаціи труда и отношеній на единой христіанской основѣ братолюбія. Постоянно я указывалъ вамъ на то, какое громадное значеніе для успѣха дѣла будетъ имѣть трудолюбіе, хозяйственность, практичность. Къ сожалѣнію, самъ я не могъ вамъ показать добрый примѣръ въ этомъ отношеніи въ примѣненіи къ физическому труду и долженъ былъ систематично удалять „практичныхъ дѣльцовъ“, опасаясь, чтобы вы, вмѣсто трудолюбія, хозяйственности и практичности, не переняли у нихъ антихристіанскую основу эгоизма и корысти, благодаря которой они и при этихъ качествахъ являются вредными членами общества и совершенно не способны не только стать полезными членами христіанскаго Трудового Братства, но даже только понять его необходимость и отнестись къ нему сочувственно. Изъ двухъ золъ я выбралъ меньшее. Чтобы не подвергнуть васъ соблазну сдѣлаться „практичными дѣльцами по обычаю міра сего“, я предпочелъ цѣльно воспитывать васъ на основахъ братолюбія, ожидая отъ братолюбія вашего и практичнаго, хозяйственнаго отношенія къ физическому труду.

Допросимъ совѣсть нашу. Братолюбіе достигло-ли въ насъ той силы, при которой оно является побужденіемъ для насъ къ трудо-

любію, хозяйственности и практичности въ меньшей степени, чѣмъ корысть, гордость и грубое себялюбіе въ жизни „по обычаю міра сего?“ Стали-ли мы въ этомъ дѣлѣ мудры, какъ змѣи, не измѣняя христіанскимъ принципамъ нашимъ? Стали-ли мы такъ-же мудры на добро, какъ мудры на зло „дѣти міра сего?“

Допросимъ совѣсть нашу въ двухъ пунктахъ. Какъ мы думаемъ о трудѣ и какъ на практикѣ относимся къ нему?

Съ точки зрѣнія христіанскаго Трудового Братства трудъ является священной обязанностью братолюбія, трудолюбіе—честнымъ подвигомъ принятія на себя возможно большей части тяжести общаго креста. Виѣ Братства слишкомъ часто чѣмъ легче трудъ, тѣмъ онъ почетнѣе. Удивительно-ли, что при такихъ обстоятельствахъ никто не хочетъ тяжелаго труда и жизнь превращается въ арену борьбы за легкій трудъ, болѣе почетный и выгодный, чѣмъ трудъ тяжелый. Такъ не должно быть, такъ не можетъ быть въ Трудовомъ Братствѣ, если Братство это хочетъ имѣть право честно называться „Братствомъ“. Въ Братствѣ, гдѣ по самой сути его трудъ долженъ быть безкорыстенъ и основанъ на братолюбіи, очевидно, наибольшимъ уваженіемъ должны пользоваться самые трудные и непріятные роды труда и тѣ самоотверженные, безкорыстные труженики, которые, побуждаемые братолюбіемъ, смиренно и радостно, безъ зависти несутъ на себѣ этотъ наибольший подвигъ, этотъ наитяжелѣйшій крестъ. Все-ли мы перешли отъ рутинныхъ предразсудковъ къ этому братскому взгляду на вещи? Побуждаетъ-ли насъ братолюбіе желать принять именно на себя высшій подвигъ, самый тяжелый и непріятный трудъ, или трудолюбіе у насъ хватаетъ только на тотъ трудъ, который намъ нравится, безъ всякаго отношенія къ тому, принесемъ-ли наибольшую пользу именно этимъ трудомъ Братству и братьямъ?

Виѣ Братства, среди грубой экономической борьбы за существованіе, слишкомъ часто торгуютъ своимъ трудомъ, какъ торгуютъ и умомъ, и талантами, нерѣдко и совѣстью своею; стараются продать трудъ какъ можно дороже, деньги даютъ comfortъ, на деньги покупаютъ и уваженіе. Такъ не должно, такъ не можетъ быть въ Братствѣ. Comfortъ долженъ быть равный для всѣхъ или распределяться по усмотрѣнію Братства. Степень уваженія должна зависеть отъ степени братолюбія и самоотверженія, отъ степени преданности общему дѣлу. Въ этомъ отношеніи особенно опасно положеніе переходнаго времени. Братство дѣло новое, для многихъ непонятное; пока оно не окрѣпло, пока окружающее общество не

привыкло къ его существованію и особенностямъ его быта, пока въ составъ его входятъ лица разнаго общественнаго положенія и разнаго жизненнаго закала, оно вынужденно идти временно на многіе компромиссы, допускать исключительную обстановку для тѣхъ, отъ кого требуетъ это ихъ общественное положеніе и сношенія съ посторонними лицами. Такъ, вся семья моя не опростила жизнь свою отчасти по отсутствію соотвѣтствующаго закала, отчасти находя полезнымъ для Братства не порывать связей съ высшими слоями общества, которые въ опрощеніи увидѣли-бы враждебную демонстрацію и могли-бы не понять, что передъ ними дѣло мира, любви и единенія, а не дѣло борьбы, вражды и разъединенія. Такъ, отступаютъ отъ простоты братской жизни въ одеждѣ и пищѣ тѣ изъ братьевъ, которые въ интересахъ Братства должны посѣщать или у себя принимать лицъ, непривыкшихъ къ братской простотѣ и ей несочувствующихъ.

Для того, чтобы это не стало разлагающею закваскою въ жизни Братства, необходимо, чтобы члены Братства смотрѣли на это, какъ на временное отступленіе отъ желательной нормы, сами никогда не измѣняли братской точкѣ зрѣнія; необходимо, чтобы отступленія эти никогда не бывали самовольными, чтобы допускались они и самый размѣръ ихъ опредѣлялся Братскою Думою; необходимо и то, чтобы отступленія эти не были предметомъ эгоистическихъ вождельній и позорной зависти.

Относимся-ли мы сознательно къ высшему достоинству простоты жизни? Не зарождается-ли въ жизни Братства нашего закваска зависти и погони за тѣмъ положеніемъ и тѣми родами труда, при которыхъ является неизбежность или возможность большаго матеріальнаго комфорта въ жизни?

Внѣ Братства умственный трудъ и высшее положеніе даютъ возможность при меньшемъ трудѣ получать большія выгоды. Отсюда стремленіе къ умственному труду, вызывающее непомѣрное перепроизводство, не ученыхъ и истинно образованныхъ людей, а людей, желающихъ во чтобы то ни стало заниматься умственнымъ трудомъ, благо, трудъ этотъ не поддается учету и дорого цѣнится на жизненной биржѣ. Отсюда и страстное желаніе дослужиться до такого высокаго поста, на которомъ одни права и преимущества и никакой ни обязанности, ни отвѣтственности. Такъ не должно, такъ не можетъ быть въ Братствѣ. Честный братъ не можетъ стремиться къ умственному труду, какъ къ болѣе легкому. Въ дѣйствительности умственный трудъ не легче физическаго, если не

злоупотребляютъ его безучетностью, а желать умственный трудъ для того, чтобы злоупотреблять довѣріемъ Братства—позорно, какъ позорно и завидовать тѣмъ, кого Братство признало способнымъ принести наибольшую пользу, служа Братству именно этимъ трудомъ. Честный братъ не можетъ желать и высшаго положенія, какъ болѣе легкаго. Въ Братствѣ высшее положеніе соединено съ большими заботами, съ большею отвѣтственностью. Только тотъ на высшемъ положеніи устроится спокойно, кто будетъ опять-таки злоупотреблять довѣріемъ Братства. Желать высшаго положенія, какъ болѣе спокойнаго и пріятнаго, значитъ желать его, заранѣе рѣшившись злоупотреблять довѣріемъ Братства, а это тоже позорно, какъ позорно и завидовать тѣмъ, которые такъ поступаютъ.

Нельзя, конечно, требовать, чтобы всѣ имѣли однѣ наклонности и потому не предпочитали одинъ трудъ другому. Въ интересахъ Братства предоставить каждому заниматься именно тѣмъ трудомъ, который наиболѣе соотвѣтствуетъ его наклонностямъ и потому можетъ быть наиболѣе успѣшно имъ выполняемъ. Должно, высказавъ свои желанія, терпѣливо ждать, когда Братство найдетъ возможнымъ и удобнымъ исполнить желаніе брата, честно, по мѣрѣ силъ и способности, выполняя то дѣло, которое поручено въ данное время, не извиняя отсутствія трудолюбія тѣмъ, что дѣлать приходится не самое пріятное для насъ дѣло. Тутъ необходимо полное, смиренное довѣріе къ Братству, чтобы дисциплина дружной работы на пользу общаго дѣла не замѣнилась хаосомъ анархіи эгоистическаго своеволія.

Допросимъ совѣсть нашу. Имѣемъ-ли мы достаточно братолюбія и смиреннаго довѣрія къ Братству и его Думѣ, чтобы проявлять истинное трудолюбіе на всякомъ дѣлѣ, какое Братство найдетъ возможнымъ и полезнымъ поручить намъ въ данное время?

Перехожу къ вопросу объ отношеніяхъ Братства къ окружающему обществу. Одни строго обвиняли насъ въ недостаткѣ общительности, въ преступной, съ ихъ точки зрѣнія, обособленности; другіе, напротивъ, съ любовью говорили о новомъ характерѣ общенія съ Братствомъ, о новыхъ формахъ общенія, выработанныхъ нами, о благотворномъ, согрѣвающимъ душу, пробуждающемъ лучшія силы души, облагораживающемъ вліяніи общенія съ Братствомъ. Одни покидали насъ холодными, равнодушными, разочарованными, находя въ насъ менѣе сердечности и отзывчивости, чѣмъ внѣ Братства; другіе, напротивъ, уважали отъ насъ убѣжденными, а иногда и восторженными друзьями нашими, говоря, что нигдѣ внѣ Брат-

ства не находили такой сердечности и отзывчивости, такой согревающей и оживляющей любви. Съ радостью за Братство я считаю себя вправѣ сказать, что друзей въ результатѣ личнаго общенія и ознакомленія съ дѣломъ нашимъ на мѣстѣ мы пріобрѣтали несравненно больше, чѣмъ враговъ и порицателей. Необходимо прибавить, что если-бы порицателей было безконечно больше, если-бы порицали насъ единодушно всѣ наши современники, не чувствующие на степени насущной потребности христіанской совѣсти и братолюбія, неизбежности созиданія Трудового Братства, и тогда намъ, вѣрующимъ въ Бога Живого и Христа Его, а не въ народъ, хотя-бы и „избранный“, не слѣдовало-бы придавать этому порицанію чрезвычайнаго значенія.

Вдаваться въ подробную оцѣнку причинъ, побуждающихъ нѣкоторыхъ относиться къ Братству съ порицаніемъ, предпочитая настроеніе и укладъ жизни внѣ Братства, я не буду. Посмотримъ, какого рода общеніе и какого рода обособленіе для Братства желательны и то, насколько практика жизни нашей соответствуетъ тому.

Всякая новая организація требуетъ обособленія отъ старой рутины. Братство, организующее трудъ, взаимныя отношенія и всю жизнь на началахъ братолюбія, болѣе всякой другой организація требуетъ обособленія отъ грубой борьбы за существованіе и ея представителей, обособленія отъ людей противоположныхъ мыслей и чувствъ для осуществленія и стройной организація братскаго общенія между людьми дѣйствительно единомысленными и единодушными. Итакъ, обособленіе необходимо, законно, составляетъ неотъемлемое право наше. Вопросъ сводится къ тому, какая степень обособленія и, соотвѣтственно тому, какая степень общенія съ внѣшнимъ міромъ полезны и желательны въ данную минуту, при данныхъ обстоятельствахъ. Чѣмъ сильнѣе мы духомъ, чѣмъ болѣе окрѣпли въ добрѣ, съ точки зрѣнія Братства, тѣмъ менѣе необходимо для насъ обособленіе, тѣмъ полезнѣе и желательнѣе широкое общеніе съ внѣшнимъ міромъ. Очевидно, что и степень обособленія, и формы общенія должны быть опредѣляемы нами. Чѣмъ менѣе мы увѣрены въ своихъ силахъ, тѣмъ болѣе должны смиренно сознать необходимость обособленія. Чѣмъ болѣе мы увѣрены въ нашей стойкости, тѣмъ болѣе можемъ позволить себѣ общенія и даже приступить къ апостольской дѣятельности внѣ Братства. Рѣшать за насъ вопросъ о томъ, на что мы способны и что намъ полезно въ этомъ отношеніи, дѣло для лицъ постороннихъ слишкомъ труд-

ное. Очень замѣчательно, что укоряли насъ въ обособленіи, объясняя его даже гордостью, именно лица, которые, осуждая братьевъ за недостатокъ христіанскихъ добродѣтелей, должны были-бы признавать желательность для нихъ наибольшаго обособленія и считать за дѣло гордости легкомысліе общенія и, тѣмъ болѣе, безуміе апостольства при такихъ обстоятельствахъ. Очень замѣчательно и то, что укоряютъ насъ за недостатокъ общенія съ простымъ народомъ именно тѣ, которые наименѣе желаютъ нашего вліянія на него и не преминули-бы поднять негодующій шумъ, внушая недоувѣріе къ Братству и требуя обузданія его „вредной пропаганды“, если-бы Братство послѣдовало ихъ совѣту.

Посмотримъ, какова была практика общенія съ внѣшнимъ міромъ.

Молодость Братства нашего заставляетъ желать возможно болѣе частаго и тѣснаго братскаго общенія между нами. Это обстоятельство, въ связи съ усиленнымъ трудомъ, неизбежнымъ при малочисленности дѣятелей на нивѣ Братства, оставляетъ намъ очень мало свободного времени для общенія съ посторонними. Несмотря на это, общеніе установилось самое разнообразное и въ такихъ широкихъ размѣрахъ, что упрекать насъ въ эгоистической обособленности едва-ли возможно, дорожа справедливостью. Съ интеллигентными слоями общества мы установили слѣдующія формы общенія.

1. Братство наше мы считаемъ живою книгою и эту живую книгу готовы раскрыть передъ всякимъ, кто потрудится пріѣхать къ намъ, чтобы прочесть ее. Укорять насъ въ обособленности въ этомъ отношеніи невозможно. Мы очень легко даемъ разрѣшеніе желающимъ и всѣхъ принимали съ братскимъ радушіемъ. Были между пріѣзжающими и лица, отличавшіеся чрезвычайною требовательностью, считавшія за недостатокъ вниманія къ себѣ то, что мы не прекращали всѣ свои дѣла и занятія, чтобы проводить все время съ ними; другіе, выражая мысли и чувства, оскорбительныя для нашей любви и преданности Братству, требовали отъ насъ равнодушія къ святымъ святымъ нашей жизни и не прощали намъ даже скорбь нашу; третьи, самоувѣренно критикуя постановку дѣла въ Братствѣ, интересуясь не тѣмъ, насколько Братство представляетъ отрадное явленіе въ жизни, сравнительно съ окружающею средою, а тѣмъ, въ чемъ Братство отстаетъ отъ ихъ собственнаго идеала, негодовали на то, что мы дѣло дѣлаемъ сообразно нашимъ, а не ихъ убѣжденіямъ; четвертые, исповѣдая „народную“ вѣру, считая церковью одинъ простой народъ, который будто-бы „въ

образъ звѣринои содержитъ неискаженною религіозную истину“, интересовались не тѣмъ, насколько мы осуществляемъ правду христіанскую, а тѣмъ, насколько мы расходимся въ пониманіи этой правды съ большинствомъ носителей „образа звѣринаго“.

Живую книгу Братства мы широко раскрываемъ передъ всѣми не для того, чтобы каждый могъ писать въ ней, что ему пожелается, а для того, чтобы всѣ могли читать ее. Намъ дорого всякое искреннее мнѣніе, но нельзя требовать отъ насъ, чтобы всякое мнѣніе, только потому, что оно искренно, было-бы одинаково для насъ убѣдительно или пріятно. Если гость говоритъ хозяину дома, что жена его глупа, что дѣти его разбойники и туеядцы, что вся семья его есть зловерное явленіе въ жизни Церкви и Государства, онъ не долженъ удивляться, если, не смотря на искренность заявленія, онъ не произведетъ благопріятнаго впечатлѣнія; будетъ даже справедливо признать хозяина дома очень великодушнымъ, если онъ ограничится выраженіемъ скорби и пожелаетъ оградить себя и домашнихъ своихъ отъ слишкомъ близкаго общенія съ тѣмъ, кто такъ искренно выражаетъ отсутствіе любви и уваженія къ нему и его домашнимъ. Оказывается, что есть лица, для которыхъ не только трудно понять силу любви и уваженія, которыя мы питаемъ къ братской семьѣ нашей и другъ къ другу, но даже трудно допустить возможность этихъ чувствъ и реальность для насъ семьи Братства. Отсюда странныя недоразумѣнія. Скажетъ, напримѣръ, такой гость члену Братства, что побудительною причиною всей моей дѣятельности онъ признаетъ непомерную гордость мою, ничѣмъ инымъ, какъ только этою непомерною гордостью объясняя то, что я съ нимъ расхожусь во мнѣніяхъ. Членъ Братства говоритъ ему, что знаетъ меня много лѣтъ и знаетъ, что живая, сознательная вѣра, глубокое убѣжденіе, горячая любовь, а не гордость заставляетъ меня такъ дѣйствовать. Въдъ онъ отстаиваетъ святая святыхъ жизни своей, любовь, уваженіе и довѣріе къ дѣлу, которому отдалъ всего себя и всю жизнь свою, къ духовному отцу, родившему его къ жизни новой, воспитателю, другу и брату, основателю и руководителю этого дѣла. Въдъ если онъ повѣритъ тому, что это не дѣло вѣры и любви, а дѣло гордости, онъ долженъ признать, что это дѣло не доброе и полезное, а злое и вредное, долженъ отвернуться отъ него. Въдъ если онъ отнесется къ такому мнѣнію безразлично, равнодушно, онъ будетъ чувствовать себя измѣнникомъ и предателемъ. И онъ волнуется, возражаетъ, доказываетъ. Гость хладнокровно заявляетъ ему: „ну, это мое личное убѣжденіе“ и очень

недоволенъ, считаетъ себя обиженнымъ, когда послѣ этого не чувствуетъ болѣе простоты, сердечнаго единенія, довѣрія къ себѣ и радостной пріятности въ общеніи съ членами Братства. Въдъ онъ это сдѣлалъ по долгу искренности! Въдъ онъ искренно такого дурного мнѣнія о мнѣ и нашемъ дѣлѣ! Послѣ этого братья не выносятъ искренности и правды. Не только я гордъ, но и васъ всѣхъ воспиталъ гордецами.

Эта картина не выдумана мною. Она точное воспроизведеніе жизненной правды, нами пережитого. Намъ надо помириться съ тѣмъ, что люди, такъ думающіе и чувствующіе, уйдутъ отъ насъ неудовлетворенными, обвиняя насъ въ недостаткѣ общительности, въ эгоистической обособленности и во многомъ другомъ. Въ угоду имъ мы не можемъ дозволить имъ писать въ живой книгѣ Братства нашего все, что они пожелаютъ, не можемъ стать измѣнниками и предателями по отношенію къ Братству и другъ къ другу, не можемъ бросить всѣ дѣла наши для общенія съ ними, не можемъ думать, чувствовать и поступать не по своимъ, а по ихъ убѣжденіямъ, не можемъ признать на мѣсто „Единого Учителя Христа“ какого-либо другого учителя; особенно не можемъ измѣнить Богу Живому, увѣровавъ на мѣсто Его въ простой народъ, зная, что „образъ звѣринный“ въ немъ ничто иное, какъ проявленіе озвѣренія его души. Кто бы ни былъ виновенъ въ этомъ озвѣреніи, сотворить себѣ кумира изъ этого „звѣря“ мы не можемъ и всегда будемъ искать пониманіе религіозной истины въ Откровеніи Главы Церкви, Бога Слова, Спасителя міра, Господа нашего Іисуса Христа, а не у „народа жестоковѣрнаго“.

Допросимъ совѣсть нашу. Все-ли мы дѣлаемъ для того, чтобы уяснить гостямъ нашимъ правду Трудового Братства? Не затемняемъ ли мы для нихъ пониманія этой правды, по лѣни духовной упуская благопріятныя случаи для ея исповѣданія передъ ними? Нѣкоторые изъ гостей нашихъ повидимому недостаточно понимали, что всего болѣе важно и интересно въ жизни Братства не проявленіе немощей нашихъ, не то, что является въ Братствѣ отголоскомъ стараго поведенія, наслѣдіемъ вѣковой рутины, не то, что временно и должно быть измѣнено, а то, что нормально для Братства, что соответствуетъ его идеалу, что въ жизни Братства является новымъ, для него типичнымъ; не понимаютъ и того, что не немощи наши, а сила Божія въ немощахъ нашихъ, какъ-бы велики они ни были, созидаетъ Братство, что, слѣдовательно, неосновательно интересоваться проявленіями немощей нашихъ болѣе, чѣмъ проявленіями

силы Божіей и, тѣмъ болѣе, неосновательно строить предположенія о будущности Братства на наблюденіяхъ о немощности того или другого члена его. Сами мы всегда-ли ясно понимаемъ это и не вводимъ-ли въ заблужденіе гостей нашихъ, не поддерживаемъ-ли ихъ на ложномъ пути, впадая иногда въ ихъ тонъ пересуживанія мелочей, за которыми совсѣмъ упускаемъ главное?

Изъ деликатности, описаясь на грубую мысль, на грубое чувство отвѣтить обидою слишкомъ яснаго разоблаченія грубости этихъ мыслей и чувствъ, не впадаемъ-ли мы въ крайность, уклоняясь отъ разговора, недостаточно ясно высказывая свое несогласіе, погружаясь въ параличъ застѣнчивой молчаливости? Ставить это въ упрекъ тѣмъ, которые такъ поступаютъ, я не могу. Это, несомнѣнно, лучше, чѣмъ грубый споръ или легкомысленное безразличіе благодушной болтливости. Не можемъ ли мы, однако, въ этомъ отношеніи сдѣлать шагъ впередъ? Братская жизнь постепенно воспитываетъ насъ къ новымъ привычкамъ ума и сердца. Если-бы, оставаясь неизмѣнно вѣрными братскимъ убѣжденіямъ и чувствамъ, мы не предъявляли къ другимъ братскихъ требованій, можетъ быть даже самыя чудовищныя, съ братской точки зрѣнія, мысли и чувства не только не вызывали-бы съ нашей стороны опасенія отвѣтить грубо, но и не парализовали-бы насъ въ присутствіи тѣхъ, кто ихъ высказываетъ. Намъ не надо бояться высказывать истину, какъ-бы она ни была непріятна, лишь-бы, высказывая горькую истину, мы сохраняли чувство жалости и не теряли уваженія къ человѣческому достоинству того, кому мы эту истину высказываемъ. Вѣдь это единственное орудіе наше; не пользуясь имъ мы можемъ произвести впечатлѣніе робости, замкнутости и даже неискренности. Возрасли-ли мы духовно въ достаточной степени для того, чтобы стать на эту новую ступеньку деликатной, благородной искренности?

2. Нѣкоторые члены Братства находятся въ перепискѣ съ лицами, интересующимися судьбами Братства. Пусть они допросятъ совѣсть свою, всегда-ли въ письмахъ этихъ они имѣли въ виду благо Братства и были озабочены тѣмъ, чтобы по легкомыслію или подъ вліяніемъ минутнаго настроенія, не ввести своихъ корреспондентовъ въ прискорбное для Братства заблужденіе. Такъ, одинъ изъ братьевъ, подъ вліяніемъ скорби о выходѣ изъ Братства очень близкаго ему человѣка, писалъ нѣсколькимъ лицамъ въ Петербургъ такъ необдуманно, что по Петербургу разнесся слухъ объ окончательномъ распаденіи Братства въ то время, какъ въ дѣйствитель-

ности ничего подобнаго не было. За это мы можемъ упрекнуть себя въ избытокъ необдуманной общительности. Допросимъ совѣсть нашу, не способны-ли и многіе изъ насъ на что-либо подобное?

3. Мы печатаемъ стихотворенія двухъ нашихъ поэтовъ, печатали ихъ въ журналѣ „Воскресная бесѣда“, печатаемъ и отдѣльными сборниками. Нельзя и это не принять за форму общенія.

4. Отдавъ всего себя и всю жизнь мою на дѣло Братства, я не могу отдѣлять себя отъ него и не признавать общеніе со мною за общеніе съ Братствомъ. Идею Братства я пропагандирую печатая мои сочиненія.

5. Теперь, когда я часто и надолго отлучаюсь, чтобы дать Братству возможность жить безъ меня все болѣе и болѣе самостоятельно, я воспользовался этимъ и установилъ дружественное общеніе со множествомъ людей доброй воли въ Россіи, Германіи, Франціи, Швейцаріи, Англіи и Бельгіи.

6. Во время моего пребыванія въ Петербургѣ я почти ежедневно, а иногда и по нѣскольку разъ въ день велъ бесѣды въ частныхъ домахъ, куда собирались иногда и очень многочисленные слушатели. То-же было и во многихъ другихъ городахъ въ Россіи и заграничѣй.

7. Со всѣхъ концовъ Россіи я получаю письма, полныя выраженій горячаго сочувствія дѣлу Трудового Братства и моимъ сочиненіямъ. Не разъ я имѣлъ счастье узнавать изъ этихъ писемъ, что сочиненія мои помогаютъ приходить къ сознательной вѣрѣ, что дѣло наше и самая возможность созиданія Трудового Братства примиряетъ съ жизнью, возвращаетъ надежду на возможность лучшаго будущаго, окрыляетъ духъ на бодрую дѣятельность.

8. Двѣ брошюры мои были изданы на иностранныхъ языкахъ, одна въ Германіи, другая во Франціи. Многіе иностранные журналы въ Германіи, Франціи и Англіи помѣстили статьи о нашемъ Братствѣ, не только сочувственныя, но и восторженныя. Это приобрѣло намъ много друзей. Цѣлыя общества и приходы молятся о насъ на собраніяхъ своихъ. Многіе писали мнѣ, что самая возможность созиданія Трудового Братства въ Россіи, на лонѣ Православія, совершенно измѣняетъ ихъ взгляды на Россію и Православіе, изъ враговъ дѣлаетъ ихъ друзьями.

9. Число корреспондентовъ моихъ въ Россіи и заграничѣй такъ велико, что писать частныя письма стало невозможнымъ и я нашелъ себя вынужденнымъ замѣнить письма печатными, циркулярными бюллетенями, которые и думаю разсылать ежемѣсячно на русскомъ

и французскомъ языкахъ, приблизительно по 200 экземпляровъ въ Россію и за границу.

Мнѣ кажется, что упрекнуть себя въ недостаткѣ общительности и, тѣмъ болѣе, въ недостаткѣ желанія общенія съ представителями интеллигенціи всѣхъ народовъ и исповѣданій мы не можемъ. Если, несмотря на все это, насъ будутъ упрекать въ недостаткѣ общительности тѣ, кто общительностью называетъ визиты, разъѣзды по гостямъ и т. д. мы должны съ этимъ помириться. Ихъ программы общительности мы принять не можемъ. Все время наше было-бы поглощено этими формами общенія; на дѣло созиданія Братства у насъ не хватило-бы времени и мы должны были-бы вернуться къ рутинѣ окружающей насъ жизни.

Перехожу къ вопросу объ общеніи съ простымъ, неинтеллигентнымъ народомъ. Общеніе это не можетъ не затрудняться крайнею умственною и нравственною неразвитіею его, крайнимъ консерватизмомъ, приверженностью къ рутинѣ. Всего болѣе упрекаютъ насъ именно въ недостаткѣ общенія съ народною массою. Посмотримъ, какія формы общенія съ нею существуютъ и какія инныя формы были-бы желательны.

1. Живая книга Братства Трудового, развернутая нами въ деревнѣ, бокъ-о-бокъ съ жизнью народной, есть, несомнѣнно, проповѣдь въ дѣйствіи, доступна каждому, даже неграмотному человеку, который на укладѣ жизни Братства можетъ понять многое, что объяснить ему въ книгѣ или разговорѣ сколько-нибудь доказательно было-бы слишкомъ трудно. Соприкасаются съ Братствомъ многіе представители народа: и родственники членовъ Братства, и рабочіе, нанимаемые въ помощь пока еще слишкомъ малочисленнымъ членамъ Рождественской артели. Отношенія къ Братству со стороны народа самыя разнообразныя. Есть люди, горячо ему сочувствующіе, настоятельно желающіе быть принятыми въ нашу среду, глубоко понимающіе жизненное значеніе Братства. Между такими убѣжденными друзьями Братства есть люди, которыхъ можно назвать въ лучшемъ смыслѣ слова православными подвижниками, людьми Божиими. Таковъ былъ покойный Никита Шеменко, этотъ самоотверженный радѣтель о благѣ Гамолѣвскаго монастыря, который во всю жизнь оставался неизмѣннымъ другомъ Братства и умеръ, молясь о насъ. Другіе относятся къ намъ совершенно равнодушно, недоувѣрчиво сторонясь отъ этого непонятнаго новшества, безразлично передавая и распространяя о Братствѣ какъ благопріятныя вѣсти, такъ и недоброжелательныя слухи и самыя нелѣпыя клеветы. Думаю, что къ

этому разряду принадлежитъ большинство. Третьи относятся къ Братству съ фанатическою ненавистью. Не для выгораживанія Братства, а имѣя на то основательныя данныя, считаю себя вправѣ сказать, что къ этой категоріи принадлежатъ не лучшіе элементы простонародія.

Почему лица, порицающія насъ за нерасположеніе къ намъ этихъ людей, признаютъ именно ихъ законными представителями народа—понять трудно.

2. Мы принимаемъ дѣтей народа въ школы, общежитія и пріюты наши, любимъ этихъ дѣтей, какъ собственныхъ своихъ, съ любовью воспитываемъ себя изъ нихъ братьевъ о Христѣ, широко растворяемъ передъ ними двери Братства Трудового. Это-ли не общеніе съ народомъ въ самой полезной для него формѣ? Это не мѣшаетъ представителямъ народниковъ изъ интеллигенціи, вѣрующимъ въ народъ, „содержащій въ образѣ звѣринои неискаженною религіозную истину“, съ наивною жестокостію укорять насъ въ „эгоистической обособленности“. Отвѣчать имъ на это нечего. Если любить дѣтей народа, какъ родныхъ дѣтей, съ любовью воспитывать ихъ и затѣмъ рука объ руку съ ними созидать Трудовое Братство, съ любовью и уваженіемъ признавая ихъ братьями своими, можетъ быть названо эгоистическою обособленностью, а разговоры въ свободное время о томъ, что истинную церковь представляетъ изъ себя народъ, „содержащій въ образѣ звѣринои неискаженною религіозную истину“, примиреніе со всею рутиною жизни подѣ предложомъ, что съ ней мирится и даже любить ее этотъ народъ, безсистемная помощь этому народу въ крайнихъ случаяхъ и благодушная болтовня съ нимъ, примѣняясь къ его понятіямъ и языку—можетъ быть названа дѣломъ самоотверженнаго общенія съ нимъ, останемся при нашей „эгоистической обособленности“ и будемъ надѣяться, что Господь на праведномъ судѣ Своимъ не поставитъ намъ ее въ вину.

Что народъ желаетъ именно этой формы общенія съ нами, лучшимъ доказательствомъ тому служатъ конкурсныя испытанія, на которыя привозятъ дѣтей въ шесть разъ болѣе, чѣмъ мы принять можемъ, на которыхъ ежегодно повторяются потрясающія сцены отчаянія не только непринятыхъ дѣтей, но и ихъ родителей, иногда по два и по три года подрядъ настойчиво домогающихся вступить съ нами именно въ эти отношенія.

3. Выбываютъ члены Братства у своихъ родныхъ и знакомыхъ въ гостяхъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые слишкомъ грубо оскор-

бляютъ самыя свѣтыя мысли и чувства человѣка, вѣрнаго Братству, и требуютъ ради нихъ стать измѣнникомъ и предателемъ. Бывали случаи, когда неосторожное общеніе, неосторожность выражений и неподходящія темы для разговоровъ приводили къ нежелательнымъ результатамъ. По крайней умственной неразвитости родственники иногда совсѣмъ не понимали того, что имъ говорилъ членъ Братства, до неузнаваемости искажали его слова и распространяли о Братствѣ и братьяхъ самыя недѣльныя клеветы, ссылаясь при этомъ на самый достовѣрный источникъ.

Не только я не призываю васъ расширять предѣлы этой формы общенія, но, напротивъ, убѣдительно прошу васъ быть осторожными въ разговорахъ съ тѣми, кто, по неразвитости, легко можетъ дурно понять васъ. Необдуманность въ этомъ случаѣ можетъ быть одинаково вредною какъ для народа, такъ и для Братства, враги котораго легко могутъ во вредъ ему воспользоваться этимъ.

Допросимъ совѣсть нашу, все ли мы дѣлаемъ для того, чтобы личныя отношенія наши съ родичами и друзьями изъ народа были имъ и Братству нашему во благо? Понимая, что мы не можемъ требовать отъ нихъ единомыслія и единодушія съ нами, заботимся ли мы въ достаточной степени о томъ, чтобы для нихъ была понятна любовь наша и чтобы любовь къ намъ стала живымъ связующимъ звеномъ между ними и Братствомъ Трудовымъ, заставляла бы ихъ полюбить и Братство наше? Понимаемъ ли мы, что именно въ этомъ долгъ нашъ относительно ихъ и Братства? Не обостряемъ ли мы отношеній между ними и Братствомъ легкомысленными словопреніями о вопросахъ религіи и жизни, совершенно недоступныхъ ихъ пониманію?

4. Мы прежде устраивали народныя празднества въ Воздвиженскѣ. Эта форма общенія представляла большія неудобства для народа, обходилась намъ недешево и приводила къ слишкомъ малымъ результатамъ, не пріобщая народъ къ жизни Братства, а заставляя насъ примѣняться ко вкусамъ гостей нашихъ.

Вмѣсто большихъ народныхъ праздниковъ мы предлагали братскимъ семьямъ по временамъ приглашать къ себѣ родныхъ и знакомыхъ.

5. Приходя въ соприкосновеніе съ народомъ въ казармахъ члены Братства, отбывающіе воинскую повинность. Всѣмъ имъ въ напутствіе я неизмѣнно совѣтую быть очень осторожными по тѣмъ же причинамъ, по которымъ осторожность обязательна для насъ вообще по отношенію къ простому народу, равно и потому, что

военное начальство могло бы принять простую искренность за вредную пропаганду слишкомъ мирныхъ для военного человѣка понятій.

Несмотря на всѣ эти неблагопріятныя обстоятельства, я считаю себя вправѣ сказать, что казарма не вліяетъ дурно на членовъ Братства. Только одинъ, отбывавшій воинскую повинность, измѣнилъ Братству, но виною тому была не казарма, а онъ самъ. Другіе, напротивъ, въ казармѣ пріобрѣтаютъ жизненный опытъ и научаются дорожить Братствомъ больше прежняго. Начальство ими довольно, какъ скромными, понятливыми и исполнительными солдатами; товарищи, хотя по большей части и не сближаются съ ними, но относятся къ нимъ недурно, большею частью съ уваженіемъ. Есть и такіе солдаты, которые со словъ ихъ полюбили Братство и желаютъ поступить въ него.

Конечно, возможны и желательны были бы еще многія другія формы общенія съ народомъ. Такъ: пропаганда сознательной вѣры, здравыхъ понятій о самыхъ разнообразныхъ жизненныхъ явленіяхъ, сельско-хозяйственныхъ знаній и идей трудовыхъ братствъ путемъ распространенія дешевыхъ печатныхъ листовъ, печатнаго органа Братства, народныхъ чтеній и бесѣдъ, несомнѣнно принесла бы громадную пользу. Все это требуетъ такихъ затратъ, такого досуга, столько дѣятелей и такой степени сочувствія и довѣрія къ Братству со стороны властей духовныхъ и гражданскихъ, что въ настоящее время является для Братства преждевременнымъ. То же можно сказать и объ артеляхъ сестеръ и братьевъ милосердія для помощи одинокимъ или тяжело больнымъ. Мы давно желаемъ осуществить это полезное дѣло и тѣмъ установить новую, особенно симпатичную для Братства, форму общенія съ народомъ, но, прежде, чѣмъ организовать эти артели, необходимо закончить организацію центрального Братства.

Присупая къ святому дѣлу созиданія Трудового Братства, для того, чтобы отъ того, что есть, сознательно стремиться къ тому, что быть должно, необходимо понять себя и искренно осудить въ себѣ все то, что въ насъ является закваскою стараго человѣка, что не согласуется съ идеею и благомъ христіанскаго Трудового Братства. Вотъ почему, дорогіе братья и сестры, я нашелъ нужнымъ такъ долго задержать ваше вниманіе на темныхъ сторонахъ жизни Братства, чтобы могъ каждый изъ насъ допросить совѣсть

свою, въ какой мѣрѣ онъ участвовалъ во злѣ, проявляющемся въ общей жизни нашей, въ какой мѣрѣ являлся тормазомъ на пути стремленія Трудового Братства къ самоусовершенствованію, въ какой мѣрѣ вносилъ въ живой организмъ Братства отраву разлагающихъ элементовъ.

Перечислю кратко то, чего изъ любви къ Богу и ближнимъ для блага Братства и по совѣсти намъ всего болѣе достигать надо.

1. Молитвеннаго настроенія и благочестія въ гораздо большей степени, чѣмъ это до сихъ поръ было. Молитвеннаго настроенія не въ смыслѣ продолжительныхъ молитвенныхъ стояній, не въ смыслѣ терпѣливаго вычитыванія большого количества молитвъ, а въ смыслѣ постоянной памяти о Богѣ, жизни съ Богомъ, сознательнаго хожденія передъ Богомъ по путямъ Его. Надо, чтобы мы всѣми силами души искренно желали стать храмомъ Божиимъ и никогда храмъ этотъ сознательно не обращали въ языческое капище. Благочестія, не въ смыслѣ мертвящей жизни сухой робости, а въ смыслѣ жизнерадостной живой любви, претворяющей всю жизнь нашу въ одинъ священный гимнъ во славу Бога-Любовь.

2. Самоотреченія радостнаго несенія креста Трудового Братства во слѣдъ Христу. Надо, чтобы непрестанно жила въ насъ твердая рѣшимость на подвигъ несенія креста Трудового Братства, какъ бы по временамъ ни было для насъ трудно это дѣло; чтобы непрестанно жилъ въ насъ и спасительный страхъ позора себялюбиваго устроения своего личнаго или семейнаго благополучія на крестѣ Трудового Братства, съ готовностью измѣнить дѣлу, какъ только обстоятельства отъ насъ потребуютъ честно понести долю тяжести общаго креста на себѣ, вмѣсто благодушнаго возлежанія на немъ. Всего болѣе будемъ беречь въ себѣ святыню сознанія позора и ужаса измѣны святому дѣлу несенія креста Трудового Братства до тѣхъ поръ, пока не найдемъ другого креста, принять который на себя мы могли бы съ болѣею пользою для дѣла Божія.

3. Добраго смиренія и устойчивой кротости. Надо, чтобы смиренія и кротости хватало у насъ не только до тѣхъ поръ, пока смиренными и кроткими намъ быть ничего не стоитъ, но и тогда, когда надо смиренно подчиниться непріятному для насъ постановленію Думы, смиренно перенести дѣйствительную обиду и несправедливость со стороны брата, а не только быть выше придиричивой, мелочной обидчивости.

4. Духовнаго благородства великодушія и торжествующей любви. Нехорошо измѣнять духовной порядочности (а члены Братства

должны считать духовною непорядочностью отсутствіе въ себѣ этихъ основныхъ христіанскихъ добродѣтелей—великодушія и устойчивой любви); хуже извинять въ себѣ проявленія духовной непорядочности, преступно и позорно самодовольство зла, когда не только не достигли христіанскаго духовнаго благородства, но и не желаютъ достигать его, думая вмѣстѣ съ „дѣтьми міра сего“, что позорно перенести обиду, а не обидить, позорно проявить великодушіе, а не измѣнить ему, что надо защищать себя противъ всѣхъ и вся, а не дорожить, какъ особенно драгоценнымъ преимуществомъ, возможностью на лонѣ Братства передать съ довѣріемъ заботу о защитѣ Думѣ, которая не допуститъ безсрочнаго злоупотребленія великодушіемъ, смиреніемъ и кротостью.

5. Чуткой ревности о благѣ общемъ. Той сердечной чуткости, которая постоянно заставитъ насъ сообразовать благо личное и семейное съ благомъ всего Трудового Братства и, если нужно, подчинить благо немногихъ благу многихъ. Той сердечной чуткости, которая изъ любви заставитъ насъ уважать права избранныхъ Братства въ большей степени, чѣмъ страхомъ ограждено достоинство начальствующихъ лицъ внѣ Братства, которая изъ братолюбія приведетъ насъ къ честному трудолюбію, болѣе устойчивому, чѣмъ то, которое обуславливается корыстью на жизненной биржѣ.

6. Сознательнаго противленія навѣтамъ злыхъ духовъ, ополчившихся на дѣло Трудового Братства.

7. Сердечнаго участія живой любви, безъ измѣны Богу и Братству, ко всѣмъ безъ изъятія, не только къ братьямъ согрѣшающимъ, но и къ постороннимъ лицамъ, не только чуждымъ Братству по складу ума и симпатій, но и прямо враждебныхъ ему.

Дѣло Трудового Братства—дѣло мира, любви и свободнаго изволенія вѣрующаго и любящаго духа, дѣло стройной организаціи добра въ жизни, организаціи труда и взаимныхъ отношеній на основѣ братолюбія. Самая основа Братства не допускаетъ принужденія, не допускаетъ и никакихъ воздѣйствій, основанныхъ на страхѣ или корысти. Тѣмъ болѣе необходима въ Братствѣ сильная власть, основанная на любви, уваженіи и довѣріи большинства; необходима для стройнаго созиданія храма Братства, основаніе котораго только что закладывается въ настоящее время; необходима для мирнаго теченія внутренней жизни Братства; необходима для своевременнаго возвращенія на добрый путь братьевъ, уклоняющихся отъ

него, и для ограждения кроткихъ отъ злоупотребленія кротостью ихъ, и для ограждения Братства отъ вредной закваски.

По уставу Братства эта сильная власть вручена Думѣ и Предсѣдателю ея—пожизненному Блюстителю. Считаю долгомъ напомнить, что вся сила наша исключительно въ любви, уваженіи и довѣріи вашемъ. Мы, временно представляющіе собою эту высшую власть на лонѣ Братства Трудового, вполне сознаемъ немоцность нашу, сознаемъ, что можемъ ошибаться и что ошибки наши со стороны могутъ быть видны, чѣмъ намъ самимъ. Дѣло не въ томъ, чтобы вы считали насъ непогрѣшимыми, а въ томъ, чтобы вы твердо вѣрили въ нашу честность и безавѣтную преданность дѣлу Братства Трудового и его благу, чтобы увѣренность эта давала вамъ возможность, несмотря на немоцность и возможные ошибки, продолжать относиться къ Блюстителю и Думѣ съ неизмѣнными чувствами любви, уваженія и довѣрія. Если въ отношеніи нашемъ къ дѣлу что-либо вызываетъ неудовольствіе и подрываетъ добрыя чувства къ намъ, мы просимъ не стѣсняясь высказывать это вполне откровенно въ частномъ письмѣ на имя Блюстителя. Не только мы не сочтемъ это за оскорбленіе, но, напротивъ, признаемъ за доказательство искренняго, честнаго, правдиваго отношенія къ намъ и общаемъ принять въ соображеніе все, что по совѣсти признаемъ справедливымъ и полезнымъ.

Отчетъ мой не имѣлъ бы характера ни полноты, ни справедливости, если бы, указавъ на темныя стороны жизни Братства, я умалчалъ о всемъ томъ, что даетъ мнѣ право вмѣстѣ съ вами порадоваться и возблагодарить Господа, благоволящаго въ великихъ немоцяхъ нашихъ творить силу и показывать славу Свою.

Братская семья св. Николая Чудотворца радуется насъ безукоризненнымъ, вполне честнымъ отношеніемъ учителей, ее составляющихъ, къ вѣреннымъ имъ обязанностямъ преподаванія. Въ настоящее время они органически вошли и въ общую систему воспитанія мужской сельско-хозяйственной школы, принявъ на себя попеченіе о старшихъ воспитанникахъ и ставъ, такимъ образомъ, промежуточнымъ звеномъ и соединительною чертой между мною и ими. Въ началѣ они не избѣгли соблазна, соединеннаго съ умственнымъ трудомъ, и часто понижались въ духовномъ настроеніи своемъ до преобладанія жизни ума надъ устойчивостью братолюбія. Въ настоящее время нѣкоторые сознали нежелательность этого яв-

ленія и стремятся приобрести добрыя духовныя навыки устойчиваго, торжествующаго надъ всѣми соблазнами придирчивой критики, братолюбія. Въ женщинахъ этой семьи мы тоже видимъ въ настоящее время больше доброй воли исправить то, что было нежелательнаго въ ихъ жизни и отношеніяхъ, и способствовать стройной организаціи жизни общегіи на братскихъ началахъ.

Братская семья св. Андрея Первозваннаго, находясь въ совершенно исключительныхъ условіяхъ подготовительнаго, практическаго класса къ жизни Братства, благодаря чему составъ членовъ семьи постоянно мѣняется, не успѣла до сихъ поръ установить ту духовную атмосферу, которая была бы желательна и настолько устойчива, чтобы вліять благотворно, ассимилируя во благо новыя, притекающіе элементы. Особенно неудовлетворительна была до сихъ поръ организація жизни женщинъ. Мы надѣемся вскорѣ устранить изъ жизни семьи все, что было въ ней особенно нежелательнаго. Въ настоящее время мы не можемъ не признать особою заслугою передъ Братствомъ отношеніе къ семьѣ тѣхъ, которые, оставаясь вѣрными идеаламъ Братства, не мирились со зломъ, проявившимся въ жизни и отношеніяхъ семьи, не падали духомъ, не впадали въ бесплодное критиканство, а твердо шли своимъ добрымъ путемъ, не только не озлобляясь и малодушно не унывая, а продолжая любить семью и относиться съ терпѣливою любовью ко всѣмъ ея членамъ.

Братская семья св. Іоанна Богослова очень радуется насъ добрыми, братскими отношеніями, существующими между всѣми ея членами. Особенно радуютъ насъ полныя любви и готовности на самоотверженную взаимную-помощь отношенія, установившіяся между женщинами, неизмѣнно добрыми, кроткими, заботливыми и трудолюбивыми.

Братская семья св. Дѣвы Маріи, состоя изъ членовъ швейной артели, служащихъ при женской сельско-хозяйственной школѣ, и воспитательницъ, имѣющихъ болѣе другихъ досуга и возможности заниматься умственнымъ трудомъ, тоже поддавалась соблазну перевѣса ума надъ сердцемъ. Нѣкоторые скоро увидѣли, къ какимъ опаснымъ для блага Братства и устойчиваго братолюбія послѣдствіямъ это можетъ ихъ привести.

Братская семья св. Петра только что вполне реорганизована благодаря тому, что одни пошли отбывать воинскую повинность, другіе измѣнили Братству. Главною причиною, приведшею къ измѣнѣ, было тѣсное сближеніе съ посторонними людьми, совершенно

чуждыми Братству по взглядамъ и симпатіямъ, и нежеланіе сообразоваться со скромностью экономическаго быта Братства. Говорить о новой семьѣ, только что начинающей свою самостоятельную дѣятельность, я нахожу преждевременнымъ.

Братская семья св. Александры, состоя изъ членовъ прачешной артели, находилась, въ силу разныхъ временно неблагоприятныхъ обстоятельствъ, въ особенно трудномъ экономическомъ положеніи. Къ сожалѣнію, не всѣ члены семьи одинаково терпѣливо и самоотверженно несли этотъ исключительно тяжелый крестъ; иное отношеніе къ которому должно было бы быть признано Братствомъ особою заслугою и заслужить членамъ семьи особое уваженіе, особую любовь, особую благодарность со стороны всего Братства.

Воздвиженская мужская сельско-хозяйственная школа во многихъ отношеніяхъ можетъ насъ радовать. Преподаваніе идетъ отлично, и успѣхи въ этомъ отношеніи могутъ быть названы блестящими. Къ работамъ громадное большинство воспитанниковъ относится очень старательно и съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе приобрѣтаетъ навыки хозяйственности и практичности. Гораздо труднѣе достигать соотвѣствующихъ результатовъ въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія; еще труднѣе точно опредѣлить ихъ. Въ Старшемъ Братскомъ Кругѣ были люди, вносившіе въ общую жизнь школы нѣсколько нежелательный тонъ. Для поверхностнаго наблюденія и для недоброжелательной придирчивости это могло подать поводъ къ самымъ пессимистичнымъ выводамъ. Въ дѣйствительности тутъ не было общаго дурнаго настроенія, а только отдѣльныя немощи, несмотря на которыя эти лица могли продолжать быть полезными членами Старшаго Братскаго Круга и не понижать общаго уровня школьной жизни, который, напротивъ, продолжаетъ постепенно повышаться. Повышаются съ тѣмъ вмѣстѣ и требованія. То, что было прежде достояніемъ немногихъ, становится достояніемъ большинства. То, что считалось доблестнымъ, становится нормальнымъ. То, что считалось желательнымъ, становится нравственно обязательнымъ. Растетъ самосознаніе, растетъ самопознаніе, растутъ и требованія христіанской совѣсти. Ясное сознаніе христіанской истины въ воспитанникахъ нашихъ меня очень радуетъ. Чего я горячо желаю, это большаго самообладанія, при которомъ не такъ часто на практикѣ измѣняли бы умомъ, сердцемъ и отношеніями столь хорошо сознанной истинѣ. Въ этомъ дѣлѣ убѣдительно прошу самой энергичной помощи со стороны членовъ Братства, исполняющихъ должности учителей; убѣдительно прошу и добраго воздѣй-

ствія поучительнаго примѣра со стороны всѣхъ членовъ Братства Трудоваго. Понявъ первенствующее значеніе любви въ дѣлѣ вѣры, спасенія и честной жизни по вѣрѣ, намъ нечего бояться подмѣнить любовь аскетизмомъ; намъ надо увеличить духовную требовательность къ самимъ себѣ, чтобы научиться владѣть собою въ гораздо большей степени, чѣмъ это было до сихъ поръ; надо достигнуть высшаго самообладанія, чтобы быть въ состояніи цѣльно отдать себя на дѣло любви. Любовь не дозволитъ намъ возвести это средство въ самодавлѣющую цѣль, оградитъ насъ отъ узости, робости и мертвенной сухости фанатичнаго аскетизма. Я не говорю о формализмѣ единообразнаго, принудительнаго аскетизма, я говорю о живомъ дѣлѣ спасительнаго аскетизма, путемъ стойкаго воздержанія отъ той похоти, которая наиболѣе мѣшаетъ духовной свободѣ нашей, дѣлаетъ насъ рабами и тушитъ на алтарѣ храма духа нашего святой огонь любви къ Богу и всему Его творенію.

Преображенская сельско-хозяйственная школа всего болѣе страдала отъ вѣншихъ вліяній, несогласованныхъ съ общимъ духомъ воспитанія. И воспитанницы въ дѣлѣ пониманія христіанской истины мало уступаютъ воспитанникамъ мужской школы. И тутъ главный тормазъ на пути осуществленія въ жизни понятой истины является отсутствіе самообладанія; только, въ то время, какъ въ мужской школѣ недостатокъ самообладанія происходитъ, главнымъ образомъ, отъ упорства привычекъ ветхаго человѣка, въ женской школѣ онъ зависитъ въ гораздо большей степени отъ того, что дѣвушки слишкомъ легко поддаются подъ постороннія вліянія. Главнымъ дѣломъ нашимъ по отношенію къ женской школѣ, сообразно тому, должно быть большее противъ прежняго ея обособленіе.

Ямпольское дѣтское общежитіе за послѣднее время много продвинулось впередъ. Это замѣтно и на дѣвочкахъ, которыя много лучше прежняго относятся къ лѣтнимъ работамъ, и особенно на мальчишкахъ, которые въ этомъ году въ значительной степени исправили то, что было дурнаго прежде.

Рождественское дѣтское общежитіе тоже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ стало неузнаваемымъ, въ короткое время значительно измѣнившись къ лучшему. Большою помѣхою для нормальной жизни дѣвочекъ было то, что онѣ цѣлые дни проводили, нянчая дѣтей внѣ надзора воспитательницы; теперь это важное неудобство устранено тѣмъ, что не дѣвочки уходятъ изъ общежитія, а дѣтей сносятъ на общежитіе, и, такимъ образомъ, онѣ могутъ нянчить дѣ-

тей подъ постояннымъ надзоромъ воспитательницы. Особенно неузнаваемы стали мальчики съ тѣхъ поръ, какъ вмѣсто сестры ихъ воспитаніемъ сталъ заниматься братъ. На обоихъ дѣтскихъ обществѣхъ, Ямпольскомъ и Рождественскомъ, мы на опытѣ убѣдились, какъ неудобно поручать женщинѣ воспитаніе мальчиковъ даже и тогда, когда женщина вполне добросовѣстно относится къ своему дѣлу, даже и тогда, когда мальчики не достигли еще школьнаго возраста. Можетъ быть это не такъ по отношенію къ воспитанію отдѣльныхъ мальчиковъ, но тамъ, гдѣ воспитывается совместно много дѣтей, при мальчикахъ долженъ быть воспитатель, не грубый дядька, дрессирующий ихъ къ внѣшней выправкѣ, а любящій, разумный воспитатель, который легче пріобрѣтетъ авторитетъ въ ихъ глазахъ, нежели ничѣмъ въ нравственныхъ качествахъ неуступающая ему женщина.

Въ заключеніе перечислю тѣ радостныя событія, за которыя мы должны возблагодарить Господа и съ благодарностью вспомнить о тѣхъ, кто добровольно сталъ орудіемъ въ рукѣ Его.

Его Величество Государь Императоръ Александръ III благоволилъ осчастливить Братство отвѣтною телеграммою изъ Ливадіи за три дня до своей кончины.

Его Величество Государь Императоръ Николай II соизволилъ выразить Братству высочайшую благодарность за привѣтственные адреса по случаю коронаціи и меня удостоилъ высочайшимъ благоволеніемъ по докладу министра земледѣлія.

Митрополитъ Санктъ-Петербургскій, Палладій, благословилъ меня на открытіе Трудового Братства иконою св. Алексія челоуѣка Божія, находящуюся въ настоящее время въ нашей братской церкви.

Уважаемый старецъ Варнава въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ благословилъ на созиданіе Братства Трудового меня и Андрея Ивановича Фурсей¹⁾, сказавъ ему: „Ты носишь имя Андрея, будь же правою рукою Николинъкъ и первозваннымъ въ дѣлѣ Трудового Братства“.

Иеромонахъ Маринъ благословилъ Братство иконою св. Іоанна Богослова, а меня иконою св. Николая Чудотворца въ самый день церковнаго торжества открытія Братства. Обѣ иконы имъ самимъ писаны и освящены, обѣ снабжены на обратной сторонѣ надписями, заключающими въ себѣ посвященія, полныя любви.

¹⁾ Въ настоящее время А. И. Фурсей состоитъ главноуправляющимъ всѣми имѣніями и заводами Братства.

Преосвященный Сергій, Епископъ Черниговскій и Нѣжинскій, посѣтившій насъ и до самой смерти остававшійся убѣжденнымъ другомъ нашимъ, въ трехъ случаяхъ особенно ярко засвидѣтельствовалъ свою любовь къ намъ. На страницахъ „Епархіальныхъ вѣдомостей“ онъ заявилъ, что былъ „умиленъ и восхищенъ общимъ духомъ школъ нашихъ“; грамотою онъ благословилъ меня облекаться въ стихарь и произносить поученія съ церковной кафедры, и, наконецъ, на подаренномъ мнѣ экземплярѣ своего сочиненія сдѣлалъ слѣдующую надпись: „Просвѣщенному Избраннику Божию, возсоздателю народа, сѣмени святу стоянія міра русскаго Православія“.

Завѣдующій церковно-приходскими школами епархіи Протоіерей Казанскій въ Выборгѣ разослалъ мою брошюру „Братскіе союзы въ школахъ“ многимъ, приглашая ихъ приступить къ дѣлу организаціи братскихъ кружковъ въ церковно-приходскихъ школахъ. Съ особенной любовью и рвеніемъ отнеслись къ этому дѣлу священники о. Сергій Окуловъ въ Сердоболѣ, и учительница Шаталова изъ Питкеранда.

Протоіерей о. Іоаннъ Смирновъ, баронъ Вольфъ и баронъ Мирбахъ просили Братство рекомендовать имъ молодыхъ людей и молодыхъ дѣвушекъ изъ числа членовъ Братства для завѣдыванія дѣломъ воспитанія въ разныхъ учебныхъ и благотворительныхъ заведеніяхъ.

Ярославъ Ивановичъ Медвѣдь, Георгій Даниловичъ Горбуновъ, баронъ Николай Васильевичъ Дризень, Сергій Игнатьевичъ Уманецъ и нѣкоторые другіе въ Россіи и профессоръ Боне-Мори, пасторъ Гутеръ, аббатъ Можисъ, профессоръ Мишо, Лессаръ, мистрисъ Кру и графиня Капнистъ заграницей напечатали въ разныхъ изданіяхъ сочувственныя статьи по поводу Трудового Братства, нашихъ школъ и моихъ сочиненій.

Дѣятельное сочувствіе Трудовому Братству личнымъ посѣщеніемъ его выразили: проф. Боне Мори (изъ Парижа), протоіерей о. Капитонъ Вѣлявскій, священники о. Григорій Петровъ, законоучитель артиллерійскаго училища, и о. Василій Бѣлогостицкій, князь Н. Н. Гагаринъ съ супругою, баронъ Н. В. Дризень, проф. Н. П. Вагнеръ, Е. И. Арсеньева съ дочерью, Е. И. Вуймистровъ съ дочерью и сыномъ, проф. И. А. Сикорскій, И. Д. Ругинъ, Я. И. Медвѣдь, И. Н. Лебедевъ, Г. Д. Горбуновъ, А. А. Соколовъ, Ф. А. Пржевальская, О. М. Досужкова, С. Д. Чалина, М. В. Середа, В. В. Ставискій, М. В. Линтварева, А. В. и Г. В. Вѣлявскіе, П. И. Ве-

ликановъ, Черкасовъ, Ермолаевъ и многіе другіе учителя и учительницы и воспитанники Глуховскаго Учительскаго Института.

Особенно трогательно выразила свою любовь къ Братству С. Д. Чалина, настоявшая на томъ, чтобы Братство приняло въ даръ отъ нея золотую медаль, полученную ею при выходѣ изъ института.

Во многихъ городахъ образовались цѣлыя кружки друзей нашихъ.

Многіе представители духовенства писали мнѣ письма, полныя выраженіями сочувствія къ Братству Трудовому и моимъ сочиненіямъ, признавая и то и другое явленіемъ въ высшей степени отраднымъ въ жизни Православной Церкви и русскаго народа. Особенно выдающимися были письма протоіереевъ Казанскаго, Мальцева, Смирнова, Устьянскаго, Румянцева и священниковъ о. Григорія Петрова и о. Владиміра Нестерова.

Частныя лица со всѣхъ концовъ Россіи и изъ многихъ мѣстъ за границей писали мнѣ много писемъ, полныхъ горячаго сочувствія.

Игуменъ Исаія съ братіей на день открытія Трудового Братства оказали намъ честь прислать деревянное рѣзаное блюдо съ позолотою, монашескаго издѣлія.

Жители м. Янполя выразили намъ сочувствіе, приславъ на церковное торжество открытія Братства депутацію, которая передала мнѣ хлѣбъ-соль на блюдѣ съ соотвѣтствующей надписью и очень сердечно написанный адресъ.

Во внутренней жизни Братства замѣчается непрерывный духовный ростъ; очевидно, Господь воспитываетъ насъ на дѣлѣ Братства Трудового. Если и теперь мы далеки отъ того, что быть должно, еще недавно мы во многихъ отношеніяхъ были еще слабѣе, менѣе устойчивы въ добрѣ, болѣе самодовольны во злѣ, болѣе шатки въ отношеніяхъ другъ къ другу и къ Братству. Безмѣрно скорбные случаи измѣны братьевъ, сознаніе и воспоминаніе о которыхъ такъ удручаетъ память и сердца наши, ничто иное, какъ проявленіе скрытаго духовнаго недуга и каждый разъ служили для насъ могучимъ воспитательнымъ средствомъ, пробуждая въ насъ самосознаніе, предостерегая насъ отъ того зла, которое привело того или другого брата къ измѣнѣ святому знамени Братства, пробуждая въ насъ опасенія и ревность объ участи Братства, спланивая насъ въ семью все болѣе и болѣе тѣсную, единомысленную и единодушную въ скорбяхъ и радостяхъ на пользу общаго дѣла.

Отдавъ себя и жизнь свою на осуществленіе высшаго завѣта любви, организуя трудъ и отношенія на основѣ братолюбія, мы съ каждымъ днемъ на себѣ убѣждаемся, до какой степени искажена духовная природа человѣка вѣковой рутинною жизнью на основахъ страха и корысти, какъ много въ насъ укоренившихся привычекъ ума и сердца, прямо противоположныхъ живой вѣрѣ въ Бога-Любовь и устойчивому, торжествующему братолюбію. Вполнѣ сознавая позоръ и ужасъ такого положенія вещей, возблагодаримъ Господа за то, что не испугались мы трудности задачи, не опустили мало-душно руки, не измѣнили святому знамени Братства Трудового, не забыли, что сами мы ничего не можемъ безъ помощи Божіей, но что все можетъ Господь черезъ насъ, если добрая воля наша даетъ Ему возможность, безъ насилія надъ нами, въ великихъ немощахъ нашихъ творить великія и чудныя дѣла безмѣрной славы Своей, что сила и слава Его больше всѣхъ немощей нашихъ и что Онъ сказалъ: „Не бойся, малое стадо“—„Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка“. „Если даже мать оставитъ тебя, Я не оставляю тебя“.

И вотъ съ каждымъ днемъ расширяются духовные горизонты передъ нами, и мы на опытѣ убѣждаемся въ глубокой жизненной правдѣ завѣтовъ любви Единороднаго Сына Бога-Любовь.

Къ особенно радостнымъ явленіямъ внутренней жизни Трудового Братства я отнесу прежде всего важное рѣшеніе, къ которому мы пришли тяжелымъ путемъ скорбнаго опыта, на будущее время помнить, что христіанская правда отношеній состоитъ, не въ соблюденіи мелочной и строгой справедливости, а въ томъ, чтобы, никогда не становясь ниже справедливости благодушною уживчивостью со зломъ, постоянно быть выше справедливости, продолжая питать и проявлять устойчивую любовь къ брату согрѣшающему, строго осуждая въ то же время зло, въ немъ проявившееся. Далеко не всѣ мы и въ одинаковой степени окрѣпли въ добрыхъ привычкахъ, соотвѣтствующихъ этому рѣшенію. Всѣ мы въ большей или меньшей степени способны, даже и не замѣчая того, уклоняться отъ добраго пути, то ниспослая до несправедливости мелочной, придирчивой „справедливости“, приводящей неизмѣнно къ позорному торгашеству взвѣшиванія прибыли и убытка взаимныхъ отношеній, то опускаясь даже и ниже справедливости, въ погонѣ за неблаго-разумною уживчивостью, не только любя брата и прощая ему зло, но и легкомысленно извиняя самое зло, въ немъ проявившееся и, такимъ образомъ, мирясь со зломъ и оскорбляя справедливость.

Только путем долгаго воспитанія мы станемъ устойчивы въ той правдѣ, которую признали. Правда признана, пережита тяжелымъ опытомъ. Мы вступили на добрый путь воспитанія къ этой правдѣ. Возблагодаримъ Господа за то, что Онъ просвѣтилъ умы наши сознаниемъ этой правды и черезъ насъ обнаружилъ еще разъ жизненное значеніе ея и, такимъ образомъ, особенно ярко въ немощи нашей проявилъ величіе силы и славы Своей.

Съ каждымъ днемъ мы на опытѣ все болѣе и болѣе убѣждаемся въ глубокомъ, жизненномъ значеніи устойчивости молитвеннаго настроенія, видя, какъ прискорбно отражается на братьяхъ нашихъ и ихъ отношеніяхъ отсутствіе смиреннаго сознанія необходимости непрестаннаго духовнаго общенія съ Источникомъ всѣхъ силъ духовныхъ.

Переживая страшную борьбу съ силами зла, дружно ополчившихся на ненавистное для нихъ дѣло организаціи добра, дѣло созиданія Трудового Братства; видя, какія чудеса зла они совершаютъ надъ тѣми и черезъ тѣхъ, которые поддаются ихъ вліянію; видя, въ какихъ безобразныхъ, изысканно чудовищныхъ формахъ они стараются дѣлать зло Братству черезъ людей, далеко не такихъ дурныхъ самихъ по себѣ, чтобы имъ было свойственно такъ поступать, мы не можемъ сомнѣваться въ существованіи и могучемъ воздѣйствіи на человѣчество „князя міра сего“, въ этомъ мірѣ, „который весь во злѣ лежитъ“. Польза этого жизненнаго опыта можетъ быть громадною для тѣхъ, кто имъ воспользуется. Мы не будемъ безоружны, какими были бы, принимая всѣ наветы зла за проявленія собственной воли и собственной природы. Мы будемъ болѣе разборчивы въ дѣлѣ усыновленія возникающихъ въ умѣ и сердцѣ нашемъ мыслей и чувствъ. Такимъ образомъ мы станемъ менѣе склонны быть игрушкою и орудіемъ зла и его живыхъ представителей, чѣмъ были тогда, когда считали реальное существованіе злыхъ духовъ за „устарѣлый предразсудокъ“. Такимъ образомъ мы будемъ и болѣе сознательно относиться и къ проявленію зла въ ближнихъ нашихъ и, можетъ быть, найдемъ въ этомъ источникъ болѣе устойчивой жалости къ брату согрѣшающему, при болѣе устойчивомъ осужденіи зла, гдѣ бы оно ни проявлялось.

Большимъ шагомъ въ направленіи облагораживанія взаимныхъ отношеній, устойчиваго уваженія къ ближнимъ и реальнаго небеснаго и земнаго объединенія въ одну любовь въ одновременномъ общеніи со всею Церковью Вселенскою, я считаю и избранную нами форму ежедневныхъ молитвъ о живыхъ и умершихъ и, осо-

бенно, то святое значеніе, которое мы придали молитвенному братскому поцѣлюю, взирая на каждого брата, какъ на живую икону Творца и того святого, имя котораго онъ носить, а на всѣхъ братьевъ, какъ на живой иконостасъ живыхъ образовъ Бога и причастниковъ Царства Его.

Очень отраднымъ проявленіемъ духовно-религіозной жизни нашей я признаю и то, что Господь удостоилъ насъ составить много молитвъ въ примѣненіи къ особымъ обстоятельствамъ жизни Трудового Братства, молитвъ, которыя возбуждали умиленіе, пробуждали высокія и святые чувства во многихъ.

Отраднымъ явленіемъ я считаю и то, что каждая братская семья поставила себя подъ покровительство одного изъ добрыхъ дѣлателей на нивѣ Господней. Насколько мы и изъ этого проявленія любви сдѣлали жизненную правду или пустую форму, пусть скажетъ каждому изъ насъ его совѣсть. Живой духомъ человѣкъ все оживить вдохновеніемъ живой души своей; для него всѣ установленія повседневной жизни Братства будутъ дороги любовью, ихъ породившею и ими достигаемою, будутъ ему во спасеніе. Мертвый по духу человѣкъ все омертвитъ мертвенностью души своей, для него все въ Братствѣ станетъ пустою формою и все будетъ ему во осужденіе. Поставивъ каждую братскую семью подъ покровительство святыхъ, Братство установило тѣмъ новый способъ общенія любви съ Церковью Вселенскою. Есть ли въ насъ жажда общенія любви? Установили-ли мы живую духовную связь съ живымъ членомъ великаго Братства Ангеловъ и Святыхъ на небѣ, избраннымъ покровителемъ той семьи, къ которой мы принадлежимъ? Не служить ли для насъ рутинное отношеніе къ святымъ, слишкомъ часто имѣющее оскорбительный для христіанскаго сознанія характеръ корысти, лести и средостѣнія между Богомъ и человѣчествомъ, предлогомъ для отрицанія необходимости и желательности общенія любви со святыми Церкви Небесной, которые неповинны въ нежелательномъ отношеніи къ нимъ со стороны людей. Братство Трудовое и члены его должны стать выше рутиннаго отношенія къ святымъ и установить еще болѣе тѣсное духовное общеніе, согласное съ высшимъ представленіемъ о нихъ. Вотъ мысль и чувство Трудового Братства, усвоившаго каждой братской семьѣ имя одного изъ членовъ великаго Братства Церкви Небесной. Это явленіе отрадное въ жизни Братства; отъ насъ зависитъ сдѣлать его живою святынею, живою правдою жизни нашей.

Отраднымъ явленіемъ въ духовно-религіозной жизни Братства

является и то, что Братство искренно желаетъ возможно большаго слиянія храма и жизни. Съ этой цѣлью оно ходатайствовало о дозволѣніи присоединить къ ектеніямъ на церковныхъ службахъ спеціальныя прошенія въ примѣненіи къ нуждамъ Братства Трудового. Епархіальное начальство дозволило упоминать о Трудовомъ Братствѣ въ прошеніяхъ и при большомъ выходѣ. Съ этою же цѣлью мы изъявили желаніе, чтобы чтеніе и объясненіе священнаго писанія при приѣмѣ въ Братство и братскіе кружки нашихъ школъ производилось священникомъ въ храмѣ и чтобы служились молебствія о вновь поступающихъ.

Очень отраднымъ явленіемъ религіозно-нравственной жизни Трудового Братства я считаю и то, что, горячо желая возможно большаго и скорѣйшаго подъема духовнаго въ формѣ устойчиваго молитвеннаго настроенія, устойчиваго братолюбія и жизни во Христѣ, Дума продолжала относиться съ неизмѣннымъ уваженіемъ къ христіанской свободѣ членовъ Братства и человѣческому достоинству въ нихъ. Зная, до какой степени противно Духу Божію всякое насиліе, что Самъ Господь съ неизмѣннымъ уваженіемъ относится къ свободѣ Своихъ созданій и никогда не насилуетъ ихъ даже на добро, безъ чего мы все должны были бы немедленно стать святы, какъ святы Господь Богъ нашъ, и все зло міра каждую минуту своего бытія ложилось бы тяжелою отвѣтственностью на Самого Творца, Дума настойчиво напоминала Братству желательное, устанавливала полезныя обычаи во внутренней жизни Братства, порицала зло, выражала сочувствіе добру, удаляла изъ среды Братства людей, дальнѣйшее пребываніе которыхъ въ Братствѣ она признавала опаснымъ для блага общаго дѣла, но никогда не позволяла себѣ возлагать на Братство „бремена неудобноносимыя“ въ формѣ мелочной регламентаціи размѣровъ соблюденія отдѣльными членами Братства того или другого постановленія.

Отраднымъ явленіемъ въ духовно-нравственной жизни Братства Трудового являются старшины братскихъ-семей, какъ живая совѣсть семьи, какъ хранители святого огня духа живого братства нерукотворнаго, обязанные настойчиво указывать семьѣ на всякое отступленіе отъ желательнаго для блага всего Братства, настойчиво напоминать семьѣ то, что желательно ввести въ укладъ жизни семьи на пользу общую. Старшина, подвинутый живой любовью къ Богу, Братству, семьѣ и братьямъ на честное и энергичное исполненіе своей обязанности, ставъ, дѣйствительно, живою совѣстью семьи, живымъ воплощеніемъ духа братства, живымъ центромъ, сплаци-

вающимъ вокругъ себя лучшіе элементы семьи, можетъ принести неисчислимую пользу всему Братству и отдѣльнымъ братьямъ своей семьи.

Особую милостью Божіею я считаю для Братства Трудового принадлежность къ нему людей, одаренныхъ исключительными талантами ума и разныхъ художественныхъ, литературныхъ и поэтическихъ способностей. Помощью этихъ талантовъ, если они не заркоуютъ ихъ въ грязь земную, они могутъ лучше другихъ послужить пробужденію умовъ и сердецъ, заразить пониманіемъ и любовью къ Богу и радостной славѣ вѣчнаго, неизмѣннаго, святого дѣла Его—воспитанія міра до устойчивой, торжествующей любви къ Творцу и всему Его творенію.

Возлюбленные, дорогіе о Христѣ, братья и сестры, вы, оставшіеся вѣрными Братству Трудовому и дѣлу любви, вы—любящіе, а не уклоняющіеся подъ разными предлогами отъ любви и отъ дѣла любви! Да будетъ благословеніе любви Божіей на васъ за то, что вы увѣровали въ Бога-Любовь и вѣра эта стала потребностью любящихъ сердецъ вашихъ. Не во всехъ насъ вѣра въ любовь Божію одинаково сильна и жива, но во всехъ насъ она есть, иначе не могли бы мы вѣрить въ разумность дѣла любви и служить ему. Да будетъ это великимъ утѣшеніемъ для насъ. Пусть мы немощны, пусть мы недостойны любви Божіей, но Богъ тѣмъ уже проявляетъ намъ безмѣрную любовь Свою, что даетъ силу вѣрить въ Его любовь. Мы вѣримъ въ любовь Божію къ намъ, вѣримъ въ любовь къ намъ и всехъ членовъ семьи Божіей. Мы вѣримъ въ Бога-Любовь, вѣримъ въ разумность и высшую правду любви. Да будетъ же благословеніе любви Божіей на васъ вѣрующихъ въ Бога-Любовь и въ устойчивость торжествующей любви Его.

Много борьбы пришлось вамъ вынести въ тайникѣ умовъ и сердецъ вашихъ съ ветхимъ человѣкомъ, живущимъ въ насъ силою вѣковой рутины. Въ теченіи вѣковъ не на любви основаны были жизнь, отношенія и трудъ. Основы страха и корысти не могли воспитать въ человѣчествѣ христіанскихъ привычекъ духовной свободы и устойчивой, торжествующей любви. Частое переживаніе духовныхъ настроеній, позорныхъ для христіанина, породило позорные характеры, стало позорною натурою, унаслѣдованною нами, какъ первородный грѣхъ, отъ отцовъ нашихъ. Намъ легко быть злыми, гордыми, себялюбивыми, грубыми, разнузданными, самовольными, жестокими; намъ трудно быть устойчиво любящими, великодушными, кроткими, смиренными, самоотверженными, сдержанными, осмотри-

тельными, благоразумными устроителями жизни любовью на основѣ любви. И на этой грѣховной почвѣ сѣютъ духи зла злыя плевелы, такъ легко на ней укореняющіеся, такъ пышно на ней произрастающіе. И эти адскіе всходы, возрастающіе на грѣховной почвѣ, такъ заботливо поливаютъ свои и чужіе мутною водою немощей ума и сердца своего, такъ часто отданныхъ во власть той же мрачной силы. Какъ устоять! Какъ не перейти на сторону зла, какъ не отдать себя на служеніе ему, какъ не измѣнить Братству Трудовому подѣ предложомъ, что ни оно, ни участники его не заслуживаютъ любви! Любовь не допустила васъ до измѣны, умы ваши до затмѣнія, сердца ваши до омертвѣнія. Вы вѣрили въ Бога-Любовь, вѣрили въ силу любви, желали любить, и далъ вамъ Господь силу любви, и осилила въ васъ любовь и грѣховную почву, и навѣты злыхъ духовъ, и соблазны немощей ближнихъ вашихъ; вы остаетесь вѣрны любви и дѣлу любви. Да будетъ на васъ за то благословеніе Бога-Любовь!

Какъ часто любовь ваша была поругана и отвергнута! Вы любили, вы многообразно выказывали любовь и уваженіе, а люди малой любви, всячески выказывая равнодушіе и неуваженіе и къ вамъ, и къ святой святыхъ жизни вашей, требовали отъ васъ еще большей любви, еще большего уваженія, не прощали вамъ даже скорбь вашу, издѣвались надъ вами, отдавшими всю жизнь на дѣло любви, называя холодною сухостью, неискренностію и себялюбивою обособленностію неглубокую кротость вашу, когда на оскорбленія вы отвѣчали сдержанностію и сторонились отъ оскорбителей. Когда вы дѣлали новыя попытки примиренія, васъ обвиняли въ заискиваніи и неискренности. Когда вы громко высказывали свои мысли и чувства, каждому поступку вашему и каждому слову давали самыя недоброжелательныя толкованія. Когда вы молчали и сторонились, васъ обвиняли въ сухости и себялюбивой обособленности. И при всемъ этомъ сердца ваши не ожесточились!

Васъ, работниковъ перваго часа, обвиняли въ томъ, что вы дурно строите храмъ Братства Трудового, съ непомѣрною грубостію и жестокостію васъ оскорбляли, издѣваясь надъ трудомъ вашимъ, увѣряя васъ то въ томъ, что дѣло ваше не стоитъ труда, то въ томъ, что сами вы слишкомъ дурны, чтобы его дѣлать. И вы не опустили руки, и вы не возгордились передъ людьми, которые не сумѣли съ любовью и уваженіемъ отнестись къ труду вашему, сами не желая ничего строить, никакого храма Братства созидать.

Да будетъ же на васъ благословеніе любви Того, Кто, умирая на крестѣ, молился о врагахъ.

Будемъ бодрствовать, да не возгордимся въ отвѣтъ унижающимъ и оскорбляющимъ насъ и дѣло наше. Будемъ непрестанно помнить, что сами по себѣ мы ничто; что все даромъ получаемъ отъ Господа и должны даромъ отдать на благо святаго дѣла Его; что все доброе, что дѣлаемъ, дѣлаемъ не своею силою, а дѣлается Господомъ черезъ насъ.

Возблагодаримъ же Господа и скажемъ: „Не по грѣхамъ нашимъ воздай намъ и Духа Твоего Святого не отыми отъ насъ. Въ немощахъ нашихъ твори великія и чудныя дѣла Твоя. Мы приняли на себя крестъ любви, крестъ Братства Трудового, чтобы идти во слѣдъ Тебѣ; благослови, исправи и направи трудъ нашъ по святой волѣ Твоей, да будетъ святая воля Твоя въ насъ, съ нами и черезъ насъ. Всѣхъ, враждовавшихъ съ нами и оскорблявшихъ насъ, прости, не вѣдаютъ бо, что творятъ. Всѣмъ, любящимъ насъ, молящимся о насъ, чѣмъ-либо оказавшимъ намъ благо и любовь, воздай, Господи, сторицею великимъ благословеніемъ любви Твоей.

Благослови, Господи, Братство наше, да будетъ миръ, любовь, единомысліе и единомушіе между всѣми нами.

Господи! любовью наполни сердца наши; дай намъ любовь къ избранникамъ нашимъ; дай намъ любовь къ Братству и братьямъ о Христѣ.

Господи! любовью наполни сердца избранниковъ нашихъ. Да оградятъ они жизнь нашу отъ разлада и искушеній; да устроятъ они жизнь нашу достойно Братства Христова.

Господи! любовью наполни сердца всѣхъ людей. Дай намъ любовь къ добру и правдѣ, дай намъ жалость къ горю ближняго. Въ любви мудрость наша, въ любви наша тихая радость.

Слава Тебѣ, создавшему насъ по образу и подобию Твоему. Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ. Слава Тебѣ, любовью и радостію души наши вдохновляющему!“

х. Воздвиженскъ.
22-го Іюля 1897 г.

Блюститель Православнаго Крестовоздвиженскаго
Перваго Трудового Братства

Николай Неплюевъ.

ОТЧЕТЪ БЛЮСТИТЕЛЯ

Отъ 14 Сентября 1897 г. по 14 Сентября
1899 года.

Возлюбленные о Христѣ,
дорогіе Братья и Сестры!

Мнѣ предстоитъ, какъ живой совѣсти Братства, изложить передъ вами исторію духовной жизни нашей за два года, истекшіе со времени прочтенія моего перваго отчета Влчстителю. Изложить исторію духовной жизни — значитъ изложить позорную для насъ исторію немощей нашихъ, скорбную для насъ исторію постепеннаго сознанія этихъ немощей и радостную для Братства и всѣхъ душою вѣрныхъ ему исторію покаянія нашего и тѣхъ достойныхъ покаянія плодовъ, которыхъ безмѣрная сила Божія въ безмѣрныхъ немощахъ нашихъ совершила.

Въ томъ подвигѣ, въ томъ и великая польза служенія на дѣло Божіе, что нельзя на немъ безсрочно мечтать объ идеалахъ, не приступая къ ихъ осуществленію въ жизни. Высшій идеалъ правды Божіей, начертанный на хоругви Братства нашего, слишкомъ ярко отбѣняетъ мракъ души и жизни нашей, чтобы мы могли безсрочно коснѣть въ самодовольствѣ духовной лѣни и безплодной болтовни о правдѣ и добрѣ. Если, принявъ на себя по буквѣ крестъ Братства Трудового, мы по духу не приступимъ къ соотвѣтствующему подвигу, не отвергнемъ себя, изъ разряда грубыхъ себялюбцевъ не перейдемъ въ разрядъ представителей вселенской любви, не примемъ на себя со смиреніемъ крестъ Братства Трудового, а на крестъ Братства захотимъ съ горделивою дерзостью устраивать наше личное или семейное благополучіе, не понесемъ креста Братства Трудового во слѣдъ Христу подъ тѣмъ предлогомъ, что за Нимъ мы можемъ придти на Голгофу, а повлечемъ кощунственно крестъ Братства Трудового за собою, по прихотямъ себялюбивыхъ и корыстныхъ расчетовъ, неумолимые факты жизни громко скажутъ позоръ духовной измѣны идеалу Братства Трудового и намъ останется выборъ между покаяніемъ и отреченіемъ отъ креста Братства. Свѣтъ Христовъ просвѣтитъ насъ, или мы убѣжимъ отъ

него, чтобы не обнаружился и мракъ души нашей и злыя дѣла наши. На насъ и жизни Братства нашего поразительно ярко обнаруживается, съ одной стороны жизненная правда словъ, исшедшихъ изъ устъ Божіихъ, съ другой — страшный разладъ между этою святою правдою и грѣховными привычками ума, сердца и жизни нашей. А вѣдь мы кость отъ костей, плоть отъ плоти того православнаго русскаго народа, того человѣчества конца XIX вѣка, изъ которыхъ мы, какъ изъ моря, вышли на берегъ Братства. Поймемъ изъ этого всю цѣну скорбнаго опыта духовной жизни нашей на лонѣ Братства для нашихъ соотечественниковъ, для всего современнаго намъ человѣчества, поймемъ, какъ преступно было бы подъ какимъ бы то ни было предлогомъ что-либо скрывать, что либо не договаривать въ покаянной исповѣди нашей. Братство можетъ сыграть въ жизни человѣчества благородную роль живой совѣсти, оно должно это сдѣлать безъ малодушія, какъ бы ни было прискорбно и стыдно передъ лицомъ всего человѣчества громко признаться, какъ много недомыслия и малодушія мы проявляли на первыхъ шагахъ святого дѣла несенія креста Братства Трудового во слѣдъ Христу и какое позорное самодовольство проявили при этомъ не одинъ, не два, а слишкомъ многіе изъ насъ.

Въ первомъ моемъ отчетѣ, изложивъ съ негодованіемъ ревливой любви исторію немощей нашихъ, предполагая единомысліе и единодушіе со мною въ этомъ дѣлѣ громаднаго большинства членовъ Братства, я нашелъ полезнымъ ободрить Братство, изложивъ въ концѣ отчета и то доброе и свѣтлое, что, среди многихъ немощей, какъ звѣзды мерцало во мракѣ жизни нашей. Надѣясь на то, что души наши искренно подавлены смиреннымъ сознаніемъ правдивости покаянной части отчета и сознаніемъ общей отвѣтственности за то зло, которое особенно ярко проявилось въ томъ или другомъ членѣ живого организма Братства нашего и такъ многихъ омертвило и омертвивши оторвало отъ общей жизни, я не побоялся дать волю радостной любви, проявивъ въ концѣ отчета всю силу любви и уваженія, которыхъ внушали мнѣ добрые дѣлатели на нивѣ Братства. Съ тѣхъ поръ я на опытѣ извѣдалъ, что я въ этомъ ошибался. Злой воли оказалось гораздо больше, доброй воли — гораздо меньше, чѣмъ я предполагалъ. Покаялись очень немногіе; при отсутствіи покаянія, неумѣстно было и утѣшеніе. Дѣйствительно, слишкомъ многіе успокоились на томъ, что по справедливости могли отнести къ себѣ только очень немногіе. Съ легкимъ сердцемъ звѣзды приняли за солнце и успокоились на томъ, будто я при-

зналъ, что все обстоитъ благополучно, что жизнь Братства нашего — прекрасный солнечный день, нимало не омрачаемый рѣдкими тучками. Слишкомъ многіе въ Братствѣ продолжали жить такъ, какъ бы ничего не сказала имъ совѣсть Братства черезъ меня, какъ бы они совѣмъ и не слышали отчета Блюстителя. Напрасно я просилъ, чтобы все зло, обнаружившееся въ другихъ, каждый изъ насъ духовно примѣрилъ на самомъ себѣ, чтобы опытъ жизни Братства для каждаго изъ насъ былъ въ назиданіе и во спасеніе. То же зло, которое совѣсть Братства черезъ меня заклемила, продолжало широко проявляться въ настроеніи и жизни слишкомъ многихъ и, что всего хуже, слишкомъ часто и слишкомъ во многихъ имѣло характеръ не слабости, не человѣческой немощи, а самодовольства во злѣ, безъ желанія покаяться и сотворить плоды достойныя покаянія. Слишкомъ многіе по отношенію къ совѣсти Братства оказались слушателями забывчивыми, не побоявшимися, будучи робкими на добро, оставаться отважными на зло. Слишкомъ многіе, выслушавъ исторію путей, приведшихъ къ измѣнѣ дѣлу Братства, продолжали идти тѣми же путями и окончили тою же измѣною. Слишкомъ многіе, не измѣняя Братству по буквѣ, на каждомъ шагѣ измѣняютъ ему мыслию, словомъ, желаніями и поступками, проявляя притомъ по-истинѣ изумительное и возмутительное самодовольство. Покаялись слишкомъ немногіе, успокоились слишкомъ многіе. Очевидно духовное настроеніе наше хуже, чѣмъ мы думали. Призывы къ покаянію оказались недостаточны, утѣшеніе оказалось чрезмѣрнымъ и многихъ соблазнило. Мы оказались болѣе жестоковѣчными, съ болѣе некрещенными умомъ и сердцемъ, чѣмъ о себѣ думали. Сознаемъ смиренно, что при такихъ обстоятельствахъ совѣсть Братства должна говорить намъ на языкѣ болѣе суровомъ о немощахъ нашихъ, не соблазня насъ болѣе ненужными въ нераскаянности нашей утѣшеніями.

Не праведники, а грѣшники нуждаются въ покаяніи. Не грѣшники, а праведники нуждаются въ утѣшеніи. Между нами слишкомъ много самодовольныхъ грѣшниковъ, нераскаянныхъ гордецовъ и себялюбцевъ. Будемъ настойчиво призывать грѣшниковъ къ покаянію, а праведники найдутъ утѣшеніе въ сознаніи честно исполненнаго, по отношенію къ Богу Живому и живому организму Братства, братскому долгу, въ мирѣ души, въ святой радости причастія любви Божіей и сочувствіи всѣхъ искренно любящихъ Бога и вѣрныхъ Ему и вѣчному, единому, неизмѣнному дѣлу торжества все-ленской любви Его.

Дорогіе братья и сестры! Вы знаете, какъ искренно и нѣжно я люблю васъ, вы знаете, какъ радостно было мнѣ закончить первый отчетъ словами любви и утѣшенія, вы не можете сомнѣваться въ томъ, что и теперь для меня лично составляетъ тяжелое горе необходимость вмѣсто радостныхъ словъ любви и утѣшенія, высказывать вамъ суровое порицаніе. Знаю, что многіе любили бы меня болѣе, если бы я былъ болѣе снисходителенъ и равнодушенъ, менѣе ревновалъ о Богѣ и дѣлѣ Братства, болѣе говорилъ и дѣлалъ пріятнаго для тѣхъ, кто готовъ быть въ лучшихъ отношеніяхъ со мною, нежели съ Богомъ и дѣломъ Братства. Вы знаете, какая для меня святыня любовь, знаете, что она для меня и воздухъ, и свѣтъ, и жизнь. Вы понимаете, какъ сильно я жажду любви вашей, понимаете, какимъ соблазномъ является для меня желаніе сохранить и усилить личную любовь вашу ко мнѣ. Говорить вамъ правду, пробуждать тѣхъ, которые хотятъ успокоиться на любви ко мнѣ и братьямъ, призывать ихъ отъ личной любви ко мнѣ и братьямъ къ любви въ Богѣ и во Христѣ, отъ любви къ намъ, къ любви къ Богу и къ Братству, велить мнѣ и вѣра въ Бога-Любовь и любовь къ Богу и вамъ. Именно въ этомъ самоотверженіе любви моей. Я былъ бы грубымъ себялюбомъ, если бы личную любовь вашу приобрѣталъ и сохранялъ въ ущербъ вѣчному благу вашему, состоящему не въ любви ко мнѣ, ничтожной пылинкѣ мірозданія, а въ любви вселенской къ Богу Создателю, Спасителю и Утѣшителю вашему и ко всѣмъ причастникамъ великаго Братства ангеловъ и святыхъ Царства Его. Любовь между нами безъ любви къ Богу — несбыточная утопія. Какъ могутъ быть устойчивы въ любви къ немощнымъ людямъ тѣ, кто неустойчивъ даже въ любви къ Богу Совершенному.

Говорить вамъ суровую правду — долгъ вѣрности Богу, долгъ исповѣданія Христа Его передъ людьми, долгъ самоотверженной любви къ вамъ, долгъ Блюстителя Братства и я, съ помощью Божіей, исполню его до конца, какъ бы это ни отразилось на личныхъ отношеніяхъ ко мнѣ того или другого изъ васъ.

Прошу васъ вѣрить, что, призывая васъ къ широкому обобщенію жизни Братства, въ смыслѣ сзнанія общей виновности и общей отвѣтственности во всякомъ злѣ, проявляющемся въ отдѣльныхъ членахъ живого организма Братства, я и себя не выдѣляю, сознавая себя живымъ членомъ живого цѣлаго. Когда братъ погрѣшаетъ, и чувствую себя въ немъ погрѣшившимъ. Когда братъ измѣняетъ Богу, правдѣ любви Его и дѣлу вселенской любви, я

чувствую себя соучастникомъ его измѣны. Когда я ревную о Богѣ противъ васъ, я ревную о Немъ не въ меньшей, а въ большей степени и противъ себя. Когда я васъ призываю къ покаянію, я не въ меньшей, а въ большей степени призываю къ покаянію и себя. Намъ нельзя дѣлаться судьбою въ собственномъ дѣлѣ. Одинъ Богъ вѣдаетъ, на комъ и въ какой мѣрѣ лежитъ отвѣтственность за грѣхъ злой гордости коллективнаго Адама. То же, что совѣсть Братства говоритъ вамъ черезъ меня, она говоритъ и мнѣ, и голосъ ее я слышу настолько громко, насколько велика любовь моя къ Богу-Любовь, дѣлу любви Братства Трудового и къ вамъ, немнѣющимъ иного пристанища во вселенной, кромѣ Братства мира и любви въ домѣ Отца нашего Небеснаго.

Начну съ бѣлаго обзора духовной жизни Братства за протекшіе два года; сдѣлаю изъ фактовъ жизни нашей общіе выводы и закончу изложеніемъ требованій братской совѣсти въ дѣлѣ перехода отъ того, что есть къ тому, что быть должно.

Какъ отнеслись къ первому въ жизни Братства отчету Блюстителя? Отчетъ этотъ не холодный дѣловой отчетъ, безстрастно подводящій итоги сухой буквы. Онъ писанъ кровью сердца, писанъ тѣмъ, кто васъ воспитывалъ къ жизни новой, тѣмъ, кого вы называете духовнымъ отцемъ, братомъ и другомъ, писанъ Основателемъ и первымъ Блюстителемъ того Братства, къ созиданію котораго вы приступаете. Въ отчетѣ этомъ, именемъ Бога и Братства, васъ умоляютъ опомниться, вамъ рисуютъ яркія картины того зла, которое такъ многихъ привело къ измѣнѣ дѣлу Братства, умолая воспользоваться тяжелымъ опытомъ пережитыхъ скорбей, себя и другихъ остеречь отъ извѣданной опасности.

Любовь къ Богу, Братству и ко мнѣ заставила-ли васъ оцѣнить по достоинству это важное событіе братской жизни? Произшелъ ли столь естественный при этихъ обстоятельствахъ подъемъ духа? Покаялись ли вы въ то время, когда такъ неестественно было остаться не раскаянными? Поставили ли вы дѣло Братства и служеніе ему выше мелочей личной жизни и личныхъ впечатлѣній?

Вотъ факты, которые намъ громко отвѣтятъ на это. Отчетъ былъ слишкомъ длиненъ, чтобы могъ быть прочитанъ въ одномъ собраніи. Къ тому же первая часть его, заключая въ себѣ исторію тѣхъ, которые назывались братьями нашими и стали измѣнниками, открывала такія язвы внутренней жизни Братства, что я, уважая братскую стыдливость, не хотѣлъ читать ее въ публичномъ собраніи. Эта первая часть отчета была прочитана 8-го сентября. Въ хро-

никъ братской семьи св. Николая записано, что чтение отчета я заключилъ словами: „Воспринемъ же духомъ, перестанемъ быть позорными себялюбцами подъ святымъ знаменемъ дѣла Божія.. Неужели и въ будущемъ возможны будутъ подобные случаи?!... Я прошу, нѣтъ, я умоляю васъ пожалѣть и меня, у меня силъ не хватить на бодрое служеніе дѣлу, если это такъ будетъ продолжаться!“ Записано, что одинъ изъ братьевъ въ отвѣтъ на это разрыдался. Казалось-бы все способствуетъ тому, чтобы къ отчету отнеслись съ сердечнымъ вниманіемъ даже и самые жестоковѣйные изъ насъ.

Послѣ прочтенія отчета, какъ сказано въ хроникѣ, почувствовали себя удрученными. Когда одинъ изъ братьевъ разрыдался, „это дало исходъ подавленному настроенію—у многихъ на глазахъ показались слезы“.

О впечатлѣніи, полученномъ по прочтеніи второй части отчета въ публичномъ собраніи 14-го сентября въ хроникѣ не сказано ни слова и о самомъ чтеніи отчета говорится, какъ объ одномъ изъ пунктовъ программы братскаго праздника. Винить въ этомъ брата, записывавшаго хронику было бы несправедливо. Поступая такъ, онъ совершенно вѣрно передалъ отношеніе къ этому факту многихъ. Многие отнеслись къ отчету Блюстителя, какъ къ явленію малозначущему и доказали это, ни въ чемъ не измѣнивъ рутину повседневной жизни. Отъ хроникъ одной изъ братскихъ семей за конецъ Сентября и Октября такъ и вѣетъ духомъ мелкихъ личныхъ дрызгъ, духовной лѣни, грубой разпущенности и требованіемъ отъ Братства комфорта и пріятныхъ впечатлѣній, на мѣсто самоотверженнаго и радостнаго служенія на общее дѣло.

Напрасно одинъ изъ братьевъ, на братскомъ собраніи, въ мое отсутствіе призывалъ братьевъ исполнить мою просьбу, пожалѣть меня, по слову Ап. Павла „если не любишь брата, котораго видишь, какъ можешь любить Бога, котораго не видишь“, отнестись серьезно къ дѣлу Братства, смиренно принять мое руководство. Все осталось по старому. Отчетъ Блюстителя не сталъ событіемъ въ жизни тѣхъ, кому слѣдовало покаяться. Они Бога не полюбили, меня не пожалѣли, сердца ихъ не возвысились, дѣло Братства они не поставили выше мелочей личной жизни до такой степени, что даже изъ-за самыхъ пустыхъ причинъ крайне обострились отношенія двухъ братскихъ семей между собою.

2-го Ноября передъ отъѣздомъ моимъ за-границу было большое братское собраніе, на которомъ была сдѣлана новая попытка другимъ способомъ пробудить братское самосознаніе и побудить къ

болѣе вдумчивому отношенію къ Господу Богу, жизни Братства и другъ другу.

Убѣдившись, что любви ко мнѣ не хватаетъ на то, чтобы отчетъ, прочитанный мною, былъ авторитетнымъ событіемъ въ жизни Братства, я хотѣлъ поставить Братство въ необходимость самостоятельно обсудить жизнь свою въ ея главнѣйшихъ проявленіяхъ, надѣясь, что рѣшенія, самостоятельно принятые, будутъ имѣть тотъ авторитетъ, котораго къ стыду и горю моему я долженъ былъ признать, не имѣетъ слово мое для нѣкоторыхъ даже при самыхъ исключительныхъ обстоятельствахъ.

Напоминая, что главною основою Братства является любовь къ Богу и ближнимъ, что любовь на степені добровольной дисциплины любви—насушная жизненная потребность Братства, вопросъ жизни и смерти для него, и что благодать любви мы можемъ получить только отъ Бога Живого, установивъ живую духовную связь между нами и Имъ, живя съ Богомъ, а не безъ Бога, я предложилъ обсудить, насколько въ фактахъ повседневной жизни Братства проявляется живая любовь къ Богу и другъ другу.

На собраніи приводились поразительные факты равнодушнаго, даже небрежнаго отношенія, ко всѣмъ проявленіямъ религіозной жизни въ Братствѣ. Оказалось, что въ этомъ отношеніи бывшіе воспитанники нашей школы не прогрессируютъ, какъ это было бы нормально, а регрессируютъ въ Братствѣ. Не внося живого духа сознательной вѣры и благоговѣйной любви, они почти всѣ добрые обычаи школьной жизни, имѣющіе религіозный характеръ, какъ-то: общія молитвы, ежедневное чтеніе Евангелія и бесѣды о прочитанномъ, тройную святыню братскаго поцѣлуя, какъ проявленія живой любви къ Богу, святому и самому брату, носящему его имя, все низвели до пустой формальности и стали тяготиться, какъ ненужною буквою, лишенною всякаго живого внутренняго смысла для нихъ.

Собраніе постановило, что, сознавая первостепенное значеніе жизни съ Богомъ, а не безъ Бога и благоговѣйнаго отношенія ко всѣмъ проявленіямъ религіозной жизни, оно призываетъ всѣхъ братьевъ и сестеръ на будущее время болѣе честно относиться къ этой главной основѣ Братства, постановило для пробужденія и укрѣпленія религіозной жизни возможно чаще устраивать молитвенныя братскія собранія по семьямъ,

Допросите совѣсть вашу, многие ли въ этомъ отношеніи вяли голосу Братства? Много-ли доброй воли проявилось въ этомъ на-

правления? Нѣтъ. Голосъ Братства замеръ въ духовной пустынѣ многихъ сердецъ, какъ замеръ передъ тѣмъ въ этой пустынѣ голосъ Блюстителя. Гдѣ ревнители вѣры, увлекшіе братьевъ на путь осуществленія религіозной правды въ повседневной практикѣ жизни Братства? Гдѣ ревнители о благѣ Братства, не успокоившіеся до тѣхъ поръ, пока братскія семьи, которыхъ отвѣтственными членами они состоятъ, не осуществятъ въ повседневной жизни своей правду религіозной основы честнаго нелицемѣрнаго христіанскаго Братства? И послѣ этого собранія между нами слишкомъ много людей, живущихъ безъ Бога, живущихъ не вѣрою, а видѣніемъ, людей самодовольныхъ въ своемъ равнодушіи къ религіозной основѣ и проявленіямъ религіозной жизни Братства.

На этомъ же собраніи, обсуждая вопросы объ отношеніяхъ другъ къ другу, убѣдились, что и тутъ мелкія личныя дразги, побужденія мелкаго себялюбія и гордости ставятся выше общаго блага и духовной пользы братьевъ. И тутъ въ Братствѣ очевидно не прогрессируютъ, а регрессируютъ сравнительно съ жизнью въ школахъ. И тутъ добрые обычаи, долженствующіе прививать навыки взаимнаго уваженія, деликатнаго, великодушнаго, духовно благороднаго отношенія къ ближнимъ, приходятъ въ забвеніе, низводятся на степень ненужной формальности и, наконецъ, отбрасываются какъ ненужная ветошь. Въ результатѣ грустное и постыдное для Братства явленіе: не разъ вступая въ Братство воспитанники нашей школы бывали непріятно поражены грубымъ и пошлымъ тономъ разговоровъ и взаимныхъ отношеній тѣхъ, которые должны были бы показывать имъ примѣръ духовной опытности въ добрыхъ братскихъ навыкахъ. Не разъ они со слезами говорили мнѣ о томъ, какъ больно имъ было слышать и видѣть въ Братствѣ то, что и по духу и по формѣ было бы строго осуждено въ школахъ.

Собраніе постановило призвать всѣхъ братьевъ стать на дорогу простыхъ, сердечныхъ, искренно-уважительныхъ отношеній другъ къ другу, къ тому, чтобы всѣ старались предупреждать другъ друга въ уваженіи, привѣтливости и сердечной заботливости, признали долгомъ братской совѣсти быть требовательными къ себѣ, а не къ Братству и братьямъ, любить, а не требовать любви, уважать, а не требовать уваженія, возможно болѣе давать другимъ, а не требовать отъ другихъ.

Допросите и въ этомъ совѣсть вашу. Не остались ли и эти прекрасныя постановленія однимъ благимъ пожеланіемъ? Многіе-ли изъ васъ вняли этому призыву? Многіе ли могутъ по совѣсти сказать,

что они честно выполнили свой долгъ въ дѣлѣ осуществленія этой братской правды взаимныхъ отношеній?

Въ концѣ собранія былъ поднятъ вопросъ объ экономической жизни въ Братствѣ, нѣкоторые братья предлагали обособить каждую рабочую артель въ экономическомъ отношеніи съ тѣмъ, чтобы такимъ путемъ заставить повысить интенсивность труда и уменьшить требовательность относительно Братства, привести къ сознанію необходимости собственнымъ трудомъ ocupar свою жизнь и сообразовать свои расходы съ доходами. Предложилъ эту мѣру одинъ изъ наиболѣе преданныхъ Братству членовъ его. Побужденія его были, конечно, добрыя. Онъ видѣлъ, что слишкомъ многіе злоупотребляютъ своимъ положеніемъ въ Братствѣ, не заботятся о томъ, чтобы возможно болѣе выработать на пользу общую, даже не интересуются вопросомъ—окупаютъ ли они себя трудомъ своимъ, а требуютъ отъ Братства такого комфорта, который совершенно не соответствуетъ ни основному принципу простоты братской жизни, ни средствамъ, вырабатываемымъ Братствомъ трудомъ своимъ, считая, что кто-то обязанъ дать имъ все нужное въ размѣрѣ ихъ желаній.

Опасность такого положенія вещей для будущности Братства очевидна. Такимъ путемъ можно привыкнуть жить на чужой счетъ, быть не расчетливыми, безразсудно требовательными, не считая своею обязанностью вырабатывать необходимыя для жизни цѣнности, а считать кого-то посторонняго обязаннымъ давать готовые цѣнности въ размѣрѣ нашихъ желаній.

Въ томъ уважаемый братъ нашъ Андрей Ивановичъ, поднявшій этотъ вопросъ, былъ тысячу разъ правъ и дѣйствовалъ какъ честный ревнитель о благѣ Братства. Къ сожалѣнію, ревнуя объ уничтоженіи зла, онъ въ мѣрахъ, предлагаемыхъ имъ для его уврачеванія, перенесъ центръ тяжести съ духа настроенія на букву мѣропріятій, такимъ образомъ сошелъ съ твердой почвы созиданія Братства по вѣрѣ, въ духѣ и истинѣ, на зыбкую почву соображеній по обычаю міра сего. И тутъ я вполнѣ понимаю и цѣню благія и честныя побужденія его. Видя, какъ мало дѣйствуютъ на многихъ самые убѣдительные призывы къ добру, какъ упорны въ привычкахъ зла остаются многіе среди исключительно благопріятныхъ для нравственнаго развитія обстоятельствъ жизни школъ и Братства нашего, онъ потерялъ надежду на то, что могутъ добровольно покаяться и сотворить плоды достойные покаянія, онъ и предложилъ поставить членовъ Братства въ такое положеніе, при кото-

ромъ они были бы заставлены сообразоваться съ тѣмъ, чего добровольно они не хотятъ принимать во вниманіе.

Онъ предложилъ экономическое обособленіе братскихъ семей. Мѣру эту я считаю несоотвѣствующею самымъ основнымъ принципамъ Братства. Именно потому, что она была предложена искренно и твердо преданнымъ Братству человекомъ и вызвана самыми честными и благими побужденіями, я и нахожу необходимымъ подробно остановиться на этомъ вопросѣ и остеречь васъ отъ основной ошибки, допущенной дорогимъ и уважаемымъ братомъ нашимъ при его рѣшеніи.

Одна изъ коренныхъ основъ Братства Трудового—стройная организація труда на началахъ любви. Основа эта требуетъ, чтобы одинъ трудъ не былъ выгоднѣе другого, безъ чего будетъ неизбежна экономическая борьба за трудъ болѣе выгодный. Чѣмъ будетъ опредѣляться цѣнность труда той или другой братской артели; совершенно чуждыми братской правдѣ условіями современнаго рынка, на немъ трудъ прачекъ цѣнится несравненно ниже труда воспитательницъ, трудъ земледѣльца—несравненно ниже труда управителя. При такихъ обстоятельствахъ что-бы вышло въ практикѣ жизни Братства? Артель прачекъ неся очень тяжелый трудъ, едва могла бы окупить себя при обстановкѣ жизни полной лишеній, тогда какъ семья учителей могла бы обставить жизнь свою сравнительно роскошно, успокаиваясь на томъ, что они живутъ на заработанные ими деньги. Такимъ образомъ, желая достигнуть лучшаго въ экономической жизни Братства, не путемъ повышения нравственнаго уровня, а путемъ организаціи, пришли бы къ слѣдующимъ, крайне неблагоприятнымъ, и даже, по моему убѣжденію, смертельнымъ для Братства результатамъ: 1) затмилось бы пониманіе первостепеннаго для блага Братства жизненнаго значенія животворящаго духа вѣры и любви; 2) Братство сошло бы съ прямого пути единенія, и сознанія необходимости достигать степени любви, необходимой для дисциплины любви, безъ чего самое единеніе—бремя непосильное, на путь разъединенія, при которомъ жить можно при настроеніи духа несравненно болѣе низменномъ; 3) въ Братствѣ, какъ и внѣ Братства, были-бы профессіи болѣе или менѣе выгодныя, всѣ желали-бы быть въ тѣхъ артеляхъ, жить въ которыхъ было-бы выгоднѣе; 4) оцѣнивая трудъ по обычаю міра сего и допустивъ, что прачешная артель должна окупать себя, и, что помощь имъ артели учителей будетъ житьемъ ихъ на чужой счетъ, естественно придутъ и къ расцѣнкѣ личнаго труда по обычаю міра сего и найдутъ

нужнымъ, чтобы рабочая артель не жила на счетъ жалованья управителя; 5) естественно всѣ, какъ мы и видимъ это внѣ Братства, захотятъ быть управителями и учителями, „выйти въ люди“. Отъ экономическаго Братства не останется и слѣда.

Если мы останемся въ этомъ дѣлѣ на братской почвѣ, признаемъ, что всякій трудъ полезный для Братства долженъ имѣть одинаковую цѣнность, мы обязательно признаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что несправедливая расцѣнка рынка „міра сего“ должна быть исправлена путемъ общей братской кассы, совсѣмъ не опредѣляя цѣнность того или другого труда, причемъ экономическое обособленіе братскихъ артелей теряетъ всякое жизненное значеніе. Дѣйствительно, для Братства не имѣетъ никакого значенія—окупаетъ ли себя та или другая артель необходимая для Братства (артели ненужныхъ для Братства не должно само собою допускать), сообразно рыночной оцѣнкѣ труда, которымъ эта артель занимается. Для Братства важно то, чтобы все Братство жило на собственные средства, не нуждаясь въ помощи со стороны, себя бы окупало, и чтобы каждая артель въ отдѣльности честно содѣйствовала тому, вырабатывая возможно больше количество цѣнностей и возможно менѣе потребляя этихъ цѣнностей на жизнь свою.

Достигнуть этого путемъ экономическаго обособленія братскихъ артелей невозможно, не переходя на почву лживой рыночной оцѣнки. Достигнуть этого, оставаясь на почвѣ братскаго единенія, можно только однимъ способомъ: настойчиво стремясь повысить духовный уровень Братства до дисциплины любви, до честности сознательнаго трудолюбія, до благородства добровольной и сознательной дешевой простоты жизни.

Вотъ прямой, истинно-братскій путь, котораго я умоляю васъ твердо держаться. Очень полезными, содѣйствующими успѣху дѣла мѣрами, могутъ быть: 1) точное опредѣленіе общеобязательныхъ нормъ расходовъ на содержаніе; 2) возможно болѣе точный учетъ работъ, не по рыночной цѣнѣ той или другой работы, а по количеству и качеству ежедневной работы каждого; 3) сознаніе нравственной отвѣтственности каждой артели передъ Братствомъ въ дѣлѣ честнаго отношенія къ труду каждого изъ ея сочленовъ, повышенная требовательность неукоснительно честнаго отношенія къ дѣлу и удаленіе изъ своей среды людей, упорно злоупотребляющихъ своимъ положеніемъ въ Братствѣ. Такимъ путемъ Братство быстро духовно dorostetъ, безъ экономическаго обособленія артелей, до той высоты настроенія, при которой долгое пребываніе на лонѣ

Братства сибаритовъ и тунеядцевъ станетъ невозможнымъ и Братству будетъ не только окупать себя, но и сберегать средства, нужны для расширенія дѣла, честно доведя до минимума расходы на свою жизнь.

Умоляю васъ и завѣщаю вамъ твердо помнить и неизмѣнно держаться того, что мы отъ себя должны требовать высоты настроенія, соответствующаго безкорыстному единству тѣснаго братскаго общенія съ возможно большимъ числомъ лицъ, а не формы братской жизни понижать до уровня немощей нашихъ, узаконяя такимъ образомъ безсрочное косиѣніе въ этихъ немощахъ. Такъ, въ данномъ случаѣ, если не только не желаютъ стать на путь подвига труда, но даже не имѣютъ доброй воли честно относиться къ труду подъ тѣмъ предлогомъ, что результаты такого нечестнаго отношенія къ дѣлу для нихъ недостаточно очевидны и не бьютъ по карману каждаго, не слѣдуетъ понижать, примѣняясь къ духовному уровню этихъ недостойныхъ Братства людей, жизнь всего Братства до экономического обособленія каждой артели, необходимо уговорить немощныхъ братьевъ, если они не додумались до братской правды жизни, усовѣстить ихъ, если они сознательно нечестны и удалить изъ Братства тѣхъ изъ нихъ, которые будутъ упорно самодовольны въ своей нечестности.

Не всѣ помирятся съ нами при такихъ обстоятельствахъ, можетъ быть многихъ мы потеряемъ. Что дѣлать! Многіе не мирятся и съ Богомъ Живымъ именно потому, что Онъ не понижаетъ требованій Своихъ, примѣняясь къ немощамъ нашимъ, и мы, если хотимъ быть на сторонѣ Бога и правды Его, должны неуклонно стремиться къ Божіей правдѣ братскаго единенія, а не вступать на путь покладистой политики, говорящей: „вы не хотите стремиться къ дисциплинѣ торжествующей любви, ничего, мы создадимъ для васъ обстановку, при которой, оставаясь грубыми и корыстными себялюбцами, вы не будете слишкомъ вредны Братству въ экономическомъ отношеніи. Расчетъ окажется не вѣрнымъ, мы помиримся съ пребываніемъ въ Братствѣ грубыхъ и корыстныхъ себялюбцевъ, сегодня примѣняясь къ нимъ, экономически обособимъ каждую артель, завтра убѣдимся, что для нихъ и братское единеніе на лонѣ артели—бремя непосильное и логично придемъ къ необходимости въ самой артели экономически обособить каждую личную семью, которая въ свою очередь окажется для грубыхъ эгоистовъ бременемъ непосильнымъ, что мы и видимъ въ хаосѣ жизни по обычаю міра сего, гдѣ, примѣняясь къ грубому эгоизму обособ-

ленныхъ индивидуальностей, громко проповѣдуютъ необходимость экономической обособленности всѣхъ членовъ семьи для широкаго проявленія своеволія индивидуализма. Нельзя стремиться къ единенію въ Братствѣ путемъ раздѣленія и обособленія его частей, хотя бы и въ экономическомъ отношеніи.

Собраніе поняло и признало, что „въ Братствѣ всякій трудъ долженъ цѣниться одинаково, въ зависимости отъ того, насколько самоотверженно и съ любовью трудятся, а не отъ того, насколько тотъ или другой трудъ, необходимый для Братства, выгоденъ по рыночной своей цѣнности“. Кромѣ того Братство постановило, что, если у Братства не хватаетъ средствъ на жизнь, оно должно сократить до минимума свои потребности, но чтобы это было обязательно для всѣхъ, а не для той или другой артели, по случайнымъ причинамъ не могущей свести концы съ концами.

Такъ долго я остановился на этомъ вопросѣ потому, что и послѣ этихъ постановленій, одни продолжали видѣть выходъ въ обособленіи артелей, другіе—относиться къ общему труду безъ любви и самоотверженія.

7-го декабря состоялось общее собраніе Братства, въ которомъ были объявлены слѣдующія постановленія Думы: 1) Братство должно быть частью единого вѣчнаго дѣла Божія; сообразно съ этимъ оно можетъ быть или великою святынею, или позорнымъ и преступнымъ кощунствомъ, смотря по тому, какъ мы его созидать будемъ. Слишкомъ многіе изъ членовъ Братства злоупотребляли долготерпѣніемъ и великодушіемъ Думы и проявляли полное отсутствіе сознанія святости того дѣла, которому служатъ, распушены, своевольны, самодовольны и самонадѣянны; 2) отвѣтственность за нравственное состояніе отдѣльныхъ братьевъ возлагается на братскую семью, которая обязана въ духѣ любви, но съ неизмѣнной настойчивостью воспитывать своихъ сочленовъ къ добрымъ братскимъ навыкамъ; 3) Трудовое Братство еще слишкомъ мало вырабатываетъ, чтобы могло разбрасываться въ дѣятельности своей. Въ виду этого Дума не только не признаетъ для Братства обязательнымъ, но и не находитъ желательнымъ затрачивать средства Братства на дорогое стоющее развитіе талантовъ, не имѣющихъ въ Братствѣ прямого приложенія. Въ видѣ исключенія это можетъ быть сдѣлано только для лицъ, доказавшихъ свою преданность Братству, въ размѣрахъ приложимости художественнаго труда внутри жизни Братства.

Въ братскомъ собраніи 25 января опять отмѣчено было крайне

низкое настроеніе многихъ членовъ Братства, выразившееся въ распущенности, неряшливости, своеволіи, совершенно неприличныхъ на лонѣ Братства для людей, сознающихъ святость того дѣла, которому служатъ.

Въ этомъ же мѣсяцѣ Марія Николаевна въ письмѣ, адресованномъ къ учителямъ мужской школы, „со всею силою любви своей къ Братству и каждому изъ насъ лично“, какъ говорится въ хроникѣ, напоминала имъ великое, святое призваніе ихъ и отъ имени Братства горячо призывала энергичнѣе взяться за дѣло созиданія Братства путемъ личнаго самоусовершенствованія и энергичнаго нравственнаго воздѣйствія на воспитанниковъ. Во второмъ письмѣ, указывая на крайнее малодушіе многихъ изъ членовъ Братства, бывшихъ воспитанниками нашей школы, она отъ имени Братства умоляла ихъ обратить на то вниманіе и положить всѣ силы духа на то, чтобы въ школѣ готовить людей болѣе устойчивыхъ въ добрѣ, болѣе религиозныхъ, любящихъ и самоотверженныхъ, напоминая притомъ, что достигнуть этого можно всего болѣе путемъ личнаго примѣра, что силы души мы можемъ только почерпнуть, живя съ Богомъ, а не безъ Бога, въ живомъ общеніи съ Нимъ. Все это было сказано въ качествѣ Намѣстницы Братства.

Въ мартѣ на собраніи Братства Марія Николаевна, напоминая Братству мои исключительныя права на авторитетность въ дѣлѣ созиданія Братства, указывала на то, какъ многіе не дорожатъ моимъ руководствомъ, самоувѣренно дѣйствуютъ въ разрѣзъ со мною, вносятъ въ жизнь Братства вредную закваску и въ концѣ концовъ доходятъ до того, что измѣняютъ Братству или заставляютъ Братство удалить ихъ изъ своей среды. Марія Николаевна умоляла собраніе пожалѣть Братство и меня, на которомъ неустройство братской жизни и каждая измѣна общему дѣлу слишкомъ тяжело отражаются. Ни такихъ нестроеній во внутренней жизни Братства, ни столь частыхъ измѣнъ не происходило бы въ томъ случаѣ, если бы болѣе дорожили моимъ руководствомъ, единомысліемъ и единодушіемъ со мною.

12-го апрѣля происходило собраніе подъ моимъ председательствомъ. Напомнивъ Братству, что дѣло наше новое и потому трудное, что большинство членовъ Братства еще очень молоды и неопытны, я говорилъ о томъ, какъ много доброй воли нужно для успѣшнаго созиданія Братства, что немощи наши не будутъ опасны для дѣла только въ томъ случаѣ, если мы смиренно отдадимъ себя въ руку Божию и дадимъ Ему черезъ насъ развернуть передъ че-

ловѣчествомъ поучительную картину жизни на основѣ торжествующей любви. Для этого не надо быть во всемъ достигшими добра, но необходимо быть искренне стремящимся къ добру, не быть самодовольными во злѣ, безъ чего мы непремѣнно вырвемъ себя изъ руки Божіей, оскудѣетъ въ насъ любовь и Братство наше станетъ вреднымъ соблазномъ для чловѣчества, давъ злой волѣ новое доказательство того, что завѣты Спасителя міра о братствѣ и любви неосуществимая утопія даже для людей, подготовленныхъ къ тому тщательнымъ воспитаніемъ.

Между членами Братства слишкомъ много людей самодовольныхъ во злѣ, не желающихъ стремиться къ добру. Эти люди и составляютъ самую опасную закваску, способную погубить дѣло Братства, сдѣлать его вреднымъ соблазномъ для чловѣчества. Такихъ людей, если всѣ усилія образумить ихъ останутся безуспѣшными, Братство не должно терпѣть въ своей средѣ.

Братство постановило по этому поводу напомнить братскимъ семьямъ ихъ отвѣтственность передъ Братствомъ за всѣхъ своихъ сочленовъ и указало на тотъ минимумъ требованій, при которомъ она можетъ мириться съ жизнью въ ней немощныхъ братьевъ. Этотъ минимумъ сводится къ отсутствію самодовольства во злѣ и горделивой заносчивости согрѣшающихъ.

9 Мая произошло очень важное въ исторіи Братства собраніе. Давно я замѣчалъ, что слишкомъ многіе изъ членовъ Братства недостаточно экономно и хозяйственно относятся къ жизни и труду. Постоянно призывая Братство къ трудолюбію, бережливости и дешевой простотѣ жизни, мнѣ казалось неудобнымъ, при моей барской неопытности въ этомъ дѣлѣ, проявлять слишкомъ опредѣленную требовательность тѣмъ болѣе, что, не обособивъ Братство въ экономическомъ отношеніи отъ моей кассы, я ожидалъ отъ Братства благоразумія въ этомъ отношеніи, какъ слѣдствія сознательной, самоотверженной любви къ дѣлу Братства и простой деликатности ко мнѣ лично. Если въ Братствѣ проявлялось излишнее стремленіе къ комфорту, а иногда даже и къ неприличной въ Братствѣ роскоши, если иногда даже въ самыхъ рѣзкихъ формахъ выражалась небережливость и нехозяйственность, я утѣшалъ себя тѣмъ, что все это проявленія неопытности и необдуманности, терпѣливо ожидая, когда заговоритъ совѣсть Братства въ этомъ направленіи, съ довѣріемъ надѣясь, что доброй воли хватитъ на то, чтобы голосъ этотъ былъ услышанъ. Я не допускалъ мысли, чтобы въ этомъ дѣлѣ могло быть, не легкомысліе, а самодовольство во злѣ.

И вотъ настало желанное время. Въ двухъ братьяхъ: А. И. Фурсей и И. А. Цвѣлодубъ совѣсть Братства громко заговорила въ этомъ направленіи. Они испугались за Братство, обезпокоились, начали изыскивать мѣры борьбы съ замѣченнымъ зломъ. Видя, какъ братья небрежливны и легкомысленны въ дѣлѣ труда, видя, какъ многіе въ Братствѣ Трудовомъ желаютъ и почти требуютъ для себя исключительныхъ положеній, какъ мало проявляется сознательнаго трудолюбія и уваженія къ физическому труду, какъ много проявляется эгоистическихъ стремленій къ болѣе пріятному труду умственному, даже въ смыслѣ самодовольствующаго умственнаго развитія безъ всякаго отношенія къ пользѣ Братства, они поняли всю опасность такого положенія въ дѣлѣ практическаго осуществленія Братства въ жизни, поняли, что самодовольство въ этомъ направленіи—буквально смертельно для Трудового Братства. Они стали горячо настаивать на необходимости для Братства сознательной экономической жизни, на необходимости для него жить собственнымъ трудомъ, себя окупать, сообразовать свои расходы съ результатами собственныхъ трудовъ, отнестись съ болѣшимъ уваженіемъ къ производящему новыя цѣнности труду физическому.

Правота ихъ въ этомъ дѣлѣ была такъ очевидна, факты жизни Братства были такъ краснорѣчивы, что съ точки зрѣнія пользы дѣла Братства тутъ не могло быть двухъ мнѣній. Факты громко свидѣтельствовали, что не одинъ, не два, а многіе члены Братства считали своимъ правомъ барское отношеніе къ жизни, и не признавали своею обязанностью, не только бережливое и хозяйственное отношеніе къ братскому добру, но даже въ этомъ отношеніи уступали наемникамъ, которые неминуемо были-бы расчитаны, если бы позволили себѣ подобное отношеніе къ инвентарю. Какъ не испугаться, какъ не устыдиться за Братство. И вотъ проснулась совѣсть Братства. Два брата настолько испугались и устыдились за Братство, что отъ избытка сердца заговорили уста. Это былъ радостный и почетный для Братства день. Пробудилось братское самосознаніе. Что за дѣло, что лица возревновавшіе о Братствѣ имѣютъ свои немощи, что за дѣло, что предлагаютъ для борьбы со зломъ мѣры, можетъ быть, и неудобныя, даже ошибочныя! Они стали противъ эгоизма на сторону Братства. Я глубоко вѣрилъ, что очень многіе скорбятъ о томъ, что ихъ возмущаетъ, тяготятся тѣмъ, что они переносятъ болѣе считаютъ невозможнымъ, что очень многіе, громадное большинство, если и не все Братство, какъ одинъ человѣкъ, опомнятся, расскаются, какъ честныя души вздохнуть свобод-

нѣе, когда одинъ изъ ихъ среды громко исповѣдаетъ эту очевидную правду и какъ живая совѣсть призоветъ къ осуществленію этой правды въ жизни Братства.

Когда передъ собраніемъ 9-го Мая пришелъ ко мнѣ И. А. Цвѣлодубъ и просилъ разрѣшенія поднять эти вопросы, выражая при томъ опасеніе, какъ бы не обидѣть тѣхъ, которые наиболѣе погрѣшаютъ въ этомъ дѣлѣ, я сказалъ ему, что радуюсь за Братство, считаю честью для него это пробужденіе самосознанія и не хочу допустить, чтобы въ основѣ нестроений Братства была злая воля, а не легкомысліе, что сообразно съ этимъ я надѣюсь, что заявленія его вызовутъ общее сочувствіе, что пользу Братства поставятъ выше мелкаго личнаго самолюбія.

И я былъ постыженъ въ надеждѣ моей. Моя радость и гордость за Братство уступили мѣсто тяжелой скорби и стыду за него. Впервые поколебалась моя увѣренность въ томъ, что любовь моя не избаловала грубыхъ себялюбцевъ, что нѣтъ въ Братствѣ самодовольства во злѣ, что по плечу вамъ то большое дѣло любви, къ которому я васъ призывалъ, къ которому я васъ съ любовью и довѣріемъ къ вамъ готовилъ.

Меня глубоко тронуло то, съ какою скромною деликатностью было сдѣлано Ив. Андр. его заявленіе въ братскомъ собраніи. Тѣмъ болѣе я сгоралъ отъ стыда за Братство, видя какъ было принято это заявленіе, въ какомъ тонѣ заговорили въ отвѣтъ на него представители братской интеллигенціи, тѣ, которые должны были-бы болѣе другихъ понять и оцѣнить высокое нравственное достоинство этого событія братской жизни. Не постыдились заявить, что къ работамъ относятся достаточно хорошо, что ни болѣе дешевой простоты, ни болѣе бережливости для Братства не желаютъ, и такимъ образомъ рекомендуютъ безпечальное самодовольство. И какимъ тономъ все это высказывалось! Это былъ тонъ придирчивой недоброжелательности, ехидный тонъ оскорбленнаго самолюбія, безъ всякихъ признаковъ любви и уваженія къ брату, проявившему ревность о благѣ Братства.

Да, это было тяжелое разочарованіе, тѣмъ болѣе тяжелое, что я даже въ остальныхъ не видѣлъ возмущенія этимъ позорнымъ для Братства оборотомъ дѣла. Вы громко сказали мнѣ въ этотъ день: Мы самодовольные во злѣ себялюбцы и свои удобства, свое спокойствіе ставимъ несравненно выше пользы общаго дѣла и торжества добра. Вы говорили мнѣ это и даже не сознавали, какой ударъ вы наносите тѣмъ моему довѣрію и уваженію къ вамъ. У васъ даже

не хватило любви на то, чтобы понять, какъ я думаю и чувствую, какъ отразится на мнѣ ваше отношеніе къ данному вопросу. И потому въ достаточной степени не поняли, что тогда оскорбило во мнѣ самыя святыя чувства любви, довѣрія и уваженія къ вамъ, не поняли, насколько ухудшали дѣло, извиняя свое отношенію къ заявленію Ив. Андр. личными счетами съ нимъ и соображеніями о томъ, будто въ его заявленіи не было ничего новаго, будто-бы всѣ эти вопросы давно извѣстны и въ достаточной степени обсуждены всѣми. Трудно съ самодовольною наивною пронаести надъ собою болѣе строгое осужденіе.

Видя, что никто не возмущается происходящимъ до потребности громко выразить свои чувства, я, какъ Влоститель, отъ имени Братства, горячо выразилъ благодарность возревновавшему о благѣ Братства Ив. Андр. и порицаніе тѣмъ, кто отвѣчалъ ему въ тонѣ, напомнившимъ мнѣ самыя злыя партійныя споры земскихъ и иныхъ небратскихъ собраний.

Очень долго и упорно я думалъ, что будучи слабы любовію другъ къ другу, вы сильны любовію, довѣріемъ и уваженіемъ къ дѣлу Братства и ко мнѣ, съ отеческою любовію воспитавшему васъ для Братства, думалъ, что, свободно проявляя передъ вами чувства радости, скорби или негодованія, я тѣмъ самымъ воспитываю васъ, подчеркивая въ жизни вашей особенно существенное на пользу или во вредъ общему дѣлу. И въ этомъ дѣлѣ слишкомъ многіе изъ васъ выказали себя грубыми эгоистами. Существеннымъ было для нихъ не то, что я волнуюсь, что для волненія моего должны быть важныя основанія, а то, насколько пріятно или непріятно для нихъ мое отношеніе къ дѣлу. Я волновался, а они не каились и не опасались того, что вызвало мое волненіе.

Во время моего отсутствія изъ Братства слѣдующею зимою на собраніяхъ Братства не разъ впадали въ тотъ же, осужденный мною тонъ, а волненіе мое осуждали, говоря, что оно для нихъ непріятно и мѣшаетъ имъ искренно высказываться, признавая тѣмъ самымъ, что искренно говорить они могутъ только вещи способныя меня возмущать, такъ думать и чувствовать и впредь будутъ.

Возвращаясь къ собранію 9-го Мая. Обращая вниманіе Братства на то, что трудолюбія и бережливости слишкомъ мало, Ив. Андр. возобновилъ предложеніе А. И. Фурсей, объ образованіи малыхъ братскихъ единицъ, которыя самымъ обособленіемъ своимъ были-бы поставлены въ необходимость окупать себя, сообразовать расходы

съ доходами и убѣдиться на дѣлѣ въ крайней необходимости и большей бережливости и большаго трудолюбія.

Выразивъ горячее сочувствіе тому, что въ немъ такъ громко заговорила совѣсть Братства, требуя повышенія нравственнаго уровня до сознательной бережливости и сознательнаго трудолюбія, до признанія необходимости производить больше цѣнностей, нежели потребляютъ, я нашелъ нужнымъ еще разъ и подробнѣе прежняго высказать—почему я не сочувствую мѣрѣ обособленія малыхъ братскихъ единицъ и не нахожу ни мало существеннымъ то, окупаетъ ли себя Братство въ настоящее переходное время или нѣтъ.

Желая образовывать большое Братство, я долженъ стремиться возможно скорѣе, при жизни моей, завоевать для Братства всю предназначенную ему территорію моихъ имѣній. На Рождественскій хуторъ мы смотримъ, какъ на практическій классъ, подготовляющій къ трудовой жизни Братство, постоянно отнимаемъ у рабочей братской семьи людей самыхъ способныхъ и энергичныхъ, замѣняя ихъ новичками; на самое выдѣленіе Рождественскаго хутора изъ всего имѣнія я смотрѣлъ какъ на временную мѣру, и потому въ интересахъ общаго хозяйственнаго плана всего имѣнія ограничилъ свободу организациі хозяйства Рождественскаго хутора. Необходимо было открыть Братству кредитъ въ моей кассѣ, что я и сдѣлалъ. Очевидно, при такихъ обстоятельствахъ окупаетъ или не окупаетъ себя Рождественскій хуторъ не имѣетъ никакого значенія, хотя этого могутъ и не понимать посторонніе посѣтители. Члены Братства, если бы относились сознательно и съ должнымъ интересомъ къ дѣлу, не могли-бы не понимать этого и должны были-бы легко разъяснить дѣло постороннимъ людямъ, вмѣсто того, чтобы компрометировать Братство въ ихъ глазахъ, выказывая полное непониманіе и равнодушіе къ положенію дѣла.

Обособленіе малыхъ братскихъ единицъ было-бы, кромѣ отступленія отъ основнаго принципа единенія, еще и большимъ тормазомъ для быстраго осуществленія дѣла въ предназначенныхъ ему размѣрахъ. Нельзя оставить большую часть имущества Братства въ рукахъ чуждыхъ ему по духу людей, ограничивъ сферу дѣятельности его тѣми малыми оазисами, которыхъ оно въ настоящее время могло-бы обработать безъ помощи наемниковъ.

Это положеніе вещей имѣетъ свои большія опасности. Необходимо, чтобы члены Братства были настолько преданы дѣлу, чтобы для нихъ не могло быть опаснымъ соблазномъ, неизбежное при та-

комъ большомъ дѣлѣ, тѣсное общеніе съ людьми не только чуждыми, но и враждебными Братству по духу. Необходимо, чтобы къ Братской Думѣ и ко мнѣ лично относились съ достаточнымъ довѣріемъ и уваженіемъ, чтобы самое переходное время, которое при созиданіи Братства въ такомъ большомъ масштабѣ будетъ очень долгимъ, не было соблазномъ на равнодушное или неряшливое отношеніе къ дѣлу подѣ тѣмъ предлогомъ, что результаты его недостаточно очевидны для всѣхъ. Необходимо, наконецъ, чтобы сознательнаго трудолюбія и сознательной бережливости было бы не менѣе какъ если-бы существовала экономическая необходимость жить трудами рукъ своихъ.

И вотъ, я прямо заявилъ, что недостатокъ трудолюбія и бережливости при этихъ обстоятельствахъ, я считаю проявленіемъ оскорбительнаго для меня недоувѣрія и просилъ Братство доказать мнѣ, что я могу созидать Братство въ намѣченныхъ размѣрахъ, проявляя твердую рѣшимость достигать той высоты духовнаго настроенія, при которой возможна добровольная дисциплина любви, при которой естественны будутъ и добровольное трудолюбіе, и добровольная бережливость, и добровольная простота и дешевизна жизни, безъ всякаго отношенія къ тому, насколько Братство вынуждено поступать такъ въ силу экономической необходимости. Просилъ Братство вдумчиво и честно отнестись къ этой сторонѣ братской жизни и не терпѣть въ своей средѣ людей, способныхъ быть вредною закваской и позорить Братство своимъ поведеніемъ.

И послѣ этого отношенія къ дѣлу со стороны нѣкоторыхъ членовъ Братства на Рождественскомъ хуторѣ было не только дурно, но прямо возмутительно и съ ними благодушно уживались. Особенно позорно отношеніе было къ труду со стороны нѣкоторыхъ женщинъ *), которыя подѣ предлогомъ неомоганія и заботъ о дѣтяхъ совсѣмъ ничего не хотѣли дѣлать и выказывали прямое неповиновеніе распоряженіямъ братской Думы и требованіямъ избранниковъ Братства. Образовалось какъ-бы два лагеря: холостыхъ и женатыхъ, причемъ послѣдніе горой стояли за своихъ женъ противъ Братства, доказывая, что въ Братствѣ онѣ не могутъ работать такъ, какъ работаютъ при тѣхъ же обстоятельствахъ въ своемъ хозяйствѣ внѣ Братства.

На собраніи семьи, бывшемъ въ моемъ присутствіи, такъ ярко

*) Почти всѣ онѣ пришли со стороны и не были подготовлены къ жизни Братства предварительнымъ воспитаніемъ.

выказалось полное отсутствіе доброй воли и то, до какой степени сами мужья виноваты, систематично поддерживая во злѣ своихъ женъ, что лучшіе представители братской семьи наконецъ поняли настоящее положеніе вещей и ужаснулись за Братство. Къ сожалѣнію, такъ долго мирились со зломъ, что оно стало привычнымъ явленіемъ, и послѣ того, сознавъ опасность, продолжали съ легкомысленнымъ равнодушіемъ относиться къ проявленіямъ зла въ повседневной жизни.

Въ виду этого на собраніи 14-го іюня я предложилъ, для пробужденія братскаго самосознанія, возложить на каждую братскую семью отвѣтственность за всѣхъ ея сочленовъ, требуя отъ нихъ сознанія этой отвѣтственности, вдумчиваго и честнаго отношенія къ ней. Не разъ выражали недовольство тѣмъ, что я слишкомъ обобщаю факты и дѣлаю все Братство отвѣтственнымъ за настроеніе и поведеніе отдѣльных его сочленовъ. Сознавая Братство живымъ организмомъ, а не механическимъ собраніемъ отдѣльных частицъ, ничего общаго между собою неимѣющихъ, я и не могу поступать иначе, не могу даже мириться съ иными взглядами на этотъ предметъ.

Необходимо, чтобы Братство сознавало свое единство и свою коллективную отвѣтственность за каждого изъ своихъ сочленовъ. Безъ этого зоркой, ревнивой любви не хватитъ на то, чтобы во время остановить и образумить брата или сестру, вступающихъ на дурной путь. Иначе мы будемъ съ легкомысленнымъ и преступнымъ равнодушіемъ присутствовать при постепенномъ отчужденіи многихъ отъ общаго дѣла и многихъ потеряемъ, ничего не сдѣлавъ для того, чтобы ихъ сохранить для Братства и братской любви нашей.

Полезнымъ, даже только не вреднымъ для Братства можетъ быть только пребываніе на лонѣ его двухъ разрядовъ лицъ: тѣхъ, кто сознательно и самоотверженно созидаетъ Братство и тѣхъ, кто добровольно и смиренно признаетъ авторитетъ этихъ естественныхъ хозяевъ общаго дѣла. Вѣдь мы создаемъ христіанское Братство, а не анархическую общину, не можемъ допустить, чтобы храмъ Братства нашего былъ обращенъ самодовольными въ своей гордости себялюбцами въ вертепъ разбойниковъ. Согласно съ этимъ мы не можемъ терпѣть въ Братствѣ людей самодовольныхъ во злѣ, тѣмъ болѣе не можемъ терпѣть, чтобы люди эти считали себя вправѣ широко проявлять въ Братствѣ свою индивидуальность и требовать равноправности съ самоотверженными подвижниками Братства.

До сихъ поръ происходило слѣдующее. Въ школахъ васъ старательно воспитывали, подготавливая къ честной братской жизни, прививая вамъ соответствующіе добрые навыки. Въ Братствѣ слишкомъ многіе считали за широкій взглядъ на вещи и доблестную самостоятельность жить по своимъ прихотямъ, не сообразуясь съ тѣмъ, что имъ совѣтовали, къ чему ихъ приучали въ школахъ. Любви къ Богу и сознательной любви къ Братству не хватало на то, чтобы самостоятельно оставаться на сторонѣ добра и неизмѣнно ставить общее благо выше своихъ прихотей. На каждомъ шагу измѣняли добру, добрые обычаи Братства становились пустою формою, самодовольные во злѣ люди гордились тѣмъ, что признавали это и требовали для себя права не подчиняться этимъ добрымъ обычаямъ и свободно проявлять себя, извращая всю жизнь Братства сообразно ихъ, совершенно чуждыхъ христіанскому Братству, взглядамъ и стремленіямъ.

Среди этихъ отважныхъ на зло людей, скорбя, а иногда и негодую про себя, жили слишкомъ робкіе представители добра, не поддаваясь злу, сторонясь отъ него, но слишкомъ мало дѣлая для торжества добра въ общей жизни. Они слишкомъ мало сознавали свое нравственное право быть хозяевами положенія и создавать ту духовно согрѣвающую и оздоравливающую атмосферу, безъ которой никому не можетъ быть ни духовно тепло, ни уютно въ Братствѣ. Болѣе того, изъ дурно понятой деликатности, они такъ безсрочно мирились съ самыми грубыми проявленіями зла, что, наконецъ, привыкли къ мелкимъ проявленіямъ его, какъ къ явленіямъ обычнымъ и неизбежнымъ. Они дали самодовольнымъ во злѣ людямъ завладѣть положеніемъ, *не отстояли отъ нихъ Братства, и содѣлались такимъ образомъ соучастниками во злѣ.*

Не только совѣты, но даже прямые требованія Братской Думы и Блюстителя оставались мертвою буквою, не считались обязательными. Особенно ярко проявилось это при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Видя, что многіе не согласуются съ прямыми требованіями Братской Думы и тѣмъ проявляютъ не только отсутствіе единодушія съ нею, но и полное непониманіе обязательности добровольной дисциплины, понимая съ другой стороны до какой степени нежелательно ежеминутное призываніе другъ друга къ порядку, я предложилъ завести въ каждой семьѣ двѣ тетради для записи того, что не нравится въ общей жизни и что находятъ желательнымъ въ дѣлѣ экономическаго быта и въ области нравственной жизни. Такимъ образомъ давалась возможность каждому члену Братства

честно высказаться передъ семьею и Братствомъ, вызвать обсужденіе того вопроса, по которому онъ чувствуетъ себя не единодушнымъ съ Думою, дать возможность убѣдить себя и сознательно подчиниться тому, что будетъ признано общеобязательнымъ для всего Братства. Такимъ образомъ давалась въ то же время возможность людямъ доброй воли, не утомляя духовно слабыхъ людей ежеминутными совѣтами и увѣщаніями, постоянно громко призывать братскую семью на добрый путь, отъ того, что есть, къ тому, что быть должно.

Тетради эти были заведены, но остались не тронутыми. Напрасно Дума сдѣлала соответствующее постановленіе, напрасно я просилъ, усовѣщевалъ, разъяснялъ, требовалъ, — все осталось по старому.

Въ виду такой упорной косности людей, очевидно рѣшившихся этимъ пассивнымъ путемъ отстаивать свое право на своеволие и не исполнять даже прямыхъ требованій Думы, я нашелъ слишкомъ несправедливымъ оставлять на Думѣ всю тяжесть отвѣтственности за поведеніе людей, не желающихъ сообразоваться съ ея распоряженіями. Необходимо было, чтобы главная отвѣтственность за поведеніе каждого отдѣльнаго члена Братства была перенесена на ту братскую семью, въ которой онъ живетъ, чтобы семья, ежеминутная свидѣтельница его жизни, своевременно оказала бы на него спасительное нравственное воздѣйствіе, уговаривая и настойчиво съ любовію умоляя его опомниться. Именно это я и предложилъ въ собраніи, умоляя всѣхъ искренно вѣрныхъ Братству, тѣсно сплотиться вокругъ старшины и стать хозяевами положенія, не медля приступить къ энергичному осуществленію братской правды въ повседневной жизни каждой братской семьи, умолялъ старшинъ ревностно и честно выполнять обязанность живой совѣсти братской семьи, умолялъ братскія семьи болѣе прежняго опасаться дурной закваски, подготавливающей путемъ измѣны Братству по духу, неизбежность рано или поздно измѣнить ему и по буквѣ.

Не могу сказать, чтобы я имѣлъ причину быть вполне довольнымъ тѣмъ, какъ выполнено было и это распоряженіе Блюстителя, подтвержденное постановленіемъ Думы. Твердой рѣшимости не допускать болѣе вредной для Братства закваски въ жизни семей не проявилось. Исключеніемъ изъ этого былъ фактъ удаленія изъ братской семьи св. Андрея двухъ братьевъ, слишкомъ грубо нарушавшихъ строй жизни семьи, даже и при минимальныхъ требованіяхъ.

22-го іюля въ день церковнаго торжества открытія Братства въ общемъ собраніи я напомнилъ, что главная опасность грозитъ Братству отъ насъ самихъ, что именно мы можемъ быть самыми вредными врагами Братству, разрушая дѣло въ такой степени, какъ сдѣлать это даже и злѣйшіе внѣшніе враги Братства не могутъ. Напротивъ, если мы будемъ сильны самоотверженною любовію и непоколебимою преданностію дѣлу, для насъ прозвучитъ слово Спасителя міра: „не бойся малое стадо“. Несмотря на самыя неблагоприятныя внѣшнія обстоятельства и самыя удачныя ковы враговъ, дѣло будетъ жить и процвѣтать въ насъ, пока мы сами не убьемъ его въ себѣ измѣною дѣлу по духу или по духу и по буквѣ.

Отъ имени Братства я умолялъ васъ опомниться и энергично приступить къ осуществленію братской правды въ повседневной жизни нашей, осуществивъ, наконецъ, правду живого общенія съ Богомъ, правду истинно-братскихъ отношеній между собою.

Какою горькой и даже злою проніей звучать слова хроники: „подробно я не записываю того, что говорилъ Николай Николаевичъ, потому что то же самое онъ говорилъ много разъ и много разъ то же самое записывалось на страницахъ нашей хроники“. И далѣе: „всѣ мы глубоко сознавали правду словъ Николая Николаевича и рѣшили съ этого же дня относиться серьезно къ дѣлу нашему, какъ взрослые люди, а не какъ дѣти“. Сколько разъ принималось это „твердое рѣшеніе“ и каждый разъ какъ позорно скоро оно забывалось. Если бы еще неустойчивость братьевъ нашихъ имѣла характеръ честной борьбы и падали побѣжденные, честнымъ трудомъ потрудившись; но нѣтъ, и этого утѣшенія мы не имѣемъ, изъ школъ нашихъ выходитъ слишкомъ много малодушныхъ людей, грубыхъ себялюбцевъ, для которыхъ свое маленькое „я“ безконечно драгоцѣннѣе и правды Божіей, и Божія дѣла торжества любви и блага всего человѣчества. Они и въ Братство входятъ самодовольно малодушными и Братству измѣняютъ послѣ упорной борьбы, не съ немощами своими на пользу правды, добра и Братства, что было бы доблестно, а противъ меня, Думы и всѣхъ искренно желающихъ созидать Братство, отъ насъ отстаивая свое право на самовольство, упорно помогаясь внести въ Братство анархію торжествующаго эгоизма, что позорно.

На собраніи 9-го августа я былъ только въ началѣ. Видя, что любви ко мнѣ лично не хватаетъ на то, чтобы добровольно признавался мой авторитетъ, не на словахъ только, но и на дѣлѣ, что

было бы въ томъ случаѣ, если бы дисциплины любви хватало на боязнь меня послушаться, разойтись со мною во взглядахъ, быть не со мною въ дѣлѣ созиданія Братства, видя, что по тѣмъ же причинамъ, на словахъ выражая готовность принимать мое руководство, на дѣлѣ не чувствуютъ ни малѣйшей потребности открыть мнѣ душу, сдѣлать меня участникомъ духовной жизни своей и систематично впускаютъ меня только въ парадныя, предназначенныя для гостей, комнаты души, неизмѣнно, часто даже грубо, затворяя передо мною то, что можно назвать интимными покоями души, и принимаютъ даже самыя важныя рѣшенія, не только со мною не посоветовавшись, но даже и не предупредивъ меня о томъ, я сталъ болѣе и болѣе сознавать, до какой степени необходимо при такихъ обстоятельствахъ, чтобы Братство возможно скорѣе почувствовало и самостоятельность, и соотвѣтствующую самостоятельности отвѣтственность.

Мнѣ хотѣлось-бы видѣть Братство возможно скорѣе самостоятельно себя созидающимъ, какъ въ экономическомъ, такъ и въ духовномъ отношеніи. Желая созидать экономическое Братство въ размѣрахъ всего Ямпольскаго имѣнія, я предложилъ Братству выбрать изъ своей среды тѣхъ, которые могли-бы, занявъ наиболѣе отвѣтственные должности, образовать братскія семьи по возможности на всѣхъ хуторахъ имѣнія, что значительно увеличитъ самостоятельность Братства въ дѣлѣ завѣдыванія имуществомъ, ему предназначеннымъ.

Вполнѣ сознавая, что все дѣло въ духѣ, и нравственномъ уровнѣ людей, что дурные люди ни при какихъ обстоятельствахъ неспособны созидать добро въ жизни, открывая собраніе, которое должно было быть первымъ шагомъ Братства на пути большей самостоятельности, я напомнилъ, что и въ экономической жизни Братства все зависитъ отъ степени любви. Воспитывая дѣтей, я тщательно оберегалъ ихъ отъ практичныхъ дѣльцовъ, опасаясь духа корысти, составляющаго основу ихъ практичности, ожидая отъ ихъ любви къ дѣлу и братьямъ практичности на этой святой основѣ. Не хватить любви, не хватить и доброй воли ограничить себя до трудолюбія, бережливости и простоты жизни.

Первое самостоятельное собраніе имѣло очень симпатичный характеръ. Кромѣ выбора изъ своей среды лицъ, предназначенныхъ для образованія новыхъ братскихъ семей, были подняты вопросы о болѣе вдумчивомъ отношеніи къ жизни Братства и лично ко мнѣ, какъ Благодѣтелю его.

Насколько и этот добрый порывъ былъ устойчивъ, вы всѣ знаете. Слишкомъ многіе въ Братствѣ, какъ вѣ его привыкли быть христіанами на часъ, по праздничнымъ днямъ, такъ и полезныя для Братства рѣшенія вдумчиваго отношенія къ нему и ко мнѣ, принимаютъ только на часъ, по праздничнымъ днямъ.

Въ концѣ Августа я заболѣлъ мучительною болѣзнію, лишившей меня возможности закончить отчетъ Блюстителя ко дню 14-го Сентября. На этотъ разъ я отчетъ замѣнилъ тѣмъ, что прочелъ изъ прошлаго отчета нѣсколько мѣстъ, особенно важныхъ для жизни Братства и ввиду нашей нераскаянности не потерявшихъ для Братства ни юты своего жизненнаго значенія. Послѣ эго я обратился къ Братству съ горячимъ призывомъ къ покаянію, еще разъ умоляя опомниться, быть болѣе цѣльными представителями Братства, болѣе требовательными къ себѣ, болѣе самоотверженными въ дѣлѣ созиданія общей жизни; умолялъ допросить совѣтъ свою, насколько каждый изъ насъ повиненъ въ нестроеніяхъ братской жизни и въ столь частыхъ измѣнахъ бывшихъ братьевъ, которыхъ, можетъ быть, намъ удалось бы сохранить для святого дѣла, если бы мы къ нимъ относились съ болѣе зоркою любовію, не отговариваясь тѣмъ, что мы „не приставники для братьевъ нашихъ“. Все это такіе наболѣвшіе вопросы нашей жизни, что говорилъ я это все время со слезами.

Какую цѣну придали словамъ и слезамъ моимъ тѣ, кто такъ недавно принималъ „твердое рѣшеніе“ вдумчиваго отношенія ко мнѣ и жизни Братства, громко сказали мнѣ слишкомъ многіе жизни своею, разительно ярко выразилъ мнѣ и тотъ изъ братьевъ, который, составляя хронику семьи, принявшей на себя обязанность передъ всѣмъ Братствомъ записывать общія собранія, въ черновой сказалъ всего нѣсколько холодныхъ словъ по этому поводу, а списывая въ тетрадь семейныхъ хроникъ, „забылъ“, не только переписать и эти холодныя слова, но даже и упомянуть о самомъ днѣ годового и храмоваго праздника Братства.

27-го Сентября состоялось еще одно собраніе. Предлагая избрать комиссію для обстоятельнаго разсмотрѣнія всѣхъ вопросовъ, касающихся до экономической жизни Братства, я настойчиво призывалъ понять тѣсную связь между основною цѣлью Братства, а слѣдовательно и нравственнымъ достоинствомъ и духовнымъ благородствомъ членовъ Братства, и общеобязательною дешевою простотою братской жизни. Желательное въ Братствѣ можно выразить словами: „опрятная, здоровая, изящная, дешевая простота“.

Въ этомъ собраніи самыми членами Братства были приведены очень интересные примѣры того, какъ даже посторонніе и мало сочувствующіе Братству люди понимаютъ естественность для Братства простоты и нелогичность для него всякой роскоши. Между братьями, къ сожалѣнію, слишкомъ много людей, которые этого не понимаютъ или не хотятъ понять. Иные въ стремленіи къ роскоши доходили просто до смѣшнаго, покупая на собственные деньги вещи, совершенно ненужныя въ братскомъ обиходѣ. Кромѣ моей семьи, никто въ Братствѣ не вынужденъ социальнымъ положеніемъ своимъ отступать отъ общей братской простоты, никого ни одинъ разумный человѣкъ не упрекнетъ за дешевую простоту обстановки, пищи и одежды. Громадное большинство вышло изъ простого народа, близко видѣло народную нужду, не имѣетъ даже оправданія дурныхъ привычекъ барства и роскоши. Прививать себѣ эти привычки при такихъ обстоятельствахъ—настоящее преступленіе.

По поводу того, что новыя, братскія семьи неизбежно должны будутъ болѣе близко соприкоснуться съ внѣшнимъ міромъ, мы вспомнили о томъ, что стало соблазномъ и даже привело къ измѣнѣ Братству на этомъ пути. Главное и тутъ, чтобы каждый изъ насъ былъ цѣльно представителемъ Братства при всякихъ обстоятельствахъ, всегда и вездѣ оставался самъ собою, тогда никакое общество не будетъ для него опаснымъ.

Въ концѣ собранія я настойчиво остерегалъ тѣхъ, которые, занимаясь умственнымъ трудомъ, проявляютъ тѣ же немощи, которыя съ христіанской точки зрѣнія дѣлаютъ столь несимпатичными такъ многіхъ представителей современной интеллигенціи, вѣ Братства. Со скорбнымъ ужасомъ я замѣчалъ, что для многіхъ моихъ воспитанниковъ послѣ всего, что сдѣлано для уясненія имъ правды Божіей, авторитетны и привлекательны теоріи и взгляды современной безбожной интеллигенціи, что они вмѣстѣ съ ними увлекаются теоріями самодовлеющаго умственнаго развитія, дѣлаютъ себѣ изъ разума куміра, не понимаютъ болѣе первенствующаго значенія любви, не умѣютъ уважать подвигъ тяжелаго физическаго труда, не понимаютъ значенія дисциплины любви, сочувствуютъ широкому проявленію индивидуальности, безъ всякаго отношенія къ ея нравственному достоинству, и въ концѣ концовъ также оторваны отъ реальной жизни Братства, также мало способны ее созидать, съ такимъ же равнодушіемъ способны низвести Братство на степень одного изъ многіхъ равноправныхъ жизненныхъ явленій, какъ бы это сдѣлали совершенно чуждые Братству ихъ собратья по ремеслу.

Умоляя ихъ опомниться, я настойчиво совѣтовалъ имъ на будущее время жить съ Богомъ, а не безъ Бога, жить съ Братствомъ, а не безъ Братства, болѣе прежняго дорожить общими со всѣмъ Братствомъ привычками и принимать возможно большее участіе въ трудовой жизни Братства, чтобы не утратить закалъ въ трудѣ, помня, что въ Братствѣ не должно быть не только обособленія, но и никакого раздѣленія между профессіями на степени невозможности перейти отъ одной профессіи къ другой, если этого потребуетъ польза общаго дѣла.

13-го Декабря состоялось собраніе Братства для выслушанія и обсужденія работъ комиссіи по экономическимъ вопросамъ. Мнѣ пріятно отмѣтить, что, хотя отдѣльными лицами и выражались мнѣнія, совсѣмъ несогласованныя ни съ пользою, ни съ основнымъ духомъ Братства, большинство въ рѣшеніи вопросовъ стояло на братской почвѣ.

Въ Январѣ 1899 года пріѣзжалъ съ Кавказа одинъ изъ представителей Криницкой общины—г. К. Въ этой общинѣ есть люди съ высшимъ образованіемъ, промѣнявшіе жизнь матеріальнаго довольства на крайнюю простоту трудовой жизни. Всякое проявленіе роскоши и барства считается ими позорною измѣною самому духу самоотверженнаго служенія на пользу человѣчества. Легко себѣ представить, какое тяжелое впечатлѣніе произвело на него то, что въ нашемъ Братствѣ люди, вышедшіе изъ бѣдной народной среды не только прививаютъ себѣ привычки сравнительной роскоши, но и считаютъ это явленіемъ вполне естественнымъ, нормальнымъ, болѣе того, выражаютъ желаніе еще большаго матеріальнаго комфорта. Негодованіе его достигло апогея, когда одинъ изъ учителей, показывая ему, во многихъ отношеніяхъ слишкомъ роскошную с.-х. школу нашу, съ видимымъ презрѣніемъ относился къ ней, находя ее еще слишкомъ мало удобною. Особенно возмущало его то, что въ словахъ нѣкоторыхъ изъ членовъ Братства онъ подмѣтилъ наивную увѣренность, будто трудъ и честь содержанія школъ принадлежитъ имъ, въ то время, какъ Братство, не сводя концы съ концами и ежегодно пользуясь субсидіями изъ моей кассы, въ дѣйствительности не только школы не содержитъ, но еще не доказывало, что можетъ само себя окупить. Негодованіе свое онъ выразилъ въ формѣ столь-же обидной для васъ, какъ и для меня. Онъ сказалъ: „Да ваше Братство при такихъ обстоятельствахъ просто фикція, мечта богатаго барина на горбѣ у мужика“.

Когда я узналъ объ этомъ, меня поразила правда его словъ, поразила очевидная польза для дѣла этой грубо выраженной правды.

Да, я дѣйствительно баринъ, по барски допустившій во многомъ излишнюю роскошь. Такъ, зданія школъ нашихъ—преступная роскошь для бѣдной, почти нищенской Россіи. Да, страшно вѣрно то, что если члены Братства, извѣдавъ на опытѣ бѣдоту народную, не будутъ дорожить дешевою простотою жизни своей, не будутъ понимать необходимости, не только жить по средствамъ, зарабатываемымъ личнымъ трудомъ, но и производя возможно больше цѣнностей, возможно меньше потреблять эгоистично на самихъ себя, особенно если по барской неопытности допущенную мною роскошь, они признаютъ явленіемъ нормальнымъ и даже, въ ослѣпленіи своего себялюбія, найдутъ для себя еще недостаточною, да, несомнѣнно Братство будетъ фикціей „мечтою богатаго барина на горбѣ у мужика“.

Если бы изъ-за обидной для меня буквы выраженія, я бы проглядѣлъ и не оцѣнилъ живую правду этихъ словъ, я бы не имѣлъ настоящей любви къ дѣлу Братства, былъ-бы недостойнъ быть Влѣстителемъ Братства, я былъ-бы не только бариномъ, но и дурнымъ бариномъ, ставящимъ свое мелкое самолюбіе выше очевидной правды, очевидной пользы дѣла.

Только немногіе въ Братствѣ поняли все это и сознательно простили г. К. грубость его выраженій. Большинству гордость и себялюбіе помѣшали оцѣнить горькую правду подъ обидною для насъ буквою. Большинство не покаялось; подъ предлогомъ грубой и обидной для насъ буквы оно отвергло все, что было сказано, какъ молчаливо и безъ всякихъ предлоговъ настойчиво отвергало все то, что и я говорилъ многократно, когда нельзя было принять моихъ словъ не покаившись. И пусть не извиняютъ себя передъ собственною совѣстью тѣмъ, что были слишкомъ оскорблены за Братство и за меня, чтобы вдуматься въ то, что говорилось въ такой оскорбительной для насъ формѣ. Настоящее уваженіе и къ Братству и ко мнѣ должно побуждать смотрѣть правдѣ въ лицо и осуществлять братскую правду въ жизни. Когда люди, на каждомъ шагѣ оскорбляющіе и Братство и меня самодовольствомъ въ дѣлѣ измѣны основному духу Братства и словомъ и дѣломъ, считаютъ себя оскорбленными грубою правдою, призывающею ихъ опомниться и себя ограничить на пользу общаго дѣла, пусть они понимаютъ, что оскорбляется въ нихъ не любовь къ Братству и ко мнѣ, а гордость и себялюбіе.

Большинство членовъ Братства такъ обидѣлось на г. К., что совсѣмъ и не поняло побудительныхъ причинъ его негодованія, не

поняло, что онъ въ грубости своей выказалъ болѣе любви и ревности о благѣ Братства, нежели тѣ, которые на него оскорбились; до того не поняли, что и меня ввели въ заблужденіе письмами, въ которыхъ говорилось только о грубости и недоброжелательности непріятнаго гостя, безъ малѣйшаго намека на побудительныя причины его рѣзкости.

Когда я узналъ истинный характеръ происшедшаго въ Братствѣ нашемъ съ г. К., я ужаснулся того, что понималъ, а понималъ я вотъ что. Многіе говорили мнѣ, что я балую воспитанниковъ и членовъ Братства, выказывая имъ такъ много любви и уваженія, давая имъ такъ много свободы, что они, по непривычкѣ ко всему этому нашего народа, такое отношеніе къ себѣ ни понять, ни оцѣнить по достоинству не могутъ. Меня нисколько не смущало мнѣніе людей, вѣрящихъ только въ рутину дисциплины на основахъ страха и корысти, неспособныхъ допустить возможность дисциплины любви. Все дѣло Трудового Братства, дѣло, на которое я отдалъ съ любовью себя и жизнь свою, сводится къ тому, чтобы воспитать людей достояніемъ Божиимъ, къ привычкамъ торжествующей любви, способными на добровольную дисциплину любви. Успѣхъ дѣла именно отъ того и зависитъ, будетъ ли достигнута та степень любви, при которой возможна будетъ добровольная дисциплина любви въ жизни, безъ воздѣйствія палокъ страха и приманокъ корысти. Вѣдь въ этомъ и заключается рѣшеніе вопроса о томъ, можетъ ли человѣчество осуществить правду Божию, свободу, равенство и братство, о которыхъ оно такъ много говоритъ и такъ давно бесплодно мечтаетъ.

Очевидно воспитывать людей къ любви иными способами, какъ любовію, невозможно. Любовь балуетъ тѣхъ, которые не любятъ, она любовь примутъ съ гордостью, какъ должное, и не признаютъ за собой обязанности отвѣтной любви. Для тѣхъ, которые отзовутся на любовь и оцѣнятъ ее по достоинству, она будетъ могучимъ воспитательнымъ средствомъ; любовь не можетъ избаловать ихъ, напротивъ, она заставитъ ихъ понять обязанности любви не только къ тому, который ихъ любитъ, но и къ Богу—Любовь, и ко всему Его творенію, и къ дѣлу любви на землѣ.

Долго я упорно вѣрилъ, что мнѣ удалось воспитать многихъ въ привычкахъ торжествующей любви, способными на дисциплину любви, что Богъ—Любовь можетъ, безъ насилія надъ ними, творить волю любви Своей въ нихъ, съ ними и черезъ нихъ. Въ этомъ все дѣло. Безъ этого ничего не сдѣлано.

Мнѣ казалось, что несмотря на всю любовь мою я не ошибаюсь

въ нравственной оцѣнкѣ моихъ дѣтей духовныхъ. Но на каждомъ шагу я видѣлъ отступленія отъ желательнаго, видѣлъ проявленія непослушанія, видѣлъ недостатки трудолюбія, недостатки бережливости, недостатки братской логики въ мысляхъ, чувствахъ, въ отношеніи къ дѣлу и взаимныхъ отношеніяхъ между собою. Все это я видѣлъ, все это объяснялъ легкомысліемъ молодости, ошибками неопытности, неумѣніемъ совладать въ себѣ съ привычками стараго поведенія. Я не допускалъ мысли о томъ, что тутъ могутъ, быть страшные симптомы злой воли людей, избалованныхъ моею любовью, нераскаянныхъ грѣшниковъ, самодовольныхъ гордецовъ и себялюбцевъ, ставящихъ свои удобства, личный или семейный эгоизмъ выше пользы общаго дѣла.

Я волновался, убѣждалъ, уговаривалъ, много разъ терпѣливо повторялъ одно и то же, а жизнь Братства шла иными путями, постоянно принося мнѣ новыя доказательства того, что слишкомъ многіе и думаютъ, и чувствуютъ, и живутъ на лонѣ Братства, ни мало не сообразуясь съ тѣмъ, что я давно имъ выяснилъ.

Я все вѣрилъ и ждалъ, всего ждалъ отъ любви и доброй воли, часто себя обвиняя для того, чтобы ихъ оправдать. Но вотъ пріѣхалъ человѣкъ, посветившій себя аналогичному съ нами дѣлу. Онъ прямо говоритъ: „вы недостаточно трудолюбивы, недостаточно бережливы, слишкомъ заботитесь о своихъ удобствахъ, слишкомъ мало заботитесь о пользѣ общаго дѣла“. Да кто-же изъ насъ можетъ сомнѣваться, что это такъ. Неоспоримые факты жизни нашей громко говорятъ это. Тысячу разъ я говорилъ это, если и менѣе рѣзко, то не менѣе настойчиво. Что-же можно было сдѣлать иного, если мы не самодовольны во злѣ, проявляющемся въ жизни нашей, и искренно желаемъ стремиться къ лучшему, какъ не смиренно признать, что мы во многомъ еще не достигли желательнаго, признаемъ зло за зло и желаемъ отъ него избавиться.

Многіе изъ членовъ Братства не только обидѣлись на К. за грубость его выраженій, но и признали его укоры неосновательными. Дошли до того, что вскорѣ послѣ этого въ братскомъ собраніи заявили, что нечего тревожиться, что все обстоитъ благополучно, что считаютъ возможнымъ быть вполне довольными собою и ни большаго трудолюбія, ни большей бережливости для Братства не желаютъ. Говорилось это не по поводу К., а по поводу рѣзкой правды, высказанной однимъ изъ братьевъ, членовъ экономической комиссіи, но говорилось вскорѣ послѣ того, какъ рѣзкая выходка К. должна была-бы заставить призадуматься и опомниться.

Эта склонность обижаться въ отвѣтъ на прямое выраженіе горькой правды, въ связи съ продолжающимися неустройствами жизни Братства и столь частыми проявленіями наивнаго самодовольства во злѣ, заставило меня, наконецъ, понять горькую истину. Да, слишкомъ многіе среди насъ не на высотѣ дисциплины любви, избалованы любовію моею, не смиренные труженики на нивѣ Братства, а самодовольные гордецы и себялюбцы, ставящіе свои удобства безконечно выше самоотверженнаго служенія на дѣло любви, твердо рѣшившіеся и впредь не покаяться, твердо рѣшившіеся не себя и свою жизнь прилаживать сообразно пользѣ дѣла, а самое дѣло прилаживать къ прихотямъ своихъ немощей.

Точно для того, чтобы и не могъ долѣе сомнѣваться въ томъ, факты слѣдовали одинъ за другимъ, разительно ярко и убѣдительно доказывая мнѣ, что, за малыми исключеніями, нравственный уровень созидающихъ Братство такъ не высокъ, что они при этомъ такъ самодовольны, что дѣло Братства будетъ неминуемо погублено ими, особенно, если дѣло это мы будемъ дѣлать въ тѣхъ большихъ размѣрахъ, которые были мною предположены.

Въ подтвержденіе моихъ словъ приведу только нѣсколько примѣровъ. Въ собраніи Братства читается докладъ хозяйственной комиссіи. Въ докладѣ этомъ позволили себѣ сказать горькую правду, а именно, что особенно нежелательнымъ явленіемъ въ экономической жизни Братства является легкомысленное равнодушіе къ вопросу о томъ, занимаетъ ли себя Братство. Фактовъ, подтверждающихъ это, было такъ много, что игнорировать ихъ можно было только, относясь крайне легкомысленно къ жизни, крайне равнодушно къ дѣлу Братства. Постоянно увеличивали расходы на жизнь, нисколько не принимая въ соображеніе братскихъ заработковъ; постоянно предъявлялись къ Братству требованія, съ полнымъ убѣжденіемъ, что кто-то долженъ доставить Братству не только необходимое, но и всякія удобства. На всякомъ шагу проявляется нехозяйственность, нерасчетливость, небрежность, и все это самодовольно считают похвальною широтою взглядовъ, совсѣмъ не соображая, какъ доставляютъ себѣ роскошь „этой широты взглядовъ“. По самымъ незначительнымъ причинамъ предпринимались поѣздки въ Глуховъ; безъ всякаго разрѣшенія и нисколько не справляясь съ состояніемъ братской кассы, дѣлали расходы, иногда и довольно значительные на себя лично или на свою личную семью. Всего этого, однако, оказалось недостаточнымъ для смиреннаго сознанія своихъ немощей. Опять

оскорбились. Нашли, что это не только преувеличено, но и совсѣмъ невѣрно. Не постыдились въ собраніи громко заявить, что это прямая клевета на братьевъ. Поторопились успокоить совѣсть Братства заявленіемъ, что это напраслина, что все обстоитъ благополучно, что всѣ полны доброй воли и что если и есть въ жизни Братства пятна, то это такія мелочи, по поводу которыхъ волноваться нечего. И этотъ усыпляющій братскую совѣсть дурманъ исходилъ отъ представителей семьи учителей, отъ тѣхъ, кто всего болѣе долженъ былъ вдумчиво относиться къ пользѣ Братства и всего болѣе былъ грѣшенъ въ этомъ дѣлѣ и, слѣдовательно, всего болѣе долженъ былъ смиренно выслушать горькую правду, если пользу Братства поставили бы выше своего мелкаго самолюбія. Именно семья учителей подъ разными предлогами устроила свою жизнь наиболѣе роскошно и всегда подавала Братству вредный примѣръ небрежности. Нельзя было болѣе убѣдительно сказать мнѣ: „мы самодовольны и приглашаемъ Братство къ самодовольству“.

Вскорѣ послѣ этого тѣ же учителя доказали всему Братству, что не только на дѣло они смотрѣли именно такъ, какъ было сказано въ оскорбившемъ ихъ заявленіи, но и продолжаютъ смотрѣть попрежнему, предложивши Братству значительный расходъ, при чемъ прямо заявили, что сообразоваться съ состояніемъ братской кассы при этомъ ненужно. Та же братская семья, когда я просилъ обсудить по семьямъ, какія явленія жизни семьи они признаютъ наиболѣе нежелательными, отказалась согласиться съ мнѣніемъ старшины, что экономическая жизнь семьи организована недостаточно дешево и бережливо, настаивали на томъ, чтобы этотъ пунктъ былъ совсѣмъ вычеркнутъ и заставили старшину и одного, согласнаго съ нимъ брата, высказать это, какъ отдѣльное мнѣніе. Та же братская семья не могла собраться для обсужденія общихъ вопросовъ, не перейдя на почву личныхъ пререкательствъ. И это люди, стоящіе у святой святыхъ жизни Братства у дѣла воспитанія душъ живыхъ отъ анархій эгоистическаго своеволія къ святой гармоніи сознательной дисциплины любви. Потому я и говорю именно о нихъ, что они, какъ удостоившіеся наибольшаго довѣрія, всего болѣе и отвѣтственны передъ Братствомъ и передо мною лично.

Довольно и этихъ примѣровъ, чтобы понять, до какой степени я былъ поставленъ въ невозможность долѣе закрывать глаза или все извинять, смотря на всѣ эти явленія черезъ призму любви

моей. Любовь къ Богу, любовь къ Братству не позволяет мнѣ быть несправедливо-снисходительнымъ къ вамъ; я долженъ былъ признаться, что мнѣ не удалось возвысить умы и сердца многихъ изъ васъ до сознательной, самоотверженной любви къ Богу и дѣлу Братства, что они не доросли до добровольной и сознательной дисциплины любви и, что всего хуже, самодовольны въ немощахъ своихъ, возгордились до того, что не имѣютъ спасительнаго страха Божія, не боятся причинять зло Братству, не боятся духовно убивать меня, съ жестокостью легкомысленныхъ и себялюбивыхъ дѣтей, постоянно оказывая мнѣ непослушаніе, не дорожа ни единомыслиемъ, ни единодушіемъ со мною, нисколько не заботясь о томъ, чтобы доказать мнѣ свою готовность на всякіе труды и лишенія на пользу Братства, и тѣмъ постоянно доставляя мнѣ все новыя и новыя скорби.

Любовь къ Богу, любовь къ Братству и любовь къ вамъ заставляютъ меня громко сказать вамъ эту горькую правду. Для успѣха дѣла главное поколебать ихъ самоувѣренность, ихъ самодовольство, сломить гордость ихъ. Если все сказанное мною будетъ недостаточно для того, чтобы они смирились передъ Богомъ и святынею дѣла Братства, тогда все пропало, и они неспособны созидать Братство ни въ какомъ размѣрѣ. Вотъ почему я не отступаю передъ болѣзненной операціей, повѣрьте, не менѣе болѣзненнаго для меня, какъ и для васъ, нравственнаго бичеванія нашего словами этого отчета. Если вы смиритесь, если вырвете изъ себя тупую самоувѣренность самодовольной гордости, не только ничего не потеряно, но все станетъ легко поправимымъ. Вы отвергнетесь себя, вы отдадите себя въ руку Божію, вы проникнетесь спасительнымъ страхомъ Божіимъ, перестанете быть малодушными на добро и отважными на зло, будете бояться принести дѣло Братства въ жертву себѣ, перестанете быть легкомысленными во вредъ Братству, будете страшиться внести въ жизнь Братства анархію своеволія, будете страшиться огорчать меня своимъ непослушаніемъ, своимъ самодовольнымъ разномыслиемъ со мною, своимъ очевиднымъ небреженіемъ къ моему авторитету и руководству. Надо только покаяться, съ искреннимъ смиреніемъ сознать: да, во истину безмѣрны немощи наши, чтобы переродить насъ нужно чудо благодати Божіей, въ руки Твои предаемъ себя и дѣло Братства, прояви въ безмерныхъ немощахъ нашихъ, безмѣрную силу Твою и да будетъ святая воля любви Твоей въ насъ, съ нами и черезъ насъ.

Все прошлое будетъ забыто, ничто прошлое не помѣшаетъ свѣтлому будущему, ибо:

Живѣ Господь Богъ творя чуда.

2-го января настоящаго 1899 года былъ прочитанъ годовой отчетъ объ экономической жизни Братства; почти по всѣмъ статьямъ былъ сдѣланъ перерасходъ.

24-го января на собраніи Марія Николаевна напомнила то, о чемъ не разъ уже говорилось на братскихъ собраніяхъ и подробно было сказано мною въ первомъ отчетѣ Блюстителя, а именно, что воспитанницы женской с.-х. школы не должны даже и подозрѣвать, что ими могутъ интересоваться члены Братства. Это кружило головы нѣкоторыхъ воспитаницъ, было большою помѣхою въ дѣлѣ воспитанія и даже вызвало исключеніе нѣкоторыхъ. Несмотря на все это и теперь не всѣ члены Братства умѣютъ держать себя и признаютъ своею обязанностью исполнять прямые требованія Блюстителя и Марія Николаевны.

14-го февраля состоялось собраніе, на которомъ Марія Николаевна особенно подробно и со всею силою ревливой любви своей остановилась на самыхъ рѣзкихъ проявленіяхъ отсутствія сердечной преданности Братству и мнѣ, его основателю и Блюстителю. Она говорила, что именно это является главною причиною нестроений во внутренней жизни Братства и недовѣрія къ Братству со стороны окружающихъ. Не въ достаточной степени дорожатъ единомыслиемъ со мною, а сами не имѣютъ достаточной любви къ Братству, чтобы на все смотрѣть съ братской точки зрѣнія. На каждомъ шагу говорятъ и поступаютъ совсѣмъ несогласно пользѣ Братства, не признаютъ для себя обязательными распоряженія Думы и Блюстителя и не имѣютъ даже достаточно смиренія, чтобы съ должнымъ чувствомъ принять заслуженныя порицанія. Это и дѣлаетъ невозможность стройной гармоніи во внутренней жизни Братства. На сторонѣ говорятъ, что Братство возможно только при моей жизни, говорятъ, что во мнѣ видятъ цѣльнаго, убѣжденнаго представителя Братства, а въ другихъ братьяхъ не замѣчаютъ той преданности Братству, при которой они могли бы самостоятельно созидать его. Слишкомъ часто они говорятъ и поступаютъ такъ, какъ не можетъ говорить человѣкъ, имѣющій Братство въ умѣ и сердцѣ. Слишкомъ многіе изъ членовъ Братства подтверждаютъ это мнѣніе, выказывая отсутствіе уваженія и преданности къ Братству и его Блюстителю. Конечно, они не говорятъ, что не уважаютъ и не

преданы, но говорятъ такъ, какъ уважающій и преданный человекъ говорить не можетъ. Именно это и подрываетъ всего болѣе довѣріе къ жизнеспособности Братства въ окружающей средѣ.

Марія Николаевна призывала всѣхъ, сознавая свою неопытность и легкомысліе, съ большимъ смиреніемъ принять мое руководство.

Въ мартѣ, вернувшись изъ-за границы, я опять вступилъ въ отправленіе обязанности Блюстителя. 21-го марта на собраніи мы опять говорили о недостаткѣ религіозности и трудолюбія, а 28 марта говорили о томъ, что главною помѣхою для живой религіозности служатъ: горделивое самодовольство и легкомысленное отношеніе къ неразборчивому чтенію.

Въ Апрѣлѣ, во время говѣнія на Страстной, былъ цѣлый рядъ покаянныхъ собраний, на которыхъ я старался представить Братству возможно болѣе яркую картину отрицательныхъ сторонъ жизни нашей, старался пробудить сознание необходимости дѣйствовать въ духѣ братскаго подвига, понимая, что тамъ нѣтъ честнаго, живаго христіанскаго Трудового Братства, гдѣ не хотятъ приступать къ тремъ основнымъ подвигамъ: подвигу вѣры, подвигу любви и подвигу труда. Говоря о подвигѣ, я не хочу сказать, что это нѣчто исключительно доблестное, доступное однимъ героямъ. Все это азбучныя обязанности каждаго честнаго христіанина и только по нашей крайней отчужденности отъ христіанской правды является для насъ труднымъ — подвигомъ. Подвигъ только тамъ и начинается, гдѣ есть трудность, необходимо усиліе. „Царство Божіе усиліемъ берется“. Подвигъ вѣры состоитъ не въ томъ, чтобы въ исключительныя минуты, по праздничнымъ днямъ проникаться религіознымъ чувствомъ и хотя бы до слезъ умиляться духовною красотою религіознаго восторга, а въ томъ, чтобы здѣсь на землѣ, вдали отъ дома Отца Небеснаго, лишеныя видѣнія силы и славы Его, жить съ Богомъ, а не безъ Бога, ходить предъ Богомъ, жить съ Братствомъ, а не безъ Братства, сознавая его дѣломъ Божиимъ; жить съ Богомъ и Братствомъ въ умѣ и сердцѣ, не въ исключительныя минуты, а постоянно, никогда сознательно не измѣняя имъ, особенно никогда не доходя до позора самодовольства въ измѣнѣ. Вотъ подвигъ вѣры, при которомъ вся жизнь наша станетъ однимъ гимномъ во славу Божию, при которомъ мы будемъ въ живомъ общеніи съ Богомъ Живымъ, Единымъ источникомъ силъ духовныхъ и отъ Него получимъ благодатную силу на два остальныхъ подвига. Подвигъ любви начинается тамъ, гдѣ намъ трудно оста-

ваться вѣрными любви, не измѣнить ей подъ какимъ-либо предлогомъ. Не трудно любить любящихъ насъ. Подвигъ любви начинается съ той минуты, когда мы остаемся великодушными и кроткими по отношенію къ намъ обижающимъ. Подвигъ труда начинается тамъ, гдѣ мы беремъ на себя трудъ тяжелый и непріятный, выполняя его съ благоговѣйною любовью, какъ дѣло Божіе, сознавая, что трудъ этотъ необходимъ для общей пользы и долженъ быть сдѣланъ другимъ, если мы не примемъ его на себя. Пока мы исполняемъ добросовѣстно и съ удовольствіемъ только трудъ для насъ пріятный—это радость труда, а не подвигъ.

Вступая въ Братство исключительно съ эгоистическою цѣлью наслаждаться радостями Братской жизни, не желая принимать на себя подвига Братства, неизбежно придутъ къ разочарованію, убѣдятся, что радость—вѣнецъ подвига и не дается тѣмъ, которые не хотятъ дѣйствовать въ духѣ подвига. Они не найдутъ въ Братствѣ той радости безъ подвига, о которой мечтали, не найдутъ удовлетворенія въ жизни Братства, малодушно отступятъ передъ необходимостью подвига, измѣнятъ Братству. Только тѣ, которые, входя въ Братство сознательно приступаютъ къ подвигу Братства, будутъ сознавать, что дѣлаютъ великое и святое дѣло, несутъ крестъ Братства Трудового на себѣ, именно въ этомъ сознаніи и находя высокое нравственное удовлетвореніе. Для сибаритовъ, гордецовъ и себялюбцевъ, мечтающихъ о радости и славѣ Братства, безъ подвига, станетъ ясно, что они не только не дѣлаютъ великаго и святого дѣла, но что ихъ отношеніе къ Братству—ложь и кощунство. Какое нравственное удовлетвореніе возможно при такихъ обстоятельствахъ? Они неизбежно разочаруются въ Братствѣ, если гордость помѣшаетъ имъ разочароваться въ самихъ себѣ и покается до искренняго желанія принять на себя подвигъ Братства.

Сообразно съ этимъ мы не должны равнодушно мириться съ тѣмъ, что есть между нами братья, отрицающія для себя самую обязанность трехъ основныхъ подвиговъ, считающихъ своимъ правомъ быть притомъ горделиво, заносчиво самодовольными. Мы не можемъ требовать опредѣленной степени высоты духовной, опредѣленной степени подвига, но мы должны требовать, съ нѣжною любовью, съ братскою заботливостью, но требовать настойчиво требовать, чтобы всѣ признали своею обязанностью стать на дорогу братскихъ подвиговъ и не быть самодовольными во злѣ, безъ чего въ Братствѣ не будетъ ни братской правды, ни дисциплины любви, никому не будетъ ни духовно тепло, ни духовно уютно. Необходи-

димо систематично изгонять изъ храма Братства тѣхъ, кто хочетъ сдѣлать изъ него ветрепъ разбойниковъ.

Указывая Братству на цѣлый рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что слишкомъ многіе не только не преуспѣваютъ въ трехъ основныхъ подвигахъ Братства, но даже и не признаютъ своею обязанностью стать на путь этихъ подвиговъ, оставаясь притомъ упорно самоувѣренными и самодовольными, я старался привести Братство къ сознанию того, что мы не можемъ быть долѣе соучастниками такого позорнаго и опаснаго для Братства отношенія къ дѣлу, тѣмъ болѣе, что многіе на сторонѣ „съ замираніемъ сердца“ слѣдятъ за успѣхомъ нашего дѣла и было бы слишкомъ великимъ соблазномъ, если мы по нерадивости или чрезмѣрной снисходительности къ людямъ, злоупотребляющимъ терпѣніемъ нашимъ, погубимъ дѣло, принадлежащее не намъ однимъ, а всему христіанскому міру и всему человѣчеству.

Люди молодые, полные силъ и энергіи молодости, только что вышедшіе изъ школы, специально подготовлявшей ихъ къ жизни Братства, и неспособные вдохновиться идеей Братства, Трудового не рвущіеся на подвиги самоотверженія, желающіе не Братству служить, а чтобы Братство служило на пользу имъ и ихъ домашнимъ, мечтая о какихъ-то чуждыхъ Братству идеалахъ, вычитанныхъ изъ книгъ или навѣянныхъ личными вкусами и наклонностями, не заслуживаютъ того, чтобы имъ въ жертву приносилось святое дѣло. Надо чтобы они покаялись или ушли отъ насъ и не тормозили долѣе нормальное развитіе дѣла Братства Трудового.

Насколько преступно снисходительны были ко многимъ изъ своихъ сочленовъ братскія семьи, ярко выказалось на томъ фактѣ, что нѣсколько братьевъ ушли отъ насъ вскорѣ послѣ этого, цинично заявляя, что не желаютъ вступать на путь подвига и находятъ „новыя требованія Братства“ бременемъ для себя непосильнымъ.

4-го іюля состоялось собраніе однихъ братьевъ, безъ сестеръ. Опять мы говорили о неустройствахъ жизни Братства, о томъ, какъ ярко появляется гордость и себялюбіе многихъ, на каждомъ шагу ставящихъ свои личныя прихоти выше пользы Братства, какъ ярко появляется отсутствіе дисциплины любви, неумѣнье добровольно подчиниться требованіямъ лицъ, имѣющихъ право распоряжаться въ томъ или другомъ дѣлѣ. Особенно настойчиво я просилъ учителей твердо стать на путь трехъ основныхъ братскихъ подвиговъ и неуклонно вести воспитанниковъ въ томъ же направленіи.

Въ Августѣ Братство рѣшило удалить А. О. Д. по причинамъ,

впервые оторвавшимъ отъ дѣла Братства человѣка недурнаго, пользовавшагося долгое время любовью и уваженіемъ. Считаю полезнымъ, какъ предостереженіе другимъ, подробно сказать о томъ, что привело къ этому грустному событію. А. О. погубилъ для Братства не личный, а семейный эгоизмъ. Поступилъ онъ въ Братство, изъ крестьянской среды, не бывши въ нашей школѣ, не по сознательной преданности идеѣ Братства, а по сочувствію общему тону жизни Братства, понимая пользу, какую можетъ извлечь изъ Братства его семья, воспитывая даромъ многочисленныхъ дѣтей въ нашихъ школахъ. Самъ онъ былъ человѣкъ скромный и трудолюбивый. Братство за это отнеслось къ нему съ любовью и уваженіемъ, готово было взять на себя воспитаніе всѣхъ 9-ти дѣтей его и въ теченіе семи лѣтъ терпѣло самыя грубыя выходки жены его, ненавидѣвшей Братство и всячески старавшейся сдѣлать дальнѣйшее пребываніе мужа въ Братствѣ невозможнымъ. Къ сожалѣнію у А. О. не хватило ни твердой настойчивости по отношенію къ женѣ, ни достаточной благодарности по отношенію къ Братству, чтобы заставить жену измѣнить свое отношеніе къ Братству и не соблазнять дѣтей своимъ вреднымъ примѣромъ. Жена его на каждомъ шагу выказывала полное отсутствіе любви, уваженія, довѣрія и желанія быть полезной Братству, и А. О. все это терпѣлъ и допустилъ ее и въ дѣтихъ своихъ, въ большинствѣ, къ сожалѣнію, унаслѣдовавшихъ характеръ матери, подрывать чувства любви, уваженія и довѣрія къ тому Братству и тѣмъ школамъ, которыя ихъ съ любовью пріютили и воспитывали. Въ концѣ концовъ, на этомъ пути они дошли до того, что каждое посѣщеніе родныхъ вредно отражалось на ихъ дѣтихъ, и самъ А. О. дошелъ до такого ослѣпленія семейнымъ эгоизмомъ, что, когда сынъ его, о которомъ самъ онъ говорилъ, что не считаетъ его способнымъ къ ученію, не выдержалъ окончательнаго экзамена въ ямпольской школѣ и не могъ поступить въ нашу с.-х. школу, а дочь окончивши женскую с.-х. школу, въ которой ее и вытерпѣли до конца и дали аттестатъ, несмотря на ее возмутительное отношеніе къ школѣ и воспитательницамъ, подъ вліяніемъ матери не захотѣла поступить въ Братство, онъ сталъ на сторону своихъ дѣтей противъ Братства, не соглашаясь помириться для сына съ положеніемъ скромнаго ремесленника и требуя отъ Братства большихъ затратъ на дальнѣйшее образованіе внѣ Братства своего неспособнаго сына. Дума Братства нашла невозможнымъ возлагать на Братство большія матеріальныя затраты на воспитаніе девяти дѣтей, зная, что въ

благодарность за это мать будет внушать имъ чувства нелюбви, неуваженія и недоверія къ Братству, и они подъ ея влияніемъ выйдутъ людьми совершенно чуждыми и Братству и добру. Пришлось удалить родителей, что бы имѣть возможность воспитать дѣтей. Пусть это будетъ урокомъ для всѣхъ тѣхъ, которые не понимали бы своей обязанности содѣйствовать успѣху воспитанія своихъ дѣтей, съ малолѣтства внушая имъ чувства любви, уваженія, довѣрія и преданности Братству и школамъ, берущимъ на себя заботы и расходы по ихъ воспитанію.

22-го Августа именно по этому поводу былъ поднятъ на общемъ собраніи принципиальный вопросъ о дѣтяхъ въ Братствѣ, о правахъ по отношенію къ ихъ воспитанію Братства и родителей и объ обязанностяхъ Братства по отношенію къ тѣмъ дѣтямъ, которые по неспособности или по неисправимости не могутъ окончить курсъ въ с.-х. школахъ Братства.

При разбирательствѣ этого вопроса ярко обнаружилось, до какой степени польза Братства и торжество братской идеи подчинены въ глазахъ нѣкоторыхъ членовъ Братства соображеніямъ личнаго и семейнаго эгоизма. Предлагали возложить на Братство заботы и расходы на взрослыхъ людей до ихъ совершеннолѣтія безъ всякаго отношенія къ ихъ нравственнымъ качествамъ и преданности Братству. Предлагали, уже совсѣмъ въ разрѣзъ съ самою основною цѣлію Братства—торжеству добра и стройной организаціи его въ жизни, отчуждать отъ дѣла Братства значительныя средства на дорого стоящее воспитаніе дурныхъ людей внѣ Братства, такимъ образомъ давая этимъ дурнымъ людямъ орудіе въ борьбѣ за существованіе, обезпечивая ихъ довольство во злѣ, застраховывая ихъ отъ возможности покаяться и вернуться въ Братство смирившимися блудными сынами, черезъ нихъ на средства Братства способствуя торжеству зла въ мірѣ.

На этомъ первомъ собраніи рѣшено было обсудить этотъ вопросъ по семьямъ и собраться во второй разъ для его окончательнаго рѣшенія.

Во второй разъ мы собрались 29 августа. Вначалѣ этого собранія я нашелъ нужнымъ напомнить, что, по уставу, рѣшеніе вопросовъ, касающихся общаго уклада жизни Братства принадлежитъ Думѣ, а общія собранія имѣютъ совѣщательное значеніе. Дума даже не обязана совѣщаться, а дѣлаетъ это добровольно изъ уваженія къ Братству, желая принять въ соображеніе все, что будетъ высказано на общемъ собраніи. Нѣсколько разъ проявлялось непониманіе истиннаго положенія вещей.

Нѣкоторые изъ членовъ Братства не только не принимали въ духѣ смиренной благодарности, это доказательство уваженія къ мнѣнію Братства со стороны Думы, но даже въ духѣ заносчивой гордости и безъ всякаго уваженія порицали Думу за то, что она не всегда подчиняется мнѣнію большинства.

Не Дума должна повиноваться рѣшеніямъ пріемныхъ братьевъ, а они должны быть благодарными Думѣ, когда она оказываетъ имъ честь, желая выслушать ихъ мнѣніе по тому или другому вопросу, и безпрекословно подчиняться рѣшеніямъ Думы безъ всякаго отношенія къ тому, согласны ли эти рѣшенія или нѣтъ съ ихъ личными желаніями и взглядами.

Свобода дѣйствій братской Думы не должна служить извиненіемъ и для тѣхъ, которые не желаютъ высказывать свое мнѣніе подъ тѣмъ предлогомъ, что мнѣніе это можетъ быть не принято. Мы всѣ должны дружно содѣйствовать благу Братства. Мы всѣ должны благо Братства ставить выше личнаго самолюбія. Наша братская честность состоитъ въ томъ, чтобы громко высказать свое убѣжденіе, не ставя свою искренность въ зависимость отъ того, будетъ ли принято наше мнѣніе и какое впечатлѣніе произведетъ. Только такимъ путемъ мы можемъ приходить къ единомыслію и единодушію между нами, давая возможность или насъ убѣдить или придти къ нашему убѣжденію.

На этомъ собраніи было выражено два мнѣнія. Одни считали, что права и отвѣтственность въ дѣлѣ воспитанія дѣтей должны принадлежать главнымъ образомъ Братству, другіе, напротивъ, что Братство должно только содѣйствовать родителямъ, не слагая съ нихъ отвѣтственность и не присваивая ихъ исключительныхъ правъ.

Относительно судьбы тѣхъ дѣтей членовъ Братства, которыя будутъ исключены изъ школъ Братства за дурное настроеніе, выражено было тоже два мнѣнія. Одни находили, что Братство должно дать имъ средства получить аттестатъ, равносильный аттестату нашихъ с.-х. школъ и такимъ путемъ обезпечить за ними матеріальное благосостояніе равное тому, какимъ ихъ добрые товарищи будутъ пользоваться въ Братствѣ; другіе—что это будетъ настоящею заманкою на зло, преміей для дурного настроенія, при которомъ и родители и дѣти будутъ успокаиваться на этомъ безвыгодномъ исходѣ для нераскаянныхъ грѣшниковъ. Въ дурномъ настроеніи дѣтей, за рѣдкими исключеніями, большая доля вины падаетъ на родителей. У слабыхъ духомъ родителей и дѣти не будутъ съ ма-

долѣтства жить высокими и святыми чувствами благоговѣнія, братолюбія, смиренія, великодушія, кротости и самоотверженной преданности добру, правдѣ и Братству. И по отношенію къ школѣ, и по отношенію къ воспитателямъ и школьнымъ товарищамъ они не будутъ жить этими чувствами; напротивъ, любовь и заботу о нихъ они примутъ съ холодною гордостью, какъ должное, безъ благодарности, безъ смиренной отвѣтной любви. Любовь—высшая святѣнина міра. Отвергая любовь, совершаютъ страшное кощунство. Кощунство это, повторяясь изо дня въ день, ожесточаетъ душу, заколяетъ ее во злѣ. И вотъ, когда ребенокъ съ малыхъ лѣтъ испытывавшій на себѣ любовь и заботы Братства, съ холодною жестокостью доведетъ Братство до того, что оно должно будетъ отказаться отъ надежды воспитать его въ братскомъ духѣ, этой закаленной во злѣ душѣ Братство дастъ средства выгодно устроиться на сторонѣ; этой гордой душѣ дадутъ возможность еще больше возгордиться, застрахуютъ отъ возможности смириться и вернуться въ Братство раскаявшимся блуднымъ сыномъ въ качествѣ простого честнаго труженика.

Большинство согласилось со слѣдующими мнѣніями: главная отвѣтственность за дѣтей должна оставаться на родителяхъ, которые съ малолѣтства обязаны воспитывать въ нихъ чувства любви, уваженія, довѣрія и беззавѣтной преданности къ Братству; оно, въ свою очередь, принимаетъ на себя обязанность всячески содѣйствовать родителямъ въ дѣлѣ воспитанія дѣтей въ духѣ вѣры и братства. Дѣтей, неисправимыхъ во злѣ, дальнѣйшее пребываніе которыхъ въ школахъ Братства могло бы стать для нихъ вредною закваскою, какими бы исключительными умственными способностями они не обладали, Братство не должно поощрять во злѣ, давая имъ въ руки могучее орудіе образованія. На такихъ дѣтей Братство можетъ истратить только самое необходимое для обученія ихъ мастерству въ качествѣ простого мастерового, чтобы дать имъ возможность стать въ ряды честныхъ тружениковъ, собственнымъ трудомъ добывающихъ хлѣбъ насущный, ничѣмъ не поощряя въ нихъ ни гордость, ни корысть, ни лѣнь.

Такое рѣшеніе вопроса является несомнѣнно побѣдою христіанской правды и братства надъ духомъ личнаго и семейнаго эгоизма. Будемъ надѣяться, что это не останется буквою постановленія, а будетъ поворотнымъ шагомъ въ духовной жизни Братства на путь самоотверженнаго служенія торжеству христіанской правды и добра въ жизни.

Этимъ я и заканчиваю обзоръ духовной жизни Братства въ связи съ бѣглымъ обзоромъ его общихъ собраній за время, истекшее со дня прочтенія перваго отчета Блюстителя.

Умоляю васъ отъ имени Братства, какъ живая совѣсть его, отнестись съ сердечнымъ вниманіемъ къ словамъ настоящаго отчета.

Главною цѣлью моею было пробудить сознаніе того, что основною причиною всѣхъ неустойчивостей въ жизни Братства и частыхъ измѣнъ ему, является гордость. Она—главная помѣха для истинной религіозности, для созиданія Братства въ духѣ страха Божія. По гордости мы глупо самоувѣренны и самодовольны во злѣ, по гордости мы не чувствуемъ потребности смиренно просить у Господа дать намъ силу благодати Своея, по гордости не считаемъ своею обязанностью въ любви и уваженіи предупреждать другъ друга, по гордости не умѣемъ смирить себя передъ Братствомъ и, живя безъ Бога, живемъ безъ Братства въ умахъ и сердцахъ нашихъ, по гордости неспособны на добровольную дисциплину любви, не боимся Братство обратить въ анархію, по гордости мы отважны на зло и не себя подчиняемъ Братству, а готовы Братство подчинить себѣ.

Сегодня, въ день Воздвиженія Креста Господня, покаемся передъ Крестомъ Его, передъ тѣмъ Крестомъ, на которомъ была принесена добровольно высшая жертва любви. Мы понимаемъ, какая безмѣрная любовь выразилась въ самомъ актѣ воплощенія Того, Кто зналъ, что Ему предстоитъ великая скорбь соприкосновенія со зломъ, злобою и ложью, поруганіе самой святѣины любви Его; мы знаемъ, какая безмѣрная любовь выразилась въ крестныхъ страданіяхъ и позорной смерти Того, Который могъ каждую минуту сойти со креста и былъ вѣчною силою, славою и жизнью. Неужели мы останемся жестокосердыми и жестоковѣчными гордецами ввиду Креста Его, на самомъ дѣлѣ несенія Креста Братства Трудового во слѣдъ Ему? Неужто любовь, безмѣрную любовь Христа и Бога нашего мы примемъ съ гордостью и не проникнемся не только отвѣтною любовью, но и смиреніемъ страха Божія, добрымъ страхомъ измѣнить Спасителю нашему, стать на сторону Его враговъ, вмѣстѣ съ ними надругаться надъ любовію и Крестомъ Его, сдѣлать тщетными по отношенію къ намъ страданія Его? Въ этомъ спасительномъ страхѣ Божиѣмъ воистину начало премудрости. Смиримъ себя предъ Господомъ, и Онъ вознесетъ насъ, ибо „Богъ гордымъ противится, а смиреннымъ даетъ благодать“.

Смиримъ себя отъ всего сердца, проникнемся смиреннымъ сознаніемъ, что безъ Бога, безъ благодати Его, мы не имѣемъ силы

оставаться вѣрными добру, мы не только малодушны, но даже самодовольны въ малодушіи нашемъ, тѣмъ болѣе не можемъ организовывать добро въ жизни, созидать жизнь въ Братствѣ Трудовомъ на началахъ добровольной дисциплины любви.

Смиримъ себя до искренняго, сердечнаго страха Божія, и мы дадимъ Богу Живому возможность, безъ насилія надъ нами, въ безмѣрныхъ немощахъ нашихъ творить безмѣрную силу свою, мы станемъ и дѣло Братства Трудового созидать и другъ къ другу относиться въ духѣ страха Божія, изъ людей отважныхъ на зло и робко малодушныхъ на добро, мы станемъ людьми робкими на зло и отважно великодушными на добро, проникнемся спасительнымъ страхомъ чѣмъ-либо повредить Братству, взирая на него, какъ на дѣло Божіе, страшась, измѣнивъ ему мыслію, желаніями сердца, словомъ или дѣломъ, измѣнить тѣмъ самымъ и Богу—Любовь и вѣчному дѣлу торжества любви Его.

Смиримъ себя до искренняго страха Божія, и мы дѣло Братства будемъ созидать благоговѣнно, сознавая, что дѣлаемъ великое и святое дѣло, вѣри́те, что даемъ Богу Живому въ немощахъ нашихъ творить волю любви Своей въ насъ, съ нами и черезъ насъ. Сознавая, что черезъ насъ творится великое и святое дѣло, мы смиримъ себя передъ дѣломъ этимъ, станемъ способны на добровольную дисциплину любви, станемъ способны на такіе подвиги вѣры, любви и труда, которые въ настоящее время при себялюбивой гордости нашей кажутся намъ идеальной утопій и дѣйствительно невозможны, пока мы остаемся нераскаянными грѣшниками.

Все зависитъ отъ доброй воли вашей. Если вы не покаетесь, не смиритесь до искренняго страха Божія, Господь не будетъ насилловать васъ на добро. Тогда все пропахло, и вы неспособны будете созидать Братство ни въ какомъ размѣрѣ, ни при какихъ обстоятельствахъ. Смирите вы себя до страха Божія, до жажды благодати Его и то, что было трудно, станетъ легкимъ; Господь исправитъ все прошлое, паче снѣга убѣлитъ насъ, и мы станемъ добрыми дѣлателями на нивѣ Его при всякихъ обстоятельствахъ и въ такихъ размѣрахъ, о которыхъ теперь и мечтать не можемъ.

Изъ очерка общихъ собраній Братства, вы видѣли, какъ мало значенія придавали словамъ и даже слезамъ моимъ. Продолжать безсрочно говорить и плакать передъ людьми убѣжденными, что то, что я со слезами имъ предлагаю, составляетъ для нихъ бремя непосильное, не обращаясь отъ всего сердца къ Единому Источнику

силъ духовныхъ.—Богу Живому, я не нахожу, ни благоразумнымъ для себя, ни полезнымъ для васъ.

Не ошибайтесь, не думайте, что у васъ не хватаетъ сознательной вѣры для жизни съ Богомъ, а не безъ Бога. Вѣра, въ которой я воспитывалъ васъ, удовлетворяетъ самые просвѣщенные умы, самыя возвышенныя сердца. Многіе интеллигентные люди писали мнѣ, что увѣровали, прочтя сочиненіе мое „что есть истина“. Одна причастная литературному міру женщина писала, что относясь съ озлобленіемъ къ религіи и Церкви Православной, 16 лѣтъ не бывала въ храмѣ и чуждалась таинствъ, и, прочтя эту книгу, увѣровала, помирилась съ Церковью и съ любовью приступила къ таинствамъ покаянія и причащенія. Другая интеллигентная женщина, пріѣзжавшая въ намъ въ этомъ году, какъ вы всѣ знаете, пріѣхала невѣрующе, тоже съ нетерпимостью относясь къ Церкви Помѣстной, а черезъ двѣ или три недѣли уѣхала отъ насъ увѣровавшею, приобщившись св. Таинъ въ храмѣ нашемъ. Вамъ ли, читавшимъ всѣ мои сочиненія, жившимъ въ тѣсномъ духовномъ общеніи со мною, человекомъ искренно и сознательно вѣрующимъ, вамъ ли трудно на лонѣ Братства понять правду Божію и жизненное значеніе ея? Нѣтъ, вы не можете не понимать разумность вѣры въ Бога Живого, воли Его, добра и вѣчной истины правды Его, но понимая, вы можете не любить ни Бога, ни добра, ни правды Его. Дать вамъ любовь я не могу. Одинъ Богъ можетъ дать вамъ благодать любви, если вы раскаетесь въ самодовольной гордости вашей и настойчиво, не минутнымъ порывомъ, а съ постоянствомъ будете жаждать благодати любви, смиренно сознавая, что вы нишіе любовью и смиренно, какъ милостыню, моля Господа дать вамъ благодать любви Своей.

Считаю долгомъ предупредить васъ, что, если черезъ годъ вы не дадите мнѣ ясныхъ доказательствъ того, что вы смирили себя передъ Господомъ, способны на добровольную дисциплину любви и къ дѣлу Братства и другъ къ другу относиться въ духѣ страха Божія, я не останусь долѣе Блустителемъ Братства. Можетъ быть, когда совѣсть Братства заговоритъ вамъ черезъ человека менѣе исключительнаго по своему положенію и по своимъ отношеніямъ къ вамъ и Братству, голосъ ея станетъ болѣе убѣдительнымъ для васъ. Если вы хотите, чтобы я продолжалъ исполнять должность Блустителя, докажите мнѣ, что я могу оставаться въ этомъ положеніи безъ вреда для васъ и дѣла Братства.

Конечно не все было дурно въ жизни Братства; сравнительно съ рутинною жизнью насъ окружающею, въ жизни Братства такъ много

отрадныхъ сторонъ, что несмотря на всѣ перечисленные въ этомъ отчетѣ немощи наши, многіе находятъ въ общеніи съ Братствомъ утѣшеніе, многіе духовно отдыхаютъ на лонѣ Братства, нѣкоторые перерождаются. Никто изъ насъ не можетъ приписать себѣ чести въ этомъ дѣлѣ. Правда, Братство такъ велика, что озаряетъ и согрѣваетъ, несмотря на все, что мы дѣлаемъ для того, чтобы исказить ее. Не всегда и не во всемъ, конечно, и мы не вѣрны Братству, хотя бываемъ не вѣрны ему и слишкомъ часто. Господь еще терпитъ насъ, Онъ еще не разсѣялъ насъ, не будемъ злоупотреблять долготерпѣніемъ Божиимъ. Для этого намъ такъ нужно покаяться, что я не хочу мѣшать покаянію, говоря вамъ объ успокоительныхъ и отрадныхъ явленіяхъ общей жизни.

Упомяну только о самыхъ выдающихся проявленіяхъ самоотверженной любви въ Братствѣ и отрадныхъ явленіяхъ въ отношеніяхъ къ Братству со стороны. Это не можетъ повредить намъ. Самые гордые изъ насъ не могутъ приписать себѣ честь этихъ исключительныхъ явленій и на нихъ успокоить свою совѣсть.

Общее настроеніе и отношеніе къ жизни въ рабочей братской семьѣ св. Андрея настолько измѣнилось къ лучшему, что въ настоящее время она является утѣшеніемъ для братской Думы. Особенно заслуживаютъ сочувствія своимъ самоотверженнымъ трудолюбіемъ Стефанъ Ивановичъ Головій, Ирина Филипповна Соломка, Трофимъ Николаевичъ Шаповалъ и Ѳедотъ Яковлевичъ Бурдукало. Ст. Ив. является несомнѣнно элементомъ созидающимъ, доброю закваскою и поучительнымъ примѣромъ, какъ своею живою религіозностью, такъ и смиренною любовію, стремленіемъ къ простотѣ и дешевизнѣ жизни и своимъ исключительнымъ трудолюбіемъ, доходящимъ до того, что онъ цѣлыя ночи работалъ, когда это было необходимо на пользу братьевъ. Ир. Филип., войдя въ семью, въ которой именно женщины выказывали очень мало трудолюбія, цѣлые дни работала не покладая рукъ, вставая раньше всѣхъ, и въ теченіе дня почти не давая себѣ отдыха. Это великодушное отношеніе къ общей жизни не осталось безъ добрыхъ результатовъ. Стали лучше относиться къ работамъ и другія женщины, и это сразу уладило всѣ прежнія недоразумѣнія между братьями и сестрами. Прежде братья, возмущаясь крайне дурнымъ отношеніемъ женщинъ къ работамъ, часто до грубости рѣзко выражали имъ свое негодованіе; въ результатѣ образовалось какъ бы два враждебныхъ лагеря, причемъ одинъ изъ нихъ составляли холостые, другой—женщины и ихъ мужья, часто не менѣе женъ своихъ виновные въ дурномъ

отношеніи къ дѣлу. Послѣ выхода изъ Братства особенно вредныхъ элементовъ, остальные покаялись, добрые элементы сплотились, духовный уровень семьи повысился и отношенія между братьями и сестрами значительно улучшились. Теперь, когда Ир. Филип. выказала такъ много великодушія, самоотверженія и трудолюбія, братья не только оцѣнили ея полезную дѣятельность, но и прониклись къ ней чувствами уваженія и благодарности. Двое изъ нихъ Тр. Ник. и Ѳедотъ Як. проявили эти чувства особенно трогательно. Видя, что она утомилась работою, они даже не предупредивъ ее о томъ, ночью исполнили часть предстоящихъ ей работъ. Вставъ рано утромъ, она нашла ихъ оканчивающими дѣло, была глубоко тронута ихъ братскимъ самоотверженіемъ и рассказала объ ихъ добромъ поступкѣ. Вотъ что нужно въ Братствѣ. Какъ бы мирно, легко и радостно потекла жизнь въ Братствѣ, если бы многіе стали дѣйствовать въ такомъ духѣ.

Мнѣ говорили: зачѣмъ хвалить, это должно быть явленіемъ нормальнымъ для Братства. Да, но пока слишкомъ многіе ведутъ себя ненормально съ точки зрѣнія Братства, эти рѣдкія нормальныя явленія должны быть признаны подвигомъ и отиѣчены на радость всѣмъ искренно желающимъ преуспѣянія Братства Трудового.

Считаю долгомъ сказать, что дурное отношеніе къ дѣлу со стороны женщинъ семьи св. Андрея не падаетъ на отвѣтственность женской с.-х. школы, такъ какъ всѣ онѣ не были окончившими въ ней курса воспитанія. Напротивъ, не одна Ир. Филип., но и большинство сестеръ, вступившихъ въ Братство, окончивъ курсъ женской с.-х. школы, выказывали гораздо больше живой религіозности, великодушія, кротости, смиренія, дисциплины любви и преданности Братству, чѣмъ бывшіе воспитанники мужской с.-х. школы, изъ которыхъ, къ стыду моему, выходило слишкомъ много людей малодушныхъ, гордыхъ, себялюбивыхъ, доказавшихъ свою непреданность Братству, измѣнивъ ему по самымъ пустымъ причинамъ. Честь столь отрадныхъ результатовъ воспитанія въ женской с.-х. школѣ я не могу не приписать въ большой степени чисто материнскимъ заботамъ Маріи Николаевны, столь цѣльно, всѣмъ существомъ своимъ и всею жизнію своею преданной Братству, не считающей ниже своего достоинства, мелочами, не заслуживающими ея вниманія, входить по отношенію къ воспитанницамъ и сестрамъ въ мелочи повседневной жизни ихъ, въ тѣ мелочи, изъ суммы которыхъ и складывается жизнь. Въ этомъ я вижу величіе любви и

самоотверженія ея. Отъ имени Братства, какъ живая совѣсть его, приношу ей глубокую благодарность.

По причинамъ, о которыхъ мнѣ нѣтъ надобности упоминать въ отчетѣ о духовной жизни Братства, мы рѣшили передать ямпольскую школу земству и закрыть ямпольское дѣтское общежитіе. По поводу этого событія Братство выразило благодарность за заботы и труды по дѣлу воспитанія дѣтей этого общежитія: Александрѣ Николаевнѣ, Ольгѣ Николаевнѣ, Василию Авксентьевичу Пушенко и Варварѣ Васильевнѣ Ребенко.

Удостоились особаго чествованія со стороны Братства: Николай Ивановичъ Ивченко, Василий Константиновичъ Оедоренко и Евгений Александровичъ Зильбередорфъ. Ник. Ив.—за свою много разъ доказанную самоотверженную преданность Братству, Вас. Конст.—за заботливое и даже самоотверженное исполненіе должности секретаря Блюстителя и Евг. Алекс.—за кротость и трудолюбие, проявленные имъ во время его годичнаго пребыванія въ Братствѣ, которое онъ на время оставлялъ для отбытія воинской повинности.

Ник. Ив., еще будучи воспитанникомъ с.-х. школы, проявлялъ выдающійся талантъ живописца и скульптора. Когда я совѣтовалъ ему въ свободное время заниматься рисованіемъ, онъ сказалъ мнѣ, что чувствуя наклонность къ этому художеству, онъ боится увлечься имъ и не желалъ бы идти на этотъ соблазнъ, если этимъ искусствомъ онъ не можетъ послужить на пользу Братства, которому всею душою преданъ и на пользу котораго желаетъ отдать всю свою жизнь. Думая созидать Братство въ большихъ размѣрахъ, при чемъ возможно было бы примѣненіе къ жизни его и многихъ художествъ, я сказалъ ему, что не считаю бесполезными для Братства многіе роды художественной дѣятельности и, когда Ник. Ив., выйдя изъ школы, поступилъ въ Братство, далъ ему возможность брать уроки рисованія у двухъ художниковъ Шапорина и Навроцкаго. Когда обстоятельства измѣнились, и Братство высказалось противъ роскоши, дорого стоящаго воспитанія талантовъ внѣ Братства, Ник. Ив. первый съ любовью подчинился этому рѣшенію и, когда я предложилъ ему ходатайствовать за него передъ Братствомъ и дать ему средства обучиться живописи въ С.-Петербургѣ или Москвѣ, онъ наотрѣзъ отказался отъ этого, говоря, что ему невыносимо будетъ поступать въ этомъ дѣлѣ въ разрѣзъ сознанию всего Братства. За такой подвигъ любви и преданности Братству, равно и за прекрасный примѣръ семейной жизни, Дума ввидѣ

исключенія изъ своего рѣшенія не принимать въ свою среду новыхъ сочленовъ, пока братья и сестры не достигнутъ болѣе зрѣлаго возраста, избрала его полноправнымъ братомъ. Заслуги Ник. Ив. въ семейной жизни состояли въ слѣдующемъ. Женился онъ на двѣхъ, не особенно хорошо проявившей себя во время своей школьной жизни и на первыхъ шагахъ своей жизни въ Братствѣ. Не всегда хороши были ихъ взаимныя отношенія на первыхъ порахъ брачной жизни. Не всегда были хороши и ихъ отношенія къ братской семьѣ, къ которой они принадлежали. Все это превозмогла любовь и преданность Ник. Ив. къ Братству, чувства, которыя онъ успѣлъ крѣпко привить и женѣ своей. Разъ Ник. Ив. заявилъ мнѣ, что онъ въ согласіи съ женою своею рѣшили на пользу Братства круто измѣнить свою жизнь и отношенія, что, на будущее время, они рѣшили быть требовательными къ самимъ себѣ, не дѣлаясь судьями другихъ, другими словами,—рѣшили не бороться со зломъ въ другихъ, а осуществлять добро въ собственной жизни. Великая заслуга ихъ состоитъ въ томъ, что они остались вѣрны своему рѣшенію. Очень скоро такимъ путемъ они оба заслужили общее сочувствіе и уваженіе. Очень вдумчиво и вполнѣ въ братскомъ духѣ они относились и къ первому ребенку своему. На-дняхъ Ник. Ив. далъ намъ новое доказательство своей безавѣтной преданности Братству, заявивъ, что теперь, когда Братство высказывается противъ всякихъ исключительныхъ положеній, онъ съ женою желали бы возможно скорѣе стать въ ряды простыхъ работниковъ на х. Рождественскомъ. Испытавъ скорбь и стыдъ измѣны брата, дорожившаго больше мѣстомъ прикащика, нежели святымъ именемъ брата, Братство выразило уваженіе Николаю Ивановичу и его супругѣ, почтивъ ихъ вставаніемъ.

Заслуживаютъ особаго, сочувственнаго упоминанія еще и слѣдующія сестры: Пелагея Кузьминична Пархоменко и Варвара Васильевна Ребенко—за исключительно ревностное и самоотверженное отношеніе къ выполнению своихъ обязанностей, Татьяна Ивановна Ивченко—за ревностное и самоотверженное отношеніе къ духовной жизни воспитанницъ, Елена Васильевна Ребенко—за трудолюбіе и самоотверженный уходъ за больными.

Перехожу къ перечню самыхъ выдающихся явленій въ области отношеній къ Братству со стороны.

Начнемъ съ грустныхъ, прискорбныхъ для насъ явленій.

Большинство представителей окрестнаго населенія, не желая ни прочесть мои сочиненія, ни познакомиться съ дѣломъ Братства

на мѣстѣ, продолжаютъ проявлять къ намъ крайнюю недоброжелательность, охотно принимаетъ на вѣру самыя нелѣпыя клеветы, часто поражающія совершеннымъ отсутствіемъ всякихъ причинъ для своего возникновенія.

Намъ пришлось разстаться съ бывшимъ священникомъ храма нашего о. С. Ч., убѣдившись, что дальнѣйшее пребываніе его у насъ не будетъ полезно, ни для установленія добрыхъ отношеній съ нашимъ Архипастыремъ, ни для самого Братства, которое онъ постоянно ставилъ въ необходимость выбирать между потерей любви, уваженія и довѣрія къ нему или къ Блюстителю Братства.

Систематичныя и дружныя интриги враговъ Братства привели къ тому, что, не желая болѣе имѣть дѣла ни съ ямпольскимъ обществомъ, ни съ училищнымъ совѣтомъ, мы рѣшили передать ямпольскую школу земству и закрыть ямпольское дѣтское общежитіе *), чтобы не ставить Братство въ необходимость путемъ борьбы навязывать свои благодѣянія.

Перехожу къ явленіямъ отраднымъ для Братства.

Впервые посѣтилъ Братство его Покровитель пр. Антоній, епископъ Черниговскій и Нѣжинскій.

Число посѣтителей Братства не только не уменьшилось, но даже значительно увеличилось, такъ что часто намъ трудно было помѣщать пріѣзжающихъ. Громадное большинство уѣзжало отъ насъ убѣжденными друзьями Братства, многіе доказывали это, не только горячо проповѣдуя идею Братства, но и осуществляя ее въ формѣ братскихъ союзовъ.

Многіе изъ бывшихъ у насъ писали, что пребываніе на лонѣ Братства было для нихъ истиннымъ духовнымъ отдохновеніемъ, другіе, — что память о пребываніи въ Братствѣ составляетъ для нихъ истинное утѣшеніе и ободряетъ ихъ среди скорбей и дразнъ рутины жизни, третьи, — что въ Братствѣ они родились къ вѣрѣ и вернулись въ жизнь духовно перерожденными. Одна интеллигентная женщина, какъ я уже говорилъ о томъ въ этомъ отчетѣ, пріѣхавъ къ намъ невѣрующею и даже враждебно настроенною противъ религіи и Церкви, уѣхала отъ насъ не только примиренною, но и увѣровавшею, съ вѣрою и любовію приступивъ къ таинству причащенія въ храмъ нашъ. Другая сдѣлала тоже, прочтя мое сочиненіе „Что есть истина“, послѣ того, какъ въ теченіе шестнадцати лѣтъ, она

*) Это закрытіе не состоялось, и ямпольское дѣтское общежитіе существуетъ и понынѣ.

не бывала въ православныхъ храмахъ. Воздадимъ Богу Живому славу и честь за эти чудеса, которыя Онъ благоволитъ творить въ безмѣрныхъ немогахъ нашихъ и поймемъ, насколько велика нравственная отвѣтственность наша передъ человѣчествомъ, какъ великъ былъ бы соблазнъ, если бы мы, стоя у святыхъ святыхъ Братства Трудового, безъ благоговѣнія касались этой чудотворной святини, небрежно несли крестъ Братства Трудового и, наконецъ, заслужили бы разсѣяніе по образу и подобию ветхозавѣтнаго народа Избраннаго, по слову пророка, „народа жестоковѣрнаго съ мѣднымъ лбомъ и сердцемъ необрѣзаннымъ“, остававшимся таковымъ, несмотря на всѣ чудеса, совершавшіяся на его глазахъ. Горы сдвигались, а народъ избранный оставался безъ вѣры и любви. Да не будетъ тоже и съ нами. Высокія горы рутины жизни сдвигаются передъ нами, проявляется сила Божія въ немогахъ нашихъ, намъ ли трудно вѣрить и любить! Намъ ли оставаться жестоковѣрными съ мѣднымъ лбомъ и сердцемъ некрещеннымъ! Да не будетъ!

Особенно трогательно проявили любовь свою къ Братству: Софья Дмитріевна Чалина, Алексѣй Филипповичъ А., Иванъ Харитоновичъ П., Иванъ Ивановичъ Барановскій, Марья Васильевна Середа, Марія Павловна Н. и Александръ Александровичъ Лютецкій.

С. Д. Чалина оставила институтъ Принцессы Ольденбургской въ Петербургѣ, гдѣ исполняла должность классной дамы, лѣтомъ жила одною жизнью съ воспитанницами с.-х. школы, принимая участіе въ работахъ ихъ, поступила въ швейную артель Братства и своимъ трудолюбіемъ, самоотверженіемъ и сознательною преданностью Братству быстро завоевала общую симпатію и уваженіе.

А. Ф. А. и И. Х. П., еще будучи въ Н—ской семинаріи, прочтя мою брошюру „Братскіе союзы“, организовали братскій кружокъ среди товарищей. Еще въ то время А. Ф. писалъ мнѣ письма, полныя любви. Окончивъ курсъ семинаріи, онъ пріѣзжалъ къ намъ и, прощаясь, проявилъ самыя трогательныя, истинно братскія чувства. Оба они стали учителями второклассной церковно-приходской школы, подготовляющей учителей для народныхъ училищъ. Очень скоро имъ удалось и въ этой школѣ образовать братскій кружокъ. Всѣмъ братскимъ кружкомъ они писали и мнѣ и Братству вдохновенныя вѣрою и любовію письма. Пріѣхавъ къ намъ съ шестью воспитанниками своими, они всѣхъ очаровали своею сердечностью и глубиною живого религіознаго чувства, просили избрать ихъ членами-соребнователями Братства и сдѣлали незабвенными минуты прощанія съ нами глубиною чувства, проявленнаго ими.

И. И. Барановскій два раза въ мое отсутствіе прїѣзжалъ въ Братство и отнесся ко всѣмъ съ такою вдохновенною любовью, что трудно и перечислить всѣхъ ея многообразныхъ и глубоко трогательныхъ проявленій. Не предупредивъ о томъ Братство, онъ написалъ проекты актовъ передачи ему всего своего довольно значительнаго имѣнія, говоря, что въ теченіе тридцати лѣтъ жилъ надеждою на то, что Братство будетъ осуществлено въ Россіи согласно предсказанію А. Товянскаго и не хочетъ, найдя его осуществившимся, что-либо считать изъ имѣнія своего своимъ. Мы нашли необходимымъ, выражая ему признательность за его любовь и довѣріе, возвратитъ ему бумаги и отказаться отъ дара, такъ какъ сыновья его, имѣя законныя права наследниковъ, совсѣмъ не раздѣляютъ его взглядовъ и желаній. Несмотря на это онъ остается непоколебимъ, хотѣлъ продать имѣніе и деньги, вырученныя отъ продажи, передать Братству, а когда я отъ имени Братства предупредилъ его, что деньги эти мы возвратимъ полностью его сыновьямъ, объявилъ, что все состояніе свое оставитъ Братству по наследству, прося не лишать его возможности такимъ образомъ послужить дѣлу Божію, что онъ считаетъ въ то же время и наиболѣе духовно полезнымъ и для дѣтей своихъ и для внуковъ, которыхъ желаетъ видѣть воспитанными въ школахъ Братства.

М. В. Середа отнеслась къ Братству съ неменьшею любовью, желая отдать ему всю свою жизнь въ качествѣ врача и акушерки. На каждомъ шагѣ она даетъ намъ новыя доказательства любви и самоотверженія, окружая больныхъ самою трогательною заботливостью.

М. П. Н. приняла самое дѣятельное участіе въ организаціи братскаго союза въ Москвѣ и выразила любовь Братству, посвятивъ ему и мнѣ нѣсколько вдохновенныхъ стихотвореній.

А. А. Лютецкій, приватъ-доцентъ Московскаго Университета, основалъ братскій союзъ въ Москвѣ и неоднократно доказывалъ намъ свою любовь и преданность Братству, по долгу гостилъ у насъ, съ братскою искренностью дѣлился съ нами своими впечатлѣніями на бесѣдахъ и передавалъ Братству старинныя родовыя иконы, находящіяся въ настоящее время въ храмѣ Братства.

Очень трогательно выразилъ Братству любовь свою католикъ, богатый польскій помѣщикъ, Станиславъ Дмитріевичъ Голынский. Онъ присутствовалъ на собраніи Братства въ день чтенія перваго отчета Блюстителя 14-го Сентября 1897 г. Ровно черезъ годъ, къ 14-му Сентября онъ прислалъ мнѣ на память старинный православный

образъ св. Николая Чудотворца, хранившейся нѣсколько поколѣній въ его роду послѣ брака одного изъ его предковъ на русской изъ рода Паютиныхъ.

Очень трогательно выразилъ Братству свою любовь и недавно скончавшійся Черниговскій Губернскій Предводитель Дворянства Князь Николай Дмитріевичъ Долгоруковъ. Побывавъ у насъ, онъ писалъ мнѣ, что чувства, испытанныя имъ въ Братствѣ, напомнили ему самыя дорогія минуты, пережитыя въ дѣтствѣ, тѣ чувства, которыя онъ ребенкомъ испытывалъ во время говѣнія и въ день причастія. Трудно выразить болѣе трогательно болѣе святыя чувства. Да упокойте Господь чистую душу его и да воздастъ ему за любовь, оказанную Братству нашему и намъ, сторицею блаженствомъ причастія любви Своей.

Преосвященный Макарій, Епископъ Калужскій и Боровскій, почтилъ меня высокомилоостивыми письмами, полными выраженія сочувствія Братству Трудовому, задающемуся цѣлію организовать на лонѣ Православія трудъ и отношенія на началѣ братолубія. Многократно онъ присылалъ Братству свое Архипастырское благословленіе, прислалъ свой портретъ и свои сочиненія.

Преосвященный Петръ, Епископъ Пермскій, черезъ посѣтившаго насъ, дорогого друга Братства нашего священника женскаго монастыря гор. Кунгура, о. Евграфа Плетнева прислалъ намъ свое Архипастырское благословленіе и мнѣ икону Казанской Божіей Матери.

Начальница Смольнаго Института въ Петербургѣ, Свѣтлѣйшая Княжна Елена Александровна Ливентъ, пригласила меня объяснить пепиньеркамъ и воспитанницамъ старшихъ классовъ, какъ мы приступали къ организаціи Братскихъ Кружковъ въ нашихъ школахъ.

Начальница Николаевскаго сиротскаго Института въ Петербургѣ, Надежда Николаевна Булацель, вмѣстѣ съ двумя классными дамами: Александрой Васильевной Зенченко и Наталіей Николаевной Левенецъ, посѣтила Братство и вникла во всѣ детали организаціи дѣла воспитанія и Братскихъ Кружковъ въ женской школѣ.

По порученіи Начальницы Екатерининскаго Института въ Петербургѣ, инспектрисса этого Института Княгиня Гагарина со многими классными дамами присутствовала на моей бесѣдѣ въ одной изъ общественныхъ залъ Петербурга.

Все это указываетъ на отрадное для Братства пробужденіе живого интереса и сочувствія къ основнымъ его цѣлямъ.

Не могу не упомянуть здѣсь съ чувствомъ умиленія и благодарности о трогательномъ сочувствіи, выраженномъ мнѣ и черезъ меня Братству въ Петербургскомъ Братскомъ Кружкѣ, состоящемъ изъ студентовъ Университета и учениковъ Духовной Семинаріи. На квартирѣ у уважаемаго отца Павла Лахотскаго, пригласивъ меня на свое собраніе, они согрѣли меня любовію своею и потомъ за подписями всѣхъ присутствовавшихъ передали мнѣ письменное изложеніе выраженныхъ мнѣ добрыхъ чувствъ.

Невозможно перечислить всѣхъ отрадныхъ для Братства проявленій добрыхъ чувствъ къ нему со стороны какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ лицъ.

За границу было напечатано въ Англіи, во Франціи, въ Германіи и Италіи много сочувственныхъ статей.

Профессоръ Парижской Сорбонны Гастонъ Боне-Мори, посѣтивши наше Братство, сдѣлалъ о немъ очень сочувственный докладъ во Французской Академіи. Докладъ этотъ напечатанъ въ трудахъ Академіи и изданъ отдѣльной брошюрой.

Молодой профессоръ Краковскаго Университета Тадеушъ Мицинскій, посѣтивъ Братство наше, сдѣлалъ докладъ о немъ въ Краковской Ратушѣ и дѣятельно стремится къ организаціи большого братскаго Союза въ Галиціи.

Прошлую зимою въ Парижѣ въ большомъ собраніи подъ председательствомъ Барона Тексторъ де Равизи, въ моемъ лицѣ была сдѣлана Братству горячая, сочувственная овація, и я былъ избранъ Почетнымъ Президентомъ Парижскаго Конгресса Единого Человѣчества, при чемъ въ письменномъ извѣщеніи о моемъ избраніи, прямо сказано, что желали тѣмъ выразить горячее сочувствіе дѣлу Братства Трудового.

Международная Лига Мира выразила Братству нашему сочувствіе, признавъ его обществомъ мира въ Россіи, съ правомъ посылать представителей своихъ на всѣ конгрессы Лиги.

Англо-Русскій Литературный союзъ въ Лондонѣ и Международный Союзъ единенія въ С.-Рафаэлѣ во Франціи высказали сочувствіе Братству Трудовому, избравъ меня своимъ сочленомъ.

Въ заключеніе скажу еще разъ: покаемся, смиримъ себя передъ Господомъ до искренней жажды благодати Его, до искренняго страха Божія. Отдадимъ себя со смирениемъ въ святую руку Его и да не смущаетъ насъ память о прежнихъ немощахъ нашихъ.

Сила Божія больше немощей нашихъ. Будемъ жить съ Богомъ, а не безъ Бога, съ Братствомъ, а не безъ Братства въ умахъ и сердцахъ нашихъ. Господь придетъ и вселится въ насъ и очиститъ насъ отъ всякія скверны. Силою Своею Онъ преобразуетъ души наши, сердце чисто созиждетъ въ насъ и духъ правъ обновитъ и духомъ владычнымъ утвердитъ. Не по грѣхамъ нашимъ воздастъ намъ, сокрушенныхъ и смиренныхъ сердцемъ не уничижитъ. Мы не станемъ соблазномъ для человѣчества, и сотворитъ Господь святую волю любви Своей въ насъ, съ нами и черезъ насъ, ибо

живъ Господь Богъ творяй чудеса

ОТЧЕТЪ БЛЮСТИТЕЛЯ

ПРАВОСЛАВНАГО КРЕСТО-ВОЗДВИЖЕНСКАГО

ТРУДОВОГО БРАТСТВА

отъ 14 Сентября 1899 года по 11 Сентября
1901 года.

Возлюбленные, дорогие о Христѣ,

Братья и Сестры!

Въ прошломъ году продолжительное пребываніе мое за границей, прежде на водахъ, потомъ на конгрессахъ въ Парижѣ, лишило меня возможности написать и прочесть Братству отчетъ за предидущій годъ. По этой причинѣ мнѣ предстояло въ этомъ году составить отчетъ за два протекшихъ года. Радуюсь тому, т. к. въ прошломъ году совѣсть Братства должна была говорить о многомъ, не только со скорбью, но съ такимъ негодованіемъ, что великій праздникъ нашъ не могъ бы не быть тѣмъ омраченъ, даже и въ томъ случаѣ, если бы совѣсть каждого изъ насъ и признала со смирненіемъ, что совѣсть Братства иначе говорить не можетъ и не должна. Въ Сентябрѣ прошлаго года уже начался тотъ духовный переломъ, который привелъ къ современной порѣ, безконечно болѣе отрадной и свѣтлой, когда совѣсть Братства можетъ, вспоминая со скорбію и негодованіемъ недавнее прошлое, говорить съ любовью и уваженіемъ о многомъ въ настоящемъ, съ надеждою и радостью о возможномъ будущемъ.

Въ Сентябрѣ прошлаго года говорить съ радостью о возможномъ будущемъ совѣсть Братства еще не имѣла права. Все доброе отъ Бога. Сила Божія въ немощи совершается и безконечно превышаетъ немощи наши. Радостное будущее возможно при всякой степени немощи нашей, если мы эту немощь сознаемъ и не на себя, а на Бога надѣемся, при чемъ возможно для Господа, безъ насилія надъ нами творить силу въ немощи нашей. Въ Сентябрѣ прошлаго года было еще слишкомъ мало искренняго покаянія, признанія своей, чужой и обще-братской немощности, смиренной молитвы, добровольно и сознательно предающей умы, сердца и жизнь въ руку Единого Источника любви, мудрости и неизмѣнной силы.

Нѣтъ, въ Сентябрѣ прошлаго года я еще не имѣлъ права съ убѣжденіемъ говорить вамъ о радостномъ будущемъ. Теперь совѣсть

Братства можетъ дать вамъ эту радостную надежду. Она согрѣетъ и утѣшитъ Васъ, какъ и мнѣ дала силу, при скорбныхъ переживаніи того, что отошло въ область прошлаго, но, что мы ни забыть, ни замолчать права не имѣемъ.

Скорбный опытъ нами пережитого былъ въ насъ пережить всею современною православною Россіей, всѣмъ современнымъ человѣчествомъ начала XX вѣка. Мы—кость отъ костей и плоть отъ плоти ихъ. Пусть сознаютъ всѣ немощь свою въ безмѣрной немощи нашей. Пусть познаютъ безмѣрную силу Божію въ великихъ чудесахъ, творимыхъ Имъ въ безмѣрной немощи человѣческой. Пусть помнитъ человѣчество, какъ многіе изъ пионеровъ Братства, его представителей, все сдѣлали, что отъ нихъ зависѣло для того, чтобы погубить его и то, какъ легко остатокъ вѣрныхъ воспринялъ духомъ, болѣе того, преобразился духовно, когда, переживъ скорбную пору шатости, позора и измѣны, опомнился и раскаялся.

Перехожу къ изложенію самыхъ событій.

Второй отчетъ Блустителя, читанный 14-го Сентября 1899 года былъ весь писанъ кровью сердца. На него я возлагалъ послѣднюю надежду въ дѣлѣ нравственнаго воздѣйствія на худшіе элементы Братства и пробужденія ревности о благѣ Братства въ остальныхъ.

Было время первой любви и крѣпкой надежды, столь крѣпкой, какъ крѣпка была моя любовь къ тѣмъ, которыхъ я готовилъ быть первыми пионерами горячо и благоговѣнно любимого дѣла Братства. Часто, почти ежедневно, это дѣти народа, производили на меня, барича—эстетика, самое тяжелое впечатлѣніе. Что за дѣло! Все въ нихъ напоминало мнѣ великій, многовѣковой грѣхъ отцовъ моихъ, тѣхъ, которые имѣли такую большую власть надъ отцами ихъ, не любили ихъ до ревности о духовномъ благѣ ихъ, до сознанія своихъ отеческихъ и братскихъ обязанностей по отношенію къ нимъ, допустили ихъ до одичанія. Сознаніе это заставляло, какъ собственнаго грѣха, покаянно стыдиться ихъ нравственной грубости и любить ихъ не только любовью жалости, но и любовью раскаянія. Въ нихъ я видѣлъ то, чѣмъ они должны стать, чѣмъ должна ихъ сдѣлать братская жизнь, и я упорно, благоговѣнно и радостно любилъ и уважалъ въ нихъ благородныхъ служителей святого дѣла, Божіи дѣла, осуществленія нелицемѣрнаго Братства между честными дѣтьми общаго Отца Небеснаго. Тогда мнѣ случалось не разъ говорить моимъ духовнымъ дѣтямъ, готовящимся стать *на всю жизнь*, какъ я въ томъ не сомнѣвался, братьями моими: „Сегодня я нынѣ радостью!“

Это время прошло. Горячо любя, я не сомнѣвался, что и меня горячо любить, что каждое слово мое дорого и вѣско для любящихъ меня, что всѣ они дорожатъ единомысліемъ и едикодушіемъ со мною, что надо только договориться и станетъ возможнымъ радостно и дружно создавать общее дѣло. Во всякомъ случаѣ, мысль о возможности измѣны, легкой, самодовольной измѣны даже не приходила мнѣ въ голову. Время проходило. Многое было высказано, многое пережито. И скорбный опытъ и святыня братскихъ радостей должны были многому научить живыя души, ихъ пережившія, возвысить, облагородить, родить къ жизни новой. Слишкомъ часто проявлялось отсутствіе духовнаго благородства въ мысляхъ, чувствахъ и отношеніяхъ къ общему дѣлу, ко мнѣ, къ постороннимъ и между собою. Это волновало меня, терзало, отравляло мнѣ жизнь, но я все терпѣлъ и надѣялся; терпѣлъ, упорно объясняя все, не злою волею, а массою дурныхъ привычекъ, привитыхъ вѣковою рутинною жизнью, видя, въ самой устойчивости этихъ привычекъ, лучшее доказательство того, до какой высокой степени зловредна эта рутина и необходима стройная организація жизни на братскихъ началахъ; надѣялся, увѣренный въ томъ, что несмотря на всѣ немощи, мои духовныя дѣти будутъ упорно вѣрны Богу, любви, добру и братству, что между ними не найдется измѣнниковъ, что въ этой вѣрности они почерпнутъ жажду правды и добра, что дастъ Богу Живому возможность въ немощи нашей творить силу, насъ самихъ преображая на дѣлѣ Своемъ.

Это была горделивая наивность человѣка, для котораго самая жизнь и дѣло Братства—одно, который забылъ при этомъ, что между апостолами Свѣта отъ Свѣта Небеснаго, слышавшими Его, многое пережившими съ Нимъ, нашелся измѣнникъ и предатель! Начались измѣны; особенно позорныя и нелѣпыя по мелочности причинъ ихъ вызывавшихъ. Я все терпѣлъ и надѣялся; терпѣлъ, думая, что эти позорныя измѣны единичное дѣло исключительныхъ нравственныхъ уродовъ, что они возмутятъ совѣсть, пробудятъ благородное негодованіе, заставятъ болѣе вдумчиво отнестись къ дѣлу, испугаться того, что привело иныхъ къ конечному позору измѣны, другихъ—къ жизни безъ Братства на лонѣ Братства; надѣялся на то, что любовь ко мнѣ усилится жалостью къ скорбямъ моимъ и побудитъ съ негодованіемъ отвернуться отъ того, что разорвало всякія связи со мною нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, которыхъ я съ любовью воспитывалъ, которымъ на всю жизнь предлагалъ тѣсное единеніе братскаго общенія. Измѣны продолжались и учаща-

лись, не только не вызывая благородного негодования и благородной ревности объ общемъ дѣлѣ, но, напротивъ, становясь для многихъ явленіемъ привычнымъ и потому малозначущимъ. Любовь къ дѣлу и личная любовь къ тѣмъ, которыхъ я желалъ имѣть братьями, не на часъ, не на годы, а на всю жизнь, возмущалась все болѣе и болѣе. Теперь, я слишкомъ часто могъ сказать: „сегодня я нынѣ скорбю“.

Восемь лѣтъ такой сердечной муки страшно духовно утомили меня и сильно разстроили мое здоровье. Тѣмъ, кто скажетъ: зачѣмъ было принимать такъ къ сердцу измѣну нѣкоторыхъ, когда число членовъ Братства, несмотря на эти измѣны, не только не уменьшалось, но постепенно и постоянно росло, я скажу: мать не можетъ не оплакивать умершаго ребенка на томъ основаніи, что у нея есть болѣе живыхъ дѣтей, нежели умершихъ, а измѣна много хуже смерти,—при живой любви; въ смерти умираетъ тѣло, при измѣнѣ умираетъ все; тотъ истинно не любитъ, кто со спокойнымъ равнодушіемъ переноситъ измѣну любимаго существа.

Всего болѣе удручало меня то, что къ этому времени я ясно понималъ, что причина всему не немощи, не недомысліе, а злая воля, самодовольство во злѣ, грѣховность и грѣхолюбіе, измѣнившего Богу, человѣчества, вполне сознательное желаніе украсть у дѣла Братства, обратить себя лично на пользу то, что было даромъ получено и должно было быть даромъ отдано на пользу дѣла Братства: аттестатъ школы, знанія, умственное развитіе, таланты, самая воспитанность.

Никогда мысль о томъ, чтобы отказаться отъ дѣла Братства, устранившись отъ него, мнѣ не приходила, не могла придти; все существо мое слишкомъ чуждо этой мысли, слишкомъ возмущалось бы ею, чтобы принять ее, сдѣлать своею. Какъ бы ни мучительно было для меня служить на дѣло Братства при такихъ обстоятельствахъ, все же это единственное дѣло, которое я могу дѣлать, которое требуютъ отъ меня одновременно и вѣра, и любовь, и разумъ, и совѣсть. Безъ дѣла Братства для меня нѣтъ жизни; съ нимъ я долженъ и жить и умереть.

Иное дѣло вопросъ о томъ, какія отношенія мои наиболѣе полезны для дѣла. Долго я думалъ, что могу и долженъ быть душою всего дѣла, согрѣвая и оживляя его любовью къ Богу, Его дѣлу и лично ко всѣмъ братьямъ. Когда я убѣдился, что мнѣ не отвѣчаютъ отвѣтною любовью въ достаточной степени, чтобы любовь моя не баловала, создавая самоувѣренныхъ и самодовольныхъ

гордецовъ и себялюбцевъ, я сталъ обличать, усовѣщевать, часто со слезами умолять именемъ Братства. Когда я убѣдился, что руководствомъ моимъ тяготеютъ, что не только уходящіе, но и многіе пребывающіе на лонѣ Братства измѣняютъ Богу и Братству, увлекаясь рутинными формулами современной безбожной интеллигенціи, что всякая прочитанная книга и всякій пріѣзжій представитель той же безбожной интеллигенціи для многихъ болѣе авторитетны и симпатичны, чѣмъ вся моя душа и вся моя жизнь, безраздѣльно, имъ отданная, что на меня смотрятъ, какъ на челоуѣка, единомысліе и единомушіе съ которымъ не только не обязательно, но даже и неестественно для нормальныхъ представителей челоуѣчества, что противъ моей любви, моихъ убѣжденій и моихъ слезъ ожесточили сердца, твердо рѣшившись идти своими путями „молчаливо протестуя“ противъ всего, что я говорю и дѣлаю, я не могъ не задать себя вопроса: полезно ли для Братства, чтобы я оставался во главѣ его, его отвѣтственнымъ представителемъ, не будетъ ли полезнѣе меня въ этомъ положеніи челоуѣкъ болѣе близкій тѣмъ, которые отъ меня отдалились, болѣе близкій имъ по происхожденію, по образованію, по духовному настроенію и потому признаваемый или болѣе своимъ, болѣе нормальнымъ; Не будетъ ли полезнѣе для Братства, чтобы я не заслонялъ собою сознанія личной отвѣтственности каждаго въ дѣлѣ созиданія Братства. Хотя я и началъ это дѣло, такъ необходимо, чтобы всѣ ясно понимали, что дѣло это не мое, а Божіе и лично каждаго изъ созидающихъ.

Особенно тяготило меня сознаніе, что моего руководства не желаютъ и только не хотятъ громко заявить объ этомъ, признавая мои исключительныя права въ дѣлѣ, мною основанномъ и такъ много отъ меня получившемъ. Сердечный тактъ громко говорилъ мнѣ о роковомъ значеніи „молчаливаго протеста“. Все существо мое возмущалось насиліемъ, которое, по обязанности, мнѣ приходилось дѣлать, давая личные совѣты или обличая тѣхъ, для которыхъ ни совѣты, ни обличенія мои не имѣютъ никакой цѣны, которые на всѣ совѣты и на всѣ обличенія мои отвѣтятъ, какъ я заранѣе зналъ, тѣмъ же молчаливымъ протестомъ. Мои личные сношенія съ этими членами Братства естественно, изъ простого уваженія къ свободѣ духа ихъ, все болѣе и болѣе ограничивались, а они и это мнѣ ставили въ вину, находя, что разномысліе со мною есть право свободы ихъ индивидуальности и что я долженъ благодушно уживаться съ ними на лонѣ Братства, несмотря на то, что

они совместно со всею современною интеллигенціей „доразвились до жизни безъ Бога и безъ Братства“.

Для этихъ людей казалось, что мои требованія вытекаютъ не изъ насущной потребности самого дѣла Братства, а изъ личныхъ вкусовъ и желаній человѣка, чуждаго имъ общественнаго круга, навязывающаго имъ эти вкусы и желанія на правахъ непрошеннаго благодѣтеля. Другіе оставались въ положеніи довольно равнодушныхъ зрителей или не сознавая всего ужаса, происходящаго на ихъ глазахъ, или не сознавая свою обязанность болѣе энергично воздѣйствовать на жизнь, по привычкѣ возлагая въ этомъ дѣлѣ всѣ права и всю обязанность на одного того, кто ихъ воспиталъ и призвалъ на общее дѣло. Я сталъ все чаще надолгое время уѣзжать изъ Братства, желая предоставить ему возможно болѣе самостоятельности, надѣясь, что въ мое отсутствіе, всѣ болѣе почувствуютъ и сознаютъ свою личную отвѣтственность въ дѣлѣ созиданія братской жизни. Дѣйствительно, въ мое отсутствіе худшіе элементы Братства проявляли себя гораздо ярче, проявляли еще болѣе распушенности, самодовольнаго себялюбія и нерадѣнія объ общемъ благѣ. Многіе называвшіеся нашими братьями, находили именно это время наиболѣе удобнымъ для того, чтобы измѣнить Братству. Очевидно мое присутствіе только стѣсняло свободу проявленія зла и задерживало въ Братствѣ людей, уже измѣнившихъ ему въ мысляхъ и чувствахъ своихъ.

При такихъ обстоятельствахъ и былъ написанъ кровію сердца отчетъ, прочитанный Братству 14-го сентября 1899 г.

Тяжело, страшно тяжело мнѣ было писать его, но я не могъ избѣжать этого скорбнаго дѣла. Какъ совѣсть Братства, я долженъ былъ раскрыть всю горькую правду, заявить, что если и послѣ этого худшіе не опомнятся, а другіе не проникнутся спасительною ревностію о благѣ Братства, я найду себя вынужденнымъ отказаться отъ положенія Блюстителя, не желая бессрочно продолжать ту ложь, при которой называется этимъ именемъ человѣкъ, авторитетъ котораго такъ мало признается, что въ дѣйствительности онъ не стоитъ во главѣ реальной жизни Братства, не руководить ею, а потому и не имѣетъ никакого основанія принимать на себя за нее отвѣтственность.

У меня была двойная надежда. Надѣялся, что яркая и безпощадно вѣрная картина одинаково преступнаго отношенія къ дѣлу Братства тѣхъ, которые вносятъ зло и тѣхъ, которые допускаютъ это, заставить даже и самыхъ ослѣпленныхъ гордостью и себялю-

біемъ опомниться, понять и ослѣпленіе ума своего и ожесточеніе сердецъ своихъ, заставить и самыхъ лѣнивыхъ духомъ и робкихъ въ добрѣ проникнуться ревностію ко благу общаго дѣла. Надѣялся и на то, что моя рѣшимость не терпѣть долѣе лжи прежнихъ отношеній ко мнѣ со стороны тѣхъ, которые, признавая меня Блюстителемъ, воображали, что могутъ и даже имѣютъ неотъемлемое право на лонъ Братства, основаннаго мною, устраивать противъ моего желанія какую-то общину по шаблону либеральничающей интеллигенціи, заставить, наконецъ, понять, что играть въ братство я не намѣренъ, что недостойно играли его судьбою тѣ, которые отъ меня отстанвали свое право на своеволие, что нѣтъ еще человѣка, который съ пользою для дѣла могъ бы теперь же исполнѣ замѣнить меня и что Братство еще во многихъ отношеніяхъ во мнѣ нуждается.

Надежда не обманула меня; этотъ отчетъ сталъ первопричиною спасительнаго для Братства поворота, хотя и совершился этотъ поворотъ не разомъ и не въ той мирной и радостной формѣ, какую я желалъ. Мнѣ хотѣлось сохранить для Братства всѣхъ, мы потеряли многихъ. Они остались бы у дѣла Братства, и Господь возродилъ бы ихъ духовно, какъ возродилъ и духовно преобразилъ тѣхъ, которые остались вѣрны Братству, если бы они нашли въ себѣ достаточно вѣрной любви, чтобы выслушать признаніе братской совѣсти съ чувствомъ смиреннаго покаянія. Худшіе элементы Братства оскорбились и ожесточили болѣе прежняго сердца свои. Въ отчетѣ я никого не называлъ, но совѣсть указала имъ на все, что до нихъ касалось, гордость возмущилась и себялюбіе увело ихъ изъ Братства въ рутину жизни, изъ піонеровъ будущаго, на избитые пути, осужденные и вѣрою, и наукою, и скорбною практикой вѣковой рутины жизни.

Чтеніе отчета продолжалось такъ долго, что въ залѣ почти совсѣмъ стемнѣло, и эта темнота, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала настроенію тѣхъ, души которыхъ наполняла еще большая тѣма возмущенной гордости и оскорбленныхъ самолюбіи.

Еще во время чтенія отчета я глубоко чувствовалъ впечатлѣніе, которое оно на нихъ производитъ. Когда одинъ изъ членовъ Думы искренно и горячо отозвался на призывъ, которымъ я закончилъ отчетъ, прося меня не считать за молчаливый протестъ тяжелое, гробовое молчаніе, послѣдовавшее за послѣдними моими словами, это не обмануло меня; я такъ же былъ увѣренъ въ безусловной искренности его словъ, какъ и въ совершенномъ несоотвѣстствіи

съ этими словами настроенія именно тѣхъ, которыхъ я пытался спасти для Братства. Волѣзненное ощущеніе ихъ непріязненной отчужденности отъ меня чувствовалось всѣми. Всѣмъ было не по себѣ. Прочли общіе молитвы. Дали другъ другу братскій поцѣлуй. Послѣ этого поцѣлуя, принимая который, я особенно сильно почувствовалъ и холодъ и ожесточеніе тѣхъ, которыхъ послѣ этого уже ничто спасти для Братства не могло, я ясно понялъ ихъ молчаливый отвѣтъ. Они сказали мнѣ: „Что намъ за дѣло до Братства и тебя, насъ тяготитъ и та степень авторитета, которую ты имѣешь. Скорѣе мы уйдемъ изъ Братства, чѣмъ измѣнимъ наши отношенія къ нему и тебѣ“. Мнѣ стало невыносимо тяжело, и я сказалъ одному изъ друзей моихъ: „Если бы я послѣдовалъ своей волѣ, я теперь же отказался бы быть Блюстителемъ“.

Опять отчетъ Блюстителя не сталъ событіемъ, которое могло безъ потрясеній поставить Братство на добрую дорогу. Съ этой минуты самыя тяжелыя потрясенія стали неизбѣжными. Братство должно было на дѣлѣ, скорбнымъ опытомъ убѣдиться, что при томъ настроеніи, которое я обличалъ въ своемъ отчетѣ, нельзя продолжать созидать Братство: необходимо одно изъ двухъ — покаяться, или измѣнить дѣлу Братства.

Событія пошли быстро къ неизбѣжной развязкѣ. Я это понималъ; страшно тягостно было сознаніе, что я ничего не могу сдѣлать для того, чтобы спасти для Братства тѣхъ, кого я все же любилъ, какъ блудныхъ дѣтей своихъ, для которыхъ я всѣмъ сердцемъ желалъ быть братомъ до могилы. Ихъ самомиѣніе, ихъ недовѣріе къ моей опытности обрекало ихъ на муку самостоятельно пережить скорбный опытъ жизни, вдали отъ тихой пристани Братства.

Все пошло отъ дурного къ худшему. Между учителями были такіе, которые исключительно занимались недоброжелательной критикой всего и всѣхъ, совершенно пренебрегая своею обязанностью воспитывать дѣтей въ духѣ Братства. Въ семьѣ св. Іоанна мечтали объ отдѣльныхъ и возможно болѣе автономныхъ трудовыхъ единицахъ, гдѣ нибудь въ Сибири, подальше отъ меня и Братской Думы. Въ семьѣ св. Андрея веряшливое и нечестное отношеніе къ работамъ и инвентарю нѣкоторыхъ дошло до того, что они проявляли себя безконечно хуже наемныхъ рабочихъ.

Въ теченіе десяти лѣтъ мы не составляли руководящихъ правилъ внутренней жизни Братства, ожидая отъ доброй воли и опыта жизни на лонѣ Братства, честнаго созиданія его. Видя, что нѣко-

торые злоупотребляютъ такимъ положеніемъ вещей и, не только не становятся на желательную дорогу, но даже начинаютъ заносчиво требовать право устраивать жизнь по своимъ прихотямъ и, такимъ образомъ, вносить въ жизнь Братства разлагающую закваску, я нашелъ необходимымъ выработать опредѣленные руководящіе правила, для всѣхъ обязательныя, могущія быть основою единомыслія, единодушія и стройнаго порядка въ жизни. Эти руководящіе правила были мною составлены, въ принципѣ одобрены Думою и затѣмъ внесены на обсужденіе общаго братскаго собранія.

1-го октября я приступилъ къ чтенію этихъ правилъ, сопровождая это чтеніе подробными объясненіями побудительныхъ причинъ, вызвавшихъ то или другое постановленіе; я просилъ, чтобы всѣ считали за долгъ чести откровенно высказаться по поводу ихъ устно въ собраніи или письменно, до назначеннаго срока, чтобы миѣнія эти могли быть обсуждены и приняты въ расчетъ раньше окончательнаго утвержденія этихъ правилъ Братскою Думою и ихъ напечатанія. Очень характерно, какъ признакъ того, до какой степени я былъ въ опалѣ и не желали со мною договариваться, что никакихъ возраженій, ни устныхъ, ни письменныхъ не было сдѣлано именно тѣми, которые впослѣдствіи показали себя самыми ожесточенными противниками руководящихъ правилъ и даже ими мотивировали свою измѣну Братству.

3-го октября состоялось другое братское собраніе, на которомъ я вновь предложилъ завести по семьямъ двѣ тетради для записыванія всего, что пожелаютъ предложить на обсужденіе семьи по вопросамъ, касающимся нравственной и матеріальной жизни. Видя, какъ мало заботятся о томъ, чтобы приходить къ единомыслію и единодушію между собою и съ какимъ преступнымъ равнодушіемъ относятся многіе къ интересамъ общаго дѣла, я находилъ крайне необходимымъ осуществить, наконецъ, эту мѣру. Зная, какъ много малодушія проявлялось въ дѣлѣ искреннаго и честнаго исповѣданія своихъ взглядовъ, изъ мелкаго самолюбія, изъ боязни, чтобы эти взгляды не оказались неосновательными съ точки зрѣнія Братства, такъ какъ многіе желали во что бы то не стало оставаться при своихъ взглядахъ, соответствующихъ ихъ вкусамъ, хотя бы они и не были согласованы съ правдою Божіею и правдою Братства, было предложено завести закрытые ящики съ отверстіемъ для записокъ; каждый могъ бы опускать свои предложенія, даже не подписывая своего имени, если того не пожелаетъ. Очень характерно, что и при этомъ, вопросъ о томъ, что полезно для Брат-

ства и общей жизни въ немъ, былъ наивно подмѣненъ вопросомъ о томъ, какъ отнесутся къ этому братья и насколько это будетъ имъ пріятно или непріятно. Такъ сильна была увѣренность, что польза Братства не можетъ опредѣлить собою характеръ отношенія къ тому или другому вопросу и сдѣлать угодно или негодною ту или другую мѣру. Напротивъ, съ циничною наивною признали, что даже самая полезная мѣра будетъ неизбежно обращена въ бесполезную дурнымъ отношеніемъ къ ней. Не менѣе характерно, что одна изъ братскихъ семей предложила, вмѣсто записей въ эти тетради и обсужденія сообща всею семьею записаннаго, писать краткій дневникъ, специально предназначенный для Блюстителя. Такимъ образомъ, мѣру, направленную къ пробужденію самосознанія и самодѣятельности, предложили подмѣнить чисто полицейскою мѣрою, только усиливающею надзоръ Блюстителя. Несомнѣнно, что и эту мѣру свели бы на ничто чисто формальнымъ отношеніемъ и къ этимъ записямъ, въ которыхъ, на мѣсто живого духа жизни и отношеній, записывались бы только крупныя событія и безъ того извѣстныя всему Братству. Вотъ какъ понимали отношеніе къ дѣлу и какъ относились ко мнѣ, въ то же время негодую на то, будто я не даю достаточной свободы и всѣхъ подавляю своимъ авторитетомъ!

Подъ разными предлогами и нѣкоторыя изъ сестеръ не исполняли своихъ прямыхъ обязанностей, позволяя себѣ чисто барское отношеніе къ жизни и вотъ отмѣчается въ одной изъ семейныхъ хроникъ, какъ особенно отрадное и доблестное явленіе, что сестры „сами“ крошили капусту, что многіе братья имъ въ томъ помогали, и что дѣло это исполнялось „дружно и весело“. Все это крайне характерно, какъ признакъ того, какъ рѣдко члены этой братской семьи дружно и весело выполняли текущія хозяйственныя работы. Такое, необычно доброе отношеніе къ дѣлу незамедлило принести добрые плоды, въ семьѣ этой замѣчается повышенное настроеніе, отразившееся въ самомъ тонѣ хроники. Наша неизмѣнно добрая и вѣрная сестра Пелагея Кузьминична такъ радуется тому, что идетъ въ эту семью и проситъ отпраздновать день ея именинъ общою работою. Изъ этого видно, что достаточно было бы устойчиво честнаго отношенія къ дѣлу, чтобы все измѣнилось къ лучшему. Къ сожалѣнію это было только единичное исключительное явленіе, а затѣмъ вернулись къ прежнему и въ хроникѣ этой семьи замѣтенъ опять упадокъ духа и мелкія дразги вновь выплываютъ на первый планъ.

Нельзя не отмѣтить въ хроникѣ другой семьи за 8-е октября слѣдующее, глубоковозмутительное съ точки зрѣнія Братства и высоко характерное для тогдашняго настроенія выраженіе: „какъ хорошо было бы *убѣдиться*, что *возможно* соединить трудовую жизнь съ добромъ“, понимая подъ добромъ братскія отношенія и братскую организацію.

10-го октября въ братскомъ собраніи, мнѣ пришлось защищать пользу руководящихъ правилъ противъ тѣхъ, которые, ничего не возражая въ собраніяхъ и ничего мнѣ не говоря, заглазно протестовали противъ ихъ введенія, принципиально протестуя противъ нихъ, не находя, вообще, писанныя правила желательными.

Въ этотъ же день, вечеромъ проявилась еще разъ трогательная заботливость тогдашняго друга, а теперь брата нашего, приватъ-доцента московскаго университета А. А. Лютецкаго, о пользѣ Братства. Гости у насъ, много разъ онъ старался своимъ примѣромъ повліять благопріятно на общій тонъ жизни и отношеній, возбуждая ко взаимному довѣрію, братскому единенію и самоотверженному служенію на общее дѣло. Теперь онъ предложилъ прочесть передъ всѣми свою автобіографію съ характеромъ искренней, задушевной исповѣди. Это было настоящимъ подвигомъ общенія въ то время, когда среди насъ еще были люди, способные отвѣтить на это задушевное слово друга Братства холодною замкнутостью, молчаливымъ протестомъ и даже недоброжелательнымъ критиканствомъ.

Въ нѣкоторыхъ семьяхъ попустительство зла доходило до того, что въ угоду „недовольнымъ“ рѣдко собираются на общую молитву и господствующій тонъ разговоровъ неизмѣнно не братскій.

18 октября Братство выразило благодарность Благочинному, протоіерею о. Самуилу Имшанецкому за его неизмѣнно доброе отношеніе къ намъ въ то время, какъ отношенія слишкомъ многихъ представителей окрестнаго духовенства было крайне недоброжелательно. Мы приняли дѣятельное участіе въ его сорокалѣтнемъ юбилеѣ. Весь нашъ хоръ ѣздилъ пѣть обѣдню въ Слоутъ, а потомъ вмѣстѣ со мною и нѣсколькими представителями Братства поздравляли юбиляра на дому. Мы рады были такимъ способомъ выразить нашу благодарность почтенному протопіерею и доказать наше доброжелательное отношеніе къ мѣстному духовенству, чествуя главу его.

19-го октября хроника одной изъ семей отмѣчаетъ, какъ рѣдкое явленіе, вызвавшее особое выраженіе сочувствія съ моей стороны, что двѣ сестры изъ разряда барствующихъ, ѣздили въ Рожде-

ственскъ, всего за три версты на „простой повозкѣ, сами управляя лошадью“. Это не требуетъ комментарій! Вотъ до какой степени доходило снисходительное отношеніе семей и всего Братства къ немощамъ тѣхъ, кто платилъ за эту снисходительность все возроставшею требовательностью и постояннымъ недовольствомъ!

24-го октября было получено изъ Москвы отъ А. А. Лютецкого, недавно отъ насъ возвратившагося, письмо съ просьбою разрѣшить ему жить въ рабочей братской семьѣ на хуторѣ Рождественскомъ и тамъ писать свою магистерскую диссертацию. Это трогательное выраженіе любви, не только къ отвлеченному дѣлу Братства, но и къ немощнымъ, живымъ его представителямъ, было особенно дорого въ то время, когда Братство переживало свою самую тяжелую, истинно черную годину.

31-го октября мною было прочитано Братству введеніе къ руководящимъ правиламъ, принятымъ большинствомъ Братства и окончательно утвержденнымъ Думою. Въ этомъ же собраніи я изложилъ Братству цѣль и программу предстоящей мнѣ, заграничной поѣздки.

Еще въ прошломъ году меня избрали почетнымъ президентомъ, имѣющаго состояться въ Парижѣ, во время Всемирной выставки 1900 года Конгресса единого человѣчества, принявъ предварительно предложенную мною программу. Хотя въ Лионскомъ журналѣ „*La paix universelle*“ и была помѣщена статья съ восторженнымъ отзывомъ о собраніи, на которомъ была принята моя программа, но въ отвѣтъ на мою статью, помѣщенную въ томъ же журналѣ и заключавшую точную формулировку моей программы, прямого, честнаго заявленія о принятіи ее, какъ это было заранее условлено, не послѣдовало. Изъ присылаемыхъ мнѣ подробныхъ отчетовъ о дѣятельности организационнаго комитета, я видѣлъ, напротивъ, что отъ программы моей всё болѣе и болѣе отступаютъ, желая придать конгрессу, вмѣсто опредѣленнаго смысла большой демонстраціи единенія въ братолюбіи на порогѣ новаго столѣтія, совершенно неопредѣленный смыслъ конгресса, обсуждающаго всѣ вопросы, касающіяся до жизни человѣчества. Спасти конгрессъ при такихъ обстоятельствахъ я считалъ возможнымъ только однимъ способомъ: официальнымъ участіемъ въ немъ представителей державъ, при чемъ, естественно, отошли бы на второй планъ тѣ, которые, какъ мнѣ тогда уже казалось, могутъ совершенно извратить и погубить это святое дѣло. Съ этою цѣлію я и хотѣлъ, заручившись согласіемъ и полномочіями изъ Петербурга, посѣтить Берлинъ, Парижъ, Лондонъ, Римъ и Вѣну.

Кромѣ того въ Петербургѣ я хотѣлъ сдѣлать послѣднюю попытку разсѣять то, что я упорно хотѣлъ считать простыми недоразумѣніями, устранить нѣкоторыя препятствія къ мирному и широкому развитію дѣла Братства, и, если и эта послѣдняя попытка не удастся, рядомъ съ Братствомъ учредить трудовую общину въ вѣдомствѣ Министерства Земледѣлія, отношенія котораго къ нашимъ школамъ было всегда безукоризненно внимательно и деликатно. Этой общинѣ я намѣревался передать матеріальныя средства, которыя передать Трудовому Братству, не устранивъ предварительно недоразумѣнія и препятствія, о которыхъ я выше упомянулъ, было бы слишкомъ неблагоприятно.

2-го ноября въ собраніи Братства я указалъ на то, что среди насъ живутъ люди совершенно не знающіе устава Братства. Вѣрнѣе было бы сказать, что нѣкоторые дошли въ легкомысленномъ задорѣ до полного игнорированія устава, до нежеланія знать его. „Что за дѣло до устава, если намъ то или другое приходится не по вкусу“. Они вспоминали о немъ, о которомъ первые юристы нашего времени говорили, что мы должны держаться его обѣими руками, только для того, чтобы покритиковать.

4-го ноября произошелъ случай, ярко рисующій, до какого легкомыслія, до какой неряшливости доходило отношеніе къ порученному дѣлу однихъ и снисходительное отношеніе къ тому другимъ. Отвѣтственное дѣло перепоручается самовольно другому лицу. Старшина семьи совѣтуетъ такъ не поступать, братская семья уговаривается, а виновный на все это не обращаетъ никакого вниманія и порядокъ долгое время не восстанавливается. И такъ поступаютъ въ такомъ дѣлѣ, гдѣ оказано личное довѣріе, гдѣ поручены значительныя цѣнности, гдѣ нужно оправдать мое довѣріе и не компрометировать Братство въ моихъ глазахъ и передъ главнымъ управленіемъ моего имѣнія. Очень характерно, что этотъ случай не нашли даже нужнымъ сообщить Думѣ. Очень характерно и то, что при такихъ обстоятельствахъ, „недовольные“ не имѣли даже настолько простой справедливости, чтобы признать, что порядка, регламентаціи и требовательности слишкомъ мало въ Братствѣ, что свободы, снисходительности и безнаказанности слишкомъ много для блага общаго дѣла! Говорили, напротивъ, объ излишней регламентаціи и излишней требовательности, о необходимости еще большей свободы!

Къ этому времени начала проявлять себя литературная компанія противъ меня и Братства, кампанія, долженствовавшая повре-

дять Братству и даже погубить его, но въ концѣ концовъ принесшая Братству большую пользу, ускоривъ развязку внутреннихъ нестроений и многихъ разоблачивъ. Всѣхъ нашихъ литературныхъ противниковъ можно раздѣлить на три главныхъ отдѣла: измѣнники Братства, представители безбожной и антицерковной интеллигенціи и своеобразныхъ „ревнителей“ православія.

Почти всѣ измѣнившіе Братству, въ большей или меньшей степени на первыхъ порахъ становились врагами его. Оно и понятно; иначе и быть не могло. Братство Трудовое не такое дѣло, которое можно было бы оставить безъ очень дурныхъ чувствъ со стороны тѣхъ, которые въ нашихъ школахъ или, проживъ нѣкоторое время на лонѣ его, не могли не понять его значенія для блага Церкви, Государства и всего человѣчества. Надо много грубаго эгоизма для того, чтобы свою личную выгоду или свою прихоть поставить выше этого, обще-полезнаго дѣла. Многіе доказали, что „въ сынахъ вѣка сего“ не только эгоизма для такого поступка хватаетъ, но хватаетъ и самодовольной гордости для того, чтобы даже не стыдиться этого поступка. Смиренія сознать низость побудительныхъ причинъ, при эгоизмѣ и гордости хватить не можетъ. Гордость непременно заставитъ ихъ постараться убѣдить и себя и другихъ, что, измѣняя Братству, они поступаютъ хорошо, а это доказать можно только однимъ путемъ: оклеветавъ, очернивъ Братство до того, что измѣна ему покажется благомъ и доблестью.

При такихъ обстоятельствахъ естественно ожесточить свое сердце противъ Братства, которому измѣнили, не только ожесточиться, но и постараться другихъ ожесточить. Въ этомъ ожесточеніи и оклеветаніи всѣ извиненіе измѣны въ глазахъ людей. Измѣна вообще нѣчто настолько позорное, что надо многое для того, чтобы доказать, будто она не „зло“, а „добро“, особенно, когда измѣняютъ тѣмъ, кто нѣжно любилъ и ревниво заботился о благѣ измѣняющаго. Логика злобы и гордости неизмѣнно такова: сдѣлавъ зло, мстить пострадавшему за зло, ему причиненное. За малыми исключеніями, почти всѣ измѣнившіе Братству, а ихъ было много, сѣяли вражду, мстя Братству за свою измѣну; наконецъ нашелся между ними И. С. А., болѣе другихъ виновный передо мною и Братствомъ, а потому и болѣе другихъ рѣшительный въ дѣлѣ причиненія намъ возможно большаго зла. Онъ первый выступилъ противъ меня и Братства въ печати. Я не читалъ и въ будущемъ не намѣренъ читать его статей, мнѣ слишкомъ больно было бы читать ихъ, но по тѣмъ толкамъ и недоразумѣніямъ, которые воз-

никли подъ ихъ вліяніемъ, я знаю, что всѣ факты нашей братской жизни получили подъ его перомъ такую живую окраску, что бѣлыя праздничныя блузы превратились чуть ли не въ священническія ризы, и невинная братина—чуть ли не въ потиръ, изъ котораго я позволяю себѣ, не имѣя на то никакого права, приобщать вступающихъ въ Братство и братскіе кружки, такимъ образомъ, кощунственно присвоивая себѣ самозванное право совершать таинства.

Извѣстная часть печати, очень обрадовалась этому и началась систематическая травля дѣла, слишкомъ опаснаго для ихъ направленія. Говорю не свои догадки, а передаю то, что откровенно сказалъ мнѣ одинъ изъ видныхъ представителей, враждебнаго намъ лагеря. Задавшись цѣлью поставить Россію на путь Западно-Европейскаго прогресса, они систематично стараются возбуждать въ обществѣ недовѣріе и непріязнь ко всему, что тому противится. Пробуждать въ обществѣ духъ борьбы, духъ оппозиціи, критиканства во что бы то ни стало, духъ индивидуализма—они считаютъ абсолютно необходимымъ для успѣха ихъ дѣла. Понятно, до какой степени имъ несимпатична вся моя дѣятельность и въ частности самобытное дѣло Трудового Братства, организующаго жизнь на лонѣ Православной Русской Самодержавной Монархіи на началахъ, ничего общаго съ современною Западно-Европейскою культурою не имѣющихъ, на началахъ вѣры, мира, любви и единенія, пробуждая церковное и государственное самосознаніе, указывая опредѣленную программу мирнаго прогресса, въ полномъ единеніи съ Церковью и Государствомъ, отвлекая отъ ожесточающаго пути критики и борьбы, на умиротворяющій путь стройной организаціи добра въ жизни; они не могли не понимать всего этого, не могли не находить Трудовое Братство и меня, не только вредными, но и опасными для ихъ направленія въ томъ случаѣ, если бы дѣло это вызвало сочувствіе общества и власти, изъ единичнаго дѣла стало дѣломъ обще-церковнымъ, обще-государственнымъ. И вотъ, „разоблаченія“ одного изъ бывшихъ воспитанниковъ нашей школы и членовъ нашего Братства, было принято ими, какъ настоящая находка.

Въ это же время выступилъ противъ меня и Братства одинъ изъ самыхъ талантливыхъ и убѣжденныхъ послѣдователей графа Л. Н. Толстого М. О. М. Какъ убѣжденный толстовецъ, онъ не сомнѣвался въ томъ, что внѣ толстовства истины нѣтъ и что всѣ люди не глупые обязаны такъ думать. Дѣлая мнѣ честь считать

меня не глупымъ человѣкомъ, онъ требуетъ отъ меня толстовскаго правовѣрія и не можетъ допустить съ моей стороны ни логики ни искренности съ другой точки зрѣнія, ничего общаго съ толстовствомъ не имѣющей. Съ его, толстовской точки зрѣнія, ему многое въ Братствѣ нашемъ не понравилось, все ему показалось не искреннимъ,—до слѣзъ, прощающихъ со школою на выпускномъ актѣ, включительно. Рѣшивъ, что и я и всѣ мы не искренни, онъ болѣе съ нами не церемонится. Пробывъ у насъ не болѣе четырехъ дней въ качествѣ гостя, онъ говоритъ о всемъ съ увѣренностью человѣка, основательно изучившаго насъ и дѣло наше, изумляя и возмущая тѣхъ, которые насъ и дѣло наше дѣйствительно знаютъ, фактами и выводами, чисто фантастическаго характера. Такъ, онъ говоритъ объ ужасномъ матеріальномъ положеніи наемныхъ рабочихъ на хуторѣ Воздвиженскомъ, въ то время, какъ и по помѣщенію, и по содержанію, они находятся въ лучшихъ обстоятельствахъ, нежели рабочіе громаднаго большинства другихъ помѣщичьихъ имѣній. Найдя нѣсколько человѣкъ рабочихъ, на время пріютившихся по близости къ мѣсту работы, въ полуразвалившейся избушкѣ, онъ не стѣсняется описывать эту полуразвалившуюся хату, какъ образчикъ содержанія рабочихъ вообще, заставляя читателя предположить, что таково положеніе всѣхъ на рабочихъ казармахъ. Болѣе того, онъ дошелъ въ своихъ статьяхъ до заподозриванія меня въ своекорыстныхъ побужденіяхъ, въ хитроумномъ желаніи подѣ фирмою Братства, приготовить хорошихъ приказчиковъ для своего имѣнія и чуть ли не пользоваться даровымъ трудомъ ихъ, зная, что на Братство и школы я затратилъ и ежегодно затрачиваю очень большія суммы, при чемъ, само-собою, не могъ имѣть ни копѣйки личной выгоды. Вотъ яркій образчикъ добросовѣстности и деликатности пріемовъ полемики нашихъ противниковъ!

Какъ разъ въ это время, въ Москвѣ, происходили совѣщанія педагоговъ Московскаго Округа. На этихъ совѣщаніяхъ Приватъ-Доцентомъ Московскаго Университета, нынѣ братомъ нашимъ, А. А. Лютецкимъ было прочитано два сообщенія. Въ нихъ выяснялось значеніе системы воспитанія, принятой въ нашихъ школахъ, значеніе стройной организаціи жизни и труда на началахъ вѣры и братолюбія на лонѣ Трудового Братства. То и другое выставилось примѣромъ, достойнымъ подражанія. Минута была рѣшительная. Въ обществѣ могли пробудиться симпатіи къ дѣлу Братства. Необходимо было дѣйствовать. Обѣ первые статьи А. и М. поя-

вились почти одновременно. За ними выступили г.г. „Вій“ и Яблоновскій съ газетными замѣтками, въ которыхъ не было уже ни фактовъ, хотя бы и извращенныхъ, ни критики хотя бы и недобросовѣстной, а сплошное глумленіе, пересыпанное солью грубой брани.

Все это крайне грустно, но вполне понятно, вполне естественно съ точки зрѣнія тѣхъ чувствъ и тѣхъ цѣлей, во имя которыхъ дѣйствовали, какъ измѣнники Братства, такъ и представители оппозиціоннаго направленія въ литературѣ.

Еще болѣе грустное и гораздо менѣе понятное явленіе представили собою статьи „ревнителѣй“ православія съ бывшимъ священникомъ нашего храма о. Сергіемъ Ч. во главѣ. Статьи эти явились выраженіемъ отношенія ко мнѣ и дѣлу Братства тоже цѣлой партіи, считающей себя архи-церковною, архи-православною и архи-преданной интересамъ Церкви и Монархіи, при чемъ ихъ ожесточеніе противъ моихъ сочиненій и дѣла Братства, на первый взглядъ кажется совершенно безпричиннымъ и непонятнымъ. Ни подробно говорить объ этихъ статьяхъ, ни вступать въ ихъ оцѣнку я не буду по тѣмъ же причинамъ, по которымъ и въ предыдущихъ отчетахъ ни словомъ не обмолвился о цѣлой области жизни и внѣшнихъ отношеній, доставившей и мнѣ и Братству тяжелые скорби, дающія мнѣ право сказать, что въ теченіе многихъ лѣтъ я чувствовалъ себя въ положеніи человѣка, котораго съ изумительною жестокостью сожигаютъ на медленномъ огнѣ, всячески оскорбляютъ и не устаютъ мучить и оскорблять въ отвѣтъ на любовь и упорное терпѣніе.

Необыкновенно характерно, что люди исходившія изъ столь противоположныхъ побужденій, люди, столь противоположныхъ убѣжденій и направленій, какъ измѣнники Братства, представители безбожной и анти-церковной интеллигенціи и извѣстная партія своеобразныхъ „ревнителѣй“ православія, сошлись въ дружномъ осужденіи и враждебности по отношенію ко мнѣ и дѣлу Братства. Вотъ что значитъ не принадлежать ни къ одной изъ крайнихъ партій и быть искренно представителемъ партіи Бога Живого и Христа его.

Всѣ эти статьи были до такой степени тенденціозны и какъ мнѣ казалось, мало убѣдительны, что я не находилъ ни нужнымъ, ни желательнымъ вступать въ словопренія съ „совопросниками вѣка сего“ и поддерживать бесплодную полемику, отвѣчая людямъ, которые не ищутъ истины, а совершенно опредѣленные цѣли преслѣдуютъ. Въ этомъ я остался вѣренъ моей системѣ излагать правду,

а не полемизировать, созидать жизнь по вѣрѣ, а не бороться противъ тѣхъ, которые дѣлаютъ иное, неуклонно идти своею дорогою, не давая отвлекать себя отъ этого дѣла безплодными спорами съ тѣми, которые со мною не согласны, находятъ, что дѣла этого я совсѣмъ не долженъ дѣлать или дѣлать его, сообразуясь съ ихъ взглядами и вкусами, долженъ совсѣмъ иначе.

На статьи о Сергія Ч., впрочемъ, если бы я и желалъ отвѣчать, я бы не могъ этого сдѣлать по совершенно особымъ обстоятельствамъ, благодаря которымъ, не только мои статьи, но и статьи друзей моихъ и дѣла Братства, не могли появляться въ тѣхъ органахъ печати, въ которыхъ свободно появлялись статьи мнѣ и Братству враждебныя. Ультра-либеральная печать учредила свою, не менѣе строгую цензуру и, подъ разными предлогами, систематично отказывала печатать статьи и коллективные заявленія друзей Братства, наивно желавшихъ „разъяснить“ и „возстановить истину“, въ то время, какъ рѣшено было затѣмнить её во что бы то ни стало.

Меня не только чрезмѣрно не волновало все это, но я даже радовался тому, что враги Братства, наконецъ, разоблачаютъ себя и выставляютъ на свѣтъ крайнюю бѣдность аргументовъ, имѣющихся у нихъ въ запасѣ, радовался и тому, что на будущее время, даже и при злой волѣ, трудно будетъ продолжать смѣшивать мое направленіе, съ тѣми крайними, которые такъ явно проявляютъ себя врагами моими. Радовало меня и то, что, какъ я думалъ, эта коалиція всѣхъ враждебныхъ элементовъ не можетъ не сплотить членовъ Братства, не можетъ не возбудить ихъ энергію, не пробудить въ нихъ ревность о благѣ общаго дѣла. Мнѣ казалось невозможнымъ, чтобы даже самые равнодушные и легкомысленные не возмутились грубымъ извращеніемъ истины, грубымъ поруганіемъ святой-святыхъ жизни нашей. Мнѣ казалось невозможнымъ, чтобы даже самые „недовольные“ на лонѣ Братства не возмутились и не возревновали до забвенія мелкихъ дрызгъ, до благородной солидарности на защиту общаго дѣла и его святого знамени, поверхъ мелкихъ чувствъ себялюбія и личныхъ счетовъ.

Такъ я думалъ, забывая злую волю и высокую степень грѣховности „дѣтей міра сего“, который „весь во злѣ лежитъ“. Чѣмъ болѣе я живу на землѣ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что человечество гораздо менѣе легкомысленно и неопытно, гораздо болѣе сознательно-грѣховно по злобѣ, чѣмъ это признають „ласкатели“ его. Такъ и въ этомъ случаѣ, мнѣ пришлось убѣдиться, что не надо

было, ни разсчитывать на логику любви, ни забывать логику злобы и себялюбія.

Случилось то, что мнѣ казалось невозможнымъ по своей чудовищности. Статьи эти, не только не возмутили своею очевидною неправдою и злонамѣренностью тѣхъ, которые по гордости и недостатку любви не хотѣли покаяться и тяготились моими призывами къ покаянію, а пробудили въ нихъ злорадный интересъ къ тому, что въ нихъ могло послужить извиненіемъ и даже оправданіемъ злой воли ихъ. Подъ предлогомъ любопытства, возбужденнаго „курьезомъ“, а въ дѣйствительности съ явнымъ злорадствомъ, они вездѣ носили съ собою эти пасквили, всѣмъ читали ихъ и безъ конца „спорили“ о томъ, что должно было пробудить одно негодованіе, какъ недостойное извращеніе фактовъ и лживое поруганіе дорогой для насъ святыни. Этаго святого гнѣва было такъ мало даже и въ тѣхъ, которые имъ не сочувствовали, что людямъ злой воли не помѣшали разливать ядъ по всему Братству.

Самыми гордыми, самыми солидарными во взглядахъ съ „безбожною интеллигенціей“, наиболѣе преклоняющимися передъ авторитетами текущей литературы, наиболѣе оскорбленными въ гордости своей моими призывами къ покаянію, были изъ числа тѣхъ, которые воображали себя попреимуществу представителями интеллигенціи въ Братствѣ, часто забывали, что Братство не есть, ни академія наукъ, ни публичная бібліотека, ни кабинетъ для чтенія, что въ Братствѣ никакая ученость, никакая начитанность и, вообще, никакая степень интеллигентности не можетъ замѣнить собою основныхъ братскихъ добродѣтелей: вѣры, любви, кротости, смиренія, великодушія и трудолюбія, болѣе того, безъ этихъ добродѣтелей, не имѣть и не должна имѣть никакой нравственной цѣнности. Именно они и пропитались наиболѣе ядомъ злой воли, именно отъ нихъ ядъ этотъ сталъ разливаться по всему Братству, смущая духовно шаткихъ людей, что можно прослѣдить по запискамъ въ хроникахъ. Въ нихъ отмѣчается, что семья отнеслась къ пасквилямъ съ единодушнымъ негодованіемъ; пришли „интеллигенты“, стали „спорить“ о содержаніи этихъ статей, „спорить“ продолжаютъ и послѣ нихъ. Въ хроникахъ видно и то, что совѣсть „смутившихся“ и „смущенныхъ“ не спокойна, они не успѣли еще задуть въ себя „братскую совѣсть“ оканчательно, они раздражительны и самыя пустыя причины вызываютъ между ними ссоры.

7-го ноября происходило братское собраніе, на которомъ я старался пробудить сознаніе, что, не только невѣріе, но и маловѣріе

и недостатокъ сознательности въ вѣрѣ, на лонѣ Братства, безконечно менѣе извинительны, нежели внѣ Братства, а самодовольное невѣріе—преступно и совсѣмъ недопустимо. Поставить этотъ вопросъ на очередь было необходимо. Братство, хотя и обособляется въ значительной степени отъ окружающаго міра, хотя и относится по возможности разборчиво къ книгамъ, приобретаемымъ въ бібліотеку и выписываемымъ журналамъ, не можетъ оградить себя и немощныхъ изъ членовъ своихъ отъ того, чтобы не дышать тѣмъ же воздухомъ, которымъ дышитъ все, современное намъ, общество, а этотъ воздухъ весь пропитанъ микробами безбожія, индивидуализма, своеволія и анархіи. Сознательно вѣрующихъ людей, съ упорядоченнымъ умомъ и святою гармоніей въ сердцахъ, между современными авторами, не исключая и ученыхъ богослововъ и самыхъ елейныхъ „церковниковъ“ почти нѣтъ. Въ самыхъ повидимому, благонамѣренныхъ и невинныхъ статьяхъ и книгахъ по всѣмъ отраслямъ науки и беллетристики, можно прочесть между строкъ, болѣе того, упорно навязывается убѣжденіе, что добро и зло—понятія относительныя, что совершенно основательно вмѣстѣ съ язычникомъ Пилатомъ отрицать возможность отвѣтить на вопросъ о томъ, „что есть истина“, что зло имѣетъ такое же право на существованіе и свободное проявленіе себя, какъ и добро, болѣе того, что добро не должно стѣснять зла и злыхъ, что злые достойны большаго сожалѣнія, нежели добрые, а потому и имѣютъ болѣе добрыхъ права на заботы о нихъ и на деликатное обращеніе съ ними, что добрые обязаны всю жизнь маяться со злыми и среди злыхъ, не имѣя даже права обособиться отъ злыхъ и стройно организовать жизнь между собою на началахъ для нихъ естественныхъ, пока злые не соблаговолятъ стать добрыми и перестать всѣхъ добрыхъ обвинять въ неискренности и лицемеріи. Въ другихъ, что не лучше, съ увѣренностью людей, изрекающихъ непреложныя истины, выдается за вѣру нѣчто до того нелѣпое, до того не согласованное съ самыми основами вѣры, до того противорѣчащее живому духу Живого Христа, выдается за христіанскую правду въ жизни такой мракъ, такое отсутствіе христіанской свободы, такая безрадостная робость, такое жестокое человѣконенавистничество, что только очень глупые и очень злые люди могутъ согласиться съ этимъ пониманіемъ вѣры. Надо твердо помнить, что эти „ревнители“,—самозванцы, чтобы не соблазниться ихъ писаніями, не предпочесть невѣрія такой вѣрѣ. Во многихъ—сквозить убѣжденіе, что вѣра—предрасудокъ, полицейская мѣра, система запугиванія толпы

и эксплуатаціи сильными слабыми, что невѣріе—признакъ интеллигентности, сильной индивидуальности, что за невѣріемъ должны быть признаны права гражданства. Неудивительно, что тѣ, которые болѣе предавались чтенію хаотическихъ произведеній современной литературы, вообразивъ себя по этому поводу интеллигентами Братства, для которыхъ естественно быть солидарными во взглядахъ съ братьями по интеллигентности, рѣшили, что единомысліе со всею интеллигенціей для нихъ важнѣе единенія съ однимъ, хотя бы тоже интеллигентнымъ учредителемъ Братства и съ самимъ Братствомъ, имъ учрежденнымъ, рѣшили, что Братство можетъ обходиться безъ вѣры и безъ жизни по вѣрѣ, стали находить самое требованіе вѣры невыносимымъ деспотизмомъ и тяготиться всѣми логичными послѣдствіями живой и сознательной вѣры въ практикѣ братской жизни.

Въ виду всего этого, я напомнилъ Братству, что для тѣхъ, которые у насъ получили полную возможность придти къ сознательной вѣрѣ, безконечно болѣе удовлетворяющей потребности ума и сердца, нежели глупое и злое невѣріе, среди братской жизни, на каждомъ шагѣ уясняющей жизненную правду вѣры и дающей полную возможность честной жизни по вѣрѣ, нѣтъ извиненія, когда вѣра ихъ, несмотря на все это, остается недостаточно сознательною и нѣтъ, не должно быть мѣста въ Братствѣ, когда они на лонѣ Братства дерзаютъ проявлять самодовольное невѣріе, считая за доблесть свою солидарность съ безбожною интеллигенціей, находясь въ то же время въ полномъ разладѣ съ Богомъ Живымъ, Его правдою и Его дѣломъ Братства Трудового, которое должно быть или дѣломъ Божиимъ или совсѣмъ не быть.

Обо всемъ этомъ, какъ и о томъ, что многіе продолжаютъ не понимать, что дѣло Братства должно быть не моимъ личнымъ дѣломъ только, а прежде всего дѣломъ Божиимъ и личнымъ дѣломъ cadaго изъ членовъ Братства, потребностью вѣры, сердца, ума и совѣсти cadaго желающаго принять участіе въ созиданіи Братства въ жизни, я говорилъ, по отзыву хроникъ, „горячо“ и „сильно волнуясь“, потому что все это „давно наболѣло на сердцахъ“.

Очень характерно, что эта простая и душевная бесѣда, прекрасно записанная въ одной хроникѣ, очевидно подъ сильнымъ вліяніемъ пережитаго, въ другой, напротивъ, записана такъ неряшливо, что запись эта даже обрывками мыслей названа быть не можетъ. Это просто обрывки непродуманныхъ словъ, до такой степени тѣ же слова и факты получаютъ разное значеніе и разную

окраску, сообразно тому, какъ ихъ преломляетъ призма той или другой души.

Въ концѣ собранія, сказавъ, что общественное мнѣніе въ Братствѣ должно встать на подобающую высоту и оказывать могучее нравственное воздѣйствіе, проникаясь ревностью о тѣхъ, которые проявляютъ недостатокъ сознательности въ вѣрѣ и безусловно порицая всякое проявленіе самодовольства въ дѣлѣ невѣрія, я сказалъ: „надѣюсь, что волненіе мое сказало вамъ ревнивую любовь мою къ вамъ и дѣлу Братства. Если я по возвращеніи моемъ увижу, что вы приняли къ сердцу и приступили къ осуществленію того, что я говорилъ вамъ сегодня, это придастъ мнѣ много бодрости и силы. Все, что вы сдѣлаете за зиму, чтобы доказать мнѣ, что и вы возревновали о дѣлѣ Братства, что оно стало въ вашихъ глазахъ не только дѣломъ братской Думы и моимъ, но и вашимъ, дастъ мнѣ возможность не пугаться шатости умовъ и сердецъ, проявляемой нѣкоторыми изъ васъ. Главное—смирненіе передъ Богомъ и преданность Его дѣлу братства въ жизни. Пусть тѣ, которые чувствуютъ себя духовно шаткими, обратятся смиренно къ Богу Живому, и Онъ исцѣлитъ ихъ; пусть покаются въ своей гордости, въ своемъ самомиѣніи, перестанутъ считать вѣру живую ниже мнимой интеллигентности своей. Пусть они не оправдываютъ свое маловѣріе ни подъ какими предлогами. Всѣхъ прошу не терпѣть самодовольнаго невѣрія на лонѣ Братства и братскихъ семей нашихъ. Будьте неизмѣнно вѣрны Богу и вы дадите Ему возможность творить чудеса во всякой немощи нашей безъ насилія надъ свободой воли нашей“.

10-го ноября, несмотря на то, что многіе знали, что одинъ изъ братьевъ поддерживаетъ наилучшія отношенія съ врагами Братства, многіе собрались не только изъ Воздвиженска, но и изъ Рождественска праздновать день его именинъ и вечеръ провели весело и оживленно. До такой степени слабы были требованія общественнаго мнѣнія въ Братствѣ, до такой степени многіе привыкли благодушно уживаться со зломъ и были равнодушны къ чести Братства и честности отношеній къ нему.

12-го ноября я бесѣдовалъ съ братскою семьею учителей. Въ то время я, хотя и видѣлъ, что между ними есть люди, стоящіе не на высотѣ оказываемаго имъ довѣрія, но далеко не зналъ по отношенію къ этимъ худшимъ элементамъ учительскаго персонала, всей грустной правды. Даже и въ нихъ я видѣлъ только очень немощныхъ, легкомысленныхъ, заносчиво самоувѣренныхъ, неопыт-

ныхъ людей. Мнѣ страшно больно было, минутами до отчаянія тяжело видѣть, какъ они мало дисциплинированы любовью, какъ они мало заботятся о воспитаніи дѣтей въ братскомъ духѣ и мало сообразуются съ моими совѣтами. Рядомъ съ ними были между учителями и люди сознательно и всѣмъ седцемъ преданные дѣлу Братства. Изъ нихъ я хочу назвать для благодарной памяти будущихъ поколѣній Братства Ѳ. Е. Становскаго-Чвертку и И. С. Дикого, которые никогда не проявляли ни малѣйшихъ признаковъ духовной шатости и оставались неизмѣнно вѣрными сердцемъ. Спокойная увѣренность въ этихъ лучшихъ людяхъ успокаивала меня относительно всей братской семьи учителей, надѣясь, что они окажутъ доброе вліяніе на прочихъ и не допустятъ разрастись злу до размѣровъ слишкомъ вредныхъ для дѣла. Въ чемъ я не ошибся, такъ это въ убѣжденіи, что даже и худшіе изъ учителей, состоя членами Братства, все же причиняли менѣе зла дѣлу, проявляли менѣе хаоса въ мысляхъ и распушенности въ жизни, чѣмъ то дѣлало большинство изъ ихъ предшественниковъ, служившихъ по найму.

Отъ мысли, что худшіе изъ нихъ дошли до самодовольства злой воли, твердо рѣшили относиться ко мнѣ въ духѣ „молчаливаго протеста“ и на мою горячую, терпѣливую и смиренную любовь отвѣчаютъ полнымъ равнодушіемъ и даже дурными чувствами, я былъ далекъ. Мысль эту, если бы она пришла ко мнѣ, какъ подозрѣніе, я бы отогналъ съ негодованіемъ, какъ грѣховную, какъ слишкомъ позорную и обидную для тѣхъ, кого я, часто негодуя, все же любилъ искренно, глубокою и нѣжною любовью. Благо человеку, что будущее скрыто отъ него, и онъ многого не знаетъ. Если бы я зналъ, какія чувства будутъ питать ко мнѣ и къ Братству одни, еще носившіе личину братьевъ и друзей, какъ мало доброй ревности проявятъ другіе, которые знали правду и мирились съ нею, какъ съ „неизбѣжнымъ зломъ“, едва ли у меня хватило бы самоотверженія на то, чтобы вступить на этотъ скорбный путь. Теперь я знаю всю правду и съ радостью исповѣдую и безмѣрную немощь человѣческую и безмѣрное милосердіе Божіе.

Многого не зная изъ дѣйствительнаго настроенія худшихъ изъ числа учителей, я глубоко чувствовалъ духовный разладъ съ ними, чувствовалъ опасность потерять ихъ для дѣла, если они не опомнятся и, по любви ко всѣмъ имъ, рѣшилъ сдѣлать все, отъ меня зависящее для того, чтобы всѣхъ ихъ сохранить для дѣла и для братской любви нашей. Именно это значеніе и имѣло это частное

собрание въ семьѣ учителей передъ моимъ отъѣздомъ. Между прочимъ я говорилъ имъ: „убѣдившись, что самая святыня Братства для слишкомъ многихъ людей не составляетъ дорогой потребности вѣры, любви, разума и совѣсти, говорю, не о тѣхъ только, которые были братьями нашими и измѣнили, ушли отъ насъ, но и о тѣхъ, которые, оставаясь на лонѣ Братства, среди насъ живутъ безъ Бога и братства въ душѣ и потому являются кандидатами на измѣну, убѣдившись, что потому Братство не можетъ численно быстро возрасти, пришлось сократить размѣры предполагавшагося дѣла... Необходимо, чтобы это меньшее по размѣрамъ центральное Братство, было правдою передъ Богомъ и человечествомъ. На ложь формы безъ правды братскаго духа, ни я, ни Дума Братства никогда несогласимся... Ваше положеніе учителей особенно отвѣтственно. Вамъ поручено воспитаніе будущихъ членовъ Братства. Ваша главная обязанность и состоитъ въ воспитаніи дѣтей въ духѣ Братства, для дѣла Братства... Дорожите въ школѣ каждымъ членомъ для Братства... Сплотитесь тѣсно въ дружную семью, объединенную вѣрою и любовью, непременно съ характеромъ малой церкви Божіей... Обязательно собирайтесь хоть разъ въ недѣлю для обсужденія настроенія и поведенія воспитанниковъ. Вы каждого изъ нихъ должны знать, иначе вы не можете воспитывать ихъ, не зная и не понимая ихъ характеровъ... Докажите мнѣ, что вы приняли къ сердцу то, что я говорилъ вамъ. Вы знаете, что я никогда не хотѣлъ приказывать, властвовать надъ вами, а стремился убѣждать умы и сердца. Силы мои надорваны. Мнѣ надо видѣть, что мой авторитетъ добровольно признается, иначе, какъ могу я оставаться во главѣ Братства, его руководителемъ. Если это будетъ ложью, я съ этою ложью никогда не помирюсь. Необходимо, чтобы школа наша выпускала людей болѣе цѣльныхъ въ братскомъ духѣ, менѣе отважныхъ на зло, менѣе робкихъ на добро, болѣе сознательно самоотверженныхъ“.

Собрание это было общее для всей семьи. По окончаніи его, оставшись съ одними братьями, безъ сестеръ, я призывалъ ихъ относиться съ неизмѣннымъ уваженіемъ къ сестрамъ, не увлекаясь глупыми съ христіанской точки зрѣнія, хотя и модными въ современной литературѣ, спорами о разныхъ правахъ мужчинъ и женщинъ, помня, что для христіанъ „нѣтъ ни мужчины ни женщины, но всяческая и во всѣхъ Христосъ“.

14-го Ноября, прощаясь съ Братствомъ передъ отъѣздомъ въ Петербургъ, я настоятельно просилъ братскія семьи энергично при-

ступить къ осуществленію правды Братства въ жизни и на пользу Братства не терпѣть болѣе самодовольной гордости со стороны тѣхъ, кто на лонѣ Братства живетъ безъ Бога и безъ Братства.

Если бы многіе откликнулись на мой призывъ и возревновали о Братствѣ, дѣло могло обойтись мирнымъ духовнымъ преображеніемъ тѣхъ, кто бы понялъ, что надо жить честною братскою жизнью, или уходить изъ Братства. Многіе одумались бы, сохранены были для Братства, и всѣ мы не пережили бы ужасовъ, насъ ожидавшихъ.

Прощаясь съ учителями, я сказалъ имъ, что чувствую совершенную оторванность нѣкоторыхъ изъ нихъ и прямо указалъ на двухъ, настроеніе которыхъ переходитъ границы отчужденности, иногда кажется мнѣ даже враждебнымъ. Говорилъ я это въ духѣ покаянія, объясняя это мнительностью изстрадавшагося сердца, доходящаго до болѣзненной подозрительности. Просилъ успокоить любовь мою. Всѣ и въ томъ числѣ оба, названные мною, увѣрили меня въ искренности своей доброй воли; и я повѣрилъ. Въ дѣйствительности предчувствія мои были вполне основательными. Оба эти брата, и не они одни, уже тогда задумали измѣну, рѣшились на нее, подготавливались къ ней.

Прощаясь, я всѣхъ старался ободрить, говоря, что для доброй воли нѣтъ ничего невозможнаго и, что я увѣжаю успокоеннымъ, видя добрые признаки переменъ къ лучшему. И это слово ободренія было современемъ поставлено мнѣ же въ вину, какъ признаніе неосновательности моей требовательности. До такой степени безгранична свобода злой воли.

До конца мѣсяца шли „споры“ о новыхъ печатныхъ пасквиляхъ. О нихъ говорили уже безъ всякаго возмущенія, а въ духѣ игривой шутливости тѣ, которые въ нихъ нашли оправданіе своей злой воли, рѣшили измѣнить Братству и старались возможно большее число увлечь на путь измѣны, чтобы числомъ измѣняющихъ оправдать себя.

1-го Декабря Маріи Николаевнѣ пришлось защищать нашу добрую и честную сестру, В. В. Ребенко, отъ недоброжелательныхъ нападокъ на нее, за ея ревнивое отношеніе къ дѣлу Братства и доброжелательную заботливость о сестрахъ. Худшіе элементы Братства, видя, что получаютъ слабый отпоръ, зазнались до того, что перешли въ наступленіе противъ добрыхъ, прямо отрицая ихъ право проявлять свою преданность Братству и дѣйствовать ему на пользу. Такъ, они вооружились противъ В. В. Ребенко, стараясь

дискредитировать ее въ глазахъ всѣхъ. за искреннее благочестіе ее называли „ханжею“. Когда она осуждаетъ какое-либо зло и даетъ добрый совѣтъ, говорятъ, что она „пилить заблуждающихся“. Все это очень характерно для той эпохи, когда среди насъ, называемыхъ братьями нашими, жили люди, считавшіе признакомъ „гуманной интеллигентности“ благодушное, даже любовное отношеніе ко злу и крайне грубое и недоброжелательное отношеніе къ добру. Чрезвычайно характерна и самая запись въ хроникѣ. Сочувствіе „заблуждающимся“, которыхъ „пилить ханжа“, чувствуется въ каждомъ словѣ.

3-го Ноября получено было отъ одного изъ „шаткихъ“, взятаго на военную службу для отбыванія воинской повинности, первое письмо по выѣздѣ изъ Братства. Оно адресовано было худшему, въ то время, представителю семьи, наименѣ преданному, наиболѣ лѣнивому, эгоистичному и грубому. Въ этомъ письмѣ не было ни одного добраго слова по адресу той семьи, въ которой онъ жилъ и того Братства, которое терпѣливо и великодушно ему многое прощало. Привожу этотъ мелкій и совершенно частный случай ради высоко-характернаго къ нему отношенія. Когда нѣкоторые изъ братьевъ выразили по этому поводу скорбь и неодобреніе такому игнорированію всего Братства и той братской семьи, въ которой онъ жилъ, другіе признавали это явленіе вполне нормальнымъ проявленіемъ индивидуальной свободы.

6-го Декабря, по случаю моихъ именинъ, въ собраніи Братства было произнесено нѣсколько рѣчей тѣми, которые и въ это смутное время, не пугаясь того, что это будетъ недостаточно „либерально“ и „интеллигентно“, осмѣливались высказывать ревность о Братствѣ, любовь и преданность мнѣ, его Блюстителю. Очень замѣчательнъ и характеренъ самый выборъ темъ для этихъ рѣчей, то, что ревнители Братства находили нужнымъ сказать на пользу дѣла. А. Г. Коломейченко защищалъ меня отъ нападокъ и грубаго издѣвательства въ печатныхъ пасквиляхъ. О. Е. Спановскій-Чвертка и А. А. Лютецкій призывали къ честнымъ ко мнѣ отношеніямъ, М. В. Середа — къ благоговѣйному отношенію къ моимъ словамъ, какъ къ словамъ „слуги дѣла Божія“ и „носителя мысли Божіей“.

7-го Декабря Старшина братской семьи учителей, послѣ многократныхъ устныхъ увѣщаній, записалъ, наконецъ, въ общую книгу порицаніе за крайнюю небрежливость, допускаемую въ жизни семьи, несмотря на его многократные совѣты. Нашлись среди

семьи люди, которые его же осудили за это, находя, что онъ, „обобщаетъ единичные факты въ книгѣ, предназначенной для прочтенія Николаемъ Николаевичемъ и къмъ угодно изъ братьевъ“. Это необыкновенно типично какъ проявленіе самодовольной гордости и наивнаго убѣжденія въ неотъемлемомъ правѣ нечестныхъ отношеній къ Братству и ко мнѣ. Дѣйствительно, все является фактами единичными, но вся семья становится отвѣтственной за эти единичные факты, если она ихъ допускаетъ, еще болѣе, если она ихъ оправдываетъ. Положеніе дѣлъ на лонѣ Братства не станетъ лучшимъ отъ этого, что зло, проявляющееся въ немъ, будетъ игнорироваться и замалчиваться подъ предлогомъ, что зло это, проявляясь въ отдѣльныхъ личностяхъ, является фактами единичными. Бороться со зломъ поздно, когда оно является явленіемъ общимъ и уряднымъ.

10-го Декабря прочитаны новыя, грубо враждебныя статьи М. и Я. Нѣкоторые изъ „недовольныхъ“ начинаютъ явно проявлять свое сочувствіе имъ, говоря, что въ Братствѣ дѣйствительно *мало свободы*, что нужна *свобода религиозная*, что частые призывы къ молитвѣ, покаянію и вообще религиозной жизни суть „*посягательство на свободу личности*“.

12-го Декабря, происходило очень замѣчательное братское собраніе, на которомъ еще болѣе разоблачили себя нѣкоторые изъ „недовольныхъ“. Нѣкоторые изъ нихъ, совершенно забывъ, что уставъ Братства не подлежитъ измѣненіямъ по желанію общаго собранія Братства, не постыдились заявить протестъ противъ того, что въ случаѣ закрытія Братства, собственность, пожертвованная на дѣло Братства и его основной капиталъ, становятся личною собственностью полноправныхъ братьевъ. Имъ пришлось разъяснять почему эти средства должны быть отданы въ распоряженіе тѣхъ лицъ, которые доказали свою преданность Братству и заслужили къ себѣ особое довѣріе, тѣхъ, которые употребятъ эти средства на братское дѣло въ иной формѣ, а не тѣхъ, которые этой степени довѣрія еще ничѣмъ не заслужили и могутъ съ наивною самоувѣренностью отнять эти средства у дѣла Братства на пользу себѣ и своей личной семьи. По этому поводу вспомнили сколько самодовольной грѣховности выказало человѣчество въ тѣхъ изъ братьевъ нашихъ, которые, находясь въ Братствѣ, на каждомъ шагѣ выказывали мелкое себялюбіе, полное отсутствіе благороднаго увлеченія идеаломъ, по самымъ мелкимъ причинамъ измѣняли Братству и измѣнивъ ему, становились врагами его.

Марія Николаевна, Ольга Николаевна, М. В. Середа и В. В. Ребенко горячо призывали къ смиренію и покаянію. Съ ними заносчиво спорили и грубо протестовали противъ всего, что они ни говорили. Видя невозможность придти къ соглашенію съ „недовольными“, рѣшили не спорить, а объединиться въ общей молитвѣ. Высоко характерна записъ этого собранія въ одной изъ семейныхъ хроникъ. Сочувствіе „недовольнымъ“ и негодование на тѣхъ немногихъ, которые позволяли себѣ тревожить ихъ совѣсть, сквозить въ каждомъ словѣ этой записи. Самую молитву въ концѣ собранія называютъ нравственнымъ насилиемъ и особенно негодуютъ на покаянный характеръ нѣкоторыхъ изъ молитвъ, какъ на нежеланное „навязываніе покаянія“.

Изъ этого ясно видно, что безъ сильныхъ потрясеній и удаленія изъ Братства его худшихъ элементовъ, оздоровленіе духовной атмосферы Братства въ то время уже было невозможно. И Братство быстрыми шагами пошло къ этой неизбежной развязкѣ.

Даже лучшіе люди не понимали въ достаточной степени положенія вещей. Въмѣсто святаго гнѣва, который одинъ причислялъ по отношенію къ самодовольной гордости и самодовольной измѣнѣ Богу, духу и дѣлу Братства, который одинъ могъ отрезвить, они проповѣдывали кроткую уживчивость и смиренное всепрощеніе. Это только утверждало измѣнившихся Братству по духу въ убѣжденіи, что они такъ чувствовать, мыслить и дѣйствовать на лонѣ Братства имѣютъ право, дѣлало ихъ еще болѣе заносчивыми и грубыми, быстро приближая къ неизбежной развязкѣ измѣны Братству въ жизни.

14-го декабря произошло очень трогательное событіе. Присутствуя со взрослыми на утренней молитвѣ, едва начинавшій говорить малютка Коля, ни къ кому не наученный, громко сказалъ: „Боже, очисти насъ, грѣшныхъ“. Всѣ удивились этому, какъ новинкѣ. Далеко не всѣ поняли, какой трогательный смыслъ это имѣло при данныхъ обстоятельствахъ. У многихъ не то было настроеніе, чтобы голосъ Неба былъ услышанъ.

19-го декабря въ собраніи Братства, Марія Николаевна и Ольга Николаевна, обѣ, съ трогательнымъ смиреніемъ просили простить ихъ за настойчивость, съ какою онѣ 12 числа призывали къ покаянію. Ихъ кроткое великодушіе не только не было оцѣнено, но даже вызвало грубую выходку со стороны одного изъ братьевъ. Семья, къ которой онъ принадлежитъ, признаетъ въ своей хро-

никѣ, что это было нехорошо, „особенно послѣ ихъ покаянія“. И только!

23-го декабря я вернулся изъ Петербурга на короткое время, чтобы провести праздники съ Братствомъ, по которому я соскучился. Такъ мало оно было подъ моею опалю, въ чемъ меня обвиняли впоследствии измѣнившіе Братству. Желая быть въ это короткое время въ возможно большемъ общеніи съ членами Братства, я просилъ ихъ всѣхъ ежедневно приходить ко мнѣ въ домъ на общія чтенія и бесѣды. Никто изъ „недовольныхъ“ ни разу не пришелъ. До такой степени самъ я былъ въ опалѣ у нихъ.

Нѣкоторые изъ учителей уже въ то время рѣшили измѣнить Братству во время предстоящаго моего отсутствія и даже заручились мѣстами на сторонѣ. Все это они дѣлали тайно отъ меня и Братства, продолжали жить между нами и сѣять недовольство, прикрываясь ревностью о благѣ общемъ, утверждая свою преданность Братству и рисуясь въ позахъ поборниковъ его вольностей противъ меня.

Нахожу полезнымъ на память Братству, какъ интересную картину нравовъ современнаго литературнаго міра, рассказать правду объ отношеніяхъ ко мнѣ одного изъ наиболѣе уважаемыхъ и популярныхъ за свое „честное направленіе“, изданій интеллигентнаго, либеральнаго лагеря, вскорѣ послѣ того покончившаго свое существованіе, а нынѣ, возродившагося подъ новою фирмою. Покойный нынѣ В. С. Соловьевъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, написалъ мнѣ, прося оказать денежную поддержку издателю, говоря, что это можетъ быть полезно и для дѣла Братства, котораго еще такъ мало понимаютъ, но которому это изданіе искренно сочувствуетъ. Я далъ 25,000 рублей на самыхъ льготныхъ условіяхъ. Мнѣ было обѣщано возвратить эти деньги черезъ годъ. Прошло три года. Въ прошломъ іюнѣ я извѣстилъ редактора, что долѣе ждать не могу и прошу уплатить по заемному письму, если не всю сумму, то, по крайней мѣрѣ, тысячъ десять. Срокъ уплаты я назначилъ въ декабрѣ. Въ этомъ журналѣ печаталась цѣлая серія моихъ статей; оставалось напечатать одну заключительную статью, безъ которой всѣ предыдущія имѣли характеръ недоговоренной рѣчи. Эту послѣднюю статью редакция, послѣ моего требованія уплаты, хотя бы части, должныхъ мнѣ денегъ, не напечатала и не смотря на мои повторенныя просьбы, не возвратила мнѣ даже въ рукописи. Болѣе того. За мѣсяць до срока уплаты, въ этомъ изданіи появилась первая, враждебная мнѣ и Братству, статья г. М. Редакторъ говорилъ,

что онъ въ отчаяніи, извинился тѣмъ, что статья эта была помѣщена во время его отсутствія, самъ предложилъ въ ближайшемъ номерѣ помѣстить мою отвѣтную статью. Статья эта была дѣйствительно помѣщена, но въ какомъ видѣ! Многое было въ ней выпущено подѣ предлогомъ, что это необходимо для репутаціи и даже безопасности г. М., другое было сознательно искажено; говорю, „сознательно“ и имѣю на то право, такъ какъ искаженія эти, несмотря на двукратное ихъ исправленіе мною въ корректурахъ, каждый разъ возстановлялись редакціей и попали въ статью, извращенія очень удобныя для г. М. Опасность для него же состояла въ томъ, что я отрицалъ его право требовать отъ меня въ дѣлѣ созиданія Братства, толстовской программы и толстовской логики. Редакторъ въ нѣсколькихъ письмахъ, хранящихся у меня, просилъ пожалѣть г. М. и совсѣмъ не говорить о немъ, какъ о толстовцѣ, что будто бы можетъ повести къ самымъ неблагопріятнымъ для него послѣдствіямъ. Хотя это и лишило мою статью значительной доли ясности и убѣдительности, я согласился не дѣлать этимъ зла г. М. Очень интересно, какимъ образомъ, меня за это отблагодарили. За первую статью, послѣ того, какъ въ отвѣтъ на нее я печатно заявилъ, что отвѣчать болѣе не буду, въ этомъ же изданіи появилось еще нѣсколько статей того же г. М., болѣе враждебныхъ, болѣе грубыхъ, болѣе сознательно недобросовѣстныхъ, чѣмъ первая. Чѣмъ, какъ не сознательно недобросовѣстностью можно назвать обвиненіе меня въ корыстныхъ побужденіяхъ, не только не имѣя на то никакого права, никакихъ данныхъ, но, напротивъ, зная, что на дѣло Братства я затратилъ очень большія суммы безъ малѣйшей выгоды матеріальной для себя лично и что самое изданіе, въ которомъ онъ печатался, на время спасъ отъ гибели, ссудивъ значительную сумму денегъ на условіяхъ, не представлявшихъ для меня, опять-таки, никакой выгоды. Самое интересное во всемъ этомъ то, что послѣ нѣсколькихъ враждебныхъ статей, напечатанныхъ г. М. какъ разъ передъ истекавшимъ срокомъ уплаты, редакторъ написалъ мнѣ письмо, въ которомъ выражалъ надежду, что я на этой уплатѣ настаивать не буду въ виду того, что теперь мое требованіе будетъ имѣть характеръ мщенія за враждебныя статьи. Это вывело меня окончательно изъ терпѣнія, и я предъявилъ заемное письмо ко взысканію. Изданіе прекратилось. Кредиторы не получили ни копейки. Редакторъ благополучно продолжаетъ издавать тотъ же органъ печати подѣ другою фирмою. Очень характерно и то, что многіе, зная всю правду, не только не возму-

щаются всѣмъ этимъ, но продолжаютъ поддерживать и съ этимъ издателемъ и съ г. М. самыя дружественныя отношенія! Теперь я могу говорить обо всемъ этомъ нисколько не опасаясь причинить тѣмъ какое-либо зло г. М. Толстовцемъ онъ болѣе не состоитъ, а нравственная подкладка дѣла очень многимъ извѣстна, нисколько не вредя личнымъ къ нему отношеніямъ.

Много скорби въ это тяжелое для Братства время прибавилъ своимъ отношеніемъ къ нему бывший настоятель нашего храма, еще недавно передъ тѣмъ написавшій статью въ защиту Братства, а теперь, подѣ вліяніемъ новыхъ, внѣшнихъ обстоятельствъ, рѣшившійся оставить свое мѣсто и круто измѣнивши свои отношенія къ покидаемому имъ Братству. Подробно говорить объ этихъ обстоятельствахъ я не буду. Они входятъ въ составъ именно той области, о которой я систематически умалчиваю въ моихъ отчетахъ; области, близко знакомой всѣмъ членамъ Братства. Умалчиваю о ней отчасти добровольно, находя, что не всякую наготу полезно раскрывать, отчасти и по причинамъ, отъ меня независимымъ. Скажу только, что многія обстоятельства, о которыхъ я умалчиваю въ своихъ отчетахъ были таковы, что вносили во внутреннюю жизнь Братства такъ много скорби, могли внести такъ много соблазна, шатости и разлада, что я считаю величайшимъ чудомъ милосердія, долготерпѣнія и благодати Божіей, что Братство до сихъ поръ существуетъ, не разрушено, напротивъ, растетъ численно и преобразуется духовно.

Такія исключительно тяжелыя минуты пришлось пережить Думѣ Братства передъ самою встрѣчею новаго года, когда въ полночь, всѣ собрались по обычаю Братства встрѣтить новый годъ молитвою. Съ тяжелою скорбію на сердцѣ пришли члены Думы въ большой залъ женской с.-х. школы на новогоднее молебствіе. Это отразилось и на всѣхъ прочихъ членахъ Братства. Если и не всѣ знали удручающія подробности происшедшаго, всѣмъ оно было извѣстно въ общихъ чертахъ. Одни скорбѣли вмѣстѣ съ Думою, другіе скупали между грустными; только дѣти веселились беззаботно, ничего не подозревая.

Обстоятельства внутренней жизни Братства и внѣшнихъ отношеній къ нему, ухудшаются съ каждымъ днемъ; признаки этого ухудшенія становятся все грознѣе. Люди, которымъ я оказалъ наибольшее довѣріе, бывший управляющій мужскою с.-х. школою и нѣкоторые изъ учителей являются главнымъ соблазномъ для другихъ, характеромъ своихъ отношеній ко мнѣ и жизни Братства.

Они совершенно не участвуют въ религиозной и вообще духовной жизни Братства, все громче и самоувереннѣе высказываютъ мысли и чувства прямо противоположныя самому духу Братства, не признають за собою никакихъ нравственныхъ обязанностей въ дѣлѣ созиданія общей жизни и въ то же время съ злораднымъ недоброжелательствомъ критикуютъ всѣхъ и все. Слишкомъ многіе довели попустительство зла до того, что, не сочувствуя имъ, не препятствовали сѣять зло и даже, наивно считали свободное проявленіе зла за неотъемлемое право свободного проявленія индивидуальности. Тѣ, которые на такую покладистую уживчивость со зломъ были неспособны, считались вмѣстѣ со мною фанатиками Братства, людьми, неспособными „спокойно выслушивать чужія мнѣнія“. Съ нами откровенность не только не считалась обязательною, но даже многими была бы осуждаема. Отъ насъ отмалчивались, насъ избѣгали. Одна изъ хроникъ наивно называетъ такое отношеніе „сдержанностью“. Въ дѣйствительности оно было глубоко лживо и нечестно. Эта лживость и нечестность отношеній дошла до того, что нѣкоторые изъ наиболѣе „недовольныхъ“, не только окончательно рѣшившихъ измѣнить Братству, но и заручившихся мѣстами на сторонѣ, съ поцѣлуями увѣряли меня въ своей неизмѣнности преданности мнѣ и Братству.

Внѣ Братства продолжали появляться статьи все болѣе и болѣе враждебныя и грубыя. Статьи эти печатались какъ въ свѣтскихъ, такъ и въ духовныхъ журналахъ, а протесты друзей Братства, какъ единоличныя такъ и коллективныя, ни въ тѣхъ, ни въ другихъ, подъ разными предлогами, редакціями не принимались и не печатались.

И все это превозмогла сила Божія! Во всей этой немощи сотворилъ силу Господь! Именно для того, чтобы не украсть у Господа Славы Его, мы не имѣемъ права замалчивать немощи, въ которыхъ Онъ творилъ силу Свою. Тѣмъ болѣе не имѣемъ права, что немощи эти, не немощи рѣдкихъ исключеній, особенно дурныхъ членовъ Братства, особенно злыхъ и нечестныхъ враговъ дѣла Братства внѣ его, а самыхъ заурядныхъ, среднихъ представителей современнаго намъ человѣчества, которое себя и проявляло такимъ, какъ оно есть на отношеніяхъ къ Божію дѣлу Братства Трудового. Это настолько правда, что немощи, вызывавшія дурное отношеніе къ Братству внутри и внѣ его, громаднымъ большинствомъ совсѣмъ и за немощи признаны не будутъ, до такой степени они являются нормальнымъ явленіемъ жизни современнаго человѣче-

ства. Въ ихъ глазахъ это просто „естественное“ право отстаивать свою свободу жить безъ Бога и безъ Братства, хотя бы и на лонѣ Братства, почти доблестъ!

9-го января происходило братское собраніе, на которомъ обсуждали обвиненія противъ Братства. Главною цѣлью было показать всю несостоятельность печатныхъ нареканій на Братство и пробудить совѣсть „недовольныхъ“ на лонѣ Братства, во многихъ съ ними солидарныхъ. Доброй воли, честнаго стремленія къ истинѣ не хватило въ измѣнившихъ сердцемъ Братству для того, чтобы эта новая попытка договориться съ ними привела къ желательнымъ результатамъ.

12-го января я выѣхалъ въ Петербургъ.

16-го января началась цѣлая серія измѣнъ „недовольныхъ“, ждавшихъ только моего отъѣзда для того, чтобы уйти изъ Братства.

Первымъ ушелъ О. Я. Н., что могло быть только на пользу Братства, т. к. онъ ни духовною, ни трудовую жизнь Братства жить не хотѣлъ, упорно оставаясь лживымъ и ко всему безучастнымъ.

28-го января въ с. св. Андрея на мѣсто С. О. Черненко старшиною назначенъ Н. И. Ивченко. С. О. Черненко самъ просилъ объ этой перемѣнѣ, желая уступить мѣсто старшины члену Думы, не задолго передъ тѣмъ перешедшему на жительство въ ихъ семью.

За февраль 1900 года хроника семьи св. Андрея совсѣмъ не записана, а хроника семьи св. Николая записана кое-какъ, по памяти, безъ текущихъ записей.

Во весь этотъ мѣсяцъ собраній Братства совсѣмъ не было. Два раза назначались молитвенныя собранія, но умы и сердца многихъ были далеки отъ молитвы и, какъ справедливо говоритъ хроникеръ, „они не пришли на молитву съ сердцемъ сокрушеннымъ и смиреннымъ, потому и не посѣтилъ ихъ Господь благодатію своею“. Болѣе того, они выражали свое негодованіе на Марію Николаевну, зачѣмъ и эти два молитвенныхъ собранія были ею созваны въ то время, какъ они совсѣмъ молиться не желаютъ.

Хроникеръ семьи св. Николая говоритъ: „Жизнь въ нашей семьѣ шла, какъ мнѣ казалось, далеко не такъ, какъ слѣдуетъ“. Жили не дружно, ссорились изъ-за самыхъ пустыхъ причинъ. Духовнаго братства между ними не было. Старшина мраченъ и молчаливъ, во все это терпитъ Святого гнѣва, который могъ бы, какъ гроза, освѣжить духовную атмосферу и заставить семью опомниться

—ни слѣда. Въ то время такое отношеніе къ дѣлу считалось за уваженіе къ личной свободѣ. Въ дѣйствительности не было въ самомъ старшинѣ даже яснаго сознанія преступности на лонѣ Братства такого настроенія семьи. Онъ считалъ его неотъемлемымъ правомъ ихъ индивидуальной свободы. Хроника наивно говоритъ: „такое печальное настроеніе въ нашей семьѣ бываетъ очень часто. Отчего это зависитъ—не знаю“. Эти „миѣ кажется“ и „не знаю“ необыкновенно характерны и краснорѣчивы. Семья позорно на каждомъ шагѣ измѣняетъ духу Братства, хроника не рѣшается сказать больше, какъ „миѣ кажется, что это не хорошо“. Измѣнивъ духу Братства, семья чувствуетъ себя глубоко неудовлетворенною на лонѣ Братства, а старшина семьи болѣетъ укорами совѣсти за семью, но ничего не предпринимаетъ для созиданія жизни. Хроника наивно говоритъ: „отчего происходитъ общая неудовлетворительность—не знаю“. Вотъ до какой степени было много самоувѣренности во злѣ и робости въ добрѣ! Какая знакомая картина для всего современнаго „интеллигентнаго“ человѣчества!

Ядъ разливался по Братству свободно. Духовная чума ходила по Братству, высоко поднимая голову, а незадуманные, не только не проникались святою ревностію за Братство, не только не кричали: „берегитесь, это ядъ и чума“, но даже не смѣли ядъ называть ядомъ и чумою—чумою, и это малодушіе свое считали широкимъ взглядомъ на вещи и симпатичнымъ уваженіемъ къ личной свободѣ.

Передъ моимъ отъѣздомъ, въ январѣ, сестра Марія Николаевна предупредила меня о томъ, что настроеніе многихъ гораздо хуже, чѣмъ я то знаю, говорила, что есть въ Братствѣ люди, которые отвѣчаютъ на любовь мою злобою, громко выражаютъ эту злобу и тѣмъ приучаютъ къ этой злобѣ и другихъ. Миѣ не вѣрилось, думалось, что любовь ко миѣ Маріи Николаевны преувеличиваетъ зло. Такъ какъ люди эти такъ поступали за-глаза, при миѣ, Маріи Николаевнѣ и въ Братскихъ собраніяхъ отмалчиваясь, какъ они впоследствии выражались, „молчаливо протестуя“, а наединѣ увѣряя меня въ своей неизмѣнной преданности ко миѣ и дѣлу Братства, я думалъ, что до Маріи Николаевны доходятъ преувеличенные слухи и что сама Марія Николаевна преувеличиваетъ, видя, что меня не любятъ и не цѣнятъ настолько, насколько она того желаетъ, сообразно своей любви и своему уваженію ко миѣ.

Теперь это оказалось ужасною правдою. Много горя пришлось вынести Маріи Николаевнѣ, какъ Намѣстницѣ Братства, и всѣмъ

вѣрнымъ любовію Братству и миѣ, видя, какъ зло растетъ въ нахальствѣ и самодовольствѣ, чувствуя позорную шатость всего Братства. Въ дѣйствительности дѣло могло быть исправлено только однимъ: зло должно было проявить себя во всей своей силѣ, во всемъ своемъ безобразіи, чтобы стать наконецъ для всѣхъ очевиднымъ, чтобы худшіе, самые зловредные элементы отпали отъ Братства, а прочіе опомнились, покаяться, смирили себя до благоговѣйнаго отношенія къ Богу и Братству и тогда испытали на себѣ силу Божию, очищающую, возвышающую, преображающую. „Тутъ терпѣніе вѣрныхъ“. Имъ предстояло пережить „великую скорбь“, съ терпѣніемъ, великодушіемъ, кротостію, смиреніемъ и любовью, чтобы ради этого остатка вѣрныхъ, совершилъ Господь великія чудеса и въ безмѣрной немощи нашей показалъ безмѣрную силу Свою.

4 февраля отмѣчено въ хроникѣ семьи св. Іоанна, что отъ меня Братство получило письмо, которое „порадовало и ободрило“. Одинъ изъ членовъ этой же семьи отвѣсился несправедливо грубо къ постороннему члену. Семья долго уговариваетъ его извиниться и не можетъ уговорить его. Очевидно и тутъ этотъ братъ самоувѣренно отстаиваетъ свое мнимое право „индивидуальной свободы“, а семья не вполне увѣрена въ своемъ несомнѣнномъ правѣ потребовать отъ него честнаго исполненія братскихъ обязанностей.

А. А. Лютецкій, желая чѣмъ нибудь оживить общую жизнь, принявшую столь мрачный колоритъ, предлагаетъ разучить и сыграть пьесу, написанную однимъ изъ членовъ Братства. Учителя отказываются ее играть подъ предлогомъ, что она „слишкомъ слабо написана“. Пьесу А. А. Лютецкій ставитъ при помощи членовъ семьи св. Андрея. И это, какъ и все въ это грустное время, ведетъ къ расногласіямъ и неудовольствіямъ.

13 февраля Марія Николаевна въ собраніи Братства указываетъ на зло, которое причиняютъ Братству особенно выдѣляя своимъ вниманіемъ худшихъ по настроенію сестеръ, чѣмъ утверждаютъ ихъ въ самоувѣренности и мѣшаютъ опомниться.

14 февраля пріѣхалъ изъ Новгорода А. М. Кукаринъ съ сыномъ Павлушей, желая помѣстить его въ нашу школу. Пробывъ до 16 числа, главнымъ образомъ въ обществѣ учителей, онъ не рѣшился оставить своего сына по причинамъ, вполне понятнымъ для истинно братски настроеннаго члену.

Пониманія истиннаго положенія вещей такъ мало, что даже лучшіе люди измышляютъ самыя странныя средства для улучшенія

обстоятельствъ братской жизни, вродѣ переселенія въ Сибирь, что уже совершенно напоминаетъ „квартетъ“ Крылова. Не покаяться, а переимѣнить мѣсто и люди, чуждые духа Братства, не умѣя созидать его тутъ, прекрасно устроить его въ Сибири, подальше отъ носителей идеи и духа Братства.

21 февраля одна изъ самыхъ легкомысленныхъ сестеръ Х. Б. заявила о своемъ желаніи уйти изъ Братства подъ предлогомъ, что она въ Братствѣ „не находитъ нравственнаго удовлетворенія и осуждена пожизненно на безотрадную работу“. Она даже не прощается ни съ семьей, въ которой жила, ни съ Намѣстницей Братства. Съ этой минуты нѣкоторые братья, относившіеся къ ней совершенно равнодушно, начинаютъ интересоваться ею, вступаютъ съ нею въ переписку и возмущаются, не ея отношеніемъ къ Братству, а тѣмъ, что ей не дѣлали сочувственныхъ овацій при ея отъѣздѣ!

По поводу одного постановленія Думы, не понравившагося В. Н. Л., онъ прямо заявляетъ, что не будетъ ему подчиняться, на замѣчаніе старшины отвѣчаетъ, что „остается при своемъ мнѣніи“, а семья „ему не возражаетъ, такъ какъ знаетъ, что онъ будетъ стоять на своемъ и выйдетъ только непріятный споръ“ (хроника). Въ это время посторонніе люди въ Янполѣ и Глуховѣ уже знаютъ, что и онъ и нѣкоторые другіе рѣшили измѣнить Братству и подыскиваютъ себѣ мѣста, а въ Братствѣ наивно „этому не вѣрятъ“, считая, что можно быть, измѣнивъ духу Братства, вѣрнымъ ему въ чемъ то другомъ.

Въ мартѣ хроника семьи св. Николая опять пишется кое-какъ, по памяти, такъ какъ записать ее долженъ былъ Р. Е. Л., измѣнилъ Братству въ Апрѣлѣ и, по обыкновенію всѣхъ уходящихъ, даже и не подозревалъ нравственной обязанности, уходя, исполнить должное, въ чемъ, въ то грустное время, вполне соглашались съ ними и остающіеся, не предъявляя имъ никакихъ требованій въ этомъ направленіи.

Намѣстница Братства во все это время не падаетъ духомъ и продолжаетъ смиренно и терпѣливо дѣлать свое дѣло. Ежедневно у нея собираются говѣющія сестры на общія чтенія, молитвы и бесѣды.

5 марта въ Петербургѣ, послѣ очень милостиваго пріема у Ея Императорскаго Высочества Принцессы Евгеніи Максимиліановны Ольденбургской, поразившей меня рѣдкимъ сочетаніемъ свѣтлаго ума и глубокой сердечности, я имѣлъ счастье удостоиться продолжительной аудіенціи у Ея Величества Государыни Императрицы Але-

ксандры Теодоровны, аудіенціи, оставившей по себѣ неизгладимое впечатлѣніе вдумчивымъ отношеніемъ къ обстоятельствамъ русской жизни и любовью къ русскому народу, проявленнымъ молодою Императрицей. Невольно вспомнились слова покойнаго Великаго Герцога Карла-Александра Саксенъ-Веймарскаго, сказавшаго мнѣ: „когда у васъ узнаютъ и поймутъ молодую Императрицу, убѣдятся, что она—настоящее благословеніе для вашего отечества и русскаго народа“.

Между тѣмъ грустныя событія все учащались и быстро приближались Братство къ роковой развязкѣ. Вотъ когда всѣ вѣрные Братству испытали жизненную правду словъ ап. Павла, о необходимости „ходить вѣрою, а не видѣніемъ“.

10 марта В. Н. Л. объявилъ о своей рѣшимости измѣнить Братству и не постыдился, уходя, бросить въ него камень, письменно заявивъ Думѣ, что уходитъ изъ Братства потому, „что Братство не имѣетъ опредѣленнаго экономическаго положенія въ будущемъ, что молодые годы тратятся на созиданіе какой то фикціи, что онъ не сочувствуетъ тому, какъ въ Братствѣ будетъ воспитанъ его ребенокъ, не сочувствуетъ и тому, что въ Братствѣ слишкомъ великъ авторитетъ Николая Николаевича“!

Очень характерно, что всѣ эти мотивы подробно выписаны въ хроникѣ И. О. К. (съ тѣхъ поръ тоже измѣнившаго Братству) безъ малѣйшихъ на нихъ коментарій. Изъ хроники совсѣмъ не видно отношеніе къ этому факту хроникера и всей братской семьи. Въ то время это называлось „безпристрастіемъ“! Вообще изъ хроникъ совсѣмъ не видно, какъ относились члены братскихъ семей къ многочисленнымъ фактамъ жизни Братства за этотъ мѣсяцъ. Обстоятельство тоже высоко характерное.

12 марта получено письмо отъ И. С. Н. изъ Петербурга, гдѣ онъ отбывалъ воинскую повинность. И онъ именно это время избралъ для измѣны Братству и объявляетъ ему о томъ.

13 числа объявлено рѣшеніе Думы объ исключеніи двухъ членовъ Братства П. И. С. и И. Е. Т. Оба своимъ грубо недоброжелательнымъ отношеніемъ ко всѣмъ рѣшеніямъ и постановленіямъ Думы сѣяли смуту и неудовольствіе въ Братствѣ, а послѣднее время стали сознательно нарушать братскія правила и громко выражать свое намѣреніе такъ поступать и на будущее время.

15 марта произошелъ на Рождественскомъ хуторѣ пожаръ, истребившій скотный дворъ, при чемъ погибло много сѣна, сельско-хозяйственныхъ машинъ и скота.

19 марта въ Братскомъ собраніи объявлено объ измѣнѣ Брат-

ству управляющего Воздвиженскою с.-х. школою Т. П. М. Очень характерно, что вѣроятно во имя все той же индивидуальной свободы не усумнились въ возможности отпустить безъ моего вѣдома не только учителя В. Н. Л., но даже и управляющего школою, молчаливо признавая за ними право уйти безъ вѣдома Попечителя школы, во время его отсутствія, рядомъ съ этимъ нимало не возмущаясь заявленіями о моемъ „чрезмѣрномъ вліяніи“. Въ этомъ же собраніи Дума предложила всѣмъ недовольнымъ высказаться устно или письменно, такимъ образомъ дать Думѣ возможность съ ними договориться, послѣ чего они сознательно и рѣшатъ вопросъ, оставаться ли въ Братствѣ для дружнаго созиданія Братства подѣ руководствомъ Думы или уйти изъ него.

Въ Братствѣ господствуетъ взглядъ, что измѣну не надо называть измѣною и что уходящимъ не надо чѣмъ-либо выражать не-сочувствіе даже и тогда, когда они уходятъ при исключительно возмутительныхъ обстоятельствахъ. Считали, что все это—необходимая гарантія ихъ индивидуальной свободы; въ отвѣтъ на грубо недоброжелательное, а иногда и явно нечестное отношеніе къ Братству, продолжали относиться къ виновнымъ вполне благодушно, пожимая имъ руки и ни мало не стѣсняясь продолжать съ ними вполне дружественныя отношенія. Неудивительно, что по всей округѣ стали распространяться слухи объ окончательномъ распаденіи Братства и никто не вѣрилъ въ возможность его дальнѣйшаго существованія при такой степени отсутствія самосознанія и самоуваженія.

22 марта заявляетъ о своемъ желаніи измѣнить Братству чело-вѣкъ, которому Братство дало возможность получить специальную подготовку для занятія отвѣтственной должности въ немъ. Даже равнодушные, даже враждебные Братству люди возмущаются самоу-вѣренностью, съ какою хотятъ воспользоваться на пользу себя знаніями, приобрѣтенными благодаря Братству, въ видѣ подготовленія на служеніе ему. На другой же день этотъ братъ, очевидно находившійся подѣ вліяніемъ общаго настроенія, къ чести своей, одумался. Онъ объяснялъ впослѣдствіи, что не могъ помириться съ мыслию, что онъ продаетъ Братство за то значительное жалованье, которое ему предлагаютъ. Это отрадный лучъ свѣта, отрадное проявленіе духовнаго благородства въ нравственной тѣмѣ этой позорной эпохи общаго малодушія въ добрѣ и самодовольства во злѣ. Нашлись на лонѣ Братства люди, которые его за то осудили! И это осужденіе было безъ стыда громко выражено!

25 марта состоялась бесѣда А. А. Лютецкаго. Въ ней онъ доказывалъ, что всѣ затрудненія внутренней жизни Братства зависятъ отъ злой воли тѣхъ, которые сами создаютъ вымышленныя причины недовольства, сами тяготятся ими и другихъ заражаютъ своимъ недовольствомъ. Въ это время, когда всѣ были заняты строгимъ осужденіемъ меня и Думы и опьяняли другъ друга недовольствомъ нами, сказать недовольнымъ, что они „тяготятся положеніемъ ими самими созданнымъ“, было настоящимъ геройствомъ, гражданскою доблестью, заслуживающею благодарной памяти Братства.

26 марта онъ же прочелъ въ собраніи Братства докладъ о желательномъ матеріальномъ устройствѣ Братства. Его предложенія были довольно близки къ предложеніямъ А. И. Фурсей: выкупъ земли и жизнь по средствамъ. Оба они упускали изъ виду необходимость большого центрального Братства съ воспитательными заведеніями и говорили такъ, будто Братству неизвѣстенъ совершенно опредѣленный проектъ обезпеченія его въ тѣсной зависимости отъ его духовнаго состоянія, когда мнѣ будетъ предоставлена возможность, по совѣсти, передъ Богомъ вручить ему матеріальныя средства, съ увѣренностію, что они будутъ употреблены на служеніе дѣлу Божію, а не украдены у Бога и дѣла Его на цѣли личнаго или семейнаго эгоизма. Все это логично вытекаетъ изъ самой сути дѣла Братства и никогда не было подвержено никакимъ сомнѣніямъ и колебаніямъ, несмотря на вынуждавшіяся обстоятельства измѣненія буквы путей, ведущихъ къ той же цѣли. Такимъ образомъ они, совершенно того не желая, какъ бы извиняли тѣхъ, которые извиняли свое недовѣріе ко мнѣ мнимымъ непониманіемъ моей экономической программы, несмотря на то, что эта программа не составляла тайны и много разъ была мною выясняема публично, при всемъ Братствѣ.

Апрѣльскія хроники отмѣчаютъ, что мое возвращеніе ожидаютъ „съ тревогою“. Для всѣхъ было ясно, что такое положеніе вещей долѣе продолжаться не можетъ. Многіе чувствовали себя духовно измѣнившими Братству въ большей или меньшей степени. Иные сознавали себя достойными исключенія изъ него. И вотъ сыплются на Думу обвиненія въ томъ, что она поддерживаетъ тревогу, слишкомъ часто собираясь на засѣданія, хотя во все это смутное время она проявила такое долготерпѣніе, что удалила изъ Братства только двухъ братьевъ, когда заслуживали этого очень многіе. Въ ослѣпленіи гордости перестали понимать самыя простыя вещи. Всѣ понятія извратились. Дѣйствуя, какъ заговорщики и сѣя недовольство про-

тивъ Думы, обвиняють Думу за то, что она смѣетъ часто собираться безъ ихъ на то разрѣшенія! Думу обвиняють въ заговорахъ и членовъ Думы обвиняють въ поддержаніи тревоги за то, что они исполняютъ свои обязанности, не разглашая по всему Братству то, что въ Думѣ говорится! И это въ то время, когда Дума должна была бы не расходиться, пока не исключить всѣхъ неисправимыхъ зазнавшихся себялюбцевъ, совершенно избалованныхъ братскою атмосферою, которой ни въ какомъ смыслѣ не были достойны!

Какой во всемъ этомъ урокъ для человѣчества, мечтающаго о свободѣ и братствѣ, не желая самоограниченія дисциплины любви! Они дойдутъ до такой разнузданности, что за любовь возненавидятъ, на уваженіе отвѣтятъ презрѣніемъ и, отрицая свободу добра, потребуютъ неограниченной свободы зла! Вотъ опытъ, пережитой въ насъ человѣчествомъ на первыхъ шагахъ осуществленія въ жизни тѣхъ братскихъ началъ, о которыхъ въ теоріи такъ краснорѣчиво и прочувствованно, гордятся возвышенностью своихъ идеаловъ, мыслей и чувствъ, говорятъ и пишутъ многіе, на дѣлѣ готовые принести всѣ эти идеалы въ жертву Молоху своей индивидуальной свободы, свободѣ зла, когда воля зла, что такъ часто бываетъ въ грѣшномъ и грѣхлюбивомъ человѣчествѣ.

Вотъ что говоритъ хроника семьи учителей, записанная А. И. Ивченко, о тогдашнемъ настроеніи: „передъ отъѣздомъ Николай Николаевичъ сказалъ намъ, что онъ вынужденъ будетъ удалить отъ школы того изъ насъ, который не докажетъ ему доброй воли жить и дѣйствовать на пользу Братства... Зиму мы прожили въ какомъ то странномъ ожиданіи, что-то будетъ весною? совсѣмъ не заботясь доказать Николаю Николаевичу, что откликнулись на его призывъ. Въ Янполѣ и вообще въ окрестностяхъ настойчиво говорятъ, что скоро уйдутъ изъ Братства оба Ѳ. и Л.... Многіе открыто и грубо начали критиковать каждый шагъ Братской Думы и основателей Братства, проповѣдуя принципы, явно противорѣчащіе духу Братства... Болѣе всѣхъ (по выходѣ изъ Братства Т. П. М. и В. Н. Л.) выражалъ недовольство Р. Е. Л. Онъ производилъ впечатлѣніе человека, который уже рѣшилъ уйти изъ Братства, но хочетъ прежде добиться того, чтобы его не осуждали за это, разыграть роль „страдавшаго за убѣжденіе“. Онъ проповѣдывалъ, что осуждать выходящихъ нельзя, что, напротивъ, имъ надо всячески облегчать выходъ и надѣлять ихъ 25 десятинами земли (вѣроятно въ награду за измѣну); проповѣдывалъ, что Братская Дума должна подчиняться

рѣшеніямъ большинства общаго собранія, а Николай Николаевичъ долженъ перестать быть „подавляющимъ авторитетомъ“.

И страшно и грустно за человѣчество, когда подумаешь, что подобные люди, уже рѣшившіе измѣнить Братству, могли наивно считаться многими за честныхъ выразителей общественнаго мнѣнія того же Братства, смѣли дерзко говорить отъ имени Братства, какъ бы защищая его интересы отъ Думы. И все это признавалось многими за похвальную „независимость мнѣній“, за свободу слова, а ихъ громкое исповѣданіе отреченія отъ Бога, Христа и Братства— „широкимъ взглядомъ на вещи“ и проявленіемъ интеллигентности.

2 апрѣля я вернулся изъ кратковременной поѣздки за границу. Хроника отмѣчаетъ, что многіе были удивлены, видя меня „бодрымъ и даже помолодѣвшимъ“. Очевидно, сообразно своему настроенію, рисовали себѣ меня инымъ. Одни, по слѣпой гордости воображали, что они и имъ подобны— „столпы Братства“, что Братство рушится съ ихъ выходомъ изъ него и что я долженъ быть совершенно подавленъ опасеніями ихъ выхода изъ Братства, другіе наивно думали, что я долженъ буду капитулировать передъ желаніями большинства, требовавшего, чтобы дѣло Братства было не дѣломъ Божиимъ, къ которому всѣ мы должны себя прилагивать, настойчиво и неуклонно возвышаясь до него, а дѣломъ нашимъ, человѣческимъ, которое само должно прилагиваться къ нашимъ вкусамъ и удобствамъ, принимаясь такимъ образомъ до насъ.

Въ тотъ же вечеръ я разсказалъ объ ободряющемъ вліяніи, оказанномъ на меня милостивымъ пріемомъ у Государыни Императрицы и горячимъ сочувствіемъ, выражаемомъ дѣлу Братства во Франціи такими живыми вѣрою христіанами, каковъ маркизъ де-С.-Ивъ-д'Альвейдра. Объ ушедшихъ Т. П. М. и В. Н. Л. я сказалъ, что очень жалѣю о томъ, что не удалось, несмотря на многолѣтнее стараніе, пріобрѣсти ихъ для Братства, но не жалѣю объ ихъ выходѣ изъ него при томъ настроеніи, которое такъ ярко проявлялось. Многіе годы мы терпѣли ихъ вредное для Братства отношеніе къ дѣлу, все надѣясь, что они опомнятся и раскаются. Мнѣ лично очень больно и за нихъ и за себя. Для Братства, для дѣла Братства лучше, что они ушли. Своимъ уходомъ они доказали, что твердо рѣшили не раскаяться, не переѣнаться; при этомъ условіи они могли только тормозить дѣло Братства своимъ дурнымъ вліяніемъ. Кого мнѣ безконечно жаль—это бѣдныхъ малютокъ, крестниковъ моихъ, которыхъ родители такъ жестоко унесли изъ тихой пристани Братства.

На слѣдующій день сестра Марія Николаевна и О. Е. Четверка рассказали мнѣ всю скорбную правду относительно духовной измѣны Братства нѣкоторыхъ и малодушнаго отношенія ко злу большинства. Это сильно удручило меня; я не думалъ, что, живя на лонѣ Братства, такъ многіе могли поддаться злу въ такой степени, особенно не думалъ, чтобы большинство могло проявить по отношенію къ этому злу столько малодушія. Впослѣдствіи оказалось, что я и тогда еще не понималъ всю глубину зла, не понималъ еще, что имѣю дѣло не съ преступнымъ легкомысліемъ, а со злою волею, что не только самодовольны въ разномысліи со мною, но, что на мою любовь отвѣчаютъ злобою, что и съ этимъ многіе мирятся, считая, что и это неотъемлемое право индивидуальной свободы. Но и того, что я понималъ было слишкомъ достаточно, чтобы сильно удручить меня. Въ опасности были многіе, изъ которыхъ каждый былъ мнѣ дорогъ. Никогда мысль о томъ, что въ угоду большинству или даже и всѣмъ, кого я люблю на землѣ, я или Дума Братства могли бы пожертвовать дѣломъ Братства, его идеаломъ, измѣнить Богу Живому, Хозяину міра, ради крамольныхъ созданій Его, не приходила мнѣ въ голову; никогда не могло бы помириться съ этою мыслию сердце мое. Тѣмъ болѣе страшила меня опасность утратить многихъ для дѣла Братства, разойтись съ ними навѣки. Мнѣ говорили, что особенно вредное вліяніе оказываютъ на Братство оба поэта Р. Е. Л. и В. К. О., сборники стихотвореній которыхъ еще недавно были изданы Братствомъ, что необходимо ихъ удалить, чтобы спасти многихъ. Я не хотѣлъ и слышать объ этомъ, какъ изъ личной любви къ нимъ, такъ и потому, что не могъ помириться съ мыслию объ окончательной измѣнѣ Братству тѣхъ, кто еще такъ недавно воспѣвалъ въ стихахъ правду и радость этого самого Братства. Это казалось мнѣ до того безобразнымъ и чудовишнымъ, что я не хотѣлъ допустить возможность такого позорнаго факта. Съ обоими я поговорилъ, прямо спросилъ ихъ, правда ли, что они собираются измѣнить Братству, что я не могу допустить, чтобы въ нихъ человечество было на то способно, высказалъ имъ, какимъ страшнымъ соблазномъ это было бы, какое громадное зло они причинили бы тѣмъ Братству теперь, когда въ литературѣ поднялась ожесточенная компанія противъ него. Оба въ отвѣтъ на это цѣловали меня и увѣряли въ своей неизмѣнной вѣрности и любви къ Братству и ко мнѣ. Въ дѣйствительности они уже рѣшились на измѣну и приготовились къ ней, о чемъ знали уже многіе внѣ Братства, чему не вѣрили только наивные ревнители спасенія Братства отъ меня

и Думы, продолжая считать ихъ отважными выразителями „свободныхъ мнѣній“, вполне твердыми въ своей преданности Братству! Неудивительно, что подобные люди, измѣнивъ Братству и всѣхъ судя по себѣ, разносятъ потомъ слухи о неискренности отношеній на лонѣ Братства, забывая прибавить, что неискренними были именно они сами, измѣнившіе Братству.

Приближалось время, назначенное для чтенія въ общемъ собраніи Братства записокъ „недовольныхъ“. Нѣкоторые доброжелательные ко мнѣ и Думѣ люди предупреждали меня, что эти письменныя мнѣнія таковы по тону и содержанию, что чтеніе ихъ въ общемъ собраніи Братства будетъ возмутительнымъ скандаломъ, совѣтовали ограничиться чтеніемъ ихъ въ Думѣ. Не только я не могъ на это согласиться, но именно на впечатлѣніе, которое произведетъ чтеніе ихъ въ полномъ собраніи Братства, я и возлагалъ наибольшія надежды. Продолжая думать, что имѣю дѣло съ преступнымъ легкомысліемъ, я радовался тому, что люди, смущавшіе Братство, рѣшились громко высказаться передъ всѣми. Чѣмъ откровеннѣе по мыслямъ и чувствамъ, чѣмъ грубѣе по тону будутъ эти заявленія, тѣмъ лучше, тѣмъ болѣе возмутятъ они, какъ грубое незаслуженное оскорбленіе, наносимое мнѣ и Думѣ. Я желалъ принять ударъ въ лицо въ полномъ собраніи Братства, надѣясь, что это публичное оскорбленіе возмутитъ самыхъ легкомысленныхъ, что они опомнятся, проявятъ свое негодованіе и что именно сила этого общаго негодованія отрезвитъ даже и наиболѣе виновныхъ, что и они поймутъ наконецъ, что то, что казалось имъ доблестнымъ проявленіемъ самостоятельности и свободы, на самомъ дѣлѣ только жестокое и позорное оплеваніе и заушеніе любви. Для того, чтобы сохранить всѣхъ для Братства, даже и самыхъ виновныхъ, необходимо было сильное потрясеніе. Я не сомнѣвался, еще не смѣлъ сомнѣваться изъ уваженія къ человечеству, что такимъ потрясеніемъ будетъ публичное оскорбленіе, нанесенное мнѣ и Думѣ и потому непременно желалъ подставить щеку и получить этотъ ударъ въ лицо въ полномъ собраніи Братства.

Р. Е. Л. выразилъ желаніе прочесть мнѣ свое заявленіе и узнать мое мнѣніе о немъ, какъ по содержанию, такъ и по формѣ. Выслушавъ это заявленіе, я сказалъ ему, что несмотря на полное его разногласіе со мною по многимъ важнымъ вопросамъ, я очень дорожу тѣмъ, чтобы все, что до сихъ поръ говорилось за глаза было высказано прямо и мнѣ и Думѣ, а потому прошу его ничего не измѣнять въ своемъ заявленіи, если оно вѣрно выражаетъ его

взгляды и чувства, раздѣляемые, какъ онъ говоритъ, многими. Очень характерно для подобныхъ ему личностей, что въ то же время онъ держалъ за пазухой другое заявленіе, анонимное, переписанное И. А. С., которое и было прочитано первымъ на собраніи.

Была страстная седмица, мы говѣли, все казалось способствовало тому, чтобы всѣ проникнулись чувствомъ смиренія и покаянія. Именно въ это время, одни дописывали, другіе переписывали тѣ, изумительныя по гордости и жестокости заявленія, которыя должны были быть прочитаны на пасхѣ. Для тѣхъ, кто знаетъ, какъ трогательны не только внѣшняя обстановка, но и настроеніе многихъ въ нашемъ Братствѣ на собраніяхъ этой недѣли, при глубокой проникновенности великопостныхъ богослуженій, тому особенно поразительнымъ покажется это яркое доказательство абсолютной свободы духа человѣческаго, его совершенной независимости отъ окружающей обстановки, когда эта обстановка чужда его настроенію. Нужна громадная сила противленія, чтобы остаться холоднымъ и враждебнымъ среди всѣмъ намъ знакомой и дорогой духовной атмосферы говѣнія въ Братствѣ на страстной недѣлѣ. Нужна большая степень злобы, чтобы не отвѣтить въ эти дни любовью на любовь, не смириться передъ Крестомъ Спасителя міра, не допустить въ сердце свое умиленія, готовясь приступить къ таинству причащенія, соприкасясь ежеминутно съ братьями и сестрами, умилившимися въ эти дни до искренняго смиренія. И мы испытали, что и эта сила противленія возможна. Когда сердце полно вражды къ людямъ и жизненной обстановкѣ, которымъ измѣнить рѣшили, сердце крѣпко замкнуто для добрыхъ впечатлѣній и добрыхъ вліяній. Болѣе того, неумолимая логика зла заставляетъ всѣхъ, судя по себѣ, относиться клеветнически ко всему окружающему, видѣть неискренность и притворство во всемъ, что, признавъ искреннимъ, нельзя не полюбить до покаянія и признанія за собою нравственной обязанности измѣниться, „сотворить плоды достойные покаянія“.

О, если бы и этимъ тяжелымъ опытомъ нашимъ воспользовались во благо, понимая, что въ насъ опытъ этотъ еще разъ и особенно ярко пережить человечествомъ. Какъ много золъ можно было бы набѣгнуть! Перестали бы увлекаться нелѣпою и вредною басней о непреоборимости обстоятельствъ и о томъ, что человѣкъ будто бы невмѣняемое порожденіе среды и этихъ всемогущихъ обстоятельствъ и потому долженъ плыть по теченію, не мечтая о „несбыточной утопіи“ созиданія жизни. Эта басня, попадающая въ тонъ всѣмъ жаждающимъ безотвѣтственности злой воли, приводитъ

ихъ къ самовнушенію, крѣпко страхующему ихъ отъ всякихъ добрыхъ вліяній. Какъ полезно было бы человечеству крѣпко подумать о томъ, почему оно одновременно такъ невмѣняемо по отношенію ко злу и такъ сильно въ духѣ противленія по отношенію къ добру! Можетъ быть это помогло бы ему повѣрить въ правду Откровенія, объясняющаго это грѣховностію и грѣхолюбіемъ „народа жестоковѣрнаго съ мѣднымъ лбомъ и сердцемъ необрѣзаннымъ“ (теперь надо сказать: некрещенымъ). Этотъ же опытъ научилъ бы ревнующихъ не по разуму понимать, что факты внѣшней обстановки, даже и тогда, когда они соотвѣтствуютъ правдѣ настроенія многихъ, ничто, не существуютъ для всѣхъ тѣхъ, у которыхъ настроеніе несоотвѣтствующее; научило бы ихъ понимать истину словъ ап. Павла: „Буква мертвитъ, а духъ животворитъ“, въ гораздо большей степени, чѣмъ они теперь ее понимаютъ. Они перестали бы наивно полагаться на силу всякой буквы, научились бы болѣе заботиться о добрыхъ и менѣе навязываться со своими „благодѣяніями“ злымъ, научились бы понимать правду и жизненную мудрость обособленія добрыхъ отъ злыхъ, вмѣсто духовной проституціи чудовишнаго смѣшенія добра и зла, бесплодно скорбнаго для добра и приводящаго только къ вѣщему ожесточенію духовъ противленія, злобы, клеветы и обольщенія! Но что образумить тѣхъ, кого ничему не научилъ даже и великій историческій опытъ отношенія человечества къ Самому „Свѣту отъ Свѣта небеснаго“, опытъ духовной самостоятельности, не поддавшейся Его святому вліянію, великій историческій опытъ логическихъ послѣдствій несоблюденія духовной обособленности, приказанной народу избранному въ вѣхомъ завітѣ и установленной апостолами въ братскихъ общинахъ церкви, полной благодати первой любви!

Наступила и страстная пятница. По обыкновенію мы собрались въ большой залѣ женской школы для общаго прощанія передъ таинствомъ исповѣди. Содержаніе того, что было мною сказано передъ прощаніемъ, въ одной изъ хроникъ записано такъ: „Честно мы приступимъ къ таинству покаянія только въ томъ случаѣ, если искренно сознаемъ всю грѣховность своей жизни, всю низость мыслей и чувствъ, которые дѣлали нашу жизнь грѣховною, если ничѣмъ не будемъ извинять себя и ни на кого не взовемъ отвѣтственности за то, что мы дурны, а смиренно припадемъ ко Христу, прося прощенія и очищенія, прося благодатныхъ силъ на новую жизнь. Только очистивъ душу искреннимъ покаяніемъ, мы можемъ приступить честно и къ таинству причащенія, съ горячей, дѣтской

вѣрой, не мудрствуя лукаво, принять въ себя Христа, соединиться съ Нимъ и жить Его волею и Его силами“.

Реально сознавая себя живымъ членомъ живого организма Братства, я всегда чувствовалъ грѣхи Братства, какъ свой личный грѣхъ. Будучи неизмѣнно вѣрнымъ дѣлу Братства и мыслию и сердцемъ (что можетъ быть и составляетъ единственное мое достоинство и привело къ тому, что Господь, въ безмѣрной немощи моей благоволилъ творить силу Свою), я всегда чувствовалъ себя измѣняющимъ въ измѣняющихъ, что было однимъ изъ наибольшихъ страданій земной жизни моей. Такъ и теперь, я искренно каюсь не только за себя, но и за Братство во всемъ томъ злѣ, какой-зналъ о немъ и съ горячими слезами покаянія передъ Богомъ, совершилъ обычный земной поклонъ передъ Братствомъ. Больно сжалось сердце, болѣе того, холодный ужасъ наполнилъ его, когда, въ отвѣтъ на мои покаянные слезы, я ясно почувствовалъ, давая братскій поцѣлуй, холодное равнодушіе многихъ, и еще худшія чувства нѣкоторыхъ. Съ этой минуты я понялъ, что зло еще больше, чѣмъ я думалъ и что не всѣ могутъ быть спасены для Братства. Впослѣдствіи я узналъ, что нашелся между братьями человекъ, который, вернувшись съ этого собранія, отвѣтилъ на вопросъ о томъ, что въ немъ происходило, очень характерными словами: „ничего новаго, все старое, давно надоѣвшее!“

Въ хроникѣ семьи св. Іоанна отмѣчается, что во всю эту недѣлю (страстную) нѣкоторые братья спорятъ ежедневно по вопросу о матеріальной обезпеченности Братства и отдѣльныхъ лицъ, живущихъ въ немъ, „вопросы эти ихъ особенно волновали и споръ часто принималъ острый характеръ“.

9-го апрѣля праздновался первый день св. Пасхи. Ночью, по обыкновенію, всѣ похристосовались въ церквѣ. Днемъ ходили другъ къ другу по общежитіямъ, поздравляя съ праздникомъ. Послѣ обычной пасхальной вечерни собрались въ женскую школу. Это собраніе я выбралъ для того, чтобы рассказать Братству о своемъ свиданіи съ о. Іоанномъ Кронштадскимъ. Факты этого достопамятнаго свиданія считаю полезнымъ записать на память Братству и въ этомъ отчетѣ.

Многіе изъ друзей нашего Братства очень возмущались нападками на Братство, невѣрною окраскою фактовъ и даже прямыми измышленіями, которыми были полны недоброжелательныя статьи все чаще и чаще печатавшіеся въ журналахъ и газетахъ двухъ, противоположныхъ другъ другу, крайнихъ направленій, при чемъ

всѣ возраженія друзей нашихъ, какъ коллективныя, такъ и единоличныя, систематично возвращались редакціями ненапечатанными. Одинъ изъ самыхъ убѣжденныхъ и горячихъ друзей Братства нашего И. И. Барановскій, не посовѣтовавшись со мною и Думою Братства, обратился къ о. Іоанну Кронштадскому съ просьбою вступить за Братство и написать статью въ защиту его. Его извѣстили, что о. Іоаннъ охотно это сдѣлаетъ и предлагаетъ съ этою цѣлью прислать ему статьи, написанныя противъ Братства. И. И. Барановскій послалъ ему ихъ и только послѣ того сказалъ мнѣ о томъ, что сдѣлалъ.

По моему убѣжденію въ этомъ случаѣ ставили въ неловкое положеніе одновременно и о. Іоанна и Братство. Съ одной стороны злоупотребляютъ добротой уважаемаго пастыря, котораго вызываютъ на защиту Братства, ему лично совсѣмъ незнакомаго. Съ другой стороны самое Братство имѣетъ видъ, точно хочетъ спрятаться отъ нападокъ на него подъ защиту авторитетнаго, всѣми уважаемаго имени. Находя, что достоинство Братства требуетъ молчанія въ отвѣтъ на статьи, въ которыхъ не было и тѣни искаженія правды и безпристрастія, я просилъ послать о. Іоанну телеграмму съ просьбою принять меня для личныхъ объясненій.

Благодаря В. И. Станкевичу и зятю его полковнику Семенскому, свиданіе съ о. Іоанномъ произошло при обстоятельствахъ особенно благоприятныхъ. Съ полковникомъ Семенскимъ, у котораго въ домѣ я переночевалъ, я пошелъ къ ранней обѣднѣ въ Андреевскій соборъ. Меня провели въ алтарь, гдѣ я и присутствовалъ на служеніи о. Іоанна. Извѣщенный обо мнѣ о. Андреемъ Шильдскимъ, о. Іоаннъ во время чтенія часовъ подозвалъ меня къ себѣ и благословивъ, сказалъ: „пойдемъ къ жертвеннику, тамъ помолимся“. Пройдя къ жертвеннику, о. Іоаннъ спросилъ: „о чемъ особенно помолиться?“ Я отвѣтилъ: „прошу помолиться о томъ, чтобы черезъ меня воля Божія совершалась. Мнѣ предстоитъ завершить устройство Братства Трудового, основаннаго мною въ моемъ имѣніи. Искренно желаю, чтобы все совершалось по волѣ Божіей. Вокругъ, чтобы, заботясь о будущихъ судьбахъ Братства, мнѣ не ошибаться, принимая личные желанія за волю Божію“. — „Вотъ это хорошо и думано и чувствовано“, сказалъ о. Іоаннъ, обнимая меня, потомъ мы оба стали на колѣни и молились. Когда мы встали съ молитвы, подошелъ полковникъ Семенскій и сказалъ: „прошу васъ, батюшка, послѣ обѣдни пожаловать къ намъ, Николай Николаевичъ хотѣлъ бы съ вами поговорить наединѣ“. — „Прійду, друже, прійду непре-“

мѣнно“, отвѣтилъ о. Іоаннъ, обращаясь ко мнѣ и положивъ руку на мое плечо.

Послѣ обѣдни о. Іоаннъ дѣйствительно, пріѣхалъ. Насъ оставили наединѣ. Я сказалъ, что мнѣ обидно думать, что его уважаемое имя будетъ причастно къ полемикѣ по поводу такихъ статей, на которыя и самъ я отвѣчать не хочу, что для меня гораздо дороже будутъ его святые молитвы о Братствѣ и обо мнѣ. Кратко рассказавъ ему о затрудненіяхъ внутреннихъ и вѣншихъ, и просилъ его помолиться особенно о томъ, чтобы Господь далъ остатку „вѣрныхъ“ въ Братствѣ и мнѣ терпѣніе, великодушіе, кротость, смиреніе и любовь, въ которыхъ мы такъ сильно нуждаемся въ настоящее время. Все это о. Іоаннъ выслушалъ съ любовью, обнявъ меня и потомъ довольно долго говорилъ, утѣшая, ободряя и лаская меня. Не все, сказанное о. Іоанномъ и что память хранить въ сердцѣ моемъ, я считаю себя вправѣ предавать гласности. Между прочимъ онъ сказалъ: „пошелъ за Христомъ, нельзя, чтобы не гнали, не злословили, не ненавидѣли за имя Его. Радуйся тому. Это доказательство, что ты служишь дѣлу Божию, а не дѣлаешь дѣло человеческое. Терпи. Дастъ Богъ, смягчатся сердца гонящихъ тебя и тебѣ дастъ Господь и терпѣніе, и великодушіе, и кротость, и смиреніе, и любовь“.

Послѣ того о. Іоаннъ отслужилъ молебенъ съ водосвятиемъ, а затѣмъ мы удостоились съ нимъ позавтракать. Подавая мнѣ рюмку вина, онъ сказалъ: „выпьемъ чару, друже“. Съ негодованіемъ онъ говорилъ о тѣхъ, кто „дерзаетъ сѣять зло и возбуждать противъ добра“. Уходя, онъ сказалъ: „Да дастъ тебѣ Господь успѣхъ во всѣхъ добрыхъ начинаніяхъ твоихъ“. Когда я провожалъ его уже отъѣзжающаго, на лѣстницѣ, гдѣ, пообыкновенію многіе стремились подойти къ нему и получить отъ него благословеніе, онъ, обернувшись, сказалъ: „радъ, что съ тобою познакомился, я нашелъ въ тебѣ истинно русскаго дворянина, занимающагося истинно дворянскимъ дѣломъ“.

Вотъ навсегда дорогія и памятные для меня обстоятельства свиданія съ любимымъ и уважаемымъ всею русскою землею пастыремъ. Много бодрости почерпнулъ я изъ разговора съ этимъ святымъ человѣкомъ и, вѣрю, много духовныхъ силъ далъ мнѣ Господь по его святымъ молитвамъ.

Передавъ Братству благословеніе о. Іоанна, я перешелъ къ вопросу о предстоящемъ собраніи Братства для выслушанія письменныхъ заявленій недовольныхъ строемъ братской жизни. Одно изъ

этихъ заявленій, сказалъ я, было мнѣ прочитано его авторомъ. Въ немъ высказывается очень рѣзкое разногласіе со мною по многимъ вопросамъ жизни и говорится, что такъ думаютъ многіе. Изъ этого я вижу, что разногласіе между мною и нѣкоторыми изъ братьевъ такъ велико, что я ни минуты не могу быть спокойнымъ, пока мы не объяснимся и не достигнемъ братскаго единомыслія и единодушія между нами.

До сихъ поръ я думалъ, что всѣ неурядицы братской жизни происходятъ отъ молодости, неопытности и, самое большее, отъ легкомыслія, старался объяснять, усовѣщевать, уговаривать. Въ послѣднемъ бюстительскомъ отчетѣ я представилъ яркую картину немощей нашихъ, надѣясь тѣмъ поколебать гордое самодовольство даже и самыхъ самоувѣренныхъ. Многіе и послѣ этого не проявили ни малѣйшаго раскаянія, а теперь въ прочитанномъ мнѣ заявленіи прямо высказано, что всѣ неурядицы жизни Братства они приписываютъ не своимъ немощамъ, а нежелательному, по ихъ мнѣнію, отношенію къ дѣлу со стороны Думы и учредителей Братства. При такихъ обстоятельствахъ разномысліе между нами слишкомъ велико и отношенія слишкомъ ненормальны и мучительны. Желалъ бы, чтобы собраніе для прочтенія заявленій состоялось возможно скорѣе. Отъ имени Братства, какъ его Бюститель, прошу всѣхъ высказаться вполне откровенно, не стѣсняясь ни жалостью ко мнѣ, ни какими либо иными соображеніями. Во время чтенія заявленій прошу не выражать порицанія написанному, что бы въ нихъ ни говорилось. Надо дать высказаться до конца. Самое нежелательное въ настоящее время—недосказанность.

Собраніе это состоялось на третій день Пасхи, 11-го апрѣля. Передъ началомъ чтенія заявленій я еще разъ повторилъ, что отъ имени Братства „всѣхъ прошу возможно полнѣе высказаться. Дѣло не въ томъ, чтобы замалчивать неудовольствія и скрывать несогласія, а въ томъ, чтобы честно стараться придти къ единомыслію и единодушію на пользу общаго дѣла“.

Началось чтеніе заявленій. Прежде другихъ прочли анонимное заявленіе. Въ немъ говорилось, что всѣ неурядицы Братства зависятъ отъ „душной нравственной атмосферы“, создаваемой мною, являющимся „полновластнымъ хозяиномъ“ и Думою, этимъ „закрытымъ судебнымъ учрежденіемъ“, по отношенію къ которымъ остальные члены Братства являются „безропотно покорными, толпою дѣтей, молчаливо протестующей“ противъ требованій своихъ руководителей“. Второю причиною неурядицы и недовольства является, по

мнѣнію анонимнаго заявленія, „матеріальная необезпеченность Братства, благодаря которой положеніе Братства является съ одной стороны жалкимъ, какъ положеніе идейнаго тунейца, а съ другой стороны, необезпеченнымъ потому, что будущность его можетъ быть самая безотрадная“. Рядомъ съ этимъ встрѣчаются такіе перлы, которыхъ легко оцѣнить всякій, близко знающій характеръ жизни нашего Братства, какъ то: „предпочтеніе всему физическаго труда“—„сильное гоненіе на умственное развитіе“—„мрачная религіозность, благодаря которой всѣ наши праздники имѣютъ тяжелый и мрачный характеръ“—„отсутствіе нравственной свободы“—„чрезмѣрная и сухая идейность (это при предпочтеніи всему физическаго труда)“—„безпощадно суровое отношеніе ко всякой мысли и слову“—„убито самостоятельное исканіе истины“.

Вотъ краткій перечень главныхъ пунктовъ обвинительнаго акта противъ меня и Думы.

Нечего и говорить, что покаянію, даже малѣйшему сомнѣнію въ основательности своей нераскаянности тутъ не могло быть мѣста. Если прибавить, что это писалъ, какъ потомъ оказалось, Р. Е. Л., человѣкъ, испытавшій на себѣ въ теченіе многихъ лѣтъ самую нѣжную любовь и сердечную заботливость, воспѣвавшій въ стихахъ радости братской жизни, человѣкъ, сочиненія котораго были напечатаны Братствомъ и первые успѣхи котораго радовали меня до слезъ, что заявленіе это было предварительно прочитано нѣсколькимъ лицамъ, находившимся въ томъ же положеніи людей, получившихъ отъ Братства воспитаніе, образованіе и умственное развитіе, что не помѣшало имъ одобрить это заявленіе,—картина будетъ полна и высоко поучительна для человѣческаго самосознанія.

Опасаясь, что многіе, читая эти строки, сочтутъ себя вправѣ, не только строго осудить молодыхъ людей, такъ поступавшихъ, но и признать ихъ исключительно дурными людьми, этихъ дѣтей народа, которыхъ я съ любовью и уваженіемъ къ человѣческой личности въ нихъ, настойчиво готовилъ быть братьями моими и совместно со мною созидать реальное Братство въ жизни, относясь при томъ съ неизмѣнною деликатностью и къ духовной свободѣ ихъ, только не въ ущербъ моей вѣрности Богу Живому и дѣлу вселенской любви Его. Не ошибайтесь, они не хуже многихъ, не хуже большинства грѣшнаго человечества. Если бы я далъ имъ профессиональное образованіе, совсѣмъ бы не заботился о ихъ воспитаніи и предоставилъ имъ съ эгоистическими цѣлями воспользоваться тѣмъ, что даю, они были бы полны любви, уваженія и бла-

годарности ко мнѣ, такимъ образомъ выказали бы себя съ наилучшей стороны. Не будемъ закрывать глаза на жизненное значеніе для всего человечества тяжелаго опыта, имъ въ насъ переживаемаго. Нѣтъ, такъ поступать способны не исключительно дурные люди, а самый заурядный средній человѣкъ, всѣ тѣ, кто не Божій, кто не хочетъ быть Божиимъ, кто хочетъ сохранять себя и жизнь свою для самого себя и не хочетъ отдать ихъ Богу. Именно этого то призыва быть Божиими, отдать себя Богу, признать, что дѣло Братства не должно быть нашимъ дѣломъ, а дѣломъ Божиимъ и всѣ мы, смиренными служителями его, именно этого то они мнѣ и не прощали, изъ-за этого то и забыли мою нѣжную любовь къ нимъ, мое неизмѣнное уваженіе къ свободѣ духа ихъ, потеряли ко мнѣ любовь, уваженіе и благодарность, какъ ни простили бы этого ни мнѣ, ни кому другому, милліоны другихъ, самыхъ заурядныхъ, среднихъ людей, себялюбивыхъ, грѣхолобивыхъ, свободолюбивыхъ, только не боголюбивыхъ.

Да, это самые заурядные, средняго типа, люди, только освѣщенные при свѣтѣ дѣла Божія, опаленные святынею, къ которой они безъ благоговѣнія, въ духѣ гордаго себялюбія, прикасались. Какъ многіе изъ тѣхъ, которые прекрасно говорятъ о святыхъ и добрыхъ, не приступая къ осуществленію проповѣдуемыхъ ими святыхъ и добра, если бы отъ словъ перешли къ дѣлу, поступали бы не лучше, а можетъ быть и хуже утерянныхъ нами братьевъ, какъ и они, были бы опалены святынею дѣла, какъ они отвѣтили бы злобою на любовь, клевету и оскорбленіями на долготерпѣніе, деликатность и уваженіе! Какъ многіе изъ тѣхъ, которые прекрасно говорятъ и пишутъ о святыхъ и добрыхъ, опалены святынею слова, къ которому безъ благоговѣнія относятся. Сколько такихъ опаленныхъ святынею душъ ходитъ по міру, сколько кошуновъ они вносятъ въ міръ своимъ развязнымъ, безблагоговѣйнымъ отношеніемъ къ святыхъ! Не они ли главные виновники позорной бесплодности въ нравственномъ отношеніи современной цивилизаціи, ея жалкой растерянности передъ напоромъ кровавого потопа анархіи, на нее надвигающагося. Не мудрено считать себя хорошимъ и добрымъ человѣкомъ во тьмѣ жизни „по обычаю міра сего“, не входя въ область свѣта дѣла Божія. При свѣтѣ его, опаленное имъ, большинство человечества убѣдилось бы, не только въ своей грѣховности, но и въ своемъ грѣхолобіи, оказалось бы способнымъ на такую нравственную чудовищность, какой оно въ себѣ и не подозреваетъ, конечно все это объяснивъ въ свою пользу тонкими „лукавыми мудрованіями“, въ

которых оно всегда преуспѣвало, само собою достигая этимъ только самообмана.

По прочтеніи однимъ изъ братьевъ анонимнаго заявленія Р. Е. Л., онъ самъ сталъ читать свое не анонимное заявленіе, то, которое онъ предварительно прочиталъ мнѣ, которое изъ всѣхъ остальныхъ было наиболѣе прилично по тону. Вотъ краткія выдержки изъ этого заявленія: „Если мнѣ будетъ доказано, что я ошибаюсь, я буду только радъ... Братство по самому названію своему должно представлять изъ себя общество, совершенно равноправныхъ членовъ (обычное смѣшеніе равноправности и анархіи. Въ Братствѣ всѣ несомнѣнно равноправны, имѣя одинаковое право быть выбранными на всѣ должности въ Братствѣ, до положенія члена Думы и Блестителя включительно. Эта равноправность игнорируется на томъ основаніи, что Братство не анархія, въ которой за всѣми признавалось бы право на полное своеволие, отрицаніе всякаго порядка и неповиновеніе избранникамъ Братства даже и въ самыхъ законныхъ ихъ требованіяхъ во благо Братству. Какая знакомая картина современной умственной анархіи. Достаточно увѣровать на мѣсто Бога въ непогрѣшимость современной культуры, чтобы именно такъ думать)... Братство-же рѣзко раздѣляется на двѣ части: на благодѣлителей, къ которымъ принадлежитъ семья Неплюевыхъ, и благодѣлимыхъ... Въ Братствѣ продолжается система школы, т. е. Николай Николаевичъ является воспитателемъ, а всѣ братья идутъ туда, куда влечетъ ихъ его воля... Авторитетъ его имѣетъ подавляющее значеніе... Мы даже привыкли смотрѣть на вещи, не съ точки зрѣнія *ихъ полезности*, а съ точки зрѣнія взглядовъ и вкусовъ Николая Николаевича... Выходитъ, что истиннаго Братства-нѣтъ, а есть крошечная монархія съ независимымъ правительствомъ (все это не требуетъ комментарій)... Избраніе въ члены Думы не должно быть сопряжено съ такими затрудненіями, какъ теперь (т. е. должно быть менѣе обдуманымъ и осторожнымъ, такъ какъ иныхъ затрудненій никогда не было)... Избирать въ члены Думы должна не одна Дума, а общее собраніе... при обсужденіи разныхъ вопросовъ и при своихъ постановленіяхъ Дума обязана сообразоваться со взглядами и желаніями всего Братства (иными словами, Дума должна быть уничтожена и христіанское братство, естественно руководимое людьми наиболѣе доказавшими свою преданность Богу и ревность о дѣлѣ Божіемъ, должно превратиться въ анархическую общину, въ которой все зависитъ отъ минутныхъ прихотей случайнаго большинства)... *Не знаю, возможно ли будетъ такое устрой-*

ство... не знаю такъ же, насколько оно будетъ полезно (интересное признаніе полного отсутствія всякихъ убѣжденій со стороны членовъ, требующаго для себя рѣшающаго голоса въ судьбахъ Братства)... *Я знаю только одно, что установившимися порядками многіе искренно недовольны* (!)... Совсѣмъ не раздѣляю мнѣнія, будто матеріальный вопросъ—вещь ничтожная и сама собою приложится (какая милая развязность въ осужденіи Того, Который сказалъ: „ищите прежде всего царствія Божія и правды Его и все прочее приложится вамъ“. Какой ловкій пріемъ для внушенія Душѣ убѣжденія въ необходимости капитулировать и съ легкимъ сердцемъ передать судьбы Братства въ надежныя руки людей такого образа мыслей)... считаю это мнѣніе зловернымъ, такъ какъ оно способно успокаивать и убаюкивать Братство красотой возвышенныхъ фразъ (очевидно Спасителя міра и увлекающагося Имъ Николая Николаевича!)... Матеріальный вопросъ считаю нисколько не ниже самыхъ возвышенныхъ вопросовъ религіи и нравственности... Въ Братствѣ именно этотъ вопросъ является чуть ли не самой главной причиной тревогъ и сомнѣній (цѣнное признаніе)... Прежде, по крайней мѣрѣ, ясно видно было будущее; хутора постепенно должны были заселиться членами Братства..., теперь же *остается только Воздвиженскъ*, гдѣ и должно сконцентрироваться Братство... По моему убѣжденію, Братство обязательно должно было стать независимымъ собственникомъ... не ожидая никакой посторонней благотворительности (очевидно говорится о какомъ то братствѣ, для котораго учредитель нашего Братства является постороннимъ)... Попросить Николая Николаевича продать намъ нужное количество земли на условіяхъ долгосрочной выплаты (очень неожиданная, послѣ всего сказаннаго и находчивая комбинація для того, чтобы и большія средства получить и никакихъ нравственныхъ обязательствъ на себя не принять)... Нѣкоторые говорятъ: будь преданъ Братству и судьба твоя и семья твоя—обезпечена... *но кто можетъ поручиться за себя*, что онъ когда нибудь не оставитъ Братство (опять цѣнное признаніе, наводящее логично на вопросъ: а кто-же поручится передъ Николаемъ Николаевичемъ за то, что земли, наивно имъ переданныя такимъ людямъ, на условіяхъ долгосрочной выплаты, пойдутъ на созиданіе этого Братства, за вѣрность которому никто поручиться не можетъ, а не на цѣли личнаго и семейнаго эгоизма, на которыя онъ очевидно ни копейки дать не желаетъ?!)... Есть еще одно обстоятельство, которое сильно тревожитъ нѣкоторыхъ... это жажда жизни, неизвѣданной ими... Братская Дума хорошо бы сдѣлала, если бы

желающимъ, не считая ихъ ни исключенными изъ Братства, ни измѣнившими ему, давала отпускъ на долгое время (какая практичная комбинація для возможности, продолжая считать себя членомъ Братства, съ головою окунуться „въ пьянство жизни по обычаю міра сего“ и обратить самое Братство въ нѣчто безформенное и неопредѣленное, ни къ чему не обязывающее, въ одну изъ многихъ фикцій современнаго уклада жизни)... Не надо осуждать уходящихъ и считать ихъ измѣнившими (очевидно, узаконивъ, оправдавъ и, такъ сказать, благословивъ измѣну)... Что мнѣ тоже не нравится—это необыкновенно повышенныя требованія (интересно, что это говорить человѣкъ, являющийся самъ доказательствомъ долготерпѣнія и слишкомъ пониженныхъ требованій, благодаря чему онъ только и могъ оставаться на лонѣ Братства при мысляхъ и чувствахъ, въ которыхъ самъ въ этомъ заявленіи расписывается)... Обиліе покаянныхъ собраний... Регламентация религіозной жизни... то же я могу сказать и о воспитаніи въ школахъ... Чрезмѣрное обиліе религіозныхъ бесѣдъ... Я искренно преданный членъ Братства (въ то время, не только уже рѣшилъ уйти изъ Братства, но и приготовилъ себѣ мѣсто на сторонѣ) и глубоко люблю его руководителей“ (правдивость этого заявленія, послѣ всего сказаннаго, всякимъ можетъ быть оцѣнена по достоинству).

Вотъ какъ думаютъ, чувствуютъ и поступаютъ, уходя изъ Братства, люди, отзывамъ которыхъ о Братствѣ такъ охотно довѣряютъ, недоброжелательнымъ статьямъ и корреспонденціямъ которыхъ такъ охотно даютъ мѣсто на страницахъ многихъ журналовъ, на столбцахъ многихъ газетъ. И въ этомъ только новое доказательство, что и они плоть отъ плоти и кость отъ костей современнаго общества, миллионы нашихъ соотечественниковъ и единовѣрцевъ, для которыхъ слѣдовательно, опытъ нами пережитого представляетъ громадное жизненное значеніе. Не они хуже другихъ, а всѣ мы, представители грѣшнаго человѣчества, способны поступать не лучше ихъ, какъ только отъ пустой болтовни о правдѣ и добрѣ, приступимъ къ честному осуществленію правды и добра въ собственной жизни, вмѣсто того, чтобы все требовать отъ кого то другого этого дѣла, такъ же, какъ они, оказались бы неспособными осуществлять Братство въ жизни, не менѣе ихъ, чуждыми братской логики, склонными свои прихоти и свободу ихъ проявленія поставить выше правды Братства и блага дѣла реального осуществленія этой правды въ жизни. Сознаемъ, что всѣ мы, представители грѣшнаго человѣчества не лучше ихъ, пока не становимся Божиими и тѣмъ—бого-

носпами, пока умъ нашъ не озаренъ Свѣтомъ отъ Свѣта небеснаго, пока въ душу нашу благодать Господня не вдохнетъ дыханіе жизни, не вложитъ силу, превышающую всякое человѣческое разуміе. И это не наше, а Божій даръ тѣмъ, кто алчетъ и жаждетъ царства Божія и правды Его. Сколько бы человѣчество ни мечтало о братствѣ, мирѣ и благоденствіи, всѣ эти блага не вытекаютъ логично изъ грѣховности человѣческой, это именно тотъ плодъ, который зрѣетъ только на лозѣ Божіей и не можетъ быть украденъ человекомъ, пока оно остается грѣхолюбивымъ, пока оно не покается до искренней любви къ Хозяину міра—Богу Живому, до жажды причастія благодати Его, только тогда оно станетъ способно быть причастникомъ жизни и дѣла Его. Тѣмъ особенно и цѣненъ опытъ жизни нашей, что на немъ постоянно обнаруживается рядомъ съ безмѣрной немощью человѣческой въ насъ, безмѣрная сила Божія. Тотъ же человѣкъ, типично заурядный, средній человѣкъ, именно тѣмъ особенно цѣнный для самосознанія человѣчества, пока съ любовью относится къ Господу Богу и къ ближнему, чувствуетъ себя глубоко удовлетвореннымъ жизнію на лонѣ Братства, глубоко понимаетъ его жизненное значеніе и очень умно и логично рассуждаетъ о всѣхъ деталяхъ жизни Братства, живетъ высокими чувствами любви, уваженія, благодарности, благоговѣнія къ святымъ, способенъ переживать, вмѣстѣ со всѣмъ Братствомъ, святые минуты радостнаго, умиляющаго душу покаянія, умиленія до слезъ, вдохновенной духовности, способенъ, каждый, сообразно таланту своему, высказывать всѣ эти чувства въ общихъ собраніяхъ Братства или въ интимной бесѣдѣ, или даже въ звучныхъ стихахъ. Тотъ же человѣкъ, когда свою личность и похоти этой личности поставитъ выше любви къ Богу и ближнему, такимъ образомъ, въ духѣ измѣнитъ Богу и въ сердцѣ помирится съ этою измѣною, какъ прежде способенъ былъ на свѣтлое преображеніе подъ вліяніемъ животворящей благодати, такъ теперь оказывается способнымъ на обратное преображеніе, при полномъ извращеніи ума, сердца и воли. Все, что онъ недавно любилъ, онъ способенъ грубо оскорблять, все, что понималъ, для него стало непонятнымъ. Онъ не сталъ менѣе способнымъ понимать, но умъ его, ставъ рабомъ злой воли его, работаетъ въ обратномъ направленіи, переставъ быть рабомъ Бога Живого и благодати Его, сталъ рабомъ человѣческой грѣховности и человѣческаго грѣхолюбія, пересталъ понимать Божіе, сталъ способенъ, говоря умно съ точки зрѣнія относительной истины эгоистической, индивидуальной пользы человѣческой, рассуждать необыкновенно глупо съ точки

вѣрніи абсолютной истины правды Божіей. Не то же ли мы видимъ въ безуміи мыслей, чувствъ и дѣйствій гордыхъ представителей современной „безбожной“ цивилизаціи! Въ этомъ абсолютная свобода духа человѣческаго. Онъ свободенъ быть по желанію, Божіимъ и тогда способнымъ быть причастникомъ благодати Божіей и силою этой благодати, соработникомъ Божіимъ въ единомъ вѣчномъ дѣлѣ созиданія всемірной гармоніи царства Божія или „сыномъ противленія“, врагомъ Божіимъ, антихристомъ, разрушителемъ всемірной гармоніи, наивнымъ утопистомъ, мечтающимъ о возможности для себя, для своей семьи и въ рѣдкихъ случаяхъ для всего человѣчества, счастья въ домѣ Божіемъ безъ Бога, противъ Бога, со всѣми логичными послѣдствіями для ума, сердца и жизни этого выбора. Не въ этомъ ли разгадка и великой, страшной драмы жизни міра, которому дана свобода быть Божіимъ, дружно, крѣпко сплоченнымъ съ Хозяиномъ міра цементомъ любви, созидать блаженную гармонію, находясь въ полномъ единомысліи съ Высшимъ Разумомъ и единодушіи съ Высшею Любовью, свободнымъ, добровольнымъ причастникомъ царства, силы и славы Бога Живого или позорнымъ домашнимъ врагомъ, платящимъ злобою за любовь, свободнымъ отъ единомыслія съ Высшимъ Разумомъ и единодушія съ Высшею Любовью. Вотъ добро и зло, жизнь и смерть. Мы свободны въ выборѣ, но не всемогущи, наравнѣ съ Богомъ и это великое благо, за которое слава и благодареніе Отцу міра, ибо въ этомъ всемогущество добра и вѣрный залогъ конечнаго торжества его!

Благо намъ, если мы всѣ эти общечеловѣческія истины поймемъ на опытѣ, переживаемомъ въ насъ человѣчествомъ, понимая, что люди измѣнившіе Братству и такъ думавшіе и чувствовавшіе, измѣняя ему, не хуже громаднаго большинства грѣшнаго человѣчества, что они были искренни въ добрѣ, пока хотѣли быть Божіими и испытали на себѣ только логичныя послѣдствія для жизни ума и сердца своего, когда, какъ имъ казалось, во благо себѣ и личной семьи своей, не захотѣли быть Божіими и работать на дѣло Божіе, помирились съ мыслию, что дѣло Братства не должно быть дѣломъ Божіимъ, должно быть украдено у Бога и стать слугою прихотей личнаго или семейнаго эгоизма.

Послѣ Р. Е. Л. выступилъ Н. П. П., человѣкъ извѣстный всему Братству, какъ человѣкъ лѣнивый и грубый, котораго только благодаря крайне терпѣливому и кроткому къ нему отношенію Думы и членовъ братской семьи, среди которой онъ жилъ, не исключили раньше изъ Братства. Вотъ какъ выражался онъ: „Вступалъ я въ

Братство съ мечтами юноши, готоваго міръ обнять... поживъ немного въ Братствѣ, я увидѣлъ, что мечты—лишь миражъ (казалось бы, какъ не смириться при покаянномъ сознаніи „что мечта юноши міръ обнять—въ душѣ его лишь миражъ“)... До сихъ поръ всѣ мы были лишь мечтателями, слѣпо вѣрующіе въ Николая Николаевича, въ его слово и опытъ. (Вотъ что значитъ вѣрить въ Николая Николаевича, котораго онъ никогда не проповѣдывалъ, а не въ Бога, къ вѣрѣ въ Котораго онъ такъ настойчиво призывалъ, такъ много дѣлая для того, чтобы облегчить и пониманіе того, въ Кого вѣруютъ)... пришлось за мечты расплачиваться разочарованіемъ... Начался тотъ періодъ мучительной личной жизни, который мы теперь переживаемъ... Чужія слова—сказка... Братство до сихъ поръ жило лишь чужою сказкою, (это—завѣты любви и братства Спасителя міра оказываются чужою сказкою для человѣка, который при всей своей природной грубости, еще недавно былъ бы совершенно неспособенъ такъ выражаться и несомнѣнно искренно высказывать совершенно иные мысли и чувства)... Трудъ физическій, говорилъ одинъ изъ братьевъ на братскомъ собраніи... сближаетъ человѣка съ Богомъ... Эта рѣчь возмущала многихъ своею легкомысленностію... такого мнѣнія (т. е. возмутительно легкомысленнаго) держатся и учредители Братства (какой негодующій крикъ отъ глубины души возмущенной лѣни). ...Рядомъ съ трудомъ физическимъ идетъ у насъ и простота жизни... благодаря уродливому взгляду на нее, до чего она доведена... и опять таки, проводящіе корриктурную простоту въ жизнь опираются на авторитетъ Николая Николаевича (такъ говорятъ исключительно неряшливый человѣкъ о Братствѣ, на лонѣ котораго порицали его неряшливость, въ которомъ никогда никто ни въ чемъ существенномъ не нуждался и всѣ одѣты, хотя и просто, но всегда прилично и даже изящно)... Послѣднія бесѣды были направлены противъ умственнаго развитія. (Вотъ какъ при извѣстномъ настроеніи формулируется призывъ къ уваженію и добросовѣстному отношенію къ труду физическому на лонѣ Трудового Братства въ виду чрезвычайнаго увлеченія неразборчивымъ чтеніемъ, безплодными умствованіями и вреднымъ для братскаго единенія духомъ критиканства)... Марія Николаевна даже боится умственной жизни, какъ заразы, боится и какихъ бы то ни было талантовъ... Она оберегаетъ сестеръ отъ общенія съ нѣкоторыми братьями, боясь, чтобы они не развратили ихъ религіознаго настроенія... своей личной жизни у сестеръ нѣтъ, она у нихъ замѣнена авторитетомъ Маріи Николаевны. Ея мысли и чувства для сестеръ—законъ... оттого всѣ

сестры солидарны съ Маріей Николаевной. (Вотъ какъ при томъ же настроеніи складывается въ умѣ представленіе о заслугахъ самоотверженной труженицы на пользу Братства, Маріи Николаевны, этого воплощенія кротости, смиренія, сердечной заботливости и неизмѣнной деликатности. Это въ то же время рѣдкій перлъ въ яркихъ краскахъ рисующій то, какъ при злой волѣ понимаютъ свободу. За Маріей Николаевной очевидно не признается свобода говорить и поступать на лонѣ Братства по своимъ убѣжденіямъ, хотя убѣжденія эти очевидно логично вытекаютъ изъ вѣры въ Бога и любви къ дѣлу Братства. За нею не признаютъ права протестовать противъ проповѣди разрушенія Братства во имя свободы умственного развитія и свободы талантовъ, не признаютъ права сказать на лонѣ Братства очевидную истину, что Братство не можетъ дорожить такимъ характеромъ умственного развитія и такимъ направлениемъ талантовъ, во имя которыхъ проповѣдуютъ мысли и чувства, разрушительные для вѣры и Братства! За нею даже не признается свобода своими материнскими совѣтами ограждать сестеръ отъ вредныхъ вліяній, какъ и за сестрами не признается свобода сознательно предпочитать доброе вліяніе Маріи Николаевны вредному вліянію, нѣкоторыхъ братьевъ, способныхъ повліять развращающе на ихъ религіозное настроеніе. Свобода, замѣтите, на лонѣ Братства, признается исключительно въ обязательномъ разномысліи съ такимъ самоотверженнымъ пионеромъ Братства, какимъ является Марія Николаевна. Все это высоко характерно и поучительно для пониманія истинныхъ стремленій злой воли и той свободы, которую она для себя требуетъ. Напрасно человѣчество закрываетъ глаза, утѣшая себя и успокаивая совѣсть свою, взваливая ответственность на неурейство жизни на недостатокъ индивидуальной свободы. Весь вопросъ въ томъ, каковы идеалы, каковъ соотвѣтствующій этимъ идеаламъ, нравственный обликъ данной личности. Пока идеаль—не Богъ, Высшій Разумъ и Высшая Любовь, напрасно рассчитывать на благія послѣдствія широкой свободы проявлять себя для данной личности, какъ и для миллионовъ подобныхъ ей личностей. При злой волѣ свободу принимаютъ не только въ смыслъ широкой свободы проявленія зла, но еще и въ смыслъ широкой свободы насилія надъ добромъ. И это настолько вѣрно, что не одинъ Н. П. П., а очень многіе, во имя свободы способны отрицать нашу свободу обособиться отъ нихъ въ Трудовое Братство, способны требовать для себя на лонѣ Братства свободу вредной для Братства закваски, свободу проповѣди мыслей и чувствъ, отри-

цающихъ Бога Живого, Христа Его и Ими завѣщанное братство между людьми, братство реальное, братство міра, единенія и порядка, ничего общаго съ анархическою общиною неимѣющее, способно потребовать для себя, враговъ и разрушителей Братства, положеніе полноправныхъ хозяевъ въ Братствѣ и въ то же время отрицать всякую свободу на лонѣ Братства за истинными представителями вѣры, любви и братскаго единенія. О, если бы все это научило бы понимать неотъемлемое право и уважать свободу обособленія добрыхъ отъ злыхъ, не только въ смыслѣ стройной организаціи добра въ жизни путемъ дружной совмѣстной дѣятельности, объединенныхъ вѣрою и любовью до способности жить въ полномъ единомысліи и единодушій между собою „быть одинъ умъ и одно средце“, но и въ смыслѣ неотъемлемого права и нравственной обязанности ихъ, не допускать въ эту организацію разлагающую смертельную закваску! Можетъ быть, признавъ это право, лучше поймутъ и нравственные обязанности свои, перестанутъ воображать себя въ своей духовной проституціи болѣе правыми и болѣе гуманными, чѣмъ Высшая Любовь, признавшая свое право не быть въ общеніи ни съ духами зла, ни съ грѣшнымъ человѣчествомъ, не допуская ни тѣхъ ни другихъ нераскаянными въ Царство Божіе!).

Выше приведенными, взятыми въ скобки, примѣчаніями, я, мнѣ кажется, достаточно выяснилъ мой взглядъ на общечеловѣческое значеніе того, что мы переживали въ нашей частной жизни, чтобы при доброй волѣ всякому легко было сдѣлать дальнѣйшія обобщенія изъ новыхъ фактовъ, которые будутъ мною приводиться далѣе. Потому, ни мало не ослабѣвая въ горячемъ желаніи послужить благу всѣхъ ближнихъ нашихъ, скорбнымъ опытомъ нами пережитого, я не буду болѣе прерывать изложенія этой исповѣди немощей, проявленныхъ человѣчествомъ на первыхъ шагахъ созиданія жизни на братскихъ началахъ, предоставляя каждому дѣлать выводы и обобщенія изъ фактовъ, самихъ по себѣ достаточно краснорѣчивыхъ.

Продолжаю выдержки изъ заявленія Н. П. П. „На литературныхъ вечерахъ выбирается только то, что написано „въ нашемъ духѣ“, т. е. обязательно съ моралью и извѣстнымъ направлениемъ... Отсутствіе нравственной свободы чувствуется всѣми... Въ области религіозной Николай Николаевичъ становится болѣе требовательнымъ... Часто обличаетъ насъ за гордость... Мало-по-малу требованія Ник. Ник. стали выясняться, многіе увидѣли, что совершенно съ нимъ расходятся. Особенно сильно чувствуется это несогласіе

въ области религіозной. Какъ часто общія молитвы были нравственнымъ мученіемъ, если на собранія приходилъ съ настроеніемъ неподходящимъ. Душа замирала отъ страшнаго разлада словъ молитвы и того, что происходило въ душѣ (выводъ — не покаемся, а перестанемъ молиться!)... Надо больше во всемъ свободы предоставить въ Братствѣ... Остается еще сказать о матеріальномъ обезпеченіи... Приводятъ слова Евангелія: „ищите прежде всего царствія Божія и правды Его и все прочее приложится вамъ“. Прекрасно. А если изъ Братства уходитъ человѣкъ... на дорогу ему даютъ 50 рублей“. (Вотъ поистинѣ достойное возмездіе за 50 рублей, раздаваемые Братствомъ людямъ, очевидно не царства Божія и правды Его ищущимъ)!

Затѣмъ выступилъ В. К. О.: „Идея Братства первыми братьями съ восторгомъ была принята на вѣру... теперь Братство стало жить своимъ умомъ... Не надо покорности Братской Думѣ и Ник. Ник... каждый хочетъ братства сообразно своимъ понятіямъ... Братство я понимаю... не какъ подвигъ... мое мнѣніе, что любовь и вѣра не однимъ пожеланіемъ приходятъ... Неужели Ник. Ник. могъ сомнѣваться въ томъ, что подвиги вѣры, любви и труда — будутъ намъ не по-плечу. Я помимо воли близокъ къ разочарованію въ преимуществахъ труда общиннаго передъ трудомъ частнымъ... Трудъ не для стяжанія миѣ представляется слишкомъ большимъ подвигомъ... Люди—волы для идеи тупѣютъ (это по поводу Братства Трудового), а идейность въ свою очередь не можетъ идти рука-объ-руку съ лямкою физическаго труда... У насъ въ Братствѣ къ сожалѣнію есть нѣсколько человѣкъ, которые съ этимъ несогласны... Это люди, которымъ легче всего подогнать свою безпритязательную натуру подъ режимъ братскихъ требованій... Рано или поздно сдѣллютъ изъ Братства только глупый мускулъ... Противъ умственнаго развитія всѣ братскія власти... Умственное развитіе—наклонная плоскость. Разъ душа покатила по этой плоскости, было бы ненормальнымъ, если бы она ни съ того, ни съ сего вдругъ остановилась... Въ глазахъ Маріи Николаевны важно одно религіозное воспитаніе... У насъ установленныя рамки преувеличены напрасною скромностію... Кто захочетъ такого братства, гдѣ нѣтъ простора удовлетворять свою умственную жажду (гдѣ же и благодаря кому доросли до этой „интеллигентности“, съ высоты которой такъ презрительно критикуютъ Братство и его основателя!)... *Мое глубокое убѣжденіе, что люди никогда не поймутъ Братства, какъ подвигъ, а скорее поймутъ его, какъ удобство жизни, чѣмъ въ сущности*

Братство и должно быть... До большой степени сгущаетъ надъ Братствомъ мракъ... Ник. Ник., рисуя передъ Братствомъ картину нашей немощности, неустанно настойчиво призывая всѣхъ къ покаянію... это только для смиренія и вѣры неопасно (какая твердая рѣшимость со смиреніемъ и вѣрой не имѣть ничего общаго)... Вѣру нельзя привить чужою душою къ моей душѣ... Въ нравственный ростъ человѣка небо не вмѣшивается. (Во что же оно вмѣшивается)... Теперь, когда всѣ иллюзіи нашей жизни разрушены, у Братства нѣтъ будущаго, въ смыслѣ надеждъ и ожиданій. Есть только унылое настоящее и еще болѣе унылое—прошлое (это пишетъ человѣкъ, еще недавно передъ тѣмъ въ стихахъ съ умиленіемъ воспѣвавшій радости братской жизни)... Пусть Ник. Ник. и его семья не ставятъ намъ въ обязанность всѣхъ тѣхъ нравственныхъ требованій, которыя являются результатомъ не общаго, а ихъ религіознаго самосознанія... Мы хотимъ болѣе непосредственной жизни, а не покаянія и самоусовершенствованія — и отсюда часть разлада“.

Что можетъ сравниться съ наивнымъ цинизмомъ этого „заявленія“. Очень характерно для тогдашняго настроенія, что написали люди, которымъ было предварительно прочитано это заявленіе, по мнѣнію которыхъ оно было „самымъ умно и дѣльно написаннымъ“.

Не буду приводить здѣсь цитаты изъ двухъ остальныхъ заявленій, предлагавшихъ нѣкоторыя реформы. Заявленіе С. О. Ч. не включаетъ въ себѣ ничего отличнаго отъ предыдущихъ по мысли, но бесконечно приличіе ихъ по изложенію, а заявленіе И. А. Ц. почти исключительно экономическаго характера.

Кромѣ этихъ заявленій были и три другихъ, совершенно имъ противоположныя. С. З. Вондаревскій, никого ни въ чемъ не обвиняя, подалъ краткое заявленіе о томъ, что каждый членъ Братства долженъ дорожить возможно тѣснымъ общеніемъ съ Братствомъ и не отвыкать отъ физическаго труда и братской простоты жизни, находясь на особомъ положеніи. Сообразно тому онъ проситъ, чтобы его самого изъ положенія управляющаго Ольгинимъ хуторомъ перевели въ рабочую братскую артель на хуторѣ Рождественскомъ.

Въ заявленіи своемъ сестры братской семьи св. Ольги говорятъ, что они искренно благодарны Думѣ за ея постоянную любовь и заботливость о Братствѣ и выражаютъ надежду, съ помощью Божіей, проводить въ жизнь тѣ постановленія, которыя Дума найдетъ нужнымъ сдѣлать на пользу Братства.

Наконецъ, Т. Н. Шаповалъ въ своемъ единоличномъ заявленіи выражается такъ: „Дорогіе, горячолюбимые! Я съ радостью заявляю о своей глубокой преданности горячолюбимому Братству. Дѣло Братства я всецѣло считаю дѣломъ Божиимъ. Всею душою и всѣмъ сердцемъ вѣрю въ Бога—Любовь. Молясь Ему, я всегда нахожу силу и энергію для дѣла Его... Жизнь Братства меня не тяготитъ. Наоборотъ, мнѣ легко, уютно и радостно живетъ въ немъ. Я глубоко вѣрю, что этой радости у меня никто не отниметъ... Что можетъ быть трудно съ Богомъ! Всѣ трудности и тягости человѣкъ создаетъ самъ себѣ именно отдаленіемъ своимъ отъ Бога“.

Вотъ истинно умное съ братской точки зрѣнія слово, сказанное человѣкомъ, который Бога любилъ, а не въ самаго себя былъ влюбленъ, въ свой собственный разумъ и свои таланты.

Записываю цѣликомъ имена С. З. Бондаревского, Т. Н. Шаповалъ и братской семьи св. Ольги, чтобы сохранить память объ ихъ гражданскомъ мужествѣ въ эту грустную эпоху общаго малодушія и завѣщать эти имена благодарной памяти Братства.

Надо ли говорить, какую страшную нравственную пытку я вынесъ во время чтеній первыхъ четырехъ заявленій. Вѣдь такъ говорили люди, которыхъ я горячо и нѣжно любилъ, которыхъ старался воспитать въ сознательной вѣрѣ и любви къ Богу, которымъ желалъ быть братомъ до могилы и послѣ нея! Каждое слово, полное вражды и неуваженія ко мнѣ, явнаго отреченія отъ Бога, наивно-наглаго исповѣданія полной солидарности съ шаблонными взглядами и чувствами современной безбожной интеллигенціи, наносило мучительныя раны въ самое сердце, ощущалось мною, какъ безконечный рядъ унижительныхъ ударовъ по лицу. Всего ужаснѣе было чувствовать ожесточенную ненависть противъ меня со стороны тѣхъ, кого я такъ упорно и нѣжно любилъ, ненависть доходившую до полного ослѣпленія, до наивно безсознательной лживости, совершенно искажавшей всѣмъ извѣстные факты и отношенія, придавая имъ совершенно лживое освѣщеніе, радикально противоположной дѣйствительности колоритъ. На этомъ, главнымъ образомъ, я понялъ всю глубину адской злобы тѣхъ, кто сѣялъ злую закваску въ Братствѣ. Меня до такой степени ужаснула ложь, въ которой они жили на лонѣ Братства, что я рѣшилъ ничѣмъ не выказать своего волненія, чтобы не помѣшать имъ высказаться до конца. Въ глубинѣ души жила надежда, что послѣ всего этого вспыхнетъ наконецъ въ честныхъ душахъ святой гнѣвъ противъ позорной лжи и оклеветанія любви, когда на предстоящемъ собраніи братья и

сестры обсуждать самостоятельно прочитанныя заявленія. Во мнѣ жила надежда на то, что этотъ святой гнѣвъ равныхъ по положенію съ ними братьевъ раскроетъ имъ наконецъ глаза, заставитъ ихъ понять себя, ужаснуться, покаяться.

Внутренно, во все продолженіе этого истязанія, я молилъ Господа дать мнѣ силу по виду спокойно выдержать эту пытку до конца. И Господь далъ мнѣ силу сдѣлать это, но именно въ это время я впервые почувствовалъ сильную боль печени, которою съ тѣхъ поръ и страдаю по временамъ.

Въ это время произошло слѣдующее событіе въ жизни души моей. Внутренній голосъ сказалъ мнѣ: „по силѣ злобы, проявившейся къ тебѣ, съ нѣжною любовью призывавшему къ вѣрѣ и жизни по вѣрѣ, пойми всю силу злобы грѣшнаго человѣчества къ Творцу Мировъ, создавшему ихъ для любви и любовію призывающему ихъ возжелать причастія Любви Его“. Съ этой минуты личная обида и личная скорбь уступили мѣсто живому сознанию великой вѣковой неправды человѣчества передъ Богомъ, страшной силы грѣха. Сравнительно съ этою неправдою, личные обиды и личные скорби, хотя бы причиняемые самыми дорогими существами, стали казаться ничтожными, не заслуживающими вниманія. Что значить, любовь моя передъ любовію Творца и что оскорбленіе любви моей передъ вѣковымъ поруганіемъ любви Его!

Съ этой минуты я сталъ ощущать міръ незримый въ безконечно большей степени, чѣмъ прежде, по временамъ съ такою же силою, какъ иногда ощущалъ его въ дѣтствѣ. Я сталъ ощущать настроеніе духовъ, желающихъ войти въ общеніе со мною, настроенія часто совершенно противоположныя моему личному въ данную минуту, сталъ воспринимать мысли ихъ, гораздо яснѣе прежняго сознавая источникъ этихъ мыслей и это стало большимъ утѣшеніемъ въ эпоху жизни, когда въ утѣшеніяхъ я сталъ такъ сильно нуждаться.

Сильшу оговориться. Находя нашею нравственною обязанностью передъ человѣчествомъ, дѣлаясь съ нимъ опытомъ, имъ въ насъ пережитымъ, быть вполне искреннимъ и потому не скрывать ничего, что въ опытѣ жизни нашей можетъ быть ему на пользу, я не умалчиваю и о тѣхъ таинственныхъ явленіяхъ жизни духа, которыхъ современное человѣчество такъ яростно отрицаетъ и такъ стыдливо замалчиваетъ, относя ихъ огульно въ область психопатологии. Вѣра въ Бога, вѣра въ загробную жизнь и въ торжество въ ней царства, силы и славы Божіей, не есть для меня ничто вроде

анестезирующего средства, утѣшенія въ скорбяхъ. Вѣра для меня всегда была потребностью сознанія моего, потребностью любви моей, безъ чего я бы и не понималъ жизнь и не могъ бы жить. Никогда ни умъ, ни сердце мое не могли бы помириться съ узкими и подлыми рамками земли. Всякое реальное соприкосновеніе души моей съ міромъ незримымъ было всегда величайшею радостью для меня. Громко исповѣдовать реальность этихъ духовныхъ соприкосновеній для меня тоже великая радость, а при томъ и вопросъ чести, честной правдивости. Многіе по этому поводу съ легкимъ сердцемъ причислютъ меня къ спиритамъ или оккультистамъ. Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы громко заявить, что никогда спиритизмомъ, въ смыслѣ вызыванія духовъ и вообще стремленія по собственному почину войти съ ними въ общеніе, помимо молитвы и таинства причастія любви, я не занимался. Никогда въ тайны оккультизма посвященъ не былъ. Болѣе того, часто въ жизни переживая явленія весьма таинственныя, явленія, въ которыхъ я съ большою силою и очень реально чувствовалъ воздѣйствіе на душу мою міра незримого и благоговѣнно переживалъ эти ощущенія каждый разъ, какъ сознавалъ, что они исходили изъ области свѣта, а не тьмы, я никогда не дерзалъ вызывать эти явленія, какъ бы подчиняя ихъ своей волѣ даже никогда не имѣлъ той специальной любознательности, которая отличаетъ спиритовъ и оккультистовъ, находя для себя достаточно элементовъ духовнаго познанія, для жизни земной, въ Откровеніи. Многіе представители спиритуализма и оккультизма заслужили съ моей стороны чувства уваженія, любви и благодарности за ихъ сердечное, чуткое отношеніе и ко мнѣ лично и, что для меня еще болѣе цѣнно, къ дѣлу Трудового Братства, къ дѣлу организаціи жизни, отношеній и труда на началахъ вѣры, любви и братскаго единенія. Всегда я принималъ какъ частныя, такъ и публичныя выраженія этихъ чувствъ съ ихъ стороны, какъ проявленіе ихъ любви къ Богу Живому и дѣлу Его, принималъ съ благоговѣнною благодарностію, не только не раскаиваясь въ томъ, но и на будущее время твердо надѣюсь исполнять этотъ нравственный долгъ передъ Богомъ и моею совѣстью. Они простерли свою любовь ко мнѣ за дѣло, которое въ немощи моей совершалось, до того, что избирали меня почетнымъ президентомъ своихъ конгрессовъ, почетнымъ членомъ своихъ обществъ, отвѣчая мнѣ на возраженія, что я не посвященъ и посвященъ не буду, словами полными любви и смиренія, что ни въ какомъ человѣческомъ посвященіи я не нуждаюсь, самымъ Богомъ посвященный избраніемъ на совершеніе

дѣла Его на землѣ. Такую степень любви и смиренія я въ теченіе земной жизни моей мало видѣлъ, она — доказательство для меня, что многіе спириты и оккультисты желаютъ быть достойнымъ Божиимъ, горячо, всѣмъ сердцемъ любятъ Бога и святое дѣло Его и потому не берусь судить ихъ въ томъ, что они говорятъ и дѣлаютъ несогласнаго съ моими личными взглядами и чувствами. До конца дней моихъ буду носить съ благоговѣнною благодарностію почетныя званія, которыми они меня, или вѣрнѣе, дѣло Братства Трудового во мнѣ, почтили, унесу передъ престолъ Всевышняго благодарную память о ихъ святой любви, но громко заявляю, что самъ никогда спиритическими и оккультными занятіями не увлекался.

Чтенія заявленій происходили утромъ. Въ этотъ же день, въ 2 час. пополудни Братство должно было собраться для обсужденія всѣхъ вопросовъ, затронутыхъ въ докладахъ. Желая, чтобы въ собраніи этомъ самые доклады и вопросы, поднятые въ нихъ были обсуждены съ полною свободою, я предложилъ, чтобы въ собраніи этомъ не участвовали не только члены моей семьи, но и всѣ члены Думы и даже тѣ изъ членовъ Братства, каковы: И. И. Барановскій, М. В. Середа, С. Д. Чалина, А. А. Лютецкій, глубокое несочувствіе которыхъ къ происходящему, было общеизвѣстно. Всѣ они сознавали весь ужасъ отношеній ко мнѣ и Думѣ со стороны людей, обезумѣвшихъ отъ гордости, избалованныхъ любовью, уваженіемъ и слишкомъ большою, при отсутствіи дисциплины любви, свободою на лонѣ Братства. Я очень дорожилъ тѣмъ, чтобы это было исключительно собраніемъ недовольныхъ и тѣхъ, которыхъ снисходительность къ этимъ недовольнымъ доходила до преступнаго попустительства. Я очень дорожилъ тѣмъ, чтобы именно тѣ, которые требовали для себя участія въ рѣшеніи судьбы Братства, совершенно самостоятельно обсудили степень братскаго самосознанія, выразившуюся въ заявленіяхъ, сдѣланныхъ отъ ихъ имени, тѣмъ, чтобы святой гнѣвъ противъ зла и сознательное раскаяніе проявились совершенно самостоятельно въ ихъ средѣ.

Многіе говорили потомъ, что испытывали во время чтеній заявленій какое то тягостное оцѣпененіе, надолго ихъ совершенно парализовавшее. И. И. Барановскій выразилъ свое впечатлѣніе по прочтеніи заявленій такъ: „да вѣдь они явно бѣсноватые“, а одинъ изъ пріемныхъ братьевъ, при томъ изъ очень легкомысленно относившихся къ жизни и лично дружный съ Р. Е. Л., однимъ изъ главарей недовольныхъ, выйдя изъ собранія, горько разрыдался, по-

вторая: „да вѣдь во всемъ этомъ не было ни капли, ни капли любви!“ Онъ наивно думалъ, что и меня, и Думу, и Братство продолжаютъ любить и только доблестно защищаютъ отъ насъ свободу совѣсти, мнѣній и жизни!

Собравшись въ 2 час. пополудни, избрали председателемъ собранія И. О. К. (нынѣ уже измѣнившего Братству), извѣстнаго между недовольными тѣмъ, что „наиболѣе безпристрастно относился къ обѣимъ сторонамъ“.

Такъ какъ въ собраніи этомъ я не былъ и о происходившемъ въ немъ никого не разспрашивалъ, то и не могу говорить о немъ подробно. Знаю, что впечатлѣнія отъ этихъ собраній, продолжавшихся два дня, 11 и 12 апрѣля, были настолько удручающими для вѣрныхъ любовью мнѣ и Думѣ, что нѣкоторые изъ нихъ, не только были духовно потрясены, но и физически расхворались. Нѣкоторые изъ сестеръ пришли ко мнѣ вечеромъ перваго же дня и, рыдая, заявили, что не пойдутъ болѣе на это собраніе, глубоко возмущены всѣмъ на немъ происходящимъ и ничего общаго съ нимъ имѣть не желаютъ. Напрасно я уговаривалъ ихъ этого не дѣлать, говоря: „если всѣ добрые уйдутъ, кто же будетъ защищать добро“. Онѣ стояли на своемъ, повторяя: „это выше силъ нашихъ. Если бы вы знали, что и какъ говорятъ, вы бы поняли, что этого слушать нельзя, что противъ этого возражать стыдно. Въ отвѣтъ на все это только плакать можно“. Нѣкоторые такъ и не пошли на это анархическое собраніе, а другіе были такъ подавлены происходящимъ, что объ энергическомъ протестѣ и рѣчи быть не могло, да имъ бы и не дали высказать свое негодованіе. Председатель собранія И. О. К., допуская Р. Е. Л. и К^о неистовствовать, всѣхъ перекрикивать и въ самыхъ грубыхъ выраженіяхъ изливать свое „негодованіе“ противъ меня и Думы, покушался отнять слово у В. А. Пущенко, который горячо сталъ защищать насъ и выражать негодованіе противъ оскорбленій, которыми насъ осыпали. Такъ понимали тогда „недовольные“—„свободу и безпристрастіе“: съ нѣжною заботливостью ограждали свободу зла и строго порицали осужденіе его, находя, что и это стѣсняетъ ихъ свободу. За добромъ и добрыми никакихъ правъ не признавалось,—это тоже стѣсняло бы свободу проявленія зла въ жизни и духовную свободу злыхъ.

И. О. К., какъ избранникъ „недовольныхъ“, извѣстный имъ своимъ „безпристрастіемъ“, хорошо зналъ ихъ точку зрѣнія, признавалъ эту точку зрѣнія за точку зрѣнія большинства собранія, а мнѣнія большинства—святы (другой святыни большинство совре-

менной интеллигенціи и ея представителей въ литературѣ не признаютъ и признать не могутъ), то онъ и дѣйствовалъ, сообразно своимъ понятіямъ объ интеллигентности, добросовѣстно въ духѣ большинства.

Какую все это представляетъ знакомую картину современной жизни и отношеній! Именно потому я пользуюсь этимъ случаемъ представить эту яркую картину злобности культа большинства и индивидуальной свободы, когда дѣло идетъ о грѣшномъ человѣчествѣ. И. О. К. воображалъ, что стоитъ на стражѣ интересовъ этого большинства и дѣлалъ ему добро, подчиняясь его волѣ и однако именно ему Братство обязано тѣмъ, что потеряло многихъ братьевъ, что они не опомнились въ этомъ собраніи, что въ лѣтописи Братства вписана самая позорная страница его исторіи.

„Безпристрастіе“, какъ онъ его понималъ и „уваженіе къ свободѣ проявленія зла“, что составляетъ одинъ изъ догматовъ современнаго „культа большинства“, заставляли его спокойно, ни мало не возмущаясь, выслушивать отъ всѣхъ все, даже и то, что выслушивать безъ возмущенія нельзя, не измѣняя тѣмъ самымъ любви и уваженію къ Богу, правдѣ Его и къ вѣрнымъ Ему. Болѣе того, обо всемъ этомъ онъ готовъ былъ хладнокровно разсуждать съ ними, тѣмъ самымъ успокаивая ихъ совѣсть, утверждая ихъ въ убѣжденіи, что мысли и чувства ихъ, не только не чудовищны, но совершенно нормальны и законны. „Недовольные“, видя въ немъ и ему подобныхъ „мягкихъ людяхъ“, людей, повидимому, не питающихъ и къ намъ (ко мнѣ и Думѣ) злобы и способныхъ въ то же время выслушивать ихъ безъ негодованія, видѣли въ этомъ доказательство ихъ доброты, избирали ихъ повѣренными своими, свободно изливали передъ ними все зло, накопившееся въ душѣ ихъ, объясняли ихъ „добродушное и терпѣливое“ отношеніе ко мнѣ и Думѣ ни чѣмъ инымъ, какъ тою же снисходительностью, которую они и на себѣ испытывали и уходили отъ него еще болѣе окрѣпшими во злѣ, еще болѣе ожесточенными противъ тѣхъ, которые ко злу въ нихъ проявляли менѣе терпимости. Именно такое отношеніе ко злу застраховываетъ людей отъ возможности понять его, ужаснуться и покаяться. Виѣстъ съ тѣмъ, такое отношеніе къ жизни не есть ли типичное отношеніе къ ней всѣхъ избранныхъ „большинства“, и не въ этомъ ли одна изъ главныхъ причинъ высоко развращающаго вліянія на жизнь избирательнаго принципа и „избирательной агитаціи“!

Такъ было и въ этомъ собраніи. Именно такое отношеніе къ

дѣлу со стороны председательствующаго въ немъ И. О. К. и помѣшало проявиться святому гнѣву, который одинъ, какъ гроза, могъ очистить удушающую нравственную атмосферу этого собранія. Во имя „безпристрастія“ злему гнѣву противъ Бога, съ Которымъ въ молитвенномъ общеніи быть не хотѣли, передъ Которымъ не раскаяться твердо рѣшили, злему гнѣву противъ меня и Думы, призывавшихъ къ молитвенному покаянію, данъ былъ широкій просторъ. Во имя свободы зла и спокойнаго „безпристрастнаго“ отношенія къ нему, потушенъ былъ въ самомъ корнѣ святой гнѣвъ противъ злобы, лжи и неблагодарности, когда В. А. Пушенко сталъ горячо защищать меня и Думу. Его добрый порывъ могъ увлечь все собраніе, его негодованіе могло бы открыть глаза на позорный характеръ совершающагося, пробудить порывъ раскаянія въ большинствѣ и заставить опомниться даже и самыхъ „жестоковѣйныхъ“ и ожесточенныхъ изъ меньшинства, сохранить и ихъ для дѣла Братства. Что такой исходъ былъ возможенъ, ясно доказываетъ то, что произошло въ слѣдующее воскресеніе, когда опомнилось громадное большинство подъ вліяніемъ моимъ. Результаты того и другого покаянія: самостоятельнаго, по призыву одного изъ равныхъ съ ними братьевъ, или подъ вліяніемъ оскорбленнаго учредителя Братства, оскорбленнаго председателя оскорбленной Думы, не могли не быть чрезвычайно различны, какъ по степени глубины, такъ и по степени сознательности. Самостоятельное покаяніе было бы доблестною духовною побѣдою и въ этой побѣдѣ можетъ быть захотѣли бы принять участіе даже и тѣ, которые, по гордости, смотрѣли на покаяніе, вызванное мною, какъ на пораженіе и не нашли въ себѣ достаточно *честнаго смиренія*, чтобы покаяться вмѣстѣ съ другими и оцѣнить духовную побѣду покаянія при этихъ обстоятельствахъ. Въ первомъ случаѣ они, эти гордые агитаторы, говорившіе отъ имени дѣла Братства и братьевъ, которымъ они черезъ нѣсколько дней добровольно измѣнили, увидѣли бы и можетъ быть, вмѣстѣ съ большинствомъ, поняли бы злобу и ложь, скрывавшіеся подъ громкими фразами и сами, вмѣстѣ съ другими измѣнили бы свои взгляды и чувства. Во второмъ случаѣ нашлись между ними такіе, которые, въ слѣпой гордости своей, признали покаяніе за измѣну себѣ, твердо убѣжденные въ нравственной обязанности всѣхъ пребывать непоколебимыми вмѣстѣ съ ними въ сердечной измѣнѣ Думѣ и мнѣ. Въ первомъ случаѣ покаяніе было бы глубже, сознание своей вины передъ Богомъ, передъ дѣломъ Братства, передъ Думою, передо мною и семьею моею, болѣе сильно, болѣе пережито, потребность

загладить прошлое болѣе очевидна. Во второмъ случаѣ, покаяніе, вызванное извнѣ и только неотвергнутое, привело къ доброму порыву, а потомъ, мало-по-малу, и къ прочному добру современной жизнедѣйствительности Братства, но не спасло отъ продолжительнаго переходнаго времени, въ теченіе котораго покаившіеся были далеки отъ истиннаго пониманія размѣра вины своей, а я и единоклубные со мною, чувствовали себя глубоко неудовлетворенными именно по этой причинѣ.

Все это до того поучительно не для однихъ насъ, но и для всего человѣчества, въ насъ переживавшаго этотъ скорбный опытъ, что я нашелъ нужнымъ не ограничиться перечнемъ фактовъ, а раскрыть ихъ психологическую сущность.

Вѣроятно, во время этого собранія крайніе изъ недовольныхъ успѣли настолько разоблачить себя, что отъ нихъ и отъ ихъ требованій многіе отшатнулись. Можетъ быть многіе поняли, что дѣло клонится къ самоубійству Братства. Иначе трудно объяснить безцѣлность и даже противорѣчивость постановленій этого собранія. На меня эти постановленія произвели въ первый моментъ удручающее впечатлѣніе полнымъ отсутствіемъ братскаго самосознанія и сердечной чуткости. О покаяніи нѣтъ и рѣчи. Въ неурядицахъ Братства считаютъ виновными не себя, а меня и Думу. Въ заключительномъ постановленіи выражаютъ предположеніе, что можетъ быть „часть вины“ приходится и на ихъ долю, но тутъ же прибавляютъ, что этого не сознаютъ, а только допускаютъ, какъ возможное. Теперь, когда я отношусь ко всему этому скорбному прошлому гораздо хладнокровнѣе, постановленія эти производятъ на меня впечатлѣніе жалкой растерянности людей, которые воображали, что защищаютъ отъ меня и Думы какія то важныя права, обсуждать и предъявлять которыя имъ не позволяютъ, а когда на это дано было разрѣшеніе, договорились до сознанія, что подъ всѣми громкими фразами недовольныхъ скрывается одно требованіе: права, не созидать Братства на основахъ вѣры, любви, и добровольной дисциплины честныхъ отношеній къ Думѣ, а разрушать его, превративъ изъ христіанскаго Братства въ анархическую общину. Въ глубинѣ души многіе это поняли на этомъ собраніи. Смиренія и любви однако не достало для того, чтобы громко признать это, а съ тѣмъ вмѣстѣ и великую вину свою. Безъ живого общенія съ Богомъ, безъ благодати Его, гдѣ найти силу, нужную на духовный подвигъ. Оставалось отдѣлаться отъ этого собранія

какими-нибудь безцвѣтными постановленіями—постановили кое-что и кое-какъ.

Относительно Думы громадное большинство, а именно—все собрание, кромѣ пяти, высказалось за то, чтобы все осталось старому, прибавивъ къ этому, хотя и меньшимъ большинствомъ, что находить желательнымъ, чтобы Дума по всѣмъ важнымъ вопросамъ обязательно совѣтовалась съ общимъ собраніемъ Братства. Чтобы понять всю глубину сердечной безтактности этой прибавки, надо имѣть въ виду, что до того Дума, за очень рѣдкими исключеніями, всегда такъ поступала, съ неизмѣнною деликатностью подробно выясняла мотивы каждаго своего постановленія, предварительно обсудивъ въ общемъ собраніи каждый вопросъ и настойчиво приглашая всѣхъ высказываться.

По отношенію ко мнѣ большинство выразило желаніе, чтобы все то же оставалось попрежнему и выразило полную солидарность со мною во взглядахъ на умственное развитіе и физическій трудъ. Не надо думать однако, чтобы постановленіе это было ясно высказано. Эти постановленія особенно характерны, какъ для председателя собранія И. О. К., который ихъ формулировалъ, такъ и для отношенія къ дѣлу большинства, которое не только не возмущилось этой формулировкой, но даже и не протестовало противъ нее, хотя она и противорѣчила постановленіямъ этого большинства. Два раза, при рѣшеніяхъ, принятыхъ громаднымъ большинствомъ, въ смыслѣ благопріятномъ для меня и Думы, не согласныя съ ними мнѣнія меньшинства, записаны, какъ постановленія собранія, а о несогласіи большинства съ этими „постановленіями“, въ одномъ случаѣ упомянуто въ примѣчаніи, а въ другомъ случаѣ совсѣмъ не упомянуто.

Тутъ же записаны рядомъ слѣдующія, взаимно противурѣчивыя, рѣшенія:

§ 6. 21 братъ и 6 сестеръ (т. е. меньшинство) находятъ, что Николай Николаевичъ излишне требователенъ къ Братству въ отношеніи религіозной и нравственной жизни.

§ 7. Всѣ братья, кромѣ одного и всѣ сестры (безъ исключенія) признаютъ необходимость повышенія религіозныхъ и нравственныхъ требованій.

Достаточно было одного этого изумительнаго факта, чтобы охарактеризовать отношеніе къ дѣлу и собранію и его руководителя.

Очевидно первое изъ этихъ двухъ постановленій должно было бы быть сформулировано такъ: „большинство находить обвиненіе

Николая Николаевича въ излишней требовательности въ области религіозно-нравственной жизни неосновательными и строго осуждаетъ тѣхъ, кто позволилъ себѣ несправедливо грубое отношеніе къ нему и его семьѣ по этому поводу въ заявленіяхъ, прочитанныхъ передъ нимъ въ общемъ собраніи. Меньшинство 21 брата и 6 сестеръ съ этимъ постановленіемъ большинства не согласилось.

Оказывается, что сдѣлавъ это постановленіе, все собраніе, не исключая и меньшинства, кромѣ одного брата, передумало и не только не нашло мои требованія чрезмѣрными, но даже выразило желаніе, чтобы требованія мои въ этомъ отношеніи были повышены. При такихъ обстоятельствахъ постановленіе № 6 совсѣмъ не должно было быть записано, а постановленіе № 7 должно было быть сформулировано такъ: обвиненіе Николая Николаевича въ излишней требовательности въ области религіозно-нравственной жизни Братства, мы не только не находимъ основательнымъ, но признаемъ, что онъ слишкомъ снисходителенъ къ намъ относился и просимъ его и Думу на будущее время быть къ намъ болѣе требовательными. Мы сознаемъ, что честь наша и честное отношеніе къ дѣлу Братства зависятъ именно отъ высоты религіозно-нравственной жизни въ немъ. Мы стыдимся тѣхъ братьевъ, которые осмѣлились цинично и грубо требовать пониженія религіозно-нравственного уровня жизни Братства и права гражданства для зла на лонѣ его.

Такъ было бы логично записать постановленіе собранія для ревнующихъ о чести и благѣ Братства. Не такъ поступило это собраніе и его руководитель. Въ этомъ же родѣ и всѣ остальные постановленія. На каждомъ шагѣ непримиримыя противорѣчія и все сводится на ничто.

О религіозной жизни Братства, послѣ постановленія, въ которомъ мнѣ предлагаютъ повысить требованія, постановляется, что она излишне регламентирована, прекрасно зная, что въ дѣйствительности свобода была такъ велика, что одно предложеніе съ моей стороны ввести въ жизнь Братства новый благочестивый обычай, вызвало со стороны недовольныхъ цѣлую бурю негодованія, какъ попытка совершить насиліе надъ свободой гордости и духовной лѣни.

Затѣмъ постановили, что общими молитвами и собраніями Братства дорожать подъ условіемъ права ихъ игнорировать, не подвергаясь за то никакому осужденію, а меньшинство выразило желаніе, чтобы собранія Братства имѣли преимущественно увеселительный характеръ и никогда—покаянный.

По отношенію къ умственной жизни сдѣлано слѣдующее неожиданное постановленіе: „Всѣ братья и сестры (т. е. все собраніе единогласно, не исключая и авторовъ заявленій) не находятъ, чтобы стремленіе къ умственному и эстетическому развитію подавлялось“. И только! По поводу именно этого вопроса было высказано наибольшее грубостей въ прочитанныхъ заявленіяхъ и учредителю Братства, и семьѣ его, и Думѣ, высказано было самоувѣренно отъ имени большинства членовъ Братства. Теперь единогласно признають, что всѣ эти оскорбленія были грубою несправедливостью. Казалось бы такъ естественно при этомъ покаяться въ этой совершенной отъ имени большинства грубой несправедливости и признать, что она была въ то же время и грубою неблагодарностью. Вспомнивъ, что этимъ грубымъ и несправедливымъ оскорбленіемъ подвергались именно тѣ, кому обязаны были оскорбители и умственнымъ развитіемъ, и спеціальнымъ образованіемъ и дѣятельнымъ покровительствомъ первыхъ проявленій талантливости. Опомнившись, логично было бы устыдиться и почувствовать потребность дать нравственное удовлетвореніе невинно оскорбленнымъ. Ничего подобнаго не было сдѣлано. Вѣрные лозунгу: свобода зла и его проявленій, собраніе и его руководитель, очевидно, опасались, чтобы, давая нравственное удовлетвореніе оскорбленнымъ, не нарушить принципа свободы проявленія зла, свободы оскорблять. Ну, а оскорбленные, поруганіе любви ихъ, нравственная пытка, которой они были подвергнуты! Стоитъ ли думать обо всемъ этомъ! Не ужъ-то ради этого отказаться отъ права, безграничной свободы индивидуальности! Я не иронизирую, я только формулирую мысли и чувства тѣхъ, которые на лонѣ Братства съ большимъ довѣріемъ отнеслись къ ходячимъ мнѣніямъ современной „интеллигенціи“ и ея „литературы“, нежели въ правдѣ откровенія и научавшему ихъ понимать и любить эту правду воспитателю и учредителю Братства. Точно при этомъ формулирую мысли и чувства всѣхъ тѣхъ, которые и внѣ Братства на мѣсто Бога Живого, Святого и Праведнаго увѣровали въ святость большинства грѣшнаго человѣчества, съ его культурою и литературою. Этимъ особенно и цѣненъ скорбный опытъ нами пережитаго, что тотъ ядъ, которымъ были отравлены наши бывшіе братья и временно заражены и нѣкоторые изъ тѣхъ, которые остались вѣрны Братству, отравляетъ и все современное человѣчество, увлекающееся идеями о непротивленіи злу и правѣ на свободу проявленія зла. Этотъ ядъ тѣмъ болѣе опасенъ, что истекаетъ изъ самой грѣховности человѣчества, усыпляетъ совѣсть, оправдываетъ

грѣхолобіе, подготавливаетъ возможность, путемъ свободнаго проявленія анархіи умовъ и сердець, осуществить анархію въ жизни.

Относительно измѣны Братству постановили тщательно избѣгать самого слова „измѣна“. Всѣ единогласно (!) признають, что дѣло Братства есть дѣло Божіе, но, что измѣнять этому дѣлу они считаютъ извинительнымъ и самую измѣну „дѣлу Божию“ за измѣну Богу не почитаютъ.

Относительно матеріальнаго положенія Братства постановили единогласно, что желаютъ возможно скорѣйшаго прекращенія „переходнаго положенія“.

Чтобы понять всю глубину сердечной безтактности и этого постановленія, надо знать, что всѣмъ было извѣстно, что самъ я этого давно желаю, что переходное положеніе состояло въ томъ, что Братство не было мною матеріально обезпечено, пользуясь временно неограниченнымъ кредитомъ моей кассы. Всѣ знали и то, что переходное положеніе продолжается не по моей волѣ, а по независимымъ отъ меня обстоятельствамъ: главнымъ образомъ, по причинѣ шатости умовъ и сердець, проявляемой самими членами Братства, отсутствія въ нихъ братскаго самосознанія, смиренной любви къ Богу, самоотверженія по отношенію къ дѣлу Братства, добровольной дисциплины любви, безъ чего я передъ Богомъ, по совѣсти, не считалъ себя въ правѣ поручить имъ Богомъ ввѣренный мнѣ талантъ богатства. Что значило при этихъ обстоятельствахъ выраженіе желанія, чтобы переходное положеніе возможно скорѣе прекратилось, да еще непосредственно послѣ того, какъ въ полномъ блескѣ была проявлена духовная немощность, полное отсутствіе братскаго самосознанія, самодовольная гордость и ко мнѣ лично, полное неуваженіе, жестокосердіе и неблагодарность! Мнѣ выражаютъ недоувѣріе къ тому, что я дѣйствительно обезпечу Братство, какъ только по совѣсти, передъ Богомъ, я буду считать себя вправѣ сдѣлать это! Мнѣ говорятъ этимъ постановленіемъ: мы не пытаемъ къ тебѣ ни любви, ни уваженія, ни довѣрія, мы доказали тебѣ это тѣмъ, что при насъ и отъ нашего имени тебя оскорбляли, подвергли нравственной пыткѣ поруганія и надѣвательства надъ всѣмъ, что есть на землѣ для тебя самого дорогаго—надъ любовью твоею къ намъ, надъ дѣломъ всей жизни твоей, а ты все-таки поторопись передать намъ средства, благодаря которымъ мы отъ тебя болѣе не будемъ зависѣть. Такое понуканіе при такихъ обстоятельствахъ—поистинѣ верхъ дерзости или невмѣняемости.

Послѣ этого единогласнаго постановленія большинство вырази-

лось за раздробленіе Братства на мелкія единицы, представляющія изъ себя каждая „самостоятельное учрежденіе“, которому я долженъ дать по 10 десятинокъ на душу на условіяхъ долгосрочной выплаты.

Надо помнить, что Братство, какъ учрежденіе не можетъ нести отвѣтственности за это собраніе и его постановленія. По уставу Братства, судьбы его зависятъ отъ Думы, при которой общее собраніе Братства имѣетъ только совѣщательный характеръ. Въ этомъ собраніи не только не участвовалъ никто изъ членовъ Думы, но и почти никто изъ сердецъ вѣрныхъ ей. Какъ было уже сказано, однихъ я просилъ не участвовать на этомъ собраніи, другіе сами отказались участвовать въ немъ первый же день, какъ только поняли характеръ этого собранія и тонъ, придаваемый ему его председателемъ, избранникомъ „недовольныхъ“ И. О. К. Такимъ образомъ, собраніе это совсѣмъ не представляло изъ себя Братства, по отсутствію въ немъ самыхъ убѣжденныхъ пионеровъ Братства, самыхъ заслуженныхъ дѣятелей его, главныхъ носителей братской идеи и всѣмъ сердцемъ имъ вѣрныхъ. Это было просто собраніе „недовольныхъ“ и тѣхъ которые относились къ нимъ въ духѣ благодушнаго попустительства. Дума желала, чтобы они свободно высказались, проверили самихъ себя, есть ли у нихъ какая либо опредѣленная программа созиданія Братства, есть ли у нихъ основательныя причины недовольства. Они и высказались. Ихъ программой оказалось право для всѣхъ жить на лонѣ Братства, не только безъ благочестія, но и безъ вѣры, созидая Братство, „каждый по своимъ вкусамъ“, какъ выразился въ письменномъ заявленіи своемъ В. К. О., заявленіи, признанномъ ими за самое „умно и дѣльно написанное“. Обнаружилось и то, что главное основаніе недовольства состоитъ въ томъ, что Дума на эту программу не соглашается. Не только Братство не можетъ быть по справедливости отвѣтственнымъ за постановленія этого собранія, но въ этомъ лучшее доказательство силы организаци Братства и его живучести, что даже такое собраніе не могло быть для него, не только вреднымъ, но и опаснымъ. „Недовольнымъ“ дана была возможность показать, чтобы они сдѣлали изъ Братства, если бы, согласно ихъ желаніямъ, судьбы Братства зависѣли не отъ Думы, какъ это есть по уставу, а отъ большинства общаго собранія, даже, когда это большинство далеко не во всемъ солидарно съ ними, а только не достаточно твердо въ своей волѣ и въ своихъ убѣжденіяхъ и ко злу на лонѣ Братства относится въ духѣ благодушнаго попусти-

тельства. Въ томъ и устойчивость братской организаци, въ томъ и основа прочнаго довѣрія, съ которымъ, говорю убѣжденно, и Церковь и Государство имѣютъ прочное основаніе относиться къ Братству Трудовому, что судьбы его зависятъ не отъ отдѣльныхъ „крикуновъ“, какъ бы эти „крикуны“ ни были даровиты и краснорѣчивы, не отъ случайнаго большинства людей неопытныхъ, допущенныхъ въ Братство на испытаніе, способныхъ подчиниться вліянію этихъ крикуновъ, а отъ Думы, избранныхъ изъ избранныхъ, доказавшихъ свою преданность и самоотверженную любовь къ Богу, доказавшихъ свое пониманіе, что дѣло Братства должно быть дѣломъ Божиимъ, отъ людей, которые изъ всего Братства наиболѣе могутъ быть признаны „Вогоносцами“. Всѣ остальные могутъ дѣйствовать вразрѣзъ съ ними только въ границахъ ими допускаемыхъ, только пока Дума не признаетъ по совѣсти, что оставлять ихъ долѣе на лонѣ Братства она не можетъ безъ ущерба для общаго блага. Выходъ одинъ: покаяться или уйти изъ Братства. Обыкновенно „нераскаянные“ уходятъ добровольно, раньше ихъ исключеніе, не находя простора для своеволія. Такъ случилось и теперь. Одни раскаялись, другіе ушли и Братство вышло изъ этого страшнаго испытанія не только безъ ущерба для себя, но возрожденнымъ, преображеннымъ, способнымъ начать ту свѣтлую новую эпоху, которая именно послѣ этого наступила. Итакъ пусть не видятъ противорѣчія между тѣмъ, что мною рассказано о скорбяхъ, пережитыхъ Братствомъ и тѣмъ добромъ, которое я всегда по совѣсти могъ сказать о вѣрныхъ Братству, тѣхъ, которые наиболѣе въ себѣ Братство олицетворяютъ и являются дѣйствительными хозяевами Братства потому, что они Божіи, понимаютъ, что и дѣло Братства должно быть Божиимъ, потому что они силою благодати Божіей сильны въ любви и вѣрности, принадлежатъ Братству не на часъ, не на годы, а на всю жизнь, искренно желая все претерпѣть и остаться вѣрными до конца. Слишкомъ несправедливо было бы возлагать на ихъ отвѣтственность и на отвѣтственность „ихъ“ Братства, мысли, чувства и дѣйствія ими „недовольныхъ“. Дума надѣялась и желала, чтобы на этомъ собраніи, вполнѣ высказавшись, всѣ опомнились, всѣ покаяться, всѣ были сохранены для дѣла Братства. Этого не случилось. Многіе не опомнились. Многіе ушли изъ Братства. Скорбь объ утерянныхъ братьяхъ, о тѣхъ чувствахъ, которыми они отвѣчали на братскую любовь нашу, о томъ малодушіи, которое было проявлено на „ихъ“ собраніи, даже и тѣми, которые не послѣдовали за ними въ нѣмнѣ ихъ, скорбь эта была

такъ велика, что всѣ мы безъ помощи Божіей могли бы поддаться малодушію, дойти до отчаянія, потерять всякую вѣру въ людей и возможность торжества добра въ жизни ихъ, но для Братства ничего дурного отъ этого не вышло. Напротивъ, Братство много выиграло отъ того, что ушли изъ него люди чуждые ему по духу, что ушли отъ дѣла Божія люди не Божіи, громко заявлявшіе, что они Божіими быть не хотятъ, что быть Божіими для нихъ „неестественно“, что самые призывы къ Богу и къ покаянію въ не-вѣрности Ему они считаютъ за духовное насилие надъ собою. „Злая закуска“ сама ушла изъ Братства, Братство очистилось и тѣмъ самымъ духовно окрѣпло.

Хроника семьи св. Николая такъ выражается по поводу собранія „недовольныхъ“: „Теперь даже непонятно, какъ могли мы не понять и не почувствовать всего происходившаго и того, съ какимъ поразительнымъ легкомысліемъ мы дѣлали постановленія и выслушивали то, что говорилось лицами, очевидно рѣшившими уйти изъ Братства и только желавшими, уходя, во всемъ обвинить руководителей. Даже, когда Р. Е. Л., шумѣвшій больше всѣхъ, позволялъ себѣ прямо оскорбительныя выраженія по отношенію къ Николаю Николаевичу, его сдерживало только возмущеніе отдѣльныхъ братьевъ и сестеръ, а не всего собранія, въ которомъ нашлись люди, осуждавшіе ихъ благородное негодованіе и требовавшіе свободы для грубыхъ нападокъ на Николая Николаевича“.

Въ концѣ собранія А. И. Ивченко предложилъ написать Думѣ, въ видѣ постановленія собранія слѣдующее заявленіе (не лишне сказать, что самъ А. И. Ивченко былъ прежде въ числѣ „недовольныхъ“, но гораздо раньше этого собранія понялъ истинный характеръ „недовольства“ и отшатнулся отъ самыхъ „недовольныхъ“): „Мы видимъ, что въ практикѣ братской жизни есть много ненормальныхъ и прискорбныхъ явленій... но сознаемъ, что причиною тому являемся мы сами, что многіе не хотѣли установить простыхъ искреннихъ отношеній къ Николаю Николаевичу... обижались, глухо роптали... недостаточно серьезно относились ко всѣмъ сторонамъ братской жизни и больше думали о своихъ прихотяхъ, чѣмъ о пользѣ Братства. Нужно только, чтобы мы измѣнили свои отношенія къ Братству и Николаю Николаевичу, встали на путь дружнаго созиданія Братства и жизнь наша сразу измѣнится, потечетъ ровно и счастливо. Сознавая все это, мы просимъ Николая Николаевича и Думу простить намъ все прошлое и обѣщаемъ иначе относиться къ тому великому, святому дѣлу, къ которому призваны“.

Хроника лаконически замѣчаетъ: „Большинство отвергло это предложеніе“.

На мѣсто этого приняли слѣдующую формулировку: „На писаніе докладовъ смотримъ, какъ на откровенность, достойную поощренія, но глубоко сожалѣемъ, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, особенно въ трехъ, звучалъ голосъ не любви къ Братству и заботы о его пользѣ, а личнаго недовольства и раздраженія... мы видимъ, что по многимъ вопросамъ наше мнѣніе не согласно со взглядами Николая Николаевича, но мы просимъ вѣрить нашей преданности Братству... можетъ быть причины неудовлетворенности и неустройства нашей жизни заключались отчасти и въ насъ и мы не были на высотѣ своего положенія, поэтому мы хотимъ выразить полное довѣріе къ Думѣ и учредителямъ Братства... Если же въ докладахъ и рѣшеніяхъ нашихъ прозвучала нота недовѣрія, оскорбительная для Думы и учредителей Братства, мы умоляемъ простить намъ это невольное оскорбленіе и вѣрить, что мы глубоко уважаемъ и Думу, какъ Братское учрежденіе, и Николая Николаевича, какъ нашего воспитателя, Блжстителя и руководителя“.

Многіе ли согласились и на эту редакцію, — неизвѣстно, такъ какъ подписей подъ этимъ заявленіемъ не было ни одной, вѣроятно изъ-за нежеланія руководителя собранія ставить „въ неловкое положеніе“, т. е. принудить къ честной откровенности тѣхъ, которые и это заявленіе подписать не пожелали.

Особенно неподражаемо выраженіе „откровенность, достойная поощренія“ относительно заявленій, въ которыхъ меня, семью мою и Думу осыпали оскорбленіями, и, въ связи съ этимъ, заключительныя слова о глубокомъ уваженіи ко мнѣ и той же Думѣ!

13 апрѣля обнаружилось, что анонимное заявленіе было написано Р. Е. Л. Почему члены Братства, не проявлявшіе никакого негодованія противъ В. Е. О., Н. П. П. и того же Р. Е. Л., вознегодовали на анонимъ, я совершенно не понимаю. Въ немъ кратко и нисколько не болѣе грубо говорилось то же, что и въ другихъ не анонимныхъ заявленіяхъ. Въ дѣйствительности самымъ грубымъ по мыслямъ и чувствамъ было несомнѣнно заявленіе В. Е. О., а по изысканной грубости тона—заявленіе Н. П. П. Почему то возмущались однимъ анонимомъ и непременно пожелали узнать, кто его написалъ. Когда открылось, что написалъ его Р. Е. Л., негодованіе противъ него для меня вполне понятно.

Въ собраніи Братства именно онъ всего болѣе возмущался, написаннымъ имъ самимъ анонимомъ. Съ этимъ совпало еще новое

разоблаченіе. Члены Братства узнали, что Р. Е. Л., еще ранѣе писанія заявленій рѣшилъ измѣнить Братству и подготовлялся къ тому, о чемъ зналъ весь Янполь. Въ хроникѣ семьи св. Іоанна объ этомъ такъ выражаются: „поведеніемъ Р. Е. Л. возмущено все Братство и его подлость превзошла границы... на собраніи онъ все время говорилъ такъ запальчиво и грубо, что только, благодаря его постояннымъ увѣреніямъ преданности Братству и въ томъ, что онъ говоритъ *на пользу Братства*, ему позволяли говорить; теперь же открылось, что онъ до этого еще готовился измѣнить Братству“. Дальше этого въ наивности идти некуда. Эта краткая записка многое объясняетъ. Наивность по отношенію къ Братству и безсердечіе по отношенію ко мнѣ доходили до того, что серьезно вѣрили, что мои враги могутъ быть друзьями Братства, что можно „на пользу Братства“ осыпать оскорбленіями того, который его задумалъ, отдалъ ему всю жизнь безраздѣльно, воспиталъ и возвысилъ въ достоинство братьевъ, тѣхъ, кто „на пользу Братства“, его оскорбляетъ!“

Вся братская семья св. Іоанна заявила Р. Е. Л., что отказывается подавать ему руку, а братская семья св. Николая, за исключеніемъ И. О. К. и И. П. П., рѣшила просить Думу объ исключеніи его изъ Братства. Такъ какъ все это было для Р. Е. Л. и многихъ другихъ, заранѣе рѣшившихъ измѣнить Братству, вопросомъ мелкаго самолюбія, вся агитація ихъ имѣла одну цѣль—оправдать, окружить ореоломъ идейности свою измѣну Братству, то онъ и поторопился объявить о своемъ выходѣ изъ Братства, раньше, чѣмъ Дума его рѣшила исключить. Онъ и въ этомъ ошибся. Дума не согласилась бы на его исключеніе и я первый былъ бы противъ этого рѣшенія, находя, что его поведеніе мало разнилось по своему нравственному достоинству отъ поведенія нѣкоторыхъ другихъ его единомышленниковъ и исключать его, не исключая ихъ, не было бы достаточнаго основанія. Въ чемъ онъ не ошибся, это въ томъ, что ему незачѣмъ было долѣе оставаться въ Братствѣ при рѣшимости нераскаяться.

Въ хроникѣ братской семьи св. Николая записано такъ: „Вечеромъ (13 апрѣля) многіе начали чувствовать угрызенія совѣсти. Нѣкоторые захотѣли пойти къ Николаю Николаевичу выразить ему свои добрыя чувства. Вернувшись отъ него, многіе еще глубже поняли то, что сдѣлали и просили, чтобы при чтеніи постановленій, было передано отъ нихъ то заявленіе, которое было отвергнуто большинствомъ“. Очень характерно, что И. О. К. даже не нашелъ

нужнымъ исполнить это желаніе меньшинства, благодаря ему и это утѣшеніе было у меня отнято и заявленіе это осталось не прочитаннымъ.

14 и 15 апрѣля происходило непрерывное засѣданіе Думы, а въ Воскресеніе 16 апрѣля состоялось общее собраніе, на которомъ впервые я высказался лично и по уполномочію Думы послѣ собранія „недовольныхъ“.

Въ хроникѣ братской семьи св. Іоанна записано такъ: „Всѣ были въ напряженномъ состояніи духа, ожидая, что скажетъ Братству Дума въ отвѣтъ на рѣшенія собранія... Какъ отнесется къ самому характеру собранія, такъ какъ оно имѣло характеръ бунта“.

Прежде, чѣмъ говорить объ общемъ собраніи 16 апрѣля, нахожу полезнымъ сказать, что я пережилъ за это время, безъ чего можетъ быть не для всѣхъ будетъ ясно мое отношеніе къ нему и то настроеніе, которое его породило.

До тѣхъ поръ, пока мнѣ не были сообщены постановленія собранія, я упорно вѣрилъ, что, обсуждая заявленія, полныя духа отреченія отъ христіанскаго трудового братства и ожесточенной злобы противъ Думы и меня, не могутъ не прозрѣть тѣ, которые были въ теченіе многихъ лѣтъ ежедневными свидѣтелями моей любви, моего неизмѣннаго уваженія къ человѣческой личности въ каждомъ изъ нихъ. Они были ежедневными свидѣтелями свободы и радости братской жизни; для нихъ не могли не быть очевидны коварство и лживость окраски, придаваемой злобою, жизни Братства и моимъ отношеніямъ къ нему. На этомъ основывалась моя надежда сохранить для Братства, для братской любви нашей, даже и самыхъ ослѣпленныхъ и ожесточенныхъ.

Невозможное, какъ мнѣ казалось, совершилось. Передъ всѣми Дума и я были подвергнуты поруганію и духовной пыткѣ. Собраніе „недовольныхъ“ и ихъ попустителей подробно ознакомилось съ самыми орудіями пытки, сообща обсуждала ихъ достоинства и глаза ихъ не открылись до пониманія того, что мы были подвергнуты поруганію и пыткѣ. Ихъ не возмутила сплошная ложь, грубая клевета, цинично высказанная передъ цѣлымъ собраніемъ людей, изъ которыхъ ни одинъ не могъ не знать, что это ложь и клевета. Сколько злобы надо было противъ Бога и тѣхъ, кто призывалъ къ Нему и къ организаціи жизни на Его завѣтахъ мира и братолюбія чтобы до такой степени извратились понятія и чувства, чтобы при такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ не возгорѣлся святой

гнѣвъ противъ зла и неправды. Я надѣялся, что большинство только легкомысленно, что самые легкомысленные возмутятся до горячаго протеста противъ несправедливой жестокости совершающагося на ихъ глазахъ и это отрезвить, потушить злобу немногихъ. Миѣ доказали, что злобы хватило у большинства собранія на то, чтобы равнодушно отнестись къ публичному поруганію самой идеи Братства и любви самоотверженныхъ его піонеровъ. И въ этомъ—высоко полезный опытъ, пережитой въ насъ всѣмъ человѣчествомъ. Это собраніе состояло не изъ исключительно злыхъ людей и оказалось способнымъ на исключительно злое дѣло, когда, поддавшись вліянію проповѣди гордости и эгоизма, они громко заявили свое мнимое право не быть Божиими, не дѣлать дѣла Божія, не „отвергнуться себя“, не взять на себя крестъ, не идти за Христомъ. Они отрекались отъ Бога и правды Его—Господь далъ имъ свободу отъ Себя и благодати Своей. Любовь — высшее проявленіе благодати Божіей. Кто отрекается отъ Бога, Богомъ освобождается отъ причастія благодати Его, у того изсякаетъ любовь, изсякаетъ мудрость, изсякаютъ всѣ благодатныя силы духовныя. Онъ способенъ не понимать самыхъ простыхъ вещей, способенъ на самыя безсмысленныя жестокости. Покаявшись и ставъ вновь причастникомъ благодати Божіей, онъ самъ изумляется и съ искреннимъ удивленіемъ спрашиваетъ самого себя: какъ могъ я не понимать этого, какъ могъ я такъ позорно поступать?! „Имѣющіе уши, да слышать“.

Такъ и въ этомъ случаѣ. При всѣхъ произошло несправедливое и жестокое дѣло, у всѣхъ, за малыми исключеніями, не хватило любви, не только на то, чтобы вознегодовать на неправду и защитить обиженныхъ и оклеветанныхъ, но даже и на то, чтобы понять, что ложь была ложью, клевета—клеветой и что совершилось передъ ними жестокое поруганіе любви и дѣла любви!

О, если бы поняло себя человѣчество на этомъ яркомъ проявленіи „большинства“, составленнаго, не только изъ „ожесточенныхъ“ своимъ недовольствомъ, такихъ было немного, но и изъ „попустителей“, этихъ немногихъ „ожесточенныхъ!“ Оно такъ вѣрить въ непогрѣшимость „большинства“, такъ вѣрить въ догматъ неотъемлемаго права широкаго проявленія свободы индивидуальности, безъ всякаго отношенія къ нравственному достоинству этихъ индивидуальностей! Оно такъ ласкаетъ гордость и эгоизмъ этого большинства, завѣряя его, что у него одни права и нѣтъ никакихъ обязанностей! О, если бы оно поняло, что это большинство—грѣшное и грѣхолюбивое, что признаніе права широкаго проявленія

индивидуальности—есть узаконеніе широкаго проявленія зла, что свободу „грѣшное большинство“ понимаетъ, какъ свободу поруганія любви, поруганія разума и оподленія жизни!

Надо мною лично было совершено настоящее нравственное убійство. Съ этой минуты я почувствовалъ себя буквально мертвымъ, совершенно неспособнымъ на какую либо дѣятельность на землѣ. Это не было чувствомъ личной обиды и возмущенія по поводу грубаго поруганія моего человѣческаго достоинства и всей моей жизни. Это не было нежеланіемъ дѣйствовать. Это не было злобою противъ тѣхъ, которые оскорбили и отвергли меня и мою любовь. Какъ я уже сказалъ прежде, страшное сознаніе вѣковѣчнаго поруганія и отверженія Бога Живого и любви Его, совершенно затмило во мнѣ чувство личной обиды. Меня подавило сознаніе нашей общечеловѣческой грѣховности, страшное сознаніе того, что всѣ люди и самъ я въ ихъ числѣ, могутъ быть такъ же по злобѣ слѣпы по отношенію къ Богу, какъ мы способны быть по злобѣ слѣпы по отношенію другъ къ другу, не сознавая ни своей слѣпоты, ни своей злобы, ни своей жестокости. Въ душѣ моей съ небывалою силою пробудился страхъ Божій, страхъ передъ тѣмъ, что мы безсознательно и ежедневно совершаемъ по отношенію къ Нему чудовищныя преступленія, распинаемъ Его и предаемъ поруганію нами Распятаго! Рядомъ съ этимъ пробудилось во мнѣ и подавляющее сознаніе моего безсилія. Вѣдь и я человѣкъ, и я могу быть совершенно слѣпъ, могу, желая служить Господу, безсознательно распинать любовь Его. Итоги моихъ почти двадцатилѣтнихъ усилій послужить Ему, привести къ Нему возможно большее число душъ живыхъ, пробудивъ въ нихъ любовь и вѣрность Ему, были налицо. Передъ всѣмъ Братствомъ миѣ сказали, громко заявляя, что говорить это отъ имени большинства: „Мы не имѣемъ ни любви, ни уваженія, ни довѣрія къ тебѣ и считаемъ себя въ правѣ такъ къ тебѣ относиться. Бога, котораго ты намъ навязываешь мы не любимъ, мы твердо рѣшили отстаивать отъ Него и отъ тебя нашу самостоятельность и потому ты напрасно призываешь насъ къ покаянію. И твои призывы къ покаянію, и твое волненіе при видѣ нашей нераскаянности, и самая жизнь на лонѣ устраиваемаго тобою Братства Трудового, для насъ бремя непосильное. Мы теперь не дѣти, а взрослые люди, доразвившіеся до пониманія того, что любовь къ Богу и къ тебѣ совсѣмъ для насъ необязательна и мы требуемъ, чтобы не осуждали тѣхъ изъ насъ, которые будутъ искренно и свободно проявлять отсутствіе любви къ тебѣ и Богу твоему. Авторитета вашего

мы не признаемъ, всякое напоминаніе о немъ подавляетъ свободу нашу. Мы желаемъ полной свободы отъ Бога, до права жить безъ Него на лонѣ Братства. Мы желаемъ и полной свободы отъ тебя, до права идти отъ тебя на край свѣта, въ Сибирь, туда, гдѣ мы бы никогда болѣе не слышали о тебѣ, ни о твоёмъ авторитетѣ, не чувствовали бы болѣе надъ собою тяготѣнія твоего вліянія. Двадцать лѣтъ ты насъ воспитывалъ и о насъ заботился, теперь справедливо, чтобы ты заплатилъ намъ за это, далъ намъ по 15 десятинъ или по 400 рублей на каждого, а мы тебѣ когда нибудь выплатимъ эти деньги. Чувствовать себя обязанными чѣмъ нибудь тебѣ для насъ унижительно, а такимъ образомъ мы тебѣ ничѣмъ обязаны и не будемъ, а будемъ только съ тобою въ опредѣленныхъ дѣловыхъ отношеніяхъ. Конечно, при такихъ обстоятельствахъ тѣ самостоятельныя рабочіе единицы, которые мы образуемъ, будутъ очень мало походить на то христіанское Трудовое Братство, которое ты желаешь. Что же дѣлать, не можемъ же мы отказаться отъ нашего права свободныхъ людей, не имѣть съ тобою ни въ чувствахъ, ни въ мысляхъ ничего общаго. Правда, до сихъ поръ, очень многіе, при безконечно болѣе благопріятныхъ матеріальныхъ обстоятельствахъ, уходили изъ Братства подъ предлогомъ, что будущность ихъ недостаточно обезпечена. Признавая право этихъ свободныхъ людей относиться къ тебѣ безъ довѣрія, мы не порицали ихъ за это и даже негодовали на тѣхъ, которые позволяли себѣ это проявленіе свободы называть измѣною. Теперь будетъ не то. Мы глубоко убѣждены, что всѣ нестроенія братской жизни и наша неудовлетворенность, имѣли одну общую причину. Единственный виновникъ всему—ты самъ и твое нестерпимое отношеніе къ намъ, твоя чрезмерная требовательность, доходившая до требованія смиренной любви къ Богу и вѣрной любви къ дѣлу Братства. Когда мы будемъ на свободѣ отъ твоего руководства, мы всѣ почувствуемъ себя вполне довольными, будемъ скромны, бережливы и ни при какихъ, даже самыхъ трудныхъ матеріальныхъ обстоятельствахъ, не измѣнимъ другъ другу. Хозяйство наше преуспѣетъ и мы выплатимъ тебѣ ссуженныя намъ деньги. Мы ясно видимъ, что расходимся съ тобою во взглядахъ. Просимъ не сомнѣваться, что нами руководятъ самыя благія побужденія. Хотя мы и твердо увѣрены въ томъ, что все зло въ тебѣ и въ твоихъ отношеніяхъ къ намъ, мы допускаемъ возможность невольной ошибки; быть можетъ, совсѣмъ того не зная, и мы въ чемъ нибудь неправы. Все это не должно мѣшать

тебѣ вѣрить въ наши чувства глубокаго уваженія и совершенной преданности“.

Такъ говорили со мною тѣ, для которыхъ я все оставилъ, которыми я отдалъ сердце мое, которыми хотѣлъ быть братомъ до могилы и послѣ нея! Никогда я не понималъ жизни безъ любви. Для меня жить—всегда значило—любить. Именно потому для меня никогда и не возникалъ вопросъ: можно ли жить не любя, можно ли мириться съ рутинною жизнью, чуждою любви, можно ли на землѣ дѣлать иное дѣло, кромѣ дѣла стройной организаціи жизни на началахъ любви, можетъ ли быть разумна и извинительна измѣна любви и дѣлу любви въ жизни. И вдругъ во мнѣ, какъ мнѣ казалось, изсякла любовь, изсякла съ тѣмъ вмѣстѣ и самая жизнь. Во мнѣ душа омертвѣла. Во мнѣ было одно чувство—ужасъ передъ необходимостью продолжать жить на землѣ, ужасъ, передъ сознаніемъ глубины грѣховности человѣчества, ужасъ передъ самимъ собою, какъ представителемъ того же человѣчества.

Чувствуя себя живымъ членомъ живого организма Братства, кромѣ этой общей человѣческой грѣховности, я чувствовалъ на себѣ въ полной мѣрѣ и грѣхъ Братства, не рѣшаясь судить о томъ, въ какой мѣрѣ самъ я причастенъ этому грѣху.

Во мнѣ такъ сильно жило убѣжденіе, что дѣло Братства Трудового—дѣло Божіе, что оно свято, разумно и право, что я долженъ дѣлать это дѣло и никакого другого дѣла дѣлать не могу, что въ немъ смыслъ моего земного бытія и что оно сдѣлается, не смотря ни на какія препятствія, не смотря на всѣ немоци мои, потому, что не я, а Богъ будетъ созидать его въ немоци моей! И что же, тѣ, кого я призывалъ на дѣло это, не полюбили святости, опалены ею, цинично выказываютъ черноту души своей, увѣрены, что черное—бѣло и самодовольны въ своемъ отверженіи! Что могу сказать я имъ! Что значать для нихъ слова мои! Много лѣтъ я прожилъ съ ними, любилъ ихъ, съ довѣріемъ дѣлалъ ихъ участниками жизни ума и сердца моего, послѣднее время часто плакалъ передъ ними. Одни огульно отвергли и осудили всю жизнь мою! Другіе не вознегодовали на нихъ за это, не осудили ихъ и тѣмъ вмѣстѣ съ ними осудили меня! Что же могу я еще сказать имъ! Да и смѣю ли я говорить! Не легла ли печать отверженія на насъ и на дѣлѣ нашемъ! Все, что было для меня вышею святынею: общія молитвы, братскія лобзанія, вся совмѣстная братская жизнь съ ея свѣтлыми радостями и многими святыми минутами молитвеннаго и сердечнаго вдохновенія и благоговѣнія, и любовь, и радость, и

умиленіе, все поругано, все стало кощунствомъ! Чего мнѣ ждать, какъ дольше жить!

Опять, я обращаюсь не къ одному Братству, а ко всему человечеству. Мы такъ надѣмся на непогрѣшимость своего разума, такъ увѣрены теперь, въ періодъ царства разума, что именно разумъ, а не любовь, является высшею цѣнностью міра, должны занимать мѣсто первое и въ жизни духа человѣка, и въ заботахъ о немъ, и въ жизни общественной. О, если бы человечество повѣрило Богу и Христу Его, что заповѣдь любви есть высшая заповѣдь, что любовь къ Богу и ближнимъ есть высшая мудрость—правда міра, единая основа свободы, гармоніи и вѣчнаго блаженства! Оно съ вѣрою и любовію приступило бы къ стройной организации жизни на основѣ любви, разумъ сталъ бы вѣрнымъ другомъ вѣры и любви, указывающимъ разумныя пути для достиженія цѣлей, намѣченныхъ ими. Мнѣ не удалось поднять души, увѣренные мнѣ, до той высоты любви, при которой вѣра и жизнь по вѣрѣ стали бы насущною потребностью ума, сердца и совѣсти. Тогда они съ любовію созидали бы дѣло любви при свѣтѣ разума. Они не любили настолько, чтобы дорожить любовью, они не повѣрили, что любовь—высшее сокровище міра. Они не побоялись допустить злобу въ сердце свое и разумъ ихъ сталъ слѣпымъ рабомъ ихъ гордости и злобы, но съ этимъ вмѣстѣ пересталъ быть мудростію. Во имя разума они отвергли любовь и надругались надъ нею. Во имя разума они, не глупые, стали поступать и говорить глупо—самоувѣренно заявляя, что защищаютъ интересы Братства, дѣлая въ то же время все отъ нихъ зависящее, чтобы погубить его. Они и погубили бы его, если бы и Дума и я вмѣстѣ съ ними стали руководствоваться доводами человеческого разума нашего, а не вѣрою и любовію къ Богу.

То же происходитъ въ настоящее время и въ жизни всего человечества. Во имя разума отрицаютъ любовь къ Богу и дисциплину любви въ жизни. Во имя разума требуютъ полной свободы; во имя разума и свободы отрицаютъ всякое различіе между добромъ и зломъ, всякія авторитеты, всякую организацію — требуютъ анархіи. Если люди вѣры и любви не соединятся на дѣло разумной организаціи порядка и добра въ жизни, обособляясь отъ зла, что является единственною возможностью мирнаго противленія злу, человечество подъ вліяніемъ злой воли будетъ неудержимо стремиться во имя свободы и разума все къ большей и большей дезорганизации жизни. Дѣло въ томъ, что согласно вѣчной и неизмѣнной

правдѣ Божіей, въ мірѣ Бога Любовь, хозяиномъ должна быть любовь, а разумъ имѣть служебное значеніе. Когда онъ служитъ любви, онъ, сообразно характеру хозяина, имѣетъ почетное положеніе друга. Когда онъ служитъ злобѣ, сообразно иному характеру этого другого хозяина-самозванца, онъ находится въ позорномъ положеніи слѣпного раба, принужденнаго измѣнять самому себѣ,—во имя разума говорить и поступать неразумно. Нельзя служить одновременно двумъ господамъ, любви и злобѣ, Богу и мамонѣ. Нельзя не обособляться отъ зла, благодушно уживаться съ нимъ, не становясь пособникомъ и попустителемъ его. О, если бы человечество сознало грозную, насущную потребность въ настоящее время обособленія добрыхъ отъ злыхъ на дѣло стройной организаціи добра въ жизни, смирилось бы до сознанія страшной опасности благодушной уживчивости со зломъ, благодушнаго отношенія къ злой закваскѣ!

Самъ я, если бы повѣрилъ доводамъ моего человеческого разума, освобожденнаго отъ руководства любви къ тѣмъ, которые такъ грубо отвергли меня, если бы въ то же время освободилъ его и отъ руководства любви къ Богу, къ какимъ бы логическимъ выводамъ пришелъ бы я въ эти страшные дни. Разумъ говорилъ мнѣ: „послѣ всего происшедшаго всякая надежда наивна и является неразумнымъ упорствомъ. Ты никогда не любилъ жизни земной; всегда, всѣмъ существомъ своимъ ты чувствовалъ эту жизнь, какъ позоръ, скорбь и униженіе. Одна любовь была для тебя свѣточемъ во тьмѣ жизни, она одна оразумливала и облагораживала для тебя жизнь. Только приступивъ къ дѣлу любви ты и примирился съ жизнью земною. Двадцать лѣтъ призывалъ къ любви и на дѣло любви. Теперь ты видишь, что то, что было естественно для тебя, оказывается неестественнымъ для другихъ, то, что было для тебя насущною потребностью любви, разума и совѣсти, не только не дорого, но является постылою „чужою сказкой“ для другихъ. Тѣ, кого ты любовью воспитывалъ на дѣло любви и называлъ братьями своими, огульно отвергли тебя, жизнь твою и дѣло твое. Одни совершенно самодовольны во злѣ, другіе не возмущаются этимъ до горячей ревности о добрѣ. Можешь ли ты любить ихъ, не измѣняя тѣмъ любви къ Богу и добру! Можешь ли ты разумно продолжать говорить съ ними и дѣлать одно съ ними дѣло! Очевидно нѣтъ. Глупо терять передъ ними слова, которые для нихъ имѣютъ такъ мало значенія; позорно участвовать въ дѣлѣ, которое не можетъ быть дѣломъ Божіимъ, когда не только не имѣютъ ни любви, ни

смирения, ни чувства долга, но даже вполне самоуверенны и самодовольны во злѣ. То дѣло „святого братства“, которое одно на землѣ ты считаешь разумнымъ и добрымъ, водворяющимъ миръ и гармонию правды Божіей въ домѣ міра Божія, ради котораго стоитъ на землѣ и жить, и умереть,—стало невозможнымъ для тебя. Унизишь ли ты себя до жизни безъ „святости“? И чѣмъ можетъ быть эта жизнь со страшнымъ опытомъ пережитого, какъ не сплошнымъ и безцѣльнымъ страданіемъ! Конечно, ты и теперь вѣришь, что для Бога все возможно, но ты знаешь и то, что никогда Господь не насилуетъ на добро людей самодовольныхъ во злѣ. Тебѣ предстоитъ честно признаться передъ лицомъ всего человѣчества, что дѣло „святого братства“ задушено грѣховностію и грѣхολубіемъ большинства или принять участіе въ обманѣ, довольствуясь фальшивою монетою братства безъ Бога, братства гордецовъ и себялюбцевъ. Во второмъ случаѣ съ тобою не только помирились бы, но и превознесли бы тебя, какъ истинно либеральнаго человѣка, находящагося на высотѣ современной культуры. Унизишь ли ты себя до этой сдѣлки, до этого нравственного подкупа „недовольныхъ“ на лонѣ Братства и общественнаго мнѣнія внѣ его? Конечно есть между членами Братства, устоявшіе въ любви, но и они по большей части показали себя такими робкими, какъ въ дѣлѣ защиты добра, такъ и въ дѣлѣ проявленія святого гнѣва противъ зла, что взвалить на ихъ слабыя плечи всю тяжесть креста Братства Трудового — не только безуміе, но и жестокость по отношенію къ этимъ робкимъ, слабымъ людямъ. Нѣтъ, нѣтъ, тебѣ нѣтъ иного выхода. Ты долженъ честно поступить по правдѣ: немедленно закрыть школы, немедленно отказаться отъ Братства, въ которомъ громко было заявлено нежеланіе быть дѣломъ Божіимъ, святымъ братствомъ, отсутствіе вѣры въ самую возможность стремиться къ святости путемъ покаянія въ злобѣ и жажды любви. Ты такъ много затратилъ матеріальныхъ средствъ, сознавая, что и они — талантъ, врученный тебѣ Богомъ, такъ много этого таланта зарылъ въ землю, которая такъ мало уродила, что долѣе распоряжаться этимъ талантомъ ты не можешь. На поддержаніе зла ты не смѣешь дать ни одной копейки, хотя бы за это тебя единодушно проклинали тѣ, кого ты любилъ и осудило общественное мнѣніе. Раздѣлай то, что ты такъ дурно сдѣлалъ и умри!“

Вотъ что говорилъ мнѣ мой человѣческій разумъ. Если бы я послушался этого голоса, дѣло Братства перестало бы быть и я самъ окончилъ бы или безуміемъ или самоубійствомъ, совершить

которое надъ собою при данныхъ обстоятельствахъ было бы для меня вышею радостью. Поступить именно такъ было бы вполне логично въ моемъ положеніи для всякого, кто на мѣсто Бога вѣрилъ бы въ свой человѣческій разумъ и потому ходилъ бы „видѣніемъ а не вѣрою“, руководствовался бы тѣмъ, что видитъ и знаетъ, а не любовью къ Богу и вѣрою въ вѣчную, неизмѣнную правду Его.

Спасла меня именно любовь къ Богу и неизбѣжная при любви вѣра въ Него и вѣчную правду Его. Мнѣ казалось, что во мнѣ изсякла любовь. Въ дѣйствительности я только пересталъ любить прежнюю любовью, многихъ изъ тѣхъ, кого прежде горячо любилъ и скорбь объ этой утраченной любви была такъ велика, что я не признавалъ всю силу любви моей къ Богу, изъ любви къ Которому я и пересталъ любить ихъ прежнюю любовью до времени, пока не могъ дать волю любви моей къ нимъ, не измѣняя тѣмъ любви къ Богу и добру. Жила во мнѣ горячая любовь къ остатку вѣрныхъ и большая жалость къ нимъ. Спасла однако Братство не любовь къ людямъ, а именно любовь къ Богу и только одна она.

Любовь къ остатку вѣрныхъ и особенно къ личной семьѣ моей не только не требовала отъ меня продолжать создавать дѣло Братства Трудового, но, напротивъ, требовало отъ меня немедленно освободить ихъ отъ этого непосильнаго бремени. Человѣку свойственно предполагать въ другихъ тѣ же чувства, какими онъ живетъ. Страданія мои были слишкомъ велики, чтобы я могъ желать для тѣхъ, кого отъ всего сердца жалѣлъ, этой безсрочной пытки.

Особенно жалъ мнѣ было старушки матушки моей и обѣихъ сестеръ. Онѣ такъ много оставили для Братства по понятіямъ людей. Горы социальныхъ предразсудковъ сдвинула ихъ вѣра „дѣйствующая любовью“. Эта смиренная любовь къ дѣлу Братства во многомъ переродила ихъ, возвысила ихъ духовно до того, что онѣ даже и не сознавали своего смиреннаго подвига, находя высшую радость въ братской любви своей къ тѣмъ, для ежедневнаго общенія съ которыми они ушли отъ блеска, утонченности и разнообразія увеселеній той сферы, къ которой принадлежали по рожденію. Когда я сравнивалъ съ ними и ихъ смиренною любовью заносчивую гордость и грубую злобу тѣхъ многихъ, которые, не жертвуя ни богатствомъ, ни почетомъ, ни удовольствіями великосвѣтской жизни, получивъ образованіе на средства, предназначенныя для созиданія Братства, съ тупымъ самодовольствомъ провозглашаютъ свое право воспользоваться этимъ образованіемъ для личныхъ вы-

годъ и личной карьеры, съ презрѣніемъ и грубою жестокостью отвергая любовь тѣхъ, которые зовутъ ихъ на дѣло вѣры и любви и желаютъ быть имъ братьями, мнѣ казалось кощунствомъ, ложью дальнѣйшее „братство“ между ними. Они были равны любовью. Безъ любви они ни въ чемъ не равны между собою. Равенство между ними на словахъ и въ жизни безъ правды Великаго Уравнителя — любви, — только ложь и обманъ. Тяжелый опытъ научилъ меня понимать, что пожимаютъ имъ руки безъ любви, безъ уваженія къ нимъ, люди, увѣренные въ ослѣпленіи своей гордости, что они выше, умнѣе, развитѣе и полезнѣе этихъ смиренныхъ подвижницъ. Думая о нихъ, я проникался глубокимъ умиленіемъ и чувствовалъ настоятельную сердечную потребность оградить ихъ, смиренныхъ и любящихъ, отъ грубыхъ оскорбленій грубыхъ людей. Само собою, все это, не только не могло побудить меня продолжать созиданіе Братства Трудового, но напротивъ, побуждало меня отказаться отъ этого дѣла, которое, по выкладкамъ ума человѣческаго, на основаніи точныхъ данныхъ, добытыхъ опытомъ жизни, не могло быть ни чѣмъ инымъ, какъ безцѣльнымъ самоистязаніемъ немногихъ, среди торжествующаго большинства грѣшнаго и грѣхολюбиваго человѣчества.

Думаю, что всякій безпристрастный человѣкъ подтвердитъ строгую логичность всѣхъ этихъ умозаключеній.

Одна вѣра и любовь къ Богу остатка вѣрныхъ спасли дѣло Братства Трудового, спасли его наперекоръ жизненному опыту, наперекоръ логикѣ человѣческой и самымъ точнымъ выкладкамъ человѣческаго разума.

Лучшее доказательство тому, что любовь къ Богу безсознательно жила во мнѣ, то, что я ни минуты не усумнился въ Его верховныхъ правахъ Хозяина міра, въ Его верховныхъ правахъ на меня и мою жизнь. Наперекоръ всему я ни минуты не усумнился въ томъ, что долженъ жить, пока Господь не благоволитъ избавить меня отъ (земной) жизни и, живя, дѣлать дѣло Божіе, единое разумное и благое, какъ для всего міра, такъ и для меня лично, частицы этого міра, хотя бы мнѣ пришлось дѣлать дѣло это при самыхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, съ самымъ ограниченнымъ числомъ соработниковъ. Никакого иного дѣла, кромѣ дѣла Божія я дѣлать не могу и не хочу, сознавая, что истина одна — правда Божія и что она одна разумна и блага. Одна любовь къ Богу могла поддержать во мнѣ непоколебимую увѣренность въ этомъ. И действительно, любовь къ Богу возросла всею силою

любви, которую изъ вѣрности Ему я пересталъ расточать на землѣ, возросла до горячей жажды ежеминутнаго общенія съ Нимъ, теперь, когда на землѣ все стало для меня сплошнымъ ужасомъ, сплошною скорбію.

Во всѣ эти страшные дни отъ 13-го по 16-е апрѣля, будучи не въ состояніи заснуть болѣе, чѣмъ на самое короткое время, я могу сказать, что душа моя буквально проводила день и ночь въ непрестанной молитвѣ: „Боже, возьми меня отсюда. Ты видишь, что я долѣе не могу жить. Впрочемъ, да будетъ во всемъ воля Твоя. Если Ты хочешь, чтобы я продолжалъ жить и дѣйствовать, дай мнѣ силу служить на святое дѣло Твое: дай мнѣ терпѣніе, великодушіе, кротость, смиреніе и любовь. Прости и возроди тѣхъ, которые ожесточились въ отвѣтъ на призывъ мой. Самъ призиви ихъ и въ немощи нашей сотвори силу Свою!“ Одна любовь къ Богу могла внушать мнѣ эту вѣру и эту молитву. Одна она и спасла дѣло Братства и меня, когда люди все сдѣлали для того, чтобы погубить насъ и въ самомъ себѣ я не чувствовалъ силу жить и дѣйствовать.

Теперь я понимаю, что все это должно было именно такъ быть, что въ этомъ была высшая правда. Дѣло Братства должно было пережить эту Голгофу, неся крестъ Братства Трудового во слѣдъ Христу: быть убитымъ людьми и воскрешеннымъ Богомъ для того, чтобы всѣ мы не могли не понять, что не себѣ, а Богу обязаны дѣломъ Братства Трудового, что не только преступно, но и глупо было бы съ нашей стороны приписать себѣ, украсть у Бога въ дѣлѣ этомъ хотя бы малую долю славы Его.

Этотъ урокъ смиренія, застраховывающій насъ отъ возможности возгордиться, а вмѣстѣ съ тѣмъ и потерять смиреніе любви и страха Божія, самую возможность работать на дѣло любви на землѣ и стать причастниками Царства Бога-Любовь на небѣ, былъ данъ всѣмъ намъ, продолжающимъ дѣло Братства, а въ насъ и всѣмъ преемникамъ нашимъ. При доброй волѣ урокъ этотъ будетъ полезенъ не только намъ, созидającymъ Братство Трудовое, но въ насъ и всѣмъ, имѣющимъ „уши, чтобы слышать“, окажетъ помощь всему человѣчеству въ трудномъ дѣлѣ самопознанія. Потому я и говорю такъ подробно обо всемъ этомъ.

Главная причина всего зла и всѣхъ страданій — отсутствіе смиренной любви и добровольной дисциплины любви по отношенію къ Хозяину міра — Богу Живому. Въ самодовольной гордости человѣчества, въ отсутствіи смиренія любви — единственная причина

невѣрія и хаоса умовъ, сердець и жизни. Хорошо зная уловки злой воли для оправданія гордости, я опасаясь, какъ бы мое признание, что жила въ душѣ моей любовь къ Богу, не послужила поводомъ къ попыткѣ украсть славу Божию въ пользу мою, а въ моемъ лицѣ, въ пользу человѣчества вообще. Говорю по совѣсти, въ самомъ себѣ я никакой силы на продолженіе дѣла не чувствовалъ, никакой борьбы во мнѣ не происходило, никакихъ побѣдъ я не одерживалъ. Безсознательная любовь къ Богу жила во мнѣ съ самаго рожденія моего. Она не была плодомъ моихъ усилій, размышлений моего ума, духовныхъ подвиговъ, тяжелой борьбы. Это даръ Божій, данный мнѣ даромъ, какъ и всякому человѣку, независимо отъ наслѣдственности, такъ какъ мои стремленія и моя дѣятельность, порожденные этою любовью, имѣютъ очень мало общаго съ дѣятельностью большинства предковъ моихъ, совершенно независима отъ среды, меня окружавшей, среды, которая всегда признавала именно эту любовь во мнѣ чѣмъ-то излишнимъ, даже ненормальнымъ, неестественнымъ, тѣмъ самымъ признавая и то, что она не отъ нихъ заимствована, имъ не сродна. Еще разъ повторю: я — человѣкъ, чувствовалъ себя совершенно безсильнымъ продолжать дѣло Братства, никакой борьбы за торжество дѣла этого въ себѣ не велъ, никакой побѣды въ этомъ отношеніи не одерживалъ, а слѣдовательно и ни малѣйшей доли славы въ дѣлѣ спасенія Братства Трудового себѣ приписать не могу. Вся слава цѣликомъ принадлежитъ Богу и любви Его. Любовь къ Нему была даромъ мнѣ дана, вложена въ душу мою при самомъ рожденіи. Это даръ любви Божіей. Онъ былъ отъ Бога, а не отъ меня. Онъ былъ во мнѣ Божіе, а не человѣческое. Онъ застраховалъ меня отъ всякихъ колебаній, дѣлалъ для меня невозможнымъ, неестественнымъ жить безъ Бога, не вѣрить въ Него, мириться съ рутинною жизнью, чуждой вѣры и любви. Онъ застраховалъ меня и отъ любви безъ Бога, т. е. не приводящей къ Богу, не организующей жизни, согласно Его завѣтамъ любви, другими словами, отъ духовной растерянности безсистемной благотворительности.

Всѣми силами души я любилъ этотъ даръ и это дѣлало возможнымъ безъ насилія надо мною оставлять его во мнѣ. Въ этой любви моей къ таланту любви, даруемому всѣмъ безъ различія, и заключается все мое личное достоинство и этимъ достоинствомъ, право, не мнѣ, ни человѣчеству во мнѣ гордиться нечѣмъ. Всѣми силами души я хотѣлъ быть Божимъ, дѣлать дѣло Божіе, оставаясь съ Нимъ, вѣрнымъ Ему. Для того, чтобы не желать этого,

не желать для себя причастія любви, мудрости, силы и славы Божіей, надо обезумѣть отъ гордости, ослѣпить отъ злобы. Не быть безумно гордыми, не мириться со слѣпою злобою въ себѣ, вотъ все, что требуется отъ насъ, людей. Дорожить талантомъ любви, вѣреннымъ намъ Богомъ, не зарыть его въ грязь земную — въ этомъ все наше достоинство, все наше благородство, вся наша честность. Все остальное доброе въ насъ, — отъ Бога, Божіе, даръ любви Его.

Вотъ, что нужно намъ было понять, путемъ скорбнаго опыта пережить, чтобы быть застрахованными отъ позорнаго соблазна, украсть у Бога славу Его въ дѣлѣ созиданія Братства Трудового и тѣмъ самымъ погубить себя и дѣло наше. Вотъ дорогой опытъ, пережитой въ насъ на дѣлѣ нашемъ, всѣмъ человѣчествомъ. Люди доброй воли поймутъ это и вмѣстѣ съ нами воскликнутъ: „Живъ Господь Богъ, творящій чудеса! Благословенъ еси, Господи! Благословенны любовь и мудрость, и сила, и слава Твоя! Благословенны долготерпѣніе Твое и скорби, которыя Ты допускаешь для вразумленія нашего! Благословенна Голгофа, на которой покаались „разбойники благоразумные“, которыхъ Ты помиловалъ и содѣлалъ силою благодати Твоея честными работниками на нивѣ Братства Трудового! Благословенъ позоръ, черезъ который мы прошли и въ насъ всѣ братья наши по человѣчеству, потому, что въ великой немощи позора нашего ярче возсіяла для насъ великая сила Твоя! Благословенна слабость наша и сила Твоя, потому что въ этомъ слабость зла и сила добра, крѣпкая основа вѣчнаго царства Твоего въ день конечнаго торжества славы любви Твоей! Благословенъ еси, Господи! Мы хотимъ быть Твоими, съ Тобою, вѣрными Тебѣ, святы насъ во имя Твое и въ немощи нашей твори силу Твою!“

Итакъ, было правдою, чтобы мы пережили ужасъ и позоръ этихъ трехъ дней 13, 14 и 15 апрѣля, когда Братство было погребено нами, между Голгофою, уготованной 11 и 12 апрѣля гордостью и злобою людей и воскресеніемъ Братства, совершившимся милостію, любовію и благодатію Божіей 16 апрѣля.

Теперь намъ легко понять это и благословить мудрость любви Божіей, тогда было безконечно больно, стыдно и страшно. Не себѣ и не своимъ силамъ, а Богу и силамъ Небеснымъ мы обязаны тѣмъ, что пережили все это и разумъ въ насъ не помутился и сердце не ожесточилось, и дѣло Братства Трудового не исчезло съ лица земли.

Все это я большею частію говорилъ отъ своего имени, рассказывая, что самъ переживалъ, потому что знаю, что происходило

въ тайникѣ души моей. Очень вѣроятно, что всѣ, плакавшіе со мною у креста Господа, распятаго на лонѣ Братства нашего, а вмѣстѣ съ нами и всѣ раскаявшіеся позднѣе, пережили въ большей или меньшей степени нѣчто подобное. Не могу говорить отъ ихъ имени, такъ какъ то, что они переживали, составляетъ тайну ихъ души и извѣстно, кромѣ нихъ, одному Богу сердцеѣдцу.

Я уже сказалъ, что во время чтеній заявленій въ собраніи 11 апрѣля, я почувствовалъ съ новою, давно небывалою (съ раннихъ лѣтъ дѣтства моего) силою общеніе съ міромъ незримымъ; я сталъ лучше различать мое и приходившее ко мнѣ извнѣ, совершенно отъ меня независимо. Я пересталъ смѣшивать, какъ слишкомъ часто было прежде, свое личное настроеніе съ переменчивыми настроеніями разныхъ представителей духовнаго міра, которые вводили меня въ сферу духа своего. Теперь я сталъ болѣе сознательно воспринимать ощущенія ихъ настроеній и ихъ мыслей, когда они, по свободному изволенію духа своего, дѣлали меня причастникомъ своей жизни. Знаю, какъ дико прозвучать эти слова, какъ и многое изъ того, что я говорю для сознательныхъ и безсознательныхъ представителей современнаго матеріализма. Всякій христіанинъ *по духу* пойметъ меня, воплотивъ сознавая, не только возможность, но и неизбѣжность постоянного общенія души нашей съ міромъ незримымъ. Когда говорятъ: „теперь намъ понять трудно, какъ могли мы такъ думать, чувствовать и поступать“, не признаютъ ли, сами того не сознавая, что дѣйствовали подъ вліяніемъ злыхъ силъ изъ міра незримаго, мирясь съ внушенными ими мыслями и чувствами, усваивая ихъ себѣ, воплощая ихъ въ себѣ и, наконецъ, становясь слѣпыми орудіями ихъ злобы. Напротивъ, каждый, кто желалъ быть съ Богомъ, вѣрнымъ Ему орудіемъ въ рукахъ Его, не могъ всѣмъ существомъ не сознавать, что своимъ человѣческимъ разумомъ и своимъ человѣческимъ сердцемъ часто не сознавалъ всей глубины правды и добра, которые заключались въ словахъ и дѣлахъ ихъ подъ вліяніемъ высшей Силы, болѣе ихъ благой и мудрой. Они сами поучаются отъ Ней въ собственныхъ словахъ и дѣлахъ своихъ, достигая большого добра, чѣмъ желали и понимали, иногда путями, для нихъ самихъ непонятными.

Особенно тяжело мнѣ было думать, что самъ я такъ дурно служилъ на дѣло Божіе, что Господь, какъ мнѣ казалось, отвергаетъ дѣло это. Вся сила моя была въ любви, вся надежда въ томъ, что любовію мнѣ удастся возвысить души до высоты любви, необходимой для дисциплины любви и дѣла любви. Мнѣ доказали, что мно-

гіе, не только далеки отъ торжествующей любви, но даже полны ожесточенія. Себя я считалъ виновнымъ въ неуспѣхѣ, отвѣтственнымъ за ихъ ожесточеніе. И душа стонала въ невыносимой скорби, моля простить и исправить всѣ ошибки недомыслия и малодушія, содѣланныя мною и другими. Въ отвѣтъ на это я почувствовалъ глубокой миръ, тихую радость настроенія духа, приближившагося ко мнѣ и сказавшаго мнѣ: „миръ тебѣ, не скорби о нихъ; они отвергли тебя и любовь твою, отнынѣ ты не отвѣчаешь за нихъ и за судьбу ихъ“. Тогда душа моя стала молить Господа, чтобы онъ доказалъ мнѣ, что не отвергаетъ меня, что я остаюсь въ рукѣ Его и могу продолжать дѣло Его. Въ этой молитвѣ я говорилъ Господу: „вотъ омертвѣла душа моя, не чувствую любви къ тѣмъ, которые отвергли любовь мою, съ тѣмъ вмѣстѣ и угасла надежда на будущность Братства на землѣ. Докажи мнѣ, что я, не смотря на это, остаюсь въ рукѣ Твоей, безъ чего Ты, видящій сокровенная души моей, знаешь, что я жить не въ силахъ. Если и отсутствіе любви къ тѣмъ, которые отвергли любовь и затмѣніе надежды не оскорбляютъ Тебя, не суть доказательство того, что я вырвалъ себя изъ руки Твоей, дай мнѣ хотя на мгновеніе любовь и жалость къ нимъ“. Въ отвѣтъ на это душу мою пополнила ликующая радость, та радость, которая переполняетъ душу, которая не разъ въ самыя тяжелыя минуты внезапно, по молитвѣ, прогоняла мракъ и скорбь души, возстановляла въ ней миръ и давала силу переживать многое, что пережить казалось невозможнымъ, съ памятію о чемъ продолжать жить, казалось невыносимымъ. На этотъ разъ, среди этой радости я почувствовалъ любовь и жалось ко всѣмъ тѣмъ, кто отвергъ любовь мою, не исключая и тѣхъ, которые сдѣлали это съ наибольшимъ ожесточеніемъ. На нѣсколько мгновеній мнѣ была дана радость любви, торжествующей надъ всѣмъ пережитымъ, радость, не скорбною, а мирной любви и молитвы о тѣхъ, о которыхъ за минуту передъ тѣмъ безъ мучительной скорби ни думать, ни молиться не могъ. Я понялъ этотъ отвѣтъ и возблагодарилъ за него Господа. Господь какъ бы сказалъ мнѣ: „не смущайся, ты продолжаешь быть въ рукѣ Моей; я дамъ тебѣ силу продолжать дѣло Братства Трудового. Я дамъ тебѣ и радость и любовь, когда найду справедливыми эти чувства въ тебѣ, безъ измѣны Мнѣ“.

Съ этой минуты я почувствовалъ себя сравнительно спокойнымъ. Миръ вернулся въ душу мою вмѣстѣ съ твердою увѣренностью, что вмѣстѣ со мною не отвергнуть и остатокъ вѣрныхъ, что въ немощи нашей соблаговолитъ Господь явить силу Свою, хотя бы и не мно-

гіе опомнились, хотя бы пришлось потерять намъ для дѣла Братства Трудового громадное большинство всѣхъ наличныхъ членовъ его.

Съ этой минуты въ душѣ моей жила одна молитва: „да свершится воля Твоя въ насъ, съ нами и черезъ насъ“, и въ этой молитвѣ подъ покровомъ скорби уже свѣтилась радость надежды.

Вотъ настроеніе, съ которымъ я пошелъ въ воскресенье 16 апрѣля на собраніе, отъ исхода котораго зависѣло такъ многое.

Передъ началомъ собранія я по обыкновенію прочелъ молитву передъ началомъ дѣла, но на этотъ разъ прочелъ ее съ большимъ волненіемъ, съ болѣе глубокимъ сознаніемъ необходимости для насъ помощи Божіей, чѣмъ когда либо. Началъ я словами: „Вы слышали, съ какимъ глубокимъ волненіемъ я прочелъ обычную молитву. Не удивляйтесь тому. Одному Богу я обязанъ тѣмъ, что пережилъ эти дни, сохранивъ здравый разсудокъ и нахожу силу говорить въ этомъ собраніи послѣ того, какъ мнѣ казалось, что я ни одного слова не найду сказать въ отвѣтъ на отверженіе любви моей и дѣла всей моей жизни“.

Въ общихъ чертахъ я напомнилъ исторію возникновенія и постепеннаго созиданія Братства. Желая воспитать любовью на дѣло любви, я не хотѣлъ въ дѣлѣ этомъ употреблять иныхъ орудій кромѣ любви. Самъ я такъ горячо и нѣжно любилъ, что не допускалъ возможности, чтобы и мнѣ не платили тѣмъ же, чтобы могли сомнѣваться въ искренности любви моей. Вотъ почему я былъ глубоко убѣжденъ, что всякія проявленія любви моей будутъ имѣть воспитательное значеніе; что любовь радостная поддержитъ и укрѣпитъ въ добрѣ, что любовь скорбная остережетъ отъ зла, что любовь гнѣвная святымъ огнемъ прижжетъ язву духовную и исцѣлитъ ее. Всѣ знаютъ, что я никогда не проповѣдывалъ себя и не призывалъ къ вѣрѣ въ себя, а проповѣдывалъ Бога живого и призывалъ къ повиновенію святой волѣ любви Его. Вотъ именно то, что я всегда любилъ съ Богомъ, а не безъ Бога, затемнило пониманіе любви моей и даже довело до сомнѣнія въ ней тѣхъ, которые, живя сами безъ Бога, требовали и отъ меня, чтобы я любилъ ихъ постоянно любовью радостной, безъ всякаго отношенія къ тому, вѣрны ли они Богу и дѣлу Его, или нѣтъ. Переставъ понимать любовь мою, они переставали и цѣнить ее, перестали любить меня; съ этой минуты они вычеркнули меня изъ своего существованія. Любовь моя не могла болѣе вліять на нихъ благотворно, а могла только баловать ихъ. И всѣ проявленія моей заботливой любви къ нимъ и ревности о дѣлѣ Братства, стали казаться имъ ненужной,

докучливой помѣхой. Въ такомъ же положеніи, какъ я оказались и сестры мои и всѣ съ нами единомысленные и единокружные. Мы долго и упорно не хотѣли вѣрить въ такое отношеніе къ намъ и слишкомъ долго оставляли въ Братствѣ вредную закваску злой воли, упорно принимая ее за легкомысліе и неопытность. Благодаря этому, въ теченіе десяти лѣтъ жизни Братства была настолько мало регламентирована, что, какъ оказалось теперь, въ немъ обжились, почувствовали себя хозяевами положенія люди, совершенно чуждые вѣры, любви, смиренія и самоотверженія трудолюбія. Въ теченіе десяти лѣтъ я вмѣстѣ съ Думою призывалъ, уговаривалъ, умолялъ, надѣясь, что опомнятся, сами придутъ къ желательному, любовью будутъ научены добровольно подчиниться дисциплинѣ любви и приступятъ въ духѣ смиренія и самоотверженія къ стройному созиданію жизни Братства подъ руководствомъ Думы.

Это долготерпѣніе было, не только не на пользу, а во вредъ тѣмъ, которые его не понимали и не цѣнили. Все чаще и чаще стало проявляться самодовольство во злѣ, зло съ каждымъ днемъ становилось все отважнѣе, гордо поднимало голову и наконецъ стало требовать признанія своей законности, своего права свободно проявлять себя, дошло до заботливаго обереганія зла отъ всякаго порицанія, до требованія отъ добра не проявлять себя, подъ предлогомъ, что это стѣсняетъ свободу зла. Не то ли же происходитъ по всему лицу Европы въ настоящее время и подъ ярлыкомъ свободы индивидуальности уже впилося въ мозгъ и сердце „православныхъ“ на „святой Руси“.

Такимъ образомъ они не только перестали признавать авторитетъ Влостителя и Думы, но даже занялись специально недоброжелательною критикою ихъ и отстаиваніемъ себя и своего мнимаго права на косненіе во злѣ и на свободное проявленіе зла на лонѣ Братства. Мы всѣ видѣли это, но слишкомъ любили, чтобы не желать давать этимъ очевиднымъ фактамъ самое благопріятное объясненіе и тутъ все не хотѣлось допустить возможность злой воли. Мы все приписывали легкомыслію молодости, думали, что по легкомыслію они не достаточно живутъ съ Богомъ и Братствомъ въ умахъ и сердцахъ, благодаря чему у нихъ и не хватаетъ благодатныхъ силъ на честное согласованіе жизни съ вѣрою и добромъ. Если бы намъ пришла мысль, что они тяготеютъ призывами къ покаянію и жизни съ Богомъ потому, что самодовольны во злѣ и твердо рѣшились пребывать въ немъ, какъ намъ это было сказано теперь въ письменныхъ заявленіяхъ, прочитанныхъ передъ всѣмъ

Братствомъ, мы отогнали бы эту мысль, какъ слишкомъ оскорбительную для тѣхъ, кого попрежнему горячо желали считать братьями и имѣть право любить и уважать.

Послѣ десяти лѣтъ, видя полную неспособность многихъ самостоятельно прійти къ тому, что нужно для преуспѣянія Братства, Дума наконецъ убѣдилась въ необходимости помочь, изложивъ систематично въ подробныхъ руководящихъ правилахъ то, что логично вытекаетъ изъ самой идеи Православнаго Трудового Братства. Въ этихъ правилахъ въ дѣйствительности не было ничего новаго для Братства; лишь то, что давно и я совѣтовалъ и Дума постановляла, но слишкомъ многіе упорно игнорировали, безъ чего однако Братство не можетъ не только преуспѣвать, но и существовать. Особенное вниманіе мы обратили на то, чтобы облегчить самопроѣрку въ дѣлѣ честнаго отношенія къ Богу и жизни съ Нимъ, а не безъ Него, вполнѣ сознавая, что именно въ этомъ краеугольный камень зданія Братства, что безъ этого все мы лишены притока благодати, не способны быть живыми камнями, созидающими изъ себя духовный домъ Братства. Тутъ то и проявилось, что мы имѣемъ дѣло не съ легкомысліемъ, а со злою волею, самодовольнымъ отсутствіемъ любви къ Богу, къ дѣлу Братства, къ Думѣ, ко мнѣ. Для насъ стало ясно, что любовь и долготерпѣніе Думы только избаловали тѣхъ, которые не любя, неспособны были ни понять, ни оцѣнить ихъ по достоинству.

Избалованность ихъ дошла до того, что излишнюю свободу, которою они пользовались на лонѣ Братства, они называли „невыносимымъ деспотизмомъ“ моего „подавляющаго авторитета“. Заботы Думы объ установленіи честныхъ отношеній къ Богу называли „излишнею регламентаціей религиозной жизни“. Тихую радость безпеченной жизни на лонѣ Братства не устыдились назвать „безотраднымъ существованіемъ безправныхъ рабовъ среди удушливой атмосферы, созданной (мною) постылымъ „хозяиномъ“ и „благодѣтелемъ“. Вотъ до чего мы дожили.

Всю эту первую часть моей рѣчи я записываю хотя и приблизительно, по памяти, но довольно подробно, потому что она нигдѣ не записана. Даже въ прекрасной записи семейной хроники братской семьи св. Николая за этотъ мѣсяцъ, прекрасной во всемъ остальномъ, вся эта часть рѣчи не передана ни по буквѣ ни по духу, благодаря чему становится мало понятными и дальнѣйшія событія. Можетъ быть это объясняется словами той же хроники: „многіе пришли на собраніе, заранѣе рѣшившись покаяться“ и

потому не нашли нужнымъ внимательно вслушиваться въ мои слова. Даже и въ покаяніи проглядывала гордость людей, увѣренныхъ, что ихъ покаяніе слишкомъ достаточно, что мои слова не могутъ ихъ привести къ большому раскаянію. Очень вѣроятно, что отчасти и этому мы обязаны тѣмъ, что покаяніе оказалось далеко недостаточнымъ, сознание вины слишкомъ поверхностнымъ и что жизнь Братства не разомъ вошла въ добрую колею.

Послѣ этого я перешелъ къ разсмотрѣнію постановленія грустной памяти собранія „недовольныхъ“ 11 и 12 апрѣля и сообщилъ постановленіе Думы по этому поводу.

Одинъ изъ членовъ Думы прочелъ слѣдующее постановленіе ея въ отвѣтъ на заключительное заявленіе собранія „недовольныхъ“: „Выслушавъ постановленія, касающіяся отношеній къ Николаю Николаевичу, постановленія, полныя недовѣрія, выговоровъ и наставленій, Николай Николаевичъ заявилъ свое нежеланіе долѣе оставаться Блюстителемъ Братства, особенно въ виду постановленія большинства братьевъ о томъ, что считаютъ авторитетъ Николая Николаевича въ Братствѣ подавляющимъ, т. е. чрезмернымъ, въ отвѣтъ на неоднократныя его заявленія о томъ, что онъ тяготится этою должностію, находя, что авторитетъ его недостаточно признается. Братская Дума выражаетъ глубокое негодованіе на такое незаслуженное, грубое оскорбленіе Николая Николаевича—нашего воспитателя и Блюстителя, отдавашаго намъ всю свою жизнь и неизмѣнно относившагося къ намъ съ любовью и деликатностію, вполнѣ сознавая, насколько послѣ этого оставаться Блюстителемъ Братства является тяжелымъ подвигомъ для него, Дума упростила его для пользы Братства остаться Блюстителемъ... Братская Дума, вполнѣ признавая желательность докладовъ и вообще всякаго личнаго почина на пользу Братства, смотритъ на записки В. К. О., Н. П. П. и Р. Е. Л., не какъ на откровенный голосъ брата, ищущаго пользы Братства, ни какихъ цѣнныхъ предложеній въ направленіи упорядоченія жизни Братства въ этихъ заявленіяхъ не заключается. Полное отсутствіе въ нихъ духа вѣры, любви и пониманія цѣлей Братства, сдѣлало чтеніе ихъ недостойнымъ Братства скандаломъ. Авторы этихъ заявленій должны были бы стыдиться выражаемыхъ ими мыслей и чувствъ, вмѣсто того, чтобы цинично выставить ихъ передъ всѣмъ Братствомъ, считая этотъ цинизмъ за свободу и откровенность. Дума крайне огорчена тѣмъ, что собраніе не поняло всего этого и вмѣсто заслуженнаго негодованія, выразило только слабое порицаніе, что дѣлаетъ все собраніе

въ значительной степени ответственнымъ за содержание этихъ неприличныхъ записокъ; въ то же время на заявленіе Т. Н. Шаповала никто не обратилъ вниманія, никто не присоединился къ его полному вѣры и любви заявленію, никто не выразилъ ему сочувствія. Такимъ образомъ собраніе выказало крайнюю необдуманность, полное забвеніе интересовъ Братства и тѣмъ доказало совершенную неспособность принимать участіе въ рѣшеніи его судьбы“.

Въ хроникѣ братской семьи св. Николая говорится по этому поводу, что многіе выслушали это заявленіе Думы съ жгучимъ стыдомъ и смиреннымъ сознаніемъ, что все сказанное было позорною правдою.

Въ послѣдней части моей рѣчи я категорически заявлялъ, что, какъ это всѣмъ извѣстно, я всегда смотрѣлъ на Братство, какъ на дѣло Божіе, къ которому мы обязаны относиться съ благоговѣніемъ, со смиренною любовью, искренно желая себя и жизнь свою принаравливать къ пользѣ Братства, постепенно возвышаясь до него путемъ тройного подвига: вѣры, любви и труда. Православное Трудовое Братство, которое кощунственно принижало бы дѣло до уровня своихъ немощей, было бы лишнею ложью въ жизни и безъ того полной лжи, обмановъ и фикцій. На это позорное дѣло ни я ни Дума никогда не согласимся, хотя бы отъ насъ того требовало огромное большинство и какъ бы грубо оно отъ насъ это ни требовало. Не соглашусь и я быть при такихъ обстоятельствахъ его ответственнымъ представителемъ и обезпечивать ему материальную возможность существовать.

Послѣ того, какъ многіе изъ числа пріемныхъ членовъ Братства выказали такъ много духовной грубости, заносчивой гордости и самодовольства во злѣ, я склоненъ не ограничивать права Думы, а напротивъ совѣтую Думѣ значительно повысить свою требовательность и въ полной мѣрѣ пользоваться своею самостоятельностью по уставу. Пусть уйдутъ отъ насъ и дѣла нашего всѣ тѣ, которые и послѣ скорбнаго опыта нами пережитого, не будутъ имѣть достаточно вѣры, любви и смиренія для добровольной дисциплины любви и радостнаго созиданія подъ руководствомъ Думы святыни братства въ жизни.

Не дѣлайте себѣ кумира изъ „большинства“. Не увлекайтесь этимъ предразсудкомъ современнаго культурнаго человѣчества. Поймите полную неприменимость этой теоріи къ Монархіи міра Божія и къ дѣлу Братства Трудового, какъ дѣлу Божію. Культъ „большинства“ разуменъ только съ точки зрѣнія чисто языческой

и совсѣмъ негнѣтъ съ точки зрѣнія христіанской. Въ Богѣ Единомъ „путь и истина и жизнь“, а не въ большинствѣ грѣшнаго человечества. Общее благо зависитъ отъ торжества правды Божіей, а не отъ торжества своеволия большинства злыхъ, гордыхъ и самодовольныхъ грѣшниковъ.

Такъ и въ Братствѣ Трудовомъ. Не большинство задумало и осуществило Братство. Породили его вѣра и любовь моя, искреннее желаніе мое быть послушнымъ орудіемъ воли Божіей въ дѣлѣ осуществленія правды Его въ жизни. Естественно въ началѣ рѣшающей голосъ въ дѣлѣ созиданія Братства долженъ былъ принадлежать мнѣ, сознательно приступившему къ этому дѣлу и умудренному опытомъ жизни, а не большинству дѣтей, которыхъ я воспитывалъ. Позднѣе также естественно было мнѣ избрать себѣ вѣрныхъ соработниковъ именно изъ меньшинства, выказавшаго исключительное пониманіе дѣла Братства, исключительную готовность самоотверженно послужить на осуществленіе его въ жизни, а не изъ большинства, проявлявшаго эти качества въ значительно меньшей степени.

Вполнѣ естественно и въ настоящее время и на будущія времена, чтобы рѣшающей голосъ принадлежалъ Думѣ, въ которую именно и принимаетъ избранное меньшинство, а не большинство, состоящее изъ людей, допущенныхъ на испытаніе и тѣхъ, которые еще не заслужили довѣрія Думы въ такой степени, чтобы она могла по совѣсти и передъ Богомъ сдѣлать ихъ участниками рѣшенія судьбы Братства, избравъ ихъ своими сочленами.

Поймите изъ опыта нами пережитого, что большинство еще не способно самостоятельно созидать Братство. Поймите, что требуя себѣ правъ, не соответствующихъ вашимъ духовнымъ силамъ, вы тѣмъ проявляете гордость и самодовольство, унижающее васъ въ глазахъ Думы. Смиритесь до добровольнаго признанія авторитета Думы и вы дадите ей возможность дать вамъ больше свободы, не регламентировать жизнь вашу и, наконецъ, дать вамъ право голоса въ рѣшеніи судьбы Братства, принявъ васъ въ свою среду“.

Въ началѣ моей рѣчи меня одушевлялъ гнѣвъ противъ зла, такъ сильно проявившагося на лонѣ Братства, стыдъ за Братство, не исключая изъ него и себя, допустившаго этому злу въ такой степени разростись. По мѣрѣ того, какъ я говорилъ и въ прямой зависимости отъ настроенія громаднаго большинства членовъ собранія, которое я почувствовалъ, въ сердце мое влиялась все большая и большая любовь, пока я не ощутилъ, что могу отъ всего

сердца простить всѣхъ, не исключая и наиболѣе виновныхъ. Тогда я всталъ и пошелъ въ среду бывшихъ „недовольныхъ“ и сказалъ имъ: „вы все сдѣлали, чтобы погубить дѣло Братства и духовно убить меня, но сила Божія сильнѣе немощей нашихъ. Господь даетъ мнѣ силу любить и вамъ дастъ эту силу, если вы того пожелаете. Сплотимся дружно на дѣло Божіе честнаго созиданія святыни братства въ жизни и Господь, любовь Котораго превышаетъ разумніе наше, проститъ насъ и содѣлаетъ насъ причастниками благодати любви Своей, Онъ, возвратившій мнѣ любовь къ вамъ и уже дающій вамъ любовь ко мнѣ. Въ доказательство того, что я всѣхъ простилъ, я желалъ бы сейчасъ обнять и поцѣловать тѣхъ, которые въ прочитанныхъ ими заявленіяхъ отнеслись ко мнѣ наиболѣе жестоко“.

Съ этими словами словами я направился къ Н. П. П. По дорогѣ я вездѣ видѣлъ глаза полные слезъ, горящіе огнемъ святого порыва добраго чувства. Многіе подходили ко мнѣ, выражали раскаяніе и оказывали трогательную ласку. Это еще болѣе увеличивало любовь и во мнѣ и я, подойдя къ Н. П. П., горячо обнялъ его и покрылъ лицо его горячими поцѣлуями. Онъ не отвѣчалъ на ласку мою и оставался холоднымъ и мрачнымъ. Какъ лезвіе холоднаго ножа проникло мнѣ въ сердце ощущеніе ожесточенія его оскорбленной гордости. Я превозмогъ себя, не разрыдался, хотя душа моя была полна слезъ и направился къ В. К. Θ. Именно эту минуту онъ выбралъ, чтобы доказать, среди общаго добраго порыва, свою самостоятельность въ гордости и злобѣ. Видя, что я сейчасъ подойду къ нему, онъ громко заявилъ, что не раскаивается и уходитъ изъ Братства. Тогда я не сразу понялъ побудительной причины этой изысканной жестокости. Дѣйствительно, въ письменномъ заявленіи, прочитанномъ передъ всѣмъ Братствомъ, надругаться надъ любовью и всею жизнію того, кто его воспитывалъ, до слезъ радовался его первымъ успѣхамъ, называлъ его братомъ и теперь нашелъ въ себѣ достаточно любви, чтобы простить ему все; знать, что я истерзанъ недавно пережитою пыткой, сознать себя однимъ изъ палачей и выбрать минуту общаго добраго порыва, чтобы бросить мнѣ въ лицо высшее оскорбленіе своей нераскаянности и вновь отвергнуть любовь и прощеніе, заявивъ въ такую минуту свою рѣшимость окончательно измѣнить Братству, что можетъ быть еще болѣе жестоко.

Теперь я понимаю тотъ психологическій процессъ, подъ влияніемъ котораго возможны и такія явленія, при полной невмѣняемости тѣхъ, которые ихъ совершаютъ. Гордость способна со-

вершенно ослѣплять человѣка. Въ теченіе вѣковъ гордость ослѣпляетъ грѣшное человѣчество до полнаго непониманія правъ хозяина міра—Бога Живого и своихъ нравственныхъ обязанностей по отношенію къ Нему, до полнаго непониманія мѣста, занимаемаго въ мірозданіи Богомъ и человѣчествомъ. Удивительно ли, что та же гордость способна еще въ большей степени ослѣплять людей во взаимныхъ отношеніяхъ между собою. Удивительно ли, что и на лонѣ Братства нашлись люди, повторяю, не худшіе многихъ, ослѣпленные гордостью, какъ тому и подобаетъ быть типичному представителю зауряднаго средняго человѣка, когда онъ не преобразенъ силою благодати Божіей до полнаго непониманія моихъ нравственныхъ правъ, воспитателя, друга, брата и Блюстителя Братства и своихъ нравственныхъ обязанностей по отношенію ко мнѣ, до полнаго непониманія мѣста, занимаемого мною въ дѣлѣ Братства и судьбахъ его. Подъ влияніемъ этого ослѣпленія они не только перестали понимать тѣсную нравственную связь между отношеніями ко мнѣ и преданностью самому Братству, но даже смотрѣли, какъ на измѣну себѣ на всякое проявленіе раскаянія, любви и преданности по отношенію ко мнѣ. Теперь мнѣ стали понятны „съ этой точки зрѣнія“ многіе факты, которые прежде только ужасали меня своею „нелѣпостью“.

Именно только „съ этой точки зрѣнія“ я могу понять и другой, необыкновенно типичный для того времени фактъ. Логично было бы, казалось, въ такую минуту всѣмъ единодушно возмутиться противъ этого нераскаяннаго палача, громко исповѣдующаго свою нераскаянность и грубо отвергающаго прощеніе и любовь своей жертвы. Совершилось не то. Водворилось общее молчаніе. Ни одного протеста противъ случившагося, хотя бы въ формѣ новаго проявленія сочувствія ко мнѣ, подвергшемуся новому публичному оскорбленію. Когда я среди этой тишины сказалъ В. К. Θ.: „вы свободны и если находите возможнымъ въ эту минуту заявить намъ о своей измѣнѣ, это дѣло вашей совѣсти“, нашелся человѣкъ, который сталъ утѣшать и выражать свою любовь къ тому, который поступилъ безконечно болѣе жестоко, чѣмъ могъ бы поступить на войнѣ, неизвѣстный врагъ, который въ сраженіи убилъ бы меня и даже надругался бы надъ моимъ трупомъ. Этотъ человѣкъ, съ тѣхъ поръ тоже измѣнившій Братству, былъ И. Θ. К., бывшій председатель собранія „недовольныхъ“, избранный ими за его „безпристрастіе“.

Очевидно многіе, не смотря на добрый порывъ и искреннее

раскаяніе, которое и дало имъ возможность стать твердо на новую добрую дорогу, отчасти находились еще подъ гипнозомъ недавняго настроенія и не могли разомъ отрѣшиться отъ той „точки зрѣнія“, по которой злая воля имѣетъ широкое право проявлять себя, всякое порицаніе зла есть покушеніе на свободу индивидуальности, разноголасіе со мною и Думою есть доблестное проявленіе самостоятельности и свободы, а измѣною можно называть только измѣну врагамъ нашимъ, когда отъ нихъ переходятъ на нашу сторону. Вотъ до чего доходило ослѣпленіе тѣхъ, кто отстанвалъ отъ насъ свободу жить на лонѣ Братства безъ Бога, безъ любви, безъ смиренія и безъ дисциплины.

Вотъ въ какой немощи явилъ Господь силу Свою за одну добрую волю съ нашей стороны не сбрасывать съ себя креста Братства Трудового и нести его во слѣдъ Христу. Пусть тѣ, которые, прочтя эту исповѣдь Братства, осудятъ его, вспомнятъ, что осуждая его, считая, что будучи на мѣстѣ піонеровъ Братства они поступали бы лучше, они тѣмъ самымъ признаютъ свою нравственную обязанность сдѣлать больше и лучше насъ. Апостолъ Павелъ говорилъ: „чѣмъ буду я хвалиться, развѣ немощами моими“. Чѣмъ болѣе мы немощны, первые піонеры Братства Трудового, тѣмъ яснѣе на насъ сила Божія, продолжающая въ немощахъ нашихъ созидать Братство Трудовое, тѣмъ болѣе очевидна возможность этого дѣла для самыхъ немощныхъ, если они приступятъ къ этому дѣлу не на себя, а на Бога надѣясь, тѣмъ болѣе нравственно обязательнымъ становится для всѣхъ дѣло организаціи жизни по вѣрѣ на началахъ мира и единенія въ братолюбіи.

А немощны были мы всѣ, не исключая и меня, котораго парализовало сознание собственной виновности. Главною виною своею я теперь считаю то, что допустилъ злу укорениться въ Братствѣ, поднять голову и дойти до требованія признанія за собою правъ гражданства. Тогда рядомъ съ этимъ я еще обвинялъ себя и въ томъ, что не сумѣлъ внушить инымъ мысли и чувства, не сумѣлъ сохранить для Братства людей, которыхъ искренно любилъ, которымъ горячо желалъ быть братомъ до могилы. Теперь я понимаю, что это ошибочное разсужденіе и хотѣлъ бы оградить отъ него и другихъ, тѣмъ болѣе, что это ошибочное разсужденіе имѣетъ въ настоящее время характеръ очень распространеннаго предразсудка, оказывающаго на жизнь самое вредное вліяніе, парализуя людей доброй воли и поддерживая въ самодовольствѣ и самоувѣренности людей противоположнаго настроенія.

Теперь мнѣ ясно, что все достоинство человѣка сводится къ тому, стремится ли онъ къ добру, желаетъ ли добра, любитъ ли добро. Сообразно тому онъ и отдаетъ себя въ распоряженіе добрымъ или злымъ началамъ. И въ этомъ всякій человѣкъ абсолютно свободенъ. Дѣлать себя отвѣтственнымъ за неуспѣхъ какого либо дѣла, за настроеніе и дѣла другихъ людей за неумѣніе оказать на нихъ желанное вліяніе—есть простое недомысліе, предполагаетъ нелѣпное убѣжденіе въ своемъ всемогуществѣ. Никто не можетъ противъ воли другого человѣка оказать на него нравственное вліяніе. Самъ Творецъ неизмѣнно уважаетъ свободу воли своихъ созданий, не въ смыслѣ одобренія ея, а въ смыслѣ неуклоннаго воздержанія отъ насилія на добро. Въ этомъ ключъ пониманія возможности зла въ твореніи Божіемъ. Зло и есть ни что иное, какъ свобода отъ Бога и правды Его. Совершенно нелѣпо обвинять себя за то, что по неумѣлости не выказалъ своего мнимаго всемогущества, не достигъ по отношенію къ другимъ, желанныхъ не ими, а мною результатовъ. Отъ этого вреднаго предразсудка одинъ шагъ до „лукавыхъ мудрованій совопросниковъ вѣка сего“, неизмѣнно выгораживающихъ зло и злыхъ и строго осуждающихъ добро и добрыхъ, виновныхъ, по ихъ мнѣнію, въ неумѣнніи сдѣлать зло добромъ и злыхъ добрыми. Отъ этого одинъ шагъ и до обвиненія Бога Живого за Его нежеланіе путемъ насилія уничтожить зло, заставивъ злыхъ любить Его, уважать Его и Ему повиноваться.

Всѣ, не исключая и остатка вѣрныхъ, мы были немощны, унывали и въ себѣ самихъ не чувствовали силъ нужныхъ на доброе созиданіе дѣла Братства Трудового. Во многомъ и мысли и чувства наши были несогласованы съ правдою вѣры. Спасло и насъ и дѣло Братства искреннее желаніе наше отдать себя въ руку Божію, служить на дѣло Божіе, не измѣнять ему. Въ этой любви, въ этомъ желаніи вся наша заслуга. Въ этомъ заключалась добрая воля наша и Господь нашелъ возможнымъ, безъ насилія надъ нами, въ безмирной немощи нашей явить безмірную силу Свою. Мы не были разсѣянны, какъ нѣкогда народъ избранный. Болѣе того, Господь простеръ милосердіе Свое до того, что съ этой минуты силою благодати Своея благоволилъ начать преображеніе душъ нашихъ и жизни Братства до того, безмірно лучшаго, что мы теперь переживаемъ. Будемъ всегда помнить, завѣщаемъ помнить грядущимъ поколѣніямъ Братства всю безмірность немощности нашей и великое милосердіе Божіе, которому Одному слава во вѣки за все доброе и разумное, что происходитъ на землѣ. Ему же Одному, а не

намъ слава возникновенія и дальнѣйшаго существованія Братства Трудового, которое только до тѣхъ поръ и будетъ существовать, пока оно будетъ дѣломъ Божиимъ и имѣть рѣшителями судебъ своихъ людей, сознающихъ это и желающихъ этого, людей, любящихъ Бога, людей, Божіихъ.

Итакъ, И. О. К. и нѣкоторые другіе за намъ бросились къ В. К. О., стали обнимать и уговаривать его. И. О. К. былъ особенно взволнованъ, имѣлъ видъ человѣка, глубоко сознающаго преступность измѣны ради меня и Думы, своему сотоварищу и единомышленнику В. К. О., и готоваго въ томъ раскаяться. „Николай Николаевичъ, началъ онъ, В. К. не болѣе всѣхъ насъ виновенъ“...

Тогда вся радость любви во мнѣ смѣнилась неудержимымъ порывомъ негодованія; я перебилъ его и сказалъ: „нѣтъ, онъ безконечно виновнѣе всѣхъ другихъ и мнѣ стыдно за васъ, если вы этого не понимаете. Всѣ опомнились, всѣ желаютъ оставаться вѣрными Братству, а вы опять прежній“...

Такъ окончилось это достопамятное собраніе, въ которомъ Господь далъ мнѣ силу говорить передъ тѣми, передъ которыми, какъ мнѣ казалось, я не буду въ силахъ выговорить ни слова, собраніе, въ которомъ получили отъ Господа и слезы и любовь многіе изъ тѣхъ, которые казались такъ неисцѣлимо ослѣпленными самодовольною гордостью, собраніе, въ концѣ котораго опять проявилась въ насъ вся немощность грѣшнаго человѣчества. Изъ собранія этого я вышелъ съ тяжелою скорбію сознанія безконечной шатости умовъ и сердецъ многихъ, очень не достаточной степени самосознанія и покаянія въ нихъ, предчувствіемъ, что еще многихъ братьевъ придется намъ потерять. Мнѣ казалось, что мы опять стали совершенно недостойны благодати Божіей. Надолго скорбная память прошлаго совершенно подавила собою радость надежды на лучшее будущее.

Это будущее показало однако, что милосердіе Божіе безконечно превышаетъ пониманіе человѣческое. Медленно, въ первые мѣсяцы, но неуклонно начало преображаться Братство наше. Медленно смѣнялась и глубокая неудовлетворенность, которою тяжело болѣла душа моя, прежде робкою, а потомъ все болѣе и болѣе радостною надеждой, подтверждаемой все новыми и новыми фактами братской жизни, что Господь не отвергаетъ насъ и силою благодати Своея преобразуетъ умы, сердца и жизнь нашу до того Братства, которое, теперь, такъ мало походить на бывшее всего полтора года тому назадъ.

Все преобразилось. Хотя мы и теперь еще безконечно далеки отъ того, что быть должно для цѣльно-благовѣйнаго созиданія ствѣянія Братства Трудового, но очевидно стали на путь, приводящій къ тому, имѣемъ право надѣяться на непрестанное, прогрессивное преображеніе Братства отъ вѣры въ вѣру, отъ разумѣнія въ разумѣніе, отъ любви въ любовь. Теперь я вѣрю, что зерно Братства проростетъ на нивѣ православной Россіи и будетъ проповѣдью дѣломъ, благовѣствующимъ жизненную правду святой воли любви Божіей, въ то время, какъ годъ тому назадъ я со страхомъ спрашивалъ себя, не станетъ ли оно новымъ доказательствомъ для людей злой воли невозможности организаціи жизни на братскихъ началахъ. Теперь, я передъ Богомъ по совѣсти считаю себя вправѣ матеріально обезпечить Братство, въ то время, какъ годъ тому назадъ, я съ грустью спрашивалъ себя, не зарылъ ли я въ землю талантъ, Богомъ мнѣ врученный, тѣ средства, которыя до тѣхъ поръ на это дѣло истратилъ.

Въ то время многіе были еще очень далеки отъ пониманія происходящаго. Это видно изъ того, какъ выражается объ этомъ собраніи хроника братской семьи св. Іоанна: „Собраніе окончилось лучше, чѣмъ можно было ожидать; многіе (изъ недовольныхъ) убѣдились, что руководила ими не польза Братства и покаялись“. Многіе неоцѣнили по достоинству великодушнаго отношенія къ нимъ со стороны Братской Думы. Нѣкоторые считали за великодушіе по отношенію къ ней свое раскаяніе. Были и такіе, которые устыдились своего раскаянія, какъ минутной слабости. Все это сильно чувствовалось мною, я въ полной мѣрѣ сознавалъ свое безсиліе чѣмъ либо подѣйствовать на тѣхъ, кто не былъ достаточно вразумленъ всѣмъ нами пережитымъ. Самъ я чувствовалъ себя совершенно духовно разбитымъ и больнымъ. Утѣшеніемъ для меня было одно: полная преданность воли Божіей. Ему я вручилъ себя и жизнь мою, Братство и судьбу его. Видя мое подавленное настроеніе, многіе и въ этомъ находили причину быть недовольными мною и порицать меня. Говорили: „мы рѣшительно не знаемъ, чего хотимъ отъ насъ Николай Николаевичъ. Мы покаялись, а онъ все удрученъ чѣмъ то и еще чего то отъ насъ ожидаетъ“.

Не мудрено, если при такихъ обстоятельствахъ не покаялись до вѣрности Братству наиболѣе ожесточенные. На другой же день 17 апрѣля заявилъ о своемъ желаніи уйти изъ Братства Н. П. П. Дѣловито и холодно онъ заявилъ мнѣ, что не можетъ долѣе оставаться въ Братствѣ, т. к. не жалѣетъ ни о чемъ и ни

въ чемъ не раскаивается. Видно было, что онъ считаетъ себя обиженнымъ неповиновеніемъ его требованіямъ со стороны Думы и особенно измѣною себѣ ради вѣрности Братству со стороны своихъ прежнихъ единомышленниковъ.

Повидимому оба и В. К. О. и Н. П. П. ожидали, что ихъ уходъ изъ Братства произведетъ потрясающее впечатлѣніе, заставить многихъ, по крайней мѣрѣ послѣдовать ихъ примѣру. Иначе трудно объяснить ихъ дальнѣйшее поведеніе, когда они убѣдились, что ожидаемаго впечатлѣнія ихъ выходъ не произвелъ. Особенно удивительно въ этомъ отношеніи самообольщеніе Н. П. П., которымъ давно тяготилась братская семья св. Андрея, какъ человѣкомъ грубымъ, очень лѣнивымъ и очень неряшливымъ. Черезъ два дня, 19 апрѣля, онъ уже передумалъ и желая остаться въ Братствѣ, написалъ письмо, въ которомъ выражается такъ: „Всеми тому, что случилось... я чрезвычайно радъ, я даже думаю, что *страданія, пережитыя мною* нужны были для моего самосознанія... Той преданности Братству, той привязанности, которую я почувствовалъ, я и не подозревалъ въ себѣ (такъ говорить человѣкъ, недавно съ неимовѣрною грубостью, подъ предлогомъ, „преданности“ защищавшій „интересы“ Братства отъ меня и Думы)... То, что было со мною раньше, представляется мнѣ какою то ямою, гдѣ я бродилъ съ завязанными глазами, ничего не видя и все критикуя... За все, что я сдѣлалъ дурного, думаю, достаточно настрадался и самъ“.

Письмо это адресовано къ братьямъ и сестрамъ, а не къ Думѣ и не заключало въ себѣ ни слова о томъ, насколько онъ сознаетъ себя виновнымъ передъ Думою, насколько намѣренъ на будущее время признавать ея авторитетъ и ей подчиняться.

Не прошло и пяти дней, какъ вернулся и В. К. О. прося принять его обратно. Потому, съ какою радостію отнеслись многіе къ его возвращенію, я лишній разъ убѣдился въ томъ, какъ мало его понимали и какъ мало придавали значенія фактамъ, сопровождавшимъ его выходъ изъ Братства, въ полномъ отсутствіи самосознанія и раскаянія я убѣдился и по отношенію къ самому В. К. О. при личномъ свиданіи съ нимъ.

Наступило Воскресеніе 23 апрѣля, день именинъ матушки моей Александры Николаевны. За все это послѣднее время мнѣ особенно жалъ было моей дорогой старушки. Во всю свою долгую жизнь она была окружена почетомъ и всеобщимъ уваженіемъ. На старости лѣтъ изъ любви ко мнѣ и Братству, она удалилась изъ той среды, которая

дорожила малѣйшимъ проявленіемъ ея вниманія. И вотъ она дожила до дня, когда всю нашу семью подвергли публичному поруганію, называя насъ постылыми „благодѣтелями“ и обвиняя насъ, какъ виновниковъ всѣхъ нестроений жизни Братства. Ея ревнивая материнская любовь особенно возмущалась моимъ униженіемъ, чувствуя его, какъ рядъ наносимыхъ ей самой оскорбленій. Мнѣ хотѣлось, чтобы она и сестры навремя уѣхали, пока настроеніе въ Братствѣ не измѣнится настолько, что заставить ихъ забыть, какъ ихъ ревность о благѣ Братства признавали непрощенною навязчивою опекою. На мое предложеніе поѣхать отдохнуть отъ всего пережитаго за границу, онѣ отвѣчали рѣшительнымъ отказомъ. Это высшее доказательство ихъ смиренной, торжествующей надъ всѣми обстоятельствами и впечатлѣніями, самоотверженной любви къ Братству, глубоко меня тронуло и было для меня большимъ утѣшеніемъ среди скорбей этого тяжелаго времени. Марія Николаевна сказала, что ни за что не покинетъ школы особенно въ такое время, а Александра Николаевна, — что желаетъ „раздѣлять страданія всѣхъ вѣрныхъ Братству“. Не смотря на это, она не пожелала изъ церкви заѣхать на собраніе Братства и принять поздравленія, по обыкновенію. Многіе выражавшіе протестъ противъ моихъ призывовъ къ молитвѣ и такъ много негодованія по поводу моего „чрезмѣрнаго вліянія“, преданности сестеръ Маріи Николаевны и вообще нашего вліянія въ Братствѣ, ничѣмъ лично намъ не выразили, что сожалѣютъ объ этомъ, признаютъ это несправедливымъ и желаютъ чѣмъ либо загладить оскорбленія, нанесенныя любви нашей. При такихъ обстоятельствахъ ей было слишкомъ грустно заставить молиться о себѣ и поздравлять себя вмѣстѣ съ другими и тѣхъ, для которыхъ это могло и не быть потребностью любви. Такъ я и объяснилъ ей отсутствіе, рассказавъ при этомъ и трогательное проявленіе ея любви къ Братству.

Мнѣ кажется, что этотъ поступокъ всѣхъ любящей и все прощающей старушки заставилъ нѣкоторыхъ лучше понять и почувствовать истину положенія. Послѣ, въ собраніи Братства, на которомъ и она присутствовала, всѣ единодушно выразили желаніе помолиться объ именинницѣ, а И. С. Дикой отъ имени всѣхъ, съ глубокимъ чувствомъ и въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ просилъ ее простить всѣ оскорбленія, нанесенныя ей въ лицѣ ея дѣтей и благодарилъ за новое доказательство ея самоотверженной, всепрощающей любви.

На братскомъ собраніи въ этотъ день Н. П. П. и В. К. О.

прочли свои новыя заявленія остаться въ Братствѣ. В. К. Θ. выражался такъ: „Въ прошлое Воскресеніе въ общемъ собраніи Братства Николай Николаевичъ говорилъ по поводу событій, напоминая которыя я не буду... Такого вліянія, чтобы мнѣ хотѣлось переѣхать и раскаяться, слова Николая Николаевича тогда на меня не оказали... Моя записка казалась мнѣ грубой не въ предѣлахъ правды, но лишь въ предѣлахъ формы... Послѣдующіе дни стали для меня днями тяжелаго опыта... Мое одиночество рассказало мнѣ лучше всякаго объясненія и мой старый грѣхъ и грѣхъ моего выхода изъ Братства... Мнѣ стыдно за мою записку, написанную, какъ мнѣ теперь видно, скорѣе въ отрицаніе, чѣмъ въ исправленіе Братства... Я остался почти безъ вѣры въ Бога, а потому и безъ вѣры въ Божіе Братство (цѣнное признаніе со стороны того, который въ своемъ заявленіи говорилъ, что регламентація религіозной жизни возмущаетъ его благоговѣйное чувство по отношенію къ святыньмъ молитвы). Прошу прошенія у Николая Николаевича, Братской Думы и всего Братства... *Заранѣе только могу обѣщать смиреніе и покорность* передъ авторитетами Блюстителя и Братской Думы. *Если Братство не найдетъ возможнымъ принять меня обратно, я приму и это, какъ заслуженное*“.

Братское собраніе совершенно удовлетворилось заявленіями того и другого. Если бы я послушалъ собственнаго чувства, я бы воспротивился возвращенію ихъ въ Братство. Обоихъ я отъ всей души простилъ въ собраніи 16 апрѣля. Когда тотъ и другой отвергли мое прошеніе и добровольно вышли изъ состава Братства, я понялъ, какъ это полезно для Братства, снимая съ нихъ лживую маску преданности дѣлу и ограждая Братство отъ вредной закваски постоянного братски довѣрчиваго общенія съ людьми, блестяще доказавшими свою исключительную духовную грубость. Особенно могъ быть вреденъ В. К. Θ., котораго многіе любили и считали за умнаго человѣка. Во всѣхъ ихъ словахъ и поступкахъ было такъ много лично оскорбительнаго для меня, что я не хотѣлъ вмѣшиваться въ это дѣло, зная, что въ Братствѣ есть люди, любовь, уваженіе и довѣріе которыхъ ко мнѣ еще не возросли до того, чтобы я былъ гарантированъ отъ оскорбительнаго предположенія, что дѣйствую подъ вліяніемъ личнаго раздраженія. Я не возражалъ противъ ихъ возвращенія въ Братство.

Дума разрѣшила В. К. Θ. поселиться на Рождественскомъ хуторѣ на одну недѣлю, послѣ чего вопросъ о его возвращеніи въ Братство долженъ былъ быть рѣшенъ окончательно. Н. П. П. предложено

было написать заявленіе въ Думу, объяснивъ ей, какъ онъ на будущее время намѣренъ относиться къ ней и къ физическому труду. Одновременно съ этимъ предложили высказать свое мнѣніе о его возвращеніи въ Братство рабочей братской семьѣ св. Андрея, которая, какъ мы знали, очень имъ тяготилась, а теперь опять должна принять его въ свою среду.

Въ Думу Н. П. П. подалъ заявленіе, въ которомъ между прочимъ говорить: „Обѣщаю покорность... къ физическому труду буду относиться *терпеливо*...“ Братская семья св. Андрея высказалась противъ его возвращенія и онъ былъ окончательно удаленъ изъ Братства.

На братскомъ собраніи 30 апрѣля было предложено и рѣшено, какъ общее правило, принимать измѣнившихъ братьевъ обратно не иначе, какъ на положеніи допущенныхъ на годичное испытаніе. Предложено это было тѣмъ, кто думалъ, что это не только справедливо, но и должно быть нравственною потребностью для самого раскаявшагося, если покаяніе искренно и привело его къ благородному желанію чѣмъ либо искупить передъ Братствомъ свою вину и доказать ему нелицемѣрность чувствъ любви и смиренія. Все это было подробно высказано на собраніи. Съ своей стороны я поддержалъ это предложеніе, находя, что это будетъ нѣкоторой гарантіей для Братства отъ закваски нераскаянной самодовольной гордости. На такихъ основаніяхъ Дума рѣшила принять обратно въ Братство и В. К. Θ. Этого оказалось совершенно достаточнымъ для того, чтобы онъ себя вполне выказалъ и Братство было спасено отъ роковой ошибки допустить его въ свою среду.

На другой же день послѣ собранія Братства, на которомъ объявлено было о согласіи Думы принять его обратно, онъ заявилъ, что вторично измѣняетъ Братству и написалъ мнѣ изумительное по своему наивному цинизму письмо, въ которомъ между прочимъ говорить такъ: „я не ожидалъ, что мнѣ создадутъ въ Братствѣ положеніе такъ наивнаго допущеннаго. Для себя этого положенія я не понимаю (умно было бы сказать: „инюго положенія не понимаю“). Братство и вы знаете меня слишкомъ достаточно (умно было бы сказать: „и потому инюго положенія я ожидать не могъ“...) Для меня именно важно было вернуться въ Братство безъ вѣчнаго терзанія за свое неравноправіе... Вернуло меня въ Братство не сознаніе вины (опять цѣнное признаніе со стороны человѣка, недѣлю передъ тѣмъ заявившаго: „мое одиночество рассказало мнѣ лучше всякихъ объясненій и мой старый грѣхъ и грѣхъ моего вы-

хода изъ Братства"), а сознание того, какой вредъ причинить Братству мой выходъ... Одно это заставило меня вернуться въ Братство (другими словами: „теперь изъ-за самолюбія, не имѣя благородства понести на себѣ логичныя послѣдствія прежнихъ моихъ поступковъ, сознательно рѣшаюсь причинить Братству этотъ вредъ“). Нескромно это было говорить прежде (когда былъ вновь названъ братомъ и говорилъ: „заранѣе только могу обѣщать смиреніе и покорность“), но я это говорю теперь (когда искренность болѣе не имѣетъ того благороднаго смысла, который она могла имѣть прежде и является совершенно излишней грубостью по отношенію къ тѣмъ, которыхъ навсегда покидаетъ), чтобы вы знали, въ какой мѣрѣ смиреніе и въ какой другое чувство руководило мною“.

Вотъ на что способенъ самый заурядный человѣкъ, не особенно злой и не особенно глупый, когда онъ ослѣпленъ самодовольною гордостью. Злѣйшій врагъ не смогъ бы поддѣлать болѣе поворный и глупый документъ противъ него, а онъ добровольно за своею подписью выдаетъ на себя это свидѣтельство. Совершенно такъ поступалъ и „умный“ И. С. А., и „умный“ И. Е. Д. и такъ многіе „умные“, когда гордость или злоба, а всего болѣе, когда гордость и злоба, дѣлали ихъ невмѣняемыми. И это цѣнный опытъ жизни нашей. И въ этомъ „имѣющіе уши слышать, да слышать“.

Въ отвѣтномъ письмѣ я, между прочимъ, говорю: „Ваше письмо окончательно убѣдило меня, что никакой вредъ, происходящій отъ выхода вашего изъ Братства, не можетъ равняться со вредомъ и ложью Вашего пребыванія въ немъ... Вы удивляетесь, что зная Васъ, Дума могла поставить Васъ въ положеніе испытываемаго. Именно зная Васъ и то, на что Вы способны, Дума и не могла благоразумно поступить иначе, что Вы и подтвердили своимъ послѣднимъ поступкомъ“.

Приведу тутъ же цѣликомъ письмо, написанное мною 1 октября 1901 г. тому же В. К. О. въ отвѣтъ на письмо, которое онъ нашелъ нужнымъ написать мнѣ, узнавъ о томъ, что я часто болѣю, признавая себя однимъ изъ виновниковъ разстройства моего здоровья. Этимъ я закончу грустную и высоко поучительную для человѣческаго самосознанія исторію отношеній къ Братству и ко мнѣ этого бывшаго воспитанника и брата. Это письмо вполне выяснитъ, какія отношенія я считаю нормальными со стороны человѣка вѣрнаго Братству по отношенію къ человѣку, ему измѣнившему. Многіе находили меня излишне требовательнымъ, когда я выражалъ убѣжденіе, что личныя отношенія наши должны стоять въ прямой за-

висимости отъ отношеній даннаго лица къ Богу и дѣлу Божию. Убѣжденіе это вполне соотвѣтствуетъ завѣту Спасителя міра, говорившаго: „Кто любитъ отца или мать, сына или дочь больше нежели Меня—недостойнъ Меня“. Для многихъ и это неубѣдительно. Многіе готовы самыя завѣты Спасителя міра признать чрезмѣрными. Изъ этого письма они, по крайней мѣрѣ убѣдятся, что я и къ себѣ примѣняю тѣ же требованія, болѣе того, что самое предположеніе возможности добрыхъ личныхъ отношеній поверхъ Бога и Братства, считаю для себя оскорбительными. Вотъ это письмо:

„Письмо, написанное Вами 26 сентября я получилъ. Жалѣю, В. К., что его содержаніе таково, что я немогу даже поблагодарить Васъ за него. Оно не удивило меня; я уже зналъ Васъ такимъ, какимъ Вы себя въ немъ рисуете. Оно очень огорчило меня. Получивъ его, я возымѣлъ надежду на то, что Вы стали „другимъ“, что измѣнилось Ваше отношеніе къ Братству Трудовому и ко мнѣ. Горько было убѣдиться, что Вы и теперь продолжаете считать себя правымъ, что и теперь „совѣсть Ваша спокойна“ и „ни въ чемъ Васъ не упрекаетъ“ по отношенію къ Богу, человѣчеству и дѣлу Братства. (Онъ говоритъ въ письмѣ, что признаетъ себя виновнымъ только передо мною), которому Вы дважды въ теченіе двухъ недѣль измѣнили. Горько было убѣдиться, что и теперь жестокости и себялюбія у Васъ хватило на то, чтобы „умирающему“, какъ Вы выражаетесь, напомнить о себѣ, бросая ему въ лицо жестокое оскорбленіе своей нераскаянности, болѣе того: „своего неуваженія къ большинству членовъ Братства“. (Очевидно за ихъ измѣну ему въ день добраго порыва раскаянія и за ихъ неуваженіе къ нему въ день, когда они осмѣливались принять его послѣ первой измѣны на положеніе допущеннаго!).

На Ваше письмо я имѣлъ бы полное право не отвѣчать. Въ дѣйствительности оно написано не мнѣ. Ваши личныя добрыя чувства относятся къ какому то „не я“, ничего общаго со мною не имѣющему. Если бы Вы сколько нибудь знали и понимали меня. любили истиннаго, а не призрачнаго меня, Вы не могли бы отдѣлять меня отъ дѣла Братства Трудового, я не могъ бы рисоваться Вамъ „гнѣвною и мстительною тѣнью“, Вы не рисовались бы передъ самимъ собою „печальною и одинокою любовію ко мнѣ“, а понимали бы, что я и Васъ и всѣхъ, кому желалъ быть братомъ до могилы, любилъ и теперь люблю больше и лучше, чѣмъ Вы когда либо любили меня, Вы, измѣнившіе дѣлу Братства Трудового и упорно непонимающіе, что именно живу, не „головную“, какъ Вы вы-

ражается, а живую любовь мою можно утѣшить только однимъ способомъ—вернувшись къ братскому общенію со мною не на словахъ, а на дѣлѣ.

„Вы даже не понимаете разницы между дѣломъ Братства, этимъ святымъ крестомъ, который я училъ Васъ, на пользу Церкви, Государства и всего человѣчества, сознательно принять на себя и смиренно нести во слѣдъ Христу,—и случайными представителями этого дѣла, большинство которыхъ, по Вашему выраженію, „не внушаетъ Вамъ уваженія“. Вы не стыдитесь признаться мнѣ въ томъ, что такъ низко оцѣнивая моихъ соратниковъ, Вы не задумались измѣнить мнѣ и тѣмъ не многимъ, которыхъ Вы исключаете изъ огульнаго осужденія, увеличивая тѣмъ тяжесть креста для насъ, убѣгая съ поля сраженія подъ тѣмъ предлогомъ, что зная Братства имѣетъ мало добрыхъ защитниковъ. Вы не стыдитесь сознаться, что измѣнивъ дѣлу Братства, не умѣете даже уважать тѣхъ, кто опомнился въ роковую минуту и поставилъ дѣло Братства выше своихъ прихотей и своей гордости. Вы не стыдитесь признаться, что не умѣете уважать ихъ за одно то, что они остались вѣрны святынѣ, которой вы дважды измѣнили—святынѣ любви къ Богу, святынѣ братолюбія, отъ которой Вы ушли на торную дорогу рутины жизни.

„Вы не стыдитесь сказать мнѣ: я не могу просить Вашего прошенія, зная что Вы и не сможете и не захотите простить мнѣ“, прекрасно зная, что были до Васъ люди, которые измѣнили и вернулись, что они не только прощены, но и любимы и уважаемы больше прежняго.

Вы не стыдитесь сказать мнѣ о вѣрныхъ братьяхъ нашихъ: „во мнѣ живетъ неуваженіе къ большинству членовъ Братства, недостатки котораго я, къ печали моей, слишкомъ хорошо изучилъ... если бы я думалъ, что Вамъ надо знать полную и правдивую исторію, я написалъ бы ее и многое стало бы Вамъ ясно... Вы этой исторіи не знаете и вѣроятно знать не захотите“. Вы не стыдитесь сознаться, что дразги человѣческія ставите выше дѣла Божія и не можете понять, что, прекрасно зная, болѣе того, выстрадавъ исторію немощей человѣческихъ, я всегда шелъ и буду идти „вѣрою, а не видѣніемъ“, руководствуясь правдою Божіей, а не моимъ знаніемъ немощей человѣческихъ. Да, въ этомъ вы не ошиблись: меня не интересуютъ сплетни о прошломъ. Если бы Вы остались вѣрны Братству вмѣстѣ съ тѣми „которыхъ Вы не уважаете“, можетъ быть и Вы до сихъ поръ, какъ и они, стали бы

выше личныхъ дразгъ и личныхъ впечатлѣній. Вы бы испытали и на себѣ, какимъ обильнымъ благословеніемъ благословилъ Господь остатокъ вѣрныхъ дѣлу Его, какъ Онъ преобразилъ и возвысилъ души ихъ, какой миръ, какую радость братолюбія далъ намъ. Вы убѣдились бы, что сила Божія выше немощей нашихъ, что *прежняго* нѣтъ, а есть *новое*. Если бы Вы остались въ Братствѣ, какъ тѣ, которыхъ Вы „не уважаете“ и Ваша душа испытала бы на себѣ силу Божію, и Вы вмѣстѣ съ ними преобразились бы, возвысились духомъ, имѣли бы миръ и радость, думали бы о славѣ любви Божіей, а не о дразгахъ человѣческихъ, дали бы мнѣ возможность уважать и Васъ, какъ я уважаю тѣхъ, кого Вы „не уважаете“.

„Они преобразились, что ежедневно показываютъ жизнію своею, а вы остались прежнимъ, что и засвидѣтельствовали письмомъ Вашимъ. Въ нихъ духовный прогрессъ, въ Васъ духовный застой. И это потому, что они остались съ Богомъ и на вселенскомъ дѣлѣ Его, а Вы остались съ собою и на личномъ дѣлѣ Вашемъ.“

„Повторяю, я могъ бы не отвѣчать на Ваше письмо. И чувства, выраженные въ немъ и все оно относится къ какому то Вами выдуманному „не я“. Поймите изъ того, что я такъ пространно пишу Вамъ, всю силу и искренность, не головной, а живой любви моей, которая ничѣмъ не удовлетворится, кромѣ реального братскаго общенія съ Вами на лонѣ Братства Трудового въ полной гармоніи съ реальною, живою любовію моею къ Богу Живому, Живому Христу Его и живому Ихъ дѣлу Братства Трудового.“

„Всѣмъ сердцемъ Васъ жалѣющей и къ Вамъ доброжелательный Н. Неплюевъ“.

Письмо это было написано, какъ выше сказано, въ октябрѣ. Возвращаясь къ апрѣлю, когда духовный ростъ, только-что раскаявшихся только-что начинался. Очень характерною для тогдашняго настроенія „раскаявшихся изъ недовольныхъ“, какъ показатель степени ихъ раскаянія и остатковъ дерзкой отваги на зло; представляется запись М. М. П. въ хроникѣ братской семьи св. Іоанна за 24 и 25 числа апрѣля. Вся жизнь братской семьи дерзко высмѣяна въ тонѣ самаго грубаго и недоброжелательнаго злорѣчія. Особенно характерно и поучительно, что такъ относится членъ семьи и къ старшинѣ А. И. Фурсей, всѣми любимому и уважаемому, виновному по отношенію къ братьямъ, а въ томъ числѣ и къ писавшему хроникѣ, только въ излишней снисходительности. До того вѣлся духъ злорѣчиваго критиканства въ бывшихъ „недовольныхъ“. До такой дерзости доходила самодовольная гордость. До того велика

была привычка свободного проявленія зла, когда „недовольные“ возмущались, гнетомъ подавляющаго авторитета и полнымъ отсутствіемъ свободы.

1 мая братская семья св. Андрея возмущенная тѣмъ, что одинъ изъ ея сочленовъ Д. Г. П. публично въ Янполѣ на ярмарочной площади показывался вмѣстѣ съ только что измѣнившимъ Братству при особенно позорныхъ обстоятельствахъ Р. Е. Л., что было слишкомъ явнымъ неуваженіемъ къ Братству и всему, что оно только что пережило, просила думу удалить его изъ Братства. Этому удаленію я первый воспротивился, прося Думу не дать на то свое согласіе и тѣмъ обратить вниманіе Братства на то, что такое отношеніе къ измѣнѣ и злу совсѣмъ не единичное явленіе и потому не должно подвергаться и исключительной карѣ.

3 мая безъ всякой причины, не только не предупредивъ о томъ Братство, но даже ни съ кѣмъ не простившись, ушелъ изъ Братства П. А. С. Многіе уходя изъ Братства, своимъ поведеніемъ доказывали, что не признаютъ за собою никакихъ нравственныхъ обязанностей по отношенію къ нему; уходили изъ Братства такъ, какъ порядочный человѣкъ не уйдетъ съ постоялаго двора, но такого выхода, какъ на этотъ разъ, безъ малѣйшихъ къ тому поводовъ, въ такой изысканно грубой формѣ, Братство еще не переживало. Это былъ одинъ изъ самыхъ яркихъ плодовъ того настроенія, до котораго на лонѣ Братства унизили себя многіе, наивно воображавшіе, что могутъ созидать Братство безъ Бога и безъ благодати Его.

Нѣтъ худа безъ добра. И это безмѣрное „худо“ привело къ убѣжденію, что для обузданія злой воли необходимо регламентировать не только жизнь въ Братствѣ, но и выходъ изъ Братства. Мы познали еще разъ всю силу грѣховности человѣчества и смирили себя до добровольнаго самоограниченія на пользу дѣла. Видя, что легкомысленное отношеніе къ жизни, дерзкая отвага на зло и боязнь добраго подвига доходитъ до того, что въ дурную минуту, безъ всякихъ основательныхъ причинъ, съ легкимъ сердцемъ рѣшаются на дѣло измѣны Братству и это злое дѣло совершаютъ въ такой изысканно грубой формѣ, что тѣмъ самымъ затрудняютъ себѣ возможность вернуться въ Братство, когда минута дурнаго настроенія пройдетъ, придетъ раскаяніе, а съ нимъ вмѣстѣ и сожалѣніе объ утерянномъ, мы рѣшили оградить немощныхъ членовъ Братства отъ ихъ собственнаго легкомыслія, насколько это возможно. Дѣйствительно, когда ушелъ изъ дома Братства, какъ можетъ уйти

съ постоялаго двора только нечестный человѣкъ, тайкомъ, а если и явно, то не сведя нравственныхъ счетовъ, грубо надругавшись надъ любовію и довѣріемъ,—трудно повѣрить въ возможность прощенія, трудно возвыситься до той высоты любви и смиренія, безъ которой нельзя загладить прошлое, сдѣлать возвращеніе свое логичною, осмысленною правдою. Такъ и было много разъ. Мы видѣли, что О. и П., оба передумали и захотѣли вернуться въ Братство черезъ самое короткое время, послѣ самой рѣшительной и повидимому обдуманной измѣны. Много разъ я получалъ отъ измѣнившихъ самыя трогательныя письма, полныя горькаго сожалѣнія о томъ, что сдѣлано, но очень рѣдко у нихъ доброй рѣшимости хватало на то, чтобы загладить прошлое и вернуться въ Братство умудренными опытомъ, раскаявшимися блудными сынами его.

Тутъ мнѣ хочется опять сказать моимъ единоплемникамъ и единовѣрцамъ: не ошибайтесь, не думайте, чтобы люди, которые такъ относились къ Братству, были исключительными нравственными уродами; не думайте, чтобы Братство, къ которому такъ относились, было дѣйствительно достойно такого съ нимъ обращенія; не усыпайте совѣсть свою. Нѣтъ, нѣтъ. Они плоть отъ плоти и кость отъ костей вашихъ. На нашемъ опытѣ разворачивается передъ вами истинная картина глубокой грѣховности, самодовольнаго грѣхолюбія и поразительнаго ничтожества громаднаго большинства грѣшнаго человѣчества, привыкшаго жить безъ Бога и не дорожить благодатію Его. Въ насъ все грѣшное человѣчество пережило скорбный опытъ нами пережитого, вновь распяло Христа, какъ оно Его ежедневно, ежечасно распинаетъ, еще разъ предпочло Ему Варраву, дѣлу мира и любви Братства Трудового—борьбу „по обычаю міра сего“, вновь давало Іудино лобзаніе, защищало „свое право“ свободного проявленія зла, кощунственно клеветало на правду и добро, измѣняло святыни, предварительно надругавшись надъ нею и ею опаленное. Все это продѣлывали самые заурядные, типичные представители „среднаго человѣка“. Многіе не испытали всего этого на себѣ только потому, что къ святыни даже и не прикасались, держали себя на такомъ разстояніи отъ нея, что она ни озарить ихъ совѣсть, ни освѣтить собою ихъ дѣла, ни опалить ихъ собою не могла.

Вы скажете: какъ, во всей жизни и во всѣхъ дѣлахъ нашихъ нѣтъ святыни!—Она есть на знаменахъ вашихъ. Дѣло Братства Трудового не есть новое знамя, оно только—новое отношеніе къ общему знамени. Ново то, что мы проповѣдуемъ не словомъ, а дѣ-

ломъ, требуемъ на лонѣ Братства отъ самихъ себя честнаго согласованія ума, сердца и жизни со знаменемъ нашимъ, въ то время, какъ въ жизни насъ окружающей слашкомъ часто гордятся своими знаменами, пререкаются и подвергаютъ всѣхъ и вся самой недоброжелательной критикѣ, предоставляя самимъ себѣ, собственному уму, собственному сердцу и собственной жизни не имѣть съ этими знаменами ничего общаго. Потребуйте отъ самихъ себя подчинить уму, сердцу и жизнь дисциплинѣ любви и логикѣ по отношенію къ вашему знамени и вы убѣдитесь, что къ вамъ и дѣлу вашему отнесутся съ неменьшимъ ожесточеніемъ, съ неменьше грубою жестокостью. Такъ отнесся громадное большинство тѣхъ самодовольныхъ себялюбцевъ, которые могутъ рисоваться въ позахъ поборниковъ святыни, но никогда не захотятъ смирить себя до благоговейнаго служенія на дѣло ея осуществленія въ жизни. Вотъ почему во всѣ времена процвѣтала биржа и оказывались безплодными всѣ попытки осуществить святыню братства между людьми, не требуя отъ нихъ перестать быть діаволами. Вотъ почему теперь мечтаютъ объ анархін, долженствующей водворить миръ и братство, признавая за каждымъ неотъемлемое право быть гордымъ себялюбцемъ и широко проявлять свою злую индивидуальность. Потребуйте отъ человечества честнаго отношенія къ хозяину міра, Богу Живому, честнаго самоограниченія для водворенія гармоніи и мира въ домѣ Божіемъ и человечество проявитъ себя во всемъ безобразіи своей грѣховности и явится все величіе правды Божіей, правды того Бога, который изгналъ насъ изъ рая, даетъ намъ на опытъ извѣдать въ жизни земной скорбь свободы грѣха и своеволия жизни безъ Бога и опеки любви Его, того Бога, который не перестаетъ быть святымъ въ угоду намъ, не перестаетъ любить насъ до неизмѣннаго желанія для насъ вѣчнаго блаженства причастія любви Его, непрестанно зоветъ насъ къ себѣ, но не унижить свое твореніе до позора признанія права на измѣну Высшей Любви Высшей Мудрости, на измѣну Богу Живому!

Дума Братства постановила, чтобы на будущее время всѣ поступающіе въ Братство давали письменное обѣщаніе изъ уваженія къ дѣлу въ случаѣ желанія выйти изъ Братства, дать бывшимъ братьямъ время и возможность договориться съ уходящимъ и если возможно, оградить его отъ необдуманнаго шага.

7 Мая на общемъ собраніи Братства происходило подведеніе итоговъ всего пережитаго съ цѣлью отнестись къ прошлому возможно болѣе сознательно и поставить точку. Тутъ выказался въ

полной мѣрѣ недостатокъ самосознанія и сознательнаго покаянія многихъ. Въ объясненіе причинъ всего пережитаго говорили о многомъ совершенно второстепенномъ, о легкомысліи молодости, о неопытности, объ идеалѣ, „принятомъ на-вѣру“, о несамостоятельно выстраданномъ. (бѣдное человечество, которое знало бы только то, чему научилось путемъ собственныхъ открытій и собственного опыта, руководствуясь исключительно идеалами „самостоятельно выстраданными“ въ концѣ жизни!). Говорили даже объ иллюзіяхъ поступающихъ въ Братство изъ школъ нашихъ, въ которыхъ будто бы понимаютъ и ожидаютъ только идиллическихъ радостей братской жизни, совсѣмъ не понимая и не ожидая необходимости подвига! До такой степени считаютъ нормальнымъ понимать и помнить только то, чего сами для себя желаютъ. О необходимости подвига въ школахъ нашихъ говорятъ очень настойчиво. Заманивать въ Братство розовыми мечтами обезпечной радости безпечной жизни на лонѣ его систематично избѣгаютъ. Главную причину всего пережитаго пришлось въ концѣ собранія сформулировать мнѣ. Опять покаянная правда была дана изъ-внѣ, а не самостоятельно выстрадана большинствомъ.

Въ хроникѣ братской семьи св. Николая суть сказаннаго мною передана такъ: „Главная причина та, что мы жили безъ Бога, были горды и самодовольны. Если мы смиримся передъ Богомъ, станемъ болѣе дорожить благодатію Его, станемъ съ любовью созидать братскую жизнь, съ довѣріемъ слѣдуя за избранниками Братства,—все исправится и пойдетъ по новому. Николай Николаевичъ именемъ Бога и Братства умолялъ насъ твердо стать на эту дорогу“.

Послѣ перерыва Братство собиралось безъ меня для прочтенія двухъ писемъ, написанныхъ М. В. Середа и А. К. Кеберъ, очень горячо и сердечно по поводу недавнихъ событій. Многие были тронуты тѣмъ, съ какою любовью выяснялись въ этихъ письмахъ мои отношенія къ Братству и члены Братства призывались къ сознательному и честному отношенію ко мнѣ. Рѣшили выразить благодарность авторамъ писемъ и все собраніе въ полномъ составѣ пожелало прійти ко мнѣ выразить добрыя чувства. Привели съ собою и маленькаго Колю Фурсей, моего крестника. Поставивъ его на столъ, я благословилъ его, принявъ отъ него благословеніе, обнялъ и поцѣловалъ, говоря, что въ его лицѣ цѣлую все Братство.

10-го мая пріѣхалъ къ намъ Преосвященный Макарій Епископъ Калужскій и Воровскій, давно намѣревавшійся посѣтить меня и

Братство. Получивъ на то разрѣшеніе отъ нашего Архипастыря, мы приняли его со всѣми почестями, подобающими его сану. Всѣ мы хранимъ самую трогательную память о томъ, съ какою любовью и простотою онъ обращался и съ членами Братства и съ воспитанниками нашихъ школъ. Уѣзжая, онъ выразилъ непремѣнное желаніе стать членомъ нашего Братства и вскорѣ прислалъ мнѣ стихотвореніе, посвященное Братству и воспоминаніямъ о своемъ пребываніи въ немъ.

На память Братству привожу здѣсь это стихотвореніе, написанное однимъ изъ высшихъ іерарховъ Церкви, какъ дорогую ласку любящей Матери, отъ имени Которой слишкомъ часто говорятъ со всѣмъ инымъ тономъ.

Я былъ въ гостяхъ въ семьѣ духовной.
Прекрасная настала ночь,
Въ природѣ было все спокойно
И время шло ужъ за полночь.

* * *

Сіяли въ небѣ звѣзды ясно
И ароматы несли цвѣты,
Гремѣли хоры сладкогласны
И громко пѣли соловьи.

* * *

И двѣ картины лучезарныхъ
Тогда предстали предо мной:
Дѣтей собранье благоправныхъ
И міръ съ небесною красой.

* * *

И Братствомъ та семья зовется,
Сіяетъ крестъ надъ ней честной,
Она путемъ любви ведется
И крѣпнетъ вѣрою святой.

* * *

Когда-бъ такихъ семей духовныхъ
Побольше стало-бъ на землѣ
Во градахъ и селеньяхъ скромныхъ
Престалъ бы міръ лежать во злѣ.

14-го мая происходило освященіе новаго зданія больницы, постоянные жители которой основали новую братскую семью во имя св. Апостола Матфея. Въ этотъ же день вечеромъ состоялась на Баранцѣ маевка, о которой я сохранилъ самую грустную память, особенно больно почувствовавъ на ней, насколько добрыхъ отношеній ко мнѣ у многихъ были еще только добрыми порывами и съ

особою силою переживъ состояніе моего духовнаго отчужденія отъ этихъ многихъ.

До самого конца мѣсяца общихъ собраній болѣе не происходило. Почти каждый день пріѣзжали гости, желавшіе ознакомиться съ Братствомъ. Такъ отъ 18 по 25 число гостили пріѣхавшіе изъ Петербурга И. М. и С. И. Поливановы, общеніе съ которыми было истиннымъ удовольствіемъ, благодаря ихъ доброжелательному и сердечному отношенію ко всѣмъ. 28-го посѣтило насъ многочисленное общество чиновниковъ, студентовъ и курсистокъ изъ Шостенскаго порохового завода, менѣе интересовавшихся дѣломъ, чѣмъ съ убѣжденіемъ протестовавшихъ противъ самаго существованія Братства Трудового и особенно противъ довѣрія ко мнѣ и признанія моего авторитета. 30-го мая пріѣзжалъ изъ Чернигова губернский агрономъ А. Р. Череповъ, неизмѣнно относящійся къ Братству съ любовью и дѣятельнымъ доброжелательствомъ.

Очень характерно, какъ признакъ еще продолжающейся неустойчивости на добромъ пути, что въ братской семьѣ св. Андрея хроника совсѣмъ не была записана подъ тѣмъ предлогомъ, что писать ее долженъ былъ П. А. С., ушедшій изъ Братства въ самомъ началѣ мѣсяца, а въ братской семьѣ св. Николая хроника была замѣнена краткимъ перечнемъ фактовъ, безъ малѣйшаго указанія на отношеніе самой семьи къ этимъ фактамъ и съ полнымъ умолчаніемъ о духовной жизни семьи за весь этотъ мѣсяцъ.

Уѣзжая отъ насъ въ началѣ іюня, губернский агрономъ А. Р. Череповъ очень совѣтовалъ, чтобы мы оставались попрежнему въ Духовномъ Вѣдомствѣ при прежнемъ уставѣ и только дополнили дѣло учрежденіемъ въ предѣлахъ Братства сельско-хозяйственнаго общества по типу, выработанному Министерствомъ Земледѣлія.

4-го іюня на братскомъ собраніи рѣшили большинствомъ голосовъ оставаться при прежнемъ уставѣ. Въ этомъ же собраніи М. В. Середа выясняла характеръ своихъ отношеній къ измѣнившимся Братству супругамъ Н. Очень характерны для тогдашняго духовнаго настроенія многихъ, наивно считавшихъ себя въ достаточной степени раскаявшимися, слѣдующіе факты. Жена Н. всегда выказывала заносчивую грубость, полное нежеланіе работать и чѣмъ либо быть полезной Братству, самодовольное себялюбие и полное отсутствіе преданности до такой степени, что съумѣла потушить любовь къ Братству и въ своемъ мужѣ, который до женитьбы всегда проявлялъ себя человекомъ любящимъ, преданнымъ, скромнымъ и самоотверженнымъ. Уходя изъ Братства, она, и подъ ея влияніемъ,

ей мужъ, даже не пожелали объяснить причины своей измѣны. Между членами Братства нашлись люди и ихъ было не мало, въ которыхъ подобное отношеніе къ Братству, не только не вызвало негодованія, но, напротивъ, пробудило чувство сожалѣнія и симпатіи къ тѣмъ, которые оскорбляли Братство. М. В. Середа, эту самоотверженную труженицу на пользу Братства, не жалѣвшую себя, ухаживая за тою же Н., когда та была больна, съ нѣжною заботливостью умолявшею ее опомниться и старавшуюся пробудить въ ней совѣсть и сознание святости дѣла Братства, они строго порицали, называя ее главною виновницею измѣны Н., которымъ будто бы отъ нея житья не было, благодаря ей „навязчивой, непрошеной опеки“. Попрежнему сердце ихъ еще лежало ко злу, а не къ добру; попрежнему они извиняли зло, осуждали добро и самоувѣренно защищали зло и злыхъ отъ добра и добрыхъ.

На этомъ же собраніи Братство отказалось принять въ свою среду А. Я. Н. и въ этомъ можетъ быть было болѣе право, чѣмъ мы тогда казались. А. Я. Н. представляетъ изъ себя типъ очень симпатичнаго, добраго, религіознаго, трудолюбиваго и самоотверженнаго человѣка, совершенно парализованнаго ложнымъ пониманіемъ всепрощающей любви. Такихъ людей въ настоящее время, подъ вліяніемъ ученія о непротівленіи злу съ одной стороны и гуманистовъ—съ другой, встрѣчается довольно много. Они подкупаютъ своею симпатичностью и вносятъ повсюду элементы разложенія своею принципиальною безсистемностью и непослѣдовательностью. По принципу они не противятся злу, а въ практикѣ жизни невольно потакаютъ ему. По принципу они, ради непротівленія злу, не признаютъ никакой организаціи и, особенно, право этой организаціи на самозащиту и, тѣмъ самымъ, на практикѣ, способствуютъ разложенію всякой организаціи. Типичнымъ представителемъ именно этого направленія и былъ А. Я. Н. Въ жены онъ выбралъ женщину прямо противоположную себѣ по взглядамъ и симпатіямъ: очень корыстолюбивую, очень лѣнивую и крайне себялюбивую. Стѣснять ее въ чемъ либо онъ не считалъ себя въ правѣ и принципъ непротівленія злу доводилъ до того, что позволялъ ей дѣтей своихъ приучать къ роскоши, своеволію и праздности, самъ очень тому несочувствуя. Будучи учителемъ слесарнаго мастерства при школѣ, онъ, во имя того же принципа, предоставлялъ лѣнивымъ изъ учениковъ полную свободу терять время, дурно работать и даже совсѣмъ не работать.

Такихъ людей, такъ понимающихъ „всепрощающую любовь“ и

считающихъ себя истинными представителями христіанской любви, съ каждымъ днемъ встрѣчается все больше и больше. Они тѣмъ болѣе опасны, чѣмъ болѣе заманчива ихъ личная симпатичность. Они любятъ безъ Бога, хотя сами того часто не сознаютъ. Если бы они любили Бога, они всѣми силами души любили бы добро, питая инстинктивное отвращеніе ко злу, всѣми силами души жаждали бы водворенія стройной гармоніи въ міръ Божию, стройной организаціи добра; любовь ихъ стала бы разумною, организующею, ревниво оберегающею добро и добрыхъ отъ зла и злыхъ. На самомъ дѣлѣ эти наивные люди не отъ Бога поучаются, а Бога поучаютъ, воображая, что любятъ больше и лучше Его. Не Богъ ихъ цѣль. И въ этомъ они воображаютъ себя добрѣе Высшей Любви, умнѣ Высшаго Разума, Бога Живого, Который Себя предлагаетъ цѣлью міру, не уживается благодушно, не только съ Сатаною, но даже и съ соблазненными имъ, какъ только они вступили въ благодушное общеніе со зломъ и проявили свою „свободу“ не быть единомышленными и единомысленными съ Нимъ, Святымъ и Неизмѣннымъ. При этомъ они упускаютъ изъ виду „маленькую“ подробность: не противясь злу и не обособляясь отъ него, они узаконяютъ повсемѣстный адъ, а благодушно уживаясь со злыми и требуя того же во имя „всепрощающей любви“ отъ всѣхъ добрыхъ, тѣмъ самымъ обрекаютъ всѣхъ безъ изъятія на вѣчныя мученія. Такъ какъ такихъ людей мы можемъ встрѣтить довольно часто, полезно понимать ихъ и логичныя послѣдствія ихъ отношенія къ жизни.

Вечеромъ того же 4 іюня состоялось представленіе пьесы Р. Гауптмана „Ганеле“. Пьеса эта была поставлена А. А. Лютецкимъ и очень дружно сыграна всѣми участниками. А. А. Лютецкій, видя подавленное настроеніе многихъ, думалъ оживить общую жизнь этимъ способомъ. Была у него и другая цѣль: возвышенность и духовную красоту этой пьесы противопоставить низменному и грубому характеру пьесы, съ тѣхъ поръ измѣнившаго Братству В. К. О.: „Педагоги“, сыгранной на масляной недѣлѣ. Къ сожалѣнію ни намѣреніе его, ни труды не были оцѣнены въ то время по достоинству большинствомъ тѣхъ, изъ любви къ которымъ онъ все это дѣлалъ.

5 іюня пріѣхали къ намъ изъ Петербурга Л. И. Изъѣдиновъ съ женою, отцомъ ея, кн. В. М. Дондуковымъ-Корсаковымъ и О. И. Мусинъ-Пушкина. Они пробыли у насъ до 8 числа, съ доброжелательнымъ интересомъ относились и къ Братству и къ школамъ, съ любовію простились и потомъ многообразно доказывали свою

пріязнь. Особенно трогательно выражалъ въ послѣдствіи свои впечатлѣнія Л. И. Изъѣдиновъ, говорившій: „выѣзжая изъ Воздвиженска, я чувствовалъ себя такъ, какъ будто, послѣ долгой, знойной и пыльной дороги, принялъ освѣжающую духовную ванну“.

Это напоминаетъ мнѣ другой, не менѣе трогательный отзывъ въ письмѣ ко мнѣ бывшаго Черниговскаго губернскаго предводителя Дворянства кн. Н. Д. Долгорукова, писавшаго мнѣ: „самыя дорогія, трогательныя воспоминанія моей жизни—чувства, которыя я въ дѣтствѣ переживалъ во время говѣнія на страстной и пасхальной заутрени. Нѣчто подобное, напомнившее мнѣ эти святыя минуты, я пережилъ, находясь у Васъ, на лонѣ основаннаго Вами Братства“.

Можетъ показаться, сопоставляя эти отзывы съ тѣмъ, что я въ этомъ отчетѣ говорю о немощахъ нашихъ, что эти высокія души были обмануты своимъ оптимизмомъ или лживою внѣшностью показной жизни Братства. Это не такъ. Чувство ихъ не обмануло. Если при свѣтѣ идеала Братства немощи наши и являются позорными, даже чудовищными,—сравнительно съ рутинною окружающею насъ жизнью, Братства, даже не отвлеченная идея Братства, а фактическое Братство, въ лицѣ наличныхъ представителей своихъ, не исключая изъ этого числа и кандидатовъ на измѣну, является громаднымъ прогрессомъ. Грустныя явленія, заунывные въ рутинѣ жизни, насъ окружающей, совершенно не мыслимы на лонѣ Братства. Многіе друзья наши, относясь къ Братству вполне доброжелательно, пока лично съ нимъ не соприкоснулись, воочию его не увидѣли, съ трудомъ вѣрили въ возможность той нравственной атмосферы, которая достигнута Братствомъ и школами нашими. Чуткія души, соприкасаясь непосредственно съ Братствомъ убѣждаются въ дѣйствительности сравнительной высоты нравственнаго уровня его. Мы можемъ говорить объ этомъ свободно, ибо это не наша заслуга, Божіе дѣло Братства Трудового воспитываетъ насъ, отдавшихъ свою жизнь на служеніе ему, озаряетъ насъ свѣтомъ своимъ, сообщаетъ намъ славу свою, часто, помимо нашей воли, ограждаетъ насъ отъ зла, заставляя насъ быть на высотѣ святого дѣла, пока мы пребываемъ на лонѣ его, пока окончательно ему не измѣнили. Именно это и доводитъ нѣкоторыхъ до ожесточенія, до ненависти „къ тюрьмѣ Братства“, въ которой нѣтъ свободы широко проявлять свою злую индивидуальность, когда злою она продолжаетъ быть или становится.

Какъ прахъ земной облагороженъ и носитъ на себѣ печать сла-

вы духа, пока составляетъ одно съ духомъ въ живомъ организмѣ тѣла нашего, такъ и мы, пока составляемъ одно съ живымъ организмомъ Братства Трудового. Даже и тѣ, которые станутъ хуже многихъ, когда опаленные святынею за кощунственное къ ней прикосновеніе, они измѣняютъ ей и отъ нея отрекутся, облагорожены ею и носятъ на себѣ печать славы ея, пока они ей не измѣнили окончательно и пребываютъ въ органической связи съ нею на лонѣ Братства Трудового.

Мнѣ случалось слышать выраженіе скорбнаго удивленія по поводу совершенной безидейности измѣнившихъ Братству и недовольныхъ, неудовлетворенныхъ на лонѣ его. Меня это ни мало не удивляетъ. Они не полюбили святыни, но они соприкоснулись съ нею, кощунственно отнеслись къ ней, опалены ею. Въ то время, какъ другіе могутъ увлекаться маленькими идейками, маленькими цѣлями, честно относясь къ нимъ и увлекаясь ими, они, зная высшую идею правды Божіей, заветовъ любви Его, на которыхъ и основано, и зиждется Братство Трудовое, не могутъ искренно увлекаться идеями и цѣлями меньшими. Они знаютъ высшую идею, не любятъ ее и потому обречены на безидейность. Они опалены святынею. Пока они окончательно не отвергли ее и не надругались надъ ней, они находятся въ лучахъ славы ея и не ошибаются тѣ, которые признаютъ отраженный свѣтъ за вѣрный признакъ свѣта истиннаго и радуются о немъ.

11 Іюня состоялось послѣднее собраніе Братства передъ моимъ отъѣздомъ за границу. На этомъ собраніи я повторилъ, что почувствую себя единокрушнымъ съ большинствомъ Братцевъ и нравственно удовлетвореннымъ только тогда, когда это большинство сознаетъ, что Братство Трудовое должно быть святынею дѣла Божія, только ею и можетъ быть, что къ святынь всѣ мы должны относиться благоговѣнно, что измѣна этой святыни есть великое зло и не можетъ не вызывать единокрушнаго порицанія всѣхъ сознающихъ это, обладающихъ братскимъ самосознаніемъ. Въ этомъ же собраніи мы выразили сочувствіе брату нашему С. З. Бондаревскому по поводу его геройской преданности Братству при самыхъ тяжелыхъ семейныхъ обстоятельствахъ, когда ему пришлось отстаивать вѣрность свою отъ всѣхъ самыхъ близкихъ ему по крови, любимыхъ имъ.

Братскій подвигъ вѣрности С. З. Бондаревскаго и подвигъ вступленія въ Братство въ эту грустную эпоху А. А. Лютецкаго, составляютъ двѣ свѣтлыя страницы въ жизни Братства, особенно

ярко выделяющіяся на мрачномъ фонѣ самодовольной шатости и самоуверенной измѣны. О томъ и другомъ я скажу подробнѣе послѣ по поводу чествованія ихъ по постановленію Думы. Теперь скажу только, что исключительно благородное поведеніе С. З. Бондаревского заставило съ уваженіемъ отнестись къ нему, а черезъ него и къ Братству, даже людей, наиболѣе недоброжелательныхъ, прежде убѣжденныхъ въ томъ, что Братство не можетъ внушить геройства и не имѣетъ людей, способныхъ на геройство.

15 Іюня я надолго выѣхалъ за границу, гдѣ долженъ былъ, послѣ лѣченія на водахъ во Франціи ѣхать въ Парижъ печатать на французскомъ языкѣ руководящія правила Братства и доклады для конгресса Единаго Человѣчества, почетнымъ президентомъ котораго я былъ избранъ.

17 Іюня умеръ маленькій Витя Ключко, а на другой день въ той же братской семьѣ св. Іоанна родился Петя Цвѣлодубъ.

Мнѣ радостно отмѣтить, съ какимъ истинно христіанскимъ чувствомъ отнеслись къ смерти маленькаго Вити его родители. Это былъ единственный, нѣжно любимый ими, сынъ ихъ. Когда они увидѣли, что начинается агонія, оба стали на колѣни и слились въ общей молитвѣ объ умирающемъ; онъ затихъ и скоро тихо скончался. Не только никто не слышалъ отъ нихъ жалобнаго ропота о постигшемъ ихъ горѣ, но оба старались утѣшать другъ друга бодростію своею и не нарушать мирной радости жизни семьи видомъ унынія.

Подобные факты, однородные съ этимъ по силѣ сознательной вѣры, терпѣнія, кротости и смиренной покорности волѣ Божіей, каковы высоко поучительная и глубоко трогательная кончина полноправнаго брата И. П. Кобецъ, убитаго (по неосторожности въ гостяхъ) воспитанника С. Тимченко, умиравшихъ отъ тяжелой болѣзни воспитанницъ В. Шломиной, М. Коноваловой и Е. Портянко, то, какъ на лонѣ Братства относятся къ смерти и умираютъ, навсегда останутся почетными документами въ его исторіи.

Въ большинствѣ хроникъ о внутренней жизни братскихъ семей ничего не говорится. Очевидно особенно выдающихся событій не было. Однако, именно этотъ мѣсяцъ можетъ быть названъ поворотнымъ въ жизни Братства. Угаръ прежняго настроенія разсѣивается все больше и больше. Добрые элементы Братства духовно оживаютъ, чувствуютъ себя болѣе прежняго хозяевами положенія. Старшины семей начинаютъ дѣйствовать энергичнѣе, объединяя вокругъ себя тѣхъ, кто можетъ быть элементомъ созидающимъ.

Господь благословилъ добрую волю и усилія ихъ. Скоро появились и плоды благодати Его въ отрадныхъ явленіяхъ общей жизни Братства.

Очень характерна записъ одного изъ упорствующихъ въ прежнемъ настроеніи, одного изъ тѣхъ, кого не коснулось благодатное возрожденіе И. О. К. (съ тѣхъ поръ уже измѣнившаго Братству). Записъ эта находится въ хроникѣ братской семьи св. Николая за 1 іюня 1900 г. по поводу исключенія изъ школы воспитанника П. К. Это былъ мальчикъ грубый, гордый и самодовольный въ своей гордости. Такіе характеры, души такого настроенія, встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ то желали бы признавать люди, считающіе грѣховность человѣческую за одну изъ легендъ, выдуманныхъ представителями „мистическихъ предразсудковъ“. Въ практикѣ нашей мы много разъ имѣли дѣло съ такими типами. Они не представляютъ изъ себя ничего загадочнаго, если помнить, что вся грѣховность человѣческая сводится къ гордости, при которой дѣлаютъ изъ себя кумира, кощунственно воображаютъ себя возсѣдающими на престолѣ Божіемъ. Вообразивъ себя центромъ міра, перестаютъ вѣрить въ Бога, Котораго собою подмѣнили, а если и вѣрятъ въ букву бытія Божія, то не любятъ, не дорожатъ общеніемъ съ Богомъ, не жаждутъ причастія благодати Его, тѣмъ самымъ отрѣзываютъ себя отъ источника благодати, перестаютъ имѣть благодатныя силы на добро: благодать любви, мудрости, смиренія, кротости, великодушія, вдохновенія, благоговѣнія, умиленія, тихой радости и прочнаго мира духовнаго.

Иной грѣховности нѣтъ,—все та же гордость, желаніе свободы отъ Бога, гордость, при которой оторвавшись отъ центра міра, Бога Живого, становятся не способными и на мирное любовное общеніе съ людьми, не способными на устойчивый миръ смиреннаго прочнаго братолюбія. Въ этомъ единственная причина грѣха, разлада и скорби, единственная причина необходимости земной жизни, этой исправительной колоніи для больныхъ гордостію блудныхъ сыновъ Божіихъ, возгордившихся до желанія быть „какъ боги“, жить безъ Бога, свободными отъ Него, ища по міру приключеній, пока на опытѣ не убѣдятся, что святая воля Божія лучше злыхъ прихотей ихъ гордости, что скорбно быть въ разладѣ съ Высшею Любовью, что глупо отстаивать свободу своего разномыслія съ Высшею Мудростію.

Какъ грѣхъ одинъ, такъ и добро одно.—Любовь, этотъ духовный цементъ, связующій Творца и все Его твореніе въ одну строй-

ную гармонию. Все это азбука, таблица умножения, $2 \times 2 = 4$ христианского мировоззрения. Степень греховности „дтей мира сего“, представителей грешного человечества зависит от степени гордости и связанных с нею умственной слепоты (возможной при самых „высоких“ степенях ума и умственного развития) и ожесточения сердца (возможного при самых „гуманных“ взглядах“ и самой широкой терпимости ко злу и злым).

Все дело воспитания в нашей школе сводится к тому, чтобы выяснить истинное значение греха гордости в экономии мира Бога—Любовь, привести к сознательному покаянию в гордости, разчистить в душе ребенка место для святыни любви к Богу и всем Ему верным, для вселенской любви к Богу и всему Его творению, не к искаженному творению земного мира, подлежащего огню в день суда, находящегося под проклятием отлучения от царства Его, а к божественной красоте мира по мысли Божией, мира, находящегося в полной гармонии с Творцом своим, осиянного славой мудрости Его, прославленного блаженством причастия любви Его. Затем дело воспитания сводится к простой логике веры в жизни, к тому, чтобы помочь ребенку придти к самопознанию при свете веры, отделяться от дурных привычек души, привить себе добрые навыки, стать Божиими способными войти в стройную гармонию царства Божия, работать, на дело Божие, снать Божие здесь, чтобы пожать Божие в вечности.

Можем ли мы, зная, что любовь Божию презрел ангел, из „светоносного“ ставший по гордости Сатаной, что любовь Божию вместе с ним отвергли и отвергают многие, можем ли мы, не поддаваясь сами грубой и глупой гордости, вообразить, что наша любовь не будет никем отвергнута, можем ли мы смутиться перед „лукавыми мудрованиями дтей века сего“, проповедующих сочувствие ко злу и злым, всю вину за зло и злобу возлагающих на добро и добрых, не умеющих, по их мнению, переспорить зло и преобразить злых волков и змий, помимо их воли, в кротких голубиц!

Не только мы извѣдали, что любовь нашу отвергли многие, но скорбным опытом убѣдились, что при высоких степенях слепоты и ожесточенной гордыни, школа наша не полезна, а вредна. Не отвѣчая любовью на любовь нашу, закаляются во злѣ в мѣру ежедневнаго, жестокаго отверженія любви нашей, которая при таких обстоятельствах не воспитываетъ, а балуетъ. В маломъ видѣ происходитъ и на лонѣ Братства и на лонѣ школъ наших по-

вторение вѣковѣчной міровой драмы, в силу которой Сатана и ставшіе на его сторону противъ Бога прародители человечества, должны были быть изгнанными изъ рая. Если Господь в мудрости Своей, не смотря на безконечную любовь Свою, нашелъ нужнымъ и полезнымъ не оставлять въ раю тѣхъ, у кого въ сердцахъ водворился адъ гордости, очевидно, что дальнѣйшее ихъ пребываніе въ раю не могло быть для нихъ самихъ полезно, не могло привести ихъ къ искреннему и прочному раскаянію, очевидно необходимо было предоставить имъ свободу вѣ рая испытать весь ужасъ ада, соответствующаго злой волѣ гордыни ихъ. То же в маломъ видѣ извѣдали и мы. Пока мы воображали, что можетъ быть полезно дальнѣйшее общеніе съ нами самодовольныхъ гордецовъ, уже доказавшихъ намъ, что не дорожатъ любовью нашею и отвѣчаютъ на нее возрастающимъ ожесточеніемъ, мы вредили только Братству и школамъ, допуская въ нихъ злую закваску и убѣждались, что эти самодовольные гордецы каждый разъ доходили в дерзости своей до попытокъ обратить самый храмъ Братства и школъ нашихъ в „вертепъ разбойниковъ“, в адъ по волѣ гордыни ихъ.

На этомъ опытѣ жизни нашей человечество можетъ лишній разъ убѣдиться, что истина одна во всемъ мірѣ Божию и что великая вѣчная истина бытія повторяется неизмѣнно во всехъ самыхъ малыхъ явленіяхъ жизни. Мы убѣдились, что необходимо исключать изъ школы тѣхъ, кто отвѣчаетъ на любовь неблагодарностью и ожесточеніемъ. Не разъ они и сами в послѣдствіи признавали, что это былъ единственный исходъ, полезный для нихъ самихъ. что любовь, которая ихъ окружала, не будучи ими цѣнима, никогда не привела бы къ пониманію истины и раскаянію, какъ привелъ ихъ къ тому горькій опытъ жизни безъ любви.

Все это было давно передумано, пережито нами, давно формулировано в подробныхъ и ясныхъ объясненіяхъ. Казалось бы, не только каждый членъ Братства, но и каждый воспитанникъ нашихъ школъ, застрахованъ отъ недомыслия в этомъ направленіи и не можетъ находить ничего удивительнаго в томъ, что тѣ, которые в ожесточеніи гордости своей оказались неспособными отвѣчать любовью на любовь, оцѣнить любовь и дорожить ею, оказались вместе с тѣмъ очень дурными характерами, какими и проявляли себя в школѣ, и в Братствѣ, и по выходѣ изъ нихъ на сторонѣ.

Сообразивъ все это, мы ясно поймемъ до какой степени типично

и назидательно для всего человечества, слѣдующая наивная записка И. О. К. Отмѣтивъ, что исключенъ воспитанникъ, злоупотреблявшій любовію и довѣріемъ всѣхъ его окружавшихъ, ожесточавшійся все болѣе и болѣе въ отвѣтъ на терпѣливое великодушіе, исключенъ изъ младшихъ классовъ, чтобы онъ могъ успѣть подготовиться къ жизни борьбы, соответствующей его настроенію, изучивъ какое либо ремесло при иной обстановкѣ, онъ говоритъ: „Почему наша школа на ряду съ очень симпатичными характерами, *способствуетъ* выработкѣ иногда ужасныхъ характеровъ, какими были многіе изъ ушедшихъ?“

Тутъ все типично—и самый вопросъ, и слово „способствуетъ“, и то, что ставить этотъ вопросъ и такъ говорить человѣкъ, два мѣсяца передъ тѣмъ, не только вмѣстѣ съ нами пережившій тяжелый опытъ жизни нашей, когда въ духѣ настоящей оргіи торжествующей гордости „недовольные“ требовали отъ меня и отъ Думы обратить храмъ Братства въ анархическую общину, но еще самъ былъ избранникомъ „недовольныхъ“, избравшихъ его председателемъ „своего“ собранія, вмѣстѣ съ другими раскаявшійся, вмѣстѣ съ другими прощенный и такимъ образомъ, долженствовавшій быть вмѣстѣ съ другими умудреннымъ тяжелымъ опытомъ жизни.

Очевидно, живя съ нами, онъ систематично отвергалъ всё, что было передумано, пережито, пережито, отвергалъ, какъ нѣчто нестоящее его вниманія, отвергалъ, даже неподозрѣвая нравственный характеръ того, что дѣлаетъ отвергая, отвергалъ, оставаясь вполнѣ самодовольнымъ, не мало не стѣсняясь выказать это, болѣе того, убѣжденный, что онъ болѣе другихъ вдумчиво относится къ жизни и съ безпристрастіемъ мудреца ставитъ совѣсти тѣхъ, отъ кого зависитъ постановка воспитанія въ школахъ, поучительные вопросы, даже не подозревая, что вопросы эти давно разрѣшены. Есть люди, способные безъ конца ставить вопросы, никогда не воспринимая отвѣтовъ. Отвѣтилъ я краткою надписью въ самой хроникѣ: „Потому же, почему въ царствѣ Вожіемъ выработался ужасный характеръ Сатаны“.

Все это до того типично для представителей извѣстнаго направленія въ современной интеллигенціи, шаблонные взгляды которой съ довѣріемъ были восприняты изъ текущей литературы и окружающей жизни И. О. К. и многими другими, промѣнявшими на эти взгляды единомысліе и единодушіе со мною, потерпавшимъ мои убѣжденія изъ сознательной вѣры, а не изъ мудрости человѣческой, что я нашелъ нужнымъ подробно на этомъ остановиться. Такъ ду-

мать и такіе вопросы ставить способны тысячи, если не миллионы нашихъ современниковъ. Дать имъ отвѣтъ обязательно.

Въ нѣсколькихъ случаяхъ, о которыхъ подробно я говорить не буду, выказалась чрезвычайная неряшливость по отношенію къ дѣлу, полное непониманіе нравственной отвѣтственности со стороны тѣхъ, кому Братство оказало исключительное довѣріе и прежняя склонность ставить съ наивною самоувѣренностью свои личные вкусы и личные отношенія выше общей пользы и даже самыхъ существенныхъ, жизненныхъ нуждъ общаго дѣла, прежняя склонность заботливо ограждать зло и злыхъ отъ всякаго порицанія.

Если прибавить ко всему этому, что въ то же время внѣшнія обстоятельства, изъ которыхъ нѣкоторыя такъ сильно вліяли на Братство, что проникали въ самыя интимныя сферы жизни его, были какъ бы домашними врагами дѣла, обстоятельства, о которыхъ я не говорю въ отчетахъ отчасти потому, что они не от насъ зависѣли и потому не имѣютъ отношенія къ совѣсти Братства, отчасти потому что, не имѣя возможности сказать о нихъ все, я предпочитаю ничего о нихъ не говорить, станетъ ясно, среди какихъ исключительно трудныхъ обстоятельствъ, среди какой всеобщей немоги созидалъ Господь Братство на первыхъ шагахъ его существованія. Запишемъ это на память себѣ и потомству нашему. Даже и тѣ, которые по своему положенію должны были наиболѣе радоваться о немъ, обязаны были поддерживать бодрость и вѣру его созидавшихъ, быть первыми въ дѣлѣ благоговѣйнаго его созиданія, были соблазномъ, тормозили и разрушали дѣло, были домашними врагами его.

17 іюля, въ день 75 лѣтней годовщины матушки моей Александры Николаевны, произошло очень радостное событіе, доказавшее, что не смотря на частыя проявленія прежняго духа, въ обществѣ Братство далеко ушло по пути любви и братской солидарности. Всѣ дружно объединились въ желаніи обласкать нашу дорогую старушку и тѣмъ загладить по отношенію къ ней и ко всей нашей семьѣ скорбное прошлое. Они не ошиблись. Это былъ лучший способъ утѣшить, доказавъ, что смирили себя до сердечной потребности проявить во виѣ любовь и уваженіе. Съ своей стороны, находясь за границей на водахъ, я не могъ принять лично участія въ празднествѣ, но прислалъ образъ, который былъ переданъ матушкѣ въ храмъ послѣ богослуженія.

Все торжество это носило самый трогательный семейный характеръ. Все Братство и школы съ любовію окружили старицу Брат-

ства самыми разнообразными проявлениями святых чувств и тѣмъ, не сомнѣваясь, заслужили обильное благословеніе Того, Который самыя „намѣренія цѣлуетъ“ и за любовь къ „единому отъ малыхъ сихъ“, награждаетъ причастіемъ благодати любви своей.

Прочтено было нѣсколько глубоко трогательныхъ по содержанію и самой формѣ изложенія адресовъ, поднесены были фотографическія группы всего Братства, исполненныя А. А. Лютецкимъ, многія рукодѣлія, а вечеромъ была красивая иллюминація парка и разнообразный фейерверкъ, приготовленный Н. И. Ивченко.

Въ августѣ было опять нѣсколько проявленій того, какъ недостаточно было покаянія въ прошломъ, какъ мало братскаго самосознанія, какъ много еще прежняго духа. Мелкое себялюбіе просвѣчиваетъ во многомъ. Не только нѣтъ сознательнаго смиренія людей, сознавшихъ недавнюю свою неправду, ошибки ума и сердца своего, но проявляется напротивъ, заносчивая самоувѣренность въ безошибочности своихъ взглядовъ, желаній и дѣйствій.

По поводу вступленія новыхъ братьевъ не только не выражается радости, но многіе очень недовольны тѣмъ, что въ комнаты общежитія братской семьи св. Андрея придется помѣстить большее число жильцовъ. Хроника по этому поводу выражается такъ: „Нѣкоторые очень возбужденно возражаютъ тѣмъ, которые находятъ, что особеннаго неудобства не будетъ“ — „Съ этимъ многіе съ трудомъ могутъ примириться“. Рѣшили, чтобы не стѣснять себя, стѣснить дѣтей рождественскаго общежитія, занявъ ихъ рекреационную комнату, на что, конечно, согласія не получили. Кончили тѣмъ, что перевели семейныхъ братьевъ изъ большихъ комнатъ въ меньшія, на что они тоже согласились не разомъ и неохотно. Распорядитель работъ съ трудомъ добивается добровольной дисциплины и послушанія.

На конкурсномъ испытаніи по обыкновенію былъ большой наплывъ желающихъ поступить въ наши школы. На этотъ разъ большинство дѣтей принадлежало къ неособенно бѣднымъ семьямъ. По этому поводу въ братской семьѣ св. Іоанна было высказано сожалѣніе въ связи съ убѣжденіемъ, что довольствоваться нашими школами и быть устойчиво преданными Братству могутъ только люди бѣдные, которымъ „дальше нѣтъ ходу!“ Очень типично для представителей полураскаившихся изъ числа недавнихъ „недовольныхъ“!

Въ этомъ году на выпускной актѣ нашихъ школъ 6 августа пріѣхало особенно много гостей и между ними нашъ вѣрный другъ

И. И. Барановскій съ нѣсколькими друзьями своими, а изъ Петербурга чиновникъ особыхъ порученій г. Оберъ-Прокурора Свят. Синода В. М. С., который въ своей рѣчи на актѣ между прочимъ сказалъ: „Дѣло Ваше,—дѣло вѣры и любви. Что, какъ не любовь къ Богу заставила Вашего воспитателя оставить все и прійти въ это захолустье къ меньшей братіи. Что, какъ не любовь соблагоустроила Васъ сюда и держитъ Васъ всѣхъ вмѣстѣ... Именно здѣсь... вспоминаешь слова Достоевскаго, что нашъ народъ „Вогоносецъ“, постигнѣ Бога въ сердцѣ носятъ тѣ, кто живетъ любовію. Вотъ почему процвѣтанію Вашего Братства, нашего Русскаго Православнаго порадуется весь православный русскій народъ“.

Вечеромъ на Рождественскомъ хуторѣ, гдѣ по обыкновенію торжественно водворяли новыхъ братьевъ, В. М. С. сказалъ: „Картина встрѣчи молодыхъ братьевъ и сестеръ умилила меня до глубины души. Я видѣлъ, съ какою любовью, съ какимъ благоговѣніемъ эти новые члены Братства приближаются къ своему будущему жилищу, встрѣчаемые на порогѣ благословеніемъ православнаго священника, святыми иконами и пѣніемъ святыхъ стиховъ... Потомъ видѣлъ я эту мирную бесѣду, оживленные молодыя лица, наконецъ эту почтенную старицу Братства, которая, забывая свои годы, до поздняго часа раздѣляетъ ихъ бесѣду и любитъ на дѣтей своихъ... Невольно думается мнѣ: вотъ истинно православная, христіанская жизнь“.

Передъ отъѣздомъ изъ Братства въ братской семьѣ св. Іоанна онъ сказалъ: „Дѣло Братства Трудового вполне православно и по духу и по формѣ; оно настолько симпатично, что ему не можетъ не посочувствовать всякій порядочный человѣкъ“.

Мы не можемъ не отмѣтить радостнаго значенія для Братства этого момента. Признано не только фактическое, но и нравственное его право на существованіе, какъ дѣла общепользнаго на лонѣ православной Россіи.

11 августа праздновали новоселіе новой братской семьи св. Надежды.

Радостно отмѣтитъ слѣдующую, дѣлающую честь семьѣ св. Іоанна запись въ хроникѣ: „Въ насъ нѣтъ еще того симпатичнаго братскаго тона, который необходимъ въ жизни Братства, нѣтъ еще той дружной братской семейности, которая согрѣвала бы душу и облегчала бы бодрое перенесеніе грустныхъ минутъ жизни“. Надо вырасти отъ пониманія до желанія этихъ истинъ, чтобы такъ выражаться. Какъ далеко это отъ гордаго самодовольства и злорѣчи-

ваго критиканства, которое прежде такъ часто сквозило въ записяхъ хроники той же семьи.

Рядомъ съ этимъ, въ томъ же мѣсяцѣ произошелъ другой случай, который самъ собою и отношеніемъ къ нему еще разъ показалъ, до какой степени, не смотря на все пережитое, во многихъ было еще мало смиренного самосознанія.

Одинъ изъ членовъ Братства былъ назначенъ на небольшую должность въ лѣсное вѣдомство моихъ имѣній съ цѣлю, на пользу Братства, познакомить его съ практикою лѣсного дѣла. Уѣзжая, я просилъ его, чтобы онъ при всякихъ обстоятельствахъ относился безукоризненно вѣжливо, какъ къ главному управляющему, такъ и къ главному лѣсническому, зная, что оба враждебно относятся къ этому назначенію.

По поводу увольненія одного изъ служащихъ этотъ братъ, находя увольненіе его несправедливымъ, позволилъ себѣ оскорбить главнаго управляющаго, высказавъ ему это въ присутствіи постороннихъ людей. Очень многіе изъ братьевъ, горячо сочувствовали его поступку и негодовали на главнаго управляющаго за его, по ихъ мнѣнію, несправедливое отношеніе къ уволенному.

Меня поразило во всемъ этомъ не то, какъ необдуманно поступилъ въ данномъ случаѣ одинъ изъ братьевъ, а то, какъ дружно негодовали по поводу несправедливости, оказанной уволенному лѣснику, тѣ, которые еще недавно, не только не возмущались, но съ непонятнымъ равнодушіемъ относились къ несправедливому и грубо оскорбительному отношенію ко мнѣ и Братской Думѣ.

Выяснить это обстоятельство было для меня нравственною потребностью. Выѣстѣ съ тѣмъ я воспользовался случаемъ для новой попытки пробудить самосознаніе, пробудить окончательно полупробужденную совѣсть, дать поводъ высказаться и окончательно заглаживать прошлое.

Съ этою цѣлю я написалъ два письма: одно въ Думу, а другое одному изъ братьевъ.

Въ письмѣ въ Думу я писалъ: „Ни удивляться, ни негодовать на главнаго управляющаго за его желаніе оставить мѣсто по поводу оскорбленія, нанесеннаго ему однимъ изъ членовъ Братства, я не могу, послѣ многого недавно пережитаго, когда измѣняли Братству и грубо оскорбляли меня такъ многіе изъ тѣхъ, кому я отдалъ всю жизнь мою, кого любилъ, какъ родныхъ дѣтей и называлъ братьями; измѣняли и оскорбляли безъ всякаго повода съ моей стороны, не вызывая тѣмъ ни негодованія, ни даже строгаго осужденія со сто-

роны слишкомъ многихъ въ Братствѣ... Что непонятно для меня, это — озлобленіе, которое проявили ко мнѣ многіе измѣняющіе и, особенно, та равнодушная снисходительность, которую проявили къ этому такъ многіе.

„Главный лѣсничій поступаетъ несправедливо (допустимъ, что это такъ), главный управляющій эту несправедливость не исправляетъ.... очень многіе, какъ я слышу, полны горячаго негодованія по этому поводу... Почему же не вызываетъ измѣна Братству горячаго негодованія въ тѣхъ, которые стоятъ у самого дѣла Братства, которыхъ оно непосредственно касается, въ томъ большинствѣ, которое въ этомъ году дѣлало постановленія, направленные на то чтобы облегчить измѣну, сдѣлать ее болѣе удобною и почетною, даже перестать измѣну называть измѣною? Почему измѣну тѣхъ, которые одни изъ всего человѣчества съ горячею любовью подготавливались къ созиданію святаго дѣла Братства Трудового, не считаютъ позорною и возмутительною несправедливостью по отношенію къ дѣлу Братства и ко мнѣ?

„Почему, когда въ этомъ году, передъ всѣмъ Братствомъ мнѣ, въ отвѣтъ на мою любовь и заботы всей жизни, было выражено такъ много злобы и неуваженія тѣми, которые эту злобу и это неуваженіе не постыдились называть „искренностью“ и „откровенностью“, это тоже не вызвало негодованія, не было признано позорною и возмутительною несправедливостью по отношенію ко мнѣ?.. Искренняго, сердечнаго раскаянія, горячаго негодованія на самихъ себя и стыда за прошлое, я до сихъ поръ не вижу.

„Чѣмъ заслужили: Братство—измѣну, а я — оскорбленіе! Если есть такіа обстоятельства въ организаци Братства и моихъ отношеніяхъ къ нему, которыя оправдываютъ измѣну и оскорбленіе, дѣлаютъ ихъ заслуженными и справедливыми, пусть же, наконецъ, объяснятъ ихъ. И въ организаци Братства и въ моихъ отношеніяхъ къ нему я съ радостью измѣню все, что измѣнить можно безъ ущерба для дѣла, безъ измѣны животворящему духу его. Но пусть мнѣ это доказываютъ съ точки зрѣнія правды Божіей и интересовъ дѣла Братства, а не съ точки зрѣнія ходячихъ мнѣній „безбожной интеллигенціи“ и своихъ личныхъ выгодъ, капризовъ, вкусовъ и немощей...

„Пусть отвѣты свои братское собраніе изложитъ письменно, а Дума, обсудивъ эти отвѣты, сдѣлаетъ постановленія, въ которыхъ выскажетъ свое убѣжденіе.

„Можетъ быть мнѣ укажутъ мои ошибки. Можетъ быть къ

Братству и ко мнѣ отнесутся болѣе сознательно. Тогда, вернувшись, я почувствую въ Братствѣ болѣе сердечной преданности дѣлу, ко мнѣ—болѣе сознательное чувство любви и уваженія, которыя мнѣ такъ нужны для того, чтобы я могъ, имѣлъ силу, не смотря на все прошлое, продолжать энергично служить дѣлу“.

Въ письмѣ къ одному изъ братьевъ я очертилъ яркими красками всю немощность нашу и чудеса силы Божіей, въ ней явленные, ободряя тѣхъ, кто съ надеждою на Бога, а не на свои силы, отдаетъ себя въ руку Божію съ увѣренностію въ успѣхъ дѣла, не смотря на самыя неблагопріятныя для него обстоятельства.

Эти два письма нашли въ Братствѣ почву, значительно болѣе благопріятную и благодарную, чѣмъ то было еще недавно. Хотя этимъ случаемъ не воспользовались, чтобы, вдумчиво отнесшись къ дѣлу, высказаться и загладить прошлое, отъ моихъ вопросовъ отдѣлались общими фразами о виновности и просьбами о забвеніи, зато, не только не почувствовали себя подавленными, удрученными, не только не осудили меня за непріятные, „надоѣдливые“ вопросы и не отдались чувству оскорбленной гордости, какъ это неизбежно было бы прежде, а почувствовали себя легко, радостно объединились въ желаніи сообща выразить добрыя чувства. Это уже очевидный признакъ того, что въ душахъ водворился миръ и устойчивая любовь. Потому я и отмѣчаю это явленіе, какъ радостное событіе и добрый признакъ несомнѣннаго роста духовнаго.

Доброе настроеніе не достигаетъ однако до смиреннаго отношенія къ дѣлу и сознанія права и обязанности требовать такого отношенія отъ всѣхъ его участниковъ. Въ братской семьѣ св. Николая въ концѣ мѣсяца было изумительно грубое проявленіе требовательности и горделивой заносчивости. Семья напрасно уговаривала П. П. Д. и старалась вразумить его. Онъ остался при своемъ. Такъ семья съ нимъ и не договорилась: „Его оставили въ покоѣ“. Онъ не былъ призванъ въ Думу для вразумленія. Этотъ человѣкъ, ставшій совершенно чуждымъ Братству по мыслямъ и чувствамъ, легко могъ быть соблазномъ для школы, столь близко стоящей къ семьѣ св. Николая. Несмотря на это и противно даннымъ мнѣ общаніямъ, семья терпѣла такіе факты въ своей средѣ. Онъ съ своей стороны, не только не чувствовалъ свою виновность и ни малѣйшей благодарности за то, что его продолжали терпѣть въ Братствѣ, но даже не стѣснялся въ самыхъ грубыхъ формахъ проявлять свои дурныя чувства и дерзкую заносчивость. Все это происходило ежедневно на глазахъ у всей семьи и она не пугалась за

школу, не возмущалась за Братство, не могла ничего достигнуть и не исполняла своего долга, прося Думу вразумить человѣка, такъ долго и явно злоупотреблявшаго долготерпѣніемъ семьи, или его выключить изъ Братства. Очевидно, за дурными членами Братства еще признавали болѣе правъ, чѣмъ за самимъ Братствомъ, или жалѣли ихъ болѣе самого Братства и тѣхъ многихъ дѣтей, для которыхъ это бездѣйствіе и „укрывательство“ семьи могло быть вреднымъ.

Грустно праздновала семья св. Андрея именины С. О. Черненко и С. З. Бондаревскаго 1-го сентября, на другой день послѣ похоронъ дочери послѣдняго, маленькой Оли, умершей въ Янполѣ у своей бабушки.

5-го сентября вернулся съ военной службы братъ нашъ Г. Г. Набоко.

Опять въ цѣломъ рядѣ фактовъ многіе проявили крайнюю слабость братскаго самосознанія, шатость мыслей, чувствъ и отношеній, дерзкую заносчивую самоувѣренность.

По поводу измѣны Братству, недавно принятой въ него сестры А. А. Б., сумѣвшей сдѣлать это особенно дурно, хроникеръ братской семьи св. Іоанна не можетъ удержаться по старой привычкѣ, чтобы часть вины за то не взыскать съ виновной на неповинныхъ, съ оскорбившей на оскорбленныхъ. Это была очень способная, но мало любящая и не религіозная дѣвушка. И вотъ, точно заботясь о томъ, чтобы примѣръ ея былъ возможно болѣе поучительный, эта умная дѣвушка дѣлаетъ цѣлый рядъ изумительныхъ глупостей, ставя себя, безъ всякой нужды, въ самое позорное положеніе. Не любя никого, кромѣ себя, и тяготясь жизнію религіозной, она, по окончаніи курса въ нашей школѣ, не хотѣла поступать въ Братство. Родители уговариваютъ сдѣлать очевидную подлость: поступить въ Братство на самое короткое время, чтобы измѣнить ему, какъ только они приищутъ ей мѣсто. Поступить такъ было глупо и безцѣльно, такъ какъ едва ли умно подвергать себя безцѣльному позору, а сдѣлать подлость, ставя себя въ необходимость черезъ самое короткое время выставить эту подлость напоказъ, несомнѣнно значить, подвергать себя безцѣльному позору. Она поступаетъ по совѣту родителей и, уходя, имѣетъ цинизмъ совершенно спокойно, безъ малѣйшихъ признаковъ раскаянія рассказать о себѣ и своихъ родителяхъ всю позорную правду.

При пробужденномъ самосознаніи, братъ, записывавшій хронику, увидѣлъ бы въ этомъ яркій примѣръ того, до какой степени ни-

зокъ и ничтоженъ человѣкъ, гордынею оторванный отъ Бога, до какой степени низокъ и ничтоженъ разумъ человѣческій, не умудренный любовью. Видъ именно въ этомъ общая причина всѣхъ ужасовъ, переживаемыхъ человѣчествомъ, всего, недавно пережитого и нами на лонѣ Братства. Какъ не понять всѣхъ этихъ уроковъ жизни! Люди, скорбнымъ опытомъ дошедшія до самосознанія, обязательно поняли бы это, обязательно, изъ ревности ко благу Братства, высказали бы это, когда данъ былъ тому такой яркій поводъ.

Въ то время еще многіе въ Братствѣ были такъ далеки отъ братскаго самосознанія, что на многое въ жизни смотрѣли не съ точки зрѣнія вѣры и братства, были вполне самоувѣренны и готовы были самодовольно выказывать полный разладъ своихъ мыслей и чувствъ съ самыми основами дѣла Братства.

Такъ и въ данномъ случаѣ. Въмѣсто всякихъ выводовъ, логичныхъ и полезныхъ для Братства, хроника такъ выражается: „Не нужно, хотя бы и косвенно, *побуждать* лицъ *немощихъ* ко лжи“. Побужденіемъ ко лжи называется то, что заявившіе о желаніи поступить въ Братство принимаются непосредственно по выходѣ изъ школъ. Такимъ образомъ, часть вины съ людей нечестныхъ съ легкимъ сердцемъ и наивною дерзостію переводится на тѣхъ, которые имъ довѣряютъ и становятся жертвами ихъ обмана. На этомъ пути логично дойти до обвиненія Самого Бога въ „побужденіи ко лжи“ на томъ основаніи, что Его требованія, Его святость и самое Его существованіе „побуждаетъ“ злыхъ лгать, притворяться и лицемерить. Многіе именно такъ думаютъ, чувствуютъ и „прикровенно“ говорятъ. На этомъ пути не только логично отрицать пользу существованія Братства, но и доказывать его злобредность, какъ искушеніе для злыхъ и такъ называемыхъ „немощихъ“ лгать, притворяться и лицемерить на лонѣ Братства, пока ихъ Братство терпитъ или сами они ему не измѣнятъ, не только по духу, но и на дѣлѣ.

По этому поводу мнѣ припоминается и другой необыкновенно яркій случай. Молодая дѣвушка окончила курсъ нашей женской школы. Во всѣ четыре года ея пребыванія въ ней, она проявляла большую устойчивость и самостоятельность во злѣ, въ духѣ „доблестной свободы“, отстаивая отъ воспитательницъ свою „сильную индивидуальность“. Ее великодушно вытерпѣли до конца, жалѣя отца, который состоялъ членомъ Братства. Все надѣялись, что она съ годами опомнится и станетъ другою. Она не опомнилась. До конца осталась „сама собою“, ни мало не поддавшись вліянію вос-

питательницъ. Выйдя изъ школы, она не поступила въ Братство и „на свободѣ“ очень скоро испортила себѣ жизнь, глупо довѣривъ свою судьбу недостойному довѣрію человѣку, послѣ того, какъ съ упорнымъ недоувѣріемъ относилась къ своимъ воспитательницамъ, видя въ нихъ враговъ своего „личнаго счастья“ и отстаивая отъ нихъ это мнимое „личное счастье“. Это ли не урокъ для всѣхъ исповѣдниковъ „личнаго счастья“ и „индивидуальной свободы“ во что бы то ни стало! Нашлись братья, которые, узнавъ объ этомъ, обвинили школу и воспитательницъ, говоря, что это доказываетъ, какъ мало школа оказываетъ вліянія на своихъ воспитанницъ и какъ мало нравственныхъ устоевъ въ нихъ вырабатывается! Для тѣхъ, кто знаетъ, съ какою ревнивою заботливостію школа и во главѣ ея Марія Николаевна старается воспитать молодыхъ дѣвушекъ цѣльно въ духѣ благородной скромности, какъ много препятствій она находитъ на этомъ пути, какъ многимъ нареканіямъ подвергается именно за это и какихъ блестящихъ результатовъ достигаетъ, чему доказательствомъ служить вся атмосфера жизни Братства будетъ вполне очевидно, до какой степени чудовищно несправедливо возложить малѣйшую часть вины съ „отстоявшей свободу своей индивидуальности“, на тѣхъ, которые все сдѣлали отъ себя зависящее, чтобы помочь ей переродиться, преобразиться въ новаго человѣка.

Этотъ духъ протеста противъ добра, невольнаго влеченія ко злу, непреодолимой потребности обвинить добро и добрыхъ, чтобы выгородить зло и злыхъ, эта антипатія къ добру и симпатія ко злу, столь заурядны въ рутинѣ жизни, что сами добрые этимъ заражены и благотвореніе понимаютъ исключительно въ формѣ сентиментальныхъ заботъ о приведеніи злыхъ къ покаянію и „жалостливаго ухаживанія за ними“, совершенно не заботясь и даже не додумавшись до необходимости изъ жалости къ добрымъ давать имъ возможность организовать жизнь на добрыхъ началахъ, обособляя ихъ отъ злыхъ и отъ скорбной для нихъ необходимости „съ волками по волчьи быть и отъ волковъ по волчьи огрызаться“. Все это яркія, несомнѣнные доказательства глубокой грѣховности человѣчества, его упорнаго грѣхолюбія, глубокой испорченности его грѣхोलюбиваго духа, того, что называютъ его „натурою“, тоже возлагая отвѣтственность за то на Бога, чтобы выгородить себя и себѣ подобныхъ. Этотъ духъ живетъ во всемъ человѣчествѣ, возведенъ въ теорію куміропоклонниками природы и дурно понятого гуманизма. Онъ въ воздухѣ, которымъ мы дышемъ, его превозносятъ, имъ гор-

дятся. Это страшная, гнойная язва человечества, считаемая имъ за здоровье, превозносимая имъ, какъ добродѣтель. Вотъ почему я такъ долго останавливаюсь на этомъ вопросѣ и на этихъ, повидимому, незначительныхъ фактахъ.

И въ Братствѣ нашемъ, наличные члены котораго составляютъ плоть отъ плоти и кость отъ костей того общества, того православнаго русскаго народа, къ которому мы принадлежимъ, во многихъ, слишкомъ во многихъ еще крѣпко живетъ этотъ духъ, до того крѣпко, что даже лучшіе представители Братства безсознательно имъ заражены, какъ въ данномъ случаѣ братъ, писавшій хронику семьи св. Іоанна. Даже духовныя сливки Братства, члены Братской Думы не разъ проявляли недостатокъ христіанскаго самосознанія въ этомъ направленіи. Это было логичнымъ послѣдствіемъ, роковымъ наказаніемъ за общую нашу вину попустительства зла на лонѣ Братства, по укоренившейся привычкѣ попустительства зла и виѣ его, за благодушную уживчивость со зломъ и злыми, за недостатокъ святого гнѣва противъ зла, за недостатокъ ревности о добрѣ, жажды добра и обособленія отъ зла „стѣнъ Іерусалима небеснаго“, неукоснительной преданности добру. Они сами дышали тѣмъ воздухомъ, отъ котораго недостаточно ограждали Братство, котораго допускали, съ которымъ подчасъ мирились и онъ отравилъ ихъ самихъ. Они прежде другихъ опомнились, покаяться и сотворили плоды, достойные покаянія. Теперь этому духу они могутъ поддаться гораздо рѣже прежняго, но это „прежнее“ было еще такъ недавно, мы и теперь не вполне отъ него застрахованы. Будемъ это сознавать. Пусть это знаютъ, пусть это продумаютъ и другіе. Опытъ, переживаемый въ насъ человечествомъ, такъ поучителенъ! Не будемъ уставать громко каяться въ немощахъ нашихъ, будемъ хвалиться ими: чѣмъ больше они были, чѣмъ ярче обнаружались при свѣтѣ дѣла Братства, тѣмъ ярче свѣтитъ во тьмѣ немощей нашихъ свѣтъ силы славы Божіей!

Въ этой же записи, по поводу двухъ другихъ случаевъ, мы находимъ мысли, чувства и выраженія на томъ же основанныхъ духѣ.

Въ женской школѣ руководяію обучала приглашенная со стороны мастерица. Помощницей ея состояла сестра, которая въ тяжелое время, недавно пережитое Братствомъ, выказала себя очень дурно и долго потомъ продолжала жить далеко не братскими чувствами и на многое смотрѣть далеко не съ точки зрѣнія вѣры, любви, кротости, смиренія и братскаго единенія. Всѣ это видѣли,

для всѣхъ это не могло не быть очевиднымъ. Кромѣ всего этого она вскорѣ должна была стать матерью, а мастерица — оставить мѣсто. Что же было удивительнаго или непонятнаго въ желаніи Маріи Николаевны приставить къ этому дѣлу еще вторую сестру, чтобы она успѣла подготовиться на случай, если первая, ставъ матерью, будетъ нуждаться въ помощницѣ послѣ ухода мастерицы или вынудить совсѣмъ устранить себя отъ дѣла, продолжая проявлять настроеніе, при которомъ, по совѣсти, ее у дѣла оставить будетъ невозможно.

По поводу этого нашлись сестры въ братской семьѣ св. Іоанна, которыя выражались такъ: „Что же это такое и первая сестра служила при школѣ даромъ и вторая тоже будетъ служить даромъ — это убыточно для Братства“. Грубое неприличіе, наивная необдуманность такихъ выраженій, какъ „даромъ“ и „убыточно“, когда Братство еще не было экономически выдѣлено, далеко себя не окупило и пользовалось неограниченнымъ кредитомъ отъ меня, вполне очевидны. Все это было высказано самой вновь назначенной сестрѣ; та очень опечалилась этимъ и не скрывала всего этого отъ Маріи Николаевны, что, при братской искренности и простотѣ отношеній, было вполне честно и безобидно. Не такъ смотритъ на это хроника. Она выражается такъ: „это можно сдѣлать только въ томъ случаѣ, когда мало уважаешь Братство и отличаешься сплетнической болтливостью“. По этому же поводу хроника протестуетъ съ возмущеніемъ противъ возможности, чтобы кто-либо на лонѣ Братства былъ способенъ допустить мысль объ эксплуатаціи Братства съ моей стороны, совершенно забывая, что мнѣ это въ самой грубой формѣ было выказано всѣми тѣми, кто въ объясненіе своего равнодушнаго и лѣниваго отношенія къ работамъ и даже своей измѣны Братству, говорили объ экономической безрезультатности труда въ Братствѣ и о необезпеченности личной и семейной всего Братства.

Въ той же хроникѣ рассказанъ и третій не менѣе характерный фактъ. Ни мало не осуждая тѣхъ, кто высказывалъ мысли и чувства, прямо противоположныя духу вѣры и братства, еще многіе относились съ грубою нетерпимостью къ тѣмъ, кто, ревнуя о благѣ Братства, осуждалъ духъ измѣны и призывалъ къ добру. Ихъ называли „начальствомъ“ и „ханжами“, говорили, что они „всѣхъ пилать“ и тѣмъ „отравляютъ жизнь“, выражали сомнѣніе въ ихъ искренности и особенно негодовали на ихъ близкія и искреннія отношенія къ Маріи Николаевнѣ.

Всего болѣе доставалось за это В. В. Ребенко и П. К. Пархо-

менко. Этих самоотверженных и любящих сестер осуждали надъ ними принято было подсмѣиваться. Какъ то обѣ онѣ, одна за другою пришли въ гости въ братскую семью св. Іоанна. Обѣихъ встрѣчаютъ командою „тише“, причемъ прекращаютъ прежде оживленный разговоръ и раздается дружный хохотъ. Послѣ повторенія той же „невинной шутки“ при появленіи второй, на ихъ вопросъ о томъ, что это значитъ, отвѣчаютъ: „такъ всегда встрѣчаютъ начальство въ казармахъ“ и на ихъ слова „да развѣ мы начальство, и Братство — казарма“ съ „милою развязностью“ отвѣчаютъ: „есть начальство официальное и неофициальное“. Конечно, все это по отношенію къ другимъ членамъ Братства, которыхъ бы, считали „своими“, не имѣло бы такого обиднаго характера, какъ по отношенію къ этимъ двумъ сестрамъ, которыхъ въ то грустное время „своими“ не считали, постоянно, всячески имъ это выказывая. По отношенію къ нимъ это имѣло несомнѣнно характеръ злой насмѣшки и дерзкой обиды. У бѣдныхъ дѣвушекъ давно наболѣло на сердцѣ. Одинъ изъ братьевъ, В. А. Пушенко, по достоинству оцѣнилъ этотъ случай и въ собраніи Братства осудилъ такое несправедливое и грубое къ нимъ отношеніе.

Хроника, совершенно игнорируя всѣмъ извѣстный характеръ отношеній къ этимъ сестрамъ, возмущается ихъ „болѣзненною впечатлительностью“ и называетъ ихъ отношеніе къ жизни „недостойнымъ Братства“. Хроника наивно говоритъ: „многіе братья, зная, какъ у насъ иногда простыя, малозначущія вещи вырастаютъ въ колоссальныя величины, постарались въ перерывъ собранія узнать правду отъ участниковъ этихъ фактовъ (т. е. отъ виновныхъ, путемъ сплетень, вмѣсто гласнаго обсужденія въ собраніи), плодомъ чего и явилось убѣжденіе, что лица, имѣвшія дерзость подвергнуть на лонѣ Братства грубому издѣвательству двухъ, неизмѣнно вѣрныхъ Братству и преданныхъ ему сестеръ, не сдѣлали тѣмъ „ничего особенно дурного“, а бѣдныя, обиженныя сестры заслуживаютъ порицанія за свою „болѣзненную впечатлительность“. Это очень интересный примѣръ того, какъ были еще склонны осуждать добро и добрыхъ, въ то же время любовно выгораживая зло и злыхъ. Не правда ли, какая знакомая картина обычнаго духа отношеній и въ окружающемъ насъ обществѣ, именно благодаря этому духу, такъ мало способна послѣдовательно осуществлять добро въ жизни и такъ самоувѣренно скептическаго къ самой возможности правды, добра и братства между людьми!

Тотъ же характеръ отношенія къ жизненнымъ явленіямъ носятъ

и хроника семьи св. Николая, какъ по поводу „снисходительнаго“ отношенія къ измѣняющимъ Братству, даже при исключительно позорныхъ обстоятельствахъ, какъ Р. Е. Л., съ которымъ одинъ братъ публично гуляетъ по ярмаркѣ, а другой ведетъ дружественную переписку, получая отъ него отвѣты въ тонѣ развязной шутливости, такъ и по поводу инцидента изъ за уволеннаго лѣсника. Еще не доросли до сознанія разницы между снисходительностью и пособничествомъ во злѣ, между всепрощеніемъ и соучастіемъ въ измѣнѣ. Какъ и это все знакомо изъ практики общественной жизни, насъ окружающей!

14-го сентября на собраніи Братства были прочитаны выдержки изъ отчета Блюстителя за прошлый годъ.

17-го сентября отпраздновали свадьбу М. М. Павлова съ А. А. Столяренко.

25-го числа я вернулся изъ Парижа, гдѣ присутствовалъ на нѣсколькихъ конгрессахъ во время Всемирной Выставки и былъ Почетнымъ Президентомъ на двухъ изъ нихъ: на Конгрессѣ Единаго Человѣчества и на Конгрессѣ Спиритуалистовъ. Первый долженъ былъ быть демонстраціей мира и единенія въ братолюбіи на порогѣ новаго столѣтія, а второй — протестомъ противъ матеріализма въ наукѣ и жизни.

30-го числа пріѣхалъ изъ Парижа Генераль Гейнсъ.

31-го числа въ общемъ собраніи Братства я рассказывалъ о конгрессахъ, а Генераль Гейнсъ о Всемирной Выставкѣ.

1-го октября родился Костя Четвертка.

2-го октября въ хроникѣ братской семьи св. Андрея Первозваннаго выражается сожалѣніе о томъ, что сестры плохо работали и порицаніе Распорядителю Работъ, который дешево продалъ воцину безъ согласія братской семьи. Это свидѣтельствуетъ о духовномъ ростѣ семьи и пробужденіи братскаго самосознанія въ ея сочленахъ. Еще недавно интереса къ общей жизни и заботы о пользѣ общаго дѣла могло бы не хватить на такое внимательное отношеніе къ жизни.

3-го октября произошелъ опять характерный случай. Благодаря нерадивому отношенію къ дѣлу одного изъ наемныхъ служащихъ, произошла очень убыточная порча дорогого матеріала. Управляющій Воздвиженскимъ имѣніемъ, членъ Братской Думы, А. И. Фурсей былъ за то очень недоволенъ этимъ служащимъ, сдѣлалъ ему строгій выговоръ и подвергъ взысканію. Этотъ служащій остался всѣмъ этимъ очень недоволенъ и, съ обычною при такихъ обстоятельствахъ недобросовѣстностью, рассказывалъ этотъ случай совершенно

извращая факты, грозя судомъ и обвиняя Андрея Ивановича чуть не въ побояхъ. Услышали объ этомъ нѣкоторые изъ братьевъ, съ легкимъ сердцемъ повѣрили ему на слово, устроили самовольно нѣчто въ родѣ суда надъ Полноправнымъ Братомъ, требовали отъ него объясненій, болѣе того, позволили себѣ требовать, чтобы онъ просилъ прощенія у виновнаго. Андрей Ивановичъ, оскорбленный такимъ грубымъ недоверіемъ и такими дерзкими требованіями, отказался давать объясненія передъ этими самозванными судьями. Тогда они стали съ негодованіемъ распространять о немъ глупую сплетню, согласную съ живою версией недобросовѣстнаго наемника и собирались жаловаться Блжстителю Братства. Все это дѣлалось подъ предлогомъ ревности о благѣ Братства и заботы о его добромъ имени. Если принять во вниманіе, что такъ поступали братья, своею самоувѣренностью и легкомысліемъ слишкомъ часто сами ставившіе Братство въ дѣйствительно недостойное положеніе, и доводившіе свою незаботливость о добромъ имени Братства до возмутительно панибратскихъ отношеній къ его измѣнникамъ и предателямъ, что А. И. Фурсей, одинъ изъ самыхъ достойныхъ представителей Братства, пользующійся всеобщей любовью и всеобщимъ уваженіемъ; наконецъ, что всякій близко соприкасавшійся съ мѣстнымъ населеніемъ не можетъ не знать до какой степени заурядны недобросовѣстность, лживость и мстительность, станеть вполне понятно и то, до какой степени все это характерно.

Высоко характерно тутъ и доверіе къ наемнику при оскорбительномъ недоверіи къ брату, и забота объ огражденіи достоинства Братства отъ брата, всею жизнью доказавшаго преданность ему и заботу о благѣ его, людьми, слишкомъ часто унижавшими Братство шатостью собственныхъ мыслей и чувствъ, и та дерзкая заносчивость, съ какою пріемные братья позволяютъ себѣ судить, осуждать, предъявлять требованія, распространять сплетни и сѣять недовольство противъ одного изъ членовъ Думы, учредителей и первыхъ пионеровъ Братства!

Конечно, теперь это болѣе совсѣмъ не характерно для Братства, которое съ тѣхъ поръ настолько выросло духовно, что, вѣроятно, подобный случай теперь сталъ уже невозможенъ. Полезно знать и помнить, что было. Это единственная и лучшая страховка отъ новыхъ паденій до того духа, который порождалъ такіе факты и въ нихъ проявлялся. Полезно помнить, какъ человѣчество въ насъ проявляло себя раньше, чѣмъ мы духовно воспитались на дѣлѣ Братства Трудового.

5-го октября произошелъ въ женской сельско-хозяйственной школѣ несчастный случай. При химическомъ опытѣ произошелъ взрывъ, ранившій въ руку воспитанницу и чуть не стоившій жизни учителю. Большой осколокъ стекла причинилъ ему глубокое поврежденіе въ области желудка. Докторъ нашелъ, что при этой глубинѣ раны, если бы осколокъ стекла попалъ немного выше или ниже, смерть была бы неминуема. Этотъ случай обошелся для пострадавшаго такъ изумительно счастливо, что черезъ самое короткое время онъ былъ совсѣмъ здоровъ.

7-го октября А. И. Фурсей, какъ старшина братской семьи св. Іоанна, высказалъ сожалѣніе по поводу того, что во время недавняго инцидента со служащими нѣкоторые изъ членовъ семьи, вмѣсто того чтобы придти къ нему и отъ него узнать объ обстоятельствахъ дѣла, повѣрили на слово виновному, волновались, негодовали, совѣщались и все это за глаза, ничего самому Андрею Ивановичу не говоря. По этому поводу онъ призывалъ семью къ большей сплоченности, къ болѣе доверчивымъ и братски искреннимъ отношеніямъ. Очень характерно для того времени, еще во многомъ носившемъ слѣды прежняго духа, что семья не поняла и не оцѣнила кротости, смиренія и великодушія оскорбленнаго Старшины, призывавшаго къ братскому единенію, доверію и искренности, когда имѣлъ полное основаніе строго осуждать за дерзкую заносчивость и грубую недисциплинированность. Въ отвѣтъ, что видно и изъ самаго тона записи, семья, что называется „ломалась“, отвѣчала уклончиво и осталась при миѣни, что „все таки“ права. Хроникеръ, самъ во многомъ повинный въ этомъ дѣлѣ, въ записи, которая должна быть прочитана передъ всею семьей и тѣмъ же Старшиною, далъ всему этому дѣлу самую неблагоприятную для Старшины окраску, очевидно ни мало не смущаясь тѣмъ, что этимъ наноситъ ему новое оскорбленіе, отвѣчаетъ на его великодушіе новою дерзостью и расписывается въ полномъ отсутствіи въ себѣ братскаго самосознанія.

8-го октября, въ собраніи Братства, я подробно изложилъ мои впечатлѣнія отъ парижскихъ конгрессовъ, многое мнѣ уяснившихъ, на многое открывшихъ мнѣ глаза. Необходимъ былъ скорбный опытъ, пережитой мною на лонѣ Братства, чтобы понять всю глубину грѣховности человѣчества и при свѣтѣ этого пониманія, понять и оцѣнить гибельность того духа ложно понятой свободы, которымъ такъ стараются отравить нашъ русскій народъ, а народы Запада неудержимо влекутся къ неизбежной анархіи. На конгрессахъ, гдѣ

я соприкоснулся съ душою Западной Европы въ большей мѣрѣ чѣмъ когда-либо раньше, у меня какъ пелена спала съ глазъ и то, что я всегда инстинктивно чувствовалъ въ формѣ любви и преданности духу истиннаго Православія и истиннаго „Самодержавія Божіей милостію“, теперь приняло для меня плоть и кровь, стало осязательною правдою жизни и могло быть сформулировано мною съ небывалою ясностью и силою.

Этимъ новымъ духовнымъ богатствомъ я и торопился подѣлиться съ Братствомъ, какъ всегда, жаждающая полного единомыслія и единодушія съ нимъ.

Въ этомъ же собраніи я охарактеризовалъ значеніе Ницше, Ибсена и Гр. Л. Н. Толстого, этихъ современныхъ „властителей думъ“, ихъ вліяніе на жизнь и причины громадной популярности.

Вечеромъ этого же дня мы прощались съ отъѣзжающимъ для отбыванія воинской повинности членомъ Братства, съ которымъ передъ самымъ отъѣздомъ случилось очень непріятное и вмѣстѣ характерное происшествіе.

Въ виду того, что нашъ Русскій народъ прошлымъ неподготовленный даже и къ той малой долѣ свободы, которою теперь пользуется, все чаще и рѣзче проявляетъ дерзость и своеволие, Правительство нашло себя вынужденнымъ предписать Земскимъ Начальникамъ настойчиво и строго требовать оказанія себѣ внѣшнихъ знаковъ уваженія. При всякой иной дисциплинѣ, кромѣ добровольной и сознательной дисциплины любви, возможенъ только внѣшній порядокъ, поддерживаемый чисто внѣшними мѣрами. Ни дисциплина страха, которая въ теченіе вѣковъ была основою внѣшняго порядка жизни громаднаго большинства, ни ослабленная дисциплина страха съ придачею большой дозы столь же внѣшней дисциплины корысти, которая теперь являются основою этого внѣшняго порядка, не могутъ помѣшать анархіи умовъ и сердець. Анархія эта въ жизни не проявляется только въ размѣрѣ сдерживающихъ воздѣйствій страха и корысти, насколько это опасно или невыгодно. Совершенно то же происходитъ и на Западѣ, несмотря на его пресловутую высшую культурность. И тамъ не жили любовью, чужды духовныхъ навыковъ добровольной и сознательной дисциплины любви. Именно потому „свобода, равенство и братство“ остались у нихъ только мертвыми буквами на каменныхъ фронтонахъ общественныхъ зданій, не ставъ основою жизни и отношеній. При такихъ обстоятельствахъ ихъ свободныя учрежденія только способствуютъ свободному проявленію въ жизни анархіи умовъ и сердець,

неуклонно и роковымъ образомъ подготавливая торжество анархіи въ жизни. То же обязательно произойдетъ и въ Россіи, если она не станетъ на путь мирнаго прогресса осуществленія своихъ идеальныхъ основъ въ жизни, а останется въ болотѣ рутинны или станетъ на путь боевого прогресса по западному образцу, такъ называемыхъ „свободныхъ учреждений“, передающихъ власть въ руки случайнаго большинства, той толпы, которая руководствуется исключительно себялюбивымъ желаніемъ свободно проявлять анархію умовъ и сердець. Только оставаясь самобытною въ самыхъ основахъ своей государственной жизни, Россія можетъ надѣяться на мирный прогрессъ не только внѣшній, но и духовный.

При этомъ было бы одинаково ошибочно, какъ ограничиваться мѣрами внѣшняго воздѣйствія, такъ и отказаться отъ всякихъ мѣръ внѣшняго воздѣйствія въ ожиданіи грядущихъ благъ. Въ первомъ случаѣ совсѣмъ не подготавливалось бы лучшее будущее; души миллионовъ людей не воспитывались бы къ дисциплинѣ любви, а безсрочно оставались бы въ состояніи хронической анархіи, сдерживаемой только палками страха и приманками корысти. Во второмъ случаѣ зло подняло бы голову, потребовало бы для себя правъ гражданства, стало бы угнетать добро, отрицать самое право его на существованіе. Пока дисциплины любви еще нѣтъ, необходимо путемъ внѣшнихъ воздѣйствій ограничивать наглость зла, сдерживать грубыя проявленія духовной анархіи, что и мы испытали на лонѣ нашего Трудового Братства.

Одною изъ такихъ сдерживающихъ мѣръ и было распоряженіе объ оказаніи властямъ внѣшнихъ знаковъ уваженія и признанія ихъ авторитета, безъ чего, дѣйствительно, слишкомъ многіе увѣровали бы въ свое неотъемлемое право быть грубыми, не признавать никакихъ авторитетовъ и доходить до самыхъ грубыхъ проявленій анархіи ума и сердца.

Все это я нашелъ нужнымъ высказать по поводу, на видъ незначительнаго, инцидента для того, чтобы стало понятнымъ мое отношеніе къ нему, т. е. отношеніе это рѣзко расходится съ кодексомъ моднаго, шаблоннаго либерализма.

Я. Д. Я. на двухъ возахъ везъ поклажу въ сопровожденіи работника З. Они поправляли возъ, когда мимо нихъ проѣхалъ Земскій Начальникъ. Занятые работою, оба не поклонились. Земскій Начальникъ остановился и приказалъ узнать ихъ имена. Рабочій грубо отказался назвать себя. Я. Д. Я. не только не настоялъ чтобы требованіе Земскаго Начальника было исполнено, но даже

не подошелъ къ нему извиниться за себя и за наемнаго рабочаго, болѣе того, позволилъ себѣ уѣхать раньше, чѣмъ получилъ на то разрѣшеніе.

Ко всему этому Я. Д. Я. отнесся съ неприличнымъ для члена Братства легкомысліемъ, счелъ всѣ свои промахи за пустяки, а дѣйствія Земскаго Начальника—за неосновательную придирчивость. Въ этой окраскѣ онъ передалъ о случившемся не только членамъ братской семьи, къ которой принадлежалъ, но и мнѣ, какъ блюстителю Братства, когда Земскій Начальникъ подвергъ его трехдневному аресту.

Повѣривъ его версіи, я написалъ Земскому Начальнику, прося его выслушать Я. Д. Я. и, если онъ убѣдится въ его невинности, отмигнуть наложенное наказаніе. При этомъ я писалъ: „Случай этотъ тѣмъ болѣе прискорбенъ и для меня лично и для Братства, что мы проникнуты сознаніемъ необходимости оказывать уваженіе властямъ, и очень дорожимъ тѣмъ, чтобы для всѣхъ было явно, что дѣлаемъ мы это изъ уваженія къ власти, а не изъ страха наказанія“.

Съ этимъ письмомъ я послалъ Я. Д. Я., приказавъ ему явиться къ Земскому Начальнику и заявить ему, что явился для отбытія наказанія. Вторично онъ поступаетъ возмутительно легкомысленно. Кто то сказалъ ему по дорогѣ, что наказаніе съ него уже снято. Этого было достаточно, чтобы онъ вопреки прямому моему приказанію, умолчавъ о томъ, что является отбывать наказаніе, съ непростительною безтактностью позволилъ себѣ благодарить за его отмигну.

Земскій Начальникъ отвѣтилъ мнѣ, излагая обстоятельства дѣла въ болѣе неблагоприятномъ для Я. Д. Я. свѣтѣ и назвалъ его версію „умышленною ложью“. Какъ ни стыдно и ни больно мнѣ было прочесть слова „умышленная ложь“ въ примѣненіи къ члену нашего Братства, какъ ни былъ я увѣренъ, что это не было сознательною ложью, а только наивнымъ извращеніемъ фактовъ подъ вліяніемъ легкомыслія и задора оскорбленной гордости, чему я видѣлъ такъ много примѣровъ на отношеніяхъ къ Братству и ко мнѣ самому, я не могъ не признать, что по виду это была несомнѣнно „умышленная ложь“, какъ и многое изъ того, что мнѣ говорилось въ пресловутыхъ заявленіяхъ, прочитанныхъ 11 Апрѣля 1900 года въ полномъ собраніи Братства: И тогда трудно было не признать сплошною умышленною ложью всю окраску жизни Братства и моихъ отношеній къ нему въ этихъ заявленіяхъ, написанныхъ подъ вліяніемъ того же легкомыслія и задора, оскорбленной моими призывами

къ покаянiю, гордости. Это простая логика легкомыслія и самолюбія, на каждомъ шагѣ проявляемая человѣчествомъ. Однако, чтобы понять это, надо было пережить то, что самъ я пережилъ. Увѣрить въ этомъ Земскаго Начальника, я конечно не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки.

Многіе члены Братства, между тѣмъ, со словъ Я. Д. Я., волновались, негодовали на „несправедливую придирчивость“ Земскаго Начальника, произносили судъ надъ человѣкомъ, не подлежащимъ ихъ суду, слишкомъ мало заботясь въ то же время о безпристрастномъ опредѣленіи степени виновности, несомнѣнно подлежащаго суду нашей совѣсти, члена нашего Братства.

Тутъ все типично и поучительно для человѣческаго самопознанія. Мы должны по совѣсти признать, что еще недавно, не одинъ Я. Д. Я. способенъ былъ не мимовольно, а съ убѣжденіемъ въ своемъ мнимомъ правѣ, не оказать должнаго уваженія даже и своей родной, братской „власти“ на лонѣ Братства, какъ и поступали въ Апрѣлѣ 1900 года по отношенію къ Блюстителю и Думѣ. Мы должны были по совѣсти признать, что еще недавно многіе проявили себя самодовольно легкомысленными, способными на строгое отношеніе къ другимъ, при наивно снисходительномъ отношеніи къ самимъ себѣ. Мы еще недавно видѣли яркую картину заносчивой гордости на степени полной умственной и сердечной слѣпоты, на степени безсознательнаго извращенія истины въ размѣрахъ, дающихъ право говорить объ умышленной лжи.

Какъ типично при этомъ полное отсутствіе смиренной осторожности, горячее негодованіе противъ дѣйствій „власти“, скорый судъ надъ нею и отсутствіе сознательнаго отношенія къ „своему“ человѣку и къ самимъ себѣ въ немъ! Какъ типично все это не для насъ однихъ, а для всего человѣчества вмѣстѣ съ нами!

Еще ранѣе полученія отвѣта отъ Земскаго Начальника я потропился, въ двухъ братскихъ семьяхъ, особенно негодовавшихъ и волновавшихся по этому поводу, высказаться и дать тонъ отношеній къ этому событію, напомнивъ, что Земскій Начальникъ по закону имѣетъ право налагать взысканія и не подлежитъ въ этомъ дѣлѣ, ни нашему суду, ни нашему контролю, что власть и ея права должны быть нами признаваемы даже и тогда, когда распоряженія ея намъ не нравятся и кажутся слишкомъ строгими, особенно когда, какъ въ данномъ случаѣ, намъ приходится быть судьями въ собственномъ дѣлѣ.

Когда я узналъ всю правду, для меня стало очевиднымъ, что правда и честь Братства требуютъ не выгораживанія виновнаго брата, а громкаго осужденія его вины. Въ этомъ духѣ я и сдѣлалъ предложеніе на собраніи Братства. Очень характерно, какъ явный признакъ духовнаго роста его къ тому времени, что, за исключеніемъ очень немногихъ, все Братство вполне поняло и оцѣнило мои доводы. Справедливости и добраго смиренія хватило на то, чтобы вполне сознательно и охотно подписать заявленіе Земскому Начальнику, заявленіе, въ которомъ заключалось мотивированное осужденіе Я. Д. Я. и говорилось въ концѣ: „Пользуемся этимъ случаемъ, чтобы заявить, что Братство наше проникнуто сознаниемъ необходимости оказывать властямъ должное повиновеніе и уваженіе, чего требуютъ и всегда требовали отъ насъ, какъ руководители, такъ и руководящія правила Братства“.

Это письменное заявленіе было передано Земскому Начальнику уполномоченнымъ отъ Братства.

14 Октября пріѣхалъ къ намъ докторъ богословія, профессоръ С.-Петербургской Духовной Академіи по кафедрѣ Пастырскаго Богословія и Педагогика, протоіерей о. Сергій Соллертинскій. Относясь къ дѣлу Братства съ большимъ сочувствіемъ, вполне понимая значеніе для Церкви и Государства стройной организаціи жизни и труда на началахъ мира и братолюбія, онъ давно намѣревался поѣхать Трудовое Братство и теперь воспользовался поѣздкою въ Крымъ, куда былъ посланъ отъ Академіи привѣтствовать Духовника Ихъ Величествъ, Протопресвитера И. Л. Янышева по случаю его юбилея, чтобы осуществить свое намѣреніе.

Торопясь возвратиться въ Петербургъ для продолженія лекцій онъ могъ пробыть у насъ только малое время, что не помѣшало ему при большемъ умѣ и богатой жизненной опытности многое понять на лету, многое правильно оцѣнить и многое полезное высказать.

15 Октября Протоіерей Соллертинскій служилъ обѣдню въ нашемъ храмѣ и сказалъ прекрасную проповѣдь. Въ этотъ же день онъ присутствовалъ на братскомъ собраніи, въ началѣ котораго я отъ имени Трудового Братства привѣтствовалъ дорогого гостя, а потомъ прочелъ письмо, написанное братомъ нашимъ А. А. Лютецкимъ къ П. В. В. и по поводу этого письма говорилъ о законности и желательности святого гнѣва противъ зла и неправды, безъ чего не можетъ быть и должнаго отпора злу и должной защиты добра отъ зла. Въ концѣ собранія о. Сергій привѣтствовалъ Братство,

трогательно выразилъ въ сильныхъ выраженіяхъ добрыя впечатлѣнія, выносимыя имъ изъ соприкосновенія съ Трудовымъ Братствомъ и школами его и, въ подтвержденіе моихъ словъ о „святомъ гнѣвѣ“, привелъ слова св. Василія Великаго: „Никогда не гнѣваются святымъ гнѣвомъ только злые и лѣнивые духомъ“. Какъ далеко отъ этой мудрой христіанской правды современное ученіе о непротивленіи злу“ и „не гнѣвлиности во чтобы то ни стало“, упраздняющемъ всякую возможность стройной организаціи жизни и со слѣпою жестокостію лишающаго кроткихъ единственнаго, доступнаго имъ средства самозащиты—обособленія отъ злыхъ!

Письмо А. А. Лютецкаго къ П. В. В. было вызвано слѣдующими обстоятельствами. П. В. В. представляетъ изъ себя рѣзко выраженный типъ современнаго „интеллигента“. Очень умный и начитанный, гордый до полной неспособности вѣрить, благоговѣть и кого либо или что либо уважать, онъ все зло критиковалъ и высмѣивалъ, не щадя ни людей, ни учрежденія, ни даже самыя святыя чувства и понятія, доступныя человѣку. Анархистъ по убѣжденіямъ и темпераменту, онъ вездѣ старался, будучи совершенно лишенъ мира духовнаго, вносить смуту, заражая и другихъ свойственнымъ ему духомъ озлобленія и глумленія. Какъ человѣкъ умный, очень начитанный и подчасъ ѣдко острый, онъ былъ очень занимателенъ и забавенъ для тѣхъ, передъ кѣмъ духовно распоясывался въ увѣренности, что найдетъ въ нихъ сочувствіе, и въ тоже время очень ловко поддѣлывался подъ тонъ тѣхъ, передъ которыми распоясываться было бы не благоразумно. Определенно говорить о цѣляхъ, съ которыми онъ искалъ сближенія съ Трудовымъ Братствомъ, я не берусь. Сближенія этого онъ искалъ упорно. Часто пріѣзжалъ къ намъ, привозя въ нашу школу своихъ учениковъ, а потомъ помѣстивъ въ наши сельско-хозяйственныя школы и собственныхъ дѣтей, сына и дочь. Очень характерно, что такой человѣкъ состоялъ учителемъ и былъ терпимъ многіе годы, какъ и многіе ему подобные, тѣмъ начальствомъ, противъ строгости котораго такъ много говорить и пишутъ. Мнѣ онъ писалъ длиннѣйшія письма, въ которыхъ говорилъ о громадномъ жизненномъ значеніи дѣла Трудового Братства, ставилъ меня выше самыхъ излюбленныхъ кумировъ современнаго общественнаго мнѣнія по общественному значенію моей дѣятельности и пересылалъ письма свои текстами изъ священнаго писанія. Иногда онъ такъ „пересаливалъ“ въ желаніи поддѣлаться подъ мои взгляды, которыхъ, въ дѣйствительности, какъ человѣкъ не вѣрующій, онъ совсѣмъ и понять не могъ, что на меня произво-

диль впечатлѣніе или умственно ненормальнаго чело-
вѣка, сознательно надо мною издѣвающегося. Также онъ относился
и къ сестрѣ моей Маріи Николаевнѣ и къ другимъ наиболѣе убѣ-
жденнымъ пионерамъ Братства.

За спиною у насъ, среди болѣе молодыхъ и неопытныхъ чле-
новъ Братства, особенно въ кругу тѣхъ, въ комъ замѣчалъ шатость
мыслей и чувствъ, онъ велъ себя совсѣмъ иначе. Въ началѣ гово-
рилъ о своемъ сочувствіи дѣлу Братства и его основателю, расска-
зывая въ то же время массу забавныхъ анекдотовъ, долженство-
вавшихъ ожесточать, подрывать довѣріе и уваженіе ко всему окру-
жающему насъ обществу, потомъ сталъ, въ видѣ безобидной шутки,
глумиться и надъ самою идеею Трудового Братства, и надъ его
основателемъ. И это все въ то самое время, когда дѣти его полу-
чали пріютъ, образованіе и воспитаніе въ братскихъ школахъ.

Общеніе съ подобными людьми, считающими и вѣру и нравствен-
ность, и любовь и уваженіе за предрасудки, способными удивиться
и вознегодовать на того, кто сказалъ бы, что подобное поведение
гораздо болѣе безнравственно, чѣмъ развратъ и самодурство тѣхъ
некультурныхъ людей, которыхъ они съ такимъ ожесточеніемъ
порицаютъ и съ такимъ презрѣніемъ высмѣиваютъ (а такихъ людей
въ настоящее время страшно много), дѣйствуетъ на молодыхъ не-
опытныхъ людей, какъ самый сильный ядъ, какъ подѣйствовало на
нашихъ прародителей общеніе съ сладкорѣчивымъ змѣемъ.

Много такихъ людей пріѣзжало въ наше Братство. Наша моло-
дежь видѣла въ нихъ представителей современной культуры. Они
совершенно забывали при этомъ, что и я, не менѣе этихъ людей,
имѣю право считаться представителемъ не меньшей культуры. Къ
тому же я былъ одинъ, а ихъ было много, я, въ разрѣзъ съ совре-
менною литературою и популяризированной наукою, призывалъ ихъ
къ Богу и дѣлу Божію, а тѣ въ униссонъ съ ходячими взглядами
громаднаго большинства современнаго общества, говорили прямо
противуположное. И многіе соблазнились; стали имъ вѣрить, а меня—
считать за оригинала, фантазера, навязывающаго свои фантазіи и
оригинальности нормальнымъ людямъ, соглашаться которымъ со мною
совсѣмъ неестественно. Конечно, все это далеко не такъ сознава-
лось и формулировалось, но духъ настроенія и установившихся
отношеній былъ именно таковъ.

Роль демоновъ-искусителей играли многіе, самоувѣренно втор-
гавшіеся въ жизнь нашего Братства, отличаясь другъ отъ друга
только степенью зловредности, соотвѣтственно энергіи и способности

каждаго. Несомнѣнно самымъ энергичнымъ и способнымъ изъ нихъ
былъ П. В. В., а съ тѣмъ вмѣстѣ и зло, причиненное имъ Брат-
ству и отдѣльнымъ его членамъ, не можетъ быть точно опредѣлено;
во всякомъ случаѣ оно было велико. Очень характерно для тогдаш-
няго настроенія многихъ, что имъ не только не возмущались, но,
напротивъ, находили удовольствіе въ его сообществѣ и далеки были
отъ признанія нравственной обязанности предупредить меня о высо-
кой степени зловредности его вліянія.

Теперь, когда настроеніе значительно перемѣнилось и многіе
выросли духовно, то, что раньше не понималось, стало понятнымъ,
то, что раньше не возмущало, стало настойчиво тревожить совѣсть.
Можетъ быть этому значительно поспособствовало и то, что онъ,
ошибочно считая время приспѣвшимъ или почуявъ новый духъ и
для борьбы съ нимъ найдя нужными болѣе рѣшительныя мѣры,
сталъ дѣйствовать болѣе ярко и дерзко. Въ одной семьѣ сестеръ
онъ неосторожно пересолил, позволивъ себѣ чрезмѣрно грубое
глумленіе надъ моею семьей. Сестры возмутились до того, что про-
сили его никогда такъ передъ ними не выражаться. Въ школѣ, онъ
позволилъ себѣ въ кругу воспитанниковъ глумиться надъ учителемъ,
который велъ бесѣду въ непонравившемся ему духѣ, послѣ чего
Старшій Вратскій Кружокъ воспитанниковъ нашелъ нужнымъ про-
сить учителей закрыть ему доступъ въ школу, чтобы оградить отъ
его вреднаго вліянія младшихъ товарищей. Въ письмахъ къ нѣко-
торымъ братьямъ онъ такъ выражался о мнѣ и дѣлѣ Братства, что
они нашли долгомъ совѣсти показать мнѣ эти письма и, такимъ
образомъ, открыть мнѣ глаза на его счетъ. Многіе начали выражать
желаніе, чтобы онъ въ Братство болѣе не пріѣзжалъ и всякія от-
ношенія съ нимъ были прерваны.

При этихъ обстоятельствахъ братъ нашъ, А. А. Лютецкій и
написалъ ему письмо, полное любви, но съ тѣмъ вмѣстѣ и честной
правды. Онъ обращался къ его уму, говорилъ, что онъ долженъ
понять, что весь духъ отношеній его не можетъ не быть оскорби-
тельнымъ для всѣхъ, проникнутыхъ братскимъ самосознаніемъ и
честно относящихся къ Братству Трудовому, Православной Церкви
и Русскому Правительству. Оскорбляя въ насъ святыхъ для насъ
чувства и понятія, писалъ онъ, вы оскорбляете и насъ самихъ,
предполагая, что мы люди неискренніе и нечестные, что, принадлежа
къ Русскому Православному Трудовому Братству, мы можемъ сочув-
ствовать Вамъ въ вашихъ глумленіяхъ надъ представителями
власти въ Братствѣ, Государствѣ и Церкви. Если и есть между

нами люди слабые духомъ и братскимъ самосознаніемъ, которые могутъ находить забавными ваши злыя шутки и ими не возмущаться,—это зло въ нихъ. Поддерживая ихъ во злѣ, вы съете раздоръ и разъединеніе среди насъ, неужели вы желаете причинить зло Братству, вносить въ него или поддерживать въ немъ вредную закваску! Вѣдь ваши дѣти воспитываются въ нашихъ школахъ; какія отношенія вы готовите имъ къ себѣ самому или воспитавшему ихъ Братству?!—Вотъ приблизительный смыслъ письма А. А. Лютецкого. Въ концѣ онъ совѣтовалъ совершенно измѣнить свои отношенія къ Братству и братьямъ или прекратить съ нами всякое общеніе. Указывая на то, что корень зла въ самомъ отношеніи его къ міру, совершенно не христіанскомъ, а слѣдовательно и не братскомъ, онъ съ любовью увѣщевалъ его перейти отъ отрицательной дѣятельности ожесточающей критики зла, къ положительной—умиротворяющаго созиданія добра. Сознывая, что на это нужны силы духовныя, онъ заканчивалъ свое письмо призывомъ къ молитвѣ и обѣщаніемъ молиться за него.

Письмо это очень меня порадовало. И по содержанію своему и по тому, что оно было яркимъ проявленіемъ братскаго самосознанія, высокимъ примѣромъ кроткаго, великодушнаго и съ тѣмъ вмѣстѣ, твердаго отпора злу, примѣромъ, въ которомъ такъ нуждалось Братство и для внутренняго благосостоянія своего и для чести своей, т. к. не могло же внушать уваженіе къ себѣ Братство, члены котораго на каждомъ шагу, проявляли полное отсутствіе братскаго самосознанія, благодушную уживчивость со зломъ и крайнюю робость въ исповѣданіи добра и защитѣ его, доходя до оправданія самой измѣны дѣлу Братства и поруганія любви.

Теперь, на собраніи Братства, я прочелъ это письмо, заявивъ, что горжусь и радуюсь за Братство, изъ среды котораго раздался этотъ честный и твердый голосъ, полный братскаго самосознанія и благородной ревности о благѣ Братства. Собраніе выразило сочувствіе А. А. Лютецкому и постановило сообщить П. В. В. о своей солидарности со взглядами и чувствами, выраженными въ письмѣ къ нему.

Чтобы не возвращаться болѣе къ П. В. В. и его отношенію къ Братству, скажу, что на это письмо онъ ничего не отвѣтилъ, но не порвалъ своихъ отношеній къ Братству и продолжалъ дѣйствовать въ прежнемъ духѣ, думая взять нахальствомъ. Такъ продолжалось даже и послѣ того, какъ ему сообщили о солидарности всего Братства со взглядами и чувствами, выраженными А. А. Лютецкимъ.

Онъ продолжалъ писать многимъ братьямъ еще съ большею рѣзкостью и дерзостью, чѣмъ прежде. Въ одномъ изъ этихъ писемъ къ одному изъ членовъ Думы онъ опять позволилъ себѣ явную попытку возбуждать въ немъ чувство недовѣрія и недоброжелательства ко мнѣ, извѣщая въ томъ же письмѣ, что собирается скоро пріѣхать въ Братство. Получившій это письмо отвѣтилъ ему, что, убѣдившись въ его неуваженіи и недоброжелательствѣ ко мнѣ, онъ проситъ прекратить съ нимъ всякую переписку и совѣтуетъ не пріѣзжать въ Братство раньше, чѣмъ отвѣтитъ А. А. Лютецкому или непосредственно Братству на письмо, по поводу котораго Братство выразило Лютецкому полное сочувствіе. Ничего не отвѣчая и на это письмо, онъ явился въ Братство, встрѣчаясь съ братьями пробовалъ вести себя „какъ ни въ чемъ не бывало“, даже нѣкоторымъ изъ нихъ предлагалъ подарки. Большинство, отнесшись къ нему съ благородною сдержанностью, доказало ему, что играть Братствомъ не позволить и на уловки нахальства не поддастся. Къ стыду Братства, не всѣ такъ отнеслись къ нему, нѣкоторые смалодушествовали и не нашли въ себѣ рѣшимости дать ему дружный отпоръ. Къ чести Братства и, какъ признакъ духовнаго роста его, отмѣчаю, что это было незначительное меньшинство, въ то время, какъ еще недавно, эту степень отсутствія братскаго самосознанія и духовнаго достоинства, могло проявить и большинство. Даже и это меньшинство поступало такъ болѣе по легкомыслію, нежели по злой волѣ: узнавъ о порицаніи ихъ дѣйствій, они признали себя неправыми и выразили это братскимъ семьямъ, къ которымъ принадлежали.

П. В. В., потерявъ голову, написалъ мнѣ письмо, въ которомъ вопли себя выказалъ. Этотъ очень умный человѣкъ имѣлъ глупость въ ослѣпленіи гордости и злобы, послѣ неудачной попытки подорвать довѣріе и любовь ко мнѣ, попытаться подорвать во мнѣ, путемъ лести и клеветы, довѣріе къ членамъ Братства. На это письмо я отвѣтилъ ему такъ, что дальнѣйшія отношенія къ Братству „на томъ же основанныхъ духѣ“ стали для него невозможными.

Для тѣхъ, которые обвиняютъ меня въ нехристіанскомъ къ нему отношеніи, подразумѣвая, что христіанство будто бы требуетъ отъ насъ всепрощенія въ смыслѣ благодушной уживчивости во что бы то ни стало со зломъ и злыми, скажу, что именно въ силу моихъ христіанскихъ убѣжденій, никогда не позволю себѣ ни смѣшивать христіанство съ духовною проституціей, ни выдавать его за „благотупость“ безпринципной уживчивости. Надо совершенно не пони-

мать Евангелія и не знать Христа, чтобы быть способнымъ на это недоразумѣніе. Изъ любви къ Богу никогда не стану благодушнымъ другомъ враговъ Его; изъ любви къ дѣлу Божию, никогда не стану попустителемъ и пособникомъ отравленія его злою закваскою; изъ любви къ „ближнимъ“, къ братьямъ по дѣлу Божию и къ воспитанникамъ школъ нашихъ, говоря ежедневно въ молитвѣ Господней „не введи насъ во искушеніе“, никогда не соглашусь легкомысленно подвергать ихъ искушенію общенія съ тѣми, которые въ самодовольной гордости своей, не отъ нихъ желаютъ заимствовать доброе, а ищутъ этого общенія на почвѣ солидарности съ ними во злѣ, до тѣхъ поръ не соглашусь, пока эти „ближніе мои“, не станутъ настолько сильными въ вѣрѣ и добрѣ, что будутъ способными быть апостолами добра, неуязвимыми для зла и его ухищреній. Именно въ силу моего христіанскаго самосознанія и скорбнаго опыта жизни, я выстрадалъ убѣжденіе, что человѣчество дѣйствительно глубоко грѣховно и грѣхолюбиво, какъ всегда о томъ говорилъ ему Господь и святые избранники Его, а не „несчастно“ въ томъ смыслѣ, какъ то напѣваютъ ему ласкатели его. Скорбный опытъ научилъ меня знать, что въ результатѣ вѣковъ самодовольной грѣховности, зло стало естественнымъ для человѣка: злоба, корысть и борьба, а добро и любовь со всѣми своими логичными послѣдствіями: вѣрою, кротостью, смиреніемъ и великодушіемъ — не естественно; зло стало своимъ, близкимъ, роднымъ, заманчивымъ, желаннымъ, а добро — чуждымъ, далекимъ, труднымъ, скорбнымъ, постылымъ. Не ограждать отъ зла, не обособлять отъ злыхъ себя, дѣтей и ближнихъ доброй воли, для ревнителей добра — глупость или безуміе. И въ этомъ опытѣ жизни я со Христомъ, завѣщавшимъ апостоламъ: „навѣдывайтесь, кто достоинъ и тамъ пребывайте“, съ апостолами, говорившими: „малая закваска кваситъ все тѣсто“, — „развѣ не знаете, что дружба съ міромъ — есть вражда противъ Бога“ и (о злыхъ, не любящихъ Бога до живой вѣры и любви) „того не принимайте въ домъ и не привѣтствуйте его“. И такъ говорить апостолъ любви, Іоаннъ Богословъ. Противъ меня въ этомъ „народники“, увѣровавшіе на мѣсто Христа въ народъ, будто бы „въ образѣ звѣринои“, содержащаго непогрѣшимую Церковную истину“ и выдающіе себя за христіанъ „исправители Христа и Его ученія“.

16-го октября, прощаясь съ семьей св. Андрея, о. Сергій Солертинскій призывалъ крѣпко стоять въ братскомъ духѣ и очень осторожно принимать людей со стороны, т. к. година скорбей

трудныхъ первыхъ шаговъ, по его мнѣнію, прошла для Братства, наступаетъ болѣе опасный періодъ сочувствія и наплыва желающихъ вступить въ Братство, не имѣя еще братскаго духа въ себѣ. Въ заключеніе онъ сказалъ, что остается неизмѣннымъ благожелателемъ нашимъ и молитвенникомъ о насъ.

Наканунѣ, 15 Октября, происходило бракосочетаніе брата нашего Т. Н. Шаповалъ съ сестрою нашею І. И. Андросовой.

21 Октября, по случаю праздника восшествія на престолъ Государя Императора, состоялась бесѣда о желательныхъ отношеніяхъ къ Престолу и властямъ.

22 Октября утромъ впервые происходило въ братскомъ собраніи увѣщаніе всѣмъ Братствомъ изъяснившего желаніе уйти изъ Братства І. Н. К. Много и многими съ любовью ему было высказано. Между прочимъ А. А. Лютецкій высказалъ слѣдующую, достойную вниманія мысль: „Уходя изъ Братства, принимаютъ важное, въ высшей степени отвѣтственное рѣшеніе, не только за себя, но и за все свое потомство, сводя его можетъ быть навсегда, съ дороги Братства на торную дорогу рутины жизни“. І. Н. К. ничего не отвѣчалъ, ни въ чемъ не пожелалъ договориться, остался при своемъ рѣшеніи и черезъ нѣсколько дней оставилъ Братство навсегда. Очень характерно, наивно дерзкое по отношенію къ Братству, замѣчаніе одного изъ недавно раскаявшихся братьевъ, который, послѣ собранія, въ частномъ разговорѣ сказалъ, что „собраніе это было очень симпатичное, чего онъ не ожидалъ“. Сочувствіе къ измѣнникамъ и недоброжелательное отношеніе къ ревнителямъ Братства было еще недавно такъ велико, такъ естественно, что „вновь обращенный“ былъ удивленъ, что отношеніе къ „бѣдному“ измѣннику, со стороны „жестокихъ“ ревнителей Братства было доброе.

Вечеромъ того же дня было объявлено о принятіи въ число членовъ Думы: Григорія Герасимовича Набоко, Анастасіи Ивановны Фурсей, Варвары Васильевны Ребенко, Варвары Даниловны Лукьяненко-Шаповалъ и Пелагеи Кузьминичны Пархоменко.

29 Октября состоялась бесѣда объ индивидуализмѣ, индивидуальной свободѣ и о двухъ путяхъ жизни по „ученію святыхъ Апостоловъ“: пути Божиимъ — любви, самоотверженія и братскаго единенія — и пути діавольскомъ — гордости, себялюбія и обособленія до полного распыленія человѣчества.

День 5 Ноября имѣетъ право навсегда остаться радостною страницей въ лѣтописяхъ Братства. Онъ весь, съ утра до вечера, былъ свѣтлымъ праздникомъ и радостью для всѣхъ любящихъ Братство.

Въ этотъ день одновременно происходило торжество приѣма 22-хъ новыхъ членовъ Братства, торжество возведенія въ полноправные братья и члены Думы пяти человѣкъ и чествованіе четырехъ лицъ, по опредѣленію Братской Думы, состоявшемуся согласно общему желанію всего Братства. Утромъ на литургіи всѣ 27 новыхъ полноправныхъ и приемныхъ членовъ Братства приобщались св. Таинъ. Послѣ обѣдни происходило торжество ихъ приѣма въ формѣ молебна и возложенія крестовъ на полноправныхъ братьевъ. Каждого изъ нихъ Блюститель подводилъ къ священнику, вступающій преклонялъ колѣна и принималъ отъ священника крестъ, благословеніе и окропленіе св. водою.

Вечеромъ въ соединенномъ собраніи Братства и школъ произошло чествованіе слѣдующихъ лицъ:

1. Григорія Герасимовича Набоко. Еще до отбыванія воинской повинности онъ выказалъ геройскую преданность Братству при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ въ то время, какъ такъ многіе измѣняли Братству по самымъ пустымъ причинамъ и даже безъ всякихъ причинъ, просто по недостатку любви и желанія служить дѣлу мира и единенія въ братолюбіи. Его отецъ, уходя въ Сибирь переселенцемъ и желая получить на его долю большій земельный надѣлъ, требовалъ отъ него, чтобы онъ оставилъ Братство, требовалъ съ угрозами, говоря, что предпочитаетъ убить сына, нежели отказаться отъ своего намѣренія. Когда, несмотря на всѣ угрозы, подвергаясь дѣйствительной опасности, нашъ вѣрный братъ остался непреклоненъ, отецъ его не только помирился съ необходимостью, но и самыя отношенія между ними стали лучшими, чѣмъ прежде. Сколько другихъ нашли бы подобныя обстоятельства съ излишкомъ достаточными для оправданія передъ своею совѣстью измѣны дѣлу и братьямъ! Это первый герой и „исповѣдникъ“, которымъ Братство имѣетъ право и обязанность гордиться доброю гордостью, какъ честью и славою своею.

2. Семена Захарьевича Бондаревского. И онъ, при иныхъ, но не менѣе трудныхъ обстоятельствахъ, проявилъ не менѣе геройскую преданность Братству. Онъ занималъ положеніе управляющаго Ольгинимъ хуторомъ, гдѣ и жилъ отдѣльно отъ центрального Братства съ женою, двумя дѣтьми и двумя братьями, долженствовавшими быть пионерами новой братской семьи. Когда рѣшено было, въ виду частыхъ измѣнъ не разбрасываться, а сосредоточить Братство въ Воздвиженскомъ для скорѣйшаго завершенія центрального Братства, не всѣ братья охотно перемѣняли свое положеніе управ-

ляющихъ и прикащиковъ на положеніе члена рабочей братской семьи, нашлись и такіе, которые измѣнили Братству по этому поводу. С. З. Бондаревскій, напротивъ, видя, что это положеніе можетъ дурно отразиться на его семьѣ, отрывая ее отъ общей братской жизни и прививая ей антибратскія привычки, самъ добровольно просилъ перевести его въ рабочую братскую семью на хуторъ Рождественскъ. Всѣ ближайшіе его родственники ополчились на него за это, желая для него и семьи его болѣе роскошной и праздної жизни, считая что онъ дѣлаетъ вещь крайне невыгодную для себя и своей семьи. Имъ удалось сдѣлать на время настоящій адъ изъ семейной жизни его. Въ самомъ началѣ этихъ семейныхъ затрудненій С. З. Бондаревскій обратился къ Братству съ просьбою молиться о немъ, прося у Бога дать ему силу все вынести и остаться вѣрнымъ до конца. И онъ остался твердъ и вѣренъ до конца, заслуживъ тѣмъ уваженіе къ себѣ и къ Братству даже со стороны враговъ, привыкшихъ видѣть позорную шатость отношеній къ Братству многихъ членовъ его и заранѣе торжествовавшихъ, злорадно предрекая и его измѣну.

3. Александра Александровича Лютецкого. Будучи кандидатомъ Университета и Приватъ-Доцентомъ, имѣя передъ собою блестящую профессорскую карьеру, онъ промѣнялъ ее на скромное въ глазахъ свѣта положеніе учителя низшей сельско-хозяйственной школы, чтобы стать въ ряды пионеровъ дѣла Трудового Братства. Это самоотверженное рѣшеніе онъ принялъ именно тогда, когда многіе, специально подготовлявшіеся къ братской жизни, всѣмъ обязанные Братству и никакою карьерой не жертвовавшіе, измѣняли дѣлу Братства ради положенія учителя сельской школы или городского училища, по окончаніи курса Глуховскаго Учительскаго Института, на положеніе наемныхъ служащихъ въ помѣщичьихъ экономіяхъ! Онъ, имѣвшій, по понятіямъ людей, такъ много причинъ относиться горделиво и недовѣрчиво, какъ къ самому дѣлу Братства, считая его недостойнымъ жертвы всей жизни, какъ дѣло едва возникающее, малое по размѣрамъ и съ неопредѣлившеюся будущностью, такъ и къ самимъ членамъ Братства, какъ людямъ, сравнительно мало образованнымъ, изъ которыхъ такъ многіе проявляли такъ мало братскаго самосознанія и духа геройства, онъ, поступивъ въ Братство, сталъ примѣромъ умиленнаго смиренія и устойчивой любви, какъ къ дѣлу Братства, такъ и къ братьямъ, даже тѣмъ изъ нихъ, которые заносчиво относились къ нему самому и проявляли совершенную неспособность оцѣнить по достоинству подвигъ его любви.

4. Марию Васильевну Середа. Она, обладая матеріальнымъ достаткомъ и привыкая къ почету, въ сравнительно высокомъ общественномъ положеніи, какое занимала при жизни своего покойнаго мужа, съ устойчивымъ смиреніемъ и самоотверженіемъ любви, служить чѣмъ можетъ на дѣло Братства, съ глубокою вѣрою въ то, что это дѣло Божіе, постоянно доказывая словомъ и дѣломъ, что служить ему для нея самой высшая честь и свѣтлая радость. Во всякую погоду, по всякой дорогѣ, если нужно то и на простой телегѣ, она готова ѣхать къ больной сестрѣ, безропотно проводить, ухаживая за нею, многія безсонныя ночи, благотворя и своими медицинскими познаніями, и бодростью своего вѣрующаго и любящаго духа.

Очень характерно, что хроникеръ братской семьи св. Андрея даже не упомянулъ о причинахъ чествованія и ничѣмъ не выразилъ своего отношенія къ этому событію. Такъ, въ былое время, для многихъ проходили безслѣдно, даже незамѣченными и самые яркіе факты общей жизни.

Въ этотъ же благословенный день родился новый членъ Братства—Андрюша Наконечный.

6-го ноября, въ моемъ домѣ, состоялось собраніе Думы, съ приглашенными представителями отъ всѣхъ братскихъ семей, для обсужденія вопроса о матеріальномъ обезпеченіи Братства и выбора членовъ специальной комиссіи.

Къ этому времени было, какъ мнѣ казалось, проявлено большинствомъ членовъ Братства достаточно братскаго самосознанія и рѣшимости стать твердо на добрую дорогу: смириться предъ Богомъ, дорожить причастіемъ благодати Его, искренно желать быть Божіими и дѣлать дѣло Божіе, жить съ Богомъ въ умѣ и сердцѣ, признать, что дѣло Братства должно быть дѣломъ Божіимъ и смиренно отдать себя въ святую руку Его на дѣло осуществленія правды Его. Передъ Богомъ и моею совѣстью я счелъ себя вправѣ передать Братству, врученный мнѣ Богомъ талантъ богатства, не опасаясь, что онъ будетъ зарытъ въ грязь земную.

8-го ноября хоръ нашъ и многіе изъ членовъ Братства участвовали на торжествѣ хромового праздника сосѣдняго села Гремячки, чтобы выразить священнику этого села сочувствіе за перемѣну, прежде враждебныхъ Братству отношеній.

11-го ноября состоялась бесѣда о Церковномъ и Государственномъ самосознаніи и была прочтена моя новая брошюра „Путь къ лучшему будущему“. Братство уже послѣ моего отъѣзда выразило

полную солидарность со мною по поводу взглядовъ и чувствъ, выраженныхъ въ этой брошюрѣ и сдѣлало это въ письменномъ постановленіи, которое и было мнѣ доставлено въ Петербургъ для распечатанія въ концѣ брошюры.

До конца мѣсяца члены комиссіи были заняты, согласно моему желанію, ознакомленіемъ съ землями и лѣсами, предназначенными для обезпеченія Братства и школъ, а же 15-го ноября выѣхалъ въ Петербургъ.

19-го ноября, будучи въ гостяхъ въ Калугѣ у Епископа Макарія, я, по его порученію, послалъ Братству телеграмму, въ которой передалъ привѣтъ Преосвященнаго и его молитвенное благословеніе.

Нельзя безнаказанно жить долгое время безъ Бога и безъ идеаловъ. Во многомъ Братство покалось, во многомъ сотворило плоды достойные покаянія, но въ отдѣльныхъ членахъ его, именно въ тѣхъ, которые долго жили безъ Бога и безъ идеаловъ на лонѣ Братства, устойчивости на новыхъ добрыхъ путяхъ еще нѣтъ. Они похожи на ребенка, дѣлающаго первые шаги свои. Братство неуклонно идетъ впередъ, но въ нихъ нѣтъ еще силы проявлять себя неуклонно вѣрными ему въ жизни. Въ нихъ проявляются колебанія человѣка, устающаго быть логичнымъ и послѣдовательнымъ въ принятомъ рѣшеніи, иногда отдыхающаго отъ вѣрности ему отдаваясь прежней распущенности. Это настоящіе приливы и отливы добра. Почти весь декабрь мѣсяцъ былъ для многихъ изъ нихъ такимъ сплошнымъ отливомъ. Зато въ этомъ же мѣсяцѣ зародилось въ жизни Братства новое добро, особенно существенное для его процвѣтанія, принесшее ему съ тѣхъ поръ неисчислимую пользу. Оно и понятно: когда немошные элементы Братства отдыхаютъ отъ добра и начинаютъ тормозить жизнь Братства, болѣе ихъ сильныя духомъ и любовью, проникаются добрымъ страхомъ за Братство, ревностью о его преуспѣянніи и удваиваютъ свою полезную дѣятельность. Это новое добро — учрежденіе молитвенныхъ кружковъ въ Братствѣ и школахъ.

Хроника братской семьи св. Андрея отмѣчаетъ неряшливое, небрежное отношеніе, какъ къ вещамъ, такъ и вообще къ дѣлу. Семья не озаботилась точно опредѣлить отвѣтственность каждаго, а общей отвѣтственности многіе за собою признавать не хотятъ. Мелкія орудія остаются безъ призора, теряются и портятся, какъ братьями, такъ и наемными рабочими и никто за это не подвергается никакой отвѣтственности. Нѣкоторые братья капризничаютъ,

какъ дѣти, требуютъ, чтобы ставили на работы больше людей, чѣмъ надо, выражаютъ неудовольствіе на приказанія распорядителя и не желаютъ подчиняться въ этомъ дѣлѣ посредничеству всей братской семьи. Такимъ образомъ ими опять проявляется грубость и самовольство, полное равнодушіе къ пользѣ общаго дѣла и отстаиваніе своей свободы отъ тѣхъ, которые эту пользу защищаютъ.

Въ братской семьѣ св. Іоанна хроника тоже отмѣчаетъ проявленіе духовной распушенности нѣкоторыхъ изъ своихъ сочленовъ; они раздражительны, мелочны, проявляютъ опять духъ придирчиваго критиканства и при всемъ этомъ самоувѣренны и самодовольны. Двое изъ нихъ, одинъ подъ предлогомъ своихъ служебныхъ обязанностей, другая подъ предлогомъ заботъ о своемъ ребенкѣ, совсѣмъ устраниваютъ себя отъ жизни семьи, очевидно не чувствуя ни малѣйшей потребности общенія съ нею и участія въ общей жизни.

Какъ жила въ этотъ мѣсяцъ братская семья св. Николая — совсѣмъ неизвѣстна. Хроники жизни семьи за этотъ мѣсяцъ совсѣмъ нѣтъ. Она вся сведена на отчетъ объ одномъ братскомъ собраніи, ограничиваясь затѣмъ перечисленіемъ голыхъ фактовъ общей братской жизни. По сравненію съ этою „хроникой“ еще ярче выступаетъ симпатичная честность, съ которою въ хроникахъ братскихъ семей св. Іоанна и св. Андрея говорится съ полною откровенностью о многихъ нежелательныхъ явленіяхъ изъ жизни, говорится безъ старанія себя оправдать и извинить.

Такъ поступимъ и мы въ этихъ отчетахъ, являющихся логичными выводами изъ хроники жизни всего Братства. Наши немощи и ошибки полезно отмѣтить, какъ урокъ опыта жизни, на память себѣ и всѣмъ братьямъ нашимъ по человѣчеству. Не герои, не колоссы духа были слишкомъ многіе изъ первыхъ пионеровъ дѣла Братства Трудового. И въ этой немощи явилъ Господь силу Свою. Среди безчисленныхъ виѣшнихъ препятствій, въ великой немощи нашей, Онъ благодатною силою Всеею создалъ Братство. Будемъ же хвалиться немощами нашими и силою Божіей, хвалиться, не въ смыслѣ безсрочнаго прозябанія въ немощахъ и самодовольнаго злоупотребленія долготерпѣніемъ Божіимъ, а съ смыслѣмъ смиреннаго признанія немощей нашихъ и громкаго исповѣданія той правды, что „не намъ, не намъ, а силѣ Божіей, Его любви и мудрости слава во вѣки“. По крайней мѣрѣ въ этомъ мы будемъ неповинны: мы не покусимся украсть у Господа славу Его.

8-го декабря произошло очень симпатичное собраніе семьи въ братскомъ общежитіи св. Іоанна Богослова. Старшина честно исполнилъ свой долгъ совѣсти семьи, обративъ ее вниманіе на всѣ проявленныя за послѣднее время уклоненія отъ идеала братской жизни. Семья, съ своей стороны, въ отвѣтъ на его призывъ, приняла нѣсколько добрыхъ рѣшеній: прекращать споры „во имя блага Братства“, возобновить ежедневныя чтенія стиховъ священнаго писанія на общихъ молитвахъ и молитвы „о всѣхъ заповѣдовавшихъ намъ грѣшнымъ молиться о нихъ и съ любовію о насъ молящихся“ по пятницамъ.

Дѣло въ томъ, что въ трудныя для Братства времена, обязывая Россію и Европу, я буквально ѣздилъ за „сборомъ“ молитвъ о Братствѣ и успѣхѣ его дѣла. Много вѣрующихъ и добрыхъ душъ молилось о томъ, чтобы Господь благоволилъ въ немощахъ нашихъ сотворить силу Свою и намъ далъ благодатную силу оставаться вѣрными Ему и Имъ завѣщанному дѣлу единенія въ братолюбіи. Съ тою же просьбою я обратился и къ покойному другу моему графу Максимилиану Лютихау въ Силезіи. На мою просьбу онъ сказалъ: „я и до этого дня молился о Васъ и дѣлѣ Братства, теперь, по желанію Вашему, я сдѣлаю больше. Существуетъ международный молитвенный союзъ, члены котораго равѣяны по всѣмъ частямъ свѣта, по всему міру. Каждую пятницу они молятся о всемъ мірѣ и особенно о молящихся въ этотъ день, испрашивая для нихъ у Господа благодатныхъ силъ на добро, сливая такимъ образомъ молитвы многихъ тысячъ людей въ одинъ могучій молитвенный порывъ человѣчества къ Творцу Своему. Состоя членомъ этого союза, я буду просить о томъ, чтобы циркулярно были испрошены молитвы о васъ и о Братствѣ Трудовомъ во всѣхъ концахъ земли. За это прошу и васъ и Братство Трудовое и школы ваши по пятницамъ тоже молиться о всѣхъ за васъ молящихся“. Этотъ завѣтъ Братству и школамъ я передалъ тогда же, вернувшись изъ заграницы.

Какъ и многіе добрые обычаи, молитвы по пятницамъ были въ забвеніи не въ одной братской семьѣ въ предшествовавшей грустный періодъ, когда, во имя свободы индивидуальности, упраздняли многіе добрые обычаи, какъ пустыя формы, вмѣсто того, чтобы духовно доростать до нихъ. Теперь братская семья св. Іоанна вернулась къ этому доброму обычаю, смирила себя до повинновенія ему и тѣмъ стала на путь духовнаго возрастанія до него.

Въ этотъ же благословенный день у сестры Мар. Ник. положено было начало святаго дѣла молитвеннаго кружка на лонѣ Братства. Это святое дѣло не могло, какъ и всякая святыня въ этомъ мірѣ, который „весь во злѣ лежитъ“, не встрѣтишь на первыхъ шагахъ препятствій, не возбудить протеста и отпора, не имѣть свою маленькую „голгофу“. Такъ недавно проявлено было такъ много грубаго ожесточенія противъ меня именно за призывы къ Богу, къ жизни религіозной, къ покоянію, къ молитвѣ! Это называли „излишнею регламентаціей религіозной жизни“, — „духовнымъ насиліемъ моего подавляющаго авторитета“. Между тѣмъ молитва — хлѣбъ души, нервъ жизни Братства, какъ деньги — нервъ жизненной биржи, какъ кулакъ — нервъ борьбы за существованіе и вооруженнаго мира. Безъ молитвы нѣтъ общенія съ Единымъ Источникомъ силъ духовныхъ, нѣтъ постоянного притока благодати Божіей, не можетъ быть силъ на добро („хочу быть добрымъ, да не могу, не по характеру, не по натурѣ“ — „хочу вѣрить и жить съ Богомъ, да не подсилу, усталъ любить, понизился въ настроеніи“ и т. д.), нѣтъ возможности оставаться вѣрнымъ въ любви, устойчиво служить на дѣло Божіе, естественно измѣнить и любви, и Богу и дѣлу Его. Какъ же было поступить иначе, какъ не принять благословенное рѣшеніе соединить въ одинъ молитвенный кружокъ тѣхъ, которые жаждутъ молитвы и, въ то же время, принять мѣры къ охраненію свободы тѣхъ, для которыхъ официальное учрежденіе частыхъ молитвенныхъ собраній было бы насиліемъ, могущимъ довести ихъ опять до ожесточенія противъ „подавляющихъ авторитетовъ“, вводящихъ въ жизнь Братства этотъ новый обычай.

Нѣсколько лицъ обратившихся къ Маріи Николаевнѣ, занимавшей въ мое отсутствіе постъ Намѣстницы Братства, съ просьбою объ учрежденіи молитвеннаго кружка и собрались у нея 8 декабря для обсужденія этого вопроса. Были тутъ и нѣкоторыя сестры изъ разныхъ братскихъ семей, было рѣшено хранить до времени это начинаніе въ глубокой тайнѣ. Основаніемъ для того было желаніе, чтобы участники молитвеннаго кружка были исключительно тѣ, для которыхъ это является духовною потребностью, а прочіе не очутились въ неловкомъ положеніи людей, громко признающихъ, что у нихъ этой потребности нѣтъ. Тайна въ этомъ дѣлѣ являлась такимъ образомъ излишнею деликатностью, попыткою, осуществляя добро на лонѣ Братства, пощадить гордость тѣхъ, для которыхъ это добро чуждо. Если Марія Николаевна

чѣмъ либо и погрѣшила въ этомъ дѣлѣ, такъ именно избыткомъ деликатности, да развѣ тѣмъ еще, что не заявила Думѣ о возникновеніи этого чисто частнаго починна. Самое большее, что могло быть сдѣлано по праву — просьба Думы, при томъ никакъ не въ общемъ собраніи Братства, а въ засѣданіи Думы, чтобы на будущее время Намѣстница Братства не разрѣшала, даже и такихъ, чисто частныхъ и несомнѣнно полезныхъ начинаній, безъ вѣдома Думы.

Случилось не то, — и въ этомъ ярко выразилось вся неспособность еще живой, заносчивой и дерзкой гордости. Достаточно было того, что нѣкоторыя изъ сестеръ повременамъ собирались у Намѣстницы Братства, храня въ тайнѣ причины этихъ собраній, чтобы нашлись среди другихъ сестеръ такія, которыя вознегодовали и заподозрили что-то дурное, чуть не заговоръ противъ нихъ. Съ изумительною самоувѣренностью онѣ стали громко выражать свое недовольство и свое оскорбительное для Намѣстницы недовѣріе. Въ этомъ къ нимъ скоро примкнули и нѣкоторые изъ братьевъ и началась истая оргія дерзости дошедшая до полного разцвѣта въ братскомъ собраніи 10 декабря, когда у Намѣстницы въ полномъ собраніи Братства требовали отчета въ ея дѣйствіяхъ и читали ей наставленія. Ангельская кротость и, можно сказать, „наивное“ смиреніе Маріи Николаевны выказались при этомъ въ полной мѣрѣ. Вмѣсто того, чтобы пристыдить собраніе и отказаться давать какія либо объясненія по этому поводу кому либо, кромѣ Думы, какъ это слѣдовало сдѣлать Намѣстницѣ въ данномъ случаѣ, она со смиреніемъ стала объяснять свое поведеніе, добровольно, изъ обвинительницы, которою должно было ей быть по праву, смиренно приняла на себя роль обвиняемой и довела свое смиреніе до просьбы извинить ее за мимовольное вызванныя волненія и неудовольствія. На это „наивное смиреніе“ отвѣтили не менѣе наивною дерзостью: похвалили Намѣстницу за покаяніе и выразили надежду, что впредь она болѣе не провинится.

Дерзость зазнавшейся гордыни явится во всемъ блескѣ, когда мы вспомнимъ, что все это происходило тогда, когда уже знали, въ чемъ состояла „тайна“, легко могли оцѣнить нравственное достоинство причинъ и то, что волновались и негодовали люди, которые такъ мало желали быть участниками этого дѣла, что многіе изъ нихъ и послѣ, когда простого заявленія о желаніи стать членами молитвеннаго кружка было достаточно, этого заявленія не сдѣлали.

11-го декабря нѣсколько братьевъ заболѣли инфлуэнцой. Заболѣлъ и мой крестникъ, маленькій Коля Фурсей. Въ этотъ же день меня о томъ извѣстили телеграммой, согласно моей просьбѣ, вызванной желаніемъ имѣть возможность молиться о больныхъ.

17-го декабря на братскомъ собраніи былъ прочитанъ отъ имени хозяйственного совѣта Братства экономическій отчетъ по 1-го января 1900 г.

20-го декабря я вернулся изъ Петербурга.

Впервые въ этомъ году въ нашемъ храмѣ, на первый день Рождества не было служенія. Бывшій священникъ ушелъ отъ насъ, новый не былъ еще назначенъ, а въ двухъ монастыряхъ: Глинской пустыни и Петропавловскомъ, куда посылали просить о назначеніи служить у насъ іероманаха, такъ много больныхъ инфлуэнціей, что никого назначить не могли. Только на второй день праздника у насъ въ храмѣ служилъ священникъ сосѣдняго села Гремячки, о. Тимофей Лѣсуновъ.

27-го декабря состоялось на Рождественскомъ бесѣда о единомъ, вѣчномъ дѣлѣ Божіемъ, современною формою котораго, тѣмъ крестомъ, который въ переживаемое нами время мы должны принять на себя и нести во слѣдъ Христу, и является дѣло Трудового Братства, о должномъ отношеніи къ дѣлу Божію и о значеніи подвига физическаго труда при свѣтѣ братскаго самосознанія и пониманія современной жизненности.

31-го декабря, по обыкновенію, встрѣтили Новый годъ молитвою—молебнѣ служилъ о. Т. Лѣсуновъ.

1-го января 1901 г. состоялась на соединенномъ собраніи Братства и школъ бесѣда о жизни и твореніяхъ св. Василия Великаго, память котораго въ этотъ день празднуется.

Въ Братствѣ нашемъ принято по большимъ праздникамъ всѣмъ и мужчинамъ и женщинамъ быть въ бѣлыхъ одеждахъ это придаетъ большую красоту и торжественность нашимъ праздникамъ, не нарушая въ то же время дешевой простоты жизни. Бѣлый цвѣтъ этихъ одеждъ долженъ напоминать намъ чистоту духа и жизни, желательную на лонѣ Братства, при чемъ, чистоту, какъ и нравственность, мы понимаемъ не въ томъ узкомъ и невѣрномъ смыслѣ, который обыкновенно вкладываютъ въ эти слова, а въ широкомъ смыслѣ христіанскаго откровенія: въ смыслѣ святой гармоніи духа подъ главенствомъ торжествующей вселенской любви. Себя, какъ Блюстителя, я считаю обязаннымъ быть живою совѣстью Братства. Пока настроеніе въ Братствѣ было таково, что о стремленіи къ

этой чистотѣ не могло быть и рѣчи, совѣсть Братства не могла радоваться, при скорби за Братство бѣлая одежда на Блюстителя была бы ложью. Теперь, когда Братство раскаялось въ прошломъ, когда многіе искренно и отъ всей души обратились къ Богу и смиренно преклонились передъ волею Его любви, когда на лонѣ Братства возникла потребность молитвенныхъ собраній, совѣсть Братства могла возрадоваться и Блюститель — вновь одѣться въ бѣлую одежду. Конечно, мы и теперь безконечно далеки отъ чистоты неуклонной вѣрности Богу и торжествующей любви, но мы стремимся къ ней, стали на дорогу, къ ней ведущую, съ этой минуты напоминаніе бѣлыхъ одеждъ является жизненною правдою для насъ. 1-го января впервые я опять надѣлъ бѣлую одежду и объяснилъ причины, почему долго ее не надѣвалъ. Многимъ покажется мелочнымъ это обстоятельство и излишними мои объясненія по поводу его. Съ такимъ взглядомъ на вещи я совсѣмъ не согласенъ и считаю его очень вреднымъ въ практикѣ жизни. Изъ мелочей составляетъ большое цѣлое, какъ изъ атомовъ, составляетъ общій характеръ жизни, общій колоритъ ея. Это не значитъ, что мелочи имѣютъ въ жизни сознательной руководящую роль. Это значитъ, что конечная цѣль, руководящая звѣзда жизни, руководящій идеалъ должны быть правдою всѣхъ мелочей жизни, проникая и оживотворяя ихъ собою. Непониманіе этой истины и приводитъ къ тому, что человечество мечется отъ одной лжи къ другой, не осуществляя правды: то мирится съ красивыми формами, совершенно лишенными духовной красоты, соответствующаго животворящаго духа, то, понявъ эту ложь, ставитъ себя въ заслугу, возводитъ въ добродѣтель скучную, уродливую, сѣрую опрошенность, которая, при наличности духовной красоты животворящаго духа, является не меньшею ложью, болѣе того, клеветою на добро.

Во многихъ изъ членовъ Братства начинается пробуждаться сознаніе того, что слишкомъ много ставили всякихъ вопросовъ, слишкомъ многое недобросовѣстно считали невыясненнымъ, слишкомъ много заставляли объяснять и сами слишкомъ много спорили, вмѣсто того, чтобы въ жизни осуществлять то, что при доброй волѣ ясно, какъ день, не требуетъ никакихъ объясненій и не можетъ вызывать никакихъ споровъ для всѣхъ, кто имѣетъ добрую волю честно стоять на точкѣ зрѣнія вѣры и братства, а это составляетъ бесспорно нравственную обязанность всякаго, вступившаго въ христіанское трудовое братство. Съ своей стороны и я, теперь наученный опытомъ, боюсь много говорить и слишкомъ

много объяснять, зная, какъ легко это можетъ подать поводъ злой волѣ притвориться чего то непонимающею. Гораздо полезнѣе настойчиво требовать честнаго согласованія жизни съ правдою вѣры и братства, которая должна быть всеѣмъ понятна и извѣстна. Для меня большая радость чувствовать въ этомъ вопросѣ единомысліе и единодушіе съ большинствомъ. Объ этомъ говорилъ старшина братской семьи св. Іоанна 2-го января, это же выражали и многіе братья на молитвенномъ собраніи въ братской семьѣ св. Надежды 5 числа.

6-го января состоялась бесѣда на слова: „прійдите, примите всѣ духа премудрости, духа разума, духа страха Божія“. Вечеромъ въ женской с.-х. школѣ была зажжена большая, блестящая елка для дѣтей.

7-го января состоялась бесѣда на тему „о робости на добро и отвагѣ на зло. О молитвѣ общественной и частной“. Послѣ бесѣды состоялось молитвенное собраніе, посвященное молитвамъ объ умершихъ членахъ Братства и друзьяхъ его. Молились въ частности о „новопреставленномъ“ Великому Герцогу Саксенъ-Веймарнскому Карлу-Александрѣ, оказавшемъ такъ много любви при жизни своей и мнѣ и дѣлу Братства, имѣющему право называться благодѣтелемъ Братства, можетъ быть въ гораздо большей степени, чѣмъ мы это знаемъ. Да будетъ память его дорога и благословенна, не только для насъ, но и для грядущихъ поколѣній дѣятелей трудовыхъ братствъ.

Въ этотъ же день на общемъ собраніи Братства рѣшено было избрать почетнымъ членомъ Братства, Преосвященнаго Макарія, Епископа Калужскаго и Боровскаго. Сестеръ III., дѣйствующихъ заодно съ родителями, желающихъ ихъ выхода изъ Братства, исключили и, во огражденіе Братства и школъ отъ крайне нечестнаго отношенія къ нимъ многихъ родителей, дающихъ подписку о согласіи на поступленіе въ Братство дѣтей своихъ, если сами они того пожелаютъ при выходѣ изъ школъ, рѣшено измѣнить форму письменныхъ обѣщаній, выразивъ еще яснѣе нравственное обязательство, принимаемое на себя родителями, отдающими своихъ дѣтей на полное содержаніе Братства.

8-го января старшина братской семьи св. Іоанна опять призываетъ семью не „злословить“ и не говорить „сплеча“. Онъ же 11 числа призываетъ не уклоняться отъ общихъ семейныхъ молитвъ подъ изумительнымъ предлогомъ, что „нечестно молиться, не имѣя въ эту минуту молитвеннаго настроенія“, упуская изъ виду, что еще

болѣе нечестно мириться на лонѣ Братства съ настроеніемъ, при которомъ нѣтъ ни потребности молиться, ни достаточной любви къ молящимся братьямъ, чтобы съ радостью принять участіе въ ихъ молитвахъ.

12-го января пріѣхалъ поступающій на мѣсто священника при братскомъ храмѣ Я. И. М. съ женою. Все Братство приняло его съ любовью и радостью, съ довѣріемъ къ тому, что вступленіе его въ должность является радостнымъ событіемъ для Братства. Еще будучи студентомъ С.-Петербургской Духовной Академіи, онъ съ любовью относился къ моимъ сочиненіямъ и, въ рефератѣ, прочитанномъ по поводу моей книги „что есть истина?“ на собраніи въ домѣ настоятеля храма Михайловской Артиллерійской Академіи, выказалъ глубокое пониманіе необходимости для блага Церкви и Государства стройной организаціи жизни и труда на братскихъ началахъ. Съ тѣхъ поръ, онъ нѣсколько разъ пріѣзжалъ къ намъ въ Братство, подолго въ немъ гостилъ, со многими изъ членовъ его состоялъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Все это давало намъ основаніе быть увѣренными, что поступаетъ онъ на должность по убѣжденію и исполнѣ сознательно, какъ въ смыслѣ близкаго знакомства съ нашимъ Братствомъ, такъ и въ смыслѣ глубокаго сочувствія основнымъ цѣлямъ Братства и пути, избранному нами для достиженія этихъ цѣлей. Будучи студентомъ Духовной Академіи и потомъ въ должности причетника при храмѣ на Выборгской сторонѣ, и въ положеніи помощника инспектора Литовской Духовной Семинаріи, вездѣ онъ давалъ намъ доказательства своего неизмѣннаго сочувствія идеѣ организаціи жизни на братскихъ началахъ. Теперь, когда онъ рѣшилъ посвятить свою жизнь, способности и энергію на дѣло созиданія Трудового Братства въ жизни, мы искренно радовались тому и молили Господа, да благословитъ Онъ совмѣстную жизнь нашу и труды на пользу общаго дѣла.

14-го января въ общемъ собраніи я привѣтствовалъ его отъ имени Братства. На этомъ же собраніи я выразилъ радость по поводу основанія молитвенныхъ кружковъ, не только въ Братствѣ, но и въ обѣихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ, выразилъ радость и по поводу новыхъ другихъ добрыхъ явленій въ жизни Братства, которое, начиная съ Апрѣля 1900 г., постепенно, но неуклонно, съ каждымъ днемъ, какъ послѣ тяжелой болѣзни или тяжелого сна, пробуждается къ доброй дѣятельности и честному братскому самосознанію.

21-го января я велъ бесѣду по вопросу о „равной любви ко всѣмъ безъ различія“ въ смыслѣ равнаго, безразличнаго проявленія любви, что принимаетъ характеръ глупаго и зловреднаго предразсудка современнаго безпринципнаго общества, желающаго любви къ ближнимъ безъ любви къ Богу, желающаго, безъ вѣры въ Бога и Христа Его, не будучи органически связанными съ „лозою—Христомъ“, украсть плоды дерева христіанства, впадая при этомъ въ самыя нелѣпыя заблужденія и безвыходныя противорѣчія. Между прочимъ они требуютъ равныхъ проявленій любви къ добрымъ и злымъ, на этомъ основаніи возстаютъ противъ всякаго обособленія и всякой организаціи, что лишаетъ христіанскую любовь всякаго нравственнаго значенія, всякой разумности и превращаетъ само христіанство въ проповѣдь безформенной анархіи и наивную благоглупость.

Старшина братской семьи св. Николая, въ свою очередь, призываетъ учителей къ болѣе активному отношенію къ дѣлу воспитанія въ школѣ и къ большому сближенію со мною, Блюстителемъ Братства и Попечителемъ школы.

27-го января на братскомъ собраніи я говорилъ о необходимости всѣмъ намъ стать „новымъ человѣкомъ“, для того, чтобы быть способными созидать новое для насъ дѣло Братства Трудового. Оставаться „старымъ человѣкомъ“ на лонѣ новаго дѣла Братства—глупо и жестоко, какъ по отношенію къ дѣлу Братства, такъ и по отношенію къ самому себѣ, обрекая на неудовлетворенность и духовный разладъ съ тѣмъ дѣломъ, на которое отдаемъ себя и свою жизнь. Ольга Николаевна подтвердила это разсужденіями на слова Откровенія о „новыхъ и старыхъ мѣхахъ“. Я. И. М. говорилъ по этому поводу о громадномъ значеніи для перерожденія въ новаго человѣка, сознательнаго, полнаго любви, уваженія и довѣрія общенія съ людьми, высшими по духу. А. И. Фурсей говорилъ о громадномъ значеніи при этомъ разумаго обособленія „немощихъ“ отъ зла и злыхъ: „будемъ оберегать братьевъ нашихъ, чтобы „міръ сей“ не прорвалъ новые мѣхи ихъ“.

28-го января происходила первая бесѣда священника о добрыхъ и злыхъ сѣменахъ; о благоразуміи смиренія и безуміи гордой самоувѣренности въ дѣлѣ обереганія душъ дѣтей и своей собственной отъ злыхъ сѣмянъ; о значеніи добрыхъ порывовъ, благоговѣйной памяти о нихъ и добраго стыда въ связи съ этимъ вопросомъ.

Вечеромъ того же дня происходило музыкальное собраніе въ память недавно скончавшагося композитора Верди. Послѣ біографи-

ческаго очерка его жизни, многіе отрывки изъ его произведеній были спѣты Ольгой Николаевной и другими, а такъ же воспроизведены граммофономъ въ исполненіи знаменитыхъ артистовъ.

Всѣ хроники за этотъ мѣсяцъ писаны добросовѣстно и обстоятельно.

1-го февраля было принято рѣшеніе собираться по субботамъ для тѣснаго братскаго общенія, обмѣна мыслей, впечатлѣній и желаній въ сферѣ нравственной и общественной жизни Братства. И это является однимъ изъ яркихъ проявленій неустаннаго духовнаго роста въ Братствѣ. Эти субботнія собранія имѣли очень симпатичный характеръ, пока ограничивались сердечнымъ братскимъ общеніемъ. Не всѣ понимали, что именно это сердечное общеніе и есть „дѣло“, даже очень важное дѣло, одно изъ самыхъ важныхъ для сплоченія Братства, а слѣдовательно и для преуспѣянія его. Это очень характерно, какъ явленіе „на старомъ основанное духъ“. Какъ вѣдѣ Братства сердечное братское общеніе вообще за дѣло не признали бы и отъ этого „бездѣлія“ перешли бы къ какой либо формѣ безсистемной благотворительности, совсѣмъ не сознавая, что то благо, въ которомъ наиболѣе нуждается современное человѣчество, и есть сплоченность, сердечное единеніе, приводящее къ цементу любви и братству въ жизни, такъ и у насъ,—многимъ казалось, что чтенія, споры о прочитанномъ и философскія опредѣленія понятій—большее дѣло, чѣмъ простое, искреннее, семейное братское общеніе для обсужденія вопросовъ внутренней практической жизни Братства. Это было признакомъ того, что потребности общебратскаго общенія въ такой степени еще не существуетъ. Тѣмъ болѣе необходимо было такое общеніе; рѣшили осуществить его въ меньшемъ размѣрѣ и замѣнили эти общія субботнія собранія частными, по семьямъ.

2-го февраля въ день Срѣтенія Господня, на собраніи Братства, была выслушана стоя Высочайшая благодарность за молитвенныя благопожеланія Братства во время болѣзни Государя Императора. На этомъ же собраніи я объяснилъ причины, заставляющія меня опять надолго ѣхать въ Петербургъ. Дѣло Братства, какъ дѣло мира и любви, не посягающее ни на чьи права и никому не угрожающее никакимъ насиліемъ, казалось бы должно было вызывать общее сочувствіе и, во всякомъ случаѣ, не вызывать ни въ комъ озлобленія. На дѣлѣ, и это высоко характерно для современнаго настроенія многихъ и духовныхъ привычекъ, воспитанныхъ рутинною жизнью, многіе почувствовали Братство, какъ живой укоръ со-

вѣсти и признали его личнымъ для себя оскорбленіемъ. Точно невидимая злая сила ополчилась на дѣло Братства, ставя ему на каждомъ шагѣ все новыя и новыя препятствія, возбуждая недовѣріе и озлобленіе тамъ, гдѣ всего менѣе оно казалось бы логичнымъ и естественнымъ, дѣйствуя противъ Братства и вѣя его и на лонѣ его черезъ всѣхъ, кто поддавался вліянію этой мрачной силы и такихъ „добровольцевъ“ находилось въ избыткѣ среди людей самыхъ разнообразныхъ профессій и общественныхъ положеній. Одни ожесточались противъ Братства, находя его дѣломъ слишкомъ консервативнымъ, другіе—слишкомъ либеральнымъ, одни, подъ предлогомъ, что оно слишкомъ православно, другіе—подъ предлогомъ, что оно будто бы недостаточно церковно, многіе, подъ предлогомъ, что это дѣло гордости, нежеланія жить, какъ всѣ живутъ, вредный примѣръ нерадѣнія объ интересахъ своего сословія и своихъ собственныхъ.

Со стороны окружающаго общества эта враждебность долго ограничивалась распространеніемъ всевозможныхъ, иногда даже и совсѣмъ неправдоподобныхъ клеветъ на Братство, при полномъ нежеланіи познакомиться съ моими сочиненіями и живымъ дѣломъ Братства. Явно враждебныя дѣйствія начались по поводу назначенія членовъ Братства учителями при Ямпольскомъ училищѣ. Для пяти тысячнаго населенія м. Ямполья, составляющаго центръ нашего имѣнія, еще покойнымъ отцомъ моимъ была выстроена большая четырехклассная сельская школа и обезпечена доходомъ съ ярмовочной площади, которая однако продолжала оставаться въ нашемъ владѣніи, при чемъ недостающія средства на содержаніе школы съ ея четырьмя учителями пополнялись неограниченнымъ кредитомъ, открытымъ для этой надобности въ кассѣ нашей главной конторы. Это положеніе держателей школы, давало намъ по отношенію къ ней соответствующія права. Эти права мнѣ хотѣлось на пользу Ямпольскому населенію передать Братству, вмѣстѣ съ тѣмъ значительно лучше прежняго обставивъ самую школу: дать ей землю для огорода и сада, прирѣзавъ къ ней съ этою цѣлью значительную часть большого сада нашей усадьбы, устроить при ней ремесленное отдѣленіе, пасѣку и практическія занятія по земледѣлію, огородничеству и садоводству, стройно организовать и дѣло религіозно-нравственного воздѣйствія школы на учениковъ. Конечно, первымъ шагомъ въ этомъ дѣлѣ должно было быть назначеніе помощниками главной учительницы, Н. Г. Смѣльницкой, заслужившей въ теченіе 15 лѣтъ своей ревностной службы при Ямпольской школѣ, мое полное до-

вѣріе, членовъ Братства, окончившихъ полный курсъ нашей с.-х. школы, моихъ воспитанниковъ и духовныхъ дѣтей, которыхъ я близко зналъ и на добрую волю которыхъ въ этомъ дѣлѣ могъ вполнѣ положиться.

Противъ этого настроили прежде Попечителя округа, потомъ стали возбуждать Училищный Совѣтъ и наконецъ самихъ жителей Ямполья. Все бы это ни къ чему не привело и я бы непремѣнно обставилъ школу, какъ желалъ, обезпечивъ возможность добраго нравственнаго вліянія Братства не только на школу съ ея четырьмястами учениками, но и на весь Ямполь съ его пяти тысячнымъ населеніемъ, если бы сами ямпольцы были тверды въ своихъ добрыхъ отношеніяхъ ко мнѣ и Братству. Они поддались недоброжелательнымъ подстрекательствамъ, стали сами враждебно относиться къ моимъ планамъ и проявлять недовѣріе ко мнѣ, совершенно забывъ многолѣтнія доказательства моей любви и искренняго желанія блага народу, дѣтей котораго я воспитывалъ къ тому, чтобы они стали братьями моими и становился братомъ тѣхъ изъ нихъ, которые не отвергали братскую любовь мою. Повѣривъ тому, что я преслѣдую не ихъ пользу, а какія то другія цѣли, одни изъ нихъ стали торговаться со мною, требуя для себя разныхъ матеріальныхъ выгодъ за согласіе на мои предложенія, другіе волновали населеніе слухами о томъ, будто я никакихъ правъ на Ямпольскую школу не имѣю, что отъ правъ этихъ будто бы отказался еще покойный отецъ мой. Довѣрія ко мнѣ и желанія обезпечить за школою возможность нравственнаго вліянія на нее Братства, я не видѣлъ ни въ комъ. Насильно навязывать благодѣянія Братства и, такимъ образомъ, возложить на самое Братство эту тяжелую обузу я не находилъ, ни желательнымъ, ни даже возможнымъ. Школа эта была выстроена отцомъ моимъ для населенія Ямполья, я не считалъ себя вправѣ распорядиться ею противъ желанія Ямпольцевъ. Дальнѣйшая настойчивость могла только утверждать во мнѣ, что это нужно для меня самого и вызывать еще большее недовѣріе. Выяснивъ лично выборнымъ отъ Ямполья мои цѣли и обстоятельства дѣла, я предложилъ населенію Ямполья высказаться за одно изъ двухъ рѣшеній вопроса: по прежнему, я останусь Попечителемъ школы и буду о ней заботиться, если они пожелаютъ, чтобы права мои были переданы Братству или я передамъ средства на ея содержаніе Земству, совершенно устранивъ себя отъ всякихъ заботъ о ней на будущее время. Уполномоченные отъ Ямпольскаго Общества заявили, что Ямпольцы избираютъ второе, тогда я не-

медленно путем дарственной передалъ ярмарочную площадь, а съ тѣмъ вмѣстѣ и всѣ мои права Земству, съ условіемъ, чтобы весь доходъ съ этой площади шелъ на содержаніе Ямпольской школы.

Тогда стали возбуждать крестьянъ противъ меня и Братства иными способами, стали распускать нелѣпные слухи о правѣ крестьянъ захватывать мои земли и рубить лѣса, увѣряя ихъ, что надо торопиться въ виду того, что право это дано имъ только на два года и что я собираюсь передать имѣніе Братству и тогда завладѣть этими землями будетъ уже поздно. Начались настоящіе разбои. Дѣйствовали скопомъ, съ топорами въ рукахъ, прогоняя не только нашихъ лѣсныхъ стражниковъ, но и полицію. Дружное бездѣйствіе тѣхъ, кому слѣдовало принимать энергичныя мѣры только подливало масло въ огонь, утверждая виновныхъ въ ихъ мнимыхъ правахъ и надеждѣ на полную безнаказанность. Это же являлось и большимъ искушеніемъ для всѣхъ остальныхъ. Въ то же время до меня стали доходить слухи о томъ, что враги Братства громко говорятъ, что виною всему—моя дѣятельность, внушающая народу идеи братскаго равенства и что моя бездѣятельность въ защитѣ моихъ интересовъ является общественною опасностью. Все это было не дурно задумано во вредъ Братству и представляло тѣмъ большую опасность, что въ числѣ бездѣйствующихъ и злорадствующихъ находились даже лица, принадлежавшіе къ администраціи моихъ имѣній, что не мѣшало имъ враждебно относиться къ создаемому мною Трудовому Братству. Нужно было дѣйствовать энергично, чтобы заставить замолчать недоброжелательную клевету и и оградить само населеніе отъ безумныхъ поступковъ и строгой кары за нихъ.

Для того я и ѣхалъ въ Петербургъ. Послѣдствія показали до какой степени это было необходимо. Послѣ свиданія съ Черниговскимъ Губернаторомъ и Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ все круто измѣнилось. И мѣстныя власти и представители моей администраціи увидѣли, что нельзя далѣе взваливать вину другъ на друга, а надо дѣйствовать; невозможное раньше, стало не только возможнымъ, но и легко исполнимымъ. Волненіе улеглось, разбои прекратились и населеніе было спасено отъ опасныхъ безумій, а враги мои и Братства потеряли возможность сваливать отвѣтственность съ больной головы на здоровую.

Все это я записываю въ этомъ отчетѣ, какъ для выясненія истиннаго характера всѣмъ извѣстныхъ фактовъ, такъ и на память Братству о томъ, сколько было препятствій на пути созиданія

Братства, какое дружное недоброжелательство было выказано ему всѣми слоями грѣшнаго человѣчества, за рѣдкими исключеніями какъ дружно работали на его разрушеніе извнѣ и внутри, чтобы грядущія поколѣнія Братства ясно сознавали, какую великую силу проявилъ Господь въ безмѣрной немощи нашей и какіе чудеса творилъ Господь на пути слѣдованія нашего въ землю обѣтованную Братства Трудового!

На этомъ же собраніи я благодарилъ отъ имени Братства мою матушку, сестру Ольгу Николаевну и воспитателей Ямпольскаго дѣтскаго общежитія Василія Авксентьевича Пушенко, Варвару Васильевну Ребенко и Евдокію Петровну Бондаревскую за ихъ ревнивыя заботы о воспитаніи дѣтей въ духѣ вѣры и братства. Общежитіе это, съ передачею Ямпольской школы Земству, предполагалось упразднить.

Это выраженіе благодарности имѣло двойной характеръ: справедливаго признанія истинныхъ заслугъ и протеста противъ несправедливыхъ нареканій тѣхъ, кто въ духѣ выгораживанія зла и недоброжелательной критики добра, распространяли слухи о томъ, что Ямпольское общежитіе не достигало цѣлей, намѣченныхъ при его учрежденіи, что оно давало худшіи контингентъ нашей школы и что на немъ ясно обнаружилось, насколько наша система воспитанія не примѣнима по отношенію къ дѣтямъ младшаго возраста. Совершенно въ томъ же духѣ дурное отношеніе къ братскимъ кружкамъ въ школахъ нашихъ, возлагали на отвѣтственность не тѣхъ, которые къ нимъ дурно относились, а самихъ ни въ чемъ неповинныхъ братскихъ кружковъ, требуя уничтоженія ихъ, уничтоженія на ряду съ ними и всѣхъ особенностей братской школы, другими словами—возвращенія къ рутинѣ школьнаго дѣла внѣ Братства.

Теперь, мы всѣ знаемъ, какая хорошая, нравственная подготовка была дана дѣтямъ, пришедшимъ къ намъ изъ этого общежитія, неповиннаго въ томъ, что не всѣ воспитывавшіеся въ немъ въ одинаковой мѣрѣ воспользовались тѣмъ, что оно имъ предлагало. Многие изъ нихъ стали полезными дѣятелями въ обѣихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ. Въ настоящее время въ той и другой, Старшинами состоятъ бывшіе воспитанники Ямпольскаго общежитія Владиміръ Ивановичъ Ивановъ и Софія Яковлевна Куница, отличающаяся высокими нравственными качествами и честною ревностью о пользѣ вѣреннаго имъ дѣла.

Въ этотъ же день Я. И. М. велъ бесѣду о человѣческомъ до-

стоинствѣ въ связи съ христіанскою гармоніей духа, по формулѣ предложенной мною въ моей брошюрѣ того же названія.

3-го февраля братская семья св. Андрея рѣшила возобновить молитвы по Пятницамъ „за всѣхъ о насъ молящихся“. Въ этотъ же день состоялись, утромъ для школъ, а вечеромъ для Братства, два литературно-музыкальных собранія въ память М. И. Глинки, съ біографическимъ очеркомъ и выполненіемъ отрывковъ его произведений.

5-го февраля я выѣхалъ въ Петербургъ.

11-го февраля, послѣ обѣдни о. Т. Лѣсуновъ всѣхъ тронулъ очень сердечно прощаясь съ Братствомъ по случаю предстоящаго посвященія въ санъ священника и назначенія настоятелемъ нашего храма Я. И. М.

Вечеромъ того же дня на братскомъ собраніи рѣшено было послать всѣмъ измѣнившимъ Братству, изъ которыхъ нѣкоторые жалуются на недостатокъ любви къ нимъ и желанія общенія съ ними со стороны Братства, циркулярное письмо съ указаніемъ условій, при которыхъ возможно для нихъ не только возобновленіе общенія съ Братствомъ, но даже и возвращеніе ихъ въ Братство.

15-го числа Е. В. Ребенко выѣхала въ Москву, гдѣ она по порученію Братства будетъ изучать медицину и повивальное искусство.

16-го февраля пріѣхалъ студентъ Р., атеистъ, котораго хроника братской семьи св. Іоанна наивно обзываетъ „мало вѣрующимъ“ и дерзкій нахаль, котораго та же хроника съ меньшей наивною называетъ „искреннимъ человѣкомъ“. Большинство Братства однако иначе оцѣнило его анти-религіозную, анти-правительственную и анти-братскую пропаганду, а Дума предложила ему немедленно выѣхать изъ Братства.

17-го февраля на субботнемъ собраніи предложено было организовать въ самомъ Братствѣ младшій братскій кружокъ, поручивъ всѣхъ пріемныхъ братьевъ заботамъ членовъ Думы. Вызвано это было тѣмъ, что еще недавно въ Братствѣ замѣчалось менѣе духовной сплоченности и въ жизни Братства менѣе духовной стройности, чѣмъ въ жизни школъ, гдѣ это достигается именно организаціей братскихъ кружковъ. Почти ежегодно, новые члены Братства, вступая въ него изъ школъ, поражались духовною распущенностью нѣкоторыхъ, со слезами говорили о своемъ разочарованіи въ этомъ отношеніи и возмущались тѣмъ, что то, что въ школѣ подвергается строгому осужденію, въ Братствѣ является зауряднымъ и оправды-

вается свободою индивидуальности, широкимъ взглядомъ на вещи; отсутствіемъ мелочности и тому подобными формулами оправданія своеволия и распущенности. Большинство отклонило это предложеніе, говоря, что не надо осложнять жизнь новыми формами, а надо только добросовѣстно созидать ее такую, какъ она есть. Хорошо ли сдѣлали, отклонивъ это предложеніе? Вѣдь сознавать необходимость добросовѣстно созидать жизнь Братства всегда можно было. Въ томъ-то и дѣло, что на добросовѣстное созиданіе жизни Братства у многихъ не хватало ни любви къ Богу, ни любви къ дѣлу Братства, ни любви къ братьямъ, ни личнаго, ни братскаго самосознанія. Въ данномъ случаѣ предлагали организацію, которая могла помочь, какъ самопроврѣкъ, такъ и духовному росту подъ систематическимъ руководствомъ людей высшаго братскаго самосознанія. Эту мѣру, какъ не нужную, отклонили. Не затруднили ли тѣмъ сами себѣ дѣла возрастанія до того настроенія, при которомъ добросовѣстное созиданіе жизни Братства переходитъ изъ области пожеланій въ правду жизни. Это очень типично, какъ признакъ все еще самодовольнаго, самоувѣреннаго и легкомысленнаго отношенія къ дѣлу, трудности котораго только что были извѣданы на опытѣ. Наше личное спокойствіе, огражденіе нашего личнаго самолюбія, заставляютъ насъ часто отдѣлываться такими общими фразами отъ мѣропріятій очевидно полезныхъ для общаго дѣла и общаго блага.

18-го числа начались еженедѣльные воскресныя собранія Думы для обсужденія текущей жизни Братства и объединенія жизни братскихъ семей путемъ братскаго общенія между ихъ старшинами.

19-го февраля состоялось собраніе Братства, посвященное памяти Императора Александра II и освободительной реформы.

Въ этомъ же мѣсяцѣ, въ началѣ Великаго поста, священникъ бесѣдовалъ о молитвѣ св. Ефрема Сирина. Въ концѣ мѣсяца говѣли многія сестры и, по обыкновенію, въ свободные отъ церковныхъ службъ часы, собирались у Маріи Николаевны на общія чтенія и бесѣды.

Братская семья св. Андрея была недовольна своимъ распорядителемъ С. С. О., который къ сестрамъ не всегда былъ справедливъ и вѣжливъ, а въ дѣлахъ проявлялъ самоувѣренность, далеко не оправдывающуюся результатами его мѣропріятій, не согласныхъ съ желаніями семьи.

7-го марта хроника братской семьи св. Іоанна отмѣчаетъ слишкомъ легкомысленное, шуточное отношеніе къ жизни, что выра-

жается въ формѣ такого же отношенія къ хроникамъ семьи и ихъ чтеніямъ.

8-го марта пріѣхалъ уже посвященный въ Черниговѣ о. Я. и говорилъ проповѣдь при пріемѣ его въ церкви. Въ этомъ первомъ словѣ, обращенномъ къ своей новой паствѣ, онъ говорилъ о томъ, какое святое и глубокое значеніе придаетъ своему единенію съ паствою, съ которою онъ былъ обвиняемъ во время посвященія и общается быть вѣрнымъ своей супругѣ—Церкви Братства на всю жизнь. Братство поднесло ему серебряный священнический крестъ, который онъ тутъ же на себя и возложилъ.

15-го числа я вернулся изъ Петербурга.

17-го числа хроника семьи св. Іоанна отмѣчаетъ хорошее отношеніе семьи къ общимъ молитвамъ. На другой день во исполненіе общаго желанія, о. Я. служилъ молебенъ въ этой семьѣ и всѣхъ глубоко тронулъ прошеніями, имѣющими глубокое жизненное значеніе примѣнительно къ той семьѣ, въ которой молебствіе совершалось.

Въ братской семьѣ св. Андрея все болѣе недовольны дѣйствіями распорядителя работъ С. С. О., который болѣе довѣряетъ совѣтамъ посторонняго лица, нежели мнѣніямъ всей братской семьи и благодаря тому нѣсколько разъ дѣлалъ вещи прямо убыточные для Братства. Въ одномъ случаѣ эта убыточность клонилась прямо къ выгодѣ его совѣтника.

28-марта старшина семьи св. Іоанна прочелъ въ семьѣ записку, въ которой, дѣлая обзоръ событій прошлаго года, горячо призывалъ къ покаянію въ прошломъ, передъ исповѣдью. Самъ онъ, чувствуя, что, не смотря на всю свою преданность дѣлу Братства и лично добрыя отношенія ко мнѣ и моей семьѣ, не разъ поддавался духовной заразѣ дурного настроенія большинства и терялъ сердечную чуткость, какъ относительно пользы Братства, такъ и относительно насъ, написалъ всѣмъ намъ письма, полныя святыихъ чувствъ раскаянія и любви.

31-го марта Марія Николаевна дала новое доказательство своей сердечной заботливости и желанія чѣмъ можетъ порадовать, снабдивъ всѣ братскія семьи и обѣ школы цвѣтами своего издѣлія, на предстоящій праздникъ Пасхи.

Хроника братской семьи св. Іоанна, писанная за этотъ мѣсяцъ Ѳ. Т. Ключко, дышетъ сердечностью истинно братскихъ чувствъ.

Въ хроникѣ братской семьи св. Николая, писанной за этотъ мѣсяцъ Ѳ. Е. Чверткой, видно вдумчивое отношеніе къ жизни и

сердечная заботливость о дѣлѣ Братства; къ сожалѣнію это отрывочныя записки, которыя полною хроникой названы быть не могутъ. Во всякомъ случаѣ это гораздо лучше, чѣмъ сухой перечень фактовъ общей жизни Братства, наивно выдававшейся за хронику семьи нѣкоторыми другими членами ея. Въ этихъ откровенныхъ запискахъ ярко выступаетъ передъ нами картина грустной разобщенности, въ этой, еще недавно, много худшей по настроенію, семьѣ, ея равнодушія къ самымъ внушительнымъ проявленіямъ анти-братскаго настроенія, невозможное отношеніе сестеръ къ общей жизни, доходившее до явнаго пренебреженія къ своимъ обязанностямъ хозяекъ.

Какъ недавно, все это въ этой семьѣ прошло бы безъ вниманія, какъ явленія естественныя, нормальныя, о которыхъ и говорить въ хроникѣ нѣтъ надобности, болѣе того, говорить о которыхъ искренно, не было ни потребности, ни желанія. Все это дорогіе признаки явнаго духовнаго прогресса на лонѣ возрождающагося, вѣрнѣе сказать, испытывающаго духовное преображеніе подъ вліяніемъ возрождающей благодати Божіей,—Братства. Отмѣчается въ хроникѣ, какъ отрадные явленія, протестъ противъ зла въ рутинѣ жизни семьи новаго члена, А. А. Лютецкаго, послушаніе И. П. П. и единомысліе семьи въ одномъ вопросѣ.

1-го апрѣля, въ самый день св. Пасхи, родился Степа Одарченко.

2-го числа послѣ обѣдни отслуженъ былъ молебенъ о принцессѣ Евгеніи Максимиліановнѣ Ольденбургской, милостивому отношенію которой Братство наше такъ многимъ обязано, о сынѣ Ея Императорскаго Высочества принцѣ Петрѣ Александровичѣ и высоко-нареченной невѣстѣ его Великой Княжнѣ Ольгѣ Александровнѣ. Послѣ обѣда у меня читаны были составленные мною проекты писемъ: къ жителямъ м. Янполя, къ митрополиту Антонію и къ епископу Макарію.

Вернувшись изъ Петербурга, я узналъ, что янпольцы продолжаютъ волноваться, не хотятъ заключать никакихъ условій и думаютъ самовольно даромъ захватить принадлежащія мнѣ угодія. При этихъ обстоятельствахъ, зная, что народъ смущаютъ злонамѣренные люди повсюду и рѣшено принять для подавленія безпорядковъ самыя рѣшительныя мѣры, я счелъ нравственнымъ долгомъ остеречь ихъ и тѣмъ сдѣлать все отъ меня зависящее, чтобы, по легкомыслію, многіе не пострадали. Съ этою цѣлю я рѣшилъ пригласить наиболѣе вліятельныхъ членовъ Янпольскаго Общества вмѣстѣ съ тѣми, которые совершали наиболѣе дерзкіе разбои,

поговорить съ ними и передать имъ письмо для прочтенія всему Ямпольскому Обществу.

Митрополиту С.-Петербургскому, какъ первоприсутствующему въ Святѣйшемъ Синодѣ, мы писали по поводу несправедливой агитации противъ него и св. Синода за отлученіе отъ церкви гр. Л. Н. Толстого. Эта агитация была яркимъ проявленіемъ отсутствія церковнаго самосознанія. Совершенно не вступая въ оцѣнку убѣжденій и характера дѣятельности нашего высокодаровитаго и всесвѣтно славнаго писателя, невозможно было ни игнорировать того, что онъ самъ себя давно отлучилъ отъ Русской Православной Церкви, ни того, что эта Церковь имѣетъ неотъемлемое право сдѣлать то же по отношенію къ нему. Кому же не извѣстно, что гр. Л. Н. Толстой много разъ печатно заявлялъ въ своихъ заграничныхъ изданіяхъ, что всякая организація есть зло, а Церковь и Государство, какъ наиболѣе сильныя организаціи, являются и высшимъ зломъ, которое разрушать надо, отказываясь признавать ихъ право на существованіе, систематично оказывая имъ пассивное сопротивленіе, отказываясь исполнять требованія власти и, такимъ образомъ, работая на ихъ дезорганизацію, отказывая имъ во всемъ, въ чемъ они нуждаются для своего существованія. Игнорировать Толстого съ его проповѣдью пассивной анархіи было тѣмъ менѣе простиительно, чѣмъ болѣе велика его извѣстность и слава, какъ писателя. Церковь помѣстная потеряла бы всякое право считаться живымъ организмомъ, если бы по нерадѣнію или какимъ либо политическимъ соображеніямъ, не совершила этой правды, не объявила гр. Толстого болѣе къ Церкви не принадлежащимъ. Но тутъ то и проявилось во всемъ блескѣ полное отсутствіе церковнаго самосознанія. Удивлялись тому, что Русская Православная Церковь существуетъ и смѣетъ проявлять себя. Стали громко высказывать сочувствіе гр. Толстому и протестъ противъ воплія законнаго и нравственно основательнаго акта Церкви помѣстной, совершенно не сознавая, что тѣмъ самымъ выражаютъ полное неуваженіе къ самому гр. Толстому, уважая котораго, просто какъ честнаго человека, невозможно было допустить, чтобы онъ желалъ лжи и нелогичности въ своихъ отношеніяхъ къ Русской Православной Церкви, чтобы онъ желалъ, отрицая самое право на существованіе этой Церкви, продолжать считаться ея сочленомъ. Лично я никогда не раздѣлялъ многихъ взглядовъ и чувствъ гр. Толстого, но упорно вѣрилъ въ его искренность и уважалъ въ немъ человека, хотя во многомъ и заблуждающагося не только умомъ, но и сердцемъ, однако

искренно ищущаго и желающаго правды. Въ то время, какъ гр. Толстой желаетъ разрушенія Церкви и Государства путемъ пассивной анархіи, я всегда желалъ мирнаго преобразенія жизни на лонѣ ихъ, путемъ пробужденія церковнаго самосознанія мирянъ и дружной, совѣстной дѣятельности въ направленіи честнаго осуществленія идеаловъ въ жизни.

Теперь, когда такъ ярко проявилось отсутствіе церковнаго самосознанія во многихъ, я счелъ долгомъ совѣсти, забывъ многое, что могло накопиться горечь обиды въ моемъ сердцѣ и заставило пережить столько тяжелыхъ скорбей, предложить Братству громко исповѣдовать церковную правду и совершить актъ церковнаго самосознанія, написавъ письмо митрополиту Антонію съ выраженіемъ чувствъ любви и преданности Церкви помѣстной.

Епископа Макарія мы извѣстили о томъ, что онъ единогласно избранъ почетнымъ членомъ нашего Братства и просили его оказать намъ любовь, принявъ это званіе.

3-го апрѣля я велъ бесѣду о радости вѣры и жизни по вѣрѣ, опасаясь, что бы, несмотря на многократное, всестороннее объясненіе этого вопроса, не жило безсознательно въ умахъ и сердцахъ многихъ изъ братьевъ и воспитанниковъ, столь укоренившееся предубѣжденіе, согласно которому радость грѣховна, а богоугодны только скорбь и страданія. Благодаря этому святость, чистота, смиреніе, самая вѣра являются въ сознаніи большинства скорбію, невыносимымъ бременемъ, чѣмъ-то изсушающимъ и замораживающимъ, въ противоположность грѣху — заманчивому, радостному и поэтично-прекрасному. Отсюда такъ много разглагольствованій о святости и нравственности и такъ много реальной ненависти къ тому и другому въ жизни. Теперь, когда человечество начинаетъ болѣе сознательно жить и относиться къ жизни, это имѣетъ особенно пагубное значеніе, приводя къ непримиримому разладу между вѣрою и самыми элементарными требованіями логики и простого здраваго смысла.

4-го апрѣля началось ежегодное чтеніе характеристикъ воспитанниковъ въ соединенномъ собраніи Старшаго Братскаго Круга воспитанниковъ и Педагогическаго Совѣта Школы.

Въ семьѣ св. Николая опять проявилось въ очень рѣзкихъ формахъ дурное отношеніе нѣкоторыхъ хозяекъ не только къ своимъ обязанностямъ, но и къ Братству, т. е. воплія самодовольны во злѣ, не желаютъ относиться лучше и обижаются по поводу самыхъ

справедливыхъ и вполнѣ доброжелательныхъ замѣчаній братской семьи.

8-го апрѣля семья св. Надежды перѣехала на все лѣто въ Рождественскъ для участія въ полевыхъ работахъ. Старшина братской семьи св. Андрея отъ имени семьи радушно ихъ привѣтствовалъ. Въ этотъ же день, на собраніи Братства было рѣшено написать Новгородскимъ и Старо-Русскимъ друзьямъ нашего Братства письмо, благодаря ихъ за заботы и любовь, оказанныя мнѣ черезъ присланнаго ими А. М. Кукарина, во время моей болѣзни въ Петербургѣ.

9-го числа въ Янполь состоялось мое свиданіе съ выборными Янпольскаго Общества; я прочелъ имъ мое письмо, о многомъ съ ними переговорилъ и передалъ самое письмо волостному старшинѣ для прочтенія на сходѣ.

Въ этотъ же день въ Братствѣ былъ объявленъ списокъ, назначенныхъ Думою членовъ Хозяйственнаго Совѣта и Управленія.

11-го апрѣля былъ крещенъ Степа Одарченко.

12-го числа пріѣхалъ работать въ Рождественскъ допущенный пожить въ Братствѣ, молодой человекъ Ч., окончившій курсъ реального училища въ Кіевѣ.

15-го числа родился Павлуша Ключко; былъ пріемъ въ Младшіе Братскіе Кружки обѣихъ с.-х. школъ и свадьба Варвары Васильевны Ребенко съ Василиемъ Авксентіевичемъ Пушенко.

17-го числа я выѣхалъ въ Черниговъ, Кіевъ, Одессу, Румынію, Болгарію и Сербію, чтобы потомъ черезъ Австрію, Италію и Швейцарію проѣхать во Францію на воды. Въ этотъ же день пріѣхала вступающая въ Братство, окончивъ курсъ ткацкой школы М. М. Христюкъ.

Въ Болгарію и Сербію я давно собирался ѣхать, чтобы на мѣстѣ узнать о положеніи въ нихъ „задругъ“ и рѣшить, обезпечивая Братство, надо ли дать ему право основывать отдѣленія въ славянскихъ земляхъ, въ Палестинѣ и вообще за границей, какъ о томъ просили меня письменно нѣкоторые болгарскіе и сербскіе патріоты и лично—болгаринъ Георгій Петровъ, нарочно за тѣмъ пріѣзжавшій въ Воздвиженскъ.

28-го апрѣля обнаружилось въ мужской школѣ вредное вліяніе на товарищей небольшого кружка дурныхъ воспитанниковъ, которыхъ великодушно терпѣли въ школѣ, желая дать имъ возможность окончить курсъ. Еще разъ на нихъ обнаружилось, какъ неосновательно надѣяться на то, что гордость и злоба могутъ долго безъ покаянія

сдерживать себя, имѣя желаніе не злоупотребить великодушіемъ. На то они „гордость и злоба“, чтобы не имѣть этого благороднаго желанія, ни самообладанія, нужнаго на то, чтобы осуществить это желаніе, если бы даже оно мимолетно въ нихъ и зародилось.

Одинъ изъ этихъ воспитанниковъ, которыхъ по единодушному желанію всѣхъ товарищей, Педагогическій Совѣтъ рѣшилъ удалить изъ школы, былъ баптистомъ. Раньше мы охотно принимали дѣтей разныхъ народностей и вѣроисповѣданій, желая расширить сердца нашихъ воспитанниковъ до любви ко всѣмъ любящимъ поверхъ всякихъ границъ національныхъ и исповѣдныхъ. Мы надѣялись такимъ способомъ на практикѣ воспитать въ православномъ большинствѣ нашихъ учениковъ способность, оставаясь вѣрными православію и благоговѣнно относясь къ буквѣ православной обрядности, понимать, что высшею святынею міра всегда и неизмѣнно остается живая любовь и умѣть изъ любви къ любящимъ, не только не оскорблять ихъ дурнымъ отношеніемъ къ особенностямъ ихъ вѣроисповѣданій, но и въ нихъ пробудить любовную терпимость къ православной обрядности, благоговѣнно чтимой столь многими, ихъ любящими. У насъ были и католики, и лютеране, и баптисты, и менониты; я очень желалъ, чтобы были и евреи. Единственный еврей, желавшій поступить въ нашу школу, не получилъ на то согласія своихъ родителей, требовавшихъ, чтобы онъ не ѣлъ вмѣстѣ съ христіанами и во всемъ ихъ чуждался. Иновѣрцы-христіане съ любовью принимались въ младшій братскій кружокъ, были бы приняты и въ старшій и допущены въ Братство, если бы того пожелали. Несмотря на полную терпимость, съ какою мы къ нимъ относились, оказывалось, что у ихъ родителей и духовныхъ руководителей этихъ родителей не хватало терпимости къ намъ каждый разъ, какъ, изъ писемъ нашихъ воспитанниковъ они убѣждались, что ихъ дѣти начинаютъ сердечно сливаться съ общею жизнію школы и относиться терпимо съ любовью и уваженіемъ къ особенностямъ православнаго культа. Опасаясь, чтобы они въ концѣ концовъ не стали православными, ихъ родители, а иногда, по просьбѣ этихъ родителей и духовныхъ лицъ ихъ вѣроисповѣданія начинали писать имъ въ духѣ крайней нетерпимости къ намъ, православнымъ, требуя отъ нихъ возможно большаго духовнаго обособленія отъ насъ и отчужденія отъ всѣхъ проявленій религіозной жизни нашей, до бесѣдъ, до собраній братскихъ кружковъ включительно. Кончалось тѣмъ, что живя на лонѣ нашей школы и совершенно сторонясь области религіозной жизни въ ней, они становились со-

вершенно нерелигіозными, начинали жить недобрыми чувствами къ ихъ окружающимъ, становились враждебными чужаками школьной семьѣ. Такое положеніе было слишкомъ вредно для нихъ самихъ, имѣя съ ихъ стороны слишкомъ безнравственный характеръ и намъ приходилось исключать ихъ изъ школы, или совѣтовать ихъ родителямъ взять ихъ обратно, чтобы они въ родной средѣ могли опять жить болѣе интенсивною религіозною жизнію и любовію ко всѣмъ ихъ окружающимъ.

Этотъ грустный опытъ убѣдилъ меня, что во всѣхъ вѣроисповѣданіяхъ „буква мертвящая“ властно царитъ надъ едва тлѣющимъ „животворящимъ духомъ“, въ чемъ мнѣ не разъ приходилось убѣждаться и въ личныхъ моихъ сношеніяхъ, какъ съ моими соотечественниками и единовѣрцами въ Россіи, такъ и съ иноплемениками и иновѣрными за границею. Вездѣ люди, „поклоняющіеся Богу въ духѣ и истинѣ“, сознающіе высшею святынею животворящій духъ любви къ Богу, дѣлу Божію и Божіимъ, являются рѣдкими исключениями. Громадное большинство вездѣ букву проявленія вѣры ставитъ неизмѣримо выше „духа животворящаго“, при чемъ для всѣхъ ихъ буква, излюбленная ими, становится неизбѣжно „мертвящею“. Такою мертвящею буквою является не только обоготворенный обрядъ, но и отсутствіе обряда тамъ, гдѣ царитъ обрядо-боязнь и многое, въ столь распространенномъ нынѣ культѣ невѣрія, адогматизма, атензма и т. д. И обоготвореніе буквы и проклинаніе буквы на томъ же основано духѣ. Одинъ животворящій духъ любви можетъ преобразить человѣчество до способности стать исповѣдниками Бога Живого въ духѣ и истинѣ, прекратить распри о буквѣ мертвящей, содѣлать букву не мертвящею и объединить человѣчество крѣпкимъ цементомъ живой любви къ Богу Живому и живого братолюбія между всѣми сынами свѣта, между всѣми любящими.

Исключивъ изъ школы, въ лицѣ этого баптиста, послѣдняго иновѣрца, мы рѣшили на время не принимать болѣе инославныхъ, убѣдившись, что эта задача, какъ бы высоко симпатична она для насъ ни была, пока еще для насъ непосильна и слишкомъ осложняетъ дѣло, а я вообще стою противъ излишнихъ осложненій и горделиваго задора спортивной борьбы съ излишними препятствіями. Мнѣ слишкомъ извѣстна немощь человѣческая, чтобы не опасаться всякихъ излишнихъ осложненій и форсированныхъ подвиговъ.

Въ этотъ же день, 28-го апрѣля, братская семья св. Николая рѣшилась наконецъ исполнить нравственный долгъ по отношенію

къ Братству, потребовавъ отъ сестеръ, долгое время возмущавшихъ мирную жизнь семьи, болѣе сообразнаго съ пользою Братства, съ правдою Братства и его достоинствомъ отношеній къ дѣлу и другъ къ другу. Послѣ нѣкоторыхъ отговорокъ, видя настойчивость семьи, онѣ подчинились и общали на будущее время взять себя въ руки и жить лучше прежняго.

29-го апрѣля о. Я. началъ серію чтеній по исторіи Церкви, а 30-го числа — серію бесѣдъ о руководящихъ правилахъ Братства.

Хроника братской семьи св. Андрея отмѣчаетъ усиленную дѣятельность старшины; почти ежедневно онъ настойчиво указываетъ на нежелательныя явленія въ жизни семьи и призываетъ къ вдумчивому и честному отношенію къ дѣлу созиданія братской жизни. Особенно заботится онъ объ установленіи желательныхъ, достойныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, простыхъ, непринужденныхъ отношеній между братьями и сестрами, что особенно трудно достигается, благодаря возмутительной и постыдной для христіанъ вѣковой рутинѣ именно въ этой области отношеній. Христіанская правда словъ Апостола: „Нѣсть ни мужчины, ни женщины, но всяческая и во всѣхъ Христосъ“, остается совершенно чужда сознанію громаднаго большинства людей, твердо убѣжденныхъ, несмотря на это, что они христіане. Для нихъ человѣчество рѣзко раздѣляется на мужчинъ, съ которыми естественно находиться въ состояніи разнородной борьбы и женщинъ, отношенія къ которымъ сводятся на „ухаживанье“, безъ всякаго отношенія къ тому, насколько любовь и уваженіе къ нимъ согласны или несогласны съ любовію ко Христу и Богу Живому, насколько онѣ Христовы, Божіи. Результаты такого положенія вещей у всѣхъ налицо. Братство достигло въ этой области очень многого, такъ много, что даже друзья Братства съ трудомъ вѣрятъ тому, что въ Братствѣ однако является правдою жизни. „Ветхій человѣкъ“ сказывается въ Братствѣ противоположною крайностію: неумѣиємъ установить достойный, полный братской простоты и непринужденности, тонъ отношеній, сохраняя въ то же время благородный тактъ. Многіе и этого уже достигаютъ, но еще не всѣ. Иные сбиваются съ такта, бросааясь изъ одной крайности въ другую.

Много позаботился старшина братской семьи св. Андрея въ этомъ мѣсяцѣ и о стройномъ урегулированіи жизни религіозной.

Въ братской семьѣ св. Іоанна тоже, при измѣнившемся строеніи ея членовъ, общее чтеніе молитвъ утромъ и вечеромъ ока-

залось возможнымъ, болѣе того, всѣ члены семьи стали дорожить ими и въ духѣ благоговѣнія къ нимъ относиться.

Въ братской семьѣ св. Николая хронику за этотъ мѣсяцъ писалъ А. А. Лютецкій и хроника эта носитъ на себѣ характеръ вдумчивости, наличности братскаго самосознанія и честной искренности, которыми онъ отличается. Онъ съ грустью отмѣчаетъ еще проявляющийся въ нѣкоторыхъ членахъ семьи тонъ легкомысленнаго „зубоскальства“, эгоистической обособленности отъ общей жизни семьи, формальнаго отношенія къ постановленіямъ Думы, отсутствіе сознательной дисциплины, холодное равнодушіе ко благу Братства и дѣлу стройнаго и честнаго осуществленія правды Братства въ жизни. Сравнивая общій тонъ жизни и отношеній въ двухъ братскихъ семьяхъ, въ которыхъ онъ послѣдовательно жилъ: семьи св. Іоанна и семьи св. Николая, онъ приходитъ къ очень невыгоднымъ для этой послѣдней выводамъ. Нельзя не оцѣнить высоко самоотверженной правдивости, съ которою онъ въ данномъ случаѣ выполнилъ братскій долгъ свой, честно, въ глаза высказывая семьѣ, въ которой живетъ, эту непріятную правду, зная, что все зло происходитъ въ ней отъ самодовольной гордости нѣкоторыхъ изъ ея сочленовъ. Любовь научила его понимать, что потакать злу—плохое проявленіе дружбы, что надо не щадить гордость, а разоблачать и искоренять ее, хотя бы и путемъ болѣзненныхъ операцій. Это требуетъ большого самоотверженія, такъ какъ духовно больные, воображая себя здоровыми, совсѣмъ не склонны быть благодарными оператору и послѣ операціи далеко не разомъ и не быстро выздоравливаютъ.

11-го мая въ хроникѣ братской семьи св. Іоанна опять проявляется прежній тонъ снисходительнаго отношенія ко злу, при строгомъ порицаніи добра. Говоря о грубой заносчивости, проявленной однимъ изъ братьевъ семьи св. Андрея, бывшимъ въ гостяхъ, хроника осуждаетъ не его, а полноправную сестру П. К. Пархоменко, которая прекратила эту неприличную сцену просьбою не говорить въ такомъ тонѣ и тѣмъ будто бы „поставила всѣхъ въ неловкое положеніе“. Вотъ прямая противоположность отношенію къ жизни, ревнующаго о правдѣ, добрѣ и Братствѣ, А. А. Лютецкаго. Насколько онъ проявилъ правдивую доблесть, настолько въ данномъ случаѣ проявлено безпринципной уживчивости во что бы то ни стало, на почвѣ эгоистическаго „лишь бы мнѣ не было неловко“. Какъ многіе вторую форму общительности предпочитаютъ первой: любовь назовутъ жестокостью, а эгоизмъ—гуманностью.

15-го числа, по порученію Братства, И. Н. Вѣлобаба повезъ А. П. Нечитайло, давно болѣющего ревматизмомъ и нѣсколько разъ безрезультатно ѣздившаго въ Крымъ и на Кавказъ, въ Кіевъ на консультацію къ профессору Сикорскому, специалисту по нервнымъ болѣзнямъ, такъ какъ мѣстные доктора находятъ, что ревматизмъ осложненъ общею расшатанностью нервной системы.

19-го мая старшина братской семьи св. Іоанна, объявляя постановленія Думы, относящіяся до посѣщенія богослуженій, общихъ молитвъ и участія въ хоровомъ пѣніи горячо призывалъ сознательно и съ любовью, дружно и радостно созидать жизнь Братства на лонѣ семьи.

21-го мая состоялось бракосочетаніе И. О. Кулішъ съ Надеждой Александровной Августининой и помолвка двухъ братьевъ: Якова Петровича Шутъ съ Дарьей Софроновной Закоркой и Трофима Ивановича Шамрай съ Меланіей Васильевной Рудченко.

23-го числа старшина братской семьи св. Николая выражаетъ удовольствіе по поводу уменьшенія легкомысленнаго отношенія къ жизни и „зубоскальства“ на лонѣ семьи.

26-го числа въ братской семьѣ св. Іоанна читали хронику и по поводу записи 11-го мая, не только не замѣтили выше упомянутаго нежелательнаго отношенія къ добру и злу, но даже сказали, что хроника записана вполне хорошо.

27-го числа на собраніи Братства было прочитано заявленіе Думы объ отношеніи Блюстителя къ дѣлу. По уставу, обсужденіе этого вопроса и соотвѣтствующія заявленія должны быть повторяемы ежегодно. До сихъ поръ, несмотря на неоднократныя напоминанія мои о необходимости выполнять требованіе устава при моей жизни, чтобы не подать повода неисполнять его по отношенію къ моимъ преемникамъ и послѣ моей смерти, Дума никогда этого не дѣлала, считая это излишнею формальностью по отношенію ко мнѣ. Теперь, по настоятельной моей просьбѣ, это было впервые сдѣлано.

Въ этомъ же собраніи, братъ, виновный въ неприличной выходкѣ, по поводу которой въ хроникѣ семьи св. Іоанна было выражено порицаніе сестрѣ, его остановившей, просилъ прощенія у всего Братства, настолько вина его, по собственному его сознанию, была изъ ряда вонъ выходящею.

28-го мая сдѣлана была сестрѣ Е. В. Вѣлобаба тяжелая операція, благодаря которой она осталась жива, несмотря на преждевременную смерть еще не родившагося ребенка.

1-го іюня на собраніи Братства были объявлены нѣкоторыя постановленія Думы, касающіяся хора и взаимныхъ отношеній братьевъ и сестеръ. Дума постановила нѣкоторымъ братьямъ и сестрамъ сдѣлать выговоры и, какъ говорятъ хроники, собрала для этого „экстренное“ собраніе, чтобы не омрачать первыхъ дней моего пребыванія въ Братствѣ, такъ какъ возвращенія моего изъ за границы ожидали со дня на день.

Несмотря на быстрый духовный ростъ Братства въ послѣднее время, не во всѣ стороны братской жизни успѣли проникнуть добрыя привычки новаго настроенія. Прежняя недисциплинированность съ характеромъ самоувѣреннаго и самодовольнаго своеволія, еще проявляется то въ томъ, то въ другомъ. Такъ, хоръ, отъ котораго такъ много зависитъ красота богослуженія и тихая радость семейныхъ собраній, проявлялъ прискорбное отсутствіе самосознанія и дисциплины: нѣкоторые пѣвцы совсѣмъ не понимали, что это обще-полезное дѣло, а не пустая забава, не личное развлеченіе, позволяли себѣ не повиноваться регенту хора и вообще относились къ дѣлу капризно, по прихоти опаздывая, иногда совсѣмъ не приходя. Регентъ хора обратился по этому поводу съ письменнымъ заявленіемъ въ Думу, прося ее принять мѣры къ установленію должнаго порядка. Это было отрадное явленіе ревности о порученномъ ему дѣлѣ, ревности, слишкомъ рѣдко прежде и имъ самимъ проявлявшейся. Дума не замедлила исполнить его просьбу: сдѣлала выговоры наиболѣе виновнымъ и установила обязательныя правила въ этомъ дѣлѣ на будущее время.

Отсутствіе добровольной дисциплины проявляется иногда еще въ очень рѣзкихъ формахъ. Такъ, нашелся одинъ братъ, который не постыдился громко заявлять о своемъ нежеланіи подчиняться обычаямъ Братства въ области отношеній къ сестрамъ, подъ предлогомъ, что эти обычаи лишаютъ жизнь въ Братствѣ всякой поэзіи. Его попытка романческаго отношенія къ жизни окончилась весьма прозаично, не встрѣтивъ со стороны сестеръ сочувствія его взглядамъ на поэзію. Въ виду того, что этотъ братъ не только не хотѣлъ сообразоваться съ правилами братской жизни, но и громко выражалъ свое нежеланіе имъ подчиняться, Дума нашла полезнымъ громко выразить ему неодобреніе.

2-го іюня на семейномъ собраніи общегитія св. Андрея была проявлена добрая ревность о благѣ Братства строгимъ самоосужденіемъ за неряшливость, братьями по отношенію къ работамъ, а сестрами по отношенію къ хозяйству. Въ этотъ же день, получивъ

извѣстіе о томъ, что я возвращаюсь тяжело больнымъ изъ за границы, Братство просило священника въ храмѣ отслужить молебенъ о моемъ выздоровленіи.

4-го числа я вернулся изъ за границы. Встрѣча, сдѣланная мнѣ, была самою сердечною. Очевидно хотѣли возможно болѣе согрѣть меня любовью. На станціи желѣзной дороги меня встрѣтили многіе представители Братства и школъ цвѣтами и самыми радушными привѣтствіями. Въ Воздвиженскомъ всѣ были собраны въ храмѣ, на паперти котораго дѣти Братства поднесли мнѣ образъ въ вѣнкѣ изъ цвѣтовъ. Отслужили молебенъ. Все это произвело на меня такое ободряющее дѣйствіе, что я выстоялъ весь молебенъ до конца, но вернувшись домой, почувствовалъ себя очень дурно.

Заболѣлъ я по дорогѣ изъ Франціи, почувствовавъ первые признаки прохожденія камней въ Штутгартѣ. Въ Мюнхенѣ 27-го мая боли усилились до того, что я съ тѣхъ поръ до самаго 4-го іюня оставался безъ сна и безъ пищи, испытывая сильнѣйшія боли въ области сердца, почекъ, печени и желудка. Въ Вѣнѣ и въ Кіевѣ, во время продолжительныхъ остановокъ, я обращался за помощію къ докторамъ, но они очевидно не понимали осложненной болѣзни, терялись въ догадкахъ и никакого существеннаго облегченія мнѣ не доставили. Несмотря на невыносимыя боли, я не особенно тяготился моимъ положеніемъ, чувствовалъ себя довольно бодрымъ, переживая исключительное духовное спокойствіе, особый миръ души и глубокое убѣжденіе, что „такъ надо“ и все это „къ лучшему“.

Въ ночь съ 4 на 5 іюня произошло одно изъ самыхъ поразительныхъ явленій изъ всѣхъ, испытанныхъ мною въ области таинственнаго соприкосновенія съ міромъ незримымъ. Считаю долгомъ передъ Богомъ громко исповѣдать это проявленіе милосердной и благодатной силы Божіей. Скажу тутъ же, что именно 27-го мая, въ день, когда я серьезно заболѣлъ, два друга Братства нашего въ Петербургѣ почувствовали непреодолимую потребность молиться обо мнѣ и были въ послѣдствіи несказанно удивлены, когда узнали, насколько я именно въ это время нуждался въ молитвахъ. Молились обо мнѣ и молитвенные кружки Братства и школъ, такъ часто за короткое время своего существованія уже успѣвшіе на разительныхъ примѣрахъ испытать силу молитвы. Былъ отслуженъ молебенъ и священникомъ въ церкви.

Въ ночь послѣ моего приѣзда я чувствовалъ себя особенно дурно физически и особенно хорошо духовно. Боли были такъ сильны,

что о снѣ нечего было и думать, даже лежать я не могъ. Со мною бодрствовалъ мой секретарь, членъ Братской Думы Григорій Герасимовичъ Набоко. Между прочимъ, видя мои страданія, онъ сказалъ мнѣ: „мы такъ усердно молились о васъ и вашемъ здоровіи! Зачѣмъ надо, чтобы вы такъ страдали!“ На это я отвѣтилъ ему приблизительно слѣдующее: „Многое недоступно нашему человѣческому уму; многое, что кажется намъ зломъ для насъ, имѣетъ таинственное, непонятное намъ значеніе и должно быть принимаемо нами со смиреніемъ вѣры. Можетъ быть страданія полезны для души моей. Въ виду этого я даже не люблю молиться о здоровіи, хотя дважды сильныя боли мгновенно прекращались, когда, находясь одинъ за границей, въ безпомощномъ состояніи, я молитвенно сказалъ: „Ты видишь, Господи, положеніе мое, исцѣли меня, если будетъ на то святая воля Твоя“. Въ чемъ я твердо увѣренъ, такъ это въ томъ, что Господь любитъ меня и все твореніе Свое больше и лучше, чѣмъ сами мы умѣемъ любить себя. Силенъ Господь сотворить всякое чудо и совершить его, если будетъ на то святая воля Его, безъ всякой просьбы съ моей стороны, такъ какъ сдѣлать это Онъ можетъ безъ всякаго насилія надъ волею моею. Не только настойчиво просить Его объ этомъ чудѣ, но даже и настойчиво желать его для себя, я не смѣю“. Мы были въ это время въ моей спальнѣ; я сидѣлъ въ большомъ креслѣ, а Г. Г. Набоко около меня и держалъ мою руку въ своей рукѣ, что облегчало страданія мои: всегда ласку человѣческую я чувствовалъ, какъ ласку Божію, съ благоговѣйною любовью принималъ ее, почему она и могла быть для меня реальнымъ облегченіемъ, даже въ минуту тяжелыхъ страданій.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ приведеннаго разговора, во время самаго сильнаго пароксизма боли, когда я молчалъ, а Гр. Гер. Набоко про себя молился обо мнѣ, какъ онъ потомъ мнѣ это сказалъ, я внезапно почувствовалъ настойчивое желаніе перекреститься. Невидимая сила три раза поднимала мою руку для крестнаго знаменія. Это обстоятельство кажется мнѣ особенно замѣчательнымъ. Въ это время я весь поглощенъ былъ испытываемою болью, хотя на сердцѣ у меня было особенно тихо, свѣтло и даже радостно. Другой молитвы, кромѣ этой тихой радости души, во мнѣ не было; болѣе того, я не повиновался и не перекрестился, считая въ эту минуту самое желаніе совершить крестное знаменіе за малодушіе, которое, какъ мнѣ казалось, могло быть соблазномъ для брата, которому я только что передъ тѣмъ говорилъ, что не смѣю молиться о здоровіи и просить чудесъ. Потомъ, въ связи съ собы-

тіями, немедленно послѣдовавшими за тѣмъ, это желаніе перекреститься, не отъ меня исходившее, а настоятельно мнѣ внушаемое, приобрѣло въ глазахъ моихъ совершенно иное значеніе. Очевидно, мой Ангелъ хранитель, или другой вѣстникъ предупреждалъ меня о приближеніи момента, котораго слѣдуетъ встрѣтить крестнымъ знаменіемъ. Повторяю, въ эту минуту я былъ очень далекъ отъ этой мысли, лучшимъ доказательствомъ чему служить то, что я осмѣлился воспротивиться этому внушенію. Непосредственно затѣмъ. я ясно почувствовалъ большую силу, приближавшуюся ко мнѣ отъ большого распятія, находящагося въ моей спальнѣ. Это ощущеніе было настолько реально, что я вполне точно сознавалъ послѣдовательныя разстоянія, на которыхъ эта сила, приближаясь, отъ меня находилась. Она подошла ко мнѣ вплотную и остановилась по правую руку мою. Въ это время я совершенно ясно почувствовалъ, какъ надъ головою моею простерлась рука или крыло и въ то же мгновеніе сильный жаръ, который томилъ меня, разомъ прекратился и я почувствовалъ невыразимо пріятную прохладу. Затѣмъ я ясно почувствовалъ прикосновеніе губъ къ моимъ губамъ, большая сила какъ бы проникла внутрь моего тѣла, коснулась почекъ и на подобіе сильныхъ электрическихъ токовъ, прошла во всѣ внутренніе органы. Подъ вліяніемъ этихъ токовъ я нѣсколько разъ вздрогнулъ; опасаясь, чтобы это не испугало Г. Г. Набоко, я сказалъ ему: „не бойся, мнѣ хорошо“. Разомъ я почувствовалъ себя совершенно здоровымъ. Благоговѣйное умиленіе наполнило мнѣ душу, слезы градомъ лились изъ моихъ глазъ, но нѣсколько минутъ еще я не хотѣлъ ни двинуться, ни заговорить. Душа была полна неизъяснимою благодарною радостію по поводу этого великаго проявленія милосердія Божія и радовалась невыразимому блаженству соприкосновенія съ міромъ незримымъ въ большей степени, чѣмъ самому выздоровленію. Въ эту минуту мнѣ не только дана была сила прожить на землѣ до полнаго завершенія того, что должно быть сдѣлано мною въ дѣлѣ созиданія Братства, но и сила прожить остатокъ дней болѣе радостно, чѣмъ это казалось возможнымъ.

Черезъ нѣсколько минутъ я рассказалъ брату о случившемся, легъ и спокойно заснулъ послѣ многихъ ночей, во время которыхъ я, не только спать, но и спокойно лежать болѣе десяти минутъ не могъ, такъ какъ при лежаніи боли значительно усиливались.

Слава милосердію Твоему, Господи!

Завѣщаю этотъ день, 5-го іюня, любовной памяти Братства

На другой день пріѣхали три доктора, вызванные еще наканунѣ

для консилиума. Они нашли меня совершенно здоровымъ, но чрезвычайно слабымъ, съ признаками параличнаго состоянія желудка, какъ результатъ сильныхъ и продолжительныхъ болей, причиненныхъ прохожденіемъ почечнаго камня. Камень этотъ дѣйствительно черезъ нѣсколько дней вышелъ почти безъ боли, при чемъ остается для меня совершенно непонятнымъ этотъ безболѣзненный выходъ большого камня послѣ нѣсколькихъ дней совершеннаго здоровья.

Вечеромъ слѣдующаго дня по моему желанію было отслужено въ моемъ домѣ благодарственное молебствіе; на немъ присутствовали многіе члены Братства и воспитанники. Очень характерно, что лица, которымъ я рассказалъ подробно о случившемся, даже не объяснили другимъ истинной причины молебствія, а въ хроникахъ событіе это, въ однихъ совсѣмъ и не упомянуто, въ другихъ искажено до неузнаваемости, очевидно безъ желанія записать его возможно точнѣе и подробнѣе. Такъ относимся мы, грѣшное человечество, къ самымъ яркимъ проявленіямъ любви, милосердія, силы и славы Божіей. Мы даже стыдимся ихъ, стыдимся говорить о томъ, за что должны были бы громко исповѣдать Силу Божію, возблагодарить и прославить Его! И все это—дѣло гордости нашей. Мы стыдимся того, что выше разумѣнія нашего, не смѣемъ громко исповѣдать то, за что многіе изъ ближнихъ нашихъ назовутъ насъ „мистиками“—„сновидцами“, однимъ словомъ,—осудятъ и осмѣютъ насъ. Гдѣ же вѣра наша?!—Очевидно мнѣніе людей для насъ въ данныхъ случаяхъ дороже правды исповѣданія силы и славы Божіей!

9-го іюня братская семья св. Андрея дала новое доказательство ревности о благѣ Братства, строго осудивъ легкомысленную болтливость съ характеромъ сплетенъ и рѣшивъ настойчиво бороться съ этимъ зломъ, столь вреднымъ при тѣсной общинной жизни на лонѣ Братства.

17-го числа, въ собраніи Братства я рассказалъ о своемъ заграничномъ путешествіи. Въ этотъ же день, вечеромъ, была на братскомъ кладбищѣ отслужена панихида на могилѣ умершаго годъ тому назадъ, Вити Ключко.

21-го іюня въ Педагогическомъ совѣтѣ мужской школы, я настойчиво просилъ учителей на будущее время болѣе ревниво относиться къ своимъ обязанностямъ воспитателей, стать ближе къ порученнымъ имъ членамъ Старшаго Братскаго Клуба и болѣе прежняго заботиться о воспитаніи ихъ, а черезъ нихъ и младшихъ, въ духѣ вѣры, любви и братства, считая именно это главною своею

обязанностію. Нѣкоторые изъ учителей и прежде добросовѣстно относились къ этому дѣлу, другіе проявляли въ немъ слишкомъ мало доброй ревности, а одинъ, какъ оказалось, совсѣмъ не имѣлъ съ порученными ему никакого общенія. Въ концѣ засѣданія совѣта, сами учителя предложили, чтобы на будущее время, собираясь ежедневно по пятницамъ, засѣданія совѣта имѣли братскій, семейный характеръ и обсуждали, не только поведеніе воспитанниковъ, но и отношеніе самихъ учителей къ воспитанникамъ и своимъ обязанностямъ преподавателей, руководителей работъ и воспитателей.

29-го іюня на братскомъ собраніи, состоявшемся въ мужской школѣ, я подробно изложилъ свои взгляды на значеніе дѣла Братства Трудового, какъ высшей формы систематическаго благотворенія человечеству, синтезирующаго всѣ роды благотворительности въ формѣ самопомощи, исключающей самую возможность безвѣннаго голоданія физическаго, умственнаго и духовнаго вообще, дѣла, отъ котораго можно отвлекаться на дѣло безсистемной благотворительности въ ущербъ ему и благу человечества только по недоразумѣнію. Многіе, подѣ влияніемъ вѣковой рутины, за благотворительность только и признаютъ безсистемное благотвореніе отдѣльными нуждающимся, при чемъ, не только не излѣчивается корень зла—постыдная для христіанскаго міра общественная распыленность на почвѣ грубой экономической борьбы за существованіе, при полномъ отсутствіи добровольной дисциплины любви,—но еще усугубляется зло: усыпляется совѣсть однихъ, узаконяется самая основа корысти и борьбы для другихъ. За добро считается, не разумная организація добра въ жизни, не логичный и честный переходъ отъ основы страха и корысти къ основѣ вѣры, дѣйствующей любовью, а уменьшеніе страданій, причиняемыхъ зломъ, старанія самое зло сдѣлать болѣе терпимымъ, такимъ образомъ, безсрочно его узаконяя. При такихъ обстоятельствахъ самая благотворительность принимаетъ фарисейскій, фальшивый оттѣнокъ: „грабятъ пудами и благотворятъ золотниками“—по злему и мѣткому выраженію гр. Толстого. Грубую экономическую борьбу считаютъ явленіемъ нормальнымъ и неизбежнымъ. Въ этой борьбѣ естественно на одного побѣдителя приходится тысяча, если не больше, побѣжденныхъ. Эти побѣжденные по справедливости, заслуживаютъ такъ же мало сочувствія, какъ и побѣдители. Громадное большинство изъ нихъ совсѣмъ не „униженные и оскорбленные“, несчастные жертвы зла, отъ нихъ не зависящаго. Никакого добра они въ дѣйствительности не желаютъ, говорю это по совѣсти и по опыту жизни, а только желаютъ быть

побѣдителями, а не побѣжденными и самую борьбу проклинають только, какъ побѣжденные, вмѣстѣ съ побѣдителями, въ полномъ единомысліи и единодушій съ ними, признавая *все таки* самую борьбу явленіемъ естественнымъ и неизбѣжнымъ, а мирный, безкорыстный трудъ на пользу общую, на лонѣ Братства Трудового, за „противуестественную и ни мало не желательную утопію“.

Для насъ, созидающихъ новую жизнь на основѣ вѣры, мира и братолюбія, необходимо ясно понимать все это, чтобы самое служеніе наше Братству было дѣломъ сознательной вѣры, сознательнаго убѣжденія, а не сдѣлкою съ совѣстью, какъ это было бы, если бы мы не понимали, что, созидая Трудовое Братство, мы не отвлекаемся отъ другихъ родовъ благотворительности, какъ это кажется многимъ, а работаемъ на осуществленіе въ жизни высшей, болѣе разумной формы благотворенія человѣчеству. Только тогда мы будемъ крѣпки въ любви, въ вѣрности и самоотверженіи въ нашемъ положеніи пионеровъ созиданія *нормальной* жизни на началахъ вѣры, любви и единенія въ братолюбіи, будемъ понимать, что промѣнять это дѣло на какое либо другое, успокаивая совѣсть свою какою либо формою безсистемной благотворительности, для насъ ни практично, ни умно, ни логично, а пока мы одни работаемъ на дѣло созиданія Трудового Братства, еще и преступно, какъ передъ Богомъ, такъ и по отношенію ко благу человѣчества. Мы преступно и глупо отвлекали бы и силы и средства отъ дѣла, предотвращающаго самую возможность безвинныхъ страданій на землѣ, содѣйствующаго вѣчному благу душъ живыхъ въ жизни загробной, для меньшаго дѣла, которому и безъ насъ такъ многіе служатъ: дѣлу безсистемной благотворительности, залѣчивающей раны, наносимыя тѣмъ строемъ жизни, отъ котораго мы ушли въ Братство Трудовое. Мы тѣмъ вступили бы на путь самообмана и подкупа общественнаго мнѣнія, затемняя въ то же время для другихъ пониманіе того, что именно дѣло созиданія Трудового Братства и есть наиболѣе разумная и цѣлесообразная форма благотворительности, уничтожающая самое зло въ корнѣ вмѣсто того, чтобы заниматься безнадѣжнымъ дѣломъ „вычерпывенія воды изъ моря ковшикомъ“. Въ человѣчествѣ и такъ слишкомъ много злого *недомыслия*.

Будемъ же сознательно употреблять всѣ силы и средства, какія имѣемъ на созиданіе Братства Трудового и расширеніе его дѣятельности, на основаніе новыхъ братскихъ школъ и новыхъ трудовыхъ братствъ, предоставивъ инымъ формы благотворенія тѣмъ, кто мирится съ небратскимъ строемъ жизни, считаетъ его явленіемъ

нормальнымъ и тѣмъ обрекаетъ себя на залечиваніе ранъ, наносимыхъ излюбленною имъ формою экономической жизни.

1-го іюля въ Братствѣ отпразднована была свадьба Е. А. Столяренко, сестры члена нашего Братства А. А. Павловой, со студентомъ Кіевской Духовной Академіи А. Н. Филаретовымъ. Е. А. Столяренко прогостила болѣе мѣсяца у сестры, работала вмѣстѣ съ сестрами на общежитіи св. Іоанна, полюбила Братство и пожелала отпраздновать свою свадьбу въ немъ.

Въ этотъ же день пріѣхали изъ Харькова курсисты съ двумя учителями Харьковскаго С.-Х. училища. По окончаніи агрономическихъ курсовъ, они обязываютъ наиболѣе интересныя хозяйства сосѣднихъ губерній, пріѣхали и къ намъ осматрѣть хозяйство Братства и школы.

3-го іюля Педагогическій Совѣтъ мужской школы нашелъ нужнымъ двухъ воспитанниковъ старшаго класса С. М. и М. Х., не исключая ихъ изъ школы, чтобы не лишать аттестата, удалить отъ всякаго общенія съ товарищами, великодушіемъ и долготерпѣніемъ которыхъ они слишкомъ злоупотребляли, оказывая въ то же время вредное вліяніе на младшихъ, безхарактерныхъ и неуставившихся. Имъ отвели квартиру въ гостиницѣ для пріѣзжающихъ и поставили въ положеніе практикантовъ при Воздвиженскомъ имѣніи.

6-го іюля тотъ же совѣтъ потребовалъ отъ брата-эконома повинновенія и признанія авторитета брата-управляющаго школою. Отмѣчаю этотъ фактъ, такъ какъ по поводу его я долженъ обратить вниманіе всего Братства на зло, прежде очень распространенное и до настоящаго времени еще не вполне искоренившееся. Оно состоитъ въ совершенно ложномъ пониманіи братскаго равенства. Враги Братства желали бы смѣшать его съ социализмомъ и даже анархіей. Мы, для которыхъ оно—потребность вѣры, любви, разума и совѣсти, должны ясно понимать неизгнѣримую разницу между дѣломъ мира, любви и смиренія христіанскаго братства и дѣломъ гордости, зависти и своеволія революціоннаго социализма и анархической общины. Христіанское братство понимаетъ равенство въ смыслѣ равноправія торжествующей любви, для которой нѣтъ ни знатнаго, ни простолюдина, ни богатаго, ни бѣднаго, ни великоросса, ни малоросса, „ни мужчины, ни женщины, но всяческая и во всѣхъ Христосъ“, нѣтъ никакихъ препятствій для братолюбія, для честнаго признанія всѣхъ братьями, не существуетъ никакихъ законныхъ отговорокъ отъ христіанскаго долга любить и всю жизнь во всей ея совокупности организовать на братскихъ началахъ. Анар-

хическая община понимает равноправіе, какъ общее право на своеволие и безначаліе. Христіанская община, которая не сознавала бы этого различія, быстро выродилась бы въ анархическую, стала бы вреднымъ явленіемъ соціальной жизни. Отдѣльные члены христіанской общины, не сознающіе этого различія, не только оказались бы неспособными созидать жизнь Братства, но обязательно стали бы въ ней вредными элементами, внося смуту и раздоръ въ общую жизнь, отстаивая, отъ созидающихъ порядковъ жизни Братства, свое мнимое право на своеволие. Въ христіанскомъ братствѣ одинъ хозяинъ—Богъ Живой, Христосъ, сказавшій: „Я и Отецъ — одно“. Всѣ мы, члены христіанскаго братства, одинаково обязаны признавать этотъ авторитетъ, подчинять волю свою, Его волѣ и честно относиться къ Хозяину міра, Вѣчной Главѣ Церкви и Братству. Всѣ равноправны въ томъ смыслѣ, что всѣ могутъ достигнуть того же положенія, той же власти, быть избранными членами Братской Думы, старшиною братской семьи, Блюстителемъ Братства. Право на власть зависитъ отъ того, насколько человѣкъ сталъ Божіимъ, насколько въ немъ отобразился Христосъ, насколько онъ сталъ „Богососцемъ“,—„Христоносцемъ“. На своеволие никто права не имѣетъ. Какъ „Богоносецъ“ отказался отъ своеволія, сознательно подчинивъ волю свою волѣ Единого Хозяина Братства и всего міра, такъ и всѣ остальные члены Братства обязаны отказаться отъ своеволія, сознательно подчиняясь руководству, въ дѣлѣ созиданія Братства, избранниковъ его. Никакіе личные недостатки, замѣчаемые въ лицахъ, облеченныхъ властію въ Братствѣ, не могутъ извинять своеволія по отношенію къ нимъ въ области имъ порученной, такъ какъ и „Богоносцы“—не ангелы и „Богоносцы“ они не потому, что стали богами, а потому, что сравнительно съ другими, болѣе сознательно подчинили волю свою волѣ Божіей, болѣе другихъ сознательно несутъ крестъ Братства Трудогового во слѣдъ Христу, болѣе другихъ возлюбили Братство и ревнуютъ о благѣ его. На пониманіи этихъ азбучныхъ истинъ зиждется стройная гармонія братской жизни, устойчивый порядокъ добровольной дисциплины любви. Анархическая община представляетъ изъ себя прямую противоположность. Самые слова: „хозяинъ“, „авторитетъ“, „порядокъ“, „власть“ находятся въ непримиримомъ противорѣчій съ самымъ понятіемъ „анархія“.

Въ настоящее время, когда вѣковая анархія умовъ и сердецъ, прежде искусственно скованная принудительными мѣрами чисто внѣшней дисциплины страха и корысти, съ каждымъ днемъ все

свободнѣе проявляется наружу, внося анархію въ жизнь, многіе наивно считаютъ это проявленіе анархій чуть не за новое изобрѣтеніе современной культуры; анархія — мода, она въ воздухѣ, ею дышать. Именно теперь, при этихъ обстоятельствахъ, человѣчество особенно нуждается въ христіанскомъ братствѣ, созидающемъ стройный порядокъ жизни на основѣ добровольной дисциплины, на мѣсто прежняго, призрачнаго, подневольнаго. Горе тому братству, которое не дорастетъ до братскаго самосознанія, не будетъ дорожить своими характерными особенностями. Оно совершитъ надъ собою самоубійство, подмѣнитъ красоту стройной гармоніи христіанскаго братства безобразіемъ хаоса жизни и отношеній анархической общины и быстро дезорганизуется, какъ нелѣпость организаціи, мѣшающей свободѣ узаконеннаго своеволія! Горе и тѣмъ, кто, по недомыслию, на лонѣ христіанскаго братства будетъ исповѣдовать анархическіе взгляды. Они не найдутъ удовлетворенія въ братской жизни, заставятъ власти Братства защищать общее дѣло отъ вредной закваски ихъ недомыслия и, въ концѣ концовъ, обязательно измѣнятъ Братству, сбросятъ съ себя непосильное и безмысленное для нихъ бремя, несмотря на личные симпатіи къ нѣкоторымъ членамъ Братства, ради которыхъ они дорожили самымъ Братствомъ и впадали въ самообманъ, принимая капризы личныхъ симпатій за вѣрность Братству и братскимъ началамъ.

Такъ и въ нашемъ Братствѣ всѣ равноправны въ томъ смыслѣ, что имѣютъ равныя права стать властью. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ не всѣ понимаютъ, что для осуществленія этого права надо прежде всего стать „богососцемъ“, что право на власть въ Братствѣ должно быть въ прямой зависимости отъ того, насколько человѣкъ сталъ „богососцемъ“ и что опредѣленіе этой степени должно принадлежать „богососцамъ“, а не большинству тѣхъ, кто еще ими не сталъ. Далеко не всѣ понимаютъ и то, что въ Братствѣ особенно обязательно помнить слова Апостола: „нѣсть власти, аще не отъ Бога“—„Бога бойтесь, Царя чтите, всѣхъ почитайте, Братство любите“ — „Властямъ должно повиноваться не изъ страха только, но и по совѣсти“. Не всѣ еще понимаютъ, что въ Братствѣ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо обязаны добровольно оказывать повиновеніе и уваженіе властямъ, не унижая себя до извиненія своего своеволія братскимъ равенствомъ, во имя котораго, при наличности братскаго самосознанія, каждый братъ и обязанъ повиноваться всякому, облеченному властію въ Братствѣ, тою властію, которою и онъ по братской равноправности можетъ быть облеченъ, когда заслужитъ

довѣрія къ себѣ со стороны Думы. Порядокъ въ Братствѣ только и зиждется на добровольной дисциплинѣ любви. Власть брата должна быть признаваема не менѣе, а болѣе охотно, чѣмъ власть начальника признается внѣ Братства. Дисциплина, которая внѣ Братства достигается разнообразными взысканіями за ея нарушеніе, въ Братствѣ должна быть простою логикою любви къ Богу, Братству и братьямъ. Должно понимать, что не надо вступать въ Братство, не имѣя уваженія и довѣрія къ Думѣ, не признавая ея авторитета, сомнѣваясь въ томъ, что ея члены являются въ Братствѣ по преимуществу „богоносцами“. Вступивъ въ Братство, разумно и логично только одно: съ любовью и довѣріемъ, признавая авторитетъ его „богоносцевъ“, стараться стать самому „богоносцемъ“ и въ ихъ рядахъ дружно, совмѣстно съ ними, какъ Божіе дѣло, созидать братскую жизнь. Отстаивать отъ нихъ свое право не быть „богоносцемъ“, предъявляя при этомъ мнимое право на своеволие—роковая ошибка наивнаго человѣка, желающаго анархіи и, по недоразумѣнію, заблудившагося, попавъ въ христіанское Трудовое Братство. Въ это недостойное положеніе ставили себя раньше слишкомъ многіе, къ сожалѣнію ставятъ себя иногда нѣкоторые члены Братства и теперь, не умѣя заставить себя добровольно повиноваться требованіямъ облеченныхъ властію въ Братствѣ, подъ предлогомъ братскаго равенства, позволяя себѣ своеволие, иногда — прямое ослушаніе и обижаясь на брата, котораго сами заставили принять начальническій тонъ, не признавая добровольно его власти, пока онъ говоритъ, какъ братъ и другъ.

Во имя блага Братства, мира, единенія и тихой радости жизни на лонѣ Братства, умоляю всѣхъ братьевъ и сестеръ обдумать этотъ вопросъ первостепенной жизненной важности; это поможетъ разумно и логично отнестись къ себѣ и Братству, твердо стать на путь созиданія его и тѣмъ обезпечить мирное и радостное существованіе, духовную уютность на лонѣ его.

7-го іюля пріѣхалъ познакомиться съ Братствомъ студентъ Московской Духовной Академіи П. Н. В., съ большою любовью отнесся къ намъ и строю нашей жизни, горячо говорилъ о томъ, какое нравственное значеніе имѣетъ самый фактъ существованія Трудового Братства для людей, живущихъ на сторонѣ отвлеченными идеалами вѣры и любви. Онъ принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ собраніяхъ, бывшихъ при немъ. Съ тѣхъ поръ, вернувшись въ академію, онъ многообразно доказывалъ намъ устойчивость своего сочувствія

братскимъ началомъ жизни, моимъ сочиненіямъ и самому дѣлу Трудового Братства.

11-го іюля праздновали день именинъ братской семьи св. Ольги, сестры Ольги Николаевны и нѣкоторыхъ другихъ сестеръ и воспитанницъ. Состоялось освященіе новаго общежитія св. Ольги и отслуженъ былъ молебенъ.

Вечеромъ мы, съ А. Г. Коломейченко, который назначенъ сопровождать меня въ Петербургъ, простились съ Братствомъ.

12-го іюля родилась у М. М. Павлова дочь Агнеса. Въ этотъ же день мы выѣхали въ Петербургъ, гдѣ мнѣ предстояло хлопотать въ министерствѣ Финансовъ о безмездной передачѣ недвижимаго имущества Братству и печатать второй томъ полнаго собранія моихъ сочиненій. Вечеромъ, послѣ нашего отъѣзда случился большой пожаръ въ сосѣднемъ селѣ Гремячкѣ. Братство оказало существенную пользу, явившись на пожаръ съ трубами.

14-го іюля пріѣхалъ корреспондентъ большой столичной газеты съ порученіемъ познакомиться со мною и Братствомъ на мѣстѣ. 16-го числа онъ прочелъ Братству рефератъ объ Англіи, ея жителяхъ, обычаяхъ страны и промышленности.

17-го іюля, несмотря на страдную пору и усталость многихъ проработавшихъ цѣлый день, почти всѣ собрались вечеромъ поздравить матушку Александру Николаевну съ днемъ ея рожденія и съ нею помолиться за молебномъ, отслуженномъ по общему желанію о. Я.

22-го числа праздновали тезоименитство Государыни Императрицы Маріи Θεодоровны, день церковнаго торжества открытія Братства и именины сестры Маріи Николаевны. Утромъ была отслужена литургія. Въ женской школѣ днемъ состоялось литературно-музыкальное утро. Въ 7 часовъ вечера въ паркѣ, подъ открытымъ небомъ былъ отслуженъ молебенъ, о которомъ многіе сохранили самую трогательную память. Присутствовавшая при этомъ, добрый другъ нашего Братства Е. И. В., рассказывала мнѣ о томъ въ Петербургѣ, какъ объ одномъ изъ самыхъ яркихъ впечатлѣній, полученныхъ ею во время пребыванія въ Братствѣ.

25-го числа пріѣхалъ уполномоченный отъ Министерства Земледѣлія А. Р. Череповъ съ братомъ и членъ соревнователь нашего Братства священникъ о. Константинъ Рознатовскій.

28-го числа вторично посѣтилъ Братство профессоръ С.-Петербургской Духовной Академіи, Протоіерей о. Сергій Соллертинскій. Въ этотъ же день получена отъ меня изъ Петербурга телеграмма

съ извѣстіемъ о кончинѣ бывшаго Министра Земледѣлія М. Н. Островскаго, всегда съ любовью относившагося ко мнѣ и нашимъ школамъ. При немъ были основаны обѣ школы наши; ему онѣ обязаны Высочайшимъ дозволеніемъ приглашать на должности преподавателей специальныхъ предметовъ бывшихъ воспитанниковъ своихъ. На другой день была отслужена по немъ въ нашемъ храмѣ панихида.

31-го іюля состоялось конкурсное испытаніе поступающихъ въ женскую сельско-хозяйственную школу, и пріѣхалъ изъ Петербурга готовящійся замѣстить о. Сергія Соллертинскаго по кафедрѣ Пастырскаго Богословія и Педагогикѣ въ С.-Петербургской Духовной Академіи, В. В. Успенскій.

1-го августа состоялось конкурсное испытаніе поступающихъ въ мужскую школу.

5-го августа происходило прощаніе воспитанниковъ и воспитанницъ съ оканчивающими курсъ товарищами и подругами. Въ мужской школѣ присутствовали при этомъ гости Братства и были глубоко тронуты тѣмъ, что видѣли и пережили.

6-го числа былъ праздникъ Преображенской школы, состоялся выпускной актъ и вечеромъ водвореніе новыхъ братьевъ и сестеръ на братскія общежитія. На актѣ, кромѣ обычныхъ чтеній отчетовъ, привѣтствій и прощальныхъ рѣчей, на этотъ разъ сказалъ горячую рѣчь, полную любви и добрыхъ пожеланій Братству и школамъ, В. В. Успенскій, самъ заслужившій общую любовь своею сердечною чуткостью и просвѣщенной отзывчивостью.

7-го августа В. В. Успенскій въ собраніи Братства прочелъ рефератъ о покойномъ профессорѣ С.-Петербургской Духовной Академіи—Болотовѣ, рефератъ, столь же богатый по содержанію, какъ и блестящій по формѣ, произведшій на многихъ глубоко отрадное впечатлѣніе.

11-го августа Е. М. Петровскій получилъ разрѣшеніе отъ Братства остаться жить въ немъ на цѣлый годъ на правахъ испытуемаго.

Въ ночь на 15 число умерла отъ крупознаго дифтерита маленькая Оля Ивченко. Какъ только опредѣлилась болѣзнь, ее изолировали; несмотря на это, очень боялись за другихъ дѣтей. Къ счастью, кромѣ нея, никто не заболѣлъ и за участь прочихъ дѣтей скоро успокоились.

18 числа старшина братской семьи св. Іоанна призываетъ семью къ большей сплоченности и сердечному единенію, отсутствіе котораго можетъ сдѣлать жизнь безрадостною.

19-го августа состоялось собраніе Братства, въ которомъ А. И. Фурсей, какъ предсѣдатель хозяйственнаго совѣта, объявилъ о рѣшеніи совѣта, по временамъ дѣлать для Братства обзоръ текущихъ хозяйственныхъ дѣлъ и сдѣлалъ первое сообщеніе въ этомъ направленіи. Въ этомъ же собраніи, однимъ изъ бывшихъ учениковъ о. Сергія Соллертинскаго по С.-Петербургской Духовной Академіи, было сдѣлано сообщеніе объ ученыхъ заслугахъ этого выдающагося богослова и недавняго гостя Братства, съ цѣлю дать возможность по достоинству оцѣнить его и его отношеніе къ Трудовому Братству.

26 числа на собраніи Братства обсуждался распорядокъ празднованія дня моего рожденія, которому на этотъ разъ Братство рѣшило придать характеръ юбилея, въ виду наступленія пятидесятилѣтней годовщины со дня моего рожденія и двадцатилѣтія съ начала моего вступленія на путь практическаго осуществленія братскихъ идеаловъ въ жизни.

Такъ часто я теперь хвораю, что, опасаясь не дожидаться другого юбилея, друзья и братья рѣшили устроить семейный праздникъ теперь же не только безъ всякаго officialнаго характера, но и не уведомивъ о томъ почти никого изъ друзей Братства. Хотѣли согрѣть меня любовью, доказать, что прошлаго и слѣда не осталось и, по возможности, изгладить память о тяжелыхъ скорбяхъ, столь дурно отозвавшихся на моемъ здоровьѣ. На этомъ же собраніи А. Г. Коломейченко, прежде меня вернувшійся изъ Петербурга, рассказывалъ о своихъ впечатлѣніяхъ во время путешествія.

31-го августа на собраніи семьи св. Андрея, старшина семьи, Н. И. Ивченко и братъ Г. Г. Набоко призывали всѣхъ относиться болѣе дѣятельно, съ болѣе живымъ участіемъ къ еженедѣльнымъ собраніямъ семьи, безъ чего эти собранія не могутъ приносить существенную пользу и имѣть желательный характеръ добраго, радостнаго и сердечнаго братскаго общенія.

Въ этомъ мѣсяцѣ нѣсколько разъ, въ разныхъ братскихъ семьяхъ поднимался вопросъ о дѣтяхъ, о ихъ воспитаніи и характерѣ желательныхъ къ нимъ отношеній. Въ Братствѣ подобные вопросы имѣютъ естественно не теоретическій характеръ, въ своей отвлеченности никого не затрагивающій, а практическій характеръ самообличенія, предъявленія категорическихъ требованій самоограниченія, „чтобы не давать дурныхъ примѣровъ“, напominанія о нравственныхъ обязанностяхъ, что не всѣмъ одинаково правится и вызываетъ иногда разногласіе. Самое самостоятельное возникновеніе этихъ вопросовъ, не можетъ не быть признано очень отраднымъ

явленіемъ, свидѣтельствуешь о пробужденіи братскаго самосознанія, ревности о благѣ Братства и желаніи честно созидать общую жизнь.

Всего долѣе проявлялось отсутствіе братскаго духа въ нѣкоторыхъ изъ членовъ братской семьи св. Николая. Происходило это, главнымъ, образомъ отъ того, что нѣкоторые изъ учителей стали придавать преувеличенное значеніе жизни разума, неумѣренно предавались чтенію всякихъ книгъ, недостаточно вдумчиво относясь къ ихъ содержанію. Считая себя интеллигенціей Братства, они вообразили для себя долгомъ „культурныхъ“ людей, возможно болѣе приобщиться обще-культурной жизни окружающаго насъ общества, не придавая должнаго значенія моимъ настойчивымъ указаніямъ на то, что современная культура чисто языческая, за малыми исключеніями, безбожная и анти-братская, вся пропитанная матеріализмомъ, нищеніанствомъ, марксизмомъ и, въ лучшемъ случаѣ, гуманизмомъ—языческимъ обоготвореніемъ человѣчества. Читали они много и безъ разбора, относясь къ тому, что читали, не въ достаточной степени критически съ точки зрѣнія вѣры и братства. Не этими критеріями они руководствовались и при оцѣнкѣ людей, съ которыми имѣли дѣло, какъ на лонѣ Братства, такъ и въ своихъ сношеніяхъ съ внѣшнимъ міромъ путемъ переписки и личнаго общенія. Такимъ образомъ, они становились все болѣе своими людьми для представителей „міра сего“, все болѣе чужими для меня и моихъ идеаловъ,—вѣры и братства. Они сами стали думать и чувствовать не по вѣрѣ, не по братству, а по ходячимъ рутиннымъ шаблонамъ современной культуры. Именно по этимъ шаблонамъ они стали понимать „свободу индивидуальности“—„права личности“—право на „широкое развитіе личности и свободу ея проявленій“—„скептическое отношеніе къ добру и злу“—„ненависть ко всякимъ формамъ и формальностямъ“—„доблесть всякой оппозиціи“—„несочувствіе всякой организаціи, стѣсняющей свободу личности“ и т. д. Неудивительно, что именно они „доразвившись до скептического отношенія къ добру и злу“, стали сами проявлять наибольшую распушенность и относиться ко всякому злу съ наибольшею „терпимостью“. Этимъ путемъ люди, проявлявшие себя съ лучшей стороны въ школѣ, люди, которымъ я нашелъ возможнымъ оказать высшее довѣріе, до того утратили пониманіе своихъ нравственныхъ обязанностей относительно меня и Братства, что вынудили меня, послѣ многихъ усовѣщаній и предупрежденій, назначить годовой срокъ, послѣ котораго, если они не опомнятся, я не буду долѣе терпѣть ихъ въ положеніи учителей при школѣ. Въ эпоху смутнаго времени

именно они сыграли самую грустную роль. По хроникамъ легко прослѣдить, какъ зло отъ нихъ разливалось во всѣ стороны.

Съ тѣхъ поръ, самые самодовольные въ своей одичалости, съ братской точки зрѣнія, ушли отъ насъ, постаравшись, уходя, сдѣлать возможно больше зла Братству, другіе опомнились въ роковую минуту, когда пришлось выбирать между поканіемъ и окончательнымъ разрывомъ съ Братствомъ. Въ семью вошли новые здоровые элементы, не всѣ однако въ достаточной степени сбросили съ себя „ветхаго чловѣка“. Люди, одичавшіе до шаблона „культурнаго чловѣка по обычаю міра сего“, не такъ легко превращаются въ „культурнаго чловѣка по обычаю вѣры и братства“.

Обращаю вниманіе братской семьи св. Николая на то, что вся она нравственно отвѣтственна за попустительство зла и недостатокъ ревности въ борьбѣ со зломъ, благодаря чему могли до того дойти нѣкоторые изъ ея сочленовъ, могутъ быть потеряны для дѣла Братства и другіе. Слишкомъ часто и нѣкоторые изъ сестеръ этой семьи проявляли полное отсутствіе ревности о благѣ Братства, дѣйствовали въ духѣ грубаго личнаго и семейнаго эгоизма и изумляли свою самоувѣренностью и самодовольствомъ, при полномъ отсутствіи всѣхъ братскихъ добродѣтелей: вѣры, дѣйствующей любви, терпѣнія, великодушія, кротости, смиренія и трудолюбія.

Можно подумать, что при такомъ настроеніи нѣкоторыхъ изъ учителей должно было сильно страдать дѣло школы. Несомнѣнно, что это неблагоприятно отражалось и на школѣ, было большимъ тормазомъ на пути ея духовнаго роста. Нѣкоторые изъ старшихъ воспитанниковъ оставались безъ должнаго руководства, болѣе того, видѣли, вѣрише сказать, чувствовали отсутствіе братскаго самосознанія и братскаго настроенія въ учителяхъ, которымъ были поручены. Несомнѣнно школа быстрѣе возрастала бы въ направленіи идеала тѣсно сплоченной братской семьи, съ характеромъ малой церкви Божіей, если бы всѣ учителя сами были этою тѣсно сплоченною братскою семьей съ характеромъ малой церкви Божіей. Многие выходили бы изъ школы болѣе окрѣпшими въ добрѣ, лучше, болѣе цѣльно подготовленными къ жизни на лонѣ Братства. Сколько ушло на сторону, получивъ, съ большими затратами матеріальными и еще большими трудами духовными, спеціальную подготовку къ тому, чтобы стать полезными пионерами въ дѣлѣ созиданія Трудового Братства! Всѣ эти средства, вся эта духовная энергія, предназначенныя на дѣло Братства и утраты для него, канули въ пучину моря житейскаго! Великая отвѣтственность за то лежитъ на

тѣхъ изъ учителей, которые злоупотребили оказаннымъ имъ довѣріемъ, не ревновали о Богѣ, правдѣ Его и созиданіи братства въ жизни! На ихъ совѣсти лежатъ многіе ушедшіе на сторону, не понявъ правду братства, многіе вошедшіе въ Братство съ двоящимися умами и сердцами, не способными чувствовать себя нравственно удовлетворенными на дѣлѣ служенія святыи и добру, многіе, измѣнившіе Братству, промѣнявъ его на рутину анти-братской жизни и положеніе піонеровъ Братства, на положеніе учителей сельскихъ и городскихъ училищъ, приказчиковъ и наемныхъ служащихъ! Капиталъ духовный и матеріальный, предназначенный на дѣло созиданія Трудового Братства на лонѣ Православной Россіи, слишкомъ часто растрчивался такимъ образомъ, обращаясь на пользу личнаго и семейнаго эгоизма!

Не смотря на все это, школа, хотя и медленно, но неуклонно духовно возрастала, давая каждый годъ лучшіе результаты. Даже въ самое смутное время, пережитое Братствомъ, школа не поддавалась духовной заразѣ. Главную заслугу въ этомъ дѣлѣ я приписываю организаціи дѣла воспитанія на лонѣ школы. Если бы, какъ предлагали люди, тяготившіеся этою организаціей, она была упразднена, школа осталась бы безоружною противъ зла и зло могло бы свободно въ нее проникнуть. Именно стройная организація добра на лонѣ школы, настолько спланивала ее, настолько стѣсняла свободу проявленія и пропаганды въ ней зла, что она устояла и, даже въ самыя худшія времена, была чужда тѣхъ грубыхъ проявленій зла, которыя въ большинствѣ школъ нашего отечества и всей высоко-культурной Европы, представляютъ явленія самыя заурадливыя.

То же я имѣю право сказать и о Братствѣ. Люди, которые, прочтя мои отчеты, строго осудили бы піонеровъ Братства за ихъ настроеніе, впали бы въ ошибку, предполагая, что самая организація Братства не возвышала, не облагораживала, не сдерживала, даже и самыхъ худшихъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока они оставались на лонѣ ея, не измѣняли ей окончательно. Съ точки зрѣнія идеала Братства нѣкоторые изъ нихъ были ниже всякой критики. Съ точки зрѣнія рутинной окружающей насъ жизни, это были люди не дурные. Сдерживающая сила самой организаціи жизни Братства такъ велика, что даже эти, очень дурные съ точки зрѣнія Братства, люди никогда не проявляли зла на лонѣ Братства въ тѣхъ грубыхъ формахъ, въ которыхъ внѣ Братства оно заурадно проявляется. Болѣе того, многіе изъ тѣхъ, которые ушли

изъ Братства, находя жизнь въ немъ слишкомъ стѣсняющею ихъ анти-братскую индивидуальность, даже тѣ, которые были исключены изъ Братства, какъ вредная закваска, не измѣнившись къ лучшему, признаются внѣ Братства людьми порядочными и вполне нравственными.

Говоря это, я не хочу сказать, что мы много лучше окружающаго насъ общества; особенно не хочу сказать, что мы болѣе его извинительны. Напротивъ, самая организація Братства настолько облегчаетъ намъ добро и ограждаетъ насъ отъ зла, что мы, проявляя самодовольство во злѣ на лонѣ Братства, не болѣе, а менѣе извинительны, чѣмъ тѣ, которые внѣ Братства проявляютъ зло и въ болѣе грубыхъ формахъ. Лучше то, что мы, отъ жизни „по обычаю міра сего“, перешли къ стройной организаціи жизни „по вѣрѣ, дѣйствующей любовью“, отъ жизни на основахъ страха и корысти, къ жизни на основѣ любви. Вотъ и вся наша заслуга: мы Христа предпочли Варравѣ. И то заслуга только тѣхъ, которые не со скрежетомъ зубовъ, а съ радостною любовью остаются на сторонѣ Христа, смиренно сознавая, что въ томъ ихъ честь, а не они дѣлаютъ честь Христу, которые сознательно избираютъ идеалъ вѣры и братства и остаются ему вѣрными до конца: „претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ“. Все остальное не наша заслуга, а дѣйствіе благодати Божіей и заслуга организаціи жизни, завѣщанной намъ мудростію Его и логично вытекающей изъ завѣтовъ Единаго Учителя—Христа; жизни по мысли Божіей.

Даже и тѣхъ, кто не отозвался умомъ и сердцемъ на этотъ призывъ, не захотѣлъ отдать всего себя и всю жизнь свою на дѣло Божіе даже и на лонѣ Братства не сталъ „богоносцемъ“, даже временное соприкосновеніе съ этою организаціей, сравнительно, облагораживаетъ и возвышаетъ, застраховываетъ отъ слишкомъ грубыхъ проявленій зла. Они опалены святынею, къ которой безъ благоговѣнія прикасались, которую не полюбили; они болѣе несчастны и болѣе виновны, чѣмъ тѣ, которые съ нею не соприкасались, но они все-же лучше ихъ по внѣшнимъ проявленіямъ. Они лучше и хуже одновременно. Хуже въ очахъ Божіихъ: „Если бы не видѣли и не слышали, то не имѣли бы грѣха, а теперь не имѣютъ извиненія во грѣхѣ своемъ, потому что и видѣли и слышали, и возненавидѣли и Меня и Отца Моего Небеснаго“; Варраву предпочли Христу. Они лучше въ очахъ людей; менѣе вредны для человѣческаго общежитія, но не для душъ человѣческихъ, для которыхъ они служатъ живымъ соблазномъ, промѣнявъ Христа на Варраву,

жизнь „по вѣрѣ, дѣйствующей любовью“, на жизнь „по обычаю міра сего“. Они опалены святынею и въ то же время носятъ на себѣ отблескъ славы ея.

Скажутъ: „да развѣ въ жизни, окружающей Братство нѣтъ Церкви, нѣтъ церковной организаціи, нѣтъ святыни?“ — Есть и Церковь, и церковная организація, и святыня, есть и христіане, опаленные этою святынею. Братство наше не новая Церковь, а малая Церковь на лонѣ великой Церкви Православной, органическая часть ея. Отличительная черта этой малой Церкви въ томъ, что она дѣлаетъ новый шагъ на пути повиновенія Матери—Церкви и завѣтамъ Единого Вѣчнаго Главы Ея—Христа. Насколько организація жизни и труда на основѣ „вѣры, дѣйствующей любовью“, болѣе осуществляетъ христіанскую правду, нежели организація жизни и труда на всякихъ иныхъ основахъ, настолько организація эта является дѣломъ высшаго повиновенія мірянъ Матери—Церкви Православной, настолько болѣе святыня Ея опалаетъ однихъ и помогаетъ другимъ стать „богоносцами“, смотря потому, какъ кто къ ней относится.

До 10-го сентября общихъ собраній не было. По праздникамъ всѣ были заняты спѣвками и подготовленіемъ къ „юбилею“, въ которомъ очень многіе пожелали принять дѣятельное участіе.

7-го сентября я вернулся изъ Петербурга и опять тяжело заболѣлъ. По милосердію Божию во весь день 11-го сентября былъ полный перерывъ страданій; весь день, съ утра и до самого вечера, я чувствовалъ себя совершенно бодрымъ и не испытывалъ никакихъ болей, что дало мнѣ возможность не разстроить праздникъ, не нарушить радость и моихъ друзей и самому радоваться ихъ радостью и многочисленнымъ проявленіямъ ихъ любви. До того и послѣ того боли были настолько сильны, что въ ночь на 11-е сентября и въ слѣдующую за тѣмъ ночь съ 11-го на 12-е мнѣ принуждены были дѣлать подкожныя вспрыскиванія морфія.

Не буду подробно описывать праздникъ, устроенный моими друзьями и братьями 11-го числа. Какъ я уже сказалъ, это не былъ официальный юбилей, кѣмъ либо разрѣшенный. Это былъ чисто семейный праздникъ, при благосклонномъ участіи не многихъ изъ друзей Братства, случайно о немъ узнавшихъ. Навсегда онъ останется для меня дорогою памятью Божіей и братской ласки, дорогою памятью о чудномъ проявленіи силы благодати Божіей, объединившей въ одинъ дружескій порывъ любви тѣхъ, многіе изъ которыхъ, еще годъ передъ тѣмъ, были такъ далеки и отъ этой

любви и отъ этого единодушія, дорогою памятью яркаго проявленія любви со стороны тѣхъ, чья любовь для меня всего дороже на землѣ, ради которыхъ я отказался отъ многихъ радостей жизни, промѣнявъ эти радости на радость братскаго общенія съ ними.

Всѣ мы были глубоко тронуты любовью и честію, оказанными намъ уважаемымъ о. Сергіемъ Соллертинскимъ, на этотъ день вновь прибывшимъ изъ Петербурга представителемъ отъ небольшой группы Петербургскихъ доброжелателей, случайно узнавшихъ о праздникѣ, оставшемся неизвѣстнымъ многимъ изъ друзей, которыхъ у насъ, благодаря сочувствію къ дѣлу Братства, такъ много и въ Россіи и за границею.

Не менѣе тронуты мы были тѣмъ, что и заграничные друзья наши были представлены прибывшимъ изъ Кракова профессоромъ Мицинскимъ, тоже случайно узнавшимъ о нашемъ семейномъ праздникѣ и пожелавшемъ принять въ немъ участіе, сказавъ приветственное слово отъ имени друзей идеи Братства въ Галиціи.

Вечеромъ 10-го числа отслужена была соборно, пріѣхавшими на наше семейное торжество друзьями изъ духовенства, всенощная, на которой впервые были пропѣты нѣкоторыя пѣснопѣнія всѣми молящимися. Болѣзнъ лишила меня радости присутствовать на этомъ богослуженіи. На другой день, послѣ обѣдни и соборнаго молебствія, о. Я. произнесъ слово на тему объ обще-церковномъ значеніи дѣла Трудового Братства, организующаго жизнь и трудъ на началахъ вѣры и братства.

При возвращеніи изъ храма, я былъ встрѣченъ на балконѣ моего дома моею матушкою съ родовымъ образомъ Нерукотворнаго Спаса, которымъ она меня благословила, и всѣми дѣтками Братства, не исключая и грудныхъ младенцевъ, принесенныхъ матерями. Отъ имени всѣхъ крестныхъ дѣтей моихъ, Коля Фурсей и Боря Ивченко поднесли мнѣ образъ св. Николая Чудотворца. Вскорѣ затѣмъ пришли изъ церкви всѣ члены Братства, воспитанники и воспитанницы съ братскими хоругвями и пѣніемъ священныхъ пѣсней. Собрались на новой терассѣ моего дома, начались приветственные рѣчи и многочисленные подношенія, изъ которыхъ многія для меня имѣли глубокотрогательное значеніе, какъ по мысли, въ нихъ вложенной, такъ и по труду, на нихъ затраченному. Между прочимъ отъ Братства мнѣ былъ данъ роскошный альбомъ съ фотографіями, работы двухъ нашихъ братьевъ-фотографовъ, изображавшими жизнь Братства и школъ въ самыхъ разнообразныхъ ея проявленіяхъ, а отъ дѣтокъ—фотографія, изображавшая мой портретъ, окруженный,

какъ цвѣтами Братства, головками братскихъ дѣтей среди красивыхъ растений. Отъ имени Братства сердечный и глубокосодержательный адресъ былъ прочитанъ однимъ изъ членовъ Думы. Присутствіе закончилось чтеніемъ адреса, съ печатью высокаго ума и глубокой проникновенности, профессора Соллертинскаго, за подписями дорогихъ для меня именъ нѣсколькихъ представителей Петербургскаго духовенства, литературнаго міра, Духовной Академіи и Университета.

Во время литературно-музыкальнаго утра братьями и сестрами были пропѣты почти всѣ мои музыкальныя сочиненія для пѣнія и даже прочитано мое единственное стихотвореніе „надпись къ Евангелію“, съ очевиднымъ желаніемъ обласкать тѣмъ автора. Прочтено было однимъ изъ членовъ Братства и стихотвореніе, мнѣ посвященное. Вечеромъ зажжена была роскошная иллюминація. Особенно красива была высокая декорация надъ транспорантомъ съ надписью: „50 лѣтъ жизни, вѣры и любви“. На большой высотѣ, на фонѣ высокихъ деревьевъ парка, вѣнчавшій эту декорацию золотой крестъ, былъ окруженъ живою картиною, изображавшею множество ангеловъ; внизу живописно были разставлены многочисленные группы дѣтей, воспитанниковъ, воспитанницъ, братьевъ и сестеръ въ бѣлыхъ одеждахъ, а хоръ пѣлъ братскую молитву и все освѣщалось ровнымъ бѣлымъ свѣтомъ.

Такъ закончился этотъ семейный праздникъ, краткимъ описаніемъ котораго, какъ данью благодарности его устроителямъ, я и закончу этотъ отчетъ, прибавивъ къ этой характерной картинѣ новой зари въ жизни Братства, только краткіе, общіе выводы.

Въ эти общіе выводы войдутъ: краткая картина всего нами пережитаго съ начала основанія Братства и перечень тѣхъ уроковъ, которыхъ, при свѣтѣ идеала вѣры и братства, далъ намъ, а въ лицѣ нашемъ и всему человѣчеству, опытъ жизни и дѣла.

Началъ я созиданіе дѣла Трудового Братства по требованію вѣры и христіанской совѣсти. Хотя, приступая къ этому дѣлу, я и былъ уже сознательно вѣрующимъ человѣкомъ, придя, путемъ изученія первоисточниковъ Откровенія, къ пониманію стройнаго христіанскаго міровоззрѣнія, какъ въ экономіи міра Бога-Любовь, такъ и въ опредѣленіи добра и зла въ области христіанской нравственности, я не былъ однако умудренъ опытомъ жизни и далеко не въ достаточной степени понималъ всю глубину жизненной правды ученія церкви о грѣховности человѣка, какъ причины земной жизни блудныхъ сыновъ Отца Небеснаго.

Отчасти по неопытности, отчасти подъ вліяніемъ ходячихъ мнѣній гуманистовъ, этихъ добрыхъ и симпатичныхъ людей, подкупающихъ своею симпатичностью, я наивно вѣрилъ, что человечество лучше, чѣмъ о немъ думаютъ и чѣмъ это кажется по внѣшнимъ проявленіямъ жизни, совершенно упуская изъ виду, что тѣмъ отрицаю его грѣховность и такимъ образомъ впадаю въ противорѣчіе съ однимъ изъ основныхъ положеній христіанскаго откровенія и логично вытекающаго изъ него міровоззрѣнія. За эту ошибку я жестоко поплатился. Хотѣлъ бы остеречь тѣхъ, которые по неопытности, склонны впасть въ тоже заблужденіе.

Мнѣ казалось, что человечество болѣе несчастно, нежели дурно, что надо только поставить человѣка и особенно дѣтей, въ благопріятную обстановку, чтобы проявилась святость внутреннего человека. Всю отвѣтственность за зло я такимъ образомъ возлагалъ на людей моего круга, на тѣхъ богатыхъ и сильныхъ, отъ которыхъ наиболѣе зависитъ измѣнить неблагопріятныя обстоятельства жизни остальныхъ, упуская изъ виду, что самая возможность грубаго эгоизма однихъ и грубаго ожесточенія другихъ, является сама по себѣ доказательствомъ одинаковой грѣховности всѣхъ.

Мнѣ казалось, что громадное большинство стремится къ добру и желаетъ его, что оно только не понимаетъ, какими путями возможно отъ торжествующаго зла, отъ того, что есть, перейти къ торжествующему добру, къ тому, что быть должно, боится непосильныхъ трудностей этого перехода и потому къ нему не приступаетъ.

Когда я понялъ вѣчную истину правды Божіей и сознательно предпочелъ христіанское міровоззрѣніе всѣмъ философскимъ, которыхъ изучалъ въ университетѣ, предпочелъ не по личному капризу и не изъ слѣплаго довѣрія къ какому либо авторитету, а по его несравненной убѣдительности для ума и для сердца, этотъ путь отъ „великой скорби“ того, что есть, къ великой радости лучшаго будущаго, того, что быть должно, согласно вѣчной правдѣ воли любви Божіей, сталъ для меня такъ понятенъ, такъ несомнѣненъ, такъ простъ и ясенъ, что я не могъ болѣе колебаться, не могъ болѣе откладывать служенія этой, очевидной для меня, правдѣ, не могъ болѣе мириться съ ложью и зломъ рутины жизни „по обычаю міра сего“, разъ мнѣ путь отъ этой лжи и зла извѣстенъ, не могъ и ближнимъ своимъ, любя ихъ, не говорить этой правды, изъ-за какихъ либо соображеній скрывать отъ нихъ или искажать эту правду. Одно то, что я эту правду вынужденъ не договаривать,

является одною изъ главныхъ скорбей, однимъ изъ главныхъ страданій жизни для меня.

Читая слово Божіе, по мѣрѣ того, какъ умъ мой озарялъ дивный свѣтъ отъ Свѣта небеснаго, душа наполнялась не земнымъ восторгомъ вселенской любви къ Богу Живому и всему Его творенію, особенно къ живому образу и подобію Его на землѣ—человѣку.

Неопытный въ жизни духовной, я не умѣлъ различать, что въ жизни души моей человѣческое и что—Божіе, дѣйствіе милосердія благодати Его. Въ дѣйствительности во мнѣ происходило слѣдующее. Со зломъ рутинны жизни я не мирился, умомъ не противился правдѣ Божіей, сердцемъ не противился любви Его, Христа предпочелъ Варравѣ и тѣмъ открылъ душу свободному воздѣйствію благодати. Въ этомъ вся моя заслуга, если можно о заслугѣ говорить. Тогда я этого не понималъ и многое, что принадлежитъ благодати, считалъ въ себѣ естественнымъ проявленіемъ обще-человѣческой природы. На дѣлѣ и разумѣніе правды Божіей, и вдохновеніе вселенской любви, и та сила, которую я ощущалъ въ душѣ своей, которую по временамъ я чувствовалъ мыслящею черезъ меня, самого меня поучая, любящую черезъ меня, самого меня воспитывая отъ любви въ любовь, та сила, которая побуждала меня дѣйствовать и вознесла выше сомнѣній и колебаній,—все это была благодатная сила Божія, дѣйствующая въ немощи моей человѣческой грѣховности и побуждающая ее, а не моя святость, не святость человѣчества во мнѣ.

Вотъ чего тогда я совсѣмъ не понималъ. То, что было ясно и убѣдительно для разума моего, казалось мнѣ должно быть яснымъ и убѣдительнымъ для всѣхъ моихъ собратій по земному бытію. То, что было дорого моему сердцу, восторгомъ наполняло мнѣ душу, давало силу дѣйствовать, дѣлало для меня служеніе на торжество вѣчной истины правды Божіей радостною потребностью ума, сердца и совѣсти, я ошибочно принималъ за естественное проявленіе моей человѣческой природы, заключая изъ того, что и для всѣхъ моихъ братьевъ по человѣчеству это будетъ естественно, совершенно упукая изъ виду, что естественно это будетъ только при извѣстныхъ условіяхъ: когда устойчива добрая воля отдать умъ, сердце и жизнь въ руку Божію, когда устойчиво дорожать ласкою любви Божіей и жаждаютъ причастія силы благодати Его. Все это очень малая заслуга: простое благоразуміе сердца, предпочитающаго Христа Варравѣ, но условіе непремѣнное для воздѣйствія благодати Божіей.

И вотъ я приступилъ къ дѣлу, полный восторга любви къ Богу, Которому служить я хотѣлъ путемъ осуществленія правды Его въ жизни, и къ обездоленнымъ, которыхъ хотѣлъ поставить въ благопріятную обстановку для свободного проявленія святости добра природы человѣческой, и къ богатымъ и сильнымъ, съ которыми хотѣлъ подѣлиться моимъ пониманіемъ естественнаго пути къ лучшему будущему, путемъ проповѣди дѣломъ этого пути, убѣжденный, что тѣмъ выполняю одновременно и христіанскую и дворянскую обязанность свою, доказывая на дѣлѣ, что этотъ путь единенія въ братолюбіи возможенъ, практически осуществимъ, разуменъ и радостенъ.

Все это я и теперь считаю безусловно вѣрнымъ. Ошибка моя состояла въ томъ, что я считалъ естественнымъ, составляющимъ естественную потребность всего современнаго человѣчества, то, что составляетъ естественную потребность только для „вѣры, дѣйствующей любовью“.

Эта ошибка привела меня ко многимъ другимъ ошибкамъ: я слишкомъ долго вѣрилъ во всеобщность доброй воли, слишкомъ долго закрывалъ глаза на самыя явныя проявленія злой воли, упорно объясняя ихъ легкомысліемъ и неопытностію. Слишкомъ упорно я вѣрилъ въ очевидность добра для всѣхъ и естественную симпатію къ нему и потому недостаточно ограждалъ отъ соприкосновенія со зломъ, иногда слишкомъ снисходительно относился ко злу, разъясняя, убѣждая и умоляя тамъ, гдѣ надо было только настойчиво требовать, не опасаясь, что требованія эти удалять изъ дѣла тѣхъ, кто не имѣетъ доброй воли имъ подчиниться и капризы злой воли своей ставить выше вѣрности самому дѣлу и любви къ Богу, Братству и братьямъ. Этимъ путемъ я дошелъ до того, что вѣрилъ въ людей въ ущербъ сознательной вѣрѣ въ правду Божію, до того, что дорожилъ людьми въ ущербъ ревности о Богѣ, правдѣ Его и пользѣ дѣла Его. Въ этомъ моя великая вина, въ которой я и каюсь передъ Богомъ, передъ Братствомъ и передъ всѣмъ человѣчествомъ.

Эта ошибка, со всѣми порожденными ею ошибками, привела насъ къ цѣлому ряду тяжелыхъ испытаній и скорбей. Да будутъ благословенны эти скорби, научившія насъ лучше понимать правду Божію и грѣховность нашу, человѣческую, болѣе смиренно относиться къ Богу и думать о себѣ, представителяхъ грѣшнаго человѣчества. Да будутъ благословенны эти скорби, которыя могутъ стать драгоцѣннымъ опытомъ для всѣхъ ближнихъ нашихъ, для всего человѣчества, въ насъ пережившаго все, что мы пережили.

Дѣти, взятые мною на воспитаніе, отвѣтили мнѣ любовью на любовь и, какъ мнѣ казалось, изъ любви стали дорожить единомысліемъ и единодушіемъ со мною. Полный восторженной любви и восторженного уваженія къ человѣческой личности, я благоговѣнно дорожилъ всякимъ проявленіемъ любви съ ихъ стороны, преувеличивалъ силу и значеніе этой любви и слишкомъ вѣрилъ въ устойчивость ихъ любви ко мнѣ и желанія единомыслія и единодушія со мною; когда проявлялось явное отсутствіе любви и явное самодовольство, при полномъ отсутствіи единомыслія и единодушія со мною, это казалось мнѣ чудовищною ненормальностью, лишало меня спокойствія духовнаго до проявленія самыхъ противоположныхъ чувствъ. Иногда я давалъ волю чувству ужаса и негодованія, когда видѣлъ проявленія тупого самодовольства при явномъ отсутствіи духовнаго благородства: любви, великодушія, честной искренности, думая, что проявленіе негодованія противъ зла, лучше всякихъ словъ можетъ отрезвить и „духъ правъ обновить во утробѣ“ и, въ то же время, когда дѣло касалось личныхъ отношеній ко мнѣ, слишкомъ деликатничалъ, боялся быть излишне требовательнымъ. Чувствуя полную солидарность, неразрывную связь между мною и дѣломъ, которому я безраздѣльно посвятилъ себя и свою жизнь. мнѣ трудно было разграничивать, гдѣ кончается область полезнаго для дѣла и гдѣ начинается область личныхъ отношеній ко мнѣ. Въ дѣйствительности этой границы и не существовало и быть не могло. Въ началѣ, я одинъ былъ носителемъ дѣла, его воплощеніемъ.

Глубоко сознавая міровое значеніе любви къ Богу и жизненное значеніе для каждаго человѣка въ отдѣльности причастія благодати Его, самъ въ этой любви черпая духовныя силы, я горячо призывалъ моихъ воспитанниковъ къ этой любви. Придавая преувеличенное значеніе ихъ любви ко мнѣ, я былъ увѣренъ, что каждое слово мое для нихъ дорого, принимается ими съ полнымъ довѣріемъ, что любовь моя сильна и ихъ заразить восторгомъ вселенской любви, что во всякомъ случаѣ братскимъ единеніемъ со мною они настолько дорожатъ, что будутъ стремиться къ единомыслію и единодушію со мною, если и не разомъ, то мало-по-малу достигать его. Все, что было проявленіемъ злой воли, я считалъ недомысліемъ, думая, что самъ не умѣю достаточно понятно высказаться,—легкомысліемъ, думая, что причиняютъ мнѣ огорченія, не подумавъ, что это можетъ произвести на меня такое впечатлѣніе, наконецъ—чудовищнымъ исключеніемъ изъ общаго правила, естественной для всего человѣчества склонности къ добру.

Они меня дѣйствительно любили по своему; не потому, что раздѣляли мою любовь къ Богу и сознательно любили во мнѣ Его любящаго и Ему преданнаго, даже и не самого меня любили, а любили тѣ пріятныя впечатлѣнія, которые отъ меня получали, любили до тѣхъ поръ, пока эти впечатлѣнія были для нихъ пріятны. Именно этотъ грубый эгоизмъ человѣчество обычно и называетъ любовью, основательно считая за утопію всякія попытки основать на этой любви какой-нибудь стройный порядокъ. Это любовь безъ Бога, безъ устойчивости постоянного притока благодати Его. Эта любовь — капризъ, измѣна этой любви — тоже вопросъ времени и каприза.

Съ моей стороны, придавать большое значеніе этой личной любви ко мнѣ, основанной не на общей любви со мною къ Богу Живому, даже и не на пониманіи и оцѣнкѣ моей нравственной личности, было безсознательною гордостію человѣка, слишкомъ надѣющагося на себя, на личные отношенія къ себѣ, слишкомъ довѣряющаго устойчивости добра въ человѣкѣ, совершенно забывая при этомъ значеніе и размѣры человѣческой грѣховности, безсознательно умаляя зависимость дѣла спасенія отъ живого, непосредственнаго общенія съ Богомъ Живымъ, Единымъ Источникомъ благодати, дарующей силы духовныя.

Разочарованія были неизбежны. Они пришли, такія тяжкія и скорбныя, что я благословляю Господа за то, что не дано мнѣ было предвидѣніе ихъ, если для меня и, въ моемъ лицѣ, для человечества необходимо было ихъ перенести, чтобы убѣдиться въ немощи своей и не красть у Господа славы Его, когда Онъ, въ немощи нашей, являетъ силу Свою.

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше я убѣждался, что личной любви ко мнѣ не хватаетъ на устойчивую преданность добру, на устойчивое отвращеніе отъ зла, даже на то, чтобы добро и зло понимать единомысленно со мною, что самая любовь ко мнѣ колеблется въ прямой зависимости отъ того, насколько пріятны или непріятны впечатлѣнія, отъ меня получаемыя, что любовь эта не приводитъ къ прочному единодушію и единомыслію со мною, не дѣлаетъ дорогимъ и желаннымъ то, что для меня дороже жизни. Все чаще и чаще мнѣ приходилось убѣждаться, что для большинства добро и вселенская любовь менѣе притягательны, нежели зло рутинны жизни, что любятъ меня не изъ-за того, что я служу дѣлу торжества любви и добра, а скорѣе до времени мирятся съ этимъ служеніемъ, пока личные отношенія со мною пріятны и самое служеніе не тре-

буетъ самоотверженія. Пришло время, когда многіе стали доказывать мнѣ, что любви не хватаетъ даже и на то, чтобы дорожить единеніемъ со мною болѣе, нежели единеніемъ съ людьми и книгами прямо противоположнаго мнѣ направленія, не хватаетъ даже на пониманіе самыхъ простыхъ нравственныхъ обязанностей по отношенію ко мнѣ и дѣлу Братства, признанія вѣрности намъ за добро и измѣны — за зло. Очевиднымъ становилось и то, что все это — явленія не исключительныя, то, на что способны не исключенія, а средній, заурядный представитель грѣшнаго человѣчества. При такихъ обстоятельствахъ и моя любовь не воспитывала, а баловала тѣхъ, кто не отвѣчалъ на нее любовью.

Извѣстныя отношенія къ Братству были самыя разнообразныя. Единичныя личности относились къ нему съ восторженною любовью, видя въ немъ осуществленіе самыхъ дорогихъ, завѣтныхъ желаній, наболѣвшей души, но и тѣ рѣдко понимали его, какъ дѣло Божіе, какъ насущную потребность вѣры, дѣйствующей любовью, какъ путь къ лучшему будущему для Церкви помѣстной, Государства и общества, какъ выходъ изъ всевозможныхъ политическихъ, социальныхъ и экономическихъ затрудненій. Одни изъ нихъ видѣли въ немъ высоко гуманное дѣло, доставляющее удобства облагоустроенныхъ отношеній и жизни, другіе — интересную съ научной точки зрѣнія попытку химической обработки людей, въ нравственной лабораторіи школъ нашихъ и замѣны основы борьбы, основой братолюбія, третьи, — съ точки зрѣнія эстетики, любовались красотою идеи, красотою чувствъ, оригинальною красотою нѣкоторыхъ внѣшнихъ формъ жизни Братства. За исключеніемъ весьма немногихъ, громадное большинство и изъ этого меньшинства, не доводило сочувствія, не только до соответствующей практической дѣятельности, но даже и до отвлеченнаго признанія возможности принять дѣло Братства Трудового за нормальную программу мирнаго прогресса для христіанскаго прихода, христіанскихъ Церквей и Государствъ.

Гораздо больше оказалось у дѣла Братства враговъ и строгихъ порицателей. Съ разныхъ точекъ зрѣнія порицали это „новшество“. Одни, какъ причуду гордеца, не желающаго жить, какъ всѣ живутъ, другіе, какъ новую секту, осмѣливающуюся обособляться отъ правовѣрной рутины, освященной вѣками... неповиновенія „царственному закону любви“ Главы Церкви! Третьи, какъ непрактичную утопію религіознаго фанатика и самодура—барича, мудрящаго надъ

„бѣдными, безотвѣтными, крестьянскими ребятами“ и т. д. и т. д., безъ конца.

Голоса друзей раздавались не громко, рѣдко въ печати, чаще въ тиши личнаго общенія или въ секретѣ частной переписки; голоса враговъ — громко и самоуверенно, безъ той робкой стыдливости, съ какою обычно въ „мирѣ семъ, который весь во злѣ лежитъ“, прячутъ въ тайникѣ души и дѣлятся только съ избранными святынею возвышенныхъ мыслей и благородныхъ чувствъ.

Какъ только опредѣлилось, что дѣло Братства не имѣетъ характера безпринципной и безсистемной благотворительности, требуетъ духовнаго перерожденія, новой жизни, самоотверженнаго служенія на торжество добра, не можетъ быть эксплуатируемо на пользу личнаго или семейнаго эгоизма, пока этому дѣлу остаются вѣрны, его совсѣмъ перестали понимать, негодованію и недоброжелательству не стало мѣры и границъ, вѣрность ему порицали, измѣну ему — возводили въ доблесть!

Родители дѣтей, получавшихъ даровое образованіе и полное содержаніе отъ школы, родители, подписавшіе обязательство „не препятствовать ихъ поступленію въ Братство по выходѣ изъ школы, если сами они того пожелаютъ“, стали дѣлать все отъ себя зависящее, чтобы дѣти ихъ злоупотребили довѣріемъ своихъ воспитателей, воспользовались аттестатомъ школы, оставаясь совершенно чуждыми ея нравственному вліянію и средства, предназначенныя на созиданіе Братства, обратили на личную пользу себѣ, на пользу личной карьеры, въ погонѣ за доходными мѣстами. Чтобы застраховать ихъ отъ возможности убыточнаго увлеченія самоотверженнаго служенія на дѣло созиданія Трудового Братства, многіе родители пользовались отпусками для того, чтобы при дѣтяхъ своихъ всячески поносить и издѣваться надъ школами и воспитателями, стараясь внушить имъ „спасительное убѣжденіе“, что ни школа, ни воспитатели не заслуживаютъ ни любви, ни благодарности, ни уваженія, ни довѣрія. Родители, поступавшіе иначе, были рѣдкими отрадными исключеніями.

Все это до того огорчало меня, что я чувствовалъ себя, какъ бы сожигаемымъ на медленномъ огнѣ злобы, побиваемымъ тяжелыми камнями общаго порицанія. Все это однако не пугало меня, не подрывало вѣры моей въ устойчивость любви тѣхъ, кого самъ я горячо любилъ; я не допускалъ возможности, чтобы вся эта коалиція злобы, порожденная непониманіемъ дѣла, грубыми подозрѣніями, грубою клеветою, грубыми суевѣріями и грубою корыстью,

могла поколебать тѣхъ, съ кѣмъ я слилъ мою жизнь въ тѣсномъ единеніи, ежедневнаго братскаго общенія. Мы вмѣстѣ пережили такъ много и скорби и радости, такъ много святыхъ для меня часовъ и дней! Память о нихъ была такъ безконечно дорога мнѣ, что я не могъ допустить возможность измѣны Братству, на лонѣ котораго мы причастились этой святости, возможность сердечной измѣны тѣмъ, совместно съ кѣмъ эта святость была пережита.

Дѣйствительно, все это не могло бы быть ни мало опаснымъ, если бы сознательно жили съ Богомъ, дорожили причащеніемъ благодати Его и любили Его, правду Его и свято дѣло Его. Тогда всѣ были бы неразрывно связаны между собою цементомъ любви къ Богу и ко всѣмъ вѣрнымъ Ему. Этимъ цементомъ могла быть только любовь, исходящая отъ Бога, а не личныя силы души человѣческой. Безъ Бога, безъ притока благодати Его, человечество, какъ вода текущая, безформенно и неустойчиво, всякій человѣкъ „легче пустоты“. Человѣкъ не Богъ, не источникъ силы, а только храмъ Божій, вмѣстилище силы, когда Богъ Живой живетъ въ немъ, добровольно ставшимъ храмомъ Его. Тогда онъ „богоносецъ“ и силъ его нѣтъ предѣла. Крѣпкимъ цементомъ любви онъ связанъ съ Творцомъ и всѣмъ Его твореніемъ, находится въ полной гармоніи съ ними. Богъ—Любовь міра, Разумъ, Красота, Сила и Слава его. Въ Немъ „источникъ воды живой“. Кто сталъ храмомъ Его, у того изъ души, ума и сердца, „рѣки воды живой истекутъ“, подъ вліяніемъ его, „кости мертвыя, кости сухія оживутъ“ въ знойныхъ пескахъ пустыни земли, тамъ гдѣ злыхъ и гордыхъ себялюбцевъ такъ много, „какъ песка морского“. И все это сдѣлается безъ насилія, только въ тѣхъ, кто возлюбилъ Господа и правду Его до любви, пониманія и довѣрія по отношенію къ тому, кто, тоже добровольно, сталъ храмомъ Его. И все это не его слава, а слава Божія, талантъ, который отнимется отъ него, какъ только онъ возгордится и захочетъ украсть у Бога силу и славу Его. „Богъ гордымъ противится, а смиреннымъ даетъ благодать“. Только смиренный сознаетъ себя лично „нищимъ духомъ“, какъ высшимъ благомъ для себя, дорожить общеніемъ любви Божіей, алчетъ и жаждетъ причастія благодати Его. Гордый не ищетъ, не желаетъ Бога, не считаетъ для себя необходимымъ причастіе благодати Его и тѣмъ самымъ порываетъ связь съ Тѣмъ, Кто гнушается всякаго насилія, становится безблагодатнымъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и безсильнымъ на добро.

Самые гордые и злые себялюбцы способны чувствовать личную

любовь къ тѣмъ, кто имъ пріятенъ, пока эта любовь не требуетъ самоотверженія. Когда, подъ вліяніемъ такого каприза себялюбія, наивно считаемаго за любовь, люди на время уживаются между собою, эта сплоченность чисто призрачная, не болѣе, какъ слежавшаяся пыль, себялюбіемъ и гордостью распыленного человечества, пыль, не только не годная для постройки прочнаго зданія, но даже и для образованія простого, крѣпкаго булыжника. Подуетъ вѣтеръ и пыль разлетится, тѣмъ самымъ доказывая, что она только пыль.

Все это истина вѣчная и общая, азбука правды Откровенія. Въ тѣсномъ единеніи съ Богомъ, Хозяиномъ міра, человечество—драгоценный алмазъ въ вѣнцѣ Его. Оторванное отъ Бога, лишенное цемента благодати любви Его,—оно пыль и „легче пустоты“. И это великое благо для міра, источникъ возможности вѣчной гармоніи и вѣчнаго блаженства. Только въ единеніи съ Высшею Святинею, Богомъ Живымъ, возможны устойчивость и сила. Внѣ этого единенія нѣтъ и устойчивой силы. Въ этомъ слабость зла, призрачность его могущества, хотя, во снѣ земного бытія, намъ и кажется, что зло и сильно и торжествуетъ.

Не могу сказать, чтобы я всего этого не понималъ съ самаго начала, когда, прежде основанія Трудового Братства, сталъ сознательно вѣрующимъ, понявъ правду Божію изъ первоисточниковъ Откровенія. Пониманіе это было однако еще долгое время настолько теоретичнымъ, что въ практикѣ жизни, я не всегда руководствовался этимъ пониманіемъ, не всегда былъ въ этой области логиченъ.

Не могу сказать и того, чтобы я не призывалъ съ самаго начала къ Богу. Съ первыхъ же дней я не себя проповѣдывалъ, а Бога, настойчиво призывалъ къ молитвѣ, самъ все начиналъ и дѣлалъ съ молитвою, составилъ много молитвъ, примѣнительныхъ прямо къ специальнымъ нуждамъ текущей жизни Братства и школы, часто и говорилъ о Богѣ и молился со слезами любви, покаянія, умиленія или благоговѣйной радости.

Чего я тогда не достаточно понималъ, это то, что въ этомъ дѣлѣ установленія живого, непосредственнаго общенія между живою душою человѣка и Богомъ Живымъ нельзя медлить, что всякое промедленіе въ этомъ дѣлѣ представляетъ смертельную опасность, что надо знать, въ какой степени эта опасность существуетъ, что всякій человѣкъ, оторванный отъ Господа самодовольной гордостью, есть вредная закваска на лонѣ дѣла Божія, что необходимо создать такіе условія, при которыхъ неизбѣжно или жить съ Богомъ или

уйти отъ святыни дѣла Его, что нельзя въ дѣлѣ Божіемъ щадить зло и безсрочно терпѣть вредную закваску. Слишкомъ терпѣливо, слишкомъ довѣрчиво, слишкомъ *по сѣтски* деликатно я относился тамъ, гдѣ нужна была неумолимо строгая требовательность честныхъ отношеній къ Богу и дѣлу Его.

Многіе, мало знакомые съ дѣломъ Братства, обвиняли меня въ томъ, будто я отношусь къ братьямъ и воспитанникамъ въ духѣ гордой требовательности и властнаго деспотизма, поощряя шпионство и грубое „залѣзаніе въ чужую душу“. Именно въ этихъ выраженіяхъ даже и печатно выражались обо мнѣ. Были и изъ числа измѣнившихъ Братству люди, которые, въ своемъ желаніи оправдать свою измѣну, доходили до того, что подтверждали эти взгляды. Вы всѣ знаете, до какой степени это не соответствуетъ истинѣ. Передъ Богомъ и людьми говорю, что всегда относился къ человѣческой личности, не только съ любовью, но и съ уваженіемъ. Теперь понимаю, что уваженіе это къ представителямъ грѣшнаго человечества было даже преувеличеннымъ, довѣріе—слѣпымъ, деликатность—вредною. Вы всѣ знаете, что братская искренность, которой я всегда желалъ, ничего общаго съ шпионствомъ никогда не имѣла, а деликатность отношеній я доводилъ до того, что, не только никогда не поощрялъ „залѣзанія въ душу человѣка“, но даже временно сторонился отъ всякаго общенія съ человѣкомъ, который этого общенія не желалъ. Моя великая вина была въ томъ, что я терпѣливо переносилъ полное отчужденіе отъ меня, оставлялъ на отвѣтственныхъ мѣстахъ людей, явно враждебно ко мнѣ относившихся, допускалъ такую свободу, что безсрочно терпѣлъ на лонѣ Братства людей, проявлявшихъ явное самодовольство во злѣ, все ожидая, что они станутъ опытнѣе, что совѣсть въ нихъ заговоритъ, что они опомнятся, смирятся передъ Богомъ и дѣломъ Его, возрастутъ духовно до живой любви. Въ этой излишней снисходительности, граничившей съ попустительствомъ зла на лонѣ Братства, каюсь передъ Богомъ и людьми, какъ въ недостаткѣ заботливой ревности о правдѣ Божіей и благѣ дѣла Его, какъ въ преступномъ легкомысліи ожиданія добра отъ самихъ людей, живущихъ безъ Бога и не черпающихъ силы на добро изъ общенія съ Нимъ.

Все это произошло оттого, что я въ недостаточной степени принималъ въ расчетъ грѣховность человечества. Мои отношенія были далеко не слащаво-безразличными. Если я горячо выражалъ свою любовь, бывали случаи, когда я горячо выражалъ и негодованіе. Сильный сознаниемъ моей любви, я не допускалъ мысли о томъ,

что ее могутъ не понять, когда она выражается въ формѣ порицанія зла и негодованія противъ него. Все это было наивнымъ преувеличеніемъ значенія моей любви для тѣхъ, которые ею мало дорожили.

И въ Братствѣ и школѣ было то же грѣшное человечество, грѣшное именно тѣмъ, что обособлено отъ Бога, общеніе живой любви съ Нимъ, подмѣнило соблюденіемъ той или другой „буквы“ и самодовольно въ этомъ отчужденіи отъ Него, какъ и громадное большинство человечества, которое вѣками, подѣ сѣнію креста, продолжаетъ упорно жить по обычаю міра сего и глубоко убѣждено въ томъ, что это явленіе вполне нормальное и законное, даже неизбежное, какъ естественное проявленіе самой природы ихъ.

Попавъ въ самую благопріятную обстановку, ограждавшую ихъ отъ зла и настойчиво призывавшую къ добру, очень многіе все же, въ силу обще-человѣческой грѣховности, болѣе тяготѣли ко злу; для нихъ зло было болѣе заманчиво, чѣмъ добро. Вѣра въ Бога, любовь къ Богу, дѣло Божіе, все это для большинства, не опредѣленная правда жизни и отношеній, а только красивыя фразы, съ которыми охотно мирятся, пока это ни къ чему не обязываетъ.

Главная причина недоразумѣній и взаимнаго непониманія между нами, мною и тѣми, которые не откликнулись на мой призывъ или, проживъ въ Братствѣ, измѣнили ему, состояла въ томъ, что я началъ съ любви къ Богу, когда еще не зналъ тѣхъ, кто впоследствии сталъ братьями моими, а они начали съ каприза личной любви ко мнѣ, къ нѣкоторымъ изъ товарищей въ школѣ, къ отдѣльнымъ лицамъ въ Братствѣ и любовь эта разлеталась, какъ дымъ, какъ только требовался подвигъ самоотверженія и впечатлѣнія становились непріятными для самодовольнаго себялюбія.

При этихъ обстоятельствахъ, для многихъ совсѣмъ не было святынею то, что для меня было ею, было непосильнымъ искушеніемъ то, что мнѣ казалось для нихъ совсѣмъ не опаснымъ, совсѣмъ не представлялось позорною измѣною то, что въ моихъ глазахъ было величайшимъ грѣхомъ, позоромъ и измѣною.

Недоброжелательство родителей, общеніе съ людьми анти-братскихъ возрѣній, чтеніе книгъ, чуждыхъ вѣрѣ и братству по содержанію, наконецъ даже непріятное впечатлѣніе, получаемое отъ меня самого, когда я порицалъ зло и говорилъ о немъ съ негодованіемъ, даже волненіе и слезы мои, когда я призывалъ къ покаянію, къ молитвѣ, къ сердечной вѣрности Богу и дѣлу Его,—все было непосильнымъ бременемъ, оказалось непосильнымъ испытаніемъ для

тѣхъ, которые желали одного: пріятной жизни, пріятныхъ впечатлѣній, твердо рѣшившись не тревожить себя покаяніемъ, не утруждать себя подвигомъ и не признавали за собою никакихъ обязанностей, а отъ меня требовали, чтобы я мирился со всякимъ зломъ въ нихъ, ради нихъ измѣняя Богу и правдѣ Его, ради нихъ не проявляя ни малѣйшей ревности о добрѣ, ни малѣйшаго негодованія противъ зла.

Искушеніемъ все это было именно потому, что человѣческая грѣховность—благопріятная почва для зла и очень неблагопріятная для добра. „Душа человѣческая по природѣ христіанка“. Да, насколько она не искажена гордостію. „По природѣ“ потому, что она для того и создана, что это должно быть, что это вѣчно. „Христіанка“ потому, что христіанство не есть одна изъ стадій прогрессивной эволюціи человѣчества, какъ это въ настоящее время многіе думаютъ, не отрицаніе жизни и радости, какъ въ томъ увѣрены клеветующіе на христіанство христіане, а вѣчная неизмѣнная правда бытія, то, чего желаетъ любящій Творецъ для вѣчнаго блаженства своего творенія. Христіанское Откровеніе есть откровеніе „природы“ по мысли Божіей. Въ этомъ смыслѣ все твореніе по природѣ христіанство, а душа человѣка—образа и подобія Божія—христіанка по преимуществу. Пока душа человѣческая гордостію оторвана отъ Господа, обособлена отъ Него, самая природа ея временно искажена грѣхомъ и естественное при любви, становится не естественнымъ безъ нея: для любви естественно самоотверженіе, для гордости—себялюбіе.

Зло, которое во многихъ было только временно подавлено себялюбивымъ довольствомъ новой обстановки, вскорѣ стало вновь проявляться, прежде робко и не во многихъ, потомъ, видя что остается безнаказаннымъ, стало проявлять себя все чаще, примѣромъ своимъ заражая и другихъ, изъ робкаго, оно постепенно становилось самоувѣреннымъ, стало требовать себѣ право на существованіе на лонѣ Братства, стало негодовать на всякое стѣсненіе свободы своего проявленія, а почувствовавъ себя, благодаря робости и малой ревности добрыхъ, хозяиномъ положенія, дошло наконецъ до отрицанія правъ добра, систематическаго оклеветанія его и настоящаго преслѣдованія добрыхъ.

Эта духовная зараза принимала все большіе размѣры. За рѣдкими исключеніями, почти всѣ, поддались въ большей или меньшей степени ея зловредному вліянію. Добро стало робко, пряталось по уголкамъ, убѣжденное въ томъ, что оно должно деликатно стушо-

вываться, не мозолить алу глаза, дошло до настоящаго попустительства зла, не оказывая ему должнаго противодѣйствія, соглашаясь даже въ угоду ему не называть зло зломъ, злобу—злобою, подлость—подлостію, измѣну—измѣною. Это попустительство возвели въ достоинство добродѣтели, считая вполне нравственнымъ предоставить злу возможно большую свободу и даже, вмѣстѣ съ нимъ, порицать всякое свободное проявленіе добра, всякій свободный протестъ противъ зла, и все это подъ ярлыкомъ гуманности, гуманныхъ отношеній и уваженія къ свободѣ личности.

Въ школѣ, гдѣ жизнь была болѣе регламентирована, а слѣдовательно и болѣе организована, менѣе зависѣла отъ капризовъ своей воли, зло находило менѣе простора, скорѣе обнаруживалось, злая закваска чувствовала себя менѣе привольно, скорѣе уходила сама или была удаляема. Въ Братствѣ мы слишкомъ долго мирились со зломъ закваскою, допускали слишкомъ большую свободу для нея, слишкомъ долго не вводили спасительную организацію опредѣленной регламентаціи, требующей честныхъ отношеній къ дѣлу, честнаго покаянія или ухода изъ дѣла, дѣлающей безсрочное пребываніе на лонѣ Братства для тѣхъ, чье пребываніе въ немъ—ложь и смертельная опасность вредной закваски,—не возможнымъ.

Говоря—мы, я разумѣю Братскую Думу, но не снимаю съ себя тѣмъ ни іоты отвѣтственности. Какъ основатель Братства, я пользовался въ Думѣ такимъ вліяніемъ, что отвѣтственность за ея дѣятельность, всею своею тяжестью по справедливости падаетъ на меня. Все это были ошибки моего излишняго довѣрія къ человѣку и человѣчеству, не принимая въ расчетъ грѣховности и грѣхолюбія; наивное ожиданіе добра со стороны людей, самодовольныхъ во злѣ и столь же наивное игнорированіе опасности тѣснаго соприкосновенія съ ними на лонѣ Братства для другихъ.

Долго любовь моя къ тѣмъ, на кого я смотрѣлъ, какъ на духовныхъ дѣтей своихъ и братьевъ, не только до могилы, но и въ вѣчности, была такъ слѣпа, что я не хотѣлъ допустить возможности злой воли, тѣмъ болѣе самодовольства во злѣ. Всего я ожидалъ отъ доброй воли и любви, умудренныхъ опытомъ, отъ любви къ дѣлу, къ братьямъ и ко мнѣ, не допуская возможности самодовольной измѣны, даже и тогда, когда сталъ явно проявляться въ нѣкоторыхъ недостатокъ религіозности, т. е. смиренной любви къ Богу, стремленія къ общенію съ Нимъ и жажды причастія благодати Его.

Меня это тяжело огорчало, но я терпѣливо ждалъ, не рѣшаясь поставить зло въ рамки опредѣленной регламентаціи. Теперь я со-

знаю, что это было съ моей стороны малодушіемъ слѣпой любви, малодушіемъ безсознательнаго страха потерять для дѣла и братской любви нашей многихъ изъ тѣхъ, кого продолжалъ любить не смотря ни на что, всѣхъ желая сохранить собратьями на дѣло созиданія Братства Трудового въ жизни. Малодушіемъ было не то, что я любилъ ихъ, а то, что любилъ ихъ слѣпо, боясь понять по отношенію къ нимъ горькую правду, открыть глаза на то, что они самодовольны во злѣ, не любятъ Бога, правды Его и дѣла Его, что они не сыны Свѣта, а представители міра сего, вредная закваска на лонѣ Братства, дружба съ которыми есть „вражда противъ Бога“. Этимъ я самъ подалъ вредный примѣръ излишне терпѣливаго и снисходительнаго отношенія ко злу, отношенія, граничащаго съ отсутствіемъ святой ревности о благѣ и правдѣ дѣла Божіа. Въ этомъ моя вина; за эту вину я и потерпѣлъ справедливо жестокое наказаніе. Завѣщаю это помнить Братству и не впадать въ ту же ошибку на будущее время. Буду счастливъ, если этотъ скорбный опытъ, пережитой мною и всѣмъ Братствомъ, будетъ на пользу всѣмъ братьямъ нашимъ по человѣчеству, всѣмъ тѣмъ, кто вѣритъ не въ Бога Живого, а въ человѣка, кто считаетъ гуманнѣмъ допускать свободное проявленіе зла и благодушно уживаться со зломъ, не обособляясь отъ злыхъ въ жизни.

Всякое доброе дѣло, тѣмъ болѣе дѣло стройной организаціи жизни на основѣ вѣры, дѣйствующей любовью, требуетъ обособленія отъ тѣхъ, которые вѣры и любви не имѣютъ и дѣло вѣры и любви не считаютъ желательнымъ, требуетъ порядка, требуетъ регламентаціи, честно согласованной съ духомъ самаго дѣла для огражденія отъ лжи пребыванія на лонѣ его чужаковъ и нечестныхъ къ нему отношеній съ ихъ стороны. Вотъ чего по неопытности мы не понимали въ достаточной степени. Долго не вводя въ жизнь Братства провѣрку и регуляторъ определенной регламентаціи, логично вытекающей изъ самой сути дѣла, мы слишкомъ долго не ставили членовъ Братства, представителей грѣшнаго человѣчества, въ должную зависимость отъ дѣла, тѣмъ самымъ ставя самое святое дѣло въ зависимость отъ капризовъ представителей грѣшнаго человѣчества.

Когда закрывать долѣе глаза на зло стало для меня невозможнымъ безъ явной измѣны Богу и дѣлу Его, я съ ужасомъ понималъ, что слишкомъ многіе на лонѣ Братства живутъ безпечными себялюбцами, не сознавая, что это дѣло Божіе, не отдавая себя въ руку Божію, не дорожа причастіемъ благодати Его. Все чаще и настойчивѣе я сталъ призывать къ покаянію, къ молитвѣ, къ сознатель-

ному смиренію передъ Богомъ, къ благоговѣйному отношенію къ дѣлу Его и наконецъ въ блюстительскомъ отчетѣ, прочитанномъ 14-го сентября 1899 года, прямо заявилъ, что не помирюсь на личной любви и братскомъ единеніи безъ Бога, если бы даже мнѣ пришлось изъ за этого утратить любовь тѣхъ, чья любовь на землѣ мнѣ всего дороже. И я утратилъ эту любовь, во многихъ она смѣнилась ожесточеніемъ, какъ только я потребовалъ честнаго отношенія къ Богу и дѣлу Его, потребовалъ честнаго подвига вѣры, любви и труда, безъ чего нѣтъ и правды православнаго трудового братства.

Когда я убѣдился, что на всѣ мои призывы, увѣщанія и слезы отвѣчаютъ „молчаливымъ протестомъ“, какъ выразился одинъ изъ „недовольныхъ“ въ своемъ письменномъ заявленіи Думѣ, твердо рѣшивъ жить по прежнему и не вступать на дорогу трехъ основныхъ подвиговъ Братства, я понималъ, что никогда не придутъ туда, куда не идутъ и идти не хотятъ, понималъ, что дѣло Братства хотѣть украсть у Бога, сдѣлать дѣломъ не Божіимъ. Когда я окончательно убѣдился, что дѣло не въ недомыслии или легкомыслии, а въ злой волѣ и что эта злая воля вполне самодовольна, я рѣшилъ составить руководящіе правила внутренней жизни Братства. Необходимо было дать эту поддержку добрымъ, чтобы они почувствовали себя хозяевами положенія, колеблющимся—это побужденіе къ самопровѣркѣ, людямъ злой воли, гордецамъ и себялюбцамъ—этотъ ультиматумъ: покаяться или уходить.

Не всѣ захотѣли покаяться. Нѣкоторые рѣшились уйти. Единственною причиною ухода были: ожесточенная гордость и самодовольное себялюбіе; они и побудили ихъ, уходя, не довольствуясь измѣною, надругаться надъ дѣломъ, которому измѣняютъ, попытаться духовно убить и нравственно похоронить дѣло, чтобы оправдать свою измѣну. Вліяніе зла такъ заразительно для грѣшнаго человѣчества, что многіе изъ тѣхъ, которые не желали измѣнять, наивно поддались вліянію тѣхъ, измѣна которыхъ была дѣломъ рѣшеннымъ, позволили имъ говорить отъ имени большинства, повѣрили тому, что они не хотятъ измѣнять Братству, а болѣе „практично“ и „человѣчно“ понимаютъ дѣло Братства, нежели Дума, требовавшая признать его дѣломъ Божіимъ и сообразоваться со святынею его, а не дѣло прилаживать къ немощамъ нашимъ.

11-го апрѣля 1900 г. все это, наконецъ, явно и ярко обнаружилось. Человѣчество въ насъ сдѣлало все отъ него зависящее, чтобы погубить Божіе дѣло—Братство Трудовое. Сдѣлано было все для

того, чтобы обратить его изъ святой правды осуществленія вѣры, дѣйствующей любовью, въ ложь одной изъ эфемерныхъ попытокъ самодовольно грѣшнаго человѣчества устроить братство безъ Бога, украсть плодъ братолюбія съ лозы христіанства, не будучи въ органической связи съ Богомъ и Христомъ Его, ложь Православнаго Трудового Братства безъ вѣры, любви и трудолюбія. Очень характерно и важно для самопознанія человѣчества, что ожесточеніе противъ меня и Думы началось именно съ того момента, когда мы громко заявили, что дѣло Братства Трудового есть дѣло Божіе и ничѣмъ инымъ быть не можетъ и не должно. Именно съ этой минуты у враговъ нашихъ не стало достаточно грубыхъ словъ для выраженія негодованія, достаточно оскорбительныхъ подозрѣній для нравственнаго убійства дѣла, внѣ Братства въ формѣ недоброжелательныхъ журнальных статей и газетныхъ замѣтокъ, на лонѣ Братства въ формѣ агитаціи, направленной къ отставанію отъ насъ свободы проявленія и процвѣтанія зла.

При этихъ обстоятельствахъ, повторяю и я, какъ представитель грѣшнаго человѣчества, не чувствовалъ въ себѣ самомъ силъ продолжать дѣло. Если бы я въ это время сошелъ съ пути вѣры на путь „видѣнія“, я логично пришелъ бы къ убѣжденію, что продолжать дѣло—безумно, что продолжать жить—безсмысленно. „Видѣніе“, то, что я видѣлъ своими человѣческими глазами, что понималъ своимъ человѣческимъ умомъ, что пережилъ своимъ человѣческимъ сердцемъ, громко говорило мнѣ, что въ дѣлѣ торжества любви съ затратою большихъ усилій, достигнуто слишкомъ немного. Слишкомъ во многихъ изъ моихъ воспитанниковъ и братьевъ, не только торжествующей любви не было, лично, горячо любя ихъ, я утерять и ту себялюбивую любовь, которою прежде пользовался. Къ Богу мнѣ не удалось пробудить въ этихъ многихъ любовь, не только на степени жажды подвига, но даже и на степени живой религіозности, устойчиваго молитвеннаго настроенія души, живущей съ Богомъ непрестанно помнящей о Немъ и къ Нему тяготеющей; любовь къ дѣлу—на степени живого братскаго самосознанія и ревности о благѣ его. Мнѣ доказали, что не дорожатъ дѣломъ, не только тѣ, которые по самымъ пустымъ причинамъ измѣняли ему, но и тѣ, которые на лонѣ его, легкомысленно играли судьбою его. Что могъ я еще говорить послѣ 20 лѣтъ умственного общенія и бесѣдъ, столь многихъ ни въ чемъ не убѣдившихъ и ни чему не научившихъ, что могъ я еще дѣлать послѣ 20 лѣтъ трудовъ, столь многими презрѣнныхъ и отвергнутыхъ! Столь многими была поругана святая-святыхъ души

и жизни моей: моя вѣра, моя мысль, моя любовь, моя жизнь! Столь многіе доказали, что не имѣютъ ко мнѣ ни любви, ни уваженія, ни довѣрія! И человѣческій разумъ мой, и родовая гордость, и даже человѣческая любовь моя къ немногимъ вѣрнымъ, все человѣческое во мнѣ возмущалось противъ самой мысли о возможности продолжать это непосильное и непосильно скорбное дѣло.

Спасло дѣло Братства то, что мы, остатокъ вѣрныхъ, не стали на дорогу человѣческаго „видѣнія“, не сошли съ дороги вѣры въ эту роковую минуту, рѣшили не вырвать себя изъ руки Божіей, продолжать подставлять щеку оскорбленіямъ, неизбѣжнымъ на пути вѣрности Богу, не отказались идти за Христомъ на всякую жизненную Голгофу, если это необходимо, чтобы продолжать идти во слѣдъ Ему.

Одна эта добрая воля и была нашимъ вкладомъ. Все остальное пришло отъ Бога и Имъ сотворено въ немощахъ нашихъ. Съ тѣхъ поръ на дѣло Братства обильно низшло благословеніе. Трудно перечестъ всѣ чудеса милосердія Божія, быстро преобразившаго насъ и дѣло наше, такъ многое измѣнилось въ короткое время и въ душахъ нашихъ и въ жизни Братства. Въ покающихся, сомнѣніи и шатости, смѣнились крѣпкою вѣрою и устойчивою убѣжденностію, смятеніе и неудовлетворенность — тишиною мира духовнаго и тихою радостью, раздоры и ожесточеніе — братолюбіемъ и сердечнымъ единеніемъ, малодушіе — твердою надеждою на помощь Божию. И все это, всѣ эти великія чудеса, Господь совершилъ въ одинъ годъ въ тайникѣ души, не одного, не многихъ, а громаднаго большинства, опомнившихся 16-го апрѣля 1900 года, только зато, что они поставили вѣрность Божию дѣлу братства трудового выше своихъ человѣческихъ прихотей и расчетовъ!

Радостныя событія быстро слѣдовали одно за другимъ. Основались субботнія собранія для сердечнаго братскаго единенія. Основались молитвенные кружки для святости единенія съ Богомъ въ формѣ молитвы о текущихъ нуждахъ повседневной жизни Братства. Внѣ Братства съ каждымъ днемъ проявляется болѣе пониманія жизненнаго значенія дѣла Трудового Братства для Церкви, Государства и блага общественнаго, сознанія необходимости организаціи жизни и труда на единой христіанской основѣ вѣры, дѣйствующей любовью.

Возблагодаримъ же Господа за безконечное милосердіе и долготерпѣніе Его. Скажемъ:

Воистину Живъ Господь-Богъ, творяй чудеса!

Не по грѣхамъ нашимъ воздалъ намъ. Когда грѣхъ нашъ передъ нами сталъ „выну“, Ты окропилъ насъ исономъ и очистилъ.

Продолжи милость Твою на насъ. Сердце чисто созижди въ насъ, Боже и духъ правъ обнови. Духомъ Владычнимъ утверди и силою благодати Твоея преобрази изъ пыли, гордостью и себялюбіемъ распыленныхъ блудныхъ дѣтей Твоихъ, въ крѣпкій алмазъ христіанскаго братства, христіанскаго прихода, малой Церкви Твоея, крѣпко сплоченной цементомъ любви къ Тебѣ и вѣрнымъ чадамъ Твоимъ.

Пресвятая Богородица, прими Братство Трудовое, школы наши молитвенные и братскіе кружки подъ святой покровъ любви Твоея. Всѣ святые Ангелы и всѣ Святые, Великая Церковь Божія, молитесь Бога о малой церкви братства нашего и о насъ грѣшныхъ, да оградить Онъ насъ отъ всѣхъ враговъ, видимыхъ и невидимыхъ, да разрушить козни и злоумышленія ихъ, въ немощи нашей да явить силу и славу Свою, да будемъ Церкви Православной, Отечеству и Братству нашему членами добрыми, Ему рабами разумными и неизмѣнно вѣрными.

Посѣти, Господи, въ насъ Братство наше благодатию Своею. Даруй намъ благодать вѣры, благодать любви, благодать терпѣнія, благодать кротости, благодать смиренія, благодать великодушія, благодать благоговѣнія, умиленія, мира, трудолюбія и тихой радости. Умири жизнь. Прости и исправи ошибки малодушія и недомыслія нашего. Утѣши нами обиженныхъ, прости насъ обижающихъ. Силою благодати Твоея обрати въ друзей и братьевъ враговъ. Огласи къ любви, Великаго Братства Царства Твоего и да будетъ воля и слава любви Твоея въ насъ, съ нами и черезъ насъ!

Благословенъ еси, Господи! Благословенна вѣчная и неизмѣнная истина правды путей любви Твоей! Благословенна сила могущества Твоего! Благословенна слава вѣчнаго блаженства причастія любви и мудрости Твоея, уготованная для любящихъ Тебя! Благословенны скорби, которыя Ты допускаешь, пока мы блудные сыны, крамольные и своевольные, вѣѣ дома Отца Нашего Небеснаго, чтобы научить насъ пониманію ничтожества нашего, когда мы обособляемъ себя отъ Тебя и гармоніи Царства Твоего и безмѣрную славу нашу въ единеніи съ Тобою, чтобы научить насъ дорожить этою славою блаженства тѣснаго единенія съ Тобою, Творцомъ, Спасителемъ и Вѣчнымъ Утѣшителемъ, Вѣчною Радостью всего сущаго!

Слава Тебѣ, Боже, за все—и за жизнь и за смерть, и за скорби и за радости. Слава Тебѣ!

Живъ Господь Богъ, творяй чудеса!

Ему, Единому слава во вѣки!

ПУТЬ ВѢРЫ.

ПУТЬ ВѢРЫ ¹⁾.

„Мы ходимъ вѣрою, а не видѣніемъ“.
(II Посл. къ Коринѣ. V, 7).

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ ²⁾.

Многоуважаемый
Радованъ Николаевичъ!

Вы выразили желаніе получить отъ меня небольшую статью, которую можно было бы приложить въ качествѣ передовицы къ предпринятому Вами сербскому переводу моихъ сочиненій.

Дѣлаю это съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что люблю одноплеменный намъ сербскій народъ и сохранилъ самую добрую память о немъ, его іерархахъ и политическихъ дѣятеляхъ, съ которыми мнѣ пришлось имѣть дѣло, когда интересъ къ сербской задругѣ привлекъ меня въ Вѣлградъ на пребываніе, къ сожалѣнію слишкомъ кратковременное.

Благодарю Васъ за возможность, которую Вы мнѣ даете, обратиться къ дорогому мнѣ сербскому народу со словомъ братскаго привѣта и, безъ дальнѣйшихъ предисловій, приступаю къ дѣлу.

Скажу, какъ самъ я смотрю на свои сочиненія и на дѣло моей жизни. Въ томъ и другомъ не я лично, а то, что для меня безконечно дороже моего личнаго „я“ и моей жизни, потому что оно безконечно выше и лучше моего человѣческаго „я“. Этимъ высшимъ и лучшимъ меня, любовью воспринятымъ мною и ставшимъ путеводною звѣздой ума, сердца и жизни моей, я и радъ подѣлиться съ сербскимъ народомъ, ожидая отъ него вдумчиваго и доброжелательнаго отношенія къ братскому слову моему.

¹⁾ Семь лекцій, читанныхъ въ аудиторіи Московской Духовной Академіи отъ 25 по 31 января 1907 года.

²⁾ Передовица къ сербскому переводу сочиненій Н. Н. Неплюева въ формѣ письма къ переводчику Р. Н. Казиміровичу.

Вся мои сочинения—исповѣданіе Бога Живого и Христа Его передъ собственною совѣстью и людьми; исповѣданіе вѣчной истины правды Божіей, покаянный вопль за все то, что въ умахъ, сердцахъ и жизни христіанъ затемнило пониманіе этой разумной и благой правды, исказило, оклеветало, оглушило и принизило до анти-христіанской рутинны жизни ту вѣру, въ которой я, человѣкъ съ высшимъ образованіемъ, изучавшій исторію философіи, нашелъ удовлетвореніе высшихъ потребностей ума и сердца, которую сознательно предпочелъ всѣмъ философскимъ системамъ, какъ наиболѣе разумное, наиболѣе благое, наиболѣе практически мудрое, какъ программа мирнаго прогресса на пути къ мирному благоденствію народовъ.

Все дѣло моей жизни—простая логика вѣры моей, исповѣданіе той же вѣры дѣломъ; это было насущною потребностью вѣры, любви, разума и совѣсти, естественно привело къ упорядоченію жизни моей и братьевъ моихъ по вѣрѣ и любви къ Богу „всѣмъ разумніемъ“, на началахъ „вѣры, дѣйствующей любовью“. Чѣмъ болѣе мы осуществляли вѣру нашу, тѣмъ болѣе на опытѣ убѣждались въ мудрой и благой правдѣ этой вѣры и начали понимать высокую цѣну для всего человѣчества жизненнаго опыта, имъ въ насъ переживаемаго. Мы можемъ говорить это безъ всякаго самомиѣнія и горделиваго самодовольства потому, что въ богатомъ опытѣ нашемъ, между прочимъ пережили, на опытѣ извѣдали и то, что „сила Божія въ немощи совершается“. Мы не только не хотимъ выдавать себя за святыхъ, но тремко свидетельствуемъ о немощности нашей и дорожимъ тѣмъ, что бы всѣмъ было ясно, что, чѣмъ хуже мы, тѣмъ доказательнѣй для всего человѣчества жизненный опытъ, имъ, въ насъ пережитого. Чѣмъ хуже мы, тѣмъ обязательнѣе для лучшихъ насъ сдѣлать лучше и больше того, что въ немощи нашей совершилось.

Чѣмъ менѣе понимаетъ окружающее насъ современное общество дорогую мнѣ правду, тѣмъ болѣе является для меня потребностью громко ее исповѣдывать. Вѣра моя для меня не гипотеза, а абсолютная истина, въ правдѣ которой я, чѣмъ больше живу, тѣмъ больше убѣждаюсь по мѣрѣ того, какъ правда эта своимъ разумнымъ свѣтомъ озаряетъ и упорядочиваетъ умы, сердца и жизни нашу. Двухъ истинъ я не знаю, въ единой истинѣ, соответствующей правдѣ вѣры, съ каждымъ днемъ жизни и съ каждымъ новымъ опытомъ, иногда и высоко скорбнымъ, все болѣе и болѣе убѣждаюсь. Чѣмъ менѣе эта истина понимается и признается, тѣмъ болѣе испо-

вѣданіе ея становится насущною потребностью вѣры, любви, разума и совѣсти для вѣрующаго, если вѣра его живая и сознательная, вѣра, а не туманное суетѣріе.

Чѣмъ болѣе мы разумно осуществляли вѣру нашу въ жизни нашей, тѣмъ болѣе испытывали правду всѣхъ обѣтовъ христіанскаго Откровенія: водворялся миръ въ умахъ, сердцахъ и жизни нашей, они упорядочивались любовью, мы становились способными пользоваться христіанскою свободою, не злоупотребляя ею, все для насъ оразумливалось, становилось просто и понятно и въ жизни, и въ смерти, и въ жизни духа, и въ отношеніяхъ къ Богу Живому, Церкви Его, къ Отечеству и властямъ, къ добру и злу, въ дѣлѣ борьбы и въ дѣлѣ мирнаго созиданія, въ вопросѣ обособленія отъ зла и братскаго единенія на дѣлѣ мирнаго созиданія добра. Передъ нами ясно и опредѣленно, съ осязаемою очевидностію предстали „путь, и истина, и жизнь“. Чѣмъ болѣе мы на себѣ и жизни нашей испытывали правду вѣры нашей, тѣмъ болѣе страшно мнѣ становилось за дорогое, любимое нами Отечество и все человѣчество идущія иными путями, для насъ очевидно неразумными, не способными привести къ разумному благу. Одновременно, какъ живая притча, переживались нами и благо избраннаго нами пути, приводя насъ къ оразумленію, свѣтлому преображенію и благому упорядоченію жизни на лонѣ нашего Трудового Братства и ложѣ того пути, который кругомъ насъ приводилъ только все къ большому ожесточенію, все къ большому разладу, все къ большому ужасу и позору истой анархіи, грубой безпринципной борьбы, развращающей душу народную, прививающей человѣчеству все болѣе и болѣе анти-соціальны инстинкты, дѣлающей все менѣе и менѣе основательною надежду на возможность единомыслія, единодушія и мирнаго благоденствія народовъ. Любовь побуждаетъ насъ желать для всѣхъ того разумнаго блага, жизненную правду котораго мы на себѣ и на жизни нашей испытали. Дѣло Братства Трудового—проповѣдь дѣломъ для ищущихъ правды, для насъ—духовная санаторія и правда жизни по вѣрѣ, дѣйствующей любовью, для всего человечества—драгоценный опытъ, частію выстраданный, частію жизнь нашу въ разумную радость претворившій, всѣмъ человечествомъ въ насъ пережитой.

Вотъ, какъ я понимаю значеніе моихъ сочиненій и дѣла Трудового Братства, ихъ животворящій духъ и ихъ практическую цѣнность.

Говоря—„наша вѣра“, я не хочу сказать, что мы изобрѣли но-

вую вѣру или получили новое откровеніе, намѣсто прежняго. Въ настоящее время, когда такъ многіе говорятъ о своей вѣрѣ именно въ этомъ смыслѣ и такъ легко измѣняютъ родной Церкви, подъ всевозможными предлогами становясь во враждебныя къ ней отношенія и тѣмъ самымъ измѣняя верховному завѣту любви христіанскаго Откровенія, считаю необходимымъ выяснитъ мое отношеніе къ этому вопросу. Никакой новой вѣры я не изобрѣталъ. *Единеніемъ съ Церковью Православною, къ которой принадлежу, высоко дорожю*, помня, что „не раздѣлился Христосъ“, что Онъ „Единый Учитель для всѣхъ“ и Вѣчный Глава Церкви. Именно вѣрность Церкви, признаніе верховнаго авторитета Вѣчнаго Главы Ея—Христа и долгъ повиновенія верховному завѣту христіанскаго Откровенія, находясь въ полномъ соотвѣтствіи съ наивысшими потребностями моего человѣческаго разума и моего человѣческаго сердца, какъ творенія того же Единого Бога Творца, отъ Котораго изшло и Откровеніе, *именно это дѣло вѣрности и повиновенія Церкви и привело меня на путь любви къ Богу всѣмъ разумніемъ, и заложило въ совѣсть мою потребность „жизни по вѣрѣ, дѣйствующей любовью“*. Во Христѣ—полнота Откровенія, но не почилъ Богъ Духъ Святой отъ дѣлъ Своихъ, не мертва, а жива Церковь Божія, возрастаетъ дерево христіанства, вскисаетъ святая закваска благодати, измѣняется съ тѣмъ вмѣстѣ отношеніе человечества къ правдѣ Откровенія, въ ту же букву вкладывается все болѣе и болѣе высокій, широкій и глубокій животворящій духъ, по мѣрѣ того, какъ мы возрастаемъ отъ вѣры въ вѣру, отъ любви въ любовь, отъ разумѣнія въ разумѣніе, становясь все болѣе и болѣе способными „чистымъ сердцемъ узрѣть Бога“, разумно умомъ и сердцемъ понять и вмѣстить въ себя святую истину правды Его.

Если въ томъ же Откровеніи мы узрѣли правду, утоляющую наивысшія потребности ума и сердца нашего, въ то время, какъ такъ многіе отказываются отъ вѣры подъ предлогомъ, что она не удовлетворяетъ даже и самымъ законнымъ потребностямъ простаго здраваго смысла въ нихъ, если логика вѣры привела насъ къ оразумленію жизни нашей въ то время, какъ столь многіе считаютъ для себя разумнымъ и практичнымъ слѣдовать совершенно инымъ жизненнымъ программамъ, даже и не признавая никакой разумной жизненной программы въ христіанскомъ Откровеніи, зависить это не отъ иной вѣры нашей, а отъ совершенно иного отношенія къ той же вѣрѣ, основанной на томъ же Откровеніи.

Это „иное“ отношеніе къ Богу Живому, Христу Его, Откровенію

вѣчной истины правды Ихъ и Церкви Ихъ, сравнительно съ громаднымъ большинствомъ современныхъ христіанъ, *состояло въ томъ, что я не Бога хотѣлъ сдѣлать достояніемъ своимъ*, не Его хотѣлъ эксплуатировать, выпрашивая у него что-либо для себя, а *искренно желалъ стать достояніемъ Его* и себя и жизнь свою отдать на служеніе святому дѣлу Его. Другого отношенія къ Богу я понять не могу. Мы или вѣруемъ или не вѣруемъ въ Бога Живого, Высшую Любовь и Высшій Разумъ міра. Если вѣруемъ, простая логика вѣры должна заставить насъ понять естественныя взаимно-отношенія между Богомъ и нами. Нельзя Бога подчинять себѣ, хотя бы въ смыслѣ настойчиваго выпрашиванія у Него иного, чѣмъ Онъ въ мудрой любви Своей для насъ желаетъ, хотя бы въ формѣ попытокъ подкупить Его дарами или лестью угодить Ему какою-либо „правовѣрною буквою“, частичнымъ выполненіемъ какой-либо „заповѣди“, чѣмъ либо инымъ, кромѣ того, чтобы стать цѣльно достояніемъ Его и всю жизнь свою во всей ея совокупности, личной, семейной, общественной, трудовой и политической, честно сдѣлать достояніемъ Его. Нельзя вѣрить въ Бога истиннаго и относиться къ Нему иначе, не понимать, что всякое разномысліе съ Высшимъ Разумомъ міра—нелѣпо, всякая несогласованность сердца и воли нашей съ Высшею Любовію—зло, всякая несогласованность жизни нашей съ правдою Его—глупое зло, нами себѣ причиняемое. Рутинное отношеніе къ Богу и состоитъ въ томъ, что Его призываютъ на помощь себѣ, изъ Его Откровенія берутъ то, что нравится, совсѣмъ не заботясь, ни о согласованіи ума съ правдою Его, причемъ рѣшая задачи жизни, не принимаютъ въ расчетъ главнаго условія жизни міра, Творца его—Бога Живого; ни о согласованіи воли своей съ волею Мудрой Любви, причемъ умы и сердца наши остаются не упорядоченными любовію и мы, горячо желая свободы, требуя для себя свободы и всю жизнь обращая въ грубую борьбу за свободу, совершенно неспособны пользоваться какою-либо свободою, грубо не злоупотребляя ею; ни объ упорядоченіи жизни нашей по вѣрѣ, дѣйствующей любовію, цѣли жизни нашей съ конечными цѣлями жизни міра, причемъ, конечно, не мы, бунтующая пыль міра, можемъ измѣнить по капризамъ нашимъ планъ домостроительства Божія, а только, какъ пыль, негодная для созиданія, остаемся внѣ блаженной гармоніи Царства Божія.

Это рутинное отношеніе и оглупило для столь многихъ вѣру до такой степени, что всякое умственное развитіе ведетъ къ потерѣ этого суевѣрія и „христіанскія“ школы плодятъ только атеистовъ.

Откровение для громаднаго большинства христіанъ перестало быть „свѣтомъ разума“, умы и сердца въ полномъ разладѣ съ вѣрою и жизнью христіанскихъ народовъ—сплошное отречение отъ Бога Живого и Христа Его, сплошная клевета на вѣчную истину правды Божіей.

Ново въ моемъ отношеніи, по сравненію съ этой рутинною, было именно то, что я созналъ нелѣпость этого рутиннаго отношенія къ Богу Живому и Его откровенію, искренно пожелалъ стать достойнымъ Божиимъ и жизнь свою отдать на святое дѣло Его—„отвергнуться себя, взять крестъ, наиболѣе преображающій людей и жизнь въ достоинствѣ Божіе и идти во слѣдъ Христу, не страшась никакой голгофы, на которую въ этой жизни намъ можетъ оказаться неизбежнымъ взойти во слѣдъ Христу. Тотчасъ совершилось для меня великое чудо. Оразумилось Откровеніе, какъ только я и къ нему приложился ту же мѣрку, желая умъ мой сдѣлать достойнымъ Божиимъ, а не свой разумъ дѣлать верховнымъ судьей надъ Высшимъ Разумомъ міра. Животворящій Духъ Откровенія Божія представалъ передо мною во всемъ своемъ дивномъ величій свѣта разума и благой славы; я понималъ, что значить любить Бога всѣмъ разумѣніемъ своимъ и поклоняться Ему въ духѣ и истинѣ. Всѣ „буквы“ перестали быть для меня мертвыми, будь то буквы отдѣльныхъ текстовъ самого Откровенія, или буквы догматовъ, обрядовъ, рутиннаго пониманія и рутинны жизни,—все то, изъ чего творять себѣ кумиры, елика на землѣ низу, вѣруя въ нихъ намѣсто Бога Живого, имъ поклоняясь и имъ служа. Откровеніе Божіе стало свѣтомъ разума для меня и яркимъ свѣтомъ озарило для меня и правду Божию и ложь жизни безъ Бога и самый животворящій духъ того, что есть Путь, и Истина, и Жизнь. Ясно стало для меня и то, что распылило для вѣрующихъ самое вѣроученіе, лишило ихъ возможности разумно исповѣдывать вѣру и разумно осуществлять правду вѣры въ жизни. Какъ животворящій Духъ міра—Богъ Живой, такъ животворящій духъ Откровенія Бога—Любовь—верховная заповѣдь о любви къ ближнимъ при свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумѣніемъ, заповѣдь, возведенная въ единую новозавѣтную заповѣдь, усиленная до требованія быть вѣрными этому подвигу любви до смерти и смерти крестной: „заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ... по тому узнаютъ всѣ, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою“. Величайшее преступленіе нечестнаго рутиннаго отношенія къ Богу Живому и Его Откровенію и состояло въ томъ, что, въ улоду бѣднымъ любовію сердцамъ своимъ, христіане

затеряли этотъ верховный заветъ христіанскаго Откровенія среди хаоса отрывочныхъ мертвящихъ буквъ, изъ которыхъ и сотворили себѣ кумировъ, переставъ поклоняться Богу, въ духѣ и истинѣ. Самое вѣроученіе было тѣмъ распылено, лишившись своего животворящаго духа, вѣрующіе утратили Церковное самосознаніе, перестали быть вѣрующими и стали тѣми номинальными христіанами, которыхъ мы въ настоящее время видимъ тѣмъ, негодною для созиданія церковной правды въ живни, громко отрекающимися отъ Христа, творя тотъ позорный хаосъ жизни, на столь многихъ явленіяхъ которой такъ ярко горитъ позорное клеймо отверженія и проклятія, позорное клеймо антихриста и Сатаны!

Когда я смирилъ себя передъ Богомъ Живымъ и бѣдное любовію человеческое сердце мое передъ правдою Откровенія Бога—Любовь, для меня тотчасъ стало очевиднымъ истинное значеніе верховнаго завета христіанскаго Откровенія, при свѣтѣ его оживились духомъ жизни всѣ буквы, дотолѣ мертвящія. Для меня стало единымъ живымъ цѣлымъ все Откровеніе, одною святою гармоніей все вѣроученіе, стала простою и понятною жизненная правда вѣры, простыми и понятными путями, ведущіе къ упорядоченію умовъ, сердецъ и жизни любовію, при свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумѣніемъ. Все стало разумно, стройно и понятно въ христіанскомъ міровоззрѣніи, въ христіанской этикѣ и въ христіанскомъ пониманіи жизни по вѣрѣ, дѣйствующей любовію. Все остальное сдѣлалось само собою, какъ простая логика живой вѣры, какъ простая вѣрность живой любви.

Вотъ то отношеніе къ вѣрѣ, къ которому я призываю, пространнымъ комментариемъ котораго и служатъ всѣ мои сочиненія, проповѣдью дѣломъ котораго и является наше Трудовое Братство, эта трудовая организація на основѣ вѣры, дѣйствующей любовію, которая стала для насъ насущною потребностью вѣры, любви, разума и совѣсти, какъ она можетъ стать для христіанскихъ народовъ, наиболѣе достойнымъ христіанъ рѣшеніемъ всѣхъ социальныхъ и политическихъ проблемъ, если вѣра, любовь, разумъ и совѣсть побудятъ ихъ принять нашу программу христіанскаго мирнаго прогресса и сдѣлать изъ нея дѣло обще-государственное, обще-церковное. Въ этотъ день они найдутъ въ Трудовомъ Братствѣ нашемъ готовый опытъ организаціи прихода на началахъ братскаго единства.

Знаю, что Откровеніе не даетъ намъ основанія надѣяться на то, что наступитъ золотой вѣкъ для всего человечества раньше втораго пришествія Христа во славу. Помню и слова того же Откровенія о судѣ надъ „великою блудницею“, объединеннымъ зломъ

всего міра, помню завѣтъ Откровенія „выйди отъ нея, народъ Мой“ и радостное предсказаніе о томъ, что „ради избранныхъ прекратятся дни сіи“ и защититъ Господь „станъ святыхъ и городъ возлюбленный“. По любви не могу не желать, чтобы этими избранными, этимъ станомъ святыхъ и этимъ городомъ возлюбленнымъ была вся наша Россія, вся ваша Сербія, всякій народъ, котораго любовь преобразитъ въ сыновъ свѣта, побудитъ обособиться отъ сыновъ тьмы, чтобы не быть долѣе участниками ихъ дѣлъ тьмы и дружно, въ честномъ братскомъ единеніи съ сынами свѣта, въ жизни своей разумно осуществлять правду Царства Христова.

Вотъ то слово братскаго привѣта, которое любовь о Богѣ и Христѣ побуждаетъ меня сказать Вашимъ соотечественникамъ, еще разъ выражая Вамъ сердечную благодарность за то, что Вы дали мнѣ возможность это сдѣлать и, переводя на Сербскій языкъ мои сочиненія, устанавливаете радостную для меня связь между душою моею и душою народа Сербскаго.

Блюститель Православнаго Кресто-Воздвиженскаго
Перваго Трудового Братства

Николай Неплюевъ.

Липоль Черниговскій
Трудовое Братство
25 Октября 1906 года.

I.

Мое пониманіе христіанскаго міровоззрѣнія.

Ваше преосвященство, дорогіе отцы и братья!

Позвольте, начиная серію бесѣдъ въ этой академической аудиторіи, сказать, что самый фактъ моихъ бесѣдъ въ этомъ мѣстѣ, передъ Вами, обладающими гораздо большими меня знаніями въ области богословской науки, фактъ—высоко знаменательный и высоко отрадный. Съ Вашей стороны высоко симпатично самое желаніе выслушать изложеніе итоговъ жизненнаго опыта рядового мірянина, весь научно-богословскій багажъ котораго ограничивается основательнымъ знаніемъ первоисточниковъ Откровенія, мірянина, который эти первоисточники Откровенія изучалъ со страхомъ Божиимъ, вѣрою и любовію, какъ живую правду бытія, возлюбилъ Бога всѣмъ разумніемъ своимъ, до потребности быть „не слушателемъ забывчивымъ, а исполнителемъ слова“, до насущной потребности вѣры, любви, разума и совѣсти посвятить себя и жизнь свою дѣлу оздоровленія души народной путемъ воспитанія дѣтей народа въ свободу славы достоянія Божія, людьми способными и жизнь свою сдѣлать достояніемъ Божиимъ, честно устроивъ ее на началахъ „вѣры, дѣйствующей любовію“.

Съ Вашей стороны это актъ христіанской любви и добраго христіанскаго смиренія. Хотѣлъ бы, чтобы Вы почувствовали, что и съ моей стороны дѣйствуютъ тѣ же побужденія любви и честной рѣшимости сыновне и братски подѣлиться съ Вами опытомъ силы Божіей, въ великихъ немоцахъ нашихъ совершавшейся. Въ настоящее время, когда вражда и раздоры достигли высшаго напряженія, когда все становится поводомъ къ недовѣрчивому разъединенію, Ваше желаніе дать высказаться передъ Вами, специалистами—богословами, практическому дѣятелю изъ среды мірянъ,—отрадный фактъ братскаго единенія, придающій настоящимъ бесѣдамъ характеръ праздника братолюбія. Да будетъ же благословеніе Господне на насъ и на нашемъ дѣлѣ любви и братскаго единенія. Да благо-

словить насъ Господь дѣло сіе о Немъ Самомъ совершити во имя Отца, Сына и Святаго Духа, Господу во славу, Церкви, Отечеству, братству между людьми и душамъ нашимъ на пользу, Ангеламъ и Святымъ Царства Божія на радость! Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ въ человѣцѣхъ благоволеніе!

Говорить съ Вами не сектантъ, въ чемъ-либо отдѣляющій себя отъ Русской Православной Церкви, къ которой принадлежитъ, а человѣкъ сознательно дорожащій полнымъ единеніемъ съ Церковію, возлюбившій Церковь до насущной потребности дѣйствовать въ Ней въ духѣ Церковнаго самосознанія и честнаго выполненія своихъ Церковныхъ обязанностей. Къ стыду и горю нашему приходится сознать, что міряне до того забыли свое отвѣтственное положеніе въ Церкви, до того чужды Церковнаго самосознанія и пониманія принадлежащихъ имъ правъ и обязанностей, что именно проявленія церковнаго самосознанія во мнѣ, все, что было въ моихъ дѣлахъ простою логикою вѣры и честнымъ выполненіемъ азбучныхъ обязанностей образованнаго и состоятельнаго христіанина, многіе принимали за нецерковность, за духъ сектанства и нежелательное новшество.

Говоря это, я тѣмъ самымъ признаю, что мое пониманіе христіанскаго міровоззрѣнія я считаю не новымъ открытіемъ, а наиболѣе православнымъ пониманіемъ жизненной правды Божіей и свою программу мирнаго христіанскаго прогресса — наиболѣе православнымъ устроеніемъ жизни по вѣрѣ, наиболѣе православнымъ осуществленіемъ правды вѣры въ практикѣ жизни вѣрующихъ.

Богъ есть любовь. Въ святой гармоніи Духа Божія любовь занимаетъ мѣсто первое, опредѣляетъ собою характеръ свободнаго изволенія воли Божіей и неизмѣнность святости правды Его, Она опредѣляетъ собою неизмѣнныя цѣли домостроительства Божія, какъ подчиненная ей мудрость — неизмѣнность разумныхъ путей къ достиженію цѣлей, намѣченныхъ любовію Божіей. Она — святая мудрая любовь, есть первопричина бытія и конечная цѣль творенія.

Какъ высшій разумъ міра, Господь знаетъ абсолютную правду, знаетъ, въ чемъ наиболѣе разумный путь къ достиженію высшаго и наиболѣе разумнаго блага для всего творенія, объекта любви Его. Какъ Высшая Любовь, Онъ именно это высшее, наиболѣе разумное благо для всего творенія своего неизмѣнно и желаетъ. Это

и дѣлаетъ неизмѣнными и волю Божію, въ противоположность измѣчивымъ капризамъ воли человѣческой, въ зависимости отъ относительности нашихъ знаній и бѣднаго любовію сердца нашего, и планы домостроительства Божія, въ противоположность измѣчивости нашихъ человѣческихъ программъ, столь же измѣчивыхъ, какъ измѣчиво въ насъ пониманіе правды и капризы себялюбиваго, бѣднаго любовію сердца.

Совершенно опредѣленная, неизмѣнная, конечная цѣль міра и есть вѣчное блаженство причастія жизни Творца, причастія всевѣднѣю, вдохновенію любви, всемогуществу и славѣ Его.

Въ любви Божіей вѣчное блаженство творенія. Богъ — полнота совершенства. Все должно быть едино въ Немъ, чтобы быть полнотою совершенства, какъ и Онъ, безъ чего невозможно и вѣчное блаженство причастія жизни Его, такъ какъ Онъ Святъ и только святое можетъ быть причастникомъ жизни Его. *Въ Богѣ нѣтъ никакого раздѣленія, не можетъ быть никакого раздѣленія и въ твореніи по мысли Божіей.* Всякое раздѣленіе — временный преходящій призракъ, уничтожаемый святостью и святымъ отношеніемъ. „Будьте святы, какъ Святъ Господь Богъ вашъ...“ „Да будетъ едино стадо и Единъ Пастырь“.

Богъ — Единный Источникъ всѣхъ благодатныхъ силъ и въ этомъ залогъ единства Царства Божія, единства царства благодати, безсилья зла и непреодолимой силы добра, призрачности зла и вѣчной реальности добра, что такъ трудно понимается ходящими не вѣрою, а видѣніями преходящихъ призраковъ земнаго бытія.

Разумнымъ основаніемъ любви Божіей къ творенію — свобода воли всѣхъ разумныхъ тварей, въ мірѣ видимомъ и мірѣ незримомъ. *Въ свободѣ воли нашей — нравственное достоинство наше, когда по свободному изволенію любви мы алчемъ и жаждемъ единомушія съ Высшею Любовію и единомыслія съ Высшимъ Разумомъ міра, становимся свободными рабами Бога Живого, тѣмъ восходя въ свободу славы чадъ Божіихъ.* Безъ этого мы были бы кулями, заведенными Богомъ на добро, не имѣющими въ очахъ Его никакого нравственнаго достоинства и тѣмъ самымъ неспособными внушать къ себѣ и никакой любви Творцу.

Образъ и подобіе Бога въ насъ — способность наша быть любящими, какъ вѣчное свойство души нашей воспринимать благодать любви, когда можетъ Господь безъ насилья надъ нами „прійти и вселиться въ насъ“. „Гдѣ любовь, тамъ и Богъ“.

Образъ и подобіе Бога въ насъ — способность быть разумными

вѣчное свойство духа нашего воспринимать благодать разумѣнія, когда мы не творимъ изъ своего разума себѣ кумира, смиряемъ себя до алканія и жажды благодати разумѣнія и тѣмъ даемъ Богу Живому возможность безъ насилія надъ нами открыть намъ вѣчную истину правды Своей. „Богъ гордымъ противится, а смиреннымъ даетъ благодать“.

„Знанія надмеваютъ, а любовь научаетъ. Кто любитъ Бога, тому дано знаніе отъ Него“.

Свобода воли предполагаетъ возможность уклоненія отъ единомыслія съ Высшимъ Разумомъ міра и единокровія съ Высшею Любовію. *Всякое разномысліе съ Высшимъ Разумомъ есть недомысліе* и ведетъ къ скорбнымъ ошибкамъ, глупо и ведетъ ко злу. *Всякое отступленіе отъ единокровія съ Высшею Любовію — гордость и злоба*, ведетъ ко злу и стаданіямъ. *Зло и есть — свобода отъ Бога*, когда мы избираемъ не путь смиреннаго алканія и жажды правды Его, единомыслія и единокровія съ Нимъ, а путь горделиваго самоопредѣленія, путь блуднаго сына, ищущаго счастья внѣ дома Отца Небеснаго, по прихотямъ своего ума, свободнаго отъ единомыслія съ Высшимъ Разумомъ міра и своего гордаго и злого сердца, свободнаго отъ Единокровія съ Высшею Любовію. Иного зла въ мірѣ и нѣтъ, какъ свобода отъ Бога, со всеми ея логическими послѣдствіями въ практикѣ жизни и взаимныхъ отношеніяхъ.

Такимъ образомъ, въ свободѣ, одновременно, и основа нравственнаго достоинства нашего, когда мы свободно избираемъ добро единомыслія и единокровія съ Творцомъ, и основа страшной трагедіи міра, когда мы избираемъ свободу отъ Бога, свободу зла и преступленій противъ любви Божіей и плановъ домостроительства Его, когда мы выходимъ изъ единства царства Божія, тѣсно сплоченнаго цементомъ любви при свѣтѣ любви къ Богу, всѣмъ разумѣніемъ.

Любовь и есть святой цементъ, связующій Творца и все, что постоянно Ею въ твореніи, въ одну любовь, въ одно блаженное единство. Въ любви залогъ и единомыслія и способности по свободному изволенію любви, непрестанно воспринимая нисходящую отъ Господа благодать, становиться святыми, какъ Святъ Господь Богъ нашъ, способными быть причастниками жизни Его, блаженными причастниками вдохновенія любви Его, всевѣдѣнія, всемогущества и славы Его. *Любовь и есть верховный мировой законъ вѣчной истины правды Божіей*, верховный завѣтъ Откровенія Божія, верховный завѣтъ христіанской нравственности. „Любовь — полнота совершен-

ства“ — „Любящій исполнилъ законъ“ — „языки умолкнутъ и знаніе упразднится, любовь же пребываетъ во вѣкъ“ — „Нынѣ пребываютъ три сіи: вѣра, надежда и любовь, но любовь изъ нихъ больше“.

Любовь — святыня только для любящаго. Нелюбящій, не только не цѣнитъ любовь, но и тяготится всякимъ проявленіемъ любви къ нему. Отсутствие въ немъ любви ставитъ его въ альтернативу: или покаяться, стать алчущимъ и жаждущимъ благодати любви и тѣмъ открыть душу свою для притока благодати, или ожесточиться противъ любящихъ, возненавидѣть ихъ, стать по отношенію къ нимъ „клеветникомъ“, чтобы себя оправдать и „обольстителемъ“, чтобы не быть одинокимъ во лжи и злобѣ своей.

Именно этотъ психологическій процессъ и лежитъ въ основѣ всей мировой трагедіи, безконечно повторяясь, какъ въ великомъ такъ и въ маломъ, во всей области „міра сего“, того „міра, который весь во злѣ лежитъ и поущенъ Богомъ, какъ свобода опыта жизни „блудныхъ сыновъ внѣ дома Отца Небеснаго“.

Это случилось съ свѣтоноснымъ ангеломъ „Люциферомъ“, когда онъ возгордился и пересталъ жить смиреніемъ благоговѣйной любви къ Богу Живому. *Любовь — вѣчная правда.* Переставъ любить, онъ сталъ „отцомъ лжи“, самъ ставъ „ложью“. *Любовь — блаженная жизнь въ Богѣ.* Переставъ любить, онъ умеръ для Бога и царства Божія — то было самоубійствомъ. Переставъ любить онъ закрылъ душу свою для притока благодати любви, и остатки любви, инстинктъ любви, вѣчное свойство вѣчнаго духа своего, образъ и подобіе Бога въ себѣ, укралъ у Бога, сосредоточилъ на себѣ и это стало скверною гордости и себялюбія въ немъ, и онъ сталъ „клеветникомъ“ и „обольстителемъ“, „исконнымъ человекоубійцею“ и ангелоубійцею для всѣхъ тѣхъ, кого соблазнилъ стать „сынами противленія“, кого убилъ для Бога, любви Божіей и блаженства причастія жизни Его. Имъ „грѣхъ въ міръ вошелъ“ и „грѣхомъ смерть“.

Нѣтъ иного зла и грѣха въ мірѣ, какъ измѣна любви Божіей. Вотъ почему грѣшниковъ называетъ Откровеніе прелюбодѣями и грѣхъ блудомъ.

Тотъ же психологическій процессъ постоянно повторяется и во всѣхъ мелочахъ жизни сыновъ противленія, пока они не покаются, не смиряютъ себя до любви, до алканія и жажды благодати любви, до желанія „хотя бы послѣднимъ рабомъ“ вернуться „въ домъ Отца Небеснаго“, вновь стать причастниками блаженной жизни царства Божія.

Когда Люциферъ по свободному изволенію воли своей избралъ

свободу зла и преступленія, свободу быть „ложью, клеветникомъ, обольстителемъ и человекоубійцею“, постигло его проклятіе Божіе, онъ получилъ свободу отъ Бога, прекратился притокъ благодати, изъ Люцифера онъ сталъ Сатаною, изъ сына свѣта сталъ отцемъ тьмы; и совершилась правда, прекратилось всякое общеніе свѣта со тьмою. Въ этомъ и состоитъ проклятіе, коимъ караетъ „сыновъ противленія“ Богъ—Любовь. Онъ предоставляетъ имъ, желанную ими свободу отъ Себя, лишаетъ ихъ притока благодати, предоставляетъ имъ на опытъ извѣдать всѣ логичныя послѣдствія безблагодатности и не обманывать ихъ, Самъ оставаясь неизмѣнною правдою, проклинаетъ въ дѣлахъ ихъ и всю область жизни ихъ, налагая и на нее печать отверженія, скорбь и позоръ свободы отъ Бога.

Когда наши прародители, Адамъ и тотъ „помощникъ“ его, который послѣ грѣхопаденія сталъ „женою его“, поддались соблазну возгордиться и стать „какъ боги“, свободу отъ Бога, свободу познанія „добра и зла“ предпочли единомыслию и единодушію съ Богомъ Святымъ и себя вообразили умнѣе и лучше Бога, „устыдившись“ передъ Нимъ „наготы своей“, Господь и имъ далъ желанную ими свободу отъ Себя, исполнилъ желаніе гордыхъ и злыхъ сердецъ ихъ, надѣлъ на нихъ кожанную одежду тѣла земного (Св. Григорій Богословъ) и предоставилъ имъ испытать жизнь „внѣ дома Отца Небеснаго“, на землѣ проклятой въ дѣлахъ человѣческихъ.

И вездѣ въ мірѣ Божіемъ правда. Въ царствѣ Божіемъ—правда любви Божіей, правда логики любви и мудрости Божіей, правда единства блаженства и славы. Это и есть домъ Божій, несокрушимая твердыня Іерусалима Небеснаго, великое братство ангеловъ и святыхъ Царства Божія, тѣсно сплоченнаго цементомъ любви въ одно блаженное единство, въ одну любовь, въ одно всемогущество, въ одну славу! Внѣ дома Божія, въ „мірѣ семъ“, проклятомъ въ дѣлахъ „сыновъ противленія“ — правда свободы отъ Бога, свободы отъ единомыслія съ Высшимъ Разумомъ міра и единодушія съ Высшею Любовію, правда раздѣленія, правда логики гордыни и злобы, себялюбія и корысти, правда борьбы за существованіе, правда позора и скорби, правда болѣзни, старости и смерти тѣлъ, предоставленныхъ свободѣ физическихъ законовъ на свободѣ отъ попеченій любви Божіей.

Пребываніе блудныхъ сыновъ, получившихъ свободу отъ Бога въ мірѣ вещей, не получившихъ свободы отъ Бога, было бы ложью и обманомъ. Господь сотворилъ правду, проклявъ землю въ дѣлахъ чело-
вѣческихъ и давъ испытать правду всѣхъ логичныхъ послѣдствій

безблагодатности, на свободѣ отъ Бога въ мірѣ земномъ, тоже свободномъ отъ Него.

Вотъ чего не понимаютъ слишкомъ многіе христіане. Вотъ почему для столь многихъ изъ нихъ зло „міра сего“, торжество зла переходящихъ призраковъ земного бытія — такой соблазнъ на невѣріе, такая помѣха тому, чтобы вѣра была свѣтомъ разума для нихъ. Вѣра подмѣнена суевѣріями, не оразумляющими ни жизнь, ни смерть, ни добро, ни зло, ни славу Божию, ни скорбный позоръ земного бытія, „питаніе рожками со свиньями“ притчи о блудномъ сынѣ!

Не понятно остается для большинства христіанъ и самая притча жизни нашей во плоти. Тѣло наше, то грубое видимое и осязаемое нами тѣло, которое по изъясненію Св. Григорія Богослова и есть тѣ кожанная одежды, которыя были одѣты на нашихъ прародителей устыдившихся наготы своей передъ Господомъ, когда совершилась правда изгнанія ихъ изъ рая, — прахъ земли, о которомъ и говорится людямъ, ставшимъ „негодною плотью“, „прахъ еси и въ землю отыдеши“. Этотъ безформенный и самъ по себѣ не имѣющій никакой жизни прахъ, пока находится въ общеніи съ духомъ нашимъ, прославленъ славою его, являя собой красоту живого тѣла чело-
вѣка. Какъ только порывается таинственная связь его съ духомъ нашимъ, онъ выходитъ изъ организма нашего безъ всякихъ признаковъ прежней красоты, являя собою смрадную грязь прижизненныхъ выдѣленій и посмертнаго трупнаго разложенія. Буквально тоже происходитъ и въ жизни міра. Всѣ мы, все твореніе, относимся къ Богу, какъ прахъ матеріи относится къ духу нашему. Въ единеніи съ Богомъ, крѣпко связанные съ Нимъ цементомъ любви и постояннымъ притокомъ животворящей благодати, мы прославлены славою Божіей, причастники жизни Его, выполняя предназначеніе наше быть причастниками и вѣчнаго блаженства всемогущества и славы Его. Какъ только порывается эта благодатная связь, мы становимся пылью міра, позорною смрадною грязью его. Одна любовь можетъ возстановить благодатное единеніе съ Богомъ, крѣпкимъ цементомъ связать насъ съ Нимъ, сдѣлать насъ тѣломъ Его, тѣломъ Христовымъ, вновь сдѣлать насъ причастниками славы Его!

Все это — азбука вѣры, простая логика истинъ Откровенія. На этихъ азбучныхъ истинахъ вѣры мнѣ необходимо было остановиться, чтобы изложить мое пониманіе ихъ при свѣтѣ мірового закона любви, т. е. и эти азбучныя истины Откровенія одухотво-

ряются тѣмъ же духомъ жизни, понимаются только при свѣтѣ того же животворящаго закона любви. Въ отсутствіи связующаго цемента этого верховнаго закона и эти азбучныя истины Откровенія лишены духа жизни и внутренней духовной связи, могутъ быть извѣстны и не быть „свѣтомъ разума“, что я и на себѣ испыталъ. *Стали для меня всѣ эти азбучныя истины христіанскаго Откровенія светомъ разума только тогда, когда я уразумѣлъ животворящій духъ ихъ при свѣтѣ разумнаго верховнаго, мірового закона любви.* Тогда все стало просто и понятно, все оразумилось, все, изъ соблазна, стало назиданіемъ, вездѣ я понималъ правду Божию: и въ вѣчномъ блаженствѣ, „уготованномъ для любящихъ Его“, и въ скорбномъ позорѣ жизни земной, и въ вѣчной реальности добра и въ свободѣ скорбнаго опыта, временно торжествующаго зла, и въ лпанѣ домостроительства Божія.

Это и есть та азбука, та таблица умноженія христіанскаго міровоззрѣнія, усвоивъ которыхъ легко прочесть всю „книгу жизни“. Подробно выяснивъ мое пониманіе этихъ основныхъ истинъ, я считаю себя въ правѣ очень кратко говорить о всемъ остальномъ, увѣренный, что вы поймете меня на полусловѣ и вынужденный говорить полусловами, чтобы не выйти за предѣлы удѣленнаго мнѣ времени.

Мы здѣсь на свободѣ отъ Бога и все въ „мірѣ семъ“ носитъ на себѣ печать отверженія этой свободы, почему „міръ сей“ весь во злѣ и лежитъ.

Положеніе наше въ „мірѣ семъ“ ярко изображено въ притчѣ о блудномъ сынѣ. Мы на свободѣ отъ Бога, можемъ свободно отрицать самое существованіе Его, быть вполне свободными отъ единодушія и единомыслія съ Нимъ, отъ мудрости и любви, всячески безчинствовать и беззаконничать, *но Господь остается въренъ Самому Себѣ, не хочетъ для Себя свободы отъ любви къ намъ.* Дѣло Божіе на землѣ и состоитъ въ постоянныхъ призывахъ къ примиренію съ Нимъ. Промыселъ Божій и состоитъ въ постоянномъ благотномъ воздѣйствіи Церкви Его, безъ малѣйшаго насилія надъ свободою воли, хотя бы и на добро. Все въ мірѣ Божіемъ — стройная гармонія. *Любовь Божія приставила върныхъ Ему ангеловъ хранителей къ каждому человеку, къ каждому дѣлу, соответствующему планамъ домостроительства Божія. Люди доброй воли по свободному изволенію любви откликаются на призывы этихъ посланниковъ Божіихъ, по свободному изволенію любви отдаютъ себя въ ихъ распоряженіе, становятся избранными Божіими, орудіемъ*

въ рукахъ Его, соработниками Его, перомъ Его, гласомъ Его; черезъ нихъ Онъ говоритъ людямъ правду Свою, проявляетъ на землѣ любовь Свою. Еще здѣсь, на землѣ, внѣ дома Отца Небеснаго, они уже достояніе Божіе, царство Божіе „внутри ихъ есть“. „Міръ сей“ ихъ не принимаетъ и не можетъ принять, пока остается міромъ симъ; онъ злобствуетъ противъ нихъ, клеветаетъ на нихъ и гонитъ ихъ, пока не покается въ свободѣ злобы своей, въ свободѣ гордости и своеволія „самоопредѣленія“. „Претерпѣвый до конца, тотъ спасется“, станетъ цѣльно достояніемъ Божіимъ, содѣлаетъ цѣльно и умъ, и сердце, и жизнь свою—достояніемъ Его, будетъ „свѣтомъ міра“ и „солью земли“. Это и есть „народъ Божій, люди, взятые въ удѣлъ, царственное священство... духовные камни Церкви Божіей, вѣтхозавѣтные избранныки, съ обрѣзанными умомъ и сердцемъ, новозавѣтные христіане, съ умомъ и сердцемъ крещеными, духовно выше родившіеся.

Въ этомъ мірѣ вѣра и есть любовь къ Богу, насыщающая потребность любящей Бога души. Живая вѣра не можетъ не проявляться дѣлами вѣры, подвигомъ любви. „Вѣра безъ дѣлъ мертва есть“. Подвига любви нѣтъ тамъ, гдѣ не любятъ Бога „всѣмъ разумніемъ“, гдѣ не чувствуютъ потребности жить „по вѣрѣ, дѣйствующей любовью“, гдѣ не осуществляютъ гармонію братскаго единства. „Потому узнаютъ всѣ, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою“.—„Будьте братолюбивы съ нѣжностію“.

Кто по свободному изволенію злой воли избираетъ свободу зла и преступленій, свободу горделиваго самоопредѣленія и широкаго проявленія своей индивидуальности, безъ всякаго отношенія къ ея нравственнымъ достоинствамъ, измѣнилъ любви къ Богу, не дорожитъ единомысліемъ и единомудріемъ съ Нимъ, прелюбодѣенъ по отношенію къ Богу, грѣшенъ и грѣхолюбивъ, не чистъ и на все въ себѣ, въ жизни своей, на все до чего прикасается, накладываетъ позорное клеймо своей нечистоты. „Для чистыхъ все чисто, а для оскверненныхъ и нечестивыхъ нѣтъ ничего чистаго, но осквернены и умъ ихъ и совѣсть“. Это и есть „сыны противленія“,—„сыны тьмы“. „Это и есть ветхозавѣтный народъ жестоковѣрный, съ мѣднымъ лбомъ и необрѣзаннымъ сердцемъ“. Это и есть новозавѣтные антихристы, о которыхъ сказалъ Апостолъ Іоаннъ въ посланіи своемъ: Вы слышали, что придетъ антихристъ, они и теперь уже есть между нами; они были наши, но вышли отъ насъ и тѣмъ обнаружилось, что они не наши“. Антихристы, слѣдовательно, не только отрицающіе Христа, но главнымъ образомъ отрекшіеся отъ Христа, не только со-

знающіе себя не вѣрующими, а главнымъ образомъ отринувшіе завѣтъ Спасителя міра: „Одинъ у васъ Учитель Христосъ, всѣ же вы братья“—„Ученіе мое есть духъ и жизнь“—„Богу надлежитъ поклоняться въ духѣ и истинѣ“, тѣ, которые, подмѣнили животворящій духъ вѣры въ Бога Живого, животворящій духъ завѣтовъ Христа Его, животворящій духъ земной, воинствующей Церкви Ихъ, мертвящею буквою „кумировъ, елика на землѣ низу“, забывъ предупрежденіе апостола: „буква мертвитъ, а духъ животворитъ“, безразлично, сотворили ли они себѣ кумира на небеси горѣ, извративъ пониманіе Бога Живого по прихотямъ своего злого, корыстнаго и глупаго сердца, не возлюбивъ Бога всѣмъ разумніемъ, а создавъ представленіе о Немъ по образу и подобию своему, или сотворили себѣ кумира елика на землѣ низу изъ буквы писанія, догмата, обряда, и тѣмъ оклеветали, оглушили, извратили до неузнаваемости понятіе о Богѣ Истинномъ, о правдѣ Его, Христѣ и Церкви Его. *Всѣ они отрицаютъ Бога Живого*, одни потому, что не видятъ и не любятъ Его, другіе потому, что на мѣсто Его сотворили себѣ кумира. Всѣ они одинаково отрицаются Христа и неспособны исповѣдывать Его передъ людьми, всѣ они одинаково признаютъ правду Его за неосуществимую утопію, одинаково не признаютъ для себя обязательнымъ, при кротости голубиной, быть мудрыми, какъ змій, *не понимаютъ необходимости для сыновъ свѣта обособленія отъ сыновъ тьмы*, чтобы не дѣлаться участниками ихъ дѣлъ тьмы, *не понимаютъ невозможности общенія свѣта со тьмою*, насколько свѣтъ этотъ дѣйствительно свѣтъ отъ Свѣта Небеснаго, не признаютъ обязанности жить по вѣрѣ дѣйствующей любовью, всѣ они одинаково антихристы, противники Христа, правды Его и Церкви Его.

„Не всякому духу вѣрѣте, но испытывайте духовъ, отъ Бога ли они“ — „по плодамъ ихъ узнаете ихъ“. Плодъ кающихся блудныхъ сыновъ—живая вѣра въ Бога Живого, живая вѣра истомившагося по Немъ и по дому Отца Небеснаго въ позорѣ и униженіи жизни земной, гдѣ онъ чувствуетъ себя „странникомъ и пришельцемъ“, наличность насущной потребности быть достояніемъ Божиимъ и жизнь свою дѣлать достояніемъ Его, ходить вѣрою, а не видѣніемъ, быть алчущими и жаждущими осуществленія правды Божіей на землѣ, при чемъ, абсолютно невозможно извинять свою измѣну Богу умомъ, сердцемъ и жизнью, абсолютно невозможно сомнѣваться въ осуществимости правды Божіей и подмѣнять вопросъ о томъ, какъ наилучше, наиболѣе разумно, наиболѣе согласно верхов-

ному завѣту любви осуществлять ее, недѣльнымъ для вѣрующаго вопросомъ о томъ, надо ли и можно ли быть вѣрными Богу и осуществлять правду Его.

Плодомъ этихъ сыновъ свѣта естественно и неизбежно будутъ, какъ простая логика вѣры живой и насущной потребности любящаго духа, возрастаніе отъ вѣры въ вѣру, отъ любви въ любовь, отъ разумнѣя въ разумнѣе, *честная жизнь по вѣрѣ дѣйствующей любовью, подвигъ любви*, какъ проявленіе вѣры живой, не безсистемная благотворительность, не уживчивость со зломъ, тѣмъ болѣе не оправданіе зла, а потребность все и всякъ сдѣлать достояніемъ Божиимъ, какъ естественное проявленіе христіанскаго милосердія при свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумніемъ. Плодомъ ихъ слѣдовательно будетъ—миръ, обособленіе отъ зла и злыхъ, братское единеніе добрыхъ на дѣло мирнаго осуществленія добра, въ духѣ апостольскаго завѣта: „Бога бойтесь, царя чтите, всѣхъ почитайте! братство любите“.

Плодъ блудныхъ сыновъ нераскаянныхъ—гордость, самоуверенное и самодовольное хожденіе не вѣрою, а видѣніемъ преходящихъ призраковъ земного бытія, которыхъ и признаютъ реальностью, изученіе и знаніе которыхъ и называютъ интеллигентностью, что и есть тѣ „знанія“, которыя „надмѣваютъ“, сообразованіе съ которыми и устроеніе жизни по которымъ и называется культурностью, что и есть тотъ боевой прогрессъ, прямо противоположный мирному христіанскому прогрессу, въ силу котораго „дѣти міра сего“ полагаютъ разумнымъ злыми путями стремиться къ торжеству добра, ненавидѣть во имя любви, совершать насилія во имя свободы, проповѣдывать анархію во имя осуществленія идеальнаго порядка и требовать отъ другихъ того, чего сами не исполняютъ, изъ чего въ результатѣ только и получается та „суэта суеть“, при которой избытокъ этой „культуры“ приводитъ къ бѣсноватости и человечество неизмѣнно бываетъ постыжено на путяхъ свободы зла и самоопредѣленія.

Плодомъ ихъ, такимъ образомъ, является многобожіе „самоопредѣляющихся индивидуальностей“, которыхъ „богъ—чрево“, та индивидуальность, широкое проявленіе и развитіе которой и признается неотъемлемымъ правомъ самоопредѣленія. У каждого свое „чрево“, своя самоопредѣляющаяся индивидуальность, плодомъ чего только и можетъ быть полная невозможность единомыслія и единодушія, что и возводится въ принципъ, какъ естественное проявленіе свободы и искренности, плодомъ чего неизбѣжно является хроническая

и беспросвѣтная борьба всѣхъ противъ всѣхъ и возведеніе въ доблесть по законамъ этой борьбы гордости, злобы, корысти, коварства, цѣлесообразной лжи, клеветы, грубости и мстительности.

Вотъ тѣ единственно реальныя двѣ „партія“ человечества передъ судомъ правды Божіей, на какія бы подпартіи онѣ ни дѣлились, какъ бы эти подпартіи не были далеки отъ пониманія своей солидарности. *Въ очахъ Божіихъ есть только двѣ партіи: сыны свѣта и сыны тьмы*, достояніе Божіе и сыны противленія, друзья Божіи и друзья „міра сего“—враги Его; со времени пришествія въ міръ Единороднаго Сына Божія, Спасителя міра, Свѣта отъ Свѣта Небеснаго и основанія Церкви Христовой — *христіане и антихристѣ*.

Церковь ветхозавѣтная дѣлала святое дѣло миротворчества, при свѣтѣ „закона“ пробуждая сознание грѣховности. Буква закона сообразовалась съ понятіями дѣтей земли и была изложена на понятномъ имъ лепетѣ того поколѣнія, которому говорили „глаголы жизни вѣчной“ избранники Божіи. „По жестокосердію Вашему говорилъ Вамъ Моисей“, Животворящій духъ закона и въ ветхомъ завѣтѣ былъ все тотъ же, вѣчная, неизмѣнная правда Божія „любовь къ Богу всѣмъ разумѣніемъ, всѣмъ сердцемъ и всею крѣпостію и любовь къ ближнему, какъ къ самому себѣ“—„Будьте святы, какъ Святъ Господь Богъ Вашъ!“ Возлюбившіе Бога до ревности становились избранниками Божіими, говорили глаголы жизни вѣчной, когда „духъ Божій былъ на нихъ“ пока не говорилъ имъ Господь „прилипнешь къ гортани языкъ твой и ты не будешь говорить имъ слова Мои, потому что они мятежный родъ“. Они говорили: „Вотъ я предлагаю тебѣ жизнь и смерть, благословеніе и проклятіе, избери жизнь“. Ихъ ненавидѣли за это, отставая отъ нихъ свою свободу самоопредѣленія, ихъ всячески злословили и гнали при жизни, побивали камнями и затѣмъ, предавъ мучительной смерти, украшали гробы ихъ, поклонялись имъ, корыстно дѣлали изъ нихъ славу свою, корыстно выпрашивая себѣ „великія и богатыя милости“, какъ и Бога называли „Господи, Господи“ и „чтили Его языкомъ“ въ то время какъ „сердца ихъ далеко отстояли“ отъ Него, далеко не были достояніемъ Его. Вотъ почему „всѣ чтили Его“ и оставались разрозненными, умными на зло и глупыми на добро, пылью, негодною для созиданія. „Сколько разъ Я хотѣлъ собрать васъ, какъ птица собираетъ дѣтей своихъ подъ крылья и вы не захотѣли. Потому оставляется домъ вашъ пустъ“.

Не многіе представители грѣшнаго и грѣхолюбиваго человѣче-

ства становились достояніемъ Божіимъ, святыми ревнителями о правдѣ Его, еще меньшее число становилось избранниками Его, сотрудниками Его въ дѣлѣ миротворчества по планамъ домостроительства промысла Его, тѣми, черезъ которыхъ Онъ могъ говорить правду Свою и являть славу любви Своей, безъ насилія надъ ними. Громадное большинство оставалось въ большей или меньшей степени, болѣе или менѣе сознательно „сынами противленія“—„народомъ жестоковѣрнымъ, съ мѣднымъ лбомъ и сердцемъ необрѣзаннымъ“. Это не было неожиданностію для всевѣдущаго Бога. Онъ зналъ, что это такъ будетъ.

Когда наступило по мысли Божіей, остающейся для нашего человѣческаго ума тайною, полнота времени, *возсѣявъ на землѣ Свѣтъ отъ Свѣта Небеснаго*, Единородный Сынъ Бога Живого, Спаситель міра, Господь, Христосъ Іисусъ. Онъ принесъ на землю полноту Откровенія, былъ высшимъ проявленіемъ любви Божіей къ сынамъ противленія, совершилъ высшій подвигъ любви и *основалъ Церковь новозавѣтную*, оставаясь неизмѣнно вѣрнымъ вѣчной истинѣ правды Божіей, *попрежнему не производя никакого насилія надъ свободною волею сыновъ противленія, принесъ миръ для людей доброй воли* „на землѣ миръ, въ челоуѣцѣхъ благоволеніе“ и „мечъ“ и „раздѣленіе“ для *сыновъ противленія*, по неизбежной логикѣ невозможности общенія свѣта со тьмою, необходимости обособленія сыновъ свѣта отъ сыновъ тьмы. Вотъ почему Церковь Христова и Царство Божіе подобны зерну горчишному, постепенно возрастающему въ большое дерево, подъ сѣнью котораго имѣютъ укрыться птицы небесныя и закваскѣ, постепенно вскисающей. Вотъ почему, несмотря на то, что повѣдана землѣ полнота Откровенія и что все дѣло спасенія совершено Христомъ, не почилъ Церковь Божія отъ дѣла Своихъ, постоянно возрастаютъ силою благодати члены Ея отъ вѣры въ вѣру, отъ любви въ любовь, отъ разумѣнія въ разумѣніе, отъ правды жизни по вѣрѣ, въ высшую правду царства Христова, по мѣрѣ того, что могутъ вмѣстить по свободному изволенію вѣры и любви. „Показалъ ученикамъ Своимъ славу Свою, якоже можаху“—„У вѣрующаго въ Меня изъ чрева источники воды живою истекутъ“—„Вѣрующій въ Меня, дѣла, которыя Я творю и онъ сотворитъ и больше сихъ сотворитъ, потому что Я къ Отцу Моему иду“ и „пребуду съ вами во вся дни до скончанія вѣка“. Вотъ почему ту же букву полноты Откровенія вѣрующимъ живою вѣрою, свойственно понимать все выше, шире и глубже, именно въ сравнительной высотѣ, широтѣ и глубинѣ этого пониманія, имѣя

непреложное доказательство высшей правды этого пониманія и высшей жизненной правды жизни по этому пониманію, въ чемъ и удостовѣрятся всѣ тѣ, которые станутъ изъ „слушателей забывчивыхъ исполнителями слова“. Въ этомъ *естественный непрестанный ростъ Церкви Христовой*, долженствующій приводить все къ высшему пониманію правды Божіей, все къ болѣе разумному и честному осуществленію этой правды въ жизни вѣрующихъ.

Именно потому съ другой стороны, въ силу той же свободы, не нарушенной дѣломъ спасенія, Христосъ сталъ для однихъ „на возстаніе“, для другихъ „на паденіе“ и самое дѣло спасенія стало для однихъ „камнемъ исповѣданія“ — „краеугольнымъ камнемъ Церкви“, для другихъ „камнемъ претыканія и камнемъ соблазна“, однимъ—во спасеніе, другимъ въ судъ и во осужденіе. „Если бы не видѣли и не слышали, то не имѣли бы грѣха, а теперь не имѣютъ извиненія въ грѣхѣ своемъ, потому что и видѣли и возненавидѣли и Меня и Отца Моего Небеснаго“. И въ новозавѣтной Церкви первыхъ больше чѣмъ вторыхъ и всѣ сохраняютъ свободу проявлять добрую или злую волю свою, не только оставаясь внѣ Церкви, но и безчинствуя на лонѣхъ церковей помѣстныхъ, къ которымъ по буквѣ принадлежатъ. Вотъ почему „не придетъ Царствіе Божіе съ соблюденіемъ, се бо Царствіе Божіе внутри васъ есть“.

Полнота Откровенія, принесенная Спасителемъ міра, главнымъ образомъ выразилась въ замѣнѣ многообразныхъ по буквѣ законовъ Церкви ветхозавѣтной, *единою верховною заповѣдью Церкви новозавѣтной*, заключающею въ себѣ полноту Откровенія животворящаго духа всѣхъ законовъ ветхозавѣтныхъ. Изъ буквы законовъ ветхозавѣтныхъ, сыны противленія, „завладѣвшіе ключами Царства небеснаго, сами не входя въ него и желающихъ войти не допуская“, создали цѣпи рабства подзаконнаго и сдѣлали Церковь ветхозавѣтную „неплодящею“. Христосъ пришелъ въ міръ *явить истинный сѣнь животворящаго духа любви Божіей*. Вся его жизнь земная, все дѣло жизни Его и все ученіе Его были однимъ сплошнымъ призывомъ отъ „рабства подзаконнаго въ свободу славы чадъ Божіихъ“, отъ прелюбодѣнія хожденія блуднаго сына во слѣдъ кумировъ, елика на землѣ низу, той буквы мертвящей, поклонники которой, принося жертву Богу и проповѣдуя Мессію въ синагогахъ, оставались до того чуждыми Ему по духу, что возненавидѣли, оклеветали и распяли Мессію-Богочеловѣка, къ поклоненію Богу въ духѣ и истинѣ, къ хожденію вѣрою, а не видѣніемъ. „Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ (не

только, какъ самихъ себя, но больше себя, до готовности пострадать и претерпѣть позоръ смерти крестной), такъ и вы да любите другъ друга“. „По тому узнаютъ всѣ, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою“.

Свобода и въ Церкви новозавѣтной осталась полная. „Къ свободѣ призваны вы, братья“ — „Гдѣ духъ Господень, тамъ свобода“ — „Все дозволено христіанину“. Границы этой христіанской свободы—добро, единый, высшій законъ добра—любовь, безъ которой никто не имѣетъ права считать себя христіаниномъ и пользоваться христіанскимъ правомъ свободы, не признавая за собою христіанской обязанности любить, никто не способенъ пользоваться свободой не злоупотребляя ею, никто не способенъ сбросить съ себя цѣпи рабства подзаконнаго, какъ бы онъ ни возмущался этими цѣпями, какимъ бы крамольнымъ рабомъ не былъ. Злоупотребленія свободы вызываетъ необходимость цѣпей рабства подзаконнаго. Залогъ способности пользоваться свободой не злоупотребляя ею—одна любовь, при томъ, любовь христіанская, при свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумніемъ, что одно гарантируетъ ея доброкачественность.

Рядомъ съ этою свободой добра, *широко проявляется и на лонѣхъ новозавѣтныхъ Церквей помѣстныхъ и свобода злой воли*, свобода зла. Называясь христіанами, *продолжаютъ обоготворять кумиры, елика на землѣ низу*, не только не любятъ Бога всѣмъ разумніемъ, не только не считаютъ для себя обязательнымъ жить по вѣрѣ, дѣйствующей любовью, но *упорно отвергаютъ единый верховный заповѣдь христіанскаго откровенія*, упорно придаютъ поруганію правду Христову, оправдывая зло, признавая нормальнымъ явленіемъ радикально анти-христіанскую рутину жизни, инстинктивно ненавидя всякую попытку осуществить христіанскую правду и громко обзывая правду Божію—*неосуществимой утопійей*. Дѣлаютъ они это двумя способами, *постоянно бросаясь изъ одной крайности въ другую* и дѣлая съ точки зрѣнія этихъ крайностей одинаково нелѣпымъ и неосуществимымъ все, что по правдѣ Божіей есть путь, истина и жизнь.

Одна изъ этихъ нелѣпыхъ крайностей состоитъ *въ полномъ отрицаніи животворящаго духа вѣры, при непопулярной требовательности соблюденія буквы мертвящей*. На лонѣхъ христіанства остаются ветхозавѣтными законниками, книжниками, фарисеями и саддукеями, съ прибавкою ко всему этому еще и манихейства въ формѣ дурно понятаго, шаблоннаго аскетизма. Вѣра при этомъ, не только не становится свѣтомъ разума, но и совсѣмъ упразднена настоящимъ

фетишизмомъ культа кумировъ елика на землѣ низу, подъ видомъ многообразной мертвящей буквы, точное знаніе и точное соблюденіе которой будто бы и гарантируетъ правовѣріе и дѣло вѣчнаго спасенія. О церковномъ самосознаніи въ формѣ пониманія опредѣленнаго христіанскаго міровоззрѣнія, опредѣленнаго христіанскаго идеала, опредѣленной христіанской этики и опредѣленной христіанской программы безконечнаго мирнаго прогресса въ направленіи разумнаго устроенія жизни по вѣрѣ, дѣйствующей любовью, тутъ конечно и рѣчи быть не можетъ. Малѣйшее пробужденіе церковнаго самосознанія, малѣйшее озареніе ума и сердца свѣтомъ разумнѣя животворящаго духа вѣры, неизбѣжно приводитъ къ обнаруженію нелѣпаго идолопоклонства, скрывающагося подъ этой формою пониманія христіанства и потому неизмѣнно признается вредными новшествами, нецерковностью, сектанствомъ и самочинною попыткою стать „исправителемъ Церкви“ всѣми тѣми, кто оглушилъ вѣру во Христа до полного единомыслія и единодушія съ ветхозавѣтными книжниками и фарисеями, распявшими Живого Христа, Котораго они же проповѣдывали подъ именемъ Мессіи въ своихъ синагогахъ. Конечно и въ жизни при такихъ обстоятельствахъ никакого христіанства нѣтъ, никакого духовно-нравственнаго вліянія на прихожанъ быть не можетъ, нѣтъ даже и сознанія нравственнаго долга для пастырей руководить пасомыхъ на пути честнаго устроенія жизни по вѣрѣ, дѣйствующей любовью. Все сводится исключительно на „требоисправленія“, изученіе и строгое соблюденіе „буквы мертвящей“ и „спасительныя благочестивыя упражненія“ аскетическаго и благотворительнаго характера. Совѣсть усыплена, Живой Христосъ обращенъ въ бездушнаго кумира, вѣра изъ правды жизни низведена до лжи христіанской буквы, прикрывающей собою чисто языческій складъ умовъ, сердецъ и жизни. *Удивительно ли, что христіанство оклеветано самими христіанами и что христіанскія школы становятся разсадниками атеизма и непримиримой враждебности по отношенію къ церкви и всѣхъ тѣхъ, которые это пониманіе христіанства признаютъ за „нормальный, установившійся укладъ жизни христіанскихъ народовъ“. Коснѣя въ этомъ пониманіи христіанства, нельзя не быть принципиальными обскурантами. Каждая школа, сколько нибудь развивающая умы, вызываетъ болѣе сознательное отношеніе къ вѣрѣ и жизни, представляетъ для ихъ пониманія церковности и церковнаго уклада жизни, смертельную опасность. Всякая степень сознательности неизбѣжно приводитъ къ обнаруженію чудовищной нелѣ-*

пости ихъ поддѣлки христіанства, подрываетъ довѣріе и даже приводитъ къ озлобленію по отношенію ко всѣмъ тѣмъ, кто эту поддѣлку выдаетъ за вѣру истинную, оправдываетъ и поощряетъ. Ни умы, ни сердца не дисциплинированы, не упорядочены любовью, какъ и вся жизнь этихъ номинальныхъ христіанъ, всѣ роды труда и всѣ соціальныя отношенія имѣютъ основою своею не вѣру и любовь, а грубую борьбу за существованіе, страхъ и корысть, какъ единственное сдерживающее начало. Разумное воспитаніе умовъ и сердецъ къ добровольной дисциплинѣ любви, разумное устроеніе жизни на началахъ вѣры, дѣйствующей любовью, все это признается опасными утопіями и ненужными новшествами этими своеобразными „христіанами“. Дѣйствительно все это ненужно для строгаго соблюденія „буквы мертвящей“ и опасно для ея обоготворенія. Логичныя послѣдствія такого положенія вещей во всѣхъ христіанскихъ странахъ на лицо. Умы не упорядоченны любовью, развиваясь въ quasi христіанскихъ школахъ, способны только отрицать очевидно нелѣпыя искаженія христіанства, выдаваемые имъ за абсолютную истину бытія и на этой стадіи отрицанія и останавливаются, не возвышаясь до истинной вѣры по неспособности стать на точку зрѣнія любви, безъ которой нельзя понять, ни Бога Живого, ни правду Его. Сердца не упорядочены любовью, полны гордости, себялюбія и злобы. Вотъ истинная причина того, что за ничтожными исключеніями, громадное большинство христіанскихъ школъ во всѣхъ христіанскихъ странахъ, плодятъ атеизмъ и въ жизни приводятъ къ анархіи грубой, злобой, неразборчивой на средства борьбы политической, экономической, и соціальной. Вотъ главная причина того, что всѣ „христіанскіе“ народы все менѣе и менѣе способны понимать слова Спасителя міра и Вѣчнаго Главы Церкви Христовой: „заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ, такъ и вы да любите другъ друга. Потому узнаютъ всѣ, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою.“—„Милости хочу, а не жертвы“—„Единъ у васъ Учитель-Христосъ, всѣ же вы—братья“.—Сколько разъ Я хотѣлъ собрать васъ, какъ птица собираетъ птенцовъ своихъ подъ крылья и вы не захотѣли!“ и слова Его апостоловъ: „Любовь есть полнота совершенства“—„Любящій исполнилъ законъ“—„Бога бойтесь, царя чтите, всѣхъ почитайте, братство любите“—„Въ уваженіи предупреждайте другъ друга“—„Умоляю васъ, братья, будьте единомысленны и единодушны, говорите всѣ одно и то же“—„Покажите въ вѣрѣ вашей разсудительность, въ разсудительности

воздержаніе, въ воздержаніи терпѣніе, въ терпѣніи благочестіе, въ благочестіи братолюбіе, въ братолюбіи—любовь—„Будьте братолюбивы съ нѣжностію“. Вотъ почему всѣ „христіанскіе“ народы, по наклонной плоскости, неудержимо катятся въ пропасть анархіи, кроваваго потопа хаоса борьбы всѣхъ противъ всѣхъ!

Другая, столь же нелѣпая, хотя менѣе распространенная, а потому и гораздо менѣе очевидно зловерная, крайность состоитъ въ христіанской ревности не по разуму, когда требуютъ буквального примѣненія отдѣльныхъ Евангельскихъ текстовъ и нравственныхъ сентенцій христіанства по отношенію къ людямъ и строю жизни, ничего общаго съ христіанствомъ не имѣющихъ. Въ противоположность первому пониманію христіанства, это второе кажется настолько болѣе возвышеннымъ и симпатичнымъ, что многіе, возмущающіеся первою ложью, не понимаютъ, что и это ложь, способная оглушить вѣру не менѣе первой и оклеветать христіанство до очевиднаго противорѣчія съ самыми законными требованіями простаго здраваго смысла, какъ только отъ красивыхъ фразъ переходятъ къ осуществленію этого пониманія христіанства въ жизни. Это особенно опасно теперь, когда большинство человѣчества отказывается отъ вѣры, а немногіе ревнители вѣры готовы замѣнить прежнее суетвѣріе этимъ новымъ суетвѣріемъ и такимъ образомъ только подмѣнить одну ложь другою и по новому оклеветать Христа и Церковь Христову. Они протестуютъ противъ обоготворенія буквы, не разумнымъ исправленіемъ недолжнаго къ ней отношенія въ духѣ свободы славы чадъ Божіихъ, а совсѣмъ ее отрицая, требуя безформенности Церкви и жизни, въ то же время, попрежнему не выходясь до любви къ Богу всѣмъ разумніемъ, попрежнему не понимая, ни христіанскаго міровоззрѣнія, ни христіанскаго идеала, ни христіанской этики, попрежнему не признавая обязательнымъ разумное устроеніе жизни на началахъ вѣры, дѣйствующей любовью, а только выхватываютъ отдѣльные тексты Откровенія и на буквахъ ихъ строятъ самыя нелѣпыя теоріи „непротивленія злу“—„пассивной анархіи“—„обязательности для сыновъ свѣта широкаго общенія съ сынами тьмы“—„всепрошенія въ смыслѣ благодушной уживчивости со зломъ и оправданія зла“—„милосердія—въ смыслѣ возможно болѣе безсистемной благотворительности“ и „любви къ врагамъ—въ смыслѣ признанія братскихъ правъ за людьми, не признающими за собою никакихъ братскихъ обязанностей“, слѣдовательно, въ духѣ того же буквоѣдства, которое неизбѣжно приведетъ къ обнаруженію въ практикѣ жизни того, что и это буква мерт-

вящая какъ и всякая буква безразлично, догмата, обряда или текста Откровенія, пока она не будетъ одухотворена животворящимъ духомъ разумаго пониманія правды Божіей, любви Божіей, свободы воли и соотвѣтствующей ей нравственной отвѣтственности, грѣховности свободы отъ Бога, неизбѣжности, при живой вѣрѣ, жизни по вѣрѣ, дѣйствующей любовью и христіанскаго милосердія, оразумленнаго любовью къ Богу всѣмъ разумніемъ. Остереечь отъ этого новаго суетвѣрія тѣмъ болѣе необходимо, что представителями и проповѣдниками его являются такіе популярныя, авторитетныя въ глазахъ многихъ люди, какъ гениальный художникъ гр. Толстой и многіе талантливыя представители „нео-христіанства“ изъ числа писателей, ученыхъ богослововъ и искреннихъ пѣтистовъ всякихъ отбѣнковъ.

Основная ошибка ихъ состоитъ въ томъ, что они *на мѣсто одной буквы обоготворили другую, на мѣсто буквы догмата и обряда обоготворили букву отдѣльныхъ текстовъ Откровенія*, причемъ нѣкоторые изъ нихъ, какъ гр. Толстой, уже совсѣмъ нелогично выхватываютъ изъ Откровенія тексты имъ угодныя и совсѣмъ игнорируютъ и даже отрицаютъ всѣ тексты, имъ негодныя. На самомъ дѣлѣ, каждый отдѣльный текстъ, хотя бы и Евангельскій, относится къ животворящему духу правды Божіей, какъ отдѣльная буква къ цѣлому слову, выражающему собою разумное понятіе. Нельзя, ни выхватить букву изъ слова и строить на ней какія либо теоріи, не прочитавъ всего слова, нельзя и выкинуть какую либо букву для болѣе вѣрнаго пониманія цѣлаго слова.

Пока человечество не откажется бросаться отъ одной изъ этихъ крайностей въ другую, пока не пойметъ, что животворящій духъ Откровенія въ верховной заповѣди братолюбія при свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумніемъ, пока не признаетъ нравственно обязательнымъ для себя разумно устроить жизнь по вѣрѣ, дѣйствующей любовью, пока не пойметъ, что *единое вѣчное добро въ томъ, чтобы умы, сердца и жизнь становились достойнымъ Божиимъ* и что нѣтъ разумаго христіанскаго милосердія тамъ, гдѣ этою цѣлію не задаются, оно не перестанетъ метаться между этими двумя крайностями, неизбѣжно разочаровываясь попеременно въ той и другой формѣ суетвѣрія, одинаково нелѣпаго и зловерднаго, вѣра не станетъ для него свѣтомъ разума и не создастъ стройный міръ добра среди глупаго и злого хаоса жизни „по обычаю міра сего“.

Зрѣетъ закваска Царства Божія. Непреложны обѣтованія Спасителя міра. Выростаетъ дерево христіанства. Вскисаетъ святая

закваска благодати. Невидимо для міра, но болѣе реально, чѣмъ весь остальной міръ, съ его многообразными призраками земного бытія, среди всей этой „суеты—суеть“, человѣчество въ лицѣ истинныхъ представителей Церкви Божіей, возрастаетъ отъ вѣры въ вѣру, отъ любви въ любовь, отъ разумнія въ разуміе, постоянно, подѣ воздействиемъ благодати, могущей дѣйствовать въ нихъ и чрезъ нихъ, безъ насилія надъ ними, переходя къ высшему пониманію правды Божіей, къ высшимъ эпохамъ разумнаго осуществленія этой правды въ личной жизни своей.

Послѣ многихъ эпохъ, пережитыхъ человѣчествомъ, наступаютъ новыя времена, о которыхъ, повѣствуетъ намъ прикровенно святой Іоаннъ Богословъ въ Апокалипсисѣ. Книга эта оставалась для меня непонятною только, пока я не понялъ животворящаго духа правды Божіей. При свѣтѣ разумнія ея, я легко разобралъ жизненную правду Откровенія св. Іоанна подѣ покровомъ образной буквы, когда различилъ предсказанія, относящіеся до судьбы Церкви Торжествующей на небѣ, Церкви Воинствующей на землѣ и враговъ Церкви, друзей міра сего и сыновъ тьмы—антихристовъ и отказался отъ узости исторической точки зрѣнія, совершенно не приложимой къ Откровенію вообще. Мнѣ невозможно останавливаться долѣе, на томъ, что я понялъ въ апокалипсисѣ изъ предсказаній, точно осуществившихся и нынѣ осуществляющихся какъ невозможно изложить подробно мое пониманіе христіанскаго міровоззрѣнія, идеала и этики. Подробно всѣ эти вопросы будутъ изложены мною въ первыхъ томахъ сочиненія „Вѣчная истина правды Божіей“, какъ отвѣтъ на вопросъ, поставленный въ моемъ сочиненіи: „Что есть истина?“, подѣ названіемъ „Богъ“—„Богочеловѣкъ“ и „человѣчество“, если мнѣ суждено прожить достаточно времени для того, чтобы приготовить эти три тома къ печати.

Нарисую только возможно кратко картину грядущихъ судьбъ человѣчества по предсказаніямъ Апокалипсиса.

Послѣ эпохи вооруженнаго мира и перехода отъ холоднаго оружія къ взрывчатымъ веществамъ наступаетъ эпоха критическаго отношенія къ вѣрѣ и Церкви. Точно измѣряется „храмъ, жертвенникъ и молящіеся въ храмъ“. Раскрывается „книга жизни“, ее велѣно съѣсть, причемъ становится „сладко на устахъ“, пока читаютъ и „горько во чревѣ“, когда сознаютъ необходимость переварить ее и стать „исполнителями слова“. И гласъ слышенъ былъ „выйди отъ нея, народъ Мой“. *Начинается обособленіе сыновъ свѣта*

отъ сыновъ тьмы. На землю брошены два серпа и это называется первою жатвою.

Наступаетъ періодъ страшныхъ социальныхъ потрясеній „восплакали купцы земли“, которые все покупали и продавали, не исключая и „тѣлѣ и душѣ человѣческихъ!“ Наступаетъ кровавый потопъ „судъ надъ великою блудницею“, объединеннымъ зломъ всего міра.

Послѣ этого наступаетъ не золотой вѣкъ для всего человѣчества, а по логикѣ вѣчнаго закона свободы параллельное развитіе добра и зла, въ обособившихся другъ отъ друга обществахъ сыновъ свѣта и сыновъ тьмы. По отношенію къ сынамъ свѣта еще „скованъ сатана“ и они, обособившись отъ сыновъ тьмы и не участвуя болѣе въ ихъ дѣлахъ тьмы, настолько разумно осуществляютъ правду Христову въ жизни своей, что Онъ Самъ какъ бы надъ ними царствуетъ, что и есть „тысячелѣтнее царствованіе Христово“. Съ другой стороны свободно организуется и зло, всячески злобствуя противъ организованнаго добра и отравляя ему жизнь въ такой мѣрѣ, что Откровеніе говоритъ: „тутъ терпѣніе святыхъ“ и объ умершихъ—„пришедшіе отъ великой скорби“, но Господь долго терпитъ „святой да святится еще и скверный, да сквернится еще“.

Послѣ тысячи лѣтъ, означающихъ неопредѣленный, долгій промежутокъ времени, „раскованъ сатана“, онъ собираетъ злыхъ, которыхъ такъ много „какъ песокъ морской“ и ведетъ ихъ на „станъ святыхъ и городъ возлюбленный“. *Въ это время и приходитъ Христосъ „во славу судить живыхъ и мертвыхъ“.* Онъ отдѣляетъ овецъ отъ козлищъ, Онъ творитъ новое небо и новую землю и эту очищенную огнемъ, преображенную, осіянную славою Божіей, Божию землю отдаетъ „овцамъ“. Нисходитъ съ неба новый Іерусалимъ и исполняется обѣщаніе: „кроткіе наследуютъ землю“. Наступаетъ блаженство вѣчное причастія жизни, любви, мудрости, всемогущества и славы Божіей, въ полномъ обособленіи отъ зла и злыхъ за „стѣнами Іерусалима небеснаго“, непроходимой пропасти отдѣльной земли, ставшей достояніемъ Божиимъ и населенной исключительно вѣрными Ему любовью. „Не видѣлъ того глазъ, не слышало того ухо и не приходило то на сердце человѣку, что уготовалъ Богъ для любящихъ Его“.

Что же будетъ съ остальными? Откровеніе говоритъ: „идутъ сіи въ муку вѣчную, гдѣ будетъ плачь и скрежетъ зубовъ“, т. е. будетъ продолжаться для нихъ то, что мы теперь на свободѣ отъ Бога переживаемъ, внѣ дома Отца нашего Небеснаго. Не будемъ забывать, однако, что земной вѣкъ человѣка 70—80 лѣтъ, что вѣки

вѣковъ—мгновеніе для Бога, что Церкви говорить о мытарствахъ и что мы не смѣемъ думать, что можетъ быть Господь постыженъ хотя бы въ одномъ изъ Своихъ созданій и что мы болѣе Его жалѣемъ и любимъ блудныхъ сыновъ Его.

Для меня лично *всѣ ужасы земли только мѣра безмѣрнаго блаженства, уготованнаго для любящихъ Его*, по сравненію съ которыми всѣ эти ужасы мы благословимъ, какъ спасительный для насъ опытъ жизни безъ Бога и сознательно скажемъ: „Правъ Ты, Господи, во всѣхъ путяхъ Твоихъ“.

Излагая мое пониманіе христіанскаго міровоззрѣнія, я, какъ видите, самого міровоззрѣнія систематично не излагалъ. О многихъ, очень существенныхъ истинахъ вѣры, каковы догматы, таинства, ученія о Церкви и священной іерархіи, я совсѣмъ и не упоминалъ. Говорить о нихъ мнѣ не было надобности, заявивъ, что я вѣрный сынъ Церкви Православной, а слѣдовательно и принимаю цѣликомъ Ея ученіе, не менѣе меня вамъ извѣстное. Мнѣ предстояло излагать, *не христіанское міровоззрѣніе, а мое пониманіе христіанскаго міровоззрѣнія*, останавливаясь главнымъ образомъ на томъ, въ чемъ мое пониманіе наиболѣе разнится отъ рутиннаго.

Буду счастливъ, если мнѣ удалось убѣдить Васъ въ томъ, что *величайшее преступленіе христіанъ и величайшее зло въ жизни христіанскихъ народовъ состоитъ въ томъ, что молчаливо отвергнувъ верховный заветъ христіанскаго Откровенія, заключающій въ себѣ животворящій духъ всего вѣроученія, какъ и вѣчной истины правды Божіей*. Оттого вѣроученіе распылено и не является для христіанъ свѣтомъ разума. Оттого христіане ничего неупорядочили любовію, ни умы, ни сердца, ни жизни. Оттого все въ вѣрѣ стало для нихъ буквою мертвящею, распылены христіанскіе приходы и цѣлые народы до хаоса грубой борьбы и сами христіане являютъ изъ себя позорную пыль, негодную для созиданія правды церковной въ жизни. Нѣтъ цемента любви, нѣтъ камня исповѣданія, не любятъ Бога всѣмъ разумніемъ, нѣтъ и краеугольнаго камня въ основаніи жизни церковей помѣстныхъ. Свѣтильники этихъ церковей сдвигаются и онѣ болѣе не служатъ свѣтомъ міра и солью земли!

Сказать Вамъ то, что *оразумило для меня вѣру въ эпоху, когда столь многіе во имя разума отказываются отъ вѣры, что сдѣлало для меня изъ вѣры свѣтъ разума и дало мнѣ совершенно опредѣленное пониманіе того, что есть и путь, и истина и жизнь*, пониманіе, жизненная правда котораго, все болѣе и болѣе переживается нами

на дѣлѣ Трудового Братства нашего, было потребностью любви къ Богу, правдѣ Его и братолюбію по отношенію къ Вамъ.

Еще разъ приношу искреннюю благодарность всѣмъ тѣмъ, кто доставилъ мнѣ радость этого духовнаго общенія съ Вами.

II.

Мое пониманіе христіанской этики.

„Милости хочу, а не жертвы“.
 „Кто хочет за Мною идти, да отвергнется себя, возьметъ крестъ свой и за Мною идетъ“.

„Вся христіанская этика кратко формулирована Христомъ Спасителемъ въ словахъ: „Кто хочетъ за мною идти, да отвергнетъ себя, возьметъ крестъ свой и за мною идетъ“. Въ этихъ словахъ—полнота Откровенія о взаимныхъ отношеніяхъ между Богомъ и твореніемъ Его, о томъ, что быть должно по правдѣ Божіей, о томъ, что нравственно и что безнравственно „нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ“, а слѣдовательно и здѣсь въ примѣненіи къ земной жизни нашей.

Что мы и что Господь нашъ Иисусъ Христосъ? Онъ—Единородный Сынъ Бога Живого, Единого Истиннаго Бога—Любовь. „Я и Отецъ едино есмы“. Богъ Живой—единая, вѣчная реальность, правда Его—единая вѣчная правда, то, что всегда будетъ реальною истиною, правдою во вѣкъ. Мы—блудные сыны, ушедшіе изъ дома Отца небеснаго, отъ того, что вѣчно быть должно, отъ единомыслія съ Высшимъ Разумомъ и единокровіемъ съ Высшею Любовью на свободу отъ Бога, къ тому, что Онъ временно попускаетъ, какъ опытъ жизни на свободѣ отъ Него, отъ того, что—вѣчная разумная гармонія святаго единства, къ тому, что—временный безпорядокъ самодурства, отъ твердыни сіона небеснаго, гдѣ живые камни крѣпко сплочены цементомъ любви, туда, гдѣ безформенный хаосъ крамольной пыли міра, негодной для созиданія, пока мы не раскаемся и не станемъ алчущими и жаждущими правды Божіей—того цемента благодати любви, который можетъ опять сдѣлать насъ участниками единства духовнаго храма Божія. Однимъ словомъ—

Богъ Живой и Христосъ Его—вѣчно реальны, мы—переходящіе призраки; царство Божіе—единая вѣчная реальность, міръ сей—переходящій призракъ земного бытія; правда Божія—единое, вѣчно разумное, наше „самоопредѣленіе“, насколько оно не совпадаетъ съ этою вѣчною правдою—глупость и ложь, ошибка и самообманъ, безнравственность опыта свободы отъ вѣчно нравственнаго.

Вотъ почему начало нравственности въ отверженіи себя, въ добровольномъ отказѣ отъ своего самоопредѣленія во всемъ, въ чемъ оно расходится со святынею самоопредѣленія Божія. Только отвергнувшись себя мы можемъ сойти съ пути „видѣнія“ и стать на путь вѣры. Пока мы этого не сдѣлали, мы руководствуемся не вѣрою, не тѣмъ, что быть должно, что вѣчно нравственно и ведетъ къ добру святаго единства и вѣчнаго блаженства, а руководствуемся видѣніями переходящихъ призраковъ земного бытія, быть то наша грѣшная индивидуальность съ глупымъ упорствомъ своего личнаго самоопредѣленія и соответствующими переживаніями или то, что мы видимъ вокругъ себя, наблюдаемъ и изучаемъ въ этомъ мірѣ, который весь во злѣ лежитъ. Впра—путеводная звезда во мракѣ жизни, видѣніе—именно та пыль міра, которая и создаетъ этотъ мракъ. Ходить вѣрою значитъ идти отъ того, что есть къ тому, что быть должно, отъ переходящихъ призраковъ къ вѣчно реальному; ходить видѣніемъ значитъ наполнять и умъ и сердце пылью переходящихъ призраковъ, имѣть глаза души, засыпанные этою пылью, неспособными, благодаря тому, „чистымъ сердцемъ узрѣть Бога“ и видѣть свѣтъ отъ Свѣта небеснаго.

Пока мы не отверглись себя, мы себѣ, своей грѣховной индивидуальности принадлежимъ, въ широкомъ проявленіи этой грѣховной индивидуальности полагаемъ свою свободу, мы не создаемъ благого, разумнаго единства міра, а тормозимъ и разрушаемъ его, мы глубоко безнравственны, что бы мы при этомъ не дѣлали „во спасеніе души“ и что бы съ нами не дѣлали съ тою же цѣлію. „Ядый и пійяй недостойная, въ судъ себѣ ястъ и пьетъ, не разсуждая тѣла и крови Христовой“. Мы не достойны святости Божіей, пока не отверглись себя, не смирили любовію свою грѣховную индивидуальность съ ея самоопредѣленіемъ передъ святынею Божіею.

Отвернувшись себя, мы становимся достояніемъ Божіимъ, полагаемъ свободу свою въ полномъ единомысліи и единокровіи съ Высшимъ Разумомъ и Высшею Любовію міра, въ стремленіи быть святыми, какъ святыя Господь Богъ нашъ. По свободному изволенію любви къ Богу ведемъ разумнѣе мы становимся алчущими и

жаждущими святаго единства съ Нимъ и царствомъ Его, сознательно и разумно *страшимся, какъ высшаго зла, отпасть отъ этого святаго единства*, утерять цементъ любви, связующій насъ съ Богомъ Живымъ и всѣмъ, что Божіе въ твореніи Его, измѣнить любви Божіей, стать позорною пылью міра. *Это и есть добрый, разумный страхъ Божій*, который, по свидѣтельству царя Соломона, есть начало премудрости,—начало нравственности—скажемъ и мы.

Отчего же среди благочестивыхъ христіанъ и ученыхъ богослововъ такъ много ветхозавѣтныхъ книжниковъ, фарисеевъ и садукеевъ и такъ мало отвергнувшихъ себя, сознательно ставшихъ достояніемъ Божиимъ, ходящихъ вѣрою, а не видѣніемъ, имѣющихъ печать дара духа святаго на умахъ и сердцахъ, опредѣленно и ясно знающихъ, что же нравственно или безнравственно съ христіанской точки зрѣнія? Отчего въ словахъ, писаніяхъ и дѣлахъ ихъ такъ часто проявляется полное непониманіе этой первой буквы христіанской нравственности?—Да все потому же, почему они не понимаютъ и азбуки христіанскаго міровоззрѣнія: потому, что они молчаливо отвергли верховный законъ христіанскаго откровенія, не разумѣютъ жизненное значеніе этого закона и не выполняютъ его. Не любя Бога всѣмъ разумѣніемъ, они и эту заповѣдь Христа объ отверженіи себя не понимаютъ при свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумѣніемъ. Для нихъ она не есть требованіе цѣльно стать достояніемъ Божиимъ, чѣмъ она была бы, если бы они *дѣйствительно любили Бога всѣмъ разумѣніемъ, а не только рассуждали на темѣ о Богѣ, вѣрѣ и любви*. Не любя Бога всѣмъ разумѣніемъ, они не чувствуютъ на степени насущной потребности любви, необходимость стать цѣльно достояніемъ Божиимъ, а въ угоду похотямъ своего бѣднаго любовію сердца они безъ конца спорятъ о томъ, какого рода отреченія отъ себя наиболѣе богоугодно, считая возможнымъ угодить Богу частичнымъ отреченіемъ отъ себя, какимъ нибудь спеціальнымъ видомъ „благочестивыхъ упражненій“, какимъ либо видомъ душеспасительнаго самоистязанія или, уже совсѣмъ по ветхозавѣтному, строгимъ выполненіемъ какой либо буквы дѣлъ.

И вотъ, то, что неминуемо должно приводить, по христіанской правдѣ, къ высокой нравственности христіанскаго единомыслія и единоклубія „именемъ Господа нашего Иисуса Христа умоляю Васъ, братья, будьте единомысленны и единоклубны, думайте и говорите всѣ одно и тоже“, не только не приводитъ ихъ къ тому, а приводитъ напротивъ къ настоящему столпотворенію вавилонскому они не только все болѣе и болѣе являютъ собою соблазнъ полнаго

разномыслія и равнодушія по всѣмъ, даже и самымъ существеннымъ вопросамъ вѣры и жизни, но и самодовольно именно это и признаютъ желательнымъ и нравственнымъ, глумясь надъ всякимъ проявленіемъ единомыслія и единоклубія, заподозрѣвая нравственное достоинство всякаго проявленія этой естественной христіанской правды.

Если бы они, побуждаемые любовью къ Богу всѣмъ разумѣніемъ, способны были понять завѣтъ отреченія отъ себя въ смыслѣ нравственной обязательности стать цѣльно достояніемъ Бога—Любовь, для нихъ, естественно, неизбѣжно было бы прійти къ единомыслію и единоклубію, *Богъ Единъ, правда Божія одна. Ставъ достояніемъ Бога—Любовь, нельзя не возлюбить до искренняго братолюбія всѣхъ, любящихъ Господа*. „По тому узнаютъ всѣ, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою“. Искренно любя другъ друга, нельзя не стремиться къ возможно большому единомыслію и единоклубію съ тѣми, кого любишь. Искренно стремясь къ единомыслію и единоклубію при свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумѣніемъ, *христіанамъ, при споспѣшествовающей благодати, получая отъ Господа благодатныя силы любви и разумѣнія, легко дойти до этого возжеланнаго единомыслія и единоклубія* и они будутъ только искренни, всѣ говоря, по всѣмъ главнымъ вопросамъ вѣры и жизни, одно и тоже.

Пока мы еще не отвергли себя, дорожимъ нашимъ самоопредѣленіемъ, а не тѣмъ, чтобы быть достояніемъ Божиимъ, *сердце наше нечисто специфическою грязью нашего индивидуальнаго самоопредѣленія*. Наше нечистое сердца еще неспособно узрѣть Бога истиннаго. Не желая быть образомъ и подобіемъ Божиимъ, творятъ себѣ кумира на небѣ или на землѣ по образу и подобию своему, самое пониманіе Бога и правды Его, окрашивая специфическою окраскою своей духовной грязи. *Такія души являютъ собою каждая призму, разнo преломляющую лучи Откровенія Божія*. Каждая такая, не отвергнувшая себя душа, дорожитъ своимъ самоопредѣленіемъ, индивидуальною грязью собственной души. Только отвергнувшись себя, ставши достояніемъ Божиимъ, мы въ *Богѣ и правдѣ Его находимъ объединяющее насъ начало*. До тѣхъ поръ естественно для насъ разномысліе и равнодушіе и искренни мы только тогда, когда всѣ говоримъ разное.

Насколько далека современная христіанскій міръ отъ христіанской правды въ этой области, мы скорбнымъ опытомъ постоянно испытываемъ на себѣ. Дорогую для насъ святыню братскаго едино-

мысли и единодушия нашего, этот краеугольный камень братства жизни нашей, постоянно подвергаются поруганию, заподозривая искренность нашу, бросая намъ въ лицо грубое оскорбленіе обвиненія въ лицемеріи. И такъ поступаютъ, не люди сознательно не вѣрующіе, не люди сознательно враждебные къ дѣлу нашему, а христіане, очень увѣренные въ своемъ правотѣ, считающіе себя въ правѣ поучать насъ правотѣ пониманію христіанской правды и христіанской нравственности, выражающіе сочувствіе нашему дѣлу. Единомысліе и единодушіе между нами они находятъ до того неестественнымъ, что не признаютъ безнравственнымъ оскорбить вѣрныхъ дѣлу подвижниковъ Братства, выражая сомнѣніе въ ихъ искренности. Болѣе того, убѣжденность въ нравственномъ достоинствѣ разномыслія и равнодушія доходитъ до того, что считая наше Братство единоличнымъ дѣломъ его основателя, въ то время какъ кругомъ теченіе жизни увлекаетъ человѣчество совсѣмъ въ иную сторону и нигдѣ братствъ, подобныхъ нашему еще не возникаетъ, какъ благопожеланіе Братству и практической совѣтъ ревнующимъ о его созиданіи, находятъ возможнымъ устно и печатно совѣтовать возможно менѣе дорожить единомысліемъ и единодушіемъ между собою и по отношенію къ основателю Братства. Громко заявляютъ, что повѣрять искренности и самостоятельности членовъ Братства только тогда, когда мы перестанемъ всѣ говорить одно и тоже, то-есть перестанемъ быть единомысленными и единодушными. Тѣмъ самымъ намъ совѣтуютъ уподобиться тѣмъ, которые никакого братства создать неспособны, для которыхъ всякое братство жизни стало бы неестественнымъ и вѣрность этой формѣ жизни—неискренностью и лицемеріемъ.

Вотъ яркая картина, иллюстрирующая степень разномыслія существующаго по вопросамъ о христіанской этикѣ, благодаря молчаливому отверженію верховнаго закона христіанскаго Откровенія о любви къ ближнимъ при свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумніемъ.

Пока мы не отвергли себя, цѣльно ставъ достояніемъ Божиимъ, достояніемъ Бога—Любовь, невозможно ни единомысліе, ни единодушіе, не возможно и христіанское братское единеніе въ жизни,—слабое отраженіе разумной святости единства царства Божія, не возможно стать на почвѣ христіанской нравственности, остается препираться о мертвящей буквѣ, о томъ, что чисто и что не чисто, какія „дѣла“ нравственны и безнравственны, что и какъ надо „дѣлать“ по требованіямъ правотѣй грамматики „христіанскаго милосердія“.

Если такъ трудно понять животворящій духъ первой буквы

слова Откровенія о христіанской нравственности безъ признанія верховнаго закона этого Откровенія, еще труднѣе понять животворящій духъ послѣдующихъ буквъ святаго слова и дѣйствительно, современный христіанскій міръ являетъ въ пониманіи ихъ еще болѣе позорный соблазнъ безпредѣльнаго разномыслія и равнодушія, дающаго право врагамъ Церкви говорить, что никакой опредѣленной истины въ христіанскомъ Откровеніи нѣтъ, никакой опредѣленной нравственной правды христіане не знаютъ и никакой опредѣленной программы упорядоченія жизни на нравственныхъ основахъ они не имѣютъ.

Какъ отверженіе верховнаго закона христіанскаго Откровенія лишило върученіе его животворящаго духа, сдѣлало его неупорядоченною грудой буквы мертвящей, омертвило, распылило, оглушило и оклеветало его, такъ случилось и съ христіанской этикой. Тѣ же причины и ее омертвили, распылили, оглушили и оклеветали. Изъ живого ученія о логикѣ живой любви ветхозавѣтные книжники, фарисеи и саддукеи и на лонѣ новозавѣтной Церкви Христовой водворили мертвящую букву цѣпей рабства подзаконнаго, тоже ветхозавѣтное преобладаніе буквы надъ животворящимъ духомъ при рѣшеніи вопроса о томъ, что нравственно и что безнравственно, тоже ветхозавѣтное буквондство, точнаго соблюденія буквы отдѣльныхъ текстовъ Откровенія, безъ всякаго отношенія къ духовнымъ особенностямъ тѣхъ къ кому эту букву отдѣльныхъ нравственныхъ сентенцій, выхваченныхъ изъ ученія о христіанской этикѣ, хотятъ прилагать „во спасеніе души“.

Вся эта суета суетъ ярко выступаетъ въ безконечныхъ спорахъ о томъ, какъ идти за Христомъ и что значитъ принять на себя Крестъ?

Посмотримъ, такъ-ли это трудно понять и допускаетъ-ли это столь разнообразныя толкованія при свѣтѣ животворящаго „духа“ верховнаго закона христіанскаго Откровенія?

Куда шелъ Христосъ? Неужели и Его путь такъ неопредѣленъ, что можно добросовѣстно спорить и не соглашаться между собою о томъ куда Онъ шелъ и куда звалъ насъ идти за Собой? Неужели Спаситель міра только для красоты слова сказалъ: „Я есмь путь и истина и жизнь“? Неужели и въ правду Единородный Сынъ Бога Живого пришелъ въ этотъ грѣшный міръ спасти человѣчество, по свободному изволенію любви претерпѣлъ мученія, поруганія и крестную смерть, при всемъ этомъ говоря такъ неопредѣленно, такъ неясно, куда идетъ и куда зоветъ идти насъ за Собой, что

мы только и можемъ въ теченіи 2000 лѣтъ гадать о томъ, куда и какъ идти, препираться объ этихъ вопросахъ и въ концѣ концовъ отмѣнить всю христіанскую этику, признавъ утопичность любви, единомыслія, единодушія и братства, провозгласивъ теорію борьбы мщенія, злобы и горделиваго самоопредѣленія, рѣшивъ, что единомысліе и единодушіе по вопросу о томъ, куда и какъ идти за Христомъ, есть безнравственное проявленіе неискренности и лицемерія, что разномысліе и разнотушіе по этому вопросу — высоко-нравственное проявленіе искренней самостоятельности, иными словами, что никакой опредѣленной христіанской этики не существуетъ и за Христомъ идти не куда и не за чѣмъ!

Не правда. Все это уловки злой воли, той-же злой воли, которая молчаливо отвергла верховный завѣтъ христіанскаго Откровенія, той-же злой воли, которая себѣ въ оправданіе многообразно клеветаетъ на Бога-Отца, Бога-Сына и Бога-Духа Святого, то увѣряя себя, что правда Божія не соответствуетъ природѣ человека и потому виновенъ Богъ Творецъ, а не мы, — твореніе Его, то заявляя, что ничего толкомъ понять нельзя въ ученіи и примѣрѣ жизни Бога-Сына, Спасителя міра, что ученіе Его утопично, что только и можно безконечно спорить о томъ, куда и какъ за Нимъ идти, проявляя доблестную самостоятельность мыслей, ни съ кѣмъ, ни въ чемъ не соглашаясь и силы разума своего употребляя, не на уразумѣніе правды ученія и дѣла спасенія Христа, а на болѣе или менѣе остроумную критику самаго откровенія и всѣхъ тѣхъ, которые „наивно“ воображаютъ, что можно дѣйствительно, отъ важнаго дѣла „критики христіанства“, перейти къ „утопіи“ осуществленія его въ жизни, смѣютъ, по требованіямъ своей совѣсти, принять на себя опредѣленный крестъ и куда-то идти за Христомъ; то произнося хулу на Духа Святого, увѣряя себя и другихъ, что выполненіе христіанской правды для человечества непосильно, что Духъ Святой повиненъ передъ нами, подавая намъ въ молитвѣ и таинствахъ, камень вмѣсто хлѣба благодати любви, благодати разумѣнія и благодати силы духа, дѣлающей насъ способными выполнять наше предназначеніе.

При доброй волѣ, при алканіи и жаднѣ правды Божіей, при любви къ Богу всѣмъ разумѣніемъ, станетъ насущною потребностью любви нашей понять во всей мудрой простотѣ своей животворящій духъ слова и дѣла Спасителя міра. Мы поймемъ, что Тотъ, Который отъ Бога пришелъ и говорилъ намъ: „Я и Отецъ едино есмы“. — „Я есмь путь, и истина, и жизнь“ — „Кто хочетъ за Мною

идти, да отвергнется себя, возьметъ крестъ свой и по Мнѣ грядетъ“ — „Я творю не волю Свою, а волю пославшаго Меня“ — „Вѣрующій въ Меня, дѣла, которыя Я творю и онъ сотворитъ и больше сихъ сотворитъ, потому, что Я къ Отцу Моему иду“ — „Я нынѣ къ Отцу Моему иду и Отцу вашему, къ Богу Моему и Богу вашему“ — „Какъ Я въ Тебѣ и Ты во Мнѣ, такъ и они да будутъ въ Насъ едино“ — „Блаженны миротворцы, ибо они сынами Божиими нарекутся“, *звалъ насъ совершенно опредѣленно на дѣло миротворчества, что вся жизнь и все ученіе Его были однимъ призывомъ примириться съ Богомъ святымъ, стать достояніемъ Божиимъ.*

Быть достояніемъ Бога — Любовь, Высшей Любви и Высшаго Разума міра, тоже совѣмъ не неопредѣленно. Напротивъ, это вполне опредѣленно значить *стать разумно любящимъ и въ жизни стать умнымъ на добро, логичнымъ и последовательнымъ на пути разумной любви.* Этому соответствуетъ совершенно опредѣленное настроеніе души, при которомъ восстанавливается въ насъ духовный образъ и подобіе Божіе, открывается душа наша для воздѣйствія благодати и мы духовно рождаемся свыше. Изъ Откровенія совершенно ясно, какое соотношеніе между силами души соответствуетъ царству Божію внутри насъ. Въ моей брошюрѣ „Христіанская гармонія духа“ я предлагаю краткую формулу этого духовнаго настроенія: „*Разумъ, подчиняясь любви, долженъ властвовать надъ ощущеніями*“ и краткую формулу христіанской любви: „*Любовь къ ближнимъ при сѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумнѣемъ, должна властвовать надъ любовью къ самому себѣ*“. Въ этой же брошюрѣ выясняя, какъ отражаются разныя комбинаціи этихъ свойствъ души на характерѣ и жизни людей, я даю и полную схему порочности и добродѣтели согласно христіанской этикѣ, отъ скотоподобія высшей дисгармоніи царства ощущенія, черезъ чистилище царства разума до богоподобія высшей гармоніи царства любви, когда любовь опредѣляетъ цѣли дѣятельности, разумъ указываетъ разумные пути къ достиженію цѣлей, намѣченныхъ любовью, а ощущенія неизмѣнно подчиняются требованіямъ любви и разума.

По мѣрѣ того, какъ водворяется внутри насъ царствіе Божіе, эта святая гармонія духа, по образу и подобию Божію, мы становимся достояніемъ Божиимъ, становимся цѣльно представителями разумной любви, ничего не проклинающей, все благословляющей, облагораживающей и освѣщающей не только разумъ, но и ощущенія, не только любовь къ ближнимъ, но и любовь къ самому себѣ.

При свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумѣніемъ мы не можемъ не понять глубокий жизненный смыслъ подчиненія любви къ ближнимъ любви къ Богу, не можемъ не понять глубокий жизненный смыслъ указанія Спасителя міра на то, что весь законъ и пророки въ двухъ заповѣдяхъ о любви, что первая и наибольшая заповѣдь—любовь къ Богу всѣмъ разумѣніемъ, всѣмъ сердцемъ и всею крѣпостію, что любовь къ ближнимъ—вторая, подобная первой и ей подчиненная.

Одно изъ яркихъ проявленій отверженія верховнаго завѣта христіанскаго Откровенія и того, до какой степени это преступленіе затемнило для всего христіанскаго міра пониманіе христіанской правды, состоитъ, между прочимъ, въ томъ, какъ современные гуманисты и псевдо-христіане, проповѣдуя любовь и всепрощеніе и даже предъявляя самыя нелѣпыя требованія подѣ фирмой христіанскаго милосердія, неизмѣнно игнорируютъ первую и наибольшую заповѣдь о любви къ Богу всѣмъ разумѣніемъ.

Именно *любовь къ Богу и опредѣляетъ характеръ любви къ ближнимъ*. Она она научаетъ насъ, какъ разумно любить ближнихъ нашихъ, не балуя ихъ, и не во вредъ имъ, а имъ во благо.

При свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумѣніемъ для насъ совершенно опредѣленно и несомнѣнно, что настоящее благо ближнихъ нашихъ совсѣмъ не въ томъ, чтобы они были вкусно накормлены, роскошно одѣты, возможно болѣе комфортабельно обставлены въ этомъ мірѣ, который весь во злѣ лежитъ, вовсе не въ гигиенической обстановкѣ, не въ умственномъ развитіи, не въ культурности, а въ томъ, чтобы они стали достояніемъ Божиимъ, представителями разумной любви, разумными на добро, сынами свѣта. Для насъ совершенно опредѣленно и несомнѣнно будетъ и жизненное значеніе словъ Спасителя міра: „Милости хочу, а не жертвы“—„Ищите же прежде всего царствія Божія и правды Его и все прочее приложится вамъ“. Мы поймемъ, что главное и даже единственное *вѣчное благо ближнихъ зависитъ исключительно отъ того, насколько они стали достояніемъ Божиимъ*, насколько возлюбили Бога всѣмъ разумѣніемъ, насколько внутри ихъ царствіе Божіе водворилось и жизнь ихъ разумно и честно осуществляетъ Божию правду, стала тоже достояніемъ Божиимъ, отображеніемъ святого единства, цементомъ любви сплоченныхъ до единомыслія, единодушія и нелицемѣрнаго братства. Въ этомъ вопросѣ никакого сомнѣнія, никакихъ колебаній, никакого разномыслія для всѣхъ, любящихъ Бога всѣмъ

разумѣніемъ, быть не можетъ. Это простая логика любви къ Богу и любви къ ближнимъ при свѣтѣ любви къ Богу.

Совершенно очевидно, что это и есть то царствіе Божіе и правда Его, которыхъ мы должны прежде всего искать и для себя и для ближнихъ нашихъ, что только при этомъ имѣетъ цѣну и все прочее: пища, одежда, гигиена, здоровье тѣла, умственное развитіе и все, что входитъ въ понятіе культуры, что все это *прочее должно приложиться къ главному, а не наоборотъ*; только настолько и цѣнно, насколько оно является приложеніемъ къ этому главному, насколько это главное достигнуто.

О, если бы это разумѣли современные христіане, какъ бы они стали благодатны и какъ бы жизнь свою облагодатствовали бы, какими бы яркими свѣтомъ они озарили духовную тьму міра сего и какою оздоравливающей солью стали бы для него.

При свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумѣніемъ, для насъ совершенно опредѣленно и несомнѣнно, что именно къ этому, къ *обоженію людей и жизни, къ преображенію вѣчныхъ душъ изъ позора сыновъ противленія, презрѣнныхъ рабовъ своего индивидуальнаго самоопредѣленія, своей гордыни, своей злобы и себялюбія въ свободу славы достоянія Божія, шлемъ Спасителя міра, Господь нашъ и Богъ нашъ Христосъ Іисусъ и насъ звалъ, отвергнувшись себя, то есть, ставъ достояніемъ Божиимъ, слѣдовать за Нимъ*.

При свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумѣніемъ, для насъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что *только это и нравственно и дѣлаетъ нравственнымъ все, что будетъ искренно сдѣлано въ этомъ направленіи, что въ этомъ животворящій духъ христіанской нравственности и что нравственною съ христіанской точки зрѣнія можетъ быть только та буква дѣла, которая являетъ собою искреннее проявленіе этой разумной любви къ ближнимъ при свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумѣніемъ*. При этомъ нѣтъ различія между учеными и неучеными, кромѣ того, что „кому больше дано, съ того больше и взыщется“. Неграмотный простолюдинъ, человѣкъ Божій, также способенъ любить Бога всѣмъ разумѣніемъ своимъ, какъ и самый ученый богословъ и несравненно болѣе понимаетъ правду Божию, чѣмъ многіе ученые книжники, не любящіе Бога всѣмъ разумѣніемъ своимъ, въ чемъ жизнь не разъ давала имъ неоспоримыя доказательства.

При свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумѣніемъ для насъ совершенно опредѣленно и несомнѣнно, что *нравственныя обязанности наши по отношенію къ Богу именно въ томъ и состоятъ, чтобы*

становится достояніем Его и жизнь нашу разумно дѣлать достояніем Его, чтобы святилось имя Его въ умахъ нашихъ, чтобы водворялось царство Его въ сердцахъ нашихъ и творилась воля Его во всемъ укладѣ жизни нашей, какъ творится она въ великомъ братствѣ ангеловъ и святыхъ царства Божія на небѣ.

Совершенно опредѣленно и несомнѣнно для насъ и то, что нравственныя обязанности наши по отношенію къ ближнимъ, идя во слѣдъ Христу, дѣлаютъ по отношенію къ намъ Его великое и святое дѣло миротворчества, за которое намъ и обѣтовано, что мы „сынами Божиими наречемся“, воздвигая Крестъ Господень въ умахъ, сердцахъ и жизни ихъ, призывая и ихъ вмѣстѣ съ нами стать достояніемъ Божиимъ, Божиимъ достояніемъ сдѣлать и умы и сердца и жизнь свою. Для насъ совершенно опредѣленно и несомнѣнно, что все, что ни дѣлается въ этомъ духѣ, хотя бы по буквѣ и было признаваемо нравственнымъ людьми, чуждыми христіанскаго самосознанія, глубоко безнравственно передъ судомъ Божиимъ, а слѣдовательно и съ точки зрѣнія христіанской этики безразлично, дѣлается-ли это изъ корыстныхъ цѣлей угожденія Богу, для полученія билета на входъ въ царство Божіе, изъ желанія подкупить общественное мнѣніе или по побужденіямъ себялюбія для успокоенія совѣсти или ради удовольствія прикрыть общественную рану, видъ которой больно ударяетъ по нервамъ нашимъ.

Совершенно опредѣленно и несомнѣнно будетъ для насъ и то, что крестъ, который мы должны принять на себя и понести во слѣдъ Христу, есть подвигъ дѣла людей, какъ и нерукотворный крестъ дѣла земной жизни Спасителя міра былъ величайшимъ подвигомъ любви Божіей, подвигомъ, который Онъ и намъ заповѣдалъ, говоря: „да любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ, такъ и вы да любите другъ друга“. При свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумнѣмъ тутъ ни малѣйшаго сомнѣнія и разногласія быть не можетъ. Совершенно опредѣленно и несомнѣнно, что нравственный долгъ нашъ — принять на себя крестъ именно того дѣла любви къ Богу, именно тотъ крестъ подвига братолюбія, который въ данное время, при данныхъ обстоятельствахъ, мы можемъ понести съ наибольшею пользою для дѣла миротворчества между Богомъ святымъ и грѣшнымъ человечествомъ, для обоженія умовъ, сердецъ и жизни для того, чтобы умы, сердца и жизнь стали достояніемъ Божиимъ. Только это и есть разумное и нравственное дѣло христіанскаго милосердія при свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумнѣмъ.

Только это и можетъ привести христіанскій міръ къ разумной

вѣрѣ, дѣйствующей любовью, организуя жизнь христіанскихъ народовъ на основѣ христіанскаго милосердія и братства, такъ какъ совершенно опредѣленный и несомнѣнный нравственный долгъ нашъ по отношенію къ ближнимъ нашимъ и состоитъ въ томъ, чтобы, идя во слѣдъ Христу и, неся, по требованіямъ совѣсти нашей избранный нами и по свободному изволенію вѣры и любви, возложенный нами на себя крестъ, обособляться отъ всѣхъ тѣхъ, которые за Христомъ идти не хотятъ и избранный нами крестъ возложить на себя не желаютъ, въ то же время объединяться и крѣпкимъ цементомъ любви спланиваться въ братское единство съ тѣми, которые откликаются на нашъ призывъ и хотятъ дружно, единомысленно и единокорно, въ братскомъ единеніи съ нами идти во слѣдъ Христу и нести именно тотъ крестъ, который мы несемъ.

Все это простая логика любви къ ближнему при свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумнѣмъ, насущная потребность этой любви. Если это не составляетъ потребности вѣры и любви для насъ, мы не любимъ Бога всѣмъ разумнѣмъ и ближнихъ не умѣемъ любить разумно; разумное дѣло разумнаго подвига христіанскаго милосердія, мы подмѣняемъ бессистемною благотворительностію и изъ всей этой благотворительной дѣятельности никакого разумнаго упорядоченію жизни, ничего, кромѣ духовнаго вреда для ближнихъ нашихъ, ничего, кромѣ суеты суетъ, даже и при громадныхъ затратахъ матеріальныхъ средствъ и энергій, не выходитъ и выйти не можетъ, пока мы не отвергнемся себя, не возьмемъ креста своего, не обособимся отъ тѣхъ, которые этого дѣлать не хотятъ, не объединимся съ тѣми, которые въ этомъ дѣлѣ съ нами единомысленны и единокорны и дружно не понесемъ этотъ крестъ во слѣдъ Христу.

Крестъ этотъ по требованіямъ христіанской этики долженъ быть непремѣнно дѣломъ свободнаго изволенія вѣры и любви, дѣломъ личной совѣсти каждаго. Никто не имѣетъ права требовать отъ насъ, чтобы мы приняли на себя не тотъ крестъ, котораго требуетъ отъ насъ совѣсть наша и несли его не такъ, какъ она того отъ насъ требуетъ. „Зачѣмъ моей совѣсти быть судимою чужою совѣстію“. — „Всякъ поступай по удостовѣренію своего ума“. — „Лжебратьямъ, которые приходили подсматрѣть за христіанскою свободою нашею, мы не покорились, чтобы сохранить чистоту благовѣствованія“.

Яркимъ проявленіемъ того, какъ мало любить Бога всѣмъ разумнѣмъ и къ какимъ страшнымъ послѣдствіямъ приводитъ молчаливое отверженіе христіанскимъ міромъ верховнаго закона хри-

стіанскаго Откровенія, служить то, какъ понимается эта основная истина христіанской этики, этотъ краеугольный камень разумной жизни на основѣ честнаго выполненія нравственнаго долга, всего зданія разумной христіанской нравственности, съ какою самоуверенностью предпочитаютъ безтолковую благотворительную суету дѣлу разумнаго христіанскаго благотворенія, даже и теперь, когда безобразный хаосъ жизни громко свидѣтельствуетъ о глубокой безнравственности громаднаго большинства представителей христіанскаго міра, доходящихъ въ нравственномъ одичаніи своемъ до предпочтенія безнравственныхъ теорій Нитцше, Маркса и социалистовъ-террористовъ, христіанской этики, которую, отказавшіеся отъ верховнаго закона христіанскаго Откровенія, псевдо-христіане, омертвили, принизили и оглушили, одни до благотворительнаго спорта, другіе до наивнаго вычерпыванія ковшикомъ безсистемной благотворительности бездоннаго моря скорбей и страданій жизни „по обычаю міра сего“, третьи путемъ нелѣпыхъ призывовъ противорѣчащихъ самымъ законнымъ требованіямъ здраваго смысла, примѣнять отдѣльные нравственные сентенціи, выхваченныя изъ христіанской этики, къ людямъ, ничего общаго съ христіанствомъ не имѣющимъ, никакихъ христіанскихъ обязанностей за собою не признающимъ и христіанскіе законы къ рутинѣ анти-христіанской жизни, ничего не дѣлая, чтобы люди и жизнь стали достояніемъ Божиимъ.

Это же ярко обнаруживается и на отношеніяхъ къ намъ и дѣлу нашему съ тѣхъ поръ, какъ мы, по требованіямъ вѣры, любви, разума и совѣсти нашей, приняли на себя, согласно завѣту Спасителя міра, крестъ Братства Трудового и понесли его во слѣдъ Христу. Это дѣло простого выполненія нами христіанскаго нравственнаго долга нашего въ очень немногихъ вызывало сознательное сочувствіе, въ большинствѣ оно вызывало удивленіе, какъ нѣчто невиданное и ненормальное, легкомысленныя насмѣшки надъ „нелѣпою утопіей“, недоброжелательное недовѣріе къ „ненужному новшеству“, недоброжелательное заподозриваніе въ еретичествѣ и нецерковности. Люди, принадлежащіе къ культурнымъ слоямъ нашего „христіанскаго общества“, ратуя за свободу, уваженіе къ человѣческой личности и широкое проявленіе христіанскаго милосердія, доходили въ своей инстинктивной враждебности къ намъ и въ нашемъ лицѣ именно къ дѣлу разумнаго христіанскаго милосердія, въ формѣ сознательнаго несенія креста во слѣдъ Христу, до непризнанія за нами права свободы въ дѣлѣ избранія и несенія этого креста во слѣдъ Христу, до печатной грубой брани и грубаго издѣвательства

надъ всѣми проявленіями любви къ Богу и братолюбія, надъ слезами прощающихся со школами воспитанниковъ и воспитанницъ, надъ братскими поцѣлуями, надъ всякимъ проявленіемъ братолюбія, единомыслія и единодушія между нами. Судя насъ по настроенію большинства окружающаго насъ общества и очевидно не вѣря въ возможность духовнаго преображенія на пути слѣдованія за Христомъ, все это признавали лицемѣріемъ, за все это находили справедливымъ пригвоздить насъ къ позорному столбу, признавая все то, что мы дѣлали именно по требованіямъ нравственнаго долга, живой любви къ ближнимъ при свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумніемъ, за ложь, лицемѣріе, эгоистичное обособленіе и дѣло никому не полезное, лишенное всякихъ признаковъ христіанскаго милосердія.

Въ моихъ сочиненіяхъ я ясно говорилъ, что для тѣхъ, которые не берутъ на себя креста въ жизни по вѣрѣ, дѣйствующей любовью, несомнѣнно *болѣе нравственно накормить хотя бы одного голоднаго, одѣть хотя бы одного нагого, нежели совсѣмъ ничего не сдѣлать для ближнихъ своихъ. Безконечно болѣе нравственно возлюбить ближняго своего до разумнѣйшаго его духовныхъ нуждъ, озаботиться удовлетвореніемъ его матеріальныхъ нуждъ въ связи съ удовлетвореніемъ его умственныхъ и духовныхъ потребностей; всего болѣе нравственно, а съ христіанской точки зрѣнія даже исключительно только и нравственно, возлюбить ближнихъ при свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумніемъ до ревности о томъ, чтобы они стали достояніемъ Божиимъ и вмѣстѣ съ нами приступили къ разумному несенію креста во слѣдъ Христу, обособляясь отъ зла и сплываясь цементомъ любви въ честное братское единство.*

Предпочтеніе этому высшему дѣлу исполненія христіанскаго нравственнаго долга и христіанскаго милосердія, меньшихъ дѣлъ, соответствующихъ рутинному пониманію безсистемной благотворительности, передъ судомъ христіанскаго самосознанія, несомнѣнно безнравственно. Спорить противъ этого, не отрекаясь отъ верховной заповѣди христіанскаго откровенія, всего христіанскаго міровоззрѣнія и самаго животворящаго духа христіанской нравственности, невозможно. Со мною не только спорили, но самоуверенно поучали меня противному, устно и печатно говорили: какое же это милосердіе, воспитывать дѣтей народа, любя ихъ, какъ своихъ дѣтей, призывая ихъ обособиться въ трудовое братство, представляющее изъ себя одну семью? Это „свой“ и любить ихъ, значить любить только любящихъ васъ. Вотъ если бы вы вмѣсто этого, не обо-

соблались, все́мъ безъ различія проповѣдывали и благотворили, мы бы признали, что вы действительно христіане и дѣствуете въ духѣ христіанскаго милосердія. Намъ говорятъ, слѣдовательно, поступайте, какъ поступали христіане 2000 лѣтъ, доведя христіанскій міръ до позорнаго хаоса современной жизни-дѣйствительности. Не осуществляйте христіанской правды, а проповѣдуйте ее, какъ ее 2000 лѣтъ проповѣдовали. Не осуществляйте правды братства въ жизни, а заботьтесь исключительно о матеріальныхъ нуждахъ вашихъ ближнихъ. Если вы будете устраивать ночлежные пріюты, дешевыя и даровыя столовыя, дешевыя квартиры и тому подобное, оставаясь совершенно чуждыми для всѣхъ благотворимыхъ вами людей, ни мало не интересуясь тѣмъ, какъ они думаютъ, чувствуютъ и живутъ, мы признаемъ это дѣломъ настоящаго христіанскаго милосердія, а если сдѣлаете все это для людей, которыхъ вы полюбили и воспитали, какъ собственныхъ дѣтей, для которыхъ сверхъ всего этого вы стали братомъ, сливъ вашу жизнь съ ихъ жизнью, живя съ ними какъ одинъ умъ и одно сердце, сдѣлавъ умы, сердца и жизнь вашу достояніемъ Божиимъ, мы васъ совсѣмъ не признаемъ христіанами, для насъ вы только глупые и смѣшные утописты, въ жизни и поступкахъ вашихъ, мы не видимъ даже и тѣни христіанскаго милосердія.

А то говорятъ и еще проще: а! вы хотите быть не рутинными христіанами! докажите намъ это, живя не по вашей совѣсти, а по нашей, дѣлая не то, что вы находите нужнымъ, а то что мы и общественное мнѣніе вамъ прикажемъ, хотя сами мы никакого братства не созидаемъ и созидать не будемъ, хотя мы въ самыхъ основныхъ истинахъ вѣры сомнѣваемся и никакой опредѣленной христіанской нравственности не признаемъ. Вотъ если вы такъ будете поступать, мы признаемъ искренность вашей вѣры, похвальную самостоятельность вашихъ дѣйствій и доброкачественность вашего христіанскаго милосердія. Если вы не такъ думаете какъ мы и не такъ поступаете, какъ мы того желаемъ, вы утописты и лицемеры. Впрочемъ мы вашему Братству всякаго добра желаемъ и все это говоримъ вамъ изъ самаго искренняго доброжелательства. Это не преувеличеніе. Это совершенно точная формулировка „совѣтовъ“ и „пожеланій“ коими современные христіане привѣтствовали возникновеніе христіанской трудовой общины среди хаоса анти-христіанской рутинной жизни. Это съ тѣмъ вмѣстѣ и точное опредѣленіе мѣры ихъ христіанскаго самосознанія, ихъ пониманія

христіанской этики и жизни по вѣрѣ, мѣра, ими самими данная за ихъ собственною подписью.

Но и это не все. О вкусахъ не спорять. Если бы они говорили просто: вы и дѣло ваше намъ не симпатично. Мы бы поняли, что это значить и шли бы своею дорогою, даже и не возражая имъ. Они говорятъ намъ, какъ уполномоченные представители христіанства и Церкви. Они ссылаются противъ насъ на авторитетъ самого Спасителя міра, толкуя противъ насъ многіе отдѣльные тексты евангельскіе. При свѣтѣ любви къ Богу все́мъ разумніемъ, всѣ эти тексты для насъ только подтверждаютъ наше пониманіе христіанской этики и нравственный долгъ, на степени насущной потребности христіанскаго милосердія, разумно, любить и разумно благотворить, какъ друзьямъ, такъ и врагамъ, понимая, что нужно для тѣхъ и другихъ, чтобы имъ во благо помогать возлюбить Бога все́мъ разумніемъ и стать достояніемъ Божиимъ. Мы понимаемъ, что „Богъ не есть Богъ неустройства“, Богъ хаоса, а напротивъ—Богъ, изъ хаоса, разумно міръ стройный созидающій. Любя ближнихъ при свѣтѣ любви къ Богу все́мъ разумніемъ, для насъ несомнѣнно, что любить мы друзей и враговъ должны съ разумніемъ, разнo проявляя любовь нашу, не по прихотямъ нашимъ, а потому, какое проявленіе любви для кого полезно, съ одними спланиваясь, какъ одинъ умъ и одно сердце, въ братское единство, передъ другими, не только словомъ, но и дѣломъ исповѣдуя жизненную правду вѣры, въ которой они сомнѣваются, молясь о врагахъ нашихъ, прощая имъ обиды, какъ только они захотятъ примиренія съ нами, не требуя отъ насъ за то измѣны Богу, правдѣ Его и добру, готовые признать ихъ братьями своими, какъ только они сами того пожелаютъ, опять такъ не требуя отъ насъ измѣнить умомъ и сердцемъ Богу и правдѣ Его, какъ мы ее понимаемъ, готовые и до того принять въ наши школы дѣтей ихъ, воспитать ихъ достояніемъ Божиимъ и намъ братьями на всю жизнь.

Изъ этихъ-же текстовъ „доброжелательные“ противники наши и дѣла нашего, выводятъ прямо противоположное, хотятъ насъ увѣрить, что Спаситель міра не желалъ, чтобы мы любили разумно, различая, какое проявленіе любви полезно, однимъ проявляя ибжное братолюбіе, другихъ обличая и примѣромъ жизни, и обособленіемъ отъ нихъ. По нимъ выходитъ, что Богъ Живой, черезъ ветхозавѣтныхъ избранниковъ Своихъ говорилъ одно, черезъ Спасителя міра—другое, черезъ первыхъ требовалъ обособленія отъ зла, черезъ Христа будто бы завѣщалъ уживчивость со зломъ. По нимъ

выходить, что Богъ Живой дѣлаетъ одно, а отъ творенія Своего требуетъ совсѣмъ другое. Самъ обособляется отъ зла, изгоняетъ грѣшниковъ изъ рая, проклинаетъ, не только согрѣшившихъ прародителей, но и землю въ дѣлахъ человѣческихъ, совсѣмъ по отношенію къ нимъ не занимаясь безсистемною благотворительностью и общается раскаявшимся блуднымъ сынамъ, любящимъ Его, вѣчно блаженство полного обособленія отъ зла и злыхъ за стѣнами Іерусалима небеснаго, а отъ насъ будто бы требуетъ духовной проституціи безразличнаго отношенія къ добрымъ и злымъ и безсистемной благотворительности однороднаго добродѣланія добрымъ и злымъ не разсуждая о томъ, что для кого будетъ живительными лучами солнца, озаряющаго умы свѣтомъ разумѣнія правды Божіей и согрѣвющаго сердца любовію, водворяя царство Божіе внутри ихъ, дѣлая ихъ достойнымъ Божіемъ.

Они требуютъ, чтобы мы это признали высшимъ пониманіемъ христіанской правды и болѣе нашего разумнымъ пониманіемъ христіанской этики. Для насъ очевидно, что правда на нашей сторонѣ, потому, что наше пониманіе болѣе соответствуетъ и любви, и мудрости, и неизмѣнности правды Божіей. Вотъ почему мы остаемся при своемъ пониманіи христіанской этики и будемъ идти своею дорогою, взирая на всѣ эти возраженія, какъ на яркія доказательства затменія христіанской правды въ умахъ и сердцахъ громаднаго большинства современнаго христіанскаго міра, благодаря отверженію верховнаго закона христіанскаго Откровенія.

Въ самой степени враждебности къ нашему дѣлу мы почерпаемъ только доказательства того, до какой степени, изъ любви къ врагамъ нашимъ и дѣла нашего, мы обязаны дѣломъ проповѣдывать жизненную правду, ими отрицаемую.

III БЕСѢДА.

Мое пониманіе уклада жизни по вѣрѣ, дѣйствующей любовію.

„Мы ходимъ вѣрою, а не видѣніемъ.“
(II посл. къ Коринѣ. V—7).

„Во Христѣ Іисусѣ не имѣетъ силы ни обрѣзаніе, ни необрѣзаніе, но вѣра, дѣйствующая любовію.“ (Послан. къ Ефес. V—6).

„Царство Божіе не пища и питіе, но праведность, и миръ и радость во Святомъ Духѣ“ (Посл. къ Римл. XIV—17).

Если глубоко возмутительно клеветическое отношеніе христіанскаго міра, притворяющагося, въ угоду своему бѣдному любовію сердцу, непонимающимъ совершенно опредѣленно и ясно выраженное Спасителемъ міра ученіе о христіанской нравственности, не менѣе возмутительно отношеніе христіанъ и къ укладу жизни по вѣрѣ. Да какъ и могло оно быть иначе. Отвергнувъ верховный законъ христіанскаго откровенія, съ тѣмъ вмѣстѣ отвергнувъ и животворящій духъ всего вѣроученія, они омертвили и оглушили все вѣроученіе, всю христіанскую этику, все свели на соблюденіе разныхъ буквъ, которыя въ отсутствіе животворящаго духа всѣ неизмѣнно оказываются мертвыми, хотя бы то были буквы отдѣльныхъ текстовъ откровенія Божія, въ родѣ „не убій“—„не клянися вовсе“—„просящему дай“—„не противься злему“—„любите враговъ вашихъ“ и т. п. тексты, которые въ связи и цѣльности съ вѣчною истиною правды Божіей, при свѣтѣ животворящаго духа верховнаго закона откровенія, всѣ имѣютъ разумный, вѣчный и глубоко жизненный смыслъ, а вырванные, какъ отдѣльныя сентенціи, будто бы предложенныя Спасителемъ міра, какъ рецепты практической мудрости, для людей всякаго настроенія и при всякомъ укладѣ жизни, приводятъ ревнителей не по разуму къ нелѣпымъ выводамъ, къ нелѣпымъ программамъ жизни.

Глубоко возмутительна клевета нераскаянных грѣшниковъ, людей, не желающихъ отвергнуть себя, взять крестъ и идти за Христомъ, когда они вину свою возлагаютъ на Сына Божія, говоря, будто онъ никакого опредѣленнаго уклада жизни не завѣщалъ и будто именно въ этомъ смыслѣ говорилъ, что царство Его не отъ міра сего. Изъ этого они дѣлаютъ самые дикіе выводы.

Одни говорятъ, что между вѣрою и жизнью нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго, что все хорошо въ свое время: вѣра на нѣсколько минутъ ежедневно во время утреннихъ и вечернихъ молитвъ и по праздничнымъ днямъ въ храмѣ во время богослуженія, „жизнь по обычаю міра сего“ во все остальное время и во всѣхъ остальныхъ областяхъ жизни, даже и не подозревая, что истинная вѣра неизбежно проявляется насущною потребностію думать, чувствовать и жить по вѣрѣ во всякое время, на всякомъ мѣстѣ и во всѣхъ областяхъ жизни безъ изъятія. Это не значитъ, что вѣрующій никогда не будетъ отступать отъ идеала вѣры, а то, что *всякое отступленіе отъ идеала вѣры онъ будетъ сознавать, какъ грѣхъ*, каждый разъ, какъ будетъ въ томъ повиненъ по немощи своей, будетъ переживать, *какъ скорбь и позоръ*, каждый разъ, какъ будетъ вынужденъ на то независимыми отъ него обстоятельствами жизни въ этомъ мірѣ, „который весь во злѣ лежитъ“, но никогда не признаетъ естественнымъ, нормальнымъ порядкомъ вещей, не помирится съ нимъ и непременно сдѣлаетъ все, отъ него зависящее, чтобы отъ того, что есть, перейти къ тому, что быть должно по правдѣ вѣры. Однимъ изъ яркихъ проявленій того, какъ мало истинной живой вѣры среди современнаго христіанскаго міра является то, какъ *много людей, уживающихся съ анти-христіанскою рутинною жизнью и какія анти-христіанскія программы упорядоченія жизни предлагаются тѣмъ, которые эту рутину осуждаютъ*.

Другіе говорятъ: жить по вѣрѣ нельзя, всѣ попытки организовать жизнь на началахъ вѣры мы признаемъ наивными утопіями, но это ничего не значитъ, вѣра наша все же единственная истинная вѣра. Со временъ Христа и Его Апостоловъ существуетъ преeminently священная іерархія, совершающая надъ нами спасительныя таинства. Какъ бы мы ни были дурны и какъ бы дурно ни жили, дѣло спасенія таинственно надъ нами совершается. Эта программа жизни по вѣрѣ обращаетъ христіанство въ шаманство и однако многими признается за правовѣрную церковность.

Третьи говорятъ: жить по вѣрѣ, значитъ повиноваться Церкви, строго соблюдать Ея уставы и на вопросы о томъ, что же уста-

новлено Церковью и въ чемъ преимущественно Ей повиноваться надо, съ увѣренностью отвѣчаютъ перечисленіемъ установленныхъ церковныхъ службъ, праздниковъ и постовъ. Они глубоко убѣждены въ томъ, что Церковь болѣе требуетъ точнаго соблюденія всей этой буквы виѣшней обрядности, нежели вѣрности верховному закону христіанскаго откровенія и что несоблюденіе постовъ есть большее неповиновеніе Церкви, нежели отверженіе верховнаго за-вѣта любви къ ближнимъ при свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумніемъ и полное несогласованіе съ этимъ верховнымъ закономъ христіанскаго откровенія всего склада ума, всего склада симпатій, всего уклада жизни!

Громадное большинство даже и до этихъ степеней „сознательности“ въ дѣлѣ вѣры не доходитъ. Мудрено-ли, что вѣра на слово такимъ программамъ жизни по вѣрѣ, это *большинство относится къ вѣрѣ совершенно индифферентно, развиваясь умственно, отказывается отъ вѣры*, одни, какъ отъ неразумныхъ устарѣлыхъ предразсудковъ, которыхъ только и можно отложить въ сторону, если хочешь устраивать жизнь свою разумнѣе прежняго, другіе, какъ отъ вреднаго для блага человѣчества обмана, узаконяющаго всякое зло въ жизни и безсрочное коснѣніе въ этомъ злѣ, не имѣя ни какой опредѣленной программы упорядоченія жизни и разумнаго осуществленія добра, а только требуя смиреннаго перенесенія зла, утѣшая общаніями вѣчныхъ благъ, которыя будто бы изъ всего этого зла въ результатѣ получатся въ иномъ лучшемъ мірѣ.

Это не преувеличеніе. Именно такъ понимаютъ вѣру и жизнь по вѣрѣ слишкомъ многіе, что и привело насъ къ ужасу и позору нынѣ переживаемаго всѣмъ христіанскимъ міромъ.

Съ каждымъ днемъ на лонѣ Церквей помѣстныхъ, среди современныхъ псевдо-христіанъ, все большее число ихъ, изъ разряда индифферентныхъ людей, совершенно чуждыхъ христіанскаго церковнаго самосознанія, убѣжденныхъ въ томъ, что дѣло Церкви совсѣмъ до нихъ не касается и никакого отношенія къ ихъ личной жизни не имѣетъ, переходить въ разрядъ „сознательныхъ“ атеистовъ, „сознательно“ враждебно относящихся къ вѣрѣ и Церкви.

Гораздо менѣе людей любящихъ Бога и Церковь до ревности о лучшемъ отношеніи къ вѣрѣ и жизни по вѣрѣ на лонѣ Церкви.

Христіанскій міръ такъ долго коснѣлъ въ позоръ молчаливаго отверженія верховнаго закона любви къ ближнимъ при свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумніемъ, что ничто въ нихъ и жизни ихъ не упорядочено любовью, они совершенно чужды дисциплины любви,

мудрено-ли, что и ревность ихъ о Богѣ въ большинствѣ случаевъ имѣетъ совершенно анти-христіанскій характеръ.

И они не возвышаются до любви къ Богу всѣмъ разумніемъ. Вмѣсто того, чтобы въ духѣ любви положить всѣ силы разума на одухотвореніе вѣроученія животворящимъ духомъ верховнаго закона откровенія, любви у нихъ хватаетъ только на то, чтобы на мѣсто одной буквы обоготворить другую, на примѣръ, на мѣсто буквы догмата, канонѣвъ и обряда, во имя которой совсѣмъ не требовали никакого проявленія любви къ ближнимъ, кромѣ „душеспасительной“ бессистемной благотворительности, обоготвореніемъ буквы отдѣльныхъ текстовъ Евангелія, наиболѣе соотвѣтствующихъ ихъ пониманію блага человѣчества, безъ всякаго отношенія къ правдѣ Божій, благодаря чему *все ихъ попытки жизни по вѣрѣ сводятся на неразумное ублаженіе злыхъ и ту-же бессистемную благотворительность*, ни въ какомъ смыслѣ ни упорядочивающую жизнь, но съ такими повышенными требованіями духовной проституціи во имя братства между людьми и выполнения „братскаго долга“ по отношенію къ людямъ, не признающимъ за собою ни какихъ братскихъ обязанностей, что всѣ эти попытки на практикѣ приводятъ только къ смѣшнымъ нелѣпостямъ, къ такому явному для всѣхъ поруганію здраваго смысла, что только и могутъ на долго *застраховывать* *человѣчество отъ здраваго пониманія христіанской правды*, во имя которой продѣлываются всѣ эти нелѣпыя эксперименты и отъ разумнія того, что вѣра наша содержитъ совершенно опредѣленную и разумную программу жизни.

При свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумніемъ, потребностью сознательной вѣры было бы для нихъ *все оразумить и въ вѣроученіи, и въ жизни*, патребностью сознательной любви было бы для нихъ и *ревность о вѣрѣ и церкви проявлять въ духѣ мира и любви*, дорожа единеніемъ съ Церковью, ревнуя о мирномъ преобращеніи церковнаго самосознанія и жизни вѣрующихъ на лонѣ Церкви и Отечества. Не возлюбивъ Бога всѣмъ разумніемъ, большая часть изъ нихъ проникается духомъ вражды и отрицанія, становится врагами Церкви, призываетъ не на дѣло братскаго единенія и мирнаго преобращенія умовъ, сердець и жизни, а къ враждѣ противъ Церкви и правительства страны, къ злѣму дѣлу разрушенія Церкви и государства, подъ предлогомъ, что они тормозятъ дѣло улучшенія жизни, сами не имѣя никакихъ разумныхъ программъ ея упорядоченія.

Въ настоящее время эта вражда къ Церкви и государству, ко

всякому порядку и всякой законности, ко всему, что стѣсняетъ широкое проявленіе самоопредѣляющихся индивидуальностей, достигла такихъ размѣровъ, что имѣетъ явный характеръ духовной эпидеміи бѣсноватости и грозитъ человѣчеству кровавымъ потокомъ анархіи съ явною печатью антихриста и демонизма.

Хотя бы эта грозная опасность научила христіанскій міръ познать всю глубину его нравственнаго паденія, оцѣнить по достоинству степень своей безблагодатности, покаяться въ великомъ преступленіи поруганія правды Божіей жизнью своею въ результатѣ отверженія верховнаго закона христіанскаго откровенія. Хотя бы ужасъ и отвращеніе при видѣ столь многихъ бѣсноватыхъ и безумныхъ дѣлъ злобы ихъ, заставилъ современныхъ христіанъ покаяться и сотворить плоды, достойные покаянія, возжаждать благородства дисциплины любви, обособленія отъ зла и честной жизни на началахъ вѣры и разумной любви! Господь приметъ по милосердію своему и этихъ работниковъ одинадцатаго часа и дастъ имъ благодатныя силы разумнія и любви для устроенія ковчеговъ мира и порядка, среди кроваваго потока хаоса анархіи!

Мірою преступности христіанскаго міра, въ угоду бѣдному любовію сердцу, увѣряющаго себя и другихъ будто вѣра не содержитъ въ себѣ никакой опредѣленной программы жизни и не предъявляетъ къ намъ никакихъ требованій въ этомъ направленіи, можетъ служить то, до какой степени ясна и несомнѣнна эта программа, до какой степени точны и опредѣленны эти требованія.

Вѣра совершенно опредѣленно требуетъ отъ насъ *ходить вѣрою, а не видѣніемъ* и жизнь свою устроить по совершенно опредѣленной правдѣ вѣры, а не случайностямъ современныхъ призраковъ земнаго бытія. Правда вѣры совершенно опредѣленно требуетъ отъ насъ отвергнуться себя и стать достояніемъ Божиимъ. Откровеніе совершенно опредѣленно и ясно говоритъ намъ, что стать достояніемъ Божиимъ, значитъ возлюбить Бога всѣмъ разумніемъ, сдѣлать цѣльно достояніемъ Его умы, сердца и жизнь нашу, все въ жизни нашей честно и разумно организовать на началахъ мира, любви и братства, нелицемѣрнаго братолубія при свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумніемъ.

Все это совершенно опредѣленно и ясно. Этимъ полна Библія, Евангелія, полны посланія апостольскія. Этимъ же полны и молитва Господня, и заповѣди блаженства, и всѣ молитвы, и всѣ богослуженія, содержа въ себѣ, не только общее требованіе, но и детальную программу осуществленія этого требованія въ практикѣ

жизни. Всякая душа живая, имѣющая уши, чтобы слышать, глаза, чтобы видѣть и чистое сердце, чтобы разумѣть, услышитъ и разумѣетъ это умомъ и сердцемъ, какъ только со страхомъ Божиимъ, вѣрою и любовію захочетъ выскнуть, отрѣшившись отъ тумана видѣній преходящихъ призраковъ земного бытія и собственныхъ переживаній, какъ только сниметъ съ глазъ души своей повязку рутинныхъ толкованій и рутины жизни, какъ только умомъ и сердцемъ станетъ выше, любовію къ Богу всѣмъ разумніемъ будетъ вознесена превыше той преступной и позорной условной жи, при которой псевдо-христіане такъ привыкли не понимать, что позорно вѣрить въ одно, а думать и чувствовать совсѣмъ иначе, въ жизни, подъ разными предлогами дѣлать совсѣмъ иное, жизнь свою личную, семейную, трудовую, социальную и политическую ни въ чемъ не согласовать съ вѣрою и тѣмъ, что говоримъ въ молитвахъ и на богослуженіяхъ нашихъ.

Въ невозможности изложить тутъ эту детальную программу очень неполно изложенную мною въ четырехъ томахъ полного собранія моихъ сочиненій и во многихъ брошюрахъ, ограничусь оглавленіемъ главныхъ отдѣловъ этой программы.

Вся программа, вполне опредѣленно вытекающая изъ Откровенія и безусловно обязательная для всѣхъ христіанъ, можетъ быть выражена кратко словами: *сдѣлать цѣльно жизнь свою достояніемъ Божиимъ*. Безъ этого мы не христіане, подъ какимъ бы благовиднымъ предлогомъ не объясняли и не извиняли того, что этого нѣтъ. Безъ этого вся жизнь наша съ точки зрѣнія христіанской этики, глубоко безнравственна, что бы мы ни дѣлали. *Только при этомъ* мы становимся христіанами и можемъ жить на свободѣ отъ ига рабства подзаконнаго и *христіанская свобода наша, доходящая до того, что „все дозволено христіанину“, не приведетъ къ злоупотребленію свободой, не будетъ опасна ни для насъ, ни для ближнихъ нашихъ.*

Для всякаго здравомыслящаго человѣка совершенно опредѣленно и ясно, что жизнь свою сдѣлать достояніемъ Божиимъ *нельзя, не обособляясь отъ зла и злыхъ*, но современные псевдо-христіане не только въ этомъ сомнѣваются, но и проповѣдуютъ во имя братства и милосердія анти-христіанскую теорію обязательности для христіанъ духовной проституціи. Христіане ни въ чемъ не обособляются отъ сыновъ тьмы и отъ необходимости участвовать въ ихъ дѣлахъ тьмы. Такимъ путемъ они и свели христіанство на словесную проповѣдь и внѣшнюю обрядность, не дѣлая даже и пер-

ваго шага къ осуществленію правды вѣры въ жизни, обособляясь отъ тѣхъ, которые вмѣстѣ съ ними этого шага сдѣлать не хотятъ.

Не любя Бога всѣмъ разумніемъ, молчаливо отвергнувъ верховный законъ христіанскаго откровенія, *псевдо-христіане лишены благодатныхъ силъ разумнія и любви* и особенно благодатной силы смиренія, не имѣютъ ни „сердца чиста“, ни „духа права“. Именно по гордости они не смиряютъ себя до вѣры, до разумнія правды Божіей, до любви къ Богу всѣмъ разумніемъ, до нелицемѣрнаго братолюбія, до жизни по вѣрѣ, дѣйствующей любовію. Именно по гордости они во всемъ этомъ сваливаютъ отвѣтственность съ себя на Бога Отца, будто-бы требующаго въ откровеніи Своемъ, не соотвѣтствующаго природѣ своихъ созданій, на Бога-Сына, будто-бы не сказавшаго имъ, придя на землю спасти ихъ, ничего опредѣленнаго, на Бога-Духа Святаго, будто бы не подающаго имъ благодатныхъ силъ на то, что-бы они были разумѣющими „слово“ и способными быть „исполнителями его“. Такъ и въ этомъ вопросѣ обособленія. Въ дѣйствительности, не будучи достояніемъ Божиимъ, ни умомъ, ни сердцемъ, они не имѣютъ ни малѣйшей потребности обособляться отъ не Божія; они еще враги Бога, друзья міра сего, инстинктивно враждебны и всему Божію, инстинктивно сочувствуютъ злу и злымъ, потому и не имѣютъ ни малѣйшей потребности обособляться. По гордости они и это возводятъ себѣ въ добродѣтель, считая себя и въ этомъ вопросѣ разумнѣе, добрѣе и болѣе милосердными, чѣмъ Богъ Живой. *Еще въ ветхомъ заветѣ Господь требовалъ обособленія народа избраннаго и говорилъ ему, что если онъ не обособится отъ зла и злыхъ, это станетъ сѣтью, въ которую онъ самъ будетъ уловленъ зломъ и перестанетъ быть способнымъ служить на дѣло Божіе.* Многое говорилось избранниками Божиими „по жестокосердію“ грѣшнаго человѣчества, но животворящій духъ откровенія вѣчно неизмѣненъ. Такъ и въ дѣлѣ обособленія. Животворящій духъ непримиримости свѣта со тьмою, насущной потребности свѣта обособляться отъ тьмы, естественнаго свойства свѣта изгонять тьму, неизмѣненъ и вѣченъ, измѣнчива, сообразуясь, съ жестокосердіемъ грѣшнаго человѣчества въ разные стадіи возростанія дерева и вскисанія закваски домостроительства Божія, только буква заветовъ обособленія и характера проявленія этого обособленія. Дѣйствительно и Спаситель міра требуетъ отъ апостоловъ своихъ *тою же обособленія*, говоря имъ: „входя же въ городъ, навѣдывайтесь, кто въ немъ достоинъ и у того пребывайте“—„не миръ пришелъ Я принести на землю, но мечъ... Я пришелъ разлучить отца съ

сыномъ и мать съ дочерью... и враги человѣку домашніе его" — „Кто любитъ отца или мать, или сына, или дочь больше, нежели Меня, тотъ не достоинъ Меня" — „какое общеніе свѣта со тьмою". — Нельзя служить двумъ господамъ — Богу и маммонѣ. *И апостолы Его говорили:* „развѣ вы не понимаете, что дружба съ міромъ есть вражда противъ Бога". — „Малая закваска кваситъ все тѣсто" (1 Коринѣ. V—6). — „Извергните развращеннаго изъ среды васъ" (1 Коринѣ. V—13). — „Не принимайте въ домъ и не привѣтствуйте его. Ибо привѣтствующій его участвуетъ въ злыхъ дѣлахъ его" (II Иоанн. Богосл. I 10—11).

Господь обособляется отъ зла и злыхъ, налагая на нихъ проклятіе отлученія и свободы отъ Себя, низвергаетъ Сына Денницы, ставшаго сатаною, изгоняетъ изъ рая согрѣшившихъ прародителей, не восстанавливаетъ общеніе благодати ранѣ искренняго покаянія, апостолы обособляютъ вѣрующихъ въ христіанскія общины, воспрещаютъ имъ всякое общеніе со зломъ и злыми, требуютъ отъ нихъ изгнанія изъ своей среды всякой вредной закваски, съ большимъ трудомъ допускаютъ въ общину измѣнившихъ, признавая все это не только согласнымъ съ христіанскимъ милосердіемъ, но и требуя того именно во имя христіанскаго милосердія, которому они оставались неизмѣнно вѣрны, понимая, что именно это нужно, какъ для разумнаго созиданія добра въ жизни и христіанской правды жизни добрыхъ, такъ и для проповѣди, дѣломъ спасительнаго примѣра для злыхъ.

Иначе думаютъ современные псевдо-христіане. Считаая себя умнѣе и добрѣе Бога Живаго, Христа Его и апостола любви, „того, котораго любилъ Иисусъ", святого Іоанна Богослова, они отрицаютъ необходимость всякаго обособленія, признавая его за недостатокъ христіанскаго милосердія, за преступленіе противъ братолюбія, за отсутствіе христіанской любви къ врагамъ.

И такъ, *первый шагъ* на пути честной жизни по вѣрѣ, дѣйствующей любовью, на пути хожденія вѣрою, а не видѣніемъ, на пути преображенія жизни въ достояніе Божіе, по требованіямъ правды Божіей, несомнѣнно и совершенно опредѣленно *требуетъ обособленія отъ зла и злыхъ*. „Блаженъ мужъ, который не ходитъ на совѣтъ нечестивыхъ, и не стоитъ на пути грѣшныхъ, и не сидитъ въ собраніи развратителей".

И такъ, мы не только имѣемъ право, но и обязанность обособляться. При свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумніемъ, обособленіе это не можетъ имѣть характеръ горделивый и недоброже-

лательный, какъ то, судя по себѣ, думаютъ люди не христіанскаго настроенія, а будетъ естественнымъ проявленіемъ вѣрности Богу, смиреннымъ признаніемъ своей немогущности и благотворности правды, какъ для насъ самихъ, такъ и для братьевъ нашихъ во Христѣ и для самихъ враговъ нашихъ.

Въ какой степени и въ какихъ формахъ необходимо обособленіе для того, чтобы зло окружающей жизни не стало соблазномъ для насъ и наша собственная жизнь не отступала отъ правды жизни по вѣрѣ, дѣйствующей любовью, *вопросъ, который можемъ рѣшать только мы сами*, наша совѣсть, общественная совѣсть самихъ обособляющихся отъ зла. По соображеніямъ чужой совѣсти намъ не могутъ давать разумныхъ совѣтовъ въ этомъ дѣлѣ и мы должны идти своею дорогою, руководствуясь исключительно требованіями своей совѣсти, не смущаясь окриками „совопросниковъ вѣка сего" и даже не вступая съ ними въ споры, чтобы не дать повода подумать, что мы признаемъ за ихъ совѣстью право судить нашу совѣсть и сомнѣваемся въ христіанской свободѣ нашей обособляться, насколько этого требуетъ совѣсть наша и установить общеніе съ тѣми, отъ кого обособились въ тѣхъ размѣрахъ и въ той формѣ, какъ мы сами находимъ то желательнымъ и полезнымъ, какъ для насъ, такъ и для тѣхъ, отъ которыхъ мы обособились. „Лжебратьямъ, скрытно приходившимъ подсмотреть за нашею свободою, которую мы имѣемъ во Христѣ Иисусѣ, чтобы поработить насъ, мы ни на часъ не уступили и не покорились, дабы истина благовѣствованія сохранилась у васъ" (Галат. II 4—5).

Не должно смущать христіанъ и то, если отъ нихъ требуютъ отказаться отъ обособленія или устроить жизнь свою и отношенія къ окружающему міру, не по требованіямъ своей совѣсти, а примѣняясь къ общественному мнѣнію, и какимъ либо „твердо установившимся" понятіямъ о христіанской этикѣ и жизни по вѣрѣ, подъ благовиднымъ предлогомъ, что дѣло ихъ оттого выиграетъ въ общественномъ мнѣніи и что они должны сообразоваться съ нимъ, если желаютъ, чтобы дѣло ихъ имѣло характеръ дѣла общественно-полезнаго. Они должны помнить, что это общественное мнѣніе и „твердо установившіяся" понятія, не только не требуютъ, ни обособленія, ни опредѣленной жизни по вѣрѣ, но и отрицаютъ необходимость всякаго обособленія и какой либо опредѣленной программы жизни по вѣрѣ, что они именно и должны обособляться на пути вѣры отъ всего, что путь видѣнія и совѣты, ходящихъ видѣніемъ, не могутъ быть разумно принимаемы, ходящими вѣрою,

безъ большой осмотрительности. Они должны помнить и то, что никого не принуждаютъ ни обособляться, ни общаться въ той же мѣрѣ, въ какой сами это находятъ нужнымъ для себя, что слѣдовательно не они тѣмъ производятъ насиліе надъ общественнымъ мнѣніемъ и вообще надъ окружающимъ ихъ обществомъ, а именно надъ ними покушаются во имя этого общественного мнѣнія и общества произвести насиліе. Ихъ дѣло только и будетъ общественно полезнымъ въ томъ случаѣ, если они его будутъ дѣлать совершенно самостоятельно по требованіямъ своей вѣры и своей совѣсти, а не тогда, когда они въ угоду общественному мнѣнію и „установившимся понятіямъ“ окружающаго общества, сдѣлаютъ это дѣло по рецептамъ тѣхъ, которые этого дѣла не дѣлаютъ и даже необходимость и желательность этого дѣла отрицаютъ.

Обособившись отъ зла и людей злой воли, вѣра требуетъ отъ насъ разумно организовать добро въ собственной жизни въ тѣсномъ братскомъ единеніи съ людьми доброй воли, съ тѣми, кто, отвергнувшись себя и будучи достоинствомъ Божиимъ, способны вмѣстѣ съ нами и совмѣстную жизнь нашу, обособившихся отъ зла и злыхъ, сдѣлать достоинствомъ Божиимъ.

Вѣра совершенно опредѣленно требуетъ отъ насъ, чтобы мы были *цѣльно христіанами, а не двоились*, причемъ совершенно неумѣстны препирательства о томъ, какія области жизни нашей могутъ и въ какой мѣрѣ стать достоинствомъ Божиимъ, а какія и въ какой мѣрѣ могутъ имъ и не быть. Наличие живой вѣры сдѣлаетъ для насъ насущною потребностію и вѣры, и любви къ Богу всѣмъ разумѣніемъ и братолюбіемъ, непременно *всю жизнь нашу во всей ея цѣлостности сдѣлать достоинствомъ Божиимъ*. Самый вопросъ о томъ, уместна-ли религіозная основа въ какой либо области жизни нашей, возможно-ли и нужно-ли, предписано-ли намъ быть достоинствомъ Божиимъ и всю жизнь нашу, безъ всякаго изъятія, дѣлать достоинствомъ Его, есть несомнѣнный признакъ отсутствія вѣры и самыхъ элементарныхъ понятій о христіанскомъ міровоззрѣніи и христіанской нравственности. Для вѣрующихъ этихъ вопросовъ совсѣмъ не существуетъ. Для нихъ несомнѣнно, что *весь міръ для того только и созданъ, чтобы быть достоинствомъ Божиимъ*, что именно въ этомъ и состоитъ разумная и благая конечная цѣль творенія, вѣчное блаженство, уготованное для любящихъ Бога. Для нихъ существуетъ только одинъ вопросъ, *какъ наиболее цѣльно и разумно стать достоинствомъ Божиимъ*, объединиться съ тѣми, кто желаетъ быть достоинствомъ Его и всю жизнь свою безъ изъятія сдѣ-

лать достоинствомъ Его, вѣруя, согласно обѣтованію, что все прочее приложится.

Второй шагъ, послѣ обособленія, на пути честной жизни по вѣрѣ, дѣйствующей любовью есть *духовное сплоченіе обособившихся вступающихъ въ одинъ умъ и одно сердце*, до той степени единомыслія и единодушія, при которыхъ будетъ вполне естественнымъ, при богатомъ разнообразіи внѣшней буквы проявленія, по духу, всѣмъ думать, говорить и дѣлать одно и то же. „Возлюбимъ другъ друга да единомысліемъ исповѣмы“. Собравшись по побужденіямъ братолюбія при свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумѣніемъ, вполне естественно и даже неизбежно прійти къ полному единомыслію и единодушію по всѣмъ главнымъ вопросамъ вѣры и жизни.

Есть логика любви, какъ есть и логика злобы. Есть логика отвергнувшихъ себя, чтобы идти за Христомъ и есть логика упорствующихъ въ самоопредѣленіи, есть логика смиренія, по свободному изволенію любви, ставшихъ достоинствомъ Божиимъ и есть логика гордыни и корысти, пребывающихъ въ рабствѣ себялюбія. Есть силы личныя, безъблагодатнаго человѣка, та часть наслѣдія, которую Отецъ даетъ блудному сыну, уходящему изъ дома Его искать, на свой страхъ, по міру приключеній, тѣ таланты, въ употребленіи которыхъ ему придется отдать отчетъ и есть благодатныя силы Божіи, безмѣрно подаваемые просящимъ ихъ у Бога, алчущимъ и жаждущимъ правды Божіей, ищущимъ, какъ главное, царство Божіе, достойно приступающимъ къ молитвѣ и таинствамъ, молитвенно думающимъ, чувствующимъ и живущимъ.

Эти два лагеря мало имѣютъ общаго между собою. Одни друзья „міра сего“, сознательные или безсознательные враги Божіи, сознательные или безсознательные антихристы, другіе друзья Божіи, по свободному изволенію любви ставшіе достоинствомъ Его. Имъ, судя другихъ по себѣ, не понять другъ друга.

Одни—сыны тьмы, другіе—сыны свѣта и, какъ никакого общенія между тьмою и свѣтомъ быть не можетъ, но свѣтъ изгоняетъ тьму, такъ и между ними всякая попытка братскаго единенія со стороны сыновъ свѣта—недоразумѣніе, разобьется о злобу сыновъ тьмы, всякая попытка братскихъ отношеній со стороны сыновъ свѣта—недомысліе голубиной кротости безъ мудрости, ни къ чему, кромѣ баловства злыхъ и самоувѣренной, бѣсноватой требовательности ихъ привести не можетъ. Вотъ почему, не обособляясь, христіане всѣ духовныя силы свои растрачиваютъ на ублаженіе злыхъ, самими имъ принося тѣмъ не добро, а зло и сами оставаясь въ

невозможности разумно осуществлять правду вѣры въ жизни, чѣмъ и оклеветали христіанство въ безконечно большей мѣрѣ, чѣмъ могли то сдѣлать злѣйшіе враги его.

Если ходячіе видѣніемъ призраковъ земного бытія и могутъ говорить объ индивидуальномъ характерѣ, объ индивидуальномъ складѣ ума, какъ о чемъ то стихійномъ, безотвѣтственномъ, дающемъ право на самоопредѣленіе и широкое проявленіе своей индивидуальности, безъ всякаго отношенія къ нравственнымъ достоинствамъ этой индивидуальности и нравственному достоинству этого самоопредѣленія въ общей гармоніи жизни міра, христіане такъ думать не могутъ. Это соотвѣтствуетъ пониманію міра, какъ хаоса анархіи фаталистическаго матеріализма. Для христіанъ, вѣрующихъ во Единого Бога Творца, все разумно создавшаго любовью для вѣчнаго блаженства единенія съ Нимъ въ разумной и стройной гармоніи царства Его, гдѣ будетъ одна Божія семья и Единый Пастырь—Богъ Живой, общее солнце всѣхъ, очевидно, что *умъ нашъ, не Богъ, а только орудіе воли нашей*, ея направляемое по свободному изволенію любви или злобы нашей въ ту или другую сторону, почему о томъ же предметѣ разные люди могутъ судить совершенно разнo, очевидно и то, что *характеръ нашъ, только привычки души нашей*, привычки, получившіяся въ результатѣ часто переживаемыхъ нами настроеній, привычки, отъ которыхъ ничего не останется, какъ только по свободному изволенію вѣры и любви мы пожелаемъ иного и ставъ достояніемъ Божиимъ, получимъ благодатныя силы на духовное преображеніе наше въ новое существо, свыше духовно родившееся.

Вотъ чего допустить не могутъ антихристы, не покаившись, не ставъ христіанами. Они о чаяніяхъ и дѣлахъ христіанъ, неизмѣнно судятъ по себѣ, предполагая въ христіанахъ наличность того настроенія, которое сознаютъ въ себѣ и считаютъ естественнымъ, нормальнымъ для всего человѣчества. Съ этой точки зрѣнія и вѣра, и надежда, и любовь, и единомысліе, и единоклѣвничество и весь укладъ жизни по вѣрѣ кажутся имъ наивными утопіями, а при наличности въ жизнедѣятельности объясняются ими неискренностью и лицемеріемъ, чѣмъ оно только и могло бы быть безъ вѣры, безъ любви, и безъ благодатнаго духовнаго рожденія свыше.

Дѣйствительно, по логикѣ *„дѣтей міра сего“*, чѣмъ больше умъ *человѣкъ*, чѣмъ больше онъ образованъ и ученъ, чѣмъ больше самостоятельно мыслить, тѣмъ больше не способенъ на единомысліе и единоклѣвничество со всѣми его окружающими. У него съ ними нѣтъ

объединяющаго начала общей вѣры, любви къ Богу всѣмъ разумнымъ. На немъ исполняются слова откровенія: „знанія надмѣваютъ“.

По логикѣ христіанъ напротивъ, чѣмъ больше умъ христіанина, чѣмъ болѣе онъ умственно развитъ, чѣмъ болѣе самостоятельно мыслить, не поддаваясь гипнотизирующему вліянію рутинныхъ понятій и видѣній преходящихъ призраковъ земного бытія, тѣмъ больше будетъ доказательно для ума и сердца его пониманіе великаго объединяющаго начала вѣрующихъ—вѣчной истины правды Бога Живаго, Его откровенія и того, какая программа жизни наиболѣе соотвѣтствуетъ любви къ Богу всѣмъ разумнымъ, какой крестъ можно въ данный историческій моментъ принять на себя и понести во слѣдъ Христу съ наибольшою пользою для духовнаго блага своего и ближнихъ своихъ, блага, заключающагося въ томъ, чтобы себя и жизнь свою сдѣлать достояніемъ Божиимъ. Такимъ образомъ все, что по логикѣ дѣтей міра сего только и могло приводить къ разномыслію и „совопросничеству“ безплодныхъ словопреній, по христіанской логикѣ только облегчить дѣло единомыслія и единоклѣвничества, столь естественныхъ приналичности объединяющихъ началъ вѣры во Единого Бога Творца, во единое откровеніе единой правды Божіей, общей любви къ Богу всѣмъ разумнымъ, доброй воли возлюбившихъ другъ друга до нелицемѣрнаго, „нѣжнаго“ братолюбія и получающихъ мудрость свыше изъ общаго Источника. „Любовь научаетъ. Кто любитъ Бога, тому дано знаніе отъ Него“ и это знаніе только и можетъ приводить къ единомыслію т. е. истина—одна. Чѣмъ больше въ обществѣ обособившихся христіанъ, такихъ людей, умныхъ, умственно развитыхъ и самостоятельно мыслящихъ, тѣмъ легче имъ будетъ приходить къ единомыслію и единоклѣвничеству, тѣмъ естественнѣе будетъ всѣмъ вполне самостоятельно согласиться съ ихъ пониманіемъ, какъ наиболѣе убѣдительнымъ для вѣры, ума и сердца, тѣмъ легче будетъ придти къ соглашенію съ ними въ случаѣ какихъ либо разногласій.

Такъ и во всемъ остальномъ. По логикѣ дѣтей міра сего жизнь только и можетъ быть непрестанною борьбою, отстаивающихъ свою самостоятельность самоопредѣляющихся индивидуальностей, борьбою экономической, соціальною и политическою по требованіямъ личнаго, семейнаго, классового, сословнаго, соціальнаго и даже исповѣднаго эгоизма.

По христіанской логикѣ будетъ напротивъ, вполне естественно мирное единеніе, совмѣстная дружная дѣятельность, совмѣстное

дружное несеніе общаго креста во слѣдъ Христу со всѣми любящими Бога всѣмъ разумніемъ, алчущими и жаждущими быть достояніемъ Божиимъ и приходить къ единомыслію и единомыслию между собою по требованіямъ нелицемѣрнаго, „нѣжнаго“ братолюбія.

По логикѣ дѣтей міра сего даже и личная семья, въ отсутствіи цемента любви, оказывается цѣпями и бременемъ непосильнымъ, и прогрессъ полагается въ постепенномъ освобожденіи другъ отъ друга. Все громче и громче раздаются требованія свободы не любить другъ друга, свободы развода для супруговъ, свободы для родителей и дѣтей не признавать за собою никакихъ нравственныхъ обязанностей по отношенію другъ къ другу. Все это въ направленіи конечнаго идеала полнаго своеволія, на свободѣ отъ любви и уваженія другъ къ другу.

По христіанской логикѣ, семья есть малая Церковь Божія, объединенная крѣпкимъ цементомъ любви другъ къ другу подъ вліяніемъ крѣпкаго цемента любви къ Богу всѣмъ разумніемъ, прогрессъ полагается въ безпредѣльномъ возрастаніи отъ любви въ любовь, отъ разумнія взаимныхъ нравственныхъ обязанностей любви, уваженія и ревности о духовномъ благѣ всѣхъ членовъ семьи въ высшее разуміе этихъ взаимныхъ нравственныхъ обязанностей, до конца земной жизни. Когда жизнь омірщилась и вѣрующимъ показалось слишкомъ труднымъ осуществлять этотъ идеалъ въ жизни семьи, они, чтобы не измѣнить этому идеалу, предпочли отказаться отъ семьи, обречь себя на безбрачіе. Это и породило иночество.

По логикѣ дѣтей міра сего приходъ — административный терминъ, созданный въ полицейскихъ цѣляхъ, ради удобствъ управленія Церковью помѣстной. Въ отсутствіи цемента любви и въ приходѣ, какъ и въ семьѣ, тяготеетъ всякою зависимостью другъ отъ друга. *Духовенство и мірляне* — два враждебныхъ лагеря, борящіеся за свои права и гегемонію. Даже и среди духовенства происходитъ ожесточенная борьба между „бѣлымъ“ и „чернымъ“ духовенствомъ, между епископами и пресвитерами и все это признается явленіями нормальными, законными и даже неизбежными. На лонѣ приходоу полное распыленіе. Члены прихода не знаютъ, не любятъ другъ друга и не мало не интересуются ни устройствомъ жизни прихода, ни его обереганіемъ отъ дурной закваски. Пастыри смотрятъ на свое дѣло, какъ на одну изъ многихъ профессій, дающихъ средства къ жизни и считаютъ, что воздали Божіе Богови, если не проявляютъ

корысти, добросовѣстно исполняютъ требы и говорятъ поученія, признавая тоже нормальнымъ, законнымъ и неизбежнымъ явленіемъ, что при всемъ этомъ, ни ихъ прихожане, ни ихъ приходъ по укладу жизни своей, не становятся достояніемъ Божиимъ. Больные, престарѣлые, вдовы, сироты бѣдствуютъ на лонѣ прихода. Никто не признаетъ братскимъ долгомъ своимъ о нихъ позаботиться. Всякая забота о нихъ почитается за сверхдолжное, за доблестную благотворительность и именно въ томъ, чтобы отдѣлаться отъ нихъ кускомъ хлѣба, старою тряпкою или пятакомъ и полагается самая душеспасительная форма проявленія христіанскаго милосердія. И такихъ фиктивныхъ приходоу, ничего общаго съ живою здоровою клѣткою живаго здороваго организма Церкви помѣстной не имѣющихъ, слишкомъ много въ Церквахъ помѣстныхъ и это признается по логикѣ дѣтей міра сего явленіемъ нормальнымъ и неизбежнымъ, какъ и то, что при такихъ обстоятельствахъ цѣль Церкви помѣстная ни въ какомъ смыслѣ не могутъ быть названы ни свѣтомъ міра, ни солью земли.

По христіанской логикѣ, напротивъ приходъ только и можетъ быть собраніемъ вѣрующихъ, тѣсно сплоченныхъ цементомъ любви другъ къ другу при свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумніемъ, малою церковью Божіей, въ которой пастырь не наемникъ, а добрый пастырь, полагаящій душу свою за пасомыхъ, первый и по степени любви къ Богу всѣмъ разумніемъ, помня завітъ Спасителя міра: „Симонъ Петръ! любишь-ли ты Меня больше ихъ; паси овецъ стада Моего“; пасомые, не безсловесное, а словесное стадо овецъ Божіихъ, кроткихъ какъ голуби и мудрыхъ какъ змѣи, болѣе умныхъ на добро, чѣмъ сыны тмы умны на зло. По христіанской логикѣ только это и естественно и нормально, соответствуя вѣрѣ, дѣйствующей любовью. Не только по христіанской логикѣ нельзя извинять иное, но и нельзя мириться съ инымъ, естественно, неизбежно по логикѣ вѣры, братолюбія и любви къ Богу всѣмъ разумніемъ, не только пастырю, но и каждому мірянину возревновать о правдѣ Божіей и не успокоиться, пока она не будетъ осуществлена въ жизни прихода. Такіе ревнующіе о Богѣ и о правдѣ Его, когда приходъ омірщился и распылился, когда изсякъ связующій во едино цементъ любви и водворилась рутина жизни не по вѣрѣ, дѣйствующей любовью, а по „обычаю міра сего“, ушли изъ этихъ омірщившихся приходоу, отказались отъ семейной жизни, создали новые приходъ по требованіямъ христіанской совѣсти своей, общепитательные монастыри, которые по идею продолжали честныя традиціи

истинно христіанскихъ приходо́въ, пронесли сквозь тѣмъ время́ идею честнаго христіанскаго братства, хотя въ практикѣ жизни и изъ нихъ большинство оміршилось, успокоившись на буквѣ строгаго соблюденія устава, тоже утеравъ животворящій духъ „нѣжнаго“ братолюбія при свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумніемъ. По буквѣ они и теперь называютъ другъ друга братьями и сестрами, признають нравственною обязанностью своею быть достояніемъ Божиимъ и добывать хлѣбъ насущный безкорыстнымъ общимъ братскимъ трудомъ на пользу общую, на пользу аскетическаго трудового братства общежительнаго монастыря.

По христіанской логикѣ неестественна, чудовищна, позорна всякая борьба между духовенствомъ и мірянами въ духѣ взаимнаго недоброжелательства и недоверія. По христіанской логикѣ неестественно, чудовищно и позорно стремиться къ лучшему будущему путемъ взаимныхъ пререканій, революціонныхъ манифестацій и борьбы за гегемонію, путемъ получившимъ названіе „освободительнаго движенія“ съ одной стороны и „клерикализма“ съ другой. По христіанской логикѣ естественно прежде всего требовать не отъ другихъ, а *отъ себя*, проповѣдывать, не озлобленіе и борьбу, а любовь и единеніе, обособляясь отъ тѣхъ, которые любви и единенія не желаютъ, въ честное, нелицемѣрное братство на лонѣ прихода, или выдѣляясь въ новый приходъ, созидая новыя формы жизни на братскихъ началахъ, по требованіямъ исторической эпохи, той степени христіанскаго самосознанія и закладки христіанской совѣсти, до которыхъ въ данное время доросло дерево христіанства, какъ это въ свое время сдѣлали основатели общежительныхъ монастырей и аввы пустыножителей, какъ это теперь дѣлаемъ и мы въ нашемъ Трудовомъ Братствѣ. Все это $2 \times 2 = 4$ по христіанской логикѣ, какъ и то, что только епископъ и пастырь, предварительно потребовавшіе отъ себя „не господствовать надъ наслѣдіемъ Божиимъ“, а „подавать примѣръ“ вѣры, любви, кротости, смиренія, терпѣнія, великодушія и самоотверженія „стаду“ (1 Петра V—3), имѣють основаніе, не говоря требовать, но только надѣяться на то, что паства признаетъ ихъ пастырями добрыми и добровольно подчинится ихъ нравственному вліянію, какъ и то, что только прихожане, желающіе жить по вѣрѣ и быть кроткими, смиренными, любящими и мудрыми овцами стада Христова, а не волками хищными, могутъ и отъ пастыря своего требовать быть для нихъ пастыремъ добрымъ, за нихъ полагающимъ душу свою. До тѣхъ поръ, какъ со стороны волковъ — пастырей требованіе отъ агнуса быть ов-

цами, такъ и со стороны волковъ — прихожанъ требованіе отъ агнуса положить за нихъ душу свою, одинаково нелѣпое недоразумѣніе и кромѣ бесплодной борьбы съ характеромъ „суеты суетъ“ ни къ чему привести не можетъ.

По логикѣ дѣтей міра сего и въ жизни церковной и въ жизни государственной естественна и неизбежна постоянная борьба за „права“, за „справедливость“, которую каждый толкуетъ по своему, непременно въ свою пользу, требуя для себя всякихъ правъ и за собою не признавая никакихъ нравственныхъ обязанностей, не исключая и обязанности имѣть „сердце чисто“ и „духъ правъ“. Это и есть тотъ боевой прогрессъ съ его хитроумными конституціями, безнравственными тактическими приѣмами, волчьей сознательностью и „святою ложью“, путемъ котораго, нелѣпо бѣснуясь, поклонники „Варравы“ надѣются водворить миръ, разумный порядокъ, справедливость и всеобщее благоденствіе.

По христіанской логикѣ, для поклонниковъ Христа очевидно, что стремиться къ мирному благоденствію можно только путемъ мирнаго прогресса, путемъ признанія за самими собою христіанскаго нравственнаго долга, путемъ христіанской тактики обособленія отъ зла и мудраго созиданія добра, путемъ нелицемѣрнаго братскаго единенія во всѣхъ сферахъ жизни, путемъ дружной совмѣстной дѣятельности, сплоченнымъ цементомъ любви другъ къ другу при свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумніемъ епископовъ, пресвитеровъ и агнуса въ жизни Церкви помѣстной, Царя, его правительства и всѣхъ общественныхъ классовъ — въ жизни государственной.

По логикѣ дѣтей міра сего мирное единеніе невозможно, слишкомъ противорѣчитъ „настроеніе большинства, обстоятельствамъ жизнедѣятельности“, однимъ словомъ всему, что знаемъ по опыту и изъ наблюденій надъ видѣніемъ преходящихъ призраковъ земного бытія.

По христіанской логикѣ, напротивъ, только мирное единеніе сыновъ свѣта, обособившихся отъ сыновъ тѣмы и разумно, и практично, соотвѣтствуя правдѣ вѣры, которая для нихъ и является руководящимъ началомъ, не отрицая видѣній преходящихъ призраковъ земного бытія, а принимая ихъ въ расчетъ настолько, насколько это необходимо для разумной жизни по вѣрѣ для того, чтобы быть не менѣе умными на добро, нежели сыны тѣмы умны на зло, никогда, однако, не сходя съ пути вѣры на путь видѣнія, съ пути вѣчно-реальнаго, на путь временно торжествующихъ призраковъ.

По какой из этих двух логик живет христианский мир, какой из этих двух логик соответствует уклад жизни христианских приходо́въ, христианских семей, христианских школ, христианских государств и церквей помѣстных, может служить открытым признакомъ доброкачественности въры большинства современныхъ христианъ, върымъ мѣриломъ ихъ любви къ Богу всѣмъ разумѣніемъ, ихъ христианской совѣсти, того, насколько они сыны свѣта или сыны тьмы, христиане или антихристы. „По плодамъ ихъ узнаете ихъ“. По плодамъ современной жизнедѣятельности, имѣющей глаза, чтобы видѣть, уши, чтобы слышать и чистое сердце, чтобы уразумѣть, легко пойметъ, въ чемъ покаяться надо, каковы будутъ плоды, достойные нелицемѣрнаго покаянія, соответствуя размѣрамъ самодовольства современнаго грѣхолобія и степени измѣны Правды Божіей.

Нелицемерно показавшись и сотворивъ достойныя покаянія плоды обособленія отъ зла и нелицемѣрнаго братскаго единства во всѣхъ сферахъ жизни своей, христиане, если они нелицемѣрно любятъ другъ друга при свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумѣніемъ, даже и не справляясь о томъ, гдѣ и когда, что предписано, сами найдутъ въ облагодѣствованныхъ умахъ и сердцахъ своихъ готовую программу разумной жизни по въру, дѣйствующей любовью. Для нихъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что всѣ сферы жизни личной, семейной, трудовой, социальной и политической должны быть разумно и стройно организованы на началахъ вѣры, любви и братства. Для нихъ это будетъ также естественно, нормально и неизбежно, какъ и то, чтобы всегда быть и сознавать себя мудрыми овцами, никогда не обращаясь въ волковъ хищныхъ.

Для мудрыхъ овецъ стада Христова будетъ тоже естественно, нормально и неизбежно вполне сознательно относиться и къ волкамъ, отъ которыхъ они обособились, не принимая ихъ наивно за овецъ, не мечтая въ духѣ наивной сентиментальности установить съ ними братскія отношенія раньше, чѣмъ они не покаются и не преобразятся изъ волковъ въ мудрыхъ овецъ стада Христова, тѣмъ болѣе не признавая наивно за собою братскихъ обязанностей по отношенію къ этимъ нераскаяннымъ волкамъ, не станутъ дѣлать изъ за этого благо-глупости, полагая долгомъ любви къ этимъ волкамъ ублажать ихъ и долгомъ христианскаго милосердія по отношенію къ нимъ во всемъ извинять ихъ подъ предлогомъ всепрощенія, не обособляться отъ нихъ подъ предлогомъ долга братскаго общенія съ ними и всячески облегчать и скрашивать ихъ волчью жизнь

по ихъ волчьимъ инстинктамъ подъ предлогомъ непротивленія злу и любви къ врагамъ.

Мудрыя овцы стада Христова въ любви къ Богу всѣмъ разумѣніемъ почерпнуть разумное пониманіе того, какъ любить волковъ на пользу, а не во вредъ имъ, какъ любить враговъ своихъ во благо имъ. Для нихъ разумная любовь и христианское милосердіе одно и тоже. Для нихъ все—Богъ и все должно приводить къ Богу, все дѣлая достояніемъ Его. Никогда милосердіе ихъ не можетъ имѣть характеръ „жертвы“, дѣла спасенія „со скрежетомъ зубовымъ“, тѣмъ болѣе „подкупа общественнаго мнѣнія“, оно всегда будетъ имѣть характеръ разумной милости при свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумѣніемъ. Мудрыя овцы стада Христова никогда не признаютъ за другими права диктовать имъ буквы дѣлъ милосердія по отношенію къ тѣмъ, отъ которыхъ они обособились, а будутъ и въ этомъ дѣлѣ, какъ и во всей жизни своей руководствоваться любовью къ Богу всѣмъ разумѣніемъ, удостовѣреніями своего собственнаго ума и требованіями своей собственной совѣсти, безъ чего они не могли бы, ни сознательно жить по вѣрѣ, ни сознательно принять на себя крестъ, ни сознательно идти за Христомъ.

Вотъ какъ я понимаю укладъ жизни по вѣрѣ, дѣйствующей любовью.

IV. БЕСѢДА.

Опытъ жизни нашего Трудового Братства.

Перехожу отъ теоріи къ практикѣ, отъ изложенія логики вѣры, къ изложенію логики жизни по вѣрѣ, отъ моего пониманія христіанскаго міровоззрѣнія, христіанской этики и нормальнаго уклада жизни по вѣрѣ, къ тому, что я и братья мои, тѣ, которые по свободному изволенію вѣры и любви пришли къ единомыслію и единодушію со мною и между собою, признали тѣмъ крестомъ, который, по требованіямъ вѣры, любви, разума и христіанской совѣсти, мы приняли на себя и сообщая несемъ во слѣдъ Христу, сознавая, что именно этотъ крестъ и есть тотъ подвигъ любви, который мы, съ наибольшею пользою для Церкви помѣстной, Отечества нашего, братства между людьми и преображенія умовъ, сердець и жизни въ достояніе Божіе, можемъ, а слѣдовательно и должны нести во слѣдъ Христу, въ эпоху нами переживаемую.

Этотъ крестъ, сознательно нами на себя принятый и есть *дѣло Трудового Братства*. Оно для насъ одновременно и *правда жизни по вѣрѣ*, дѣйствующей любовью, и *насущая потребность любви къ Богу* всѣмъ разумѣніемъ, и *насущая потребность величественнаго братолюбія и духовная санаторія* для насъ самихъ, и *общепользныи опытъ сплоченія и стройной организаціи жизни прихода*, общепользныи опытъ возможности *быстро оздоровленія души народной, быстрого перехода* отъ позора рутинной жизни по обычаю міра сего къ *честной жизни по вѣрѣ*, и *наиболѣе разумное проявленіе христіанскаго милосердія*, не только по отношенію къ братьямъ нашимъ, но и къ постороннимъ дѣлу нашему, не исключая и враговъ нашихъ и дѣла нашего.

Сознавая себя костью отъ костей и плотью отъ плоти окружающаго насъ общества, *отличаясь отъ него только нашимъ отно-*

шеніемъ къ верховному закону христіанскаго откровенія, мы сознаемъ и то, какое громадное жизненное значеніе имѣетъ для всего христіанскаго міра жизненный опытъ, имъ въ насъ переживаемый, на пути перехода отъ того, что есть, къ тому, что быть должно, согласно этому верховному закону о любви къ ближнимъ при свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумѣніемъ. Этотъ *опытъ, пережитой, а частью и выстраданный въ насъ всѣмъ человечествомъ* мы никому не навязываемъ, но и ни *отъ кого* скрывать не считаемъ себя вправе; желая напротивъ, по требованіямъ исповѣданія вѣры и братолюбія, чтобы опытъ этотъ былъ общезвѣстенъ, сталъ для многихъ убѣдительнымъ и былъ возможно болѣе использованъ дѣлу Божію, Церкви, Отечеству, душамъ вѣчнымъ и братству между людьми во благо.

Съ этою цѣлію мы готовимъ къ печати подробную, всенародную исповѣдь Братства нашего, въ формѣ моихъ бюстительскихъ отчетовъ о жизни Братства, имѣющихъ составить V—VI, а можетъ быть и VII томы полнаго собранія моихъ сочиненій.

Въ настоящее время, я не намѣренъ, говоря объ опытѣ жизни нашего Братства, ни говорить о буквѣ внѣшней организаціи нашего дѣла, ни излагать исторію всего нашего дѣла, ни излагать исторію всего нами пережитаго, ни опровергать многообразныя обвиненія противъ насъ предъявляемыя, ни оправдывать насъ передъ тѣми, которые даютъ намъ совѣты, по большей части нами не осуществляемые въ жизни нашей, а ограничусь перечисленіемъ того, что я считаю *наиболѣе цѣннымъ опытомъ*, въ насъ пережитымъ всѣмъ христіанскимъ міромъ, а въ немъ я всѣмъ *человѣчествомъ*.

Дѣйствительно, подробное изложеніе буквы внѣшней организаціи можетъ только вредить дѣлу, отвлекая вниманіе отъ главнаго къ не существенному, отъ животворящаго духа дѣла, имѣющаго общее значеніе, къ той буквѣ проявленія этого духа, которая въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ обязательно будетъ нѣсколько иною и, точно примѣненная въ духѣ слѣпое подражаніе, при иныхъ обстоятельствахъ, могла-бы быть ошибкою и повести къ разочарованіямъ. Вотъ почему я не охотно говорю объ этой буквѣ внѣшней организаціи, не охотно привожу цифровыя данныя, хотя и считаю, что эта буква въ дѣлѣ нашемъ и соотвѣтствуетъ *наиболѣе разумному проявленію животворящаго духа дѣла* при данныхъ у насъ обстоятельствахъ. Для успѣха дѣла вездѣ, гдѣ оно возникать будетъ, весьма существенно, чтобы оно дѣлалось *вполнѣ самостоятельно*,

каждый разъ выработывая ту технику осуществленія своего и ту букву внѣшней организаціи, которая наиболѣе соотвѣтствуетъ даннымъ обстоятельствамъ и самостоятельнымъ убѣжденіямъ ума и сердца. Вотъ почему я очень неохотно даю совѣты тѣмъ, которые ко мнѣ за ними обращаются. Дѣло это никогда не должно и не можетъ быть подражаніемъ. Дѣло это никогда не можетъ и не должно быть ничѣмъ инымъ, какъ самостоятельнымъ подвигомъ вѣры и любви. Если человѣкъ опредѣленно не знаетъ, что и какъ ему дѣлать въ его социальномъ положеніи, при наличныхъ обстоятельствахъ его жизни и жизни тѣхъ, которые съ нимъ объединились въ единомысліи и единомудріи до способности нести съ нимъ общій крестъ,—это лучшее доказательство, что умы и сердца ихъ еще не созрѣли до того креста, который они хотятъ принять на себя, что души ихъ еще не оздоровлены до насущной потребности этого креста, что крестъ этотъ, принятый на себя по чужому совѣту, окажется для нихъ непосильнымъ.

Во всемъ этомъ я такъ убѣжденъ, что воспитаннику школы нашей, который бы, выходя изъ нея, обратился ко мнѣ за совѣтомъ, что ему дѣлать: поступать ли въ наше Братство или нѣтъ, отказался бы отвѣтить на этотъ вопросъ, предоставляя рѣшить его по требованіямъ собственной вѣры, собственного разума и собственной совѣсти.

Человѣчество такъ склонно ходить не вѣрою, а видѣніемъ, а всякая буква внѣшней организаціи—видѣніе, что опасно отвлекать вниманіе отъ главнаго къ второстепенному, отъ животворящаго духа дѣла къ сплетнямъ о томъ, въ какой именно буквѣ этотъ животворящій духъ именно у насъ проявляется.

Не могу отказать себѣ въ удовольствіи рассказать Вамъ по этому поводу, какъ умно и честно проявилъ пониманіе этой правды профессоръ Богословія Кіевскаго университета протоіерей Свѣтловъ. Въ то время, какъ большинство именно буквою и интересуется всего болѣе, называя ее фактическими данными, спорить объ этой буквѣ и, не возражая по существу, дѣлаетъ странный выводъ, что дѣло это неосуществимо и не заслуживаетъ вниманія потому, что мы его дѣлаемъ не такъ, какъ имъ нравится и какъ бы они его дѣлали: если бы его дѣлали, — профессоръ Свѣтловъ, напротивъ, когда писалъ о моихъ сочиненіяхъ и Братствѣ нашемъ въ своей монографіи: „Идея Царства Божія“, напечатанной въ органѣ Вашей академіи—„Богословскомъ Вѣстникѣ“, говорилъ мнѣ: „я бы желалъ на дѣлѣ увидѣть Ваше Трудовое Братство, но не раньше, какъ

печатно выскажусь о немъ, какъ идеѣ. По человѣческой немощи я могъ бы поддаться личнымъ впечатлѣніямъ отъ второстепеннаго, случайнаго, отъ буквы осуществленія Вами идеи, и это могло бы неблагоприятно отразиться на безпристрастномъ сужденіи о самой идеѣ, затемнить ее, а этого я не хочу“. Вотъ по истинѣ мудрое недовѣріе къ видѣнію и мудрая оцѣнка его дѣйствительнаго жизненнаго значенія.

Исторія дѣла, какъ и внѣшней организаціи его то же буква, второстепенное и несущественное, за исключеніемъ, проявившагося въ ней духа настроенія нашего, того, какъ въ насъ проявили себя современные христіане на первыхъ шагахъ перехода отъ того, что есть, къ тому, что быть должно по правдѣ вѣры, дѣйствующій любовью и братолобію при свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумніемъ и того, какъ проявили себя тѣ же современные христіане на отношеніи своемъ къ дѣлу перехода отъ словъ о вѣрѣ, любви и братствѣ къ жизни на этихъ началахъ.

Возражать на всевозможныя обвиненія, на насъ и дѣло наше возводимыя, значить сойти съ пути мирнаго созиданія на путь борьбы, съ пути исповѣданія правды на путь препирательства съ „совопросниками вѣка сего“. Иногда я дѣлалъ это думая, что обвиненія порождены недоразумѣніемъ, но всегда убѣждался, что это не такъ. Умъ—рабъ воли нашей, а не наоборотъ. Не воля человѣка вводится въ заблужденіе ошибками ума, а ошибки ума только отражаютъ на себѣ, проявляютъ собою направленіе воли.

Исповѣдуя правду христіанскаго склада ума, сердца и жизни, я попутно въ самомъ принципѣ опровергъ многія обвиненія, возводимыя на христіанъ вообще, съ иныхъ точекъ зрѣнія и по аналогіи съ людьми не христіанскаго настроенія. Этого вполне достаточно. Каждый разъ, какъ я хотѣлъ защитить самого себя, дѣло наше и пионеровъ этого дѣла отъ самыхъ оскорбительныхъ для насъ лично обвиненій, я убѣждался, что это не приводитъ къ желанной цѣли. Тѣ, чья воля побуждала обвинять и осуждать, къ прежнимъ оскорбленіямъ только прибавляли новое—недовѣріе къ правдѣ словъ моихъ и въ самыхъ объясненіяхъ по поводу прежнихъ обвиненій находили только основанія для новыхъ обвиненій, доказывая тѣмъ, что, если воля склонна обвинять, осуждать и заподозривать, услужливый разумъ всегда найдетъ основанія и оправданія для упорнаго недовѣрія, подозрѣній, обвиненій и осужденій.

Дѣйствительно, что мы можемъ сказать тѣмъ, напримѣръ, которые находятъ возможнымъ, не только допустить по отношенію къ

намъ, самое оскорбительное и самое позорное для христіанъ обвиненіе въ неискренности и лицемѣріи, но даже громко высказать, это обвиненіе, печатно бросить намъ его въ лицо?! Мы скажемъ имъ: мы искренно любимъ Бога всѣмъ разумѣніемъ нашимъ, любовь эта приводитъ насъ къ искреннему братолюбію, и мы искренни въ проявленіи этой любви, какъ къ братьямъ нашимъ, такъ и къ врагамъ нашимъ, по требованіямъ нашего разума и нашей совѣсти. А намъ возражаютъ: вы проявляете любовь вашу не такъ, какъ требуютъ того нашъ разумъ и наша совѣсть и потому мы не вѣримъ вашей искренности. Мы опять возражаемъ: это доказываетъ только, что мы съ вами и думаемъ и чувствуемъ иначе, что доказываетъ и жизнь наша. Нашъ разумъ и наша совѣсть требуетъ отъ насъ принять на себя крестъ Трудового Братства, а вашъ разумъ и ваша совѣсть отъ васъ этого не требуетъ. Повѣрьте искренности нашей на дѣлѣ нашемъ, какъ и мы не сомнѣваемся въ искренности вашей въ нежеланіи принять на себя тотъ крестъ, который мы по требованіямъ нашего разума и нашей совѣсти на себя приняли. А намъ и на это возразятъ: а все же мы въ вашу искренность не вѣримъ и убѣждены, что вы лицемѣры, и въ подтвержденіи этого упорнаго обвиненія приведутъ мнѣніе такого-то или такой-то, свое собственное впечатлѣніе или соображеніе.

Всего лучше идти своею дорогою и дѣлать свое дѣло, предоставляя времени и фактамъ жизни опровергнуть обвиненія и подозрѣнія.

Одно обвиненіе и подозрѣніе я хотѣлъ бы однако снять съ себя и братьевъ моихъ. Мнѣ хочется громко сказать, *что мы въ Бога Живаго, а не въ себя вѣруемъ, Бога Живаго, а не себя исповѣдуемъ, правду Божию, а не свою, по силѣ разумѣнія осуществляемъ, силѣ Божіей въ немощи нашей совершающейся, а не своей личной силѣ и своимъ личнымъ талантамъ, приписываемъ славу и честь того, хотя бы и относительнаго добра, котораго мы въ жизни Братства нашего осуществили.*

Не только мы не желаемъ выдавать себя за безгрѣшныхъ и святыхъ людей, но вполне понимаемъ и раздѣляемъ чувства Апостола, сказавшаго: „Буду хвалиться немощію моею... собою не похваюсь, развѣ только немощами моими“ (II Коринф. XI, 30 и XII, 5). И поэтому [намъ защищаться отъ обвиненій не слѣдуетъ. *Чѣмъ хуже мы, чѣмъ болѣе мы немощны, тѣмъ очевиднѣе, что лучше насъ, менѣе насъ немощные могутъ и должны сдѣлать лучше и больше насъ, тѣмъ болѣе очевидно и то, что нѣтъ такой немощи*

человѣческой, въ которой Господь не благоволитъ явить силу свою, если, по свободному изволенію вѣры и любви этихъ немощныхъ людей, Онъ можетъ, безъ насилія надъ ними, творить волю Свою въ нихъ, съ ними и чрезъ нихъ, по слову своему: „сила Моя въ немощи совершается“ (II Коринф. XII, 9). Мы всѣ готовы сказать: *да братья и сестры по человечеству, мы ничѣмъ не лучше васъ сами по себѣ; именно потому дѣло наше особенно для васъ доказательно и поучительно.* Вы всѣ могли бы сдѣлать лучше и больше нашего, если бы болѣе насъ захотѣли стать достояніемъ Божиимъ и жизнь свою сдѣлать достояніемъ Его, признавъ въ полной мѣрѣ, какъ мы это сдѣлали, вѣчную правду и жизненное значеніе верховнаго закона христіанскаго откровенія о разумной любви къ ближнимъ, при свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумѣніемъ, и возлюбили до ревности о жизни по вѣрѣ, дѣйствующей любовію, до насущной потребности логики разумной любви въ жизни!

Вотъ нашъ отвѣтъ на всѣ обвиненія.

Послѣ того, что сказано мною о томъ, почему самъ я не люблю давать совѣтовъ, даже и тогда, когда меня спрашиваютъ о томъ, что и какъ дѣлать, мнѣ нечего объяснять, почему и мы не склонны сообразоваться съ совѣтами о томъ, какъ намъ созидать Братство, какъ намъ думать, чувствовать и жить, когда совѣты эти въ духѣ самоувѣренности даются намъ людьми, которые сами никакого братства въ жизни не созидаютъ. Между собою мы эти совѣты обсуждаемъ, чтобы не проглядѣть ту долю правды, которая и въ нихъ можетъ быть. По большей части, совѣты эти оказываются несогласными ни съ убѣжденіями нашими, ни съ опытомъ, нами пережитымъ, что и неудивительно, когда совѣты эти даются людьми съ убѣжденіями, изъ которыхъ необходимости братства въ жизни, какъ мы его понимаемъ, совсѣмъ не вытекаетъ, людьми, не имѣющими даже и нашего опыта въ дѣлѣ созиданія братства.

Не можетъ смутить насъ при этомъ и печатно высказанное недавно соображеніе о томъ, будто мы должны сообразоваться съ общественнымъ мнѣніемъ, если хотимъ, чтобы дѣло наше имѣло характеръ общественной полезности или на этотъ характеръ претендуетъ, будто бы по этому поводу мы не должны считать для себя оскорбительными всякія подозрѣнія и нареканія, вплоть до обвиненія въ томъ, что мы лицемѣры и совершенно чужды христіанскаго милосердія, именно къ тому и призывая, чтобы всю жизнь, всѣ роды труда и всѣ отношенія, стройно, разумно, цѣльно организовать на началѣ того же христіанскаго милосердія. Это простое

недоразумѣніе. Мы признаемъ наше дѣло общественно полезнымъ совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, чтобы оно было обще-полезнымъ рецептомъ практической мудрости для людей всякихъ убѣжденій и всякаго настроенія, причемъ намъ дѣйствительно предстояла бы неблагодарная задача примѣнять это дѣло къ господствующему, то-есть рутинному, пониманію христіанства и христіанскаго милосердія. Даже и тогда, когда мы говоримъ, что дѣло наше заключается въ себѣ опредѣленную программу мирнаго христіанскаго прогресса, въ чемъ мы дѣйствительно убѣждены, мы разумѣемъ подъ этою программой ту логику вѣры, логику братолюбія, при свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумѣніемъ, которая дѣйствительно обще-обязательна для всѣхъ, не отрицающихъ въ угоду бѣдному любовію сердцу своему, единый, верховный законъ христіанскаго откровенія о вѣрности любви до мученичества и смерти крестной, о разумномъ братолюбіи, при свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумѣніемъ, тѣ неизбежныя практическіе выводы изъ этого закона, которые и породили дѣло наше, и составляютъ животворящій духъ его, а совсѣмъ не то, будто всѣ должны въ технику созиданія нашего дѣла и въ буквѣ его внѣшней организаціи и даже нашего личнаго отношенія къ нему стать слѣпыми, подражателями нашими. Тѣмъ болѣе мы не можемъ признавать за другими, хотя бы эти другіе были и большинство современнаго человѣчества, права не признавать за нами христіанской свободы нашей, ставя это условіемъ признанія за нашимъ дѣломъ характера дѣла общественно полезнаго.

Перехожу къ перечисленію того, что въ нами пережитомъ на дѣлѣ нашемъ, я признаю наиболѣе цѣннымъ и поучительнымъ опытомъ, пережитымъ въ насъ всѣмъ человѣчествомъ.

Прежде, чѣмъ говорить объ опытѣ пережитомъ нашимъ Трудовымъ Братствомъ, скажу и о своемъ личномъ опытѣ, о пережитомъ мною раньше осуществленія идеи братства въ жизни, воплію сознавая, что это подвергаетъ меня нареканіямъ въ гордости, той пресловутой гордости моей, которою такъ многіе интересовались болѣе нежели идеями моими и дѣломъ жизни моей, подвергаетъ меня и, страшному въ глазахъ современнаго „культурнаго“ чело-вѣка, обвиненію въ ненормальности галлюцинирующаго мистика, такъ какъ я намѣренъ говорить и о томъ, что въ жизни моей и Братства нашего было таинственнымъ и сверхчувственнымъ проявленіемъ воздѣйствія на насъ міра незримаго и соприкосновенія нашего съ этимъ міромъ, которое по катехизису современной ма-

теріалистической культуры и „свободомыслія“ должно отрицать, какъ устарѣлыя предразсудки.

Эти явленія однако играли слишкомъ большую роль въ моей и нашей жизни, чтобы я могъ *оставаться правдивымъ, какъ замалчивая, болѣе того, не извращая истины до уворованія у Бога въ нашу пользу славы Его*. На эту ложь и на эту кражу я не пойду. Буду честно исповѣдывать Бога Живаго, творящаго чудеса, являя силу свою въ немощи нашей, такъ какъ именно это и есть главный наиболѣе полезный опытъ, пережитой въ насъ всѣмъ человѣчествомъ, что-бы по этому поводу о мнѣ ни подумали, въ какой бы низменный разрядъ „суевѣрныхъ мистиковъ“, меня не зачислили. По необходимости буду говорить очень кратко. По необходимости буду часто „голословенъ“, предоставляя воспользоваться моимъ и нашимъ опытомъ тѣмъ, кто повѣритъ мнѣ на слово, повѣритъ моей честности, правдивости и здравомыслію. Повѣрять мнѣ тѣ, въ комъ есть задатки быть мнѣ братьями по духу, кто алчетъ и жаждетъ того же, чего алкала и жаждала моя душа. Для нихъ все, что я скажу, будетъ настолько убѣдительно для ума и сердца, что они повѣрятъ мнѣ, наперекоръ всѣмъ видѣніямъ призраковъ земного бытія. Для нихъ я и говорю.

1. Въ раннемъ дѣтствѣ я жилъ двойною жизнью, наяву, мало понимая меня окружающее, во снѣ имѣя общеніе съ безконечно дорогими для меня существами, которыхъ я сознавалъ гораздо болѣе близкими и родными, нежели люди, съ которыми я имѣлъ дѣло наяву. Увѣренъ, что и всѣ въ раннемъ возрастѣ имѣютъ общеніе съ міромъ незримымъ, пока общеніе ихъ съ міромъ земнымъ не станетъ сознательнымъ. Всѣ матери знаютъ, что ребенокъ, не умѣющий еще улыбаться наяву, во снѣ улыбается сознательною и радостной улыбкой. У меня это общеніе продолжалось долѣе обыкновеннаго и я хорошо помню послѣднее свиданіе съ ними, когда они сказали мнѣ, что я ихъ видѣть больше не могу. Я очень грустилъ по нимъ и это имѣло большое вліяніе на всю мою жизнь, сдѣлало меня исключительно религіознымъ ребенкомъ и застраховало отъ хожденія въ жизни не вѣрою, а видѣніемъ. Одна молитва утѣшала меня въ разлукѣ съ ними и наполняла душу мою тѣмъ міромъ и тою радостью, которые я испытывалъ при общеніи съ ними. Для меня навсегда они и ихъ міръ остались болѣею реальностью, чѣмъ міръ земной, который я безконечно менѣ любилъ. По мѣрѣ того, какъ я узнавалъ экономію жизни міра земнаго, узнавалъ, что все здѣсь вода текущая и „легче пустоты“, все разрушается, гниетъ и

ржавѣть, все болѣетъ, старѣется и умираетъ, для меня становилась все болѣе и болѣе несомнѣнною правда дѣтскаго инстинкта, *сердцемъ постигающаго призрачность видный земной бытія и вѣчную реальность міра незримого.*

2. Когда я научился читать, утромъ и вечеромъ читалъ *Евангеліе* стало для меня такою же духовною потребностью, какъ и молиться. Это дало мнѣ привычку на все смотрѣть съ Евангельской точки зрѣнія и не мириться въ жизни со всѣмъ тѣмъ, что было противно разумной любви, какъ ее Христосъ понималъ, а не по рутиннымъ понятіямъ дѣтей земли о христіанскомъ милосердіи. Конечно, все это было болѣе инстинктами сердца, нежели ясно сформулированными убѣжденіями въ дѣтскомъ умѣ моемъ, определенными симпатіями и антипатіями, а не определенными формулами.

Воспитатель мой, боясь „чрезмѣрнаго“ увлеченія „религіозностью“ и „мистицизмомъ“, хотя самъ былъ по своему „церковно вѣрующимъ“ человѣкомъ, окружилъ меня дѣтьми „иного настроенія“. Многое въ нихъ внушало мнѣ инстинктивную антипатію. Разъ, уснувъ съ этимъ чувствомъ въ сердцѣ, я ночью проснулся весь въ слезахъ и съ большою жалостью къ тѣмъ, кто внушалъ мнѣ эту антипатію, точно во снѣ мнѣ было что-то сказано и выяснено по поводу ихъ. Я всталъ съ постели и сталъ со слезами о нихъ молиться, прося у Господа, если можно, отнять отъ вѣчнаго блаженства моего на пользу имъ. Въ эту минуту, какъ отвѣтъ на мою молитву, совершился впервые *актъ воздѣйствія на меня изъ міра незримого, не во снѣ, а на яву.* Я пережилъ неизъяснимыя ощущенія и мнѣ было сказано: „ты пожалѣлъ этихъ дѣтей, тебѣ будетъ дано многихъ дѣтей воспитать достояніемъ Божиимъ“.

3. Начался періодъ пророческихъ сновъ, въ которыхъ аллегорически, а иногда и въ точныхъ реальныхъ подробностяхъ, мнѣ было показано многое изъ того, что мнѣ пришлось пережить въ разные эпохи моей жизни, много позже.

4. Не смотря на это, моему воспитателю, внушавшему мнѣ, что все хорошо въ свое время и въ благоразумныхъ размѣрахъ и что надо знать мѣру и въ религіозности, удалось настолько развлечь меня постояннымъ обществомъ свѣтскихъ товарищей, что я самъ сталъ постепенно принимать привычки свѣтскаго человѣка, со всѣми специфическими немощами его. *Дурное преподаваніе Закона Божія*, въ которомъ было все, кромѣ животворящаго духа верховнаго закона христіанскаго откровенія, *докончило дѣло моего „омірищенія“.* Никогда я не былъ невѣрующимъ человѣкомъ, но совсѣмъ пере-

сталъ понимать отношеніе вѣры къ жизни, съ тѣмъ вмѣстѣ пересталъ молиться и ходить въ церковь. И молитва, и таинства, и вся обрядность, когда нашла на душу пыль земли и затмила собою пониманіе животворящаго духа вѣры, изъ актовъ живой любви, стали мертвою буквою „благочестивыхъ упражненій“. При всей моей немощности у меня хватило честности не лгать и не лицемерить передъ самимъ собою, подмѣнивъ чистое золото „первой любви“ этою фальшивою монетою.

5. Въ этомъ настроеніи я поступилъ въ университетъ и очень заинтересовался въ немъ лекціями, ученика Гегеля, Рѣдкина, по исторіи философіи. Заинтересовали меня многіе философы, но ни одинъ не удовлетворилъ ни ума, ни сердца моего. Въ душѣ инстинктивно *жилъ идеалъ Христа*, идеалъ Бога Живаго, Высшей Любви и Высшаго Разума міра и *передъ этимъ идеаломъ блѣднѣли всѣ философскіе идеалы*, оставляя глубоко неудовлетворенными и умъ и сердце. Я сталъ очень тяготиться житіемъ и совершенно не понималъ психологію людей, по мѣткому выраженію Толстого, „пьяныхъ жизнью“.

6. Тяготился я жизнью и потомъ въ раззолоченномъ вихрѣ придворной суеты, въ которую я погрузился въ положеніи состоящаго при посольствѣ. Безсодержательная суета жизни становилась для меня все болѣе невыносимою. Разъ, вернувшись съ придворнаго бала, ложаюсь спать, я съ ужасомъ спрашивалъ себя, неужели вся жизнь пройдетъ также неосмысленно. Милосердный Господь и это принялъ, какъ молитву. Какъ отвѣтъ на мой вопросъ, я увидѣлъ сонъ, *точно предсказавшій мнѣ то, что я на дѣлѣ пережилъ 5 лѣтъ позже.* Сонъ этотъ трижды повторялся и далъ толчекъ мыслямъ моимъ, давъ понять нравственную отвѣтственность за предковъ передъ дѣтьми народа, которымъ я такъ многообразно могу быть полезенъ при доброй волѣ.

7. Рѣшивъ посвятить жизнь на пользу дѣтей народа, я созналъ жизненную правду словъ Спасителя: „Царство Божіе внутри васъ есть“, созналъ, что *нечего измѣнить къ лучшему въ жизни народа не могу, пока настроеніе душъ живыхъ не будетъ повышено до этого лучшаго*, созналъ всю нищету суеты рутинной жизни, въ которой человечество вполнѣ, какъ звѣри басни Крылова, спорятъ, ссорятся и борются за мѣста, желая по новому разсѣсться, не догадываясь о томъ, что прежде всего надо перестать быть осломъ, козломъ и косолапымъ мишкой, тѣмъ болѣе перестать быть бѣсноватыми съ печатью сатаны на умахъ и сердцахъ. Созналъ и то, что воспи-

тять дѣтей народа людьми разумными и добрыми, способными творить разумное благо въ жизни, мнѣ не удастся на основахъ философіи Гегеля, Шопенгауера, или кого либо изъ другихъ философовъ. Вспомнилъ о томъ, какое благотворное нравственное вліяніе оказывало на меня въ дѣтствѣ чтеніе Евангелія и захотѣлъ познаться съ первоисточниками христіанскаго Откровенія съ основательностью и послѣдовательностью, къ которымъ приучили меня философскія занятія.

8. Прочтя Библию, я былъ пораженъ стройностью ея животворящаго духа подъ легкимъ покровомъ образной буквы, былъ пораженъ, цѣлностью Библии, всей Библии, однородностью животворящаго духа книгъ ветхаго и новаго заветъа, не смотря на букву, разнообразную до явнаго противорѣчія „по буквѣ“. Для души моей вся Библия была однородною зарею безконечно дорогого и родного живаго свѣта, озарившаго собою весь міръ, когда *взошло солнце верховнаго заветъа христіанскаго Откровенія*. При свѣтѣ этого верховнаго закона, заключающаго въ себѣ животворящій духъ вѣры и правды бытія, все вѣроученіе оживилось духомъ жизни и то, что раньше было для меня безформенной грудой мертвыхъ костей, пылью буквы мертвящей, облеклось плотью и кровью, преобразилось разумнымъ и благимъ духомъ жизни, въ правду единого *живого организма Церкви Божіей*, царства Божія, имѣя въ основѣ своей такое опредѣленное міровоззрѣніе, такой высокій идеалъ и такую разумную этику, что *умъ и сердце мое были вполне убѣждены, вполне удовлетворены* и я сталъ сознательно вѣрующимъ, сознательно любящимъ всѣмъ сердцемъ, всѣмъ разуміемъ и всею крѣпостію свободного изволенія моего.

9. Мнѣ стало вполне ясно, что именно преступное и позорное *отступничество* громаднаго большинства христіанъ *отъ вѣрности верховному завету христіанскаго Откровенія, въ уподобленію любви сердцу*, молчаливо отвергнутому и затерянному среди распыленной буквы вѣроученія, церковныхъ преданій, догматическихъ опредѣленій, каноническихъ правилъ и внѣшней обрядности, и *дѣлаетъ преступнымъ и позорнымъ весь складъ умовъ, весь складъ симпатій, весь рутинный укладъ жизни*, дѣлаетъ такими безплодными уроки закона Божія въ христіанскихъ школахъ, воспитывающихъ не христіанъ съ печатью дара Духа Святаго на устахъ и сердцахъ, а атеистовъ, полагающихъ свою свободу въ невѣріи, дѣлаетъ столь безплодными и всѣ усилія проповѣдниковъ повліять на жизнь, укладъ которой остается также чуждъ печати дара Духа

Святаго, создаваясь людьми, полагающими свою свободу въ широкомъ проявленіи злобы, корысти, грубой мстительности и самодурства грубаго своеволия.

10. Для меня совершенно ясно стало, что въ какія бы политическія и социальныя формы не разсаживалось человѣчество, все это будетъ буквою мертвою и мертвящею, пока не будетъ осуществленъ верховный законъ христіанскаго откровенія въ тайникѣ вѣчныхъ душъ, пока души не будутъ оздоровлены, облагорожены, освящены *святынею единой истинной христіанской нравственности—добровольною дисциплиною любви, дисциплиною братолюбія при свѣтѣ любви къ Богу* всѣмъ разуміемъ безъ чего человѣчество не способно пользоваться свободою, не злоупотребляя ею и совершенно не способно разумно жить по вѣрѣ, дѣйствующей любовью, другими словами,—способно только говорить о христіанствѣ, изучать букву вѣры, спорить о вѣрѣ, оклеветать вѣру, но не осуществлять ее.

11. Только тогда я почувствовалъ себя на твердой почвѣ, не смотря на то, что я все же былъ во многихъ отношеніяхъ свѣтскимъ человѣкомъ, со всѣми немощами избалованнаго барича, *самъ по себѣ послѣднимъ человѣкомъ въ смыслъ личной пригодности къ дѣлу*, къ которому приступалъ.

12. Для меня не было и вопроса о томъ, каковъ я, могу-ли я дѣлать и что мнѣ дѣлать. *Вѣра дала мнѣ внутреннее убѣжденіе, что я ничто, а Богъ все*, что я лично съ немощами моими, переходящій призракъ земного бытія, а святыня Божія—правда вѣчная и сила благодати Его такъ велика, что всѣ немощи мои передъ нею ничто, *лишь бы сила Божія могла въ немощахъ моихъ проявиться безъ насилія надо мною*, по свободному изволенію моему быть орудіемъ Его и отдать себя на Божіе дѣло осуществленія правды любви Его, въ чемъ и состоитъ конечная цѣль бытія каждаго человѣка въ отдѣльности и всего міра въ совокупности. Это и дало мнѣ ту рѣшимость и полную увѣренность въ томъ, что и какъ дѣлать, которую такъ многіе принимали за гордость, въ то время, какъ я гордостью сознавалъ бы противоположное, а именно — *безчиство самовольнаго дѣланія своею, человѣческаго дѣла на мѣсто Божія дѣла въ мірѣ Божіемъ, безпорядокъ крамольной пыли, не желающей быть достояніемъ Божіимъ и жизнь свою дѣлать достояніемъ Его*.

13. Для меня совершенно ясно было, что *всякая благотворительность, не начинающаяся съ миротворчества между тѣми, кому желаютъ добра и Богомъ Живымъ, только суета и самообманъ*, что

Христосъ не могъ завѣщать намъ дѣлать добро неразумно и проявлять свое милосердіе безтолково. Для меня была вполне очевидна разумная жизненная правда словъ: „ищите же прежде всего царства Божія и правды Его и все прочее приложится вамъ“. Насущною потребностью братолюбія, христіанскаго милосердія при свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумѣніемъ, стало для меня прежде всего *помочь душамъ живымъ найти царство Божіе и правду Его*, какъ я искалъ, и при благодатной помощи Божіей нашелъ ихъ, твердо вѣря, что все прочее приложится. Вотъ, что *ограничило меня отъ увлеченія бессистемною благотворительностью и поставило на путь созиданія Трудового Братства*, съ такимъ опредѣленнымъ убѣжденіемъ въ правотѣ этого дѣла, что дѣлать иное, начинать съ предложеній, не сдѣлавъ предварительно главнаго, не возвысивъ духовно до любви всѣмъ разумѣніемъ царства Божія и правды Его, было бы для меня очевиднымъ безуміемъ, сознавалось бы мною, какъ преступленіе противъ элементарныхъ правилъ христіанской нравственности и разумнаго христіанскаго милосердія.

14. Началъ я съ того что взялъ десять бѣдныхъ сиротъ, *помогъ имъ, какъ своимъ дѣтямъ*, что и сдѣлало мое духовное вліяніе на нихъ, и старался въ возможно большей степени сдѣлать ихъ духовными братьями моими, единомысленными со мною въ пониманіи правды Божіей и единокрушными со мною въ любви къ Богу всѣмъ разумѣніемъ.

15. Съ моей стороны была сознательная любовь при свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумѣніемъ, а *со стороны дѣтей только личная откровенная любовь ко мнѣ*. Не сразу я это понялъ и это въ будущемъ повело ко многимъ ошибкамъ, недоразумѣніямъ и скорбямъ.

16. Второю ошибкою моею было предвзятое мнѣніе, навязанное мнѣ рутиннымъ самообманомъ гуманистовъ, толкующихъ выраженіе „душа человѣческая по природѣ христіанка“ не въ смыслѣ томъ, что всякая душа живая создана по образу и подобию Божію, способною быть любящею и разумною, когда по свободному изволенію духа покается въ грѣховности и грѣхолюбіи своемъ, что соотвѣтствуетъ христіанской правдѣ, а именно въ смыслѣ *отсутствія грѣховности и грѣхолюбія*, въ смыслѣ оправданія человѣка подѣ предлогомъ, что зло въ немъ только ошибки неразвитаго ума послѣдствіе несчастно сложившихся обстоятельствъ жизни.

17. Очень поучительно для всего человѣчества, что я, будучи человѣкомъ образованнымъ, сознательно увѣровавъ и полюбивъ

Бога и правду Его всѣмъ разумѣніемъ моимъ, но не имѣя еще опыта, лично пережитого, выстраданнаго, способенъ былъ, *въ теоріи признавая правду откровенія о первородномъ грѣхѣ и отвѣтственности свободы воли человѣка, на практикѣ еще долго ходилъ въ этомъ вопросѣ съ повязкою, наложенной на глаза души, симпатичными для меня, рутинными теоріями гуманистовъ, полагающихъ любовь къ человѣчеству, не въ исправленіи его, а въ оправданіи его и зла въ немъ*. Это и привело меня къ цѣлому ряду ошибокъ и нуженъ былъ очень скорбный опытъ жизни, чтобы эти ошибки исправить и поставить насъ болѣе цѣльно на путь правды вѣры. Такими ошибками были: и наивная надежда на то, что, поставивъ въ благоприятныя условія и выяснивъ правду, застрахуешь отъ зла, что привело ко многимъ скорбнымъ разочарованіямъ, и то, что я не въ достаточной степени *понялъ громадное жизненное значеніе обособленія отъ зла и злыхъ*, не въ достаточной степени сознавая, насколько въ силу грѣховности и грѣхолюбія, зло болѣе добра заманчиво для человѣчества, чувствуется громаднымъ большинствомъ, какъ болѣе естественное и родное, чѣмъ добро; и то, насколько я *преувеличивалъ доброкачественность и прочность личной любви* ко мнѣ, воображая, что и меня любятъ при свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумѣніемъ, въ то время, какъ меня грѣшнаго и немощнаго, гораздо легче было полюбить эгоистическою, а слѣдовательно и непрочною, призрачною любовію, чѣмъ, не только полюбить, но только чистымъ сердцемъ узрѣть Бога Истиннаго, не отвергнувшись себя со своею человѣческою грѣховностью и своимъ слѣпымъ человѣческимъ себялюбіемъ; и то, что я слишкомъ много объяснялъ тамъ, *гдѣ надо было требовать* и слишкомъ много извинялъ, тамъ, гдѣ можно было только прощать, а иногда и *было долгомъ любви и милосердія* ко многимъ удалить вредную закваску, что-бы она „не заквасила все тѣсто“, не сознавая, до какой степени я тѣмъ затемнялъ пониманіе правды, мимовольно поощрялъ самодовольство во злѣ и тормозилъ дѣло созиданія добра; и то, какъ я *мало понималъ громадную опасность*, подѣ предлогомъ уваженія къ свободѣ ближнихъ, *допущенія свободы зла* на дѣлѣ добра, непротивленія злу, какъ неизбежно это приведетъ къ подавленію добра зломъ, къ возрастающей требовательности зла и въ результатѣ къ совершенному отсутствію свободы добра, къ господству зла, по естественной логикѣ грѣховности и грѣхолюбія.

18. Не сразу все это выяснилось и стало нагляднымъ въ жизни. Намъ пришлось много пережить, много выстрадать прежде, чѣмъ

скорбнымъ опытомъ пережить во всемъ объемъ жизненную правду вѣры, понять во всемъ объемъ правду Бога, изгоняющаго сатану изъ братства ангеловъ и согрѣшившихъ прародителей изъ рая, требовавшего обособленія народа избраннаго, какъ и апостолы требовали огражденія христіанскихъ общинъ отъ вредной закваски, безусловно требующаго покаянія для примиренія съ Собою и, предоставляющаго свободу опыта зла на свободѣ отъ Себя, никогда не поступаая Своею свободою добра до уживчивости со зломъ, оправданія зла и тѣмъ болѣе проституціи сожителства со зломъ. Все это драгоцѣнный опытъ, пережитой въ насъ человечествомъ, особенно теперь когда все человечество и всего болѣе наша бѣдная Россія впадаетъ въ ту же ошибку, только еще въ безконечно болѣе размѣрѣ, чѣмъ мы, и вступаетъ въ періодъ страшной расплаты за эту ошибку, въ періодъ опыта, настолько болѣе скорбнаго, чѣмъ то, что мы пережили, насколько намъ, при вѣрѣ и любви, легче было покаяться въ своемъ недомыслии, чѣмъ гордымъ представителямъ современной культуры, съ ихъ самообожаніемъ и самодовольствомъ во злѣ, смирить себя до покаянія самоотреченія.

19. Не только я не мирился со зломъ, не признавалъ его равноправности съ добромъ, но и никогда не переносилъ хладнокровно его проявленій. Полный ревности о добрѣ, я мучился всякимъ проявленіемъ зла, болѣлъ сердцемъ, волновался до потери здоровья и сна, но все еще упорно вѣря въ добрую волю тамъ, гдѣ очевидно была воля злая, гордая жестокость и самодовольное себялюбіе, я убѣждалъ, безъ конца разъяснял тамъ, гдѣ надо было требовать, мирился не привести къ покаянію, прощалъ, когда прощенія у меня не просили и уживался съ нераскаянными грѣшниками въ надеждѣ, что время все исправитъ, они лучше поймутъ, болѣе полюбятъ, духовно вырастутъ, коснѣя на злыхъ путяхъ своихъ. И этого было достаточно, чтобы зло возростало въ самоуверенности и притязательности до желанія быть хозяиномъ положенія, а добро, подъ предлогомъ кротости, смиренія, терпѣнія и уваженія къ чужой свободѣ, стало робкимъ, въ угоду зла уступчивымъ и въ концѣ концовъ потеряло упорность въ своемъ правѣ на свободу проявлять себя и перестало быть хозяиномъ положенія на дѣлѣ добра.

Имѣющіе уши слышати, да слышать!

20. Все это по моей винѣ, какъ вредная закваска, было допущено въ дѣлѣ нашемъ собственнымъ моимъ отношеніемъ къ нему,

при самомъ зарожденіи его, хотя и проявилось гораздо позже въ большихъ размѣрахъ. Въ началѣ, это проявлялось только тѣмъ, что я не въ достаточной степени требовалъ отъ воспитанниковъ моихъ быть „исполнителями слова“, а не „слушателями забывчивыми“, безконечно объясняя имъ то, что они не могли давно не понимать, и тѣмъ давая злой волѣ возможность извинять себя непониманіемъ чего-то; тѣмъ, что я, выразивъ съ горячимъ волненіемъ порицаніе зла, считалъ себя вправѣ „мириться“ съ виновнымъ, не достигнувъ его примиренія съ Богомъ, тѣмъ, что я слишкомъ долго терпѣлъ изъ любви къ нимъ воспитанниковъ, вносившихъ вредную закваску въ школу, тѣмъ самымъ допуская ложь принадлежности къ школѣ по буквѣ людей, остававшихся упорно чужими ей по духу, опять-таки вслѣдствіе всякихъ гуманитарныхъ соображеній и рутиннаго пониманія милосердія, ничего общаго съ правдою вѣры и братолюбіемъ при свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумніемъ, не имѣвшими.

21. Очень характерно, что съ первыхъ шаговъ, когда дѣло мое ограничивалось такимъ, казалось бы, для всѣхъ удобопонятнымъ и безвреднымъ начинаніемъ, какъ пріютъ для бѣдныхъ сиротъ, и это вызвало несочувствіе въ окружающемъ обществѣ съ разныхъ точекъ зрѣнія. Профессоръ Иванюковъ печатно заявилъ, что для богатаго и образованнаго человѣка нѣтъ стимуловъ дѣйствовать по моему примѣру, а г. Михайловскій въ „Отечественныхъ запискахъ“ прямо заявилъ въ духѣ самаго искренняго негодованія, что я берусь не за свое дѣло и что единственнымъ историческимъ призваніемъ русскихъ помѣщиковъ только и можетъ быть дрессировать собакъ, а не воспитывать людей; все это по поводу моего скромнаго начинанія и первой моей брошюры, старавшейся пробудить въ помѣщикахъ сознаніе нравственнаго долга поработать на оздоровленіе души народной и разумное устройство жизни тѣхъ дѣтей народа, отцы которыхъ такъ долго были крѣпостными ихъ предковъ и такъ мало сознавались ими братьями о Христѣ.

22. Очень характерно и поучительно и то обстоятельство, что среди молодыхъ людей, окончившихъ курсъ „христіанскихъ“ школъ, приглашавшихся мною на должность учителей и воспитателей, я никакъ не могъ найти единомысленныхъ и единомышленныхъ со мною помощниковъ. Одни, сочувствуя гуманитарному характеру дѣла, все-таки не мирились съ его религіозною основою, другіе, считая себя правовѣрными церковниками, находили дѣло это ненужнымъ новшествомъ, очевидно, опасаясь того, достаточно-ли оно „правовѣрно“

и „церковно“, не больше-ли „православна“ и „церковна“ рутинна жизнь съ ея складомъ понятій и симпатій, не выдумалъ-ли я верховный законъ христіанскаго откровенія и не будетъ-ли душегубительнымъ еретичествомъ признать вмѣстѣ со мною соблюденіе этого закона дѣломъ большей вѣрности Церкви и большаго повиновенія Ей, чѣмъ строгое соблюденіе буквы постовъ и виѣшней обрядности!

23. Въ результатѣ мнѣ пришлось *ограждать дѣтей отъ вреднаго вліянія прилашаемыхъ мною учителей*, поручить имъ исключительно дѣло преподаванія и взять на себя все дѣло воспитанія.

24. Много разъ мнѣ приходилось убѣждаться, что то, что казалось скорбною помѣхою, а иногда и трудно преодолимымъ препятствіемъ, что могло бы даже повести къ полной неудачѣ дѣла, окончательному разочарованію въ немъ и убѣжденію, что измѣна этому дѣлу есть единственный разумный выходъ съ точки зрѣнія „видѣній“ земного бытія, благодаря тому, что я, иногда *наперекоръ „очевидности“ судя по человѣчески, оставался на пути вѣры*, оказывалось, напротивъ, благотѣльнымъ для дѣла и приводило къ неожиданно благопріятнымъ результатамъ. Иногда все небо жизни казалось покрытымъ грозными тучами, видѣнія земли предрекали страшную бурю безвыходныхъ затрудненій, одна вѣра и любовь заставляли, не смотря ни на что, оставаться вѣрнымъ дѣлу и небо жизни прояснялось на другой же день, и яркое солнце свѣтило на безоблачномъ небѣ. Много разъ *мы испытали жизненную правду словъ Откровенія о томъ, что вѣра сдвигаетъ горы*. Много высокихъ горъ вѣковой рутинны, социальныхъ предразсудковъ, злой воли и враждебныхъ козней, сдвинула на нашемъ пути вѣра и рѣшимость упорно ходить вѣрою, не уклоняясь на путь видѣнія земныхъ обстоятельствъ и собственной человѣческой немощи.

Такъ было и съ тяжелымъ, казалось, почти непреодолимымъ препятствіемъ несочувствія моему дѣлу со стороны моего отца, отъ котораго я вполнѣ матеріально зависѣлъ. Оно привело къ тому, что я при жизни его могъ дѣлать это дѣло болѣе самостоятельно и въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ это было бы возможно при иныхъ обстоятельствахъ. Послѣ многихъ скорбей это привело къ тому, что отецъ еще при жизни выдѣлилъ мнѣ имѣніе, давшее возможность въ немъ основать сельско-хозяйственную школу, а потомъ и Трудовое Братство. Такъ было и съ затрудненіемъ, почеловѣчески почти непреодолимымъ для меня, избалованнаго барича, эlegantнаго свѣтскаго человѣка, говорившаго на языкѣ, едва доступномъ пониманію крестьянскихъ дѣтей, когда я убѣдился, что не найду

учителей, удовлетворяющихъ моимъ требованіямъ, когда убѣдился въ необходимости ограждать дѣтей отъ ихъ вреднаго вліянія. Когда по требованіямъ вѣры и любви я не повѣрилъ и этому видѣнію, сдвинулась передо мною и эта гора, какъ сдвигались впоследствии такъ многія другія; болѣе того, и это привело къ такимъ благопріятнымъ результатамъ, какихъ могло бы и не быть при иныхъ, болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. Это привело къ той системѣ воспитанія, при которой сами ученики имѣютъ роль активную, а не пассивную, сами воспитываютъ себя, взирая на воспитателей, какъ на старшихъ, болѣе опытныхъ помощниковъ себѣ въ личномъ дѣлѣ самовоспитанія, даже и теперь, когда всѣ учителя стали и воспитателями сами, воспитанные въ нашей-же школѣ.

25. *Вся система воспитанія въ нашихъ школахъ, вышла изъ повиновенія животворящему духу слова Евангельскаго*. Видя, какъ мнѣ трудно одному вліять на всѣхъ дѣтей, которыхъ къ тому времени было уже много, и выслушавъ мое объясненіе животворящаго духа словъ Христа Спасителя: „кто приметъ единого отъ малыхъ сихъ во имя Мое, тотъ Меня принимаетъ“, въ приложеніи къ практикѣ ихъ собственной жизни и взаимныхъ отношеній, старшіе захотѣли помочь мнѣ и разобрали между собою самыхъ трудныхъ въ воспитательномъ отношеніи младшихъ товарищей. Повліять на нихъ имъ удалось гораздо лучше, чѣмъ это мнѣ удавалось. Замѣтимъ настоящіе духовныя преображенія среди дѣтей и узнавъ, что ихъ вызвало, я предложилъ старшимъ учредить братскій союзъ съ цѣлью добраго воздѣйствія на младшихъ и это было началомъ той стройной системы воспитанія, которая постепенно у насъ выработалась.

26. Наступилъ періодъ *сновъ*, въ которыхъ мнѣ въ аллегорической формѣ были показаны яркія картины *жизнедеятельности*, сновъ, многое уяснявшихъ мнѣ въ характерѣ жизни и отношеній современнаго человѣчества. Въ то-же время для многихъ воспитанниковъ начался *періодъ сновъ пророческихъ*, пережитый мною ранѣе, сновъ, которые могли быть для нихъ одновременно и утѣшеніемъ, и ободреніемъ, и укрѣпленіемъ вѣры, когда много лѣтъ спустя, наступали тѣ событія, иногда и очень скорбныя и устрашающія, которыя они за много лѣтъ прежде предрекали.

27. Періодъ сновъ аллегорическихъ закончился для меня опять *сномъ пророческимъ*, предрекавшимъ мнѣ необходимость пережить такія тяжелыя скорби, какихъ раньше еще не переживалъ, и началась черная година жизни Братства.

28. Подъ вліяніемъ организаціи добра въ жизни самой школы, тѣхъ братскихъ кружковъ, благодаря которымъ дѣти въ нашихъ школахъ не ограничивались изученіемъ грамматики вѣры, а имѣли возможность жить по вѣрѣ, устанавливая правду братскихъ отношеній между собою въ гораздо большей степени, чѣмъ это есть въ рутинѣ жизни, насъ окружающей, для нихъ стало *потребностью вѣры, любви, разума и совѣсти, не измѣнить принципу братства въ жизни и по выходѣ изъ школы.* Они выразили желаніе остаться вмѣстѣ, одни стали готовиться занять мѣста учителей въ школахъ и образовали изъ себя братскую семью учителей, другіе взяли у меня въ аренду землю и образовали изъ себя рабочую братскую семью. *Это и было началомъ Трудового Братства,* которое по мѣрѣ того, какъ все болѣе и болѣе разумно, а потомъ и при свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумніемъ, въ помощи нашей созидалось, все болѣе обрисовывалось передъ нами, какъ правда жизни по вѣрѣ, какъ достойный христіанъ выходъ изъ всѣхъ социальныхъ затрудненій, какъ опредѣленная программа мирнаго прогресса отъ того, что есть, къ тому, что быть должно по правдѣ вѣры, дѣйствующей любовью, *отъ грубой социальной борьбы* между представителями труда и представителями капитала, *къ дружной совместной дѣятельности тѣхъ и другихъ въ дѣлѣ мирной организаціи всѣхъ родовъ труда на христіанскомъ началѣ братскаго единства,* въ формѣ Трудового Братства, какъ полезный для Церкви и государства опытъ оздоровленія души народной и сплоченія прихода въ живую здоровую клетку этихъ живыхъ социальныхъ организмовъ тамъ, гдѣ въ приходѣ есть и богатые и бѣдные.

29. Въ теоріи всѣ признавали, что дѣло это должно быть дѣломъ Божиимъ или совсѣмъ не быть, признавали и то, что надо любить Бога всѣмъ разумніемъ, но *на практикѣ гораздо болѣе любили другъ друга, чѣмъ Бога,* почему и эта любовь другъ къ другу была также недоброкачественна, какъ и любовь ко мнѣ, любили другъ друга не при свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумніемъ, и любовь эта была непрочною, себялюбивою любовью, пока впечатлѣнія и отношенія пріятны. *Ревности о Боге, о правдѣ Божіей не хватало на то,* чтобы имѣть „сердце чисто“ и „духъ правъ“, чтобы *въ себѣ и другихъ любить Божіе и ненавидѣть зло,* чтобы для себя и другихъ, какъ высшаго блага, какъ насущной потребности любви, желать быть цѣльно достояніемъ Божиимъ. Благодаря этому, зло не возмущало, съ нимъ мирились, его щадили.

30. Тутъ то и проявила себя во всей силѣ вредная закваска, о

которой я раньше говорилъ. Члены Братства *не достаточно сознавали жизненное значеніе обособленія отъ зла* и не въ достаточной степени ненавидѣли зло; чтобы общеніе съ нимъ было для нихъ не опасно. *Особенно вредно это отразилось на братской „интеллигенціи“—учителяхъ и учительницахъ нашихъ школъ.* Между ними были люди выдающихся способностей, нѣкоторые и выдающихся талантовъ. Къ этому времени были уже изданы три томика стихотвореній двухъ изъ нихъ, поэтовъ, воспѣвавшихъ правду Братства и радости братской жизни. Многіе, пріѣзжавшіе знакомиться съ Братствомъ, большею частію люди совершенно не братскаго духа, *типичные представители рутинныхъ понятій и рутиннаго настроенія нашей современной интеллигенціи,* интересовавшіеся Братствомъ со своей „либеральной“ точки зрѣнія, совсѣмъ не сочувствуя его животворящему духу вѣры, любви и мирнаго созиданія. Подъ благимъ предложомъ доброжелательства и желанія преуспѣянія „ассоціаціи“, они особенно сближались съ учителями, представителями, по ихъ понятіямъ „братской интеллигенціи“, старались „развить“ ихъ, давали имъ самые *нелѣпые съ братской точки зрѣнія совѣты въ духъ горделиваго „самоопредѣленія“, расширения кругозора отъ узости вѣры и вѣрности добру, до широты „безпристрастнаго“ отношенія къ свободѣ добра и зла, какъ неотъемлемого права широкаго проявленія своей индивидуальности.* Обособленности было такъ мало, что многимъ изъ такихъ представителей современной культуры мы разрешали подолгу гостить у насъ, со многими изъ нихъ учителя были въ перепискѣ. *Всѣ ихъ совѣты сводились къ одному, старому, какъ міръ: „вкусите отъ древа познанія добра и зла и вы станете, какъ боги“, умъ вашъ расширится до кругозора истинно культурныхъ людей, жизнь ваша, отъ монотоннаго однообразія добра, путемъ эволюціи, соответствующей духу времени, dorocтeтcя до богатаго разнообразія впечатлѣній и переживаній тѣхъ, кому ничто человѣческое не чуждо, съ узкой дороги добра вы станете на широкую дорогу добра и зла, вы освободитесь изъ-подъ опеки единомыслія и единодушія съ основателемъ вашего Братства, человекомъ прекраснымъ, но мистикомъ, идущимъ противъ теченія, не соображаясь съ духомъ времени и запросами современной культуры; только этимъ способомъ вы докажете свою самостоятельность и обезпечите за дѣломъ Братства характеръ дѣла культурнаго и общепользнаго.*

Самъ любя членовъ Братства при свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумніемъ моимъ, я не допускалъ мысли о томъ, чтобы общеніе

съ подобными людьми могло быть опаснымъ для членовъ Братства, нарушить нашу взаимную любовь, затмить этою нелѣпою ложью пониманіе правды Божіей, потушить въ сердцахъ ревность о Богѣ, правдѣ и дѣлѣ Его. Съ ними не соглашались, но *деликатничали*, *„уважая свободу мнѣній“*, въ то время, какъ они деликатничали все менѣе и менѣе, совѣтъ не уважая даже и самой дорогой святыни братской любви, братскаго единомыслія и единокровія въ дѣлѣ несенія общаго креста во слѣдъ Христу, при свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумѣніемъ. Они продолжали свою антибратскую пропаганду, *капля по каплю вливали въ умы и сердца ядъ сомнѣній и недовѣрія* совѣтовали продолжать дѣло самообразования, обогащая умъ свой чтеніемъ „умныхъ книгъ“. *Къ ихъ взглядамъ мало-по-мало привыкали, со зломъ въ нихъ примирялись*. Такъ заманчиво для грѣшнаго человѣчества чувствовать себя „самостоятельнымъ“, на высотѣ „современной культурности“!

31. Въ это же время достигло высшей степени *недоброжелательное отношеніе* ко мнѣ и дѣлу Братства съ одной стороны „*либеральной*“ печати, не прощавшей ни религіозной основы, ни мирнаго характера нашего дѣла, съ другой — такъ называемыхъ „*церковниковъ*“, не прощавшихъ мнѣ „новшества“ предпочтенія животворящаго духа вѣры всякой буквѣ и дерзновеніе призыва мірянъ къ церковному самосознанію и жизни по вѣрѣ. *Нашелся и ренегатъ Братства*, прежде любимый мною воспитанникъ и братъ, сотворившій себѣ изъ ума своего кумира и этому кумиру принесшій въ жертву и братскую любовь, и самое дѣло Братства. Съ перерывами по одному мѣсяцу онъ написалъ мнѣ три письма, въ первомъ изъ которыхъ онъ говорилъ мнѣ, что преданъ дѣлу Братства до гроба и съ восторгомъ мечтаетъ о радости служить этому святому дѣлу. Во второмъ, ожесточившись противъ братьевъ, которые, по его мнѣнію, недостаточно его цѣнили, онъ написалъ мнѣ, что уходитъ изъ Братства, „*благоговѣя* передъ моею личностію“, но разочаровавшись въ другихъ членахъ Братства и не вѣря въ будущность дѣла. Въ третьемъ, ожесточившись противъ меня самого, за выраженное мною ему скорбное негодованіе, онъ написалъ, что я напрасно отношусь къ нему, какъ къ величинѣ, не стоящей вниманія, что онъ достаточно уменъ и достаточно хорошо владѣетъ перомъ, чтобы съумѣть причинить зло мнѣ и Братству, если я не исполню одного его требованія. Онъ исполнилъ свою угрозу, написавъ брошюру въ которой изобразилъ меня, своего бывшего воспитателя и брата, неискреннимъ, смѣшнымъ дуракомъ, а самое дѣло

Братства — напыщенной комедіей мистическихъ лицемѣровъ. Оба враждебныхъ мнѣ и Братству лагеря въ печати съ восторгомъ привѣтствовали это „*безпристрастное*“ изображеніе жизни нашего Братства и сами выражали свое „*безпристрастіе*“, рекомендуя изучать наше дѣло по этому документу.

Какъ все это типично и поучительно для самопознанія современныхъ „христіанъ“!

32. Многие въ Братствѣ всѣмъ этимъ возмущались, были и такіе, которыхъ все это смущало, которые *во всемъ этомъ находили поддержку своей злой волѣ*, тяготившейся, и стѣсненіемъ личной свободы „узкими“ рамками добра и всѣмъ укладомъ жизни Братства, требовавшей братскаго подвига, въ то время, какъ они желали только радостей братской жизни. Тогда то и проявилась во всей силѣ зловредность закваски, мною допущенной въ формѣ недостаточно сознательнаго отношенія въ практикѣ жизни къ человѣческой грѣховности и грѣхолюбію, съ логичнымъ послѣдствіемъ „*деликатничанья*“ со зломъ. Нѣкоторые члены Братства стали, прежде робко, а потомъ все болѣе и болѣе самоувѣренно предъявлять *требованія свободы* зла подъ флагомъ свободы мнѣній, свободы самоопредѣленія, свободы совѣсти и свободы дѣйствій, что въ дѣйствительности сводилось на свободу жить на лонѣ Братства на свободѣ отъ всякихъ братскихъ обязанностей, жить на лонѣ Братства безъ Бога, безъ любви, не только не стремясь къ единомыслію и единокровію, но именно въ разномысліи и разнокровіи и полагая свою свободу. Это вполне походило на требованіе для членовъ хора на литургіи, вмѣсто херувимской, каждому пѣть, что вздумается, увѣряя, что при этомъ и получится соответствующая духу времени, самая „культурная“ мелодія. Какая въ этомъ знакомая картина, происходящаго нынѣ въ большомъ размѣрѣ во всемъ нашемъ бѣдномъ отечествѣ! *Стали тяготиться всѣмъ тѣмъ, что Братство созидаетъ*: и братскими собраніями, и общими молитвами, и всего болѣе моими призывами къ покаянію, и къ жизни съ Богомъ, а не безъ Бога. Считали, что воздали Божіе Богу и не согласуя съ правдою Его, ни ума, ни сердца, ни жизни.

33. Видя, что многие не становятся на путь братскаго подвига, молчаливо протестуютъ противъ всѣхъ моихъ призывовъ и все болѣе и болѣе самоувѣренно злоупотребляютъ снисходительностью и долготерпѣніемъ вѣрныхъ Братству по духу, я скорбѣлъ до невозможности говорить на собраніяхъ безъ слезъ; меня буквально убивало сознаніе, что въ Братствѣ нарушено единомысліе и единокровіе

ше, что растеть въ немъ анти-братская закваска, а я все еще „деликатничалъ“ со зломъ, все еще доказывалъ, убѣждалъ, умолялъ, тамъ, гдѣ нужно было *требовать* честнаго выполненія братскаго долга, *честной братской правды*, я все еще хотѣлъ сохранить для дѣла и для братской любви тѣхъ, кто уже сталъ вредною закваскою и нимало не дорожилъ любовію. Это было съ моей стороны не только любовію къ ближнимъ въ ущербъ моему нравственному долгу любви къ Богу всѣмъ разумніемъ, но и вреднымъ примѣромъ для вѣрныхъ Братству по духу, которые пошли дальше моего, считая, что они еще менѣе могутъ „требовать“ и „стѣснять“ свободу мнѣній. Они даже и не призывали къ покаянію, а просто скорбѣли и сторонились уступая дорогу. *Зло все болѣе и болѣе поднимало юлову*, становилось все болѣе и болѣе вредною закваскою, смущая слабыхъ духомъ и колеблющихся, пока не стало *требовать для себя правъ гражданства* на лонѣ Братства, пока не стало *возмущаться всякимъ проявленіемъ добра, какъ поползновеніемъ на свою свободу*, пока не взяло на себя роль хозяина положенія, не только не признавая за собою обязанности повиноваться Братской Думѣ, но требуя, чтобы Дума во всемъ имъ повиновалась, пока самоувѣренно заговорило отъ имени всего Братства, совершенно съ такимъ правомъ, какъ въ настоящее время террористы выдаютъ себя за уполномоченныхъ представителей воли народной.

34. Все это не говорилось на братскихъ собраніяхъ. Тамъ *отмалчивались*, молчаливо протестуя противъ меня, Братской Думы и тѣхъ, кто былъ съ нами единомысленъ и единокрушенъ. Все это громко говорилось въ братскихъ семьяхъ, въ частныхъ разговорахъ, *подъ предлогомъ, что все равно, ни я, ни Дума съ ними не согласимся*.

35. Убѣдившись въ невозможности, безъ ущерба для дѣла выждать долѣе, когда же наконецъ соблаговолить покаяться и вступить на путь братскаго подвига, Дума Братства *рѣшила потребовать отъ „недовольныхъ“ письменно изложить свои желанія для прочтенія и обсужденія ихъ въ общемъ собраніи Братства*.

36. Это достопамятное собраніе произошло въ Апрѣлѣ 1900 года. Въ письменныхъ заявленіяхъ своихъ потребовали, чтобы на будущее время не считать болѣе Братство дѣломъ Божиимъ и не предъявлять къ нему соотвѣтствующихъ требованій, совершенно непосильныхъ для „средняго человѣка“, не считать за зло, ни отступленіе отъ единомыслия и единокрушенія на лонѣ Братства, ни измѣну ему, не требовать братскаго подвига, а смотрѣть на Братство, какъ

на удобство жизни, и устраивать его и жизнь на лонѣ его примѣнительно ко взглядамъ и вкусамъ большинства. Другими словами, *выразили желаніе украсть дѣло Братства у Бога*, перестать быть достояніемъ Божиимъ, оторвать его отъ лозы Христовой и присвоить себѣ плодъ Братства, оторвавъ его отъ дерева христіанства.

37. Дума Братства вмѣстѣ со мною поняла въ полной мѣрѣ, какое зло причинило Братству „деликатничанье“ со зломъ, долготерпѣніе, граничившее съ попустительствомъ и малодушная нерѣшительность въ дѣлѣ удаленія изъ Братства вредной закваски. Такъ Дума и заявила, что *кается передъ Богомъ въ томъ, что недостаточно требовала, какъ минимума нравственныхъ обязанностей, отсутствія самодовольства во злѣ, честной рѣшимости вступить на путь тройнаго братскаго подвига вѣры, любви и труда*, на будущее время, не считаетъ болѣе себя въ правѣ полагаться на добрую волю каждаго, а устанавливаетъ опредѣленные руководящіе правила, мною предложенныя, ожидая отъ честности каждаго изъ членовъ Братства, или принять ихъ въ руководство жизни на лонѣ Братства, или уйти изъ Братства, если онъ сообразоваться съ ними не желаетъ. *Дѣло Братства только и можетъ быть дѣломъ Божиимъ и членами Братства, могутъ быть только тѣ, которые искренно желаютъ духовно возвышаться до честнаго служенія на дѣло Божіе, а не тѣ, которые желаютъ дѣло Братства принижать до своихъ немощей*.

38. Это постановленіе Братской Думы было прочитано мною въ слѣдующемъ братскомъ собраніи; я сдѣлалъ очеркъ жизни Братства съ самаго его основанія, нарисовалъ яркую картину духовнаго разлада, внесеннаго въ Братство представителями личнаго и семейнаго эгоизма съ одной стороны, и излишне снисходительнымъ отношеніемъ къ злой закваскѣ съ другой, и закончилъ, заявивъ, что *Братская Дума готова забыть все прошлое, желала-бы сохранить для дѣла Братства и братской любви нашей всѣхъ членовъ Братства*, не исключая и тѣхъ, которые до сихъ поръ были вредною закваскою, но съ непремѣннымъ условіемъ, что они *перестанутъ быть этою вредною закваскою, вступятъ рѣшительно на путь братскаго подвига вѣры, любви и труда; будутъ жить съ Богомъ, а не безъ Бога*, покаются въ прежнемъ самодовольствѣ во злѣ, искренно и честно подчинятся руководящимъ правиламъ Братства и станутъ благоговѣнно прикасаться къ святынѣ Братства, чтобы не быть ею опаленными, по примѣру столь многихъ, опаленныхъ въ окружающемъ насъ обществѣ, благодаря тому, что безъ благоговѣнія при-

касались къ Божіей святыни Церкви, Откровенія, любви, разума и вѣчнаго духа своего.

39. Многихъ братьевъ и сестеръ мы потеряли послѣ этого. Одни въ разное время сами ушли отъ насъ, немногіе были нами удалены. *Остатокъ вѣрныхъ*, умудренный опытомъ, *смирилъ себя передъ Господомъ*, сталъ болѣе прежняго жить съ Богомъ, болѣе прежняго сознательно любить Бога и служить на святое дѣло Его, гораздо болѣе прежняго возлагать надежды свои не на себя, не на свой разумъ и свои таланты, а на Бога Живаго и благодатныя силы, отъ Него исходящія.

40. Съ этого времени *духовный ростъ Братства сталъ по истинѣ чудесенъ*. Въ короткое время двухъ лѣтъ многіе совершенно духовно преобразились, совершенно преобразилась и жизнь на лонѣ Братства. Возстановилось единомысліе и единодушіе между нами, всѣ почувствовали себя нравственно удовлетворенными и мы на опытѣ извѣдали правду словъ Спасителя міра: „иго Мое благо и бремя Мое легко есть“. *Все, что было въ тѣлѣ, стало радостью*. Все, что было „излишнею формальностью“, стало правдою дорогой святыни—и молитвенныя собранія, и бесѣды, и братское лобзаніе, заповѣданное намъ апостоломъ сказавшимъ: „привѣтствуйте другъ друга лобзаніемъ святымъ“, „будьте братолюбивы съ нѣжностью“. Теперь насъ не смущаютъ болѣе надсмѣшками надъ нашимъ единомысліемъ, единодушіемъ и „частыми поцѣлуями“ послѣ молитвъ. *Для насъ призывы къ разномыслію и разнудушію — призывы не впередъ, а назадъ*, къ скорбному прошлому, выстрадавшаго нами опыта жизни. *Для насъ святое братское лобзаніе—тройная святыня* одновременнаго лобзанія живаго образа и подобія Божія, живаго образа святаго, имя котораго носитъ братъ нашъ и самаго нѣжно любимаго нами брата. Для насъ это правда любви и дорогая святыня, которая не станетъ оттого менѣе правдою и святынею, что къ ней безъ благоговѣнія отнесется человѣкъ, чуждый намъ по духу.

41. *На богатство, полученное мною отъ предковъ*, какъ и на природныя способности свои, какъ и на умъ и на образованіе, и на все, что имѣю, *я всегда смотрѣлъ, какъ на „таланты“*, *врученныя мнѣ Богомъ*, отчетъ въ употребленіи которыхъ я долженъ своевременно дать, таланты, на которые я обязанъ *приобрѣсти* многіе таланты и всѣ ихъ сдѣлать достояніемъ Божиимъ, какъ и самого себя и жизнь свою. Никогда я не могъ понять иной точки зрѣнія, при сознательной вѣрѣ. Никогда не могъ понять съ точки зрѣнія вѣры странныхъ для меня теорій графа Толстого, что деньги

и вообще богатство — зло и что поэтому надо его раздать, кому пошло, или отдать женѣ и дѣтямъ, какъ никогда не понималъ съ точки зрѣнія любви, его еще болѣе странныхъ для меня теорій о непротивленію злу, о пассивной анархіи, о ненужности всякихъ формъ и всякой организаціи, о безгрѣшности человечества и о грѣховности власти, войска, судовъ, церковей и государствъ, которые не мирно преобразовать надо, съ любовію внося въ нихъ свѣтъ и добро, а надо разрушать путемъ пассивной анархіи. Никогда, ни съ точки зрѣнія вѣры, ни съ точки зрѣнія любви и христіанскаго милосердія, я не могъ не только одобрять, но даже только не возмущаться *рутиннымъ пониманіемъ благотворительности*, этимъ нецѣльнымъ и безтолковымъ растрачиваніемъ Богомъ данныхъ талантовъ, безъ всякой пользы для дѣла Божія, ни души вѣчныя, ни жизнь не примиряя съ правдою Божіей, не дѣлая достояніемъ Его. Для меня всегда было очевидно, что это *зарываніе талантовъ въ землю*. Всегда съ тѣхъ поръ, какъ я пришелъ къ вѣрѣ сознательной, насущною потребностью любви къ Богу всѣмъ разумніемъ моимъ, для меня было *приобрѣсти для Бога* возможно большее число душъ живыхъ, сдѣлать ихъ достояніемъ Божиимъ и именно имъ, этимъ представителямъ добра, ставшимъ умными на добро, благоговѣнно вручить Богомъ данные мнѣ таланты, завѣщая и имъ на эти таланты *приобрѣсти для Бога и вѣчное дѣло Божіе* многіе таланты. Вотъ почему я *долго не рѣшался матеріально обезпечить даже и мое любимое дѣтище дѣло Трудового Братства*, хотя давно желалъ имѣть право сдѣлать это по совѣсти. Вотъ почему вы можете мнѣ повѣрить, что черезъ два года съ небольшимъ, послѣ того, какъ Братство покаилось передъ Богомъ и смирило себя передъ нимъ до искренняго желанія быть достояніемъ Его, члены его и жизнь на лонѣ его, настолько духовно преобразились, что я *по совѣсти, передъ Богомъ, нашелъ возможнымъ*, съ согласія матушки и сестеръ, *матеріально обезпечить Братство*, передавъ ему по дарственному акту почти все наше достояніе, часть его выдѣливъ въ полную, хотя и неприкосновенную собственность центрального Братства, принявшаго на себя значительныя обязательства по содержанію храма, больницы и двухъ сельско-хозяйственныхъ школъ, а другую часть предназначивъ по смерти дарителей быть неприкосновеннымъ фондомъ, обезпечивающимъ возможность учрежденія отдѣленій Братства въ Россіи, славянскихъ и другихъ странахъ.

42. *Спасю Братство* и стало началомъ его духовнаго возрожденія и мирнаго процвѣтанія *то, что вѣрные остались, не смотря*

ни на какія видѣнія черной години, на пути вѣры, покаялись передъ Господомъ въ малодушномъ попустительствѣ зла, все Братство призвали къ покаянію и сотворили плоды, достойные покаянія, смиривъ себя передъ Господомъ до алканія и жажды быть достояніемъ Его и причастниками благодати Его. Большинство членовъ Братства сдѣлало все, отъ него зависѣвшее, чтобы погубить дѣло; само вѣрное меньшинство было до того подавлено всѣмъ происходящимъ, что вполне сознавало свое личное безсиліе исправить зло, вполне сознательно отдало себя въ руку Божію, отъ Него Одного ожидая чуда преображенія душъ и жизни. И чудо это совершилось, мы на опытъ испытали, что живъ Господь Богъ, творящій чудеса. Этого бы не случилось, если бы хозяевами положенія въ Братствѣ было губившее Братство большинство.

О, если бы Россія поняла опытъ жизни нашей, поняла то, что ею въ маломъ размѣрѣ было въ насъ выстрадано и это стало для нея спасительнымъ опытомъ жизни. И она переживаетъ теперь въ несравненно большихъ размѣрахъ и въ несравненно болѣе грубыхъ формахъ ту черную годину, которую мы пережили. Размѣры и формы зла, въ ней проявляющагося, настолько чудовищны по буквѣ, такъ какъ по духу это все тоже, насколько большинство русскаго народа болѣе самодовольно во злѣ, болѣе приверженно къ анти-христіанской рутинѣ жизни, чѣмъ та часть плоти отъ плоти и кости отъ костей его, которая оставалась людьми стараго духа на новомъ дѣлѣ вѣры, мира и любви Братства Трудового, ушедшаго отъ рутинны для честной жизни по вѣрѣ, вся ошибка котораго состояла въ недостаточной обособленности отъ зла, въ излишней снисходительности ко злу, въ недостаткѣ ревности о добрѣ.

Кто спасетъ Россію отъ кумира „большинства“ грѣшной и грѣхолюбивой толпы, отъ пресловутой „воли народной“ и отъ цѣлаго сонма иныхъ кумировъ „елика на землѣ низу“, обоготворенныхъ ею, на мѣсто Бога Живаго! Кто, какъ остатокъ вѣрныхъ въ Братствѣ нашемъ, покается и призветъ къ покаянію, по вѣрѣ получить дерзновеніе стать хозяевами положенія, отдастъ себя въ руку Божію и тѣмъ дастъ Ему возможность безъ насилія надъ ними, явить въ немощи ихъ силу Свою, водворить въ Россіи мудрую и благую конституцію правды Божіей, и сотворить чудо преображенія умовъ до „духа права“, сердецъ до „сердца чиста“, и жизни до мирнаго благоденствія братскаго единства, чтобы и вся Россія, какъ и мы, сознала ничтожество свое и величіе силы и славы Бога Живаго и воскликнула вмѣстѣ съ нами: благословенны скорби, насъ умуд-

рившія и другимъ ставшія во спасеніе, ибо мы познали, что живъ Господь Богъ, творящій чудеса, и что иго Его благо и бремя Его легко есть!

Да будетъ этимъ остаткомъ вѣрныхъ въ Россіи предстоящій церковный соборъ или хотя бы часть его, чтобы отдать себя въ руку Божію и дать Богу Живому возможность, безъ насилія надъ ними, черезъ нихъ сказать народу Русскому правду Свою, явить ему любовь Свою и жизнь его преобразить черезъ всѣхъ тѣхъ Русскихъ людей, которые еще не ходятъ „блудно во слѣдъ кумировъ“ или покаются въ великомъ преступленіи измѣны Богу Живому, поруганія святой правды Его и отверженія Его верховнаго завѣта братолюбія при свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумніемъ!

43. Какъ въ черную годину Братства, такъ и теперь, въ черную годину отчизны, Господь многообразно являлъ намъ милосердіе Свое чудеснымъ исполненіемъ молитвенныхъ прошеній нашихъ, по слову Своему: „все, чего не попросите отъ Отца во имя Мое, будетъ дано вамъ, да прославится Отецъ въ Сынѣ“, пророческими сновидѣніями, дававшими терпѣніе и бодрость при перенесеніи скорбей и опасностей, предначертанныхъ этими сновидѣніями, многообразными благодатными утѣшеніями, въ которыхъ не разъ имѣли видѣнія Христа благословляющаго и ангеловъ Божіихъ ограждающихъ. Были случаи, когда нѣкоторымъ изъ братьевъ было открыто происходящее на большихъ разстояніяхъ и приподнята завѣса міра незримаго. Были случаи, когда одновременно многимъ было открыто тоже или многимъ дано одновременно тоже благодатное утѣшеніе, какъ бы для того, чтобы даже сомнѣвающіеся, какъ Оома, могли „вложить персты“ и собственными руками осязать. Были случаи, когда дѣти Братства въ самомъ младенческомъ возрастѣ проявляли „мудрость, сходящую свыше“, и духовную чуткость, превосходящую разумніе человѣческое.

Исповѣдать силу и славу Божію за все Братство, насущная нравственная потребность для меня, долгъ правдивости и нежеланія быть воромъ, крадущимъ у Господа славу Его, говоря о томъ, что мы, немощные дѣлали и утаивая то, что дѣлалъ Господь Силъ въ немощи нашей. „Не утаю ради Іерусалима“, — не утаю и страха ради іудейскаго! Тѣмъ болѣе не утаю, что мы не лучше другихъ и что всѣ испытаютъ на себѣ тѣ же явленія милосердія, силы и славы Божіей, какія мы на себѣ испытали, какъ только захотятъ, отвергнуться себя, стать достояніемъ Божіимъ, принять на себя крестъ дѣла любви къ Богу всѣмъ разумніемъ и идти во слѣдъ

Христу, не смущаясь немощами своими, всю надежду возлагая на Господа и на Его благодатную помощь.

О, если бы поняла Россія и *этот радостный опытъ, ею въ насъ пережитой* и стала твердо на дорогу, на которой вся она испытываетъ то, что мы на пути созиданія Братства испытали.

44. Чѣмъ болѣе мы отдавали себя въ руку Божию, чѣмъ больше умы, сердца и жизнь наша становились достояніемъ Его, тѣмъ болѣе открывался передъ нами животворящій духъ Откровенія Его, и вѣчной истины правды Его, подъ буквою молитвъ и чина церковнаго богослуженія. Для насъ не стало буквы, имѣющей временное и мѣстное значеніе. Открылись глаза души нашей и все въ Откровеніи, въ молитвахъ и православной литургіи получило для насъ непреходящій вѣчный смыслъ, жизненное значеніе котораго въ прямомъ примѣненіи и къ намъ, и къ жизни нашей стало очевиднымъ и вполне вразумительнымъ.

45. А мы еще только стали на добрую дорогу, во многомъ еще не совлекаясь съ себя ветхаго человѣка, далеко еще не сораспавшись Христу, далеко еще не имѣя права сказать съ Апостоломъ: „я уже не живу, а живетъ во мнѣ Христосъ“. Далекое не всѣ мы и не во всемъ одинаково отдали себя въ руку Божию, стали твердо на путь вѣры, никогда не сворачивая съ этого благословеннаго пути на позорный и неразумный для христіанина путь видѣнія преходящихъ призраковъ земнаго бытія, стоя выше личныхъ переживаній и личныхъ впечатлѣній, далеко еще не всѣ и не во всемъ въ одинаковой степени единомысленны и единокорны, далеко не всѣ въ одинаковой степени даже желаемъ быть, какъ одинъ умъ и одно сердце. Передъ нами безконечный путь духовнаго возрастанія отъ вѣры въ добродѣтель, отъ добродѣтели въ разсудительность, отъ разсудительности въ воздержаніе, отъ воздержанія въ терпѣніе, отъ терпѣнія въ благочестіе, отъ благочестія въ братолюбіе, отъ братолюбія въ любовь и отъ любви въ любовь до полного возраста „свободы славы чадъ Божіихъ“. Если Господь на первыхъ шагахъ нашей тріюмфальной верховному закону о любви и жизни по вѣрѣ, дѣйствующей любовью, явилъ намъ такъ много долготерпѣнія, милосердія, чудесной помощи и благодатнаго утѣшенія, какое богатство силы и славы Своей Онъ явитъ тѣмъ, которые болѣе насъ возлюбятъ Его и возревнуютъ о правдѣ Его, будь то мы сами, когда возрастемъ въ вѣрѣ и любви, будущія поколѣнія Братства, тѣ птицы небесныя, которыя имѣютъ укрыться въ вѣтвяхъ, возросшаго дерева его или всякій вѣрующій, всякіе вѣрующіе, обособив-

шіеся отъ зла, возлюбившіе Бога всѣмъ разумѣніемъ своимъ и сплоченные цементомъ любви въ братское единство, дружно несущихъ общій крестъ во слѣдъ Христу.

46. Драгоценный опытъ, въ насъ пережитой человечествомъ, состоятъ и въ томъ еще, что *путемъ мирнаго созиданія*, въ практичность котораго такъ мало кто вѣритъ, *можно достигнуть безконечно большихъ и лучшихъ результатовъ, нежели тѣмъ путемъ борьбы со зломъ въ себѣ и въ окружающей жизни, которымъ такъ давно идетъ человечество*, достигая при этомъ столь плачевныхъ результатовъ. Путь мирнаго созиданія въ себѣ—путь возрастанія въ любви къ ближнимъ при свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумѣніемъ, любви, которая и есть святой огонь, о которомъ сказалъ Господь „огонь пришелъ Я низвести на землю и какъ желалъ бы, чтобы онъ уже возгорѣлся!“ что св. Афанасій Великій понимаетъ такъ: „огонь любви пришелъ Я низвести на землю и какъ желалъ бы, чтобы онъ уже возгорѣлся во всѣхъ сердцахъ“, огонь, на которомъ сгоритъ вся грязь души, что мы и видимъ на опытѣ въ свѣтлѣ духовномъ преображеніи тѣхъ братьевъ, сестеръ, воспитанниковъ и воспитанницъ, которые становятся алчущими и жаждущими благодати любви и получаютъ благодатный огонь любви отъ всѣхъ благъ Подателя. Многие-ли изъ насъ устояли бы на добромъ пути, если бы жили не любовью, а страхомъ грѣха, не созидали бы мирно алтарь любви въ тайникѣ духа своего, а всю энергію души направили на борьбу со зломъ, на самогрызеніе, на болѣзненное вырываніе безчисленныхъ терній души, въ которой еще мракъ и холодъ, въ отсутствіи благодатныхъ лучей солнца любви, Солнца вселенной. Разумный, христіанскій аскетизмъ и состоитъ въ мирномъ, радостномъ воздержаніи отъ всего, что тушитъ въ насъ любовь, что отрываетъ насъ отъ Бога, мѣшаетъ намъ быть достояніемъ Его въ духѣ „милости“, а не въ духѣ „жертвы“ шаблоннаго аскетизма, когда „со скрежетомъ зубнымъ совершаютъ дѣло спасенія своего“ (Еп. Антоній Волинскій), какъ и разумный христіанскій страхъ Божій состоитъ въ опасеніи оторваться отъ Бога, вырвать себя изъ руки Его, перестать быть достояніемъ Его, а не въ рабскомъ страхѣ прогнѣвить Его мирною радостію мирнаго благоденствія своего.

Такъ и въ жизни. Мирно обособляясь отъ всѣхъ тѣхъ, которые не хотятъ единомысленно и единокорно съ нами мирно созидать жизнь по вѣрѣ, дѣйствующей любовью, мы несомненно достигли *большихъ и лучшихъ результатовъ*, чѣмъ если бы, ставъ на путь

борьбы со зломъ, посвятили себя безплодной критикѣ зла и злему дѣлу возбужденія ненависти и мстительности ко всѣмъ несогласнымъ съ нами, сами не осуществляя то добро, во имя котораго боремся и другихъ къ борьбѣ призываемъ.

47. Опытъ нашъ доказываетъ возможность оздоровленія души, воспитанія къ дисциплинѣ любви въ короткій срокъ 4—5 лѣтъ курса нашихъ сельско-хозяйственныхъ школъ (женская 4 года, мужская 5 лѣтъ) въ достаточной мѣрѣ для того, чтобы стать способными, не только жить братскимъ строемъ жизни, но и сознать эту форму жизни нравственною потребностью сознательной вѣры, любви, разума и совѣсти. Молодые люди, выходя изъ школъ нашихъ, настолько любятъ другъ друга, что способны единомысленно исповѣдывать правду Божию. („Возлюбимъ другъ друга, да единомыслиемъ исповѣмся“). Они настолько единомысленны и единодушны по главнымъ вопросамъ вѣры и жизни, что это удивляетъ людей, для которыхъ и вѣра, и любовь, и единомысленное исповѣданіе, и братское единство въ жизни—неосуществимыя утопіи.

48. Опытъ нашъ доказываетъ и то, что можно въ сравнительно короткій срокъ тѣхъ же 4—5 лѣтъ приступить и къ организаціи жизни на началахъ вѣры, дѣйствующей любовью, къ сплоченію и стройной организаціи жизни приходоу на тѣхъ же началахъ.

49. Вѣра и любовь, сдвинувшія многія горы передъ нами, сдвинутъ и передъ всѣми, кто пожелаетъ поработать на святое дѣло оздоровленія души народной на лонѣ приходоу, въ городахъ и селахъ, по всему лицу земли Русской. Лишь бы вѣра была, возгорится святой огонь любви, оздоровится душа народа Русскаго и станетъ Русскій народъ достояніемъ Божиимъ, богоносцемъ и „всечеловѣкомъ“ по предчувствію нашего великаго Достоевскаго.

50. Вѣра и любовь, сдвинувшая столь многія горы на пути созиданія нашего Братства, сдвинетъ и ихъ и на пути всѣхъ, кто цѣльно станетъ на путь мирнаго созиданія добра въ жизни приходоу, городовъ и селъ нашей Россіи и станетъ она во истину святою Русью, свѣтомъ міра и солью земли, чего не желать для нея могутъ только не любящіе, ни Бога, ни Отчизну, не сыны, а злые пасынки Россіи.

Вотъ малая частица богатаго опыта, нами пережитаго на служеніи дѣлу Божию. *Взвѣснѣ еси и слава Божія. Не перечислить многообразныя проявленія милосердія Его.* Не перечислить и многообразный духовный опытъ, получающійся въ результатъ служенія на дѣло Его, когда по свободному изволенію вѣры и любви нашей, Онъ можетъ безъ насилія надъ нами, въ немощи нашей творить силу Свою. *Да будетъ же опытъ нами пережитаго Россіи во благо, а не въ судъ и не въ осужденіе!*

У БЕСѢДА.

Что можетъ сдѣлать для блага Россіи и Россійской Православной Церкви предстоящій Соборъ.

„Увы, народъ грѣшный, народъ, обремененный беззаконіями, племя злодѣевъ!.. Оставили Господа презрѣли Святого Израилева... Во что васъ бить еще продолжающіе свое упорство? Вся голова въ изважъ и все сердце изчахло!“ (Исаія I 4—5).

„Говоритъ Господь Саваофъ вамъ, священники, безславящіе святое имя Мое... Приношеніе изъ рукъ вашихъ не благоугодно мнѣ... Если вы не послушаетесь и если не примете къ сердцу, чтобы воздавать славу имени Моему... Я пошлю на васъ проклятіе и проклянью ваши благословенія... Завѣтъ мой былъ завѣтъ жизни и мира... уста священника должны хранить вѣдѣніе и закона ищутъ отъ устъ его... Но вы уклонились отъ пути сего, для многихъ послужили соблазномъ... За то и Я сдѣлаю васъ презрѣнными и униженными“ (Малахія I 6, 10, II 2, 5, 8, 9).

„Омойтесь, очиститесь... перестаньте дѣлать зло, научитесь дѣлать добро, ищите правды... тогда прійдете и разсудимъ, говоритъ Господь“ (Исаія I 16—18).

Предстоящій Соборъ можетъ и долженъ призвать *остатокъ вѣрныхъ спасти Россію и Русскую Православную Церковь, ставъ достоинствомъ Божиимъ, орудіемъ спасенія Россіи и Русской Православной Церкви въ рукахъ Бога Живаго, творящаго чудеса!*

Говорю—спасти, не только Россію, но и Русскую Православную Церковь. Это не описка. Хорошо знаю слова Спасителя: „созижду Церковь Мою и врата адовы не одолѣютъ ее“. Слова эти относятся къ Церкви Вселенской. Непреложно слово Божіе. Церкви помѣстныя могутъ „оставить первую любовь свою“ и имъ, какъ Церкви Эфесской скажетъ Господь: „вспомни, откуда ты ниспалъ и покаяйся.., а если не такъ... сдвину свѣтильникъ твой съ мѣста его!“ (Откр. Св. Іоанна II 4—5). Господь говорилъ Сардійской Церкви: „Знаю твои дѣла, ты носишь имя, будто живъ, но ты мертвъ... вспомни, что ты принялъ и слышалъ, и храни и покаяйся... имѣющій ухо, да слышитъ, что Духъ говоритъ церквамъ“ (Откр. св. Іоанна III 1—6). И въ этомъ непреложно слово Божіе. *Что сказано Имъ Церквамъ Эфесской и Сардійской, сказано Имъ и Церкви Русской.* Можетъ быть сдвинуть свѣтильникъ Церкви Русской, какъ были сдвинуты свѣтильники многихъ церквей Малоазійскихъ, если и Она не будетъ свѣтомъ міра и солью земли, чѣмъ быть должна. Повторяю, Соборъ можетъ и долженъ спасти Россію и Русскую Православную Церковь, призвавъ къ тому остатокъ вѣрныхъ. Если онъ этого не сдѣлаетъ, лучше ему и совѣмъ не собираться. Великую отвѣтственность приметъ онъ за то передъ Богомъ и Россіей и будутъ труды его не во спасеніе, а въ судъ и во осужденіе.

Главное дѣло его—призвать всѣ слои Русскаго общества, всѣхъ членовъ Русской Православной Церкви къ честному, нелицемѣрному покаянію во всемъ, что, при соблюденіи буквы постовъ, праздниковъ и внѣшней обрядности, было измѣною Богу Живому и правдѣ Его, во всемъ, что оглушило вѣру, и оязычило жизнь, что внесло анархію въ умы и сердца, и жизнь на лонѣ Церкви помѣстной сдѣлало тою позорною рутинною, которая оклеветала собою вѣру и довела Россію до ужаса и позора, ею переживаемаго.

Надо, чтобы этотъ призывъ къ покаянію былъ *живымъ словомъ* кающихся къ *призываемымъ* къ покаянію, чтобы въ этомъ призывѣ были слезы покаянія, святая скорбь добраго страха Божія, возлюбившихъ Господа всѣмъ разуміемъ, понимающихъ весь ужасъ грѣха отступничества, всѣмъ сердцемъ возревновавшихъ о поправной любви Божіей и поруганной правдѣ Его. Только тогда этотъ призывъ будетъ правдою и силою, а не пустыми риторическими упражненіями на тему о покаяніи, не скучнымъ наборомъ мертвящей буквы текстовъ, которыхъ всякій понимаетъ по своему, а большинство и совѣмъ не потрудится понять.

Надо не ограничиться призывомъ къ покаянію вообще, а, познавая закоренѣлость злой воли, *точно опредѣлить, въ чемъ и какъ покаяться надо*, чтобы правда Божія по каждому вопросу жизни стала передъ совѣстью народа, какъ яркій свѣточъ, прогоняющій тьму, дѣлая невозможнымъ самообманъ для нераскаянныхъ грѣшниковъ, самодовольныхъ во злѣ.

Первое и главное, въ чемъ покаяться надо, какъ въ величайшемъ преступленіи, величайшемъ погрѣшеніи любви Божіей и величайшемъ поруганіи правды Его, это—въ отверженіи, молчаливомъ, но систематичномъ отверженіи верховнаго закона христіанскаго Откровенія о любви къ ближнимъ при свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумніемъ, всѣмъ сердцемъ и всею крѣпостью, до готовности принять мученичество и смерть крестную: „заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ“.

Все остальное будетъ неизбежною логикой честнаго признанія нравственной обязательности этого верховнаго закона. Въ немъ животворящій духъ Откровенія. Отступничество отъ него повело къ тому, что все въ самомъ вѣроученіи стало буквою мертвящею и внесло мертвенность и въ пониманіе христіанской этики и въ жизнь на лонѣ Церкви и Ея приходоѡвъ. Все останется буквою мертвою и мертвящею, пока Русская Православная Церковь не вспомнитъ первую любовь Вселенской Церкви Божіей и не покается въ отверженіи животворящаго духа Церкви Христовой, не признаетъ первымъ и высшимъ нравственнымъ долгомъ своимъ во всей цѣлостности жизни своей быть вѣрною этому верховному закону, неизмѣнно имъ руководствоваться и разумно осуществлять жизненную правду его.

Именно съ этого и надлежитъ начать Собору свои труды, чтобы за мелочами не проглядѣть главнаго и не потерять время въ спорахъ о мелочахъ, единомысліе и единодушіе по которымъ совершенно невозможно, пока не придутъ къ единомыслію и единодушію по этому главному основному вопросу, объ отношеніи къ верховному закону христіанскаго Откровенія, заключающему въ себѣ животворящій духъ всего вѣроученія.

Какъ только придутъ къ единомыслію и единодушію по этому главному вопросу, какъ только соборомъ покаются за всю Россію и за всю Русскую Православную Церковь въ величайшемъ изъ преступленій, отверженія этого верховнаго закона и происшедшей оттого измѣны животворящему духу вѣры и правды Божіей, все станетъ ясно при свѣтѣ этого закона и этого животворящаго духа,

всѣмъ членамъ Собора станетъ ясно, въ чемъ умы, сердца и жизнь отступили отъ Божіей правды, въ чемъ покаяться надо и всѣхъ призвать къ покаянію, и то, какіе плоды, достойные покаянія, должны быть признаны несомнѣнными доказательствами честнаго, нелицемѣрнаго покаянія.

Очень существенно, чтобы Соборъ поставилъ исповѣданіе правды безконечно выше всякихъ политическихъ и тактическихъ соображеній. Любовь къ Богу всѣмъ разумніемъ безусловно требуетъ исповѣданія правды Его передъ людьми. Для честныхъ христіанъ не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что именно въ этомъ самая мудрая политика и тактика для нихъ. Въ силу этого члены Собора, принадлежащіе къ священной іерархіи, должны показать всѣмъ остальнымъ добрый примѣръ покаянія, громко, всенародно покавшись за всю священную іерархію Русской Православной Церкви во всемъ, въ чемъ любовь къ Богу всѣмъ разумніемъ и архипастырская и пастырская совѣсть ихъ потребуетъ покаяться. Безъ этого не будутъ имѣть силы никакіе призывы ихъ къ покаянію. Безъ этого не будетъ поставленъ крестъ надъ всѣмъ тѣмъ, что нарушило сердечное единеніе между духовенствомъ и мірянами, стало поводомъ къ недовѣрію и потери нравственнаго вліянія, безъ чего умы, сердца и жизнь не могли бы дойти до позорнаго хаоса, поставившаго нашу Родину на край гибели.

Покаяніе это приведетъ къ обсужденію вопроса о томъ, *въ чемъ преподаваніе Закона Божія и Богословія, въ чемъ церковное проповѣдничество — отступали отъ требованій верховнаго завета христіанскаго Откровенія*, не только не выясняли, но затемняли пониманіе жизненнаго значенія его. Надо поставить на очередь вопросъ о честномъ согласованіи всѣхъ областей дѣятельности представителей священной іерархіи съ животворящимъ духомъ этого верховнаго закона. Не надо пугаться того, что Соборъ не можетъ обсудить и оформить *всѣ реформы, соответствующія тому* въ дѣлѣ школьномъ, въ дѣлѣ воспитанія и обученія, въ дѣлѣ проповѣди и жизни по вѣрѣ, въ области характера отношеній къ богослуженіямъ, къ праздникамъ, поста́мъ и нравственнымъ понятіямъ, въ области церковнаго управленія и приходской жизни. Совершенно достаточно будетъ, если Соборъ твердо установитъ принципъ признанія первенствующаго значенія верховнаго закона во всѣхъ областяхъ жизни церковной, признаетъ, что именно въ вѣрности ему и состоятъ высшій нравственный долгъ вѣрности и повиновенія Церкви, и громко покается во всемъ, что въ практикѣ жизни

Церкви помѣстной было измѣною и неповиновеніемъ ему. Детали реформъ, соотвѣствующихъ плодамъ, достойнымъ покаянія, могутъ быть подготовлены комиссіями, избранными съ этою цѣлю, и обсуждены постепенно на послѣдующихъ Соборахъ.

Полюза отъ Собора будетъ громадна, если онъ даже только это одно и сдѣлаетъ: покается и призоветъ къ покаянію.

Это сразу поставитъ крестъ надъ скорбнымъ прошлымъ и станетъ началомъ новой, свѣтлой эры въ жизни Русской Православной Церкви.

Послѣ представителей священной іерархіи должны быть первыми призваны къ покаянію *все тѣ, которые получили пять талантовъ отъ Бога* и должны принести Ему и дѣлу Его другіе пять талантовъ, безразлично, являются ли талантами этими власть, богатство, природный умъ, образованіе, привилегированное социальное положеніе или что иное. Надо точно выяснитъ нравственную отвѣтственность сановниковъ, дворянства, купечества и фабрикантовъ, представителей науки, отъ профессоровъ высшихъ учебныхъ заведеній до сельскаго учителя, всѣхъ представителей интеллигенціи, отъ представителей всякихъ либеральныхъ профессій до грамотеевъ деревни, всѣхъ учащихся, отъ студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній до гимназистовъ и учениковъ низшихъ школъ, и всѣхъ ихъ призвать къ покаянію при свѣтѣ верховнаго закона христіанскаго Откровенія и любви къ Богу всѣмъ разумніемъ.

При свѣтѣ того же закона и той же любви надо призвать къ покаянію, освѣтитъ свѣтомъ вѣры и совѣсть *самыхъ обездоленныхъ классовъ народа*, можетъ быть менѣе другихъ отвѣтственныхъ по логикѣ дѣтей земли, но не менѣе виновныхъ передъ правдою Божіею, когда измѣняютъ любви, по какимъ бы причинамъ ей ни измѣняли, *предпочитаютъ Варраву Христу и за 30 сребрянниковъ продаютъ печать дара Духа Святого* въ обмѣнъ на печать сатаны. Это тѣмъ болѣе необходимо, чѣмъ болѣе обманывали и обольщали совѣсть этихъ „обездоленныхъ“ всякіе „ласкатели“, желавшіе сдѣлать ихъ слѣпымъ орудіемъ своимъ въ партійной борьбѣ за власть.

Всѣмъ надо правдиво и честно сказать, опять таки ставъ выше всякихъ политическихъ и тактическихъ соображеній, въ чемъ умомъ, сердцемъ и жизнію они измѣняютъ верховному закону христіанскаго Откровенія, являются ослушниками Церкви, сказать, чего требуетъ отъ нихъ братолюбіе при свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумніемъ, на мѣсто позорной жизнедѣйствительности, той позорной рутины понятій, симпатій и жизни, въ которой коснѣютъ,

которой по духу остаются вѣрны, и проклиная ту рутину, и желая освободиться отъ нея путемъ грубой крамолы, грубой борьбы, всѣхъ призывая къ злобѣ, мстительности и насиліямъ, тѣмъ самымъ, еще болѣе рутины, противъ которой они борются, оскорбляя Бога и правду Его, измѣняя любви и попирая вѣчные законы ея.

При свѣтѣ того же верховнаго закона надо освѣтитъ *весь ужасъ и позоръ не только социальной лжи, проповѣдуемой людьми, призывающими къ пересозданію социального строя путемъ насилій и разжиганія низкихъ инстинктовъ корыстной зависти и злобной мстительности*, но и *весь ужасъ и позоръ рутины социальныхъ отношеній* во всѣхъ областяхъ социальной жизни: семьѣ, приходѣ, въ области труда, Церкви, государства и международныхъ отношеній.

Пора перестать клеветать на вѣру и Церковь, нелѣпо повторяя, будто есть такія области жизни, которыхъ не объемлетъ любовь Божія, къ которымъ будто бы неприложима правда Божія, въ которыхъ будто бы не преступно не согласоваться съ правдою вѣры. Неправда. Правдѣ вѣры соотвѣтствуетъ совершенно опредѣленный идеалъ, общеобязательный для всего творенія Божія, совершенно опредѣленная этика, всегда и вездѣ одинаково обязательная, а слѣдовательно и совершенно опредѣленный характеръ социальныхъ отношеній, логично вытекающій изъ верховнаго мірового закона христіанскаго Откровенія о нелицемѣрномъ, нѣжномъ братолюбіи при свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумніемъ. Только люди, лишенные вѣры и бѣдные любовію, могутъ сомнѣваться въ этомъ, спорить о томъ, возможно ли и обязательно ли это, и придираться къ буквѣ мертвящей отдѣльныхъ текстовъ Писанія, чтобы извинить свое коснѣніе въ анти-христіанской рутинѣ жизни и социальныхъ отношеній. Господь сказалъ: „царство Мое не отъ міра сего“. Надо много злой воли для того, чтобы изъ буквы этихъ словъ вывести заключеніе, что мы не обязаны жить по правдѣ Божіей, по законамъ царства Его, говоря: „да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли“. Господь сказалъ пришедшимъ къ Нему судиться чужакамъ по духу, не желавшимъ отвергнуться себя, взять крестъ и идти за Христомъ, а желавшимъ только эксплуатировать Христа и авторитетъ Его съ корыстными цѣлями: „Кто поставилъ Меня судить или дѣлить васъ?.. смотрите, берегитесь любостыжанія!“ Надо много злой воли для того, чтобы вывести изъ этого, что Господь безразлично относится ко всякимъ формамъ социальныхъ отношеній, и не понимать, что Господь всегда и во всемъ остается вѣренъ Себѣ и верховному міровому закону правды святости Своей,

зная, что Апостолы, ближайшіе истолкователи слова и дѣла Его, говорили членамъ христіанскихъ общинъ, жившимъ „какъ одинъ умъ и одно сердце“— „какъ смѣетъ кто у васъ, имѣя дѣло съ другимъ, судиться у нечестивыхъ, а не у святыхъ?.. Неужели нѣтъ между вами ни одного разумнаго, который могъ бы разсудить между братьями своими“. (I Коринѳ. VI 1—5).

При доброй волѣ для всякаго человѣка, вѣрующаго и любящаго, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что христіане всю жизнь, во всей ея цѣлокупности, не исключая и никакой области социальныхъ отношеній, только и могутъ устроить по вѣрѣ, согласно съ верховнымъ закономъ братолюбія при свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумніемъ, что составляетъ насущную потребность ихъ вѣры и любви. Изъ той же буквы словъ Спасителя и Его Апостоловъ они уразумѣютъ необходимость обособленія отъ зла и злыхъ, отъ всѣхъ, кто не хочетъ быть достоиніемъ Божиимъ, чтобы имѣть возможность съ братьями по вѣрѣ и любви честно согласовать съ вѣрою всю жизнь и всѣ социальные отношенія. Они уразумѣютъ и то, что вѣра требуетъ отъ нихъ правды, а не лжи, требуетъ отъ нихъ быть сынами свѣта, не менѣе умными на добро, нежели сыны тьмы умны на зло, требуетъ отъ нихъ быть мудрою овцою стада Христова, обособляющеюся отъ волковъ въ кошару, а не глупою овцою, блуждающею между волками одиноко, подъ наивнымъ предлогомъ, будто ей не предписано обособляться отъ волковъ, не быть съ ними по волчьей, не устраивать по волчьей своихъ социальныхъ отношеній и не понимать, съ кѣмъ она имѣетъ дѣло, и какія социальные отношенія разумны и полезны въ отношеніяхъ съ мудрыми овцами и волками хищными.

Пора разсѣять весь этотъ туманъ лжи, въ силу котораго оглушили и извратили понятіе о христіанской правдѣ и христіанскомъ милосердіи до самодовольнаго разлада между вѣрою и жизнью, до духовной проституціи полного отсутствія обособленія отъ зла, что и привело къ невозможности осуществленія христіанской правды въ жизни и социальныхъ отношеніяхъ, при наивной увѣренности, что похвально христіанину не имѣть никакихъ опредѣленныхъ социальныхъ и политическихъ убѣжденій.

Болѣе подробно, въ примѣненіи къ отдѣльнымъ классамъ общества и къ отдѣльнымъ областямъ, социальной жизни, я говорю о томъ въ статьѣ: „Голосъ вѣрующаго мірянина по поводу предстоящаго Собора“, напечатанной въ Іюньскомъ и Іюльскомъ номерахъ журнала „Труды Кіевской Духовной Академіи“ за прошлый

1906 г. Теперь ограничусь только общими логическими выводами, общеобязательными для всѣхъ вѣрующихъ, къ какимъ бы классамъ общества они ни принадлежали и о какихъ областяхъ ихъ личной или социальной жизни ни шла рѣчь. Это и будутъ тѣ плоды, достойные покаянія, наличность которыхъ будетъ естественнымъ проявленіемъ нелицемѣрнаго покаянія и вѣрности верховному закону правды Божіей. Это и будетъ то, что во благо Россіи и Русской Православной Церкви должно быть высказано Соборомъ, какъ призывъ къ покаянію и опредѣленная программа мирнаго христіанскаго прогресса отъ того, что есть, къ тому, что быть должно по правдѣ вѣры, дѣйствующей любовью.

Вѣрность верховному закону правды Божіей требуетъ отъ всѣхъ *стать цѣльно представителями любви*, умудренными любовью до пониманія того, какъ любить братьевъ и какъ любить враговъ, какое проявленіе любви будетъ тѣмъ и другимъ на пользу, приводя ихъ къ пониманію правды Божіей и помогая имъ стать достоиніемъ Божиимъ, кого правдою братскаго общенія, кого правдою обособленія, кого проявленіемъ нѣжнаго братолюбія, кого честнымъ обличеніемъ, кого братскимъ сотрудничествомъ, кого воздержаніемъ отъ всякаго пособничества. Надо, чтобы православные русскіе люди поняли наконецъ, что они не могутъ быть достоиніемъ Божиимъ, пока не станутъ разумно и цѣльно представителями любви къ Богу всѣмъ разумніемъ при свѣтѣ этой любви *любя прошлое въ предкахъ и добрыхъ завѣтахъ и національныхъ традиціяхъ, любя настоящее въ современникахъ*, съ одними объединяясь для совмѣстнаго дружнаго братскаго дѣла, отъ другихъ обособляясь, чтобы доказать имъ жизненную правду вѣры и любви, любя будущее, *подготавливая любовно и разумно лучшее будущее для грядущихъ поколѣній*.

Любовь къ Богу всѣмъ разумніемъ требуетъ отъ всѣхъ *стать на путь открыты*, никогда не давая видѣнію призраковъ земного бытія скрывать солнце вѣры отъ умственного взора. Всѣ должны понимать, что сами они съ ихъ себялюбивымъ „я“, его впечатлѣніями и переживаниями, всѣ обстоятельства земной жизнедѣйствительности, все это и есть эти приходящіе призраки земного бытія, та пыль земли, которою заполнены умы и сердца „дѣтей міра сего“, которою вѣрующій не можетъ руководствоваться въ жизни и отношеніяхъ своихъ, а долженъ принимать въ расчетъ только настолько, чтобы разумно идти путемъ вѣры, не расходясь съ законными требованіями здраваго смысла не забывая, съ кѣмъ

онъ имѣть дѣло и какъ оставаться вѣрнымъ Богу и правдѣ Его среди обстоятельствъ этого міра, который весь во злѣ лежитъ.

Россію губитъ именно то, что она цѣльно сошла съ пути вѣры на путь „видѣнія“ и самодовольна на этомъ позорномъ пути.

Любовь къ Богу всѣмъ разумніемъ требуетъ обособленія сыновъ свѣта отъ сыновъ тьмы, чтобы перестать наконецъ быть позорными участниками ихъ дѣлъ тьмы, чтобы имѣть наконецъ возможность честно жить по вѣрѣ, дѣйствующей любовью, стать цѣльно достояніемъ Божиимъ и цѣльно сдѣлать жизнь свою достояніемъ Его. Это обособленіе въ духъ любви и смиреннаго сознанія опасности общенія со зломъ должно совершаться въ каждомъ приходѣ и стать началомъ братскаго сплоченія остатка вѣрныхъ на дѣло разумаго созиданія добра въ собственной жизни и жизни прихода, на дѣло спасенія Россіи и Русской Православной Церкви тѣми, кто хочетъ быть достояніемъ Божиимъ и стать орудіемъ въ рукахъ Его.

Братолюбіе, при свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумніемъ, требуетъ отъ всѣхъ, обособляясь отъ зла и злыхъ, тѣсно спланиваться въ нелицемѣрномъ братскомъ общеніи съ тѣми, кто не лживо становятся братьями отвергнувшихъ себя, ставшихъ достояніемъ Божиимъ подобно имъ, тоже отвергнувшихъ себя и ставъ Божиимъ достояніемъ. Любовь къ Богу всѣмъ разумніемъ обязательно, естественно станетъ цементомъ, спланивающимъ ихъ въ нелицемѣрное братство жизни, какъ неизбежный, естественный плодъ нелицемѣрнаго, нѣжнаго братолюбія. Въ этомъ и состоитъ социальная правда, жизненная правда христіанства, заключающая въ себѣ разумный и мирный, достойный христіанъ выходъ изъ всѣхъ социальныхъ затрудненій, мудрая социальная правда вѣры, сравнительно съ которою суета суетъ и глупое недомысліе злобы всѣ социальные теории, основанныя на другихъ началахъ.

Братолюбіе, при свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумніемъ, естественно и неизбежно приведетъ это братство къ единомыслію и единодушію по всѣмъ главнымъ вопросамъ вѣры и жизни и всѣ они станутъ, какъ одинъ умъ и одно сердце, станутъ способными единомысленно и единодушно понять, какой крестъ они должны въ данное время и при данныхъ обстоятельствахъ принять, возложить на себя и дружно нести во слѣдъ Христу съ наибольшою пользою для Божія дѣла торжества любви, для Божія дѣла воздвиженія креста Господня въ умахъ, сердцахъ и жизни, преображенія умовъ, сердецъ и жизни въ достояніе Божіе, удостовѣренное печатью дара Духа Святого.

Любовь къ Богу всѣмъ разумніемъ, какъ въ области жизни социальной, совершенно опредѣленно требуетъ социальной правды братства между братьями по вѣрѣ и любви, такъ и въ области политической совершенно опредѣленно требуетъ признанія обязательною конституцію правды Божіей, какъ со стороны властей, такъ и со стороны подвластныхъ, какъ въ жизни церковной, такъ и въ жизни государственной, такъ и въ жизни международной. Тутъ тоже никакого сомнѣнія быть не можетъ и всѣ внѣпартійные, подъ предлогомъ, будто вѣра и политика ничего общаго между собою не имѣютъ, всѣ, готовые промѣнять конституцію правды Божіей на конституцію народоправства и самодержавія толпы большинства грѣшнаго и грухолюбиваго человѣчества, не признающаго для себя обязательною конституцію правды Божіей, за чечевичную похлебку продаютъ Царство Божіе и правду Его.

Соборъ, если не хочетъ уподобиться имъ, долженъ громко исповѣдать эту политическую правду христіанства, потребовать отъ всѣхъ вѣрности конституціи правды Божіей и при свѣтѣ этой правды выяснять жизненное значеніе установленной въ Россіи формы правленія, самодержавія Божію милостію, опредѣленно выяснять и нравственные обязанности верховнаго ревнителя правды Божіей, Божію милостію Самодержавнаго Царя, и нравственные обязанности представителей народа, членовъ Государственной Думы, обязанныхъ содѣйствовать, а не противодействовать умиротворенію страны, единенію Царя съ народомъ и дружному совмѣстному созиданію ея мирнаго благоденствія, нравственные обязанности всего народа, понимая слово „народъ“ въ самомъ широкомъ смыслѣ.

Соборъ долженъ громко исповѣдать эту правду вѣры во всемъ ея объемѣ и сказать вмѣстѣ съ Моисеемъ: „Вотъ я предложилъ тебѣ жизнь и смерть, благословеніе и проклятіе. Избери жизнь и благословеніе“. Есть такіе историческіе моменты, когда молчаніе равносильно измѣнѣ Богу и правдѣ Его, пособничеству зла. Россія переживаетъ именно такой моментъ. Соборъ обязанъ громко исповѣдать забытую Россіей, поправную ея правду Божию, если не хочетъ подпасть самъ подъ осужденіе Главы Церкви, сказавшаго: „Кто исповѣдаетъ Меня передъ людьми, того исповѣдаю и Я передъ Отцомъ Моимъ небеснымъ, а кто отречется отъ Меня предъ людьми, отрекусь отъ того и Я передъ Отцомъ Моимъ небеснымъ“ (Мате. X 32—33).

Когда Россія и Русская Православная Церковь покаются въ великомъ преступленіи отверженія верховнаго закона любви и со-

творять всё эти плоды, достойные покаянія, *настанет истинное духовное возрождение страны*, православные русские люди, тѣсно сплоченные цементомъ любви другъ къ другу при свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумѣніемъ, почувствуютъ себя совершенно безопасными отъ всякой дурной закваски и всякихъ козней враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ, *осуществятъ такую свѣтлую правду соціальной и политической жизни*, что инородцы и иновѣрцы будутъ имѣть разумное основаніе не сомнѣваться въ несокрушимой мощи Россіи, не сомнѣваться въ томъ, что принадлежать къ ней для нихъ самихъ и благо и честь, станутъ настолько дорожить принадлежностью къ братству народовъ *Россійской Имперіи*, что станутъ возможнымъ даровать имъ такіа права самоуправленія и самобытности, которыхъ теперь дать нельзя, безъ явной опасности для цѣлости Имперіи. Самъ *русскій народъ окажется способнымъ пользоваться такою широкою христіанскою свободою*, и малою долею которой онъ въ настоящее время пользоваться не способенъ, не злоупотребляя ею, до невозможности для государства отмѣнить исключительные законы, не нарушая тѣмъ самыхъ законныхъ требованій здраваго смысла.

Тогда только станетъ всѣмъ понятно и дорого, будетъ разумно и ясно высказано Россіей ея самобытное *„слово“ мирнаго прогресса и мирнаго благоденствія среди суеты суетъ боевого прогресса и хронической соціальной и политической борьбы „культурныхъ“ народовъ*, отказавшихся отъ христіанства, какъ основы соціальной и политической жизни.

Тогда только проявится *правда самобытнаго русскаго „дѣла“, и состоящаго въ осуществленіи соціальной и политической правды христіанства*, отвергнутой другими „культурными“ народами.

Тогда только и *Русская Православная Церковь осуществитъ свою соціальную правду соборности*, мирнаго, дружнаго, совмѣстнаго созиданія на лонѣ Церкви правды жизни по вѣрѣ, дѣйствующей любовью, „духовенствомъ“ и „мірянами“, тѣсно сплоченныхъ между собою цементомъ любви и уваженія другъ къ другу при свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумѣніемъ, *въ чемъ и состоитъ церковная правда Православія*.

Тогда только Русская Православная Церковь станетъ тѣмъ, чѣмъ быть должна—свѣтомъ міра и солью земли!

VI БЕСѢДА.

Нравственныя обязанности духовенства и мірянъ въ дѣлѣ духовнаго возрожденія Россіи.

„Перестаньте дѣлать зло и научитесь дѣлать добро“ (Исаія I, 16—17).

Рутинно относящіеся къ вѣрѣ и жизни Православные русские люди такъ привыкли не признавать за собою никакой активной роли, ни въ жизни Церкви, ни даже въ дѣлѣ собственнаго спасенія, и таковыхъ такъ много, что надо настойчиво разъяснять ту очевидную истину, что нравственный долгъ Собора покаяться за всю Россію и всѣхъ на лонѣ Русской Православной Церкви, всѣхъ призвать къ покаянію, а нравственный долгъ всякаго православнаго русскаго человѣка, отъ всего сердца откликнуться на этотъ призывъ, самостоятельно покаяться и въ собственной жизни сотворить плоды, достойные покаянія.

Какъ многіе способны не понимать эту азбучную истину, возложить всю отвѣтственность и всѣ надежды на Соборъ, успокоиться на томъ, что онъ состоялся, сдѣлалъ такіа-то постановленія, обратился къ странѣ съ такими-то призывами, или поступить еще хуже, *недоброжелательно критиковать* всѣ его постановленія и возложить всю отвѣтственность за продолжающееся зло жизни на то, будто Соборъ не то и не такъ постановилъ, какъ это слѣдовало бы, *сами ничего не дѣлая на пользу Церкви и для исправленія собственной жизни*.

Какая въ этомъ знакомая картина и какой глубокій ужасъ и позоръ въ томъ духовномъ фонѣ, на которомъ эти картины вырисовываются. *Сколько злобы и глубокой подлости, какаа яркая печать сатаны на этомъ отношеніи къ жизни и людямъ. Недоброжелательное критиканство; подлое „подсигиваніе“, злорадство по поводу*

всякой неудачи всякаго разумнаго и благого начинанія, и самодовольное ничего недѣланіе или безплодная суета глупаго толченія воды въ ступѣ! Такъ относятся слишкомъ многіе православные русскіе люди ко всякому выдающемуся собрату, осмѣивая и оплевывая всякое начинаніе, въ то же время съ озлобленіемъ жалуясь на то, что „среда заѣдает“ и „людей нѣтъ!“ Такъ дѣйствуютъ слишкомъ многіе подвластные по отношенію ко всѣмъ, стоящимъ у власти, въ томъ числѣ и маленькіе чиномъ бюрократы по отношенію ко всѣмъ высшимъ по чину, а тѣ въ свою очередь по отношенію къ высшей ихъ власти, принимая отъ нея великія и богатія милости, содержаніе, чины и ордена. Такъ дѣйствуютъ слишкомъ многіе „міряне“ по отношенію къ духовенству и, какъ ни скорбно и ни стыдно въ томъ признаться, слишкомъ многіе представители „духовенства“ по отношенію къ своей же паствѣ!

Все это естественныя и неизбежныя послѣдствія молчаливаго, болѣе или менѣе сознательнаго отверженія верховнаго закона правды Божіей. Перестали понимать жизненное значеніе любви; получая крещеніе водное, остаются съ умами и сердцахъ не крещеными, не упорядоченными любовію, полагаютъ свободу свою въ полномъ отсутствіи единомыслія и единокровія съ кѣмъ бы то ни было, распылены злобою и только и умѣютъ недоброжелательно критиковать другъ друга, подсиживать другъ друга, злорадствовать по поводу неуспѣха самими же ими подготовленнаго, а если и объединяются, то не на дѣло мирнаго созиданія, а на дѣло борьбы съ общимъ врагомъ, чтобы сообща нанести ему возможно большій вредъ.

Въ результатѣ—несомнѣнная печать сатаны на умахъ, сердцахъ и жизни. *Умы на зло и глупы на добро. Отважны на зло и робки на добро*, даже и лучшіе, что и привело ходящихъ видѣніемъ призраковъ земнаго бытія отъ философа Нитцше до Максима Горькаго и террористовъ всѣхъ странъ и народовъ къ постыдной вѣрѣ въ царство, силу и славу зла, считая одно зло силою, а добро — за слабость ума и робость сердечную. Это и есть та позорная печать сатаны, которая наложила на столь многіе умы и сердца, на столь многія явленія современной жизни характеръ изумительной глупости, доходящей до бѣсноватости злобы и чудовищной подлости.

Надо, чтобы русскіе православные люди поняли наконецъ, что покаяніе не сводится на желаніе получить отпущеніе грѣховъ, а состоитъ въ твердой рѣшимости на будущее время не мириться болѣе съ грѣхомъ, въ горячемъ желаніи получить благодать исцѣляющую и дающую силу на добро. *Безрезультатность таинства*

покаянія и зависитъ оттого, что приступаютъ къ этому таинству недостойно и таинство, какъ и всякая святыня опалаетъ грѣхолюбивую душу, становится ей въ судъ и во осужденіе.

Для очень многіхъ русскихъ православныхъ людей существуетъ опасность такъ же глупо и нечестно отнестись и къ постановленіямъ Собора и къ его призыву покаяться. Тогда самый Соборъ станетъ не на „возстаніе“, а на „паденіе“ Россіи; не во благо ей, а въ судъ и во осужденіе. Да не будетъ!

Намѣтимъ кратко, что является нравственнымъ долгомъ сдѣлать представителямъ „духовенства“ и представителямъ „мірянъ“, чтобы этого не было.

Единъ Богъ; едина и правда Его. Призоветъ-ли Соборъ русскихъ православныхъ людей къ покаянію, или не призоветъ, и въ какой бы степени не призвалъ, правда Божія останется та же. И безъ призыва Собора, каждый изъ насъ, православныхъ русскихъ людей обязанъ понимать, въ Кого вѣруетъ, и любить Бога всѣмъ разумніемъ. Когда Соборъ напомнитъ намъ правду Божію и призоветъ насъ къ *правосудной любви*, мы тѣмъ болѣе не будемъ имѣть оправданія во грѣхѣ своемъ, если къ призыву этому не отнесемся съ доброю волею и не станемъ честно „исполнителями слова“.

Нравственный долгъ cadaго изъ насъ, прежде всего, отнестись сознательно къ добру и злу въ себѣ и въ окружающей жизни, чтобы стать цѣльно на сторону Бога и добра, переставъ быть пособниками зла. Это и будетъ по примѣру Божію созданіемъ стройнаго порядка въ Россіи на мѣсто современнаго хаоса. Вторая часть нашего нравственнаго долга сводится на обоженіе себя и жизни своей, обособившихся отъ зла, на стираніе съ умовъ, сердецъ и жизни своей печати сатаны, на преображеніе умовъ, сердецъ и жизни до разумной славы достоянія Божія, когда на мѣсто позорной печати сатаны, по свободному изволенію вѣры и любви нашей, силою благодати Божіей возсіяетъ наконецъ на умахъ, сердцахъ и жизни нашей благодатная печать дара Духа Святаго, все оразумляя, все оживотворяя любовію, все облагораживая святымъ отблескомъ славы Божіей.

„ДУХОВЕНСТВО“.

„Симонъ Іоинъ! любишь ли ты Меня больше, нежели они... паси агнцевъ Моихъ“ (Ев. Іоанна XXI, 15).

„Пасите Божіе стадо... не для гнусной корысти, но изъ усердія; и не господствуя надъ наслѣдіемъ Божиимъ, но подавая примѣръ стаду“ (І Петра V 2—3).

Поведеніе слишкомъ многихъ представителей „духовенства“, отъ высшихъ до низшихъ степеней іерархіи, ихъ отношеніе къ своимъ обязанностямъ и къ окружающей жизни въ страшное, позорное, смутное время, переживаемое Россіей, а съ нею вмѣстѣ и Русскою Православною Церковью, для многихъ совершенно не понятно, хуже того, для многихъ является несомнѣннымъ соблазномъ. На это нельзя, преступно закрывать глаза. Этой скорбной правдѣ духовенство должно правдиво и честно посмотрѣть прямо въ глаза, въ этомъ страшномъ грѣхѣ, въ томъ, что соблазнили и *соблазняютъ многихъ „изъ малыхъ сихъ“*, духовенство должно громко покаяться передъ Богомъ и передъ милліонами, недоумѣвающими, соблазненными ими „малыми сими“.

Конечно, есть отрадныя исключенія, но это только отрадныя исключенія и массѣ духовенства. не только это не въ извиненіе, но напротивъ, въ судъ и во осужденіе, такъ какъ она, эта масса, не послѣдовала ихъ доброму примѣру.

Громадное большинство духовенства въ это смутное время, когда паства особенно нуждалась въ духовномъ руководствѣ, оставалось совершенно бездѣтельно. Одни безпринципно *плыли по вострѣчнымъ теченіямъ жизни*, другіе робко сторонились отъ жизни, третьи были еще худшимъ соблазномъ, выказывая въ дѣятельности своей неумѣніе отличать добро отъ зла и распознавать на людяхъ и жизненныхъ явленіяхъ печать сатаны отъ печати дара Духа Святаго. И что они приводили въ оправданіе своей бездѣтельности и своего шатанія! Одни говорили, что имъ не предписано дѣйствовать и не даны достаточно опредѣленныя инструкція, что и какъ дѣлать. Другіе извиняли свое шатаніе тѣмъ, что добро и зло такъ перемѣшалось, что они перестали понимать, гдѣ добро и гдѣ зло, гдѣ правда и гдѣ ложь, извиняли свое равнодушіе, а иногда

и враждебность къ добру, тѣмъ, что они не увѣрены, нѣтъ ли и тутъ какой примѣси зла, не увѣрены даже и въ томъ, добро ли это. Извиняли попустительство зла, а иногда даже и явную симпатію ко злу, разными соображеніями о безвыходности своего положенія, о своей зависимости, то отъ начальства, то отъ прихожанъ, о неблагоприятныхъ обстоятельствахъ жизни, о виновности тѣхъ, противъ кого зло совершалось, даже и не подозревая, что тѣмъ самымъ громко признають, что *сошли съ пути вѣры на путь видныйя преходящихъ призраковъ земного бытія*, подають въ томъ соблазнительный примѣръ своимъ пасомымъ и самодовольны въ полномъ отсутствіи ревности о Богѣ и любви къ Нему и правдѣ Его. Цѣлые приходы становились разбойниками, грабителями, ворами и поджигателями. Школы стали вертепами бѣсноватыхъ. Печать стала систематично проповѣдывать „святую ложь“, призывать къ крамолѣ и анархіи, систематично развращать умы и сердца, смѣшивая всѣ понятія, разжигая самыя низменныя страсти, требуя уничтоженія смертной казни и восхваляя убійства, совершаемые надъ представителями законной власти, обвиняя власти въ хищеніяхъ и сочувствуя подвигамъ „экспроприаторовъ“, обзывая всѣхъ имущихъ эксплуататорами и въ то же время сочувствуя „аграрному движенію“. Все это совершалось на глазахъ духовенства и оно молчало, а нѣкоторые изъ представителей его даже примкнули къ партіямъ по тактическимъ соображеніямъ оправдывающимъ всякое зло.

Развѣ это не значило громко заявить: „мы не вѣримъ болѣе Христу, сказавшему: „Ищите прежде всего царствія Божія и правды Его и все прочее приложится вамъ“, мы не увѣрены, что ошибаются тѣ, которые, не ища царства Божія, требуютъ этихъ „приложеній“, мы извиняемъ тѣхъ, которые продають царство Божіе за эти приложенія, мы не вѣримъ болѣе, что добро—вѣчная реальность, что ему принадлежитъ царство, сила и слава во вѣки, а потому и умываемъ руки, когда паства наша съ пути добра переходитъ на путь зла, въ надеждѣ злыми путями отнять у другихъ эти приложенія, сдавъ въ архивъ утопію царства Божія и правды Его, какъ устарѣлыя понятія, не соответствующія болѣе духу времени.

Вотъ страшная картина *цѣльной измѣны пути вѣры, цѣльнаго хожденія путемъ видныйя преходящихъ призраковъ земного бытія* со стороны слишкомъ многихъ представителей духовенства, изъ которыхъ, одни дѣйствовали такъ, соображаясь съ буквою предпи-

саній и инструкцій, другіе, не только не желая быть мучениками долга, но и не желая чѣмъ либо рисковать матеріально, третьи, полагая въ томъ долгъ культурнаго человека, стоящаго на высотѣ духа времени, выше всякихъ „суевѣрій“ и всякаго „мистицизма“.

Соотвѣтственно тому и *покаяніе, и рѣшимость пострадать за правду*, показать добрый примѣръ и честно исполнить свой архипастырскій и пастырскій долгъ, по размѣру *должны соответствовать размѣрамъ преступленія* измѣны Богу и правдѣ Его, размѣрамъ малодушія, доведшаго паству до позора современной жизнедѣйствительности, размѣрамъ причиненнаго соблазна и небреженія о правдѣ Божіей, о торжествѣ правды вѣры въ жизни и о духовномъ благѣ пасомыхъ, о томъ, чтобы свѣтилось имя Божіе въ умахъ ихъ, водворялось царство Божіе въ сердцахъ и творилась воля Божія въ жизни прихода.

Духовенство должно показать примѣръ отверженія себя и нелицемѣрнаго принятія на себя креста честнаго выполненія пастырскаго долга своего, чтобы нести этотъ крестъ и прихожанъ вести во слѣдъ Христу.

Ничто не можетъ быть извиненіемъ для нихъ, если они этого сдѣлать не захотятъ. Это должно быть для нихъ самихъ потребностью любви къ Богу Живому, *безъ чего они не имѣютъ права быть пастырями*, не любя Бога и Христа Его болѣе, нежели пасомые. Ни матеріальная необеспеченность, ни недостатки семинарскаго и даже академическаго образованія, не могутъ быть для нихъ оправданіемъ. Неграмотные крестьяне, когда они любятъ Бога всѣмъ разумѣніемъ своимъ и любовію возносятся силою благодати въ достоинство людей Божіихъ, прекрасно понимаютъ правду Божію, прекрасно различаютъ добро и зло, прекрасно распознаютъ на людяхъ и жизненныхъ явленіяхъ и печать сатаны, и печать дара Духа Святаго. Таковыхъ я зналъ и въ томъ свѣдѣтель. Пастыри обязаны любить Бога и Христа Его еще болѣе, нежели они, эти люди Божіи словеснаго стада.

Прежде всего отверженіе себя они должны проявить тѣмъ, чтобы съ вѣрою и любовію *нелицемерно отъ всего сердца* покаяться въ томъ, что, въ угоду своему бѣдному любовію сердцу, затеряли верховный законъ братолюбія при свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумѣніемъ, забыли его высшее достоинство и жизненное значеніе, повѣрили тому, что затемняло его пониманіе и лишало его подобающаго ему достоинства. Чѣмъ болѣе нелицемѣрно будетъ покаяніе, тѣмъ болѣе широко и прочно станутъ открыты врата души

для притока благодати любви и разумѣнія, тѣмъ скорѣе совершится свѣтлое преображеніе ума и сердца, тѣмъ скорѣе *станетъ благодать священства во спасеніе, переставъ быть въ судѣ и во осужденіе*, тѣмъ скорѣе данное лицо станетъ добрымъ архипастыремъ или пастыремъ, готовымъ душу свою положить за овцы своя, тѣмъ скорѣе онъ станетъ способнымъ не господствовать надъ наслѣдіемъ Божию, а показывать примѣръ стаду, спасительный примѣръ живой вѣры, живой любви, мудрости „свыше сходящей“, терпѣнія, великодушія, кротости, смиренія и благоговѣнія добраго страха Божія.

Любовь къ Богу всѣмъ разумѣніемъ прежде всего потребуетъ отъ него *ясно различить добро въ себѣ и вокругъ себя, чтобы цѣлью стать на сторону Бога и добра*, стать способнымъ и другихъ, по пастырскому долгу, призывать къ тому же, помня слова апостола: „прелюбодѣи и прелюбодѣйцы! не знаете ли что дружба съ міромъ есть вражда противъ Бога? Итакъ, кто хочетъ быть другомъ міру, тотъ становится врагомъ Богу“. (Іаков. IV, 4).

Любовь къ Богу научить его понимать, что онъ не можетъ быть безпартійнымъ, а имѣетъ *нравственный долгъ быть* совершенно опредѣленно *партіи Бога, Христа Его и Церкви Его*, совершенно опредѣленно относясь и ко всѣмъ существующимъ партіямъ, отдѣльнымъ людямъ и отдѣльнымъ жизненнымъ явленіямъ, сообразно тому, насколько они духовно родственны или враждебны Богу Живому и правдѣ Его. Любовь къ паствѣ при свѣтѣ любви къ Богу, ревность о духовномъ благѣ пасомыхъ заставятъ его и всѣхъ ихъ призывать къ тому же.

Въ страшное и позорное время, нами переживаемое, живая любовь къ пасомымъ, при свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумѣніемъ, ревность о духовномъ благѣ ихъ, при свѣтѣ страха Божія, *заставятъ добраго архипастыря безъ устали поучать, умолять, обличать, требуя того же отъ всѣхъ подчиненныхъ ему пастырей* и лично объѣзжая всю епархію, пока не убѣдится, что честно исполнилъ свой долгъ передъ Богомъ и Богомъ ввѣренной ему паствою, все сдѣлавъ отъ себя зависящее, *чтобы сдѣлать паству достояніемъ Божиимъ*, оградить ее отъ зла, научить дѣлать добро и всѣхъ пасомыхъ призвать цѣлью стать на сторону Бога и правды Его, въ ряды партіи Бога и Христа Его, разумно относясь ко всѣмъ жизненнымъ явленіямъ и ко всѣмъ существующимъ партіямъ, сообразно съ тѣмъ насколько они родственны или враждебны правдѣ Божіей и духу верховнаго закона правды Его.

Такъ будетъ дѣйствовать и каждый добрый пастырь у себя въ приходѣ, гдѣ отсутствіе ревности о духовномъ благѣ пасомыхъ, на его глазахъ безчинствующихъ, подъ чудовищнымъ предлогомъ, что „теперь ничего не подѣлаешь“ и „никто меня не послушаетъ“, является особенно чудовищнымъ проявленіемъ измѣны Богу и правдѣ Его, хожденія не вѣрою, а видѣніемъ и *полнаго отсутствія сознанія силы благодати* и того, что живъ Господь Богъ, творя чуда!

Любовь къ Богу всѣмъ разумѣніемъ научить понимать жизненное значеніе для духовнаго блага паствы обособленія отъ зла и всею силою любви къ Богу и пасомымъ ревновать о томъ, чтобы это обособленіе дѣйствительно осуществлялось и въ приходѣ, и въ школѣ. Это приведетъ къ организаціи добра, какъ въ жизни дѣтей въ школѣ, такъ и въ жизни взрослыхъ прихожанъ. Уроки Закона Божія въ школѣ и поученія въ храмѣ перестанутъ быть риторическими упражненіями по грамматикѣ вѣры и отрывочнымъ сентенціямъ, выхваченнымъ изъ кодекса христіанской этики, оставаясь совершенно неприложимыми къ жизни и отношеніямъ людей, не возлюбившихъ добро до насущной потребности обособленія отъ зла и отъ тѣхъ, которые добра осуществлять не желаютъ. *Создадутся младшій братскій союзъ въ школѣ и старшій братскій союзъ въ приходѣ*, братскіе союзы ревнителей правды Божіей и честной жизни по вѣрѣ, союзы, которые одновременно будутъ и духовною санаторіей для сочленовъ ихъ, и огражденіемъ ихъ отъ вредной закваски, и добрымъ примѣромъ, настоящею проповѣдью дѣломъ для всѣхъ окружающихъ, и твердою опорою для пастыря во всѣхъ его добрыхъ начинаніяхъ, и залогомъ оздоровленія души народной, и залогомъ оздоровленія жизни всего прихода, сплоченія его цементомъ любви, духовнаго преображенія его изъ фикціи, изъ буквы административнаго термина *въ живую здоровую клетку организмовъ Церкви и Государства*, въ святыню малой Церкви Божіей, возлюбившихъ другъ друга до способности единомысленно и единодушно исповѣдывать, жить, какъ одинъ умъ и одно сердце, быть духовною твердынею прочно возлюбившихъ другъ друга при свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумѣніемъ и тѣмъ ставшихъ свѣтомъ міра и солью земли.

Велика будетъ отвѣтственность передъ Богомъ, передъ Русскою Православною Церковью, передъ Россіей, передъ пасомыми и своей собственною совѣстью тѣхъ архипастырей и пастырей, которые не станутъ на этотъ благословенный путь честнаго выполненія своего

нравственнаго долга, не рѣшатся все претерпѣть, что претерпѣть окажется необходимымъ на пути несенія этого креста во слѣдъ Христу, и не пребудутъ вѣрными до конца! *Лучше бы имъ не родиться, чѣмъ быть опаленными святынею сана своего и послужить соблазномъ для „малыхъ сихъ“, Богомъ вѣренной имъ паствы!*

„МІРЯНЕ“.

„Думаете ли вы, что эти Галилеяне были грѣшнѣе всѣхъ Галилеянъ, что такъ пострадали? Нѣтъ, говорю вамъ; но если не покается, всѣ также погибнутъ! (Еванг. отъ Луки XIII 2—3).“

„Міряне“ тоже должны проникнуться церковнымъ самосознаніемъ, вполне ясно понимать, въ Кого вѣруютъ, понимать жизненную правду верховнаго закона Спасителя міра, практическіе выводы изъ этого закона, свои права и обязанности по отношенію къ Церкви, къ которой принадлежатъ.

Слишкомъ долго многіе воображали себя православными, совершенно не понимая всего этого. Не признавая за собою никакихъ правъ, совершенно естественно не признавали за собою и никакихъ обязанностей, *всю отвѣтственность за нестроеніе жизни церковной возлагали на „духовенство“, сами ничего не дѣлая для честной жизни по вѣрѣ.*

Считать за церковь одно духовенство и чиновниковъ Духовнаго Вѣдомства есть такое преступное недомысліе, такое отрицаніе самого животворящаго духа православія, что зло, причиняемое этою „ересью“, не можетъ быть исправлено никакими „благочестивыми упражненіями“, не можетъ быть исправлено и строгимъ соблюденіемъ каноновъ, постовъ, праздниковъ и вообще буквы церковной обрядности, если бы даже такихъ ревнителей не по разуму и было гораздо больше, чѣмъ есть, если бы даже такими ревнителями не по разуму явились миллионы „православнаго“ русскаго народа.

Въ то время, какъ католичество отрицаетъ права мірянъ, а лютеранство — права священноіерархіи, православіе признаетъ права и тѣхъ и другихъ, въ принципѣ никогда не отказывалось отъ начала соборности, хотя въ практикѣ жизни помѣстныя Церкви и, можетъ быть, всего болѣе Церковь Русская, далеко не были

ему вѣрны. Соборное начало Церкви покоится не на томъ, какъ понимали слово „соборная“ въ символѣ вѣры отцы Соборовъ, а на высшемъ авторитетѣ Церкви, на авторитетѣ вѣчнаго Главы Церкви и верховнаго закона Его Откровенія. Братолюбію, при свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумніемъ, въ жизни Церкви только и соответствуетъ начало соборности. Какъ животворящій духъ всего Откровенія въ верховной заповѣди о любви, такъ и *животворящій духъ жизни Церкви Христовой — въ честной соборности. Надо не любить, чтобы этого не понимать.* Съ другой стороны, православно-церковная правда соборности не можетъ быть осуществлена, пока остаются не вѣрны верховному закону Церкви, не упорядочены умы, сердца и жизнь любовію, не дисциплинированы любовію, и главный долгъ вѣрности и повиновенія Церкви полагаютъ только въ точномъ соблюденіи буквы постовъ, праздниковъ и вообще внѣшней обрядности, а не въ разумномъ братолюбіи, при свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумніемъ.

Послѣдствія этой, столь распространенной ереси, которую никто за ересь не считаетъ, поистинѣ ужасны. Она омертвила жизнь Церковную, распылила Церковь, черезъ индифферентизмъ привела къ озлобленію противъ вѣры и Церкви, подготовила ужасъ и позоръ нами переживаемаго.

Пока мы не дисциплинированы любовію, никакая степень соборности невозможна. Въ отсутствіи цемента любви невозможно мирное единеніе, а естественна и даже неизбежна хроническая борьба, ничего общаго съ принципомъ соборности не имѣющая.

Забывъ, затерявъ въ угоду бѣдному любовію сердцу верховный законъ Церкви Христовой, настолько измѣнили и началу соборности въ жизни, что множество „благочестивыхъ“ людей твердо увѣренныхъ въ неукоснительности своего „православія“, живутъ и умираютъ въ убѣжденіи, что они, міряне, совсѣмъ не церковь, а церковь только представители священной іерархіи, да развѣ еще Духовное Вѣдомство.

Пассивное отношеніе къ Церкви, убѣжденіе въ томъ, что никакихъ правъ въ жизни Церкви міряне не имѣютъ, а слѣдовательно и никакого активнаго участія въ жизни Церкви принимать не могутъ, естественно привело къ тому, что только немногіе находили нравственное удовлетвореніе въ „слѣпой“ покорности, въ положеніи овецъ стада „безсловеснаго“. Громадное большинство относилось къ Церкви совершенно индифферентно, кое-какъ отбывало „церковныя повинности“, на этомъ совершенно успокаивая свою

религіозную совѣсть, а если точно выполняло букву этихъ повинностей, то и была убѣждена, что „воздала Божіе Богови“.

По мѣрѣ умственнаго развитія этого большинства, оно естественно чувствовало себя все менѣе и менѣе духовно, религіозно удовлетвореннымъ. Если бы умы и сердца были упорядочены любовію, эта неудовлетворенность привела бы къ сознательной вѣрѣ, къ святой ревности о правдѣ Божіей и къ честной жизни по вѣрѣ безъ всякаго отношенія къ тому, требуетъ ли того духовенство отъ мірянъ или нѣтъ, даже дозволяетъ ли то духовенство или нѣтъ. Это стало бы насущною потребностью любви и эти люди съ умами и сердцами, упорядоченными любовію, никому бы не повѣрили, будто они не обязаны любить Бога всѣмъ разумніемъ и не имѣютъ права жить по требованіямъ братолюбія при свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумніемъ. Они осуществили бы православно-церковное начало соборности, обособившись отъ тѣхъ, которые этого не желаютъ, тѣсно сплотившись въ братское единство съ тѣми, отъ которыхъ этого требуетъ любовь, даже и не справляясь о томъ, предписано ли имъ это и въ какомъ смыслѣ употреблено слово „соборная“ въ символѣ вѣры. Для нихъ это была бы простая логика любви, естественный плодъ любви въ жизни.

Умы и сердца не упорядочены любовію „Благочестивые“ православные люди *убѣждены, что вѣрность и повиновеніе Церкви требуютъ отъ нихъ не любви, не братства, не соборности, а строгого выполнения постовъ, праздниковъ и иной буквы внѣшней обрядности.* Большинство, не любя, поступило не по логикѣ любви, а по логикѣ злобы. Умственное развитіе приводило это большинство не къ любви къ Богу — *всѣмъ разумніемъ и не къ братству въ жизни, а къ злобному критиканству, къ сознанию непримиримаго разлада между вѣрою и рутинною жизнью, къ возложенію всей отвѣтственности за то на духовенство и по рутинному смѣшенію понятій о духовенствѣ и Церкви, на Церковь, на вѣру, на Бога Живого.* Недоброжелательный индифферентизмъ естественно привелъ въ концѣ концовъ къ атеизму.

Пора вѣрующимъ мірянамъ открыть глаза на весь ужасъ этого положенія во всемъ его объемѣ. Пора возревновать о Богѣ и правдѣ Его. Пора понять, что отвѣтственность, великая, страшная отвѣтственность духовенства за нестроеніе жизни церковной, не уничтожаетъ собою великой нравственной отвѣтственности передъ Богомъ Живымъ, Церковью Христовой и нашею совѣстью, cadaго изъ насъ, рядовыхъ мірянъ. *Если духовенство не призываетъ насъ*

возлюбить Бога все́мъ разумнѣмъ и честно жить по вѣрѣ на началахъ соборности и братства, для насъ не причина не любить Бога и не жить по логикѣ любви. Не будемъ же извинять себя чужою виною. Повѣримъ Спасителю міра, давшему верховный заветъ братолюбія при свѣтѣ любви къ Богу все́мъ разумнѣмъ и покаемся въ великомъ преступленіи отверженія этого верховнаго закона и поруганія правды Божіей въ жизни нашей, наставя это въ зависимость отъ того, призоветъ ли насъ къ этому Соборъ и станутъ ли намъ мудрыми руководителями на этомъ пути современные представители священной іерархіи Русской Православной Церкви. Станутъ—мы возлюбимъ ихъ нѣжною сыновнею любовію и возрадуемся о томъ. Не станутъ—мы вспомнимъ слова Вѣчнаго Главы Церкви: „Одинъ у васъ учитель—Христосъ, всѣ же вы братья“.— „Кто любитъ отца или мать болѣе, нежели Меня, тотъ не достоинъ Меня“. Мы останемся вѣрны любви и въ отношеніяхъ нашихъ къ Церкви помѣстной и къ этимъ не ставшимъ руководителями нашими архипастырямъ и пастырямъ, но не усомнимся въ неотъемлемомъ правѣ нашемъ любить Бога Живою и правду Его еще болѣе, нежели ихъ, и въ обязанности нашей повиноваться Христу и верховному закону Церкви Его—еще болѣе, нежели имъ.

Пора и намъ,—мірянамъ, съ пути видѣнія призраковъ земного бытія, *цѣльно стать на путь вѣры и разумной жизни по вѣрѣ*, сознать великую отвѣтственность умственного развитія нашего въ области церковнаго самосознанія и разумнаго пониманія нашихъ церковныхъ правъ и обязанностей.

Переходя на этотъ благословенный путь сознательной вѣры и разумной жизни по вѣрѣ, мы *обязаны разумно идти по этому пути, умудренные вѣковымъ скорбнымъ опытомъ „христіанъ“, бросавшихся изъ одной нелѣпой крайности въ другую*, ревнуя не по разуму, забывая заветъ быть мудрыми, какъ змѣи, при кротости голубиной, забывая, что нельзя служить на дѣло Верховнаго Разума міра неразумно, не требуя отъ себя быть умнѣе на добро, чѣмъ сыны тьмы умны на зло, только и достигали безплодной суеты суетъ, разнообразно оклеветавшей христіанство, низведшей его до уровня наивной утопіи, противорѣчащей самымъ законнымъ требованіямъ здраваго смысла, никогда не осуществляя разумной и благой правды вѣры въ жизни самихъ христіанъ, для которыхъ вѣра попрежнему не становилась свѣтомъ разума.

Такими нелѣпыми крайностями были *съ одной стороны дурно понятый аскетизмъ*, кумиропоклонство буквѣ „благочестивыхъ

упражнений“ и „богоугодныхъ самоистязаній“ совершенно въ духѣ ветхозавѣтнаго „фарисейства“, при соучастіи богословской схоластики совершенно въ духѣ ветхозавѣтнаго „книжничества“, *съ другой—дурно понятое милосердіе*, столь же нелѣпое, когда оно становится шаблоннымъ, прилагаемымъ одинаково къ людямъ самаго разнообразнаго настроенія, безъ всякаго отношенія къ тому, кому что полезно, какъ и шаблонный аскетизмъ. Если первая нелѣпая крайность оглушила вѣру до того, что всякая школа, умственно развивая, способствуетъ только пропагандѣ невѣрія, вторая дѣлаетъ до того нелѣпою жизнь по вѣрѣ, что походить на грубую карикатуру христіанства и можетъ только оклеветать его, доказавъ его полную неосуществимость въ жизни.

Эти искаженія христіанской правды до того стали рутинною, до того вѣлись въ умы и сердца, неупорядоченные любовію, для которыхъ именно потому *буква шаблоннаго аскетизма и буква шаблоннаго милосердія болѣе доступны, чѣмъ разумное братолюбіе при свѣтѣ любви къ Богу все́мъ разумнѣмъ*, что намъ надо сознательно наложить на себя новый видъ поста, воздержаніе отъ того, что для столь многихъ является соблазномъ ревности не по разуму.

Постъ, въ смыслѣ перемѣны пищи сталъ соблазномъ для миллионовъ русскаго народа, вполне увѣреннаго, что вѣренъ Богу и послушенъ Церкви, когда по буквѣ исполняетъ совершенно второстепенный благочестивый обычай воздержанія отъ скоромной пищи въ назначенные дни, не выполняя въ жизни верховнаго закона Церкви о любви, о братолюбіи при свѣтѣ любви къ Богу все́мъ разумнѣмъ, съ его необходимыми послѣдствіями соборности и братства.

„Если пища соблазняетъ брата моего, не буду ѣсть мяса во вѣкъ, чтобы не соблазнить брата моего“. (I Коринѣ. VIII, 13). По духу это значить также: „не буду поститься во вѣкъ, если постъ соблазняетъ брата моего“. Не будемъ и въ этомъ буквойдами. Будемъ поститься изъ повиновенія Церкви помѣстной, но не будемъ при этомъ забывать неотъемлемаго права христіанской свободы нашей, не будемъ точнымъ и строгимъ соблюденіемъ этой буквы соблазнять тѣхъ, которые творять себѣ изъ нея кумира, не будемъ давать основанія даже только заподозрить насъ, будто мы отъ строгаго соблюденія этой буквы ожидаемъ спасенія, будто мы въ этомъ полагаемъ вѣрность Церкви и повиновеніе Ей, особенно, пока въ окружающемъ насъ обществѣ еще многіе не понимаютъ,

что не любя Бога всѣмъ разумѣніемъ и не осуществляя церковную правду соборности и братства въ жизни, они безконечно болѣе невѣрны Церкви и являются ослушниками Ея, чѣмъ если бы не постились во вѣкъ въ смыслѣ воздержанія отъ скоромной пищи.

Безсистемная благотворительность, всѣ тѣ второстепенныя дѣла милосердія, которыя, удовлетворяя тѣлесныя нужды ближнихъ нашихъ, не исполняютъ главнаго долга милосердія—не приводятъ къ Богу, не дѣлаютъ достояніемъ Его умы, сердца и жизнь, настолько стали тоже соблазномъ на невѣрность Богу и жестокосердіе по отношенію къ ближнимъ, что и къ нимъ примѣнимы тѣ же слова апостола, которыя по духу нельзя не читать и такъ: „если безсистемная благотворительность соблазняетъ брата моего, не буду безсистемно благотворить во вѣкъ“. А соблазнъ въ этой области такъ великъ, что христіанская правда извращена и въ дѣлѣ милосердія не менѣе, чѣмъ, въ дѣлѣ воздержанія.

Христосъ, Вѣчный Глава Церкви сказалъ, не только по буквѣ, но и по духу: „милости хочу, а не жертвы“—„не входящее въ уста сквернитъ челоуѣка, а исходящее изъ устъ, то сквернитъ челоуѣка“. А современные христіане возражаютъ: „не правда, жертва больше милости и входящее въ уста, больше исходящаго изъ устъ. Ты можешь не любить, мы тебя не признаемъ за еретика, отщепенца отъ Церкви и ослушника Ея, но ты долженъ приносить жертву поста. Воздержаніе отъ скоромной пищи большее повиновеніе Церкви, нежели воздержаніе отъ злобы, корысти, гордости и себялюбія“. *Церковная правда воздержанія извращена до прямой противоположности.*

Христосъ, Вѣчная Глава Церкви, сказалъ: „Ищите же прежде всего Царствія Божія и правды Его и все прочее приложится“, а современные христіане говорятъ: „неправда, приложенія гораздо важнѣе главнаго, истинное милосердіе по отношенію къ ближнимъ нашимъ состоитъ въ заботѣ для нихъ о приложеніяхъ, совсѣмъ не заботясь для нихъ о главномъ“. И тутъ опять *церковная правда милосердія извращена до полной противоположности.*

При такихъ обстоятельствахъ долгъ любви по отношенію къ ближнимъ нашимъ не соблазняетъ ихъ рутиннымъ пониманіемъ воздержанія и благотворительности, всѣмъ тѣмъ, что можетъ только дать основаніе заподозрить насъ въ соучастіи въ этомъ извращеніи христіанской правды, даже только въ попустительствѣ этого зла.

Будемъ, когда любовь и совѣсть потребуютъ отъ насъ этого, и безсистемно благотворить, давая ближнимъ нашимъ второстепенныя

приложенія, одежду, пищу и кровь, но будемъ это дѣлать такъ, чтобы правая рука наша не знала, что дѣлаетъ лѣвая, такъ, чтобы никто не могъ и предположить, что мы въ этомъ полагаемъ главное дѣло милосердія. Явно будемъ дѣлать только главное дѣло милосердія—приведеніе къ Богу, преображеніе умовъ, сердецъ и жизни въ достояніе Божіе, чтобы свѣтился свѣтъ Божій передъ людьми и они прославили Отца нашего Небеснаго, и будемъ громко отрицать право требовать отъ насъ второстепенныхъ дѣлъ милосердія, пока они являются соблазномъ на невыполненіе верховнаго долга христіанскаго милосердія.

Это будетъ разумнымъ воздержаніемъ отъ того, что для многихъ стало соблазномъ. Это будетъ богоугодный постъ, соотвѣтствующій насущнымъ потребностямъ жизнедѣятельности и благу ближнихъ нашихъ.

Перехожу къ краткому перечню того, что могутъ, а слѣдовательно и должны дѣлать для блага во спасеніе Церкви Помѣстной и Россіи разные классы „мірянъ“, въ чемъ каждый изъ нихъ, соотвѣтственно специфическимъ особенностямъ своего соціальнаго положенія, долженъ отдать себя въ руку Божію, стать достояніемъ Его, чтобы Господь Всесильный могъ, безъ насилія надъ ними, явить благодатную силу Свою и спасти черезъ нихъ и Церковь Помѣстную и Русскую Державу.

Стоящіе у власти должны понять, что та доля власти, какая имъ дана—святой талантъ, врученный имъ отъ Бога: „иѣсть власть, аще не отъ Бога“. Особенно въ Державѣ Русской, гдѣ они являются делегатами Божіею милостію Самодержца, признающаго себя верховнымъ ревнителемъ о правдѣ Божіей. Они должны быть богоносцами и въ тѣмъ большей степени, чѣмъ больше та доля власти которою они пользуются. Они обязаны и въ дѣлахъ государственныхъ и въ дѣлахъ международныхъ ходить втрою, а не видѣніемъ, и считать высшимъ долгомъ чести быть вѣрными конституціи правды Божіей. Они обязаны и въ государственномъ дѣлѣ сознательно дорожить правдою соборности и братства, быть не средостѣсеніемъ между царемъ и народомъ, а цементомъ земской соборности въ духѣ нелицемѣрнаго братолюбія, при свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумѣніемъ, честно служа дѣлу единенія Царя съ народомъ въ одинъ умъ и одно сердце.

Только при этомъ они будутъ элементами созидающими, а не разрушающими, будутъ друзьями, а не врагами и Царя и народа, будутъ спасать, а не губить и Россію, и Русскую Православную

Церковь, изъ ненавидимыхъ „бюрократовъ“ *станутъ честью и славою страны своей.*

Всѣ эти требованія по отношенію къ большинству, власть имѣющимъ, звучатъ такъ странно, что одно слово „богоносецъ“ въ приложеніи къ нимъ неизмѣнно вызываетъ улыбку. Ходящіе видѣніемъ конечно скажутъ, что эти требованія — утопія, не соотвѣтствуютъ ни духу времени, ни обстоятельствамъ жизнедѣйствительности. *Ходящіе видѣніемъ только и могутъ погубить Россію и Русскую Православную Церковь, пока не сойдутъ съ пути видѣнія на путь вѣры.* Ходящіе вѣрою должны именно въ этомъ несоотвѣтствіи между тѣмъ, что есть и что быть должно, почерпнуть спасительное пониманіе ужаса положенія, всей глубины измѣны Богу, въ этомъ сознаніи почерпая рѣшимость покаяться и цѣльно отдать себя въ руку Божию. Только они и могутъ спасти Россію и Русскую Православную Церковь или вѣрище стать орудіемъ Божиимъ въ дѣлѣ спасенія Россіи и Русской Православной Церкви. Для этого имъ надо цѣльно стать на путь вѣры и увѣровать, что *самая мудрая политика и самая разумная тактика въ вѣрности Богу и правдѣ Его.*

Это совѣтъ не требуетъ отъ нихъ не понимать, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло, вообразить себѣ, что вся страна стала христіанскою потому, что они стали на путь вѣры. Это налагаетъ на нихъ обязанность дѣлать все, отъ нихъ зависящее, чтобы вся страна, чтобы всѣ *милліоны русскаго народа стали на путь вѣры*, чтобы весь строй жизни государственной содѣйствовалъ тому, чтобы умы, сердца и жизни становились достояніемъ Божиимъ, *чтобы сыны свѣта обособлялись отъ сыновъ тьмы и осуществляли въ жизни социальную правду братства между собою.* Они обязаны понимать, кто сыны свѣта и кто сыны тьмы, какъ содѣйствовать сынамъ свѣта въ мирномъ созиданіи добра, въ осуществленіи ихъ права широкой свободы добра, въ ихъ мирномъ стремленіи осуществлять мирное благоденствіе страны. Они обязаны въ то же время понимать и то, какими мѣрами обуздывать злую волю сыновъ тьмы, какими мѣрами ограждать свободу сыновъ свѣта отъ грубыхъ насилій сыновъ тьмы, какими мѣрами ограждать мирное благоденствіе страны отъ анархіи своеволія враговъ общественнаго порядка, если не найдятъ возможнымъ обезопасить отъ нихъ страну изгнаніемъ ихъ изъ ея предѣловъ, по примѣру Бога Живого, изгоняющаго грѣшниковъ нераскаянныхъ изъ дома Царства Своего.

Все это простая логика вѣры, одинаково примѣнительная и

обязательная для всѣхъ представителей власти отъ Царя до сельскаго старосты; отъ патріарха до сельскаго священника, отъ министра до самаго мелкаго чиновника въ каждомъ вѣдомствѣ.

Только вѣрою усвоивъ всю эту правду, отрѣшатся наконецъ отъ нелѣпаго предразсудка, будто нельзя быть честнымъ христіаниномъ, честно исполняя долгъ службы христіанскому государству, болѣе того, что и христіанскаго государства быть не можетъ, будто Церковь и государство по самой сути своей не могутъ не быть враждебны другъ къ другу, не понимая, что христіанское государство—то, которое нелицемѣрно стремится къ торжеству христіанской правды въ жизни, а не то, которое нелѣпо смѣшало бы всѣ понятія и вмѣсто правды допустило ложь полного безразличія въ отношеніяхъ къ добру и злу, по отношенію къ сынамъ свѣта и къ сынамъ тьмы, нелѣпо полагая долгомъ христіанскаго милосердія извинять зло, допустить полную невозможность свободы добра, считая долгомъ „милосердія“ не стѣснять свободу зла и не защищать сыновъ свѣта, полагая долгомъ „милосердія“ не карать сыновъ тьмы и даже не изгонять ихъ изъ предѣловъ христіанскаго государства и тѣмъ допускать злую закваску, благодаря которой дѣйствительно государство очень скоро потеряетъ всякіе признаки христіанства.

Талантъ богатства тоже налагаетъ исполнѣ опредѣленные обязанности на ходящихъ вѣрою. Только ходящіе видѣніемъ, видя, какъ дурно употребляютъ этотъ талантъ современники, какъ глупо большинство изъ нихъ зарываетъ его въ землю, какъ позорно многіе изъ нихъ зарываютъ его въ грязь земную, могутъ, *смысливая самый талантъ съ дурнымъ употребленіемъ, которое изъ него дѣлаютъ, признать самое богатство, самые деньги за зло и сдѣлать изъ этого изумительный выводъ, что это „зло“ надо возможно скорѣе и возможно безтолковѣе раздать тѣмъ, которые имъ дорожатъ, не понимая, что это зло.* Для ходящихъ вѣрою несомненно, что и богатство—святѣйшій талантъ, который они должны употребить съ наибольшею пользою, наиболее разумно выполняя верховный долгъ христіанскаго милосердія преображенія умовъ, сердецъ и жизни въ достояніе Божіе, воспитывая возможно большее число душъ живыхъ въ сознательной вѣрѣ и любви къ Богу всѣмъ разумніемъ, давая возможность людямъ доброй воли обособляться отъ зла и злыхъ, объединяться между собою на дѣло несенія креста честной соборности и честнаго братства во слѣдъ Христу.

И тутъ ходящіе видѣніемъ признаютъ это за преувеличенную

требовательность и утопію совершенно расходящуюся съ духомъ времени и обстоятельствами жизнендѣйствительности, а ходящій вѣрою пойметъ, насколько и въ этой области то, что есть, далеко отъ того, что быть должно, пойметъ весь ужасъ положенія и въ этомъ сознаніи найдетъ рѣшимость покаяться и отдать себя въ руку Божию.

Только ходящіе вѣрою изъ проклинаемыхъ „эксплуататоровъ“, безразлично, самодовольныхъ или стыдливо подкупающихъ общественное мнѣніе и обманывающихъ свою совѣсть безсистемною благотворительностью, станутъ—честными рабами Бога Живого, имѣющими право войти въ радость Господа своего, принося Ему благоговѣнно пять талантовъ на Его дѣла мира, любви, миротворчества, соборности и братства, ввѣренный имъ талантъ богатства. Только они самую букву богатства своего облагородятъ, сдѣлаютъ орудіемъ спасенія Россіи и Русской Православной Церкви, или вѣрнѣе, отдадутъ со страхомъ Божиимъ, вѣрою и любовью въ руку Божию на дѣло спасенія Имъ Россіи и Церкви помѣстной.

Талантъ разума, талантъ образованія, самъ по себѣ, не болѣе и не менѣе святой талантъ, нежели и талантъ власти и талантъ богатства, хотя этого совершенно не понимаютъ наши современники, творящіе себѣ изъ разума и образованія кумиры, всячески забрасывая грязью и власть и богатство. На нихъ точно осуществляется правда словъ апостола: „Для чистыхъ все чисто, а для оскверненныхъ и нечестивыхъ нѣтъ ничего чистаго, но осквернены и умъ ихъ, и совѣсть. Они говорятъ, что знаютъ Бога, а дѣлами отрекаются, будучи гнусны и непокорны, и не способны ни къ какому добродѣлю“. (Посл. къ Титу I 15—16). *Ходящіе видѣніемъ не чисты, осквернены пылью земли, тѣми видѣніями призраковъ земного бытія, которыхъ они стали рабами, переставъ ходить вѣрою и быть по свободному изволенію любви рабами Бога Живого. И вотъ они все дѣлаютъ нечистымъ, оскверняютъ своимъ нечистымъ прикосновеніемъ, не только власть и богатство, но и обоготворяемые ими разумъ и образованіе.* Что сдѣлали они изъ науки?—позорное орудіе отрицанія Бога и правды Его, позорное орудіе развращенія умовъ и сердець, позорное орудіе социальной и политической борьбы на мѣсто того, чтобы ей быть благословеннымъ орудіемъ единомыслія, единоклубія и мирнаго созиданія мирнаго благоденствія народовъ.

Что сдѣлали они изъ разума своего?

Позорный кумиръ, самозванца и позорнаго вора, присваивающаго

себѣ славу и честь Творца міра, отрицающаго первопричину бытія и мировой законъ причинности явленій, чтобы украсть у Бога славу Его!

Что сдѣлали они изъ образованія?

Они храмы науки обратили въ вертепы разбойниковъ, изъ священнослужителей, какъ многіе, отъ профессоровъ высшихъ учебныхъ заведеній до сельскихъ учителей и учительницъ, стали соблазнителями „малыхъ сихъ“, внушая имъ не разумную вѣру, а духъ сомнѣнія и отрицанія, не любовь, а злобу, не сознаніе нравственного долга, а самыя нелѣпыя представленія о какихъ то правахъ, не вызывающихъ соотвѣтственныхъ обязанностей, не упорядочивая умы и сердца. Они не призываютъ къ благотворной мирной дѣятельности въ дружномъ единеніи со всѣми согражданами, а внушаютъ ко всѣмъ недовѣріе, пробуждая самыя низкіе инстинкты корысти, мщенія и своеволія, приучая вѣрить только въ царство, силу и славу зла, только въ безпросвѣтную борьбу на пользу себѣ противъ всѣхъ и вся.

Вотъ что они сдѣлали изъ своихъ кумировъ!

Ходящіе вѣрою не сдѣлаютъ ни изъ науки, ни изъ разума, ни изъ образованія себѣ кумировъ. Они сдѣлаютъ и изъ достояніемъ Божиимъ и тѣмъ самымъ облагородятъ, возвысятъ и освятятъ изъ. Для нихъ и они — святыя таланты, врученные имъ Богомъ и обязывающіе ихъ принести другіе пять талантовъ на дѣло Божіе, все на то же дѣло мира, любви, обособленія отъ зла, единенія въ добръ единомыслія, единоклубія, миротворчества, соборности и братства въ жизни, цѣлокупнаго преображенія умовъ, сердець и жизни, въ достояніе Божіе.

Не буду говорить о другихъ талантахъ. Имѣющіе глаза, чтобы видѣть, уши, чтобы слышать и сердце, чтобы разумѣть, легко приложатъ и къ нимъ ту же, единую Божию правду.

Каждый въ своемъ социальномъ положеніи покается, смирить себя до любви къ Богу всѣмъ разумѣніемъ и отдастъ себя въ руку Божию, безъ чего никто не способенъ быть элементомъ, созидающимъ въ жизни Церкви и Государства. Сойдя съ пути видѣнія на путь вѣры, ставъ достояніемъ Божиимъ всѣ легко поймутъ, что и какъ имъ дѣлать, чтобы стать въ рукахъ Божіихъ орудіемъ спасенія Россіи и Русской Православной Церкви. Въ немощи ихъ Господь явитъ силу свою и всѣмъ станетъ очевидно, что живъ Господь Богъ, творяй чудеса!

VII БЕСѢДА.

Всероссійское Братство и союзъ людей доброй воли.

Кромѣ доброй воли нужна во всякомъ дѣлѣ и организація. Если бы на призывъ Собора не откликнулись многіе, духовное возрожденіе Россіи осталось бы платоническимъ пожеланіемъ Собора. Если эти многіе не объединяются и не организуются, ихъ разрозненные усилія далеко не принесутъ странѣ той громадной пользы, какую могли бы принести, объединившись на это святое дѣло, объединивъ для торжества его свои умственные, матеріальныя и духовныя силы.

На самомъ себѣ я испыталъ, насколько *трудно дѣйствовать одному, идя противъ теченія*, не находя достаточной нравственной поддержки въ окружающемъ обществѣ. На самомъ себѣ я испыталъ и то, что и *это возможно*, что даже и *одинокій представитель вѣры и доброй воли не покинутъ Богомъ силы*, получаетъ отъ Господа и благодатныя силы и благодатныя утѣшенія, благодаря которымъ онъ можетъ и одинъ идти противъ теченія, но *мы не имѣемъ права искушать Бога, требуя чудесъ благодати Его*, сами не дѣлая всего отъ насъ зависящаго для того, чтобы разумно служить Ему. Не разъ на этомъ пути жизнь становилась для меня краснорѣчивою притчею. При самомъ учрежденіи Братства, въ теченіи девяти лѣтъ, могучій по положенію и по личному вліянію своему сановникъ, не сочувствовавшій мнѣ во многомъ, тормозилъ дѣло утвержденія устава Трудового Братства. Молодые люди выходили изъ сельско-хозяйственныхъ школъ, объединялись на дѣло вѣры, любви и мира, а я терялъ всякую надежду на возможность легализовать ихъ положеніе, органически связать это дѣло съ Церковью помѣстной и тѣмъ обезпечить за нимъ характеръ цер-

ковный, характеръ обще-церковной и обще-государственной полезности, вливая эту живую, оздоравливающую струю въ живые организмы Церкви и государства, что для меня было насущною потребностью любви. Мои сочиненія браковались духовною цензурою, а когда разрѣшались къ печатанію, то въ такомъ искаженномъ видѣ, съ такимъ сотрудиничествомъ цензоровъ, что я считалъ бы плагиатомъ подписать подъ ними мое имя и вынужденъ былъ печатать ихъ въ Лейпцигѣ и Берлинѣ, что для меня, вѣрнаго сердцемъ Русской Православной Церкви и Россіи, было большою скорбію. И вотъ, когда, по логикѣ земныхъ видѣній, у меня не оставалось никакой надежды на успѣхъ, все устроилось помимо меня; уставъ былъ утвержденъ и утвержденъ противъ желанія самаго могучаго сановника того вѣдомства, которое уставъ утверждало, и ввозъ, а потомъ и печатаніе въ Россіи почти всѣхъ моихъ сочиненій были разрѣшены. Непріязненные отношенія могучаго сановника отъ этого не уменьшились, а увеличились. Депутаціи Братства на официальномъ приѣмѣ было заявлено, что Братство наше „только до времени терпимо“. Прошли года, „до времени терпимымъ“ оказался тотъ, отъ кого исходила эта угроза. Мнѣ лично насмѣшливо говорили: „Чего же вы беспокоитесь? Если дѣло ваше—дѣло Божіе, какъ вы это думаете, намъ не удастся разрушить его“. Прошли года. Дѣло Братства постепенно росло, крѣпло и духовно зрѣло, а многія твердыни, въ устойчивости которыхъ не было сомнѣнія, сотрясались на основаніяхъ своихъ и, казалось, готовы были рушиться. И во многомъ жизнь была для насъ притчею и назиданіемъ.

Что испыталъ я, сойдя съ пути видѣнія на путь вѣры, испытываютъ и всѣ, которые сдѣлаютъ то же. И они испытаютъ, съ одной стороны, великія трудности этого „узкаго пути“, трудности, по логикѣ видѣній призраковъ земного бытія непреодолимыя, съ другой и неизбежныя по логикѣ вѣры чудеса милосердія Божія. Твердо вѣря въ возможность всякихъ чудесъ для Господа, никогда я не дерзалъ рассчитывать на эти чудеса, тѣмъ болѣе требовать чудесъ отъ Господа и счелъ бы даже одно ожиданіе чудесъ за преступную безумную гордость и грубое кощунство дерзостнаго искушенія, вполне сознавая, до какой степени самъ я не достоинъ чуда Божія. Вѣрующій, зная, что сила Божія въ немощи совершается, только и можетъ, когда Духъ побуждаетъ его къ тому, сказать: „вотъ я, Господи, прими меня въ святую руку Твою; вотъ я языкъ Твой,

перо Твое и рука Твоя, если на то святая воля Твоя; во всемъ да будетъ святая воля Твоя во мнѣ, со мною и черезъ меня“.

Если я, при исключительно благоприятномъ социальномъ и материальномъ положеніи своемъ, былъ не разъ, по логикѣ человеческой, въ безвыходномъ положеніи на этомъ пути и выводили меня изъ него чудеса милосердія Божія, тѣмъ болѣе трудно будетъ положеніе людей, менѣе меня обеспеченныхъ и независимыхъ, тѣмъ чаще потребуется для нихъ благодатная помощь Божія, тѣмъ болѣе будетъ съ ихъ стороны дерзостнымъ искушеніемъ Бога не сдѣлать все отъ нихъ зависящее для облегченія дѣла и успѣха его.

Напрасно было бы думать, что въ настоящее время, при болѣе свободномъ режимѣ, свобода добра обеспечена. Россія на опытѣ пережила, какъ *можетъ въ ущербъ свободѣ добра, воспользоваться свободой зла*, которое и зломъ не было бы, если бы не воспользовалось свободой для подавленія добра. Вся разница въ томъ, что инныя новыя препятствія возникнутъ на мѣсто прежнихъ. Свобода не ставить человека на путь вѣры, а ходящіе видѣніемъ всегда будутъ непримиримыми врагами ходящихъ вѣрою и свободой воспользуются обязательно для болѣе свободного проявленія своей враждебности.

Это „все отъ нихъ зависящее“ и состоятъ, послѣ доброй воли отдать себя и жизнь свою на дѣло оздоровленія души народной и духовнаго возрожденія страны путемъ преображенія умовъ, сердецъ и жизни въ достояніе Божіе, въ единеніи со всѣми желающими вступить на этотъ благословенный путь и въ стройной организаціи этого единенія и этого общаго дѣла.

Все относительно въ этомъ мірѣ. Очень рѣдко встрѣчается святая гармонія полного соответствія между „буквою“ и животворящимъ духомъ, ей соответствующимъ. „Не всякій, говорящій Мнѣ Господи, Господи! войдетъ въ царствіе небесное, но исполняющій волю Отца Моего небеснаго (Матѣ. VII, 21). „Приближаются ко Мнѣ люди сии устами своими и чтутъ Меня языкомъ; сердце же ихъ далеко отстоитъ отъ Меня. Тщетно чтутъ Меня“ (Матѣ. XV, 8). *Не все „спрующіе“ и „неспрующіе“ окажутся таковыми въ очахъ Божіихъ.* Есть и въ вѣрѣ буква и духъ животворящій. Многіе вѣрующіе въ букву бытія Божія, въ букву Христа, пришедшаго во плоти, въ букву Церкви, догмата, каноновъ и самаго Откровенія, остаются чужды животворящему духу вѣры, вѣрятъ въ царство, силу и славу зла, а не добра, соответственно тому и думаютъ и чувствуютъ и живутъ. Въ очахъ Высшаго Добра міра они невѣ-

рующіе, какъ бы ни были обширны ихъ богословскія познанія, какъ бы точно они не знали букву правовѣрнаго догмата, какъ бы точно ни соблюдали букву правовѣрнаго обряда. И на оборотъ. Нѣкоторые отрицающіе многія буквы вѣры, обманутыя рутиннымъ пониманіемъ этихъ буквъ и позорною рутинною жизнью большинства вѣрующихъ, но вѣрующихъ живою вѣрою въ царство, силу и славу добра, всѣмъ разумѣніемъ любя добро и самоотверженно работая на торжество его въ жизни, окажутся въ очахъ Божіихъ несравненно болѣе правовѣрными нежели первые и многое простится имъ за то, что они возлюбили много.

Вотъ почему въ дѣлѣ оздоровленія души народной и духовнаго возрожденія страны могутъ принять участіе не только сознательно вѣрующіе, но и тѣ, которыхъ я назову добрыми самарянами, тѣ, которые вѣрятъ въ царство, силу и славу добра, не имѣя счастья вѣрить въ реальное бытіе Всемогущаго Добра — Бога Живого, тѣ, которые изстрадались оргіей зла окружающей жизни, тоскуя по добру, бессознательно тоскуютъ по Богу, Котораго бессознательно любятъ, отъ Котораго Милосердаго, за то получаютъ и благодатную помощь и благодатныя утѣшенія. „Духъ дышетъ, гдѣ хочетъ“ (Іоанна III, 8).

Вотъ почему и *организации*, объединяющіе людей доброй воли на дѣло мирнаго созиданія добра въ жизни русскаго народа *нужны двѣ: одна религіозная въ формѣ Всероссийскаго Братства*, задающагося цѣлю объединять вѣрующихъ, ревнующихъ о Богѣ и правдѣ Его, оказывая имъ нравственную, социальную и материальную поддержку, въ ихъ добрыхъ начинаніяхъ на пользу оздоровленія души народной и духовнаго возрожденія приходо-вѣ, другая свѣтская въ формѣ партіи, задающей чистоту-этическими цѣлями, въ родѣ *партіи мирнаго прогресса*, программа которой мною предложена, или въ родѣ *общества социальнаго мира*, основаннаго въ Парижѣ Фредерикомъ ле Плэ, отдѣленіе котораго легко можетъ быть основано въ Россіи.

Объ учрежденіи Всероссийскаго Братства я думалъ еще въ 1893 году, сознавая громадную опасность для нашего отечества широкой пропаганды принциповъ Западно-Европейской боевой культуры, изъ которой, на мѣсто Бога Живого столь многіе наши соотечественники сотворили себѣ кумира, изъ слѣпноты довѣрія къ которому переносятъ на русскую почву многое, что стало вредною закваскою на Западѣ и грозитъ бѣдствіями хронической социальной и политической борьбы, глубоко развращая умы и сердца народныхъ массъ.

По этому поводу были напечатаны мною объяснительная записка и воззвание къ соотечественникамъ и единовѣрцамъ, приглашавшее учредить Всероссійское Братство для сплоченія вѣрующихъ на дѣло созиданія добра на лонѣ приходоѣ, остающихся безъ того распыленными, совершенно дезорганизованными, совершенно неспособными защищаться отъ всякой вредной закваски.

Много разъ я собиралъ по этому поводу частныя совѣщанія въ Петербургѣ, приглашая на нихъ и представителей духовенства и представителей самыхъ разнообразныхъ слоеѣ общества. Такія же совѣщанія устраивалъ я и во многихъ другихъ городахъ. Наконецъ группа священниковъ, съ докторомъ богословія, профессоромъ Петербургской Духовной Академіи во главѣ, приняла мои предложенія и рѣшила немедленно приступить къ соотвѣтствующей дѣятельности. Это начинаніе разбилось тогда о противодѣйствіе Вѣдомства, признавашаго учрежденіе Всероссійскаго Братства дѣломъ „несвоевременнымъ“.

Въ прошломъ году, надѣясь на то, что, послѣ всего пережитаго нашимъ отечествомъ, многіе убѣдились, что дѣло это теперь не только своевременно, но и неотложно, я возобновилъ попытку осуществить это начинаніе. На этотъ разъ совѣщаніе по этому вопросу состоялось въ Кіевѣ, въ залѣ Религіозно-Просвѣтительнаго Общества и было настолько многолюдно, что громадная зала была почти полна. Насколько съ тѣхъ поръ назрѣлъ этотъ вопросъ, видно изъ того, что многіе выдающіеся представители профессуры, многіе выдающіеся общественные дѣятели, много представителей духовенства, учащейся молодежи и всѣ высшіе представители мѣстной администраціи съ Генераль-Губернаторомъ во главѣ, почтили это совѣщаніе своимъ присутствіемъ.

Докладъ мой былъ заранее напечатанъ брошюрою подъ названіемъ: „По тому узнають всѣ, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою“. Въ этомъ докладѣ я предлагалъ учрежденіе обѣихъ организацій: религіозной и свѣтской. Въ Кіевѣ отнеслись съ большимъ сочувствіемъ къ учрежденію первой. По поводу второй, насколько мнѣ кажется, считаютъ болѣе возможнымъ учрежденіе въ Россіи отдѣленіе общества Соціального Мира, нежели партіи Мирнаго Прогресса, по программѣ, наложенной мною въ брошюрѣ: „Партія Мирнаго Прогресса. Ея идеальныя основы и жизненная программа“.

Въ результатѣ совѣщанія, на которомъ, по прочтеніи моего доклада, высказались профессоръ П. В. Никольскій, профессоръ В. З.

Завитневичъ, священникъ Алабовскій и нѣкоторые другіе, образовалась коммиссія по вопросу объ осуществленіи моихъ предложеній въ составѣ выше поименованныхъ лицъ, архимандрита Димитрія, священниковъ о.о. Снянцевича, Капралова и Гроссу, проф. Экземплярскаго, Г. Н. Рехенбергъ и князя Вл. Д. Жевахова.

Такимъ образомъ Всероссійское Братство на пути осуществленія въ Кіевѣ, откуда, дасть Богъ, распространится его полезная дѣятельность и на всю Россію, вездѣ открывая отдѣленія свои *).

Остается осуществить вторую, свѣтскую организацію. Буду счастливъ, если найду людей доброй воли, которые пожелаютъ принять на себя трудъ основать центральное управленіе этой организаціи въ Москвѣ или Петербургѣ.

Насколько назрѣла потребность въ выясненіи жизненной правды вѣры и того, что и какъ, согласно этой святой правдѣ, можно сдѣлать для оздоровленія души народной, для оразумленія жизни и мирнаго созиданія добра, для сплоченія людей доброй воли и организаціи ихъ совмѣстной дѣятельности на этомъ пути,—жизнь даетъ намъ ежедневно все новыя и новыя доказательства.

Со всѣхъ концовъ, не только Россіи, но и Европы, я получаю письма, въ которыхъ рядомъ съ доходящею до отчаянія, неудовлетворенностью рутинною жизнью, говорятъ о нашемъ Братствѣ, какъ о путеводной звѣздѣ, самое существованіе которой на лонѣ Православной Россіи утѣшаетъ, примиряетъ съ жизнью, внушаетъ и къ Россіи и къ Русской Православной Церкви такія чувства любви, уваженія и довѣрія, которыя къ нимъ не питали, пока думали, что такое правленіе сознательной вѣры и честной жизни по вѣрѣ на лонѣ ихъ немыслимы.

Какъ многіе говорили намъ, что даже кратковременное пребываніе въ Братствѣ является для нихъ духовнымъ отдохновеніемъ, дасть имъ силы не поддаваться вліянію заѣдающей среды, на всю жизнь останется для нихъ памятно, какъ доказательство возможности осуществленія христіанской правды и мирнаго созиданія добра въ жизни.

Не разъ мнѣ говорили и писали, что мои сочиненія, именно благодаря тому, что все въ вѣроученіи и въ вопросахъ, относящихся до согласованія жизни съ вѣрою, я въ нихъ освѣщаю съ точки зрѣнія верховнаго закона христіанскаго откровенія, съ точки

*) Съ тѣхъ поръ въ Кіевѣ дѣло заглохло и теперь возродилось въ Петербургѣ.

зрѣнія разумнаго братолюбія при свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумнѣемъ, *помогли утѣрывать, оразумили для нихъ вѣру и жизнь по вѣрѣ, сняли съ глазъ души повязку, наложенную рутиннымъ пониманіемъ, изъ ораговъ вѣры и церкви сдѣлали утѣрпавшими и возлюбившими.*

Одна интеллигентная женщина, изъ литературнаго міра, писала мнѣ, что прочтя мои сочиненія, *впервые послѣ 16 лѣтъ пошла въ церковь, исповѣдалась и причащалась.* Другая, пріѣхавъ къ намъ самодовольно невѣрующе, съ рѣзкою насмѣшливостью говорившая о вѣрѣ и церкви, озлобленно порицавшая духовенство, проживъ въ Братствѣ въ качествѣ гостя всего нѣсколько недѣль, *пожелала юзѣть въ нашемъ храмѣ и просила дать ей крестъ отъ имени Братства, на котораго она смотритъ, какъ на воспріемника своего, получивъ духовное крещеніе на лонѣ ея.* Третья признавалась, что никогда прежде не понимала жизненнаго значенія вѣры и любви и именно потому не находила въ вѣрѣ удовлетворенія ума и сердца, а, *понявъ жизненное значеніе вѣры и любви на дѣлѣ Братства Трудового и изъ моихъ сочиненій, сознательно переходитъ на сторону вѣры и церкви.* Четвертая, еще недавно, прощаясь съ Братствомъ послѣ мѣсячнаго въ немъ пребыванія, съ глубокимъ волненіемъ говорила, что чувствуетъ себя духовно перерожденною, *пріѣхавъ невѣрующею, нервно больною и ожесточенною противъ людей, утѣрпавшею, исцѣленною и примиренною.*

Все это я могу говорить безъ всякаго самодовольства и самохвальства, зная по опыту, какъ сами по себѣ мы, люди, ничтожны и какъ мало имѣемъ участія въ силѣ и славѣ Божіей въ немощи нашей совершающейся. Вѣра и любовь — вотъ вся заслуга наша. Даже и *въ вѣрѣ, и въ любви мы бы не устояли безъ помощи благодати Божіей,* если бы на себя, а не на Бога надѣялись. Все остальное, все доброе и въ мысляхъ въ дѣлахъ нашихъ, ставшихъ достояніемъ Божіимъ, не наше, а Божіе и стыдливая скромность по отношенію къ силѣ Божіей, въ немощи нашей проявляющейся, была бы совсѣмъ не смиреніемъ, а недомысліемъ гордости.

Многія письма, получавшіяся мною за 25 лѣтъ моего служенія на созиданіе дѣла Братства, имѣли характеръ отчаяннаго вопля, изстрадавшейся души, буквально тонущей въ пучинѣ моря житейскаго, уstraшенной непроглядною духовною тьмою окружающей жизни, коченѣющей отъ невыносимаго духовнаго холода, умирающей отъ духовнаго голода и жажды. И все это одинокія разроз-

ненные овцы, нелѣпо блуждающія между волками хищными, не собираясь въ словесное стадо и не идя за добрымъ Пастыремъ.

Какъ часто эти одинокія живыя души обращались ко мнѣ съ просьбою оказать имъ поддержку письменнаго общенія съ ними, не отказать имъ въ руководствѣ и матеріальной поддержкѣ. То, что *непосильно ни мнѣ, ни Трудовому Братству* нашему, *можетъ и должно быть сдѣлано* организаціями, специально задающимися цѣлью, духовно поддерживать, объединить и организовать благотворную дѣятельность этихъ „одинокихъ“, этого меньшинства людей доброй воли, разрозненнаго и неорганизованнаго, среди сплоченнаго на зло и организованнаго большинства, безъ различія, героевъ зла, пособниковъ зла или, къ добру и злу равно постыдно равнодушныхъ людей, то мечтающихъ о добрѣ, то увлекающихся зломъ и всегда со зломъ, подъ разными предлогами, безсечно уживающихся.

То же происходитъ и на Западѣ. Очень поучительно, что жизнь породила тамъ *армію спасенія*, задающуюся цѣлью спасать самыхъ низко падшихъ людей, потерявшихъ образъ человѣческій въ дѣрихъ современной культуры. Всегда практичные англичане признали жизненную необходимость этого дѣла, заимствовали все доброе изъ арміи спасенія, отвергнувъ то, что въ ней имѣло характеръ кощунственной арлекинады и создали свою *армію церкви*, поставивъ во главѣ ея двухъ уважаемыхъ представителей англичанскаго духовенства Карлейля и Кемпбеля.

Въ Германіи эту же цѣль задается *дѣло Внутренней Миссии* и очень многія организаціи въ родѣ Евангелическаго Союза.

Очень поучительно признаніе сдѣланное мнѣ главою одного изъ этихъ союзовъ, распространяющихъ свою дѣятельность на всю Германію, графа Анрея Бернсторфъ. Онъ мнѣ сказалъ: „Грустно сознавать, что громадныя нравственныя усилія и матеріальныя затраты нашего союза приводятъ въ концѣ концовъ къ очень незначительнымъ результатамъ. Изъ моря нужды и скорби мы вылавливаемъ тонущихъ людей, едва даемъ имъ вздохнуть и, не ставя ихъ на твердую почву, вновь погружаемъ ихъ въ то же море, въ волнахъ котораго они скоро опять захлебываются“. *Это доказываетъ, что мы не должны и въ этомъ дѣлѣ становиться на путь слѣплаго подражанія, что либо перенимая съ Запада, а должны и это дѣло сдѣлать вполне самостоятельно и гораздо болѣе цѣльно, чѣмъ оно тамъ дѣлается. На Западѣ всѣ эти организаціи не стремятся осуществить христіанскую социальную правду соборности и братства въ жизни, всѣ эти организаціи имѣютъ только характеръ широко и умно ор-*

ганизованной благотворительности, остающейся все же благотворительностью бессистемною, систематично не организуя жизнь на началах *вѣры, мира, любви и добра*. Оттого остаются въ большой степени безплодными всѣ ихъ усилія оздоровить душу народную путемъ устной проповѣди христіанства и христіанской морали, совершенно неприменимыхъ къ тому анти-христіанскому строю жизни, съ которымъ продолжаютъ мириться, какъ съ чѣмъ то неизбежнымъ.

Отдѣльные умы и тамъ начинаютъ это сознавать, но въ жизни никто тамъ цѣльно съ пути видѣнія на путь вѣры не переходитъ, именно всякими видѣніями преходящихъ призраковъ земного бытія и извиняя и даже оправдывая свою нерѣшительность.

Въ Женевѣ, разговаривая съ профессоромъ Эрнестомъ Навиль и его другомъ Эрнестомъ Фаврѣ, тратившимъ большую часть своихъ громаднѣхъ доходовъ на христіанизированіе и морализированіе Женевы, достигая при этомъ тоже очень малыхъ результатовъ, я услышалъ отъ нихъ слѣдующее, высоко поучительное мнѣніе о главной причинѣ современнаго неспрія, того, что Церкви посѣщаются только стариками, женщинами и дѣтьми. „Люди творящіе жизнь, не могутъ не сознавать, что между этою жизнью и вѣрою очень мало общаго. Имъ стыдно идти въ церковь, чтобы тамъ короткое время пожить высокими мыслями и чувствами, совершенно не примѣнимыми къ той жизни, въ которую они погружены, выйдя изъ церкви. Передъ ними альтернатива: не вѣрить или совершенно передѣлать строй жизни по требованіямъ вѣры и христіанской совѣсти. Они предпочитаютъ совсѣмъ не думать о вѣрѣ и не ходить въ церковь, чтобы безплодно не тревожить совѣсть“. Очень характерно, что сознавая это, тотъ же Эрнестъ Фавръ не дѣлалъ изъ этого вывода, о необходимости цѣльно согласовать жизнь съ вѣрою и самъ оставался на почвѣ „благотворительности“, совершенно въ духѣ „благочестивыхъ упражненій“ и „благоугоднаго самоистязанія“.

Не менѣе интересно и поучительно признаніе, которое мнѣ довелось услышать на конгрессѣ Христіанскихъ рабочихъ въ Реймсѣ, во Франціи. Бывшій атеистъ и анархистъ Робертъ, въ духѣ всенародной исповѣди, публично на конгрессѣ рассказалъ, какъ онъ сталъ *вѣрующимъ и мирнымъ труженникомъ*, понявъ правду вѣры и высшую жизненную правду жизни по вѣрѣ, даже на слабыхъ попыткахъ французскихъ христіанскихъ социалистовъ перейти отъ того, что есть, къ тому, что быть должно, въ то время, какъ раньше онъ былъ убѣжденъ, что никакой жизненной правды вѣра въ себя не заключаетъ и никакой опредѣленной программы упоря-

доченія жизни не имѣетъ, что и сдѣлало его атеистомъ и анархистомъ.

Если даже такіа слабыя попытки осуществленія христіанской правды, съ громадною примѣсью политики и всякихъ компромиссовъ съ духомъ времени и современною боевою культурою, какими являются организаціи христіанскихъ социалистовъ во Франціи и монашескаго ордена „друзей труда“ въ Бельгіи, приводятъ къ такимъ утѣшительнымъ результатамъ, *какою могучею проповѣдью дѣломъ*, возвращающею къ вѣрѣ и раскрывающею ея жизненную правду во всей ея разумной практичности и дивной духовной красотѣ *будетъ православный приходъ, сплоченный цементомъ любви, разумно организованный на началахъ вѣры дѣйствующей любовью, ставшій цѣльно достояніемъ Божиимъ*.

Православная Россія должна дать всѣмъ другимъ народамъ примѣръ *цѣльнаго перехода съ пути видѣнія на путь вѣры, съ пути обще-Европейскаго боевого прогресса на путь мирнаго христіанскаго прогресса*, цѣльно осуществляя христіанскую правду жизни по вѣрѣ дѣйствующей любовью, разумнаго братолюбія при свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумніемъ. *Въ этомъ ея самобытное „слово“, въ этомъ ея самобытное „дѣло“*. Горе ей, если она этого не сдѣлаетъ, не станетъ *свѣтомъ міра и солью земли!* Горе и намъ, если мы съ вѣрою, любовью и страхомъ Божиимъ не отдадимъ себя въ руку Божию на это дѣло, которое одно можетъ не только спасти Россію, но и сдѣлать ее свѣтомъ міра и солью земли!

Лишь бы мы не въ себя, а въ Бога вѣрили и твердо помнили, что живъ Господь Богъ, творя чуда!

Во всѣхъ этихъ бесѣдахъ я исповѣдывалъ Бога Живого и правду Его. Не удивительно, что часто я повторялся, исповѣдуя по всѣмъ вопросамъ вѣроученія и жизни по вѣрѣ все Того же Бога Единого, все ту же единую правду Его. Не смѣю просить лицъ, удостоившихъ мои бесѣды посѣщеніемъ ихъ до конца, простить мнѣ эти повторенія, увѣренный, что они, вмѣстѣ со мною, понимаютъ законность этихъ повтореній, ихъ неизбежность.

Особенно полезно повторять то, что наиболее забыто нашими современниками, что необходимо имъ вспомнить и твердо помнить, *чтобы сойти съ пути видѣнія на путь вѣры и стать достояніемъ Божиимъ*, а не Бога покушаться дѣлать достояніемъ своимъ.

Вотъ почему всю серію своихъ бесѣдъ закончу повтореніемъ святыхъ, безконечно дорогихъ для ума и сердца моего истинъ: „Богъ есть Любовь“—альфа и омега бытія. Любовь—цементъ, связующій Творца и всѣхъ вѣрныхъ Ему любовію въ твореніи Его въ одно блаженное единство Царства Его, причастія жизни Его, силы, всемогущества и славы Его. Верховный міровой законъ правды Божіей, какъ и верховный законъ христіанскаго Откровенія, заключающій въ себѣ животворящій духъ правды Божіей, всего вѣроученія, всей христіанской этики и жизни по вѣрѣ, и есть любовь къ ближнимъ при свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумніемъ, всѣмъ сердцемъ и всею крѣпостію, до готовности пострадать, до смерти крестной. Зло—свобода отъ Бога. Жизнь земная—скорбный опытъ жизни блуднаго сына внѣ дома Отца Небеснаго. Дѣло Божіе на землѣ—примиреніе наше съ Богомъ. Путь, истина и жизнь—въ отверженіи себя, принятіи креста и слѣдованіи за Христомъ. Перейти съ пути видѣнія на путь вѣры—значитъ стать умомъ, сердцемъ и жизнью достояніемъ Божиимъ, твердо рѣшиться стать на пути разумнаго братолюбія при свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумніемъ и помнить, что живъ Господь Богъ, творя чуда!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
1. Отъ. Трудового Братства	1
2. Отъ. составителя отчетовъ	1
3. Вмѣсто предисловія. Письмо изъ Берлина	3
I. Отчетъ Блюстителя по 14 Сентября 1897 года	2
4. Братство—крестъ, несомый во слѣдъ Христу	2
5. Все можетъ Господь въ немощи нашей	24
6. Не лжемъ ли мы, нося святое имя „брата“	25
7. Отношенія наши къ Богу	26
8. Отношенія наши къ молитвѣ	27
9. Отношенія наши къ дѣлу Трудового Братства	28
10. Причины удаленія изъ Братства четырехъ лицъ	31
11. Причины измѣны Братству девяти лицъ	39
12. Общія причины—недостатокъ устойчивой любви	50
13. Отношеніе измѣняющихъ къ измѣнѣ	51
14. Отношенія къ братскимъ властямъ	53
15. Значеніе добровольной дисциплины	54
16. Взаимныя отношенія между членами Братства	57
17. Отношеніе къ самому себѣ	61
18. Молитва и благочестіе	63
19. Сознаніе вліянія на насъ міра незряимаго	64
20. Отношеніе къ братскимъ семьямъ	65
21. Отношеніе къ личной семьѣ	68
22. Отношеніе къ труду	69
23. Отношенія къ окружающему обществу	73
24. Призывъ къ дружному созиданію Братства Трудового	75
25. Отрадныя явленія жизни Братства	86
26. Радостныя событія въ жизни Братства	90
27. Признаки духовнаго роста	92
28. Обращеніе къ добрымъ подвижникамъ Братства	97
29. Заключительная молитва	99
II. Отчетъ Блюстителя отъ 14 Сентября 1897 года по 14 Сентября 1899 года	101
30. Значеніе отчетовъ для самопроверки	103
31. Причины болѣе покаяннаго характера настоящаго отчета	104
32. Говорить суровую правду долгъ вѣрности Богу	106
33. Какъ отнеслись къ первому отчету?	107

	Стр.
34. Попытка пробудить братское самосознание	108
35. Вопросъ объ организаціи экономической жизни Братства	111
36. Постановленія Думы объ общемъ характерѣ дѣла Братства	115
37. Призывы Намѣстницы Блюстителя	116
38. Злая закваска самодовольства во злѣ	117
39. Совѣсть пробуждается въ нѣкоторыхъ, но большинство еще самодовольно	118
40. Вопросъ о малыхъ братскихъ единицахъ	121
41. На братскую семью возлагается отвѣтственность за всѣхъ ея сочленовъ	123
42. Первое самостоятельное собраніе	127
43. Формула экономической жизни	128
44. Предостереженіе отъ ошибокъ современной „интеллигенціи“	129
45. Отношеніе къ грубо выраженной правдѣ	130
46. Обнаруживается злая воля	133
47. Отношеніе къ докладу хозяйственной комиссіи	134
48. Жизненная необходимость сломить гордость	136
49. Жизненное значеніе преданности дѣлу	137
50. Покаянный собраніи на Страстной недѣлѣ	138
51. Жизненная необходимость трехъ основныхъ братскихъ подвиговъ: вѣры, любви и труда	139
52. Членъ Братства оторванный отъ него семейнымъ эгоизмомъ	140
53. Вопросъ о дѣтяхъ и отношеніи къ нимъ	142
54. Главное зло на лонѣ Братства—самодовольная гордость	145
55. Жизненное значеніе смиренного покаянія	—
56. Духовное преображеніе рабочей семьи	148
57. Лица удостоившіеся чествованія	150
58. Прискорбное отношеніе къ Братству со стороны окружающаго общества	151
59. Проявленія интереса и любви къ Братству	152
60. Заключительный призывъ къ покоянію	156
III. Отчетъ Блюстителя отъ 14 Сентября 1899 по 11 Сентября 1901 года	159
61. Скорбный опытъ пережитой за эти два гола	161
62. Исторія отношеній къ Братству его основателя	162
63. Значеніе предыдущаго отчета	166
64. Отношеніе къ нему послѣ его прочтенія	167
65. Руководящія правила Братства	169
66. Участіе въ юбилеѣ Благочиннаго	171
67. Блюститель Братства избранъ Почетнымъ Призидентомъ Конгресса „Единого Человѣчества“ въ Парижѣ	172
68. Литературная компанія противъ Братства	173
69. Доклады А. А. Лютецкаго о Братствѣ и его школахъ на совѣщаніи педагоговъ Московскаго Округа	176
70. Вліяніе „интеллигенціи“ и „литературы“ на людей злой воли на лонѣ Братства	179
71. Преступность маловѣрія и не вѣрія на лонѣ Братства	180
72. Обязанности учителей братскихъ школъ	184

	Стр.
73. Отношеніе „недовольныхъ“ къ проявленіямъ доброй воли	185
74. Призывы къ лучшимъ отношеніямъ	186
75. „Недовольные“ не желаютъ искреннихъ отношеній въ то же время, требуя къ себѣ довѣрія	187
76. Лучшіе элементы не противятся злу	188
77. Картинка литературныхъ нравовъ	189
78. Зло растетъ	191
79. „Недовольные“ не желаютъ договариваться	193
80. Аудіенціи у Ея Величества и Пр. Е. М. Ольденбургской	196
81. Какъ и по какимъ причинамъ измѣняютъ Братству	197
82. Отношеніе къ измѣнѣ	198
83. Мнѣніе о происходящемъ Прив. Док. А. А. Лютецкаго	199
84. Урокъ для „мечтающихъ“ о свободѣ и братствѣ	200
85. „Недовольнымъ“ предложено письменно изложить желанія	203
86. Опытъ абсолютной свободы духа, а слѣдовательно и нравственной отвѣтственности	204
87. Свиданіе съ о. Іоанномъ Кроиштадтскимъ	206
88. Чтеніе записокъ „недовольныхъ“	209
89. Краткое изложеніе ихъ содержанія	210
90. Заявленія сердцемъ вѣрныхъ Братству	221
91. Пережитое во время этого собранія	222
92. Таинственные явленія жизни духа	223
93. Собраніе „недовольныхъ“	226
94. Ихъ пониманіе безпристрастія	227
95. Ихъ постановленія	230
96. Братство не отвѣтственно за это собраніе	234
97. Послѣдствія этого собранія	237
98. Пережитое вѣрными Богу и Братству	239
99. Опытъ хожденія „вѣрою“, а не „видѣніемъ“	244
100. Нравственная необходимость пережить скорбный опытъ, какъ урокъ смиренія	249
101. Благодатныя утѣшенія	252
102. Собраніе, положившее начало духовному преображенію Братства	254
103. Вліяніе любви на нелюбящихъ	254
104. Постановленіе Думы по поводу заявленій недовольныхъ	257
105. Богъ Живой и большинство грѣшнаго человѣчества	258
106. Логика гордости и себялюбія	260
107. Нежности человѣческія и сила Божія	262
108. Жизненное значеніе покаянія и послѣдствія недостаточности его	264
109. Колебанія нераскаянныхъ гордецовъ и себялюбцевъ	266
110. Непокосимая вѣрность смиренныхъ и любящихъ	—
111. Покладистая уживчивость со зломъ и ея послѣдствія	268
112. Отношеніе къ нераскаяннымъ измѣнникамъ дѣлу любви и братства	271
113. Правила установленныя для уходящихъ	274
114. Значеніе опыта въ насъ пережитого для „средняго человѣка“	275
115. „Святые“ на знаменахъ и въ жизни	—
116. Собраніе подводившее итоги	276

	Стр.
117. Приѣздъ въ Братство Пр. Макарія Епископа Калужскаго и Боровскаго	277
118. Его стихотвореніе посвященное Братству	278
119. Ложное пониманіе „всепрощенія“, какъ непротивленія злу и уживчивости со зломъ	280
120. Представленіе пьесы Р. Гауптмана „Ганеле“	281
121. Отзывы о Братствѣ доброжелательныхъ посѣтителей	282
122. Братство и рутина жизни	—
123. Причины „безъидейности“ измѣняющихъ братству	283
124. Какъ умираютъ и относятся къ смерти на лонѣ Братства	284
125. Грѣхъ гордости и святыня любви	285
126. Вѣчная трагедія міра	286
127. Логика „совопросниковъ вѣка сего“	288
128. Чествованіе 75-лѣтія старшаго члена Братства	289
129. Признаки еще малой степени братскаго самосознанія	290
130. Пребываніе въ Братствѣ чиновника особыхъ порученій Оберъ-Прокурора Св. Синода	291
131. Признаки пробужденія братскаго самосознанія	—
132. Рутинное отношеніе къ добру и злу	292
133. Блюститель Братства возвращается изъ Парижа, гдѣ былъ Почетнымъ Президентомъ на двухъ конгрессахъ	301
134. Докладъ Генерала Гейнса о всемірной выставкѣ	—
135. Новое проявленіе рутиннаго отношенія къ добру и злу	302
136. Блюститель сообщаетъ впечатлѣнія полученные на конгрессахъ	303
137. Столкновеніе члена Братства съ Земскимъ начальникомъ и отношеніе Братства къ этому случаю	304
138. Посѣщеніе Братства Проф. Сиб. Духовной Академіи Докторомъ Богословія, Протоіереемъ Соллертинскимъ	308
139. Отношеніе „интеллигента“ къ Братству	309
140. Человѣчество „несчастно“ или „грѣховно и грѣхолюбиво“	313
141. Увѣщаніе измѣняющаго брата	315
142. Достопамятный день 5 Ноября 1900 года	—
143. Причины чествованія четырехъ членовъ Братства	316
144. Силѣ Вожіей, Его любви и мудрости слава во вѣки!	320
145. Молитвы по пятницамъ „о всѣхъ заповѣдовавшихъ намъ грѣшнымъ молиться о нихъ“	321
146. Начало молитвеннаго кружка	322
147. Отношеніе къ тому большинства	323
148. Значеніе бѣлыхъ одеждъ по праздникамъ	324
149. Пр. Макарій Епископъ Калужскій и Боровскій избранъ первымъ Почетнымъ Членомъ Братства	326
150. Приѣмъ новаго священника	327
151. Музыкальное собраніе въ память Верди	328
152. Начало субботнихъ братскихъ собраній	329
153. Высочайшая благодарность	—
154. Интриги враговъ Братства	—
155. Оцѣнка дѣятельности Ямпольскаго Дѣтскаго Общежитія	333
156. Музыкальныя собранія въ память Глинки	334

	Стр.
157. Предложеніе учредить институтъ старшихъ въ Братствѣ	334
158. Заботы старшинъ о духовномъ благѣ братскихъ семей	336
159. Письмо къ жителямъ м. Ямполь.	337
160. Адресъ Первоприсутствующему въ Св. Синодѣ по поводу указа о Гр. Л. Н. Толстомъ	337
161. Вѣсѣда о радости вѣры и жизни по вѣрѣ	339
162. Побѣдка Блюстителя въ Волгарію и Сербію	340
163. Отношеніе къ иновѣрцамъ въ школахъ Братства и ихъ отношеніе къ школѣ	341
164. Отношенія между мужчинами и женщинами	343
165. Заботы старшинъ о благѣ братскихъ семей	—
166. Новое проявленіе рутиннаго отношенія къ добру и злу	344
167. Недостатокъ сознательной дисциплинированности.	346
168. Болѣзнь и чудесное исцѣленіе Блюстителя	347
169. Трудовое Братство, какъ проявленіе разумнаго милосердія и высшая форма благотворительности	351
170. Ложное пониманіе братскаго равенства	353
171. Братство и анти-братская боевая культура	359
172. Благотворное жизненное значеніе разумной организаціи добра въ Братствѣ и его школахъ	361
173. Святыня опалаетъ не благоговѣнно къ ней прикасающихся	364
174. Семейное празднованіе юбилея Блюстителя	—
175. Краткій обзоръ пережитого и общіе выводы	366
176. Заключительная молитва	383
IV Путь вѣры. Семь лекцій, читанныхъ въ аудиторіи Московской Духовной Академіи 25—31 Января 1907 г.	385
177. Передовица къ сербскому переводу сочиненій Н. Н. Неплюева	387
178. Не новая вѣра, а новое отношеніе къ вѣрѣ	389
179. Мое пониманіе христіанскаго міровоззрѣнія	395
180. Мое пониманіе христіанской этики	418
181. Мое пониманіе уклада жизни по вѣрѣ, дѣйствующей любовью	435
182. Опытъ жизни нашего Трудового Братства	454
183. Что можетъ сдѣлать для блага Россіи и Русской Православной Церкви предстоящій Соборъ	486
184. Нравственныя обязанности духовенства и мірянъ въ дѣлѣ духовнаго возрожденія Россіи	497
185. Всероссийское Братство и союзъ людей доброй воли въ формѣ Партіи Мирнаго Прогресса	516